Джеймс

ШМИЦ

Агент Веги

Агент Веги и Другие истории

Джеймс Шмиц

Аннотация
Джеймс Шмиц. Агент Веги
Агент Веги и Другие истории
АГЕНТ ВЕГИ. (The Confederacy Of Vega — 1)
МАСТЕРА ИЛЛЮЗИЙ. (The Confederacy Of Vega — 2)
ВТОРАЯ НОЧЬ ЛЕТА. (The Confederacy Of Vega — 3)
ПРАВДА О КУШГАРЕ. (The Confederacy Of Vega — 4)
ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ
НА КРЮЧКЕ
МАЯК В НЕВЕДОМОЕ
КОНЕЦ ПУТИ
ПРИГЛЯДЫВАЙ ЗА НЕБЕСАМИ
ЗЕЛЕНОЛИЦЫЙ
ПСИ-ПРЕСТУПНИК
ЕЩЕ КОЕ-ЧТО ОТ ГАЯ ГОРДОНА. (перевод Б. Зеленского, О. Казаянц)
НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ СЮЖЕТА
ПЕРЕВЕРНУТЫЙ ШТАМП
«ПРЕДСКАЗАННОЕ» БУДУЩЕЕ

ЭКЗОТИКА МЕСТА ДЕЙСТВИЯ
МАСТЕРСТВО
ПЕРСОНАЖИ
МОНСТРЫ
ТЕМЫ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ
Исследовательский центр «Альфа»
Ведьмы Карреса
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Мы не хотим проблем

Аннотация

Цикл «Агент Веги» и кое-что еще.

Джеймс Шмиц
Агент Веги

Агент Веги и Другие истории

АГЕНТ ВЕГИ
(The Confederacy Of Vega — 1)

— Иногда, — терпеливо объяснял Третий Координатор Конфедерации Веги, — с местным Агентом в Зоне 17–82 нет никакой возможности связаться. Правда, раньше следующей недели он и не должен связываться со Штабом. Но поскольку дело неотложное, а ты удачно оказался поблизости, я и подумал…

— Когда бы вы обо мне ни вспомнили, исполню любые ваши поручения с неизменным удовольствием, — отозвался субъект на экране телепатического передатчика. Маленький, жилистый, с холодными желтыми глазами, на абсолютно черном фоне он был похож на мелкого преступника или шкипера старого космического грузовика.

— Правда, насколько мне не изменяет память, — язвительно добавил он, — о выполнении двух последних пришлось рапортовать из реанимационного отсека моего корабля. Кстати, я был бы уже в своей Зоне, если бы вы не позвали меня сюда для проверки достоверности каких-то

нелепых слухов. Надеюсь, это не связано сУ-1?

Весь его вид выражал надежду на положительный ответ.

— Нет, что ты! Ничего подобного! — заверил Координатор. В его личном блоке памяти маленький субъект значился как «Илифф, Агент Зоны 36–06; возможности использования — не ограничены; раздражителен…»

Там было еще много чего интересного, включая следующее примечание:

«У-1: Шок, полученный Агентом в ходе данной операции, за последние двенадцать лет развился в устойчивый психоз, обостряющийся прямо пропорционально серьезности ситуации. Однако в настоящий момент Агенту вполне можно поручить завершение данной операции, как только представится таковая возможность…»

Координатор не видел в этом противоречии ничего парадоксального. Глава Департамента Галактических Зон и непосредственный начальник Илиффа, он отлично знал особенности своих подчиненных и то, как использовать их наилучшим образом, конечно, в пределах срока их службы.

— Лично я считаю, — оптимистично предположил он, — чтоУ-1 давно мертв, хотя, признаюсь, служба Корреляции со мной не согласна.

— Корреляция частенько оказывается права, — недоверчиво заметил Илифф. — Во время нашего последнего свидания У-1 был жив и здоров. Даже более чем.

— Ну, — пробормотал Координатор, — с тех пор прошло двенадцать стандартных лет… А будь он жив по сей день, то уж попортил бы нам крови! Просто, для того чтобы напомнить о своем твердом убеждении в том, что ему с Конфедерацией на двоих одной Галактики мало. К тому же, У-1 не любит подолгу отлеживаться на дне. — Он помолчал. — Или ты полагаешь, что в прошлый раз пробил брешь в броне его самомнения?

— Не похоже, — откликнулся Илифф — голос из передатчика и мысль, донесшая его, были одинаково бесстрастны, — ведь я тогда здорово влип. А по меркам У-1 наше противостояние даже стычкой не назовешь.

Координатор пожал плечами.

— Хм, возможно, возможно. Однако здесь не будет ничего похожего. Задание очень простое.

Илифф поморщился.

— Уверяю! Если что и потребуется от тебя, так это дипломатический такт — одно из твоих главных достоинств, Илифф.

Утверждение не вполне соответствовало дей-

ствительности, но Агент пропустил его мимо ушей, а Координатор невозмутимо продолжил:

— Я уже выслал необходимую информацию. Получишь ее в течение часа, но у тебя могут возникнуть вопросы, поэтому вкратце излагаю суть дела. Две недели назад Бюро Межзвездных Расследований командировало оперативную сотрудницу на планету Гулл в Зоне 17–28. Это монопланетная система неподалеку от Ликанно — чуть в стороне от твоего маршрута. Бывал когда-нибудь в тех краях?

Илифф несколько раз мигнул, напрягая послушную память:

— Да, однажды мы проходили через Ликанно. Около двух десятков обитаемых миров. Гуманоидная цивилизация класса «A». Политическое устройство класса «D». И сколько оттуда до Гулла?

— При крейсерской скорости чуть меньше восемнадцати часов. Но это от Ликанно, сейчас ты уже ближе. Так вот, сотруднице нужно было установить личность некоего Тахмея, бывшего пирата, после чего ликвидировать. Обычное дело. Но сутки назад она прислала сообщение о том, что идентификацию провести невозможно, и потребовала прислать Агента Зоны.

Он выжидающе посмотрел на Илиффа. Оба отлично понимали, что в обязанности Агента ликвидация бывшего пирата не входит, более того, сотрудница Бюро не могла об этом не знать. Подобное поведение должно было насторожить Бюро и срочно отозвать ее для тщательного ментального обследования, после которого рассчитывать на продолжение работы она могла только после длительного отпуска.

— Так его и посылайте, — продолжал упрямиться Илифф.

— Дело в том, — объяснил Координатор, — что эта сотрудница — из ланнайских стажеров.

— Все понятно, — протянул Агент.

* * *

Он и впрямь все понял. Ланнаи были высокоразвитыми гуманоидами, их первыми (среди цивилизаций подобного уровня) пригласили вступить в Конфедерацию Веги, до тех пор открытую лишь для homsapiens и многочисленных мутантных рас земного происхождения.

Несмотря на упорное сопротивление оппозиции, победил Департамент Галактических Зон, поставивший перед собой задачу постепенно вовлечь в Конфедерацию все гуманоидные и

негуманоидные цивилизации, чей уровень соответствовал установленным стандартам.

Как правило, действия Департамента были достаточно прагматичны. Его главной функцией было оберегать от неприятностей восемнадцать тысяч зарегистрированных по Зонам обитаемых миров, одновременно наставляя их ненавязчиво — когда в том возникала насущная необходимость — на путь добродетели и порядка.

Это был долгий и трудный, иногда опасный, и всегда тщательно скрываемый от посторонних глаз процесс, поскольку он нарушал, по духу и букве, все когда-либо подписанные в Галактике договоры о невмешательстве.

А что было хуже всего, для этой работы в Департаменте катастрофически не хватало людей. Поэтому, чем больше планетных систем, рас и цивилизаций вступало в Конфедерацию, тем менее пристальным становился за ними надзор.

Положение о членстве в Конфедерации трактовалось весьма широко, но при этом не допускало ни малейших отклонений от принципов, которые исповедовала Вега. И если — когда-нибудь, в далеком будущем — Галактические Зоны смогут воспользоваться удивительными возможностями негуманоидных рас, то тем самым это

подтвердит правильность выбранного Департаментом курса.

* * *

А вот оппозиция привычно опиралась на расовую нетерпимость, застарелую и фанатичную. Традиционалисты, действовавшие в основном через государственный Департамент Культуры, не желали иметь дело ни с одной расой, чьи корни сквозь пелену тысячелетий не прослеживались до Земли. Тем более что негуманоиды сыграли значительную роль в кровопролитной междоусобице, которая ослабила и в итоге разрушила первую человеческую Галактическую Империю.

И все же во всем были виноваты как всегда сами люди. Но даже тот бесспорный факт, что самые беспощадные и могущественные недруги человечества ныне гордятся своими земными родословными, не мог смягчить ожесточенность древней распри, из-за которой двери Конфедерации были наглухо закрыты для всех цивилизаций неземного происхождения. Благодаря поддержке консервативного большинства, Департамент Культуры, естественно, пользовался значительным влиянием в Верховном Совете

Конфедерации.

Тем не менее, Департамент Галактических Зон, о существовании которого знала лишь горсточка людей (точные статистические данные: один на пятьдесят тысяч) и чья позиция не могла стать достоянием гласности, воспользовался своими тайными рычагами.

Таким образом, Ланнаи были приняты в Конфедерацию, хоть и с испытательным сроком.

— Как ты мог догадаться, — хмуро продолжил Координатор, — Ланнаи вовсе не горели желанием пополнить наши ряды. Их правительству тоже пришлось преодолеть серьезное сопротивление, и это при том, что они куда рассудительнее нас. Высокоразвитые, врожденные телепаты, что всегда упрощает контакты.

— А как эта ланнайка оказалась в составе Бюро? — спросил Илифф.

— Мы распихали небольшие группы Ланнаи практически по всем департаментам — но, разумеется, кроме Галактических Зон! Цель — доказать, прежде всего, себе, но и им тоже, что Ланнаи и люди способны работать в одной упряжке, разделять ответственность и так далее. В общем, подтвердить, что мы — подлинные союзники.

— Это удалось?

— Пока трудно сказать. Ланнаи достаточно сообразительны, а уж для нашего хозяйства отобрали самых-самых — они просто-таки рвутся поработать на общее благо. Эта стажерка была одной из лучших. Она, кажется, в родстве с пятым по старшинству ланнайским правителем. Так что если у нее случится срыв — неприятностей не оберешься. Это настолько заденет их гордость, что они могут выйти из союза. Разумеется, традиционалисты только и ждут чего-нибудь в этом роде, а уж мой коллега из Департамента Культуры заработает на этом просто бешеные очки! — яростно закончил Координатор.

— Да, сэр, ситуация не простая, — согласился Илифф, — и действительно требует тонкого дипломатического подхода. Но ведь вы обладаете им в полной мере.

— Обладать-то обладаю, — признал Координатор, — но уж больно часто приходится его использовать. Поэтому я был бы весьма признателен, если ты найдешь возможность уладить это дело. И заодно — раз уж ты волей-неволей окажешься в районе Ликанно — ознакомься, какова там обстановка. Донесения оттуда становятся все тревожнее и тревожнее, за десять

лет политическое устройство деградировало до класса «I». На Гулле тебя будет ждать подробный доклад местного Агента. Возможно, удастся не только ознакомиться с ситуацией, но и исправить положение.

— Хорошо, — холодно согласился Илифф, — в ближайшие сто часов я в собственной Зоне не нужен. Так что время есть.

— В Лаборатории приготовили новый разумоблокиратор, ты сможешь его протестировать, — оживленно продолжил Координатор. — Он будет ждать тебя на Гулле.

Возникла томительная пауза.

— Вы, конечно, помните, что случилось, — кротко обратился Агент к начальнику, как обращаются к капризному ребенку, — когда я в последний раз устроил одной из подобных штуковин полевые испытания на интеллекте высокой мощности?

— Помню, конечно! Но если этот заработает как надо, — азартно подхватил Координатор, — мы получим то, что нам так нужно! Но пока я не удостоверюсь, что блокиратор работает даже при максимальных нагрузках, не смогу рекомендовать его в массовое производство. Я уже отобрал сотню, таких как ты, добровольцев.

Раздался вздох.

— Теоретически он должен блокировать разум любого потенциала и удерживать его в пределах собственной разумозащиты, при этом позволяя детально его исследовать. Блокиратор проверяли на стресс по полной программе, — закончил он ободряюще, — в лабораторных условиях…

— Все блокираторы проверяли, — напомнил Илифф без особого энтузиазма. — Ладно, я посмотрю, что можно сделать.

— Отлично, — просиял Координатор: — Разумеется, мы вовсе не хотим, чтоб ты подвергал себя неоправданному риску…

* * *

После того, как визуальный блок телепатического передатчика потускнел до обычной полупрозрачной флюоресцирующей зелени, Илифф еще с полминуты оставался неподвижным.

Там, на Джелтаде, столичной планете Конфедерации, за четырнадцать тысяч световых лет отсюда, Координатор уже занимался каким-то другим, может быть, ничтожным на первый взгляд, но на самом деле весьма серьезным кризисом на периферии Департамента. Возможно, он даже не вспомнит об Илиффе и Зоне 17–82 до

тех пор, пока Илифф не доложит о выполнении миссии или по какой-то причине не откликнется в срок, установленный автоматическими контролерами Департамента.

Однако могучий мозг, скрытый за бессмысленной вроде болтовней Координатора, непременно вернется вновь к этой проблеме, потратив на нее несколько драгоценных секунд, минут или, если потребуется, часов. Всего три-четыре человека в Галактике вызывали у Илиффа нечто похожее на подлинное уважение, и его начальник по праву принадлежал к их числу.

— Сколько еще до Гулла? — спросил он, не поворачивая головы.

Голос возник где-то в воздухе, немного выше и чуть позади пилотского кресла.

— Не больше восьми часов на крейсерской скорости.

— Как только перекачаю сведения из почтового голубя с Джелтада, дай-ка приличное ускорение, чтобы мы добрались туда часика за четыре, — приказал Илифф. — Думаю, к этому времени я буду готов.

— Голубь прибыл, — ответил голос. Он звучал негромко, но казался странно объемным, поскольку был модулирован обертонами огромного

бронзового гонга. А также он забавно имитировал манеру речи самого Илиффа.

Агент повернулся к экрану, на котором появилась висящая в космическом пространстве металлическая торпеда, медленно вращающаяся вокруг своей оси. Она находилась примерно в пяти километрах от корабля, что было минимальным расстоянием, на которое можно было подпустить без опаски почтового голубя, возвращающегося в родное гнездо. Голубь неотступно следовал за кораблем, управляемый единственно непреодолимым желанием вернуться на свой «насест», ностальгический образ коего был запечатлен в молекулах его памяти. Насест находился на корабле Илиффа, но голубю не суждено было туда попасть. Неизвестно, какие соображения им двигали на пути к цели и обратно, но все предшествующие эксперименты в открытом космосе при первом же контакте голубя с любым твердым телом заканчивались крайне разрушительными взрывами.

Потому особый барьер удерживал псевдоптицу на безопасном расстоянии от корабля, где в это время шло копирование ее содержимого. Затем нечто похожее на смертоносное жало пронеслось в направлении голубя, коснулось его, и он бес-

следно растаял в вакууме.

Некоторое время Илифф был погружен в чтение нескольких досье, предоставленных ему Бюро и Департаментом. Корабль приблизился к границе Зоны 17–82, пересек ее, и объемный голос пробормотал:

— До Гулла три часа хода.

— Хорошо, — безразлично откликнулся Илифф, — давай-ка перекусим.

Прошел еще почти целый час, прежде чем он заговорил снова:

— Пошли девчушке направленный телепатический луч, думаю, Гулл уже должен быть недалеко. Если, конечно, сможешь разобраться с этим…

Он приподнялся, зевнул, потянулся, отклонился назад, затем снова выпрямился.

— Знаешь, — заметил он, — ни капли не удивлюсь, если девчушка окажется вовсе не такой уж странной. Я хочу сказать, — уточнил он, — возможно, ей действительно необходима помощь Агента Зоны.

— Очередная непредсказуемая миссия? — поинтересовался голос.

— А разве нам поручают другие? О, что это было?

На мгновение наступила тишина, затем посту-

пил ответ:

— Она получила ваше сообщение и ждет вас лично.

— Шустрая! — одобрительно отозвался Илифф. — Теперь слушай. На Гулле мы предстанем в облике старого Кассельмата, торгующего дорогой, экзотической парфюмерией. Так что можешь немного побрызгаться этим добром, только смотри, не пролей на этот раз.

* * *

Подозреваемого звали Дил. Последние десять лет он числился благонадежным и уважаемым гражданином Гулла, занимающимся коммерческой деятельностью. Предположительно, родился на Четвертой планете соседней системы Ликанно. Однако по данным микроструктурного анализа, проделанного сотрудницей Бюро Межзвездных Расследований, он являлся пиратом Тахмеем, который, по всей вероятности, служил когда-то снайпером у печально известных Гантских пиратов. Он давно числился среди подопечных Бюро. А догматы криминологии утверждали, что микроструктурная идентификация не ошибается; что контрольные образцы, хранящиеся в банке Дубликатов, невозможно скопировать, подде-

лать или серьезно изменить, в противном случае контрольный организм погибает.

С другой стороны, сотрудница МБР относилась к расе телепатов, причем принадлежала к особо одаренным ее представителям, обученным использовать свою чудо-способность наиболее оптимальным способом. К тому же, Ланнаи вообще было свойственно некое любопытство, заставлявшее их изучать анатомию и физиологию других рас.

Если бы она не являлась экспертом в своем деле, ее поймали бы уже при первом вторжении, ибо разум, в который она попыталась проникнуть, был защищен.

Она не спешила с выяснением того, кем или чем он был защищен. Существовало несколько систем защиты с возможностями различного уровня. Ее мысль скользнула за бастионы их бдительности еще до того, как они обратили на нее внимание. Она искусно прокралась внутрь сквозь топорную экранную разумозащиту Тахмея. Такие экраны были ходовым товаром, предназначенным для защиты обычного разума от мошенника-телепата средней руки, и прекрасно справлялись со своей задачей. Но они были бессильны против продвинутых методов проникновения.

Как же она была потрясена, когда обнаружила, что в разуме Тахмея не может ничего разобрать, за исключением того, что перед ней — разум человека по имени Дил, который последние десять лет являлся гражданином Гулла, а до того мирно проживал в соседней системе Ликанно.

Сей факт был столь же несомненен, сколь и данные микроструктурного анализа, которые этому противоречили. Никаких признаков неуклюжего склеивания участков искусственной памяти и характера, а живая и вполне зрелая личность. В ней наличествовало ровно столько шрамов от психохирургии, сколько положено иметь человеку в его возрасте.

Однако если это действительно был Дил, то кому могло понадобиться вести телепатическое наблюдение за честным (в известных пределах), преуспевающим и совершенно незначительным жителем планеты? Она попыталась выведать хоть что-нибудь о неизвестной ей защите, но аура ледяной и всеобъемлющей бдительности, с которой ей пришлось периодически соприкасаться, недвусмысленно намекала, чтобы девонька не слишком испытывала судьбу.

— В конце концов, — сконфуженно объяснила она, — я не могла знать их потенциал.

— Не могли, — согласился Илифф, — но думаю, что вас остановило не это.

Ланнаи посмотрела на него с интересом. Ее звали Пэйгадан, и хотя она биологически была человеку не ближе какой-нибудь медузы, человеческий взгляд признавал ее весьма и весьма изящным созданием. Казалось несколько странным, что в досье Бюро она значилась как разум боевого типа, что предполагает, по меньшей мере, определенную безжалостность, не говоря уже о том, что на Гулле она, среди прочего, должна была исполнять обязанность палача.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она дружелюбно.

— Я хочу сказать, — осторожно заметил Илифф, — что мне необходимы все маленькие детали, которые вы не сочли нужным сообщать Бюро. Начнем с вашего прилета на Ликанно.

— Понятно, — протянула Пэйгадан. — Да, разумеется, я прилетела на Ликанно…

Внезапно она улыбнулась, что, как показалось Илиффу, было необычайно обаятельно, хотя огромные серебристые глаза с черными квадратными радужными оболочками, которые трепетали, расширяясь и сужаясь при каждой смене настроения или света, не слишком-то со-

ответствовали канонам человеческой красоты. Не больше соответствовали им и волосы, этакий мерцающий серебристый хохолок из чего-то вроде перьев, но Илифф решил, что все это вкупе создает образ необыкновенно привлекательной земной женщины в маскарадном костюме. По самым свежим из полученных им данных, внешность этой ланнайки пришлась бы по вкусу и более консервативным людям, нежели он сам.

— Вы такой умный человек, Агент Зоны, — глубокомысленно заметила она, — поэтому могу быть с вами вполне откровенна. Если бы я сообщила обо всем, что мне известно по данному случаю (хотя по причинам, о которых речь пойдет позднее, на самом деле известно очень немного), Бюро почти наверняка отозвало бы меня. Они просто бесят тем, что все время следят, как бы я, выполняя задание, случайно не пострадала. — В этом месте ее взгляд отразил активное несогласие с таким положением дел: — Видите ли, поскольку я Ланнаи, моя жизнь имеет политическое значение.

Илифф понимающе кивнул.

— Отлично. На Ликанно выяснилось, что я вряд ли смогу выполнить задание самостоятельно. — Черные глаза расширились, Пэйгадан слегка

вздрогнула, словно вспомнив о пережитом страхе: — Но я не хочу, чтобы меня отзывали. Мой народ, — чеканно продолжила она, — примет предложенный союз только при условии совместного разделения ответственности. Мы не желаем, чтобы нас спасали и защищали. Если станет известно, что даже лучших наших специалистов немедленно освобождают от выполнения обязанностей, как только выясняется, что те сопряжены с угрозой личной безопасности, это произведет крайне неблагоприятное впечатление.

— Понятно, — покорно сказал Илифф, вспомнив о том, что она была в некотором роде членом королевской фамилии, так сказать, в Ланнайском эквиваленте. Он почтительно покачал головой:

— Бюро, — сказал он, — должно быть очень довольно вашей работой.

Пэйгадан пристально взглянула на него и рассмеялась:

— Не сомневаюсь, сотрудникам Бюро иногда бывает нелегко со мной, хотя я и умею подчиняться приказам. Однако в данном случае важнее было убедиться, что они не пытаются меня защитить, а намерены продемонстрировать здравый смысл. Поэтому я использовала, кстати, впервые, свое особое положение в Бюро и настояла на

том, чтобы сюда прислали Агента Зоны. Однако уверяю вас, это задание таково, что здесь действительно не обойтись без профессионального умения и снаряжения.

— Хорошо, — пожал плечами Илифф, — это сработало, и вот я здесь, со своим умением, снаряжением и всем прочим. И что же такое вы обнаружили на Ликанно?

— Собранные там мною данные свидетельствуют о том, что пока человек по имени Тахмей из-за своей криминальной космической деятельности проходил по базе данных на маргиналов, человек по имени Дил тихо-мирно жил на четвертой планете системы Ликанно, редко выбираясь даже за пределы тамошней атмосферы по одной, но чрезвычайно веской причине — ярко выраженной космофобии.

Пэйгадан получила эти сведения отчасти из официальных данных, отчасти, причем гораздо детальнее, из бессознательной памяти порядка двух сотен людей, более или менее хорошо знавших Дила. Расследование, казалось, не давало поводов для сомнений, представив дело так, будто все его прошлое связано с Ликанно. Однако оно никоим образом не объясняло, как Дил смог физически перевоплотиться в пирата Тахмея.

Все помнили Дила высоким, белобрысым, очень здоровым, очень добродушным и весьма практичным малым. Но поскольку память всех его знакомых вряд ли была тренированной, то разнообразные события и особые приметы, связанные с ним, были или затуманены или преувеличены. Описание Дила, особенно с учетом прошедших лет, могло подойти и Тахмею. Правда, могло и не подойти.

Вот насколько Пэйгадан смогла продвинуться. Чиновники на Ликанно, впрочем, как и во всей Галактике, были ленивы и неповоротливы, поэтому идентификация граждан по микроструктурам или чему-либо подобному не практиковалась. Дил там родился, вырос, значительно преуспел. Затем обиженный конкурент развалил его фирму, а развернуться в Системе снова бывшему бизнесмену не позволили.

У него были связи на Гулле, и после прохождения длительного и дорогостоящего курса лечения от космофобии он отважился на короткое путешествие, и ныне работал над тем, чтобы на новой родине получить столь же крепкое общественное положение, как и на бывшей.

Вот и все, за исключением того, что в какой-то момент его необычайное портретное сходство с

Тахмеем усилилось вплоть до абсолютной физической идентичности.

— Я знаю, что дублирование живой личности в чужом теле считается почти столь же невозможным, как и существование микроструктурных двойников. Однако, похоже, что связка Тахмей-Дил — либо первое, либо второе.

— Либо, — пробормотал Илифф, — нечто третье. Это все больше напоминает одно из моих дел, о котором я предпочел бы забыть. Ну, и что же вы сделали?

— Если на Ликанно практикует биопсихолог, который втайне от всех смог разработать метод личностного переноса в той или иной форме, он должен быть специалистом необычайно высокого уровня. Я проверила разумы тех, кому такой специалист мог быть известен.

— И нашли его?

Она покачала головой и состроила недовольную гримаску.

— Это он нашел меня. По крайней мере, я думаю, что это был он. Мне удалось зацепить несколько довольно многообещающих нитей, всего около полудюжины имен, но затем — это трудно объяснить — время от времени я чувствовала, что меня исследует другой разум. Это был разум

необычайной силы, он знал о моих намерениях и средствах, которые я использовала. Фактически, в тот момент ему было известно все, кроме моего точного местонахождения. Он думал, что влияет на меня настолько сильно, что я открою ему и свои координаты, необычайно ясно показывая, как я близка к тому, что меня накроют.

— Так вы все-таки себя не раскрыли?

— Нет, — нервно усмехнулась она, — вместо этого я впала в акабу. Я провела так три дня и оставалась в этом состоянии еще довольно долго; я смогла выйти из акабы лишь на обратном пути на Гулл — оказавшись на торговом корабле. По-видимому, я оставила собственный корабль на Ликанно и драпанула безо всяких колебаний. Хорошо, что все прошло успешно, хотя, разумеется, я ничего не помню.

— Да, за вами охотился мощный эспер, — покачал головой Илифф. Акаба была ошеломляющим оборонительным фокусом, у него уже была возможность видеть, как это проделывали представители других телепатических рас, если их преследовал недруг. Способность к акабе была присуща большинству из них, причем применялась совершенно непроизвольно, при этом преследователь ощущал, что приближается к

некоему источнику света, и вдруг этот свет исчезал бесследно.

Согласно теории Лаборатории Департамента, в условиях стресса, вызванного психической атакой, могущей погубить телепата-одиночку, нечто вроде Сверхразума, общего для всей расы, автоматически вмешивается в ситуацию и по возможности организует бегство разума своего подопечного. Процедура проходит совершенно бессознательно и технически безупречно. Однако это оставалось всего лишь теорией, поскольку Сверхразум, если он существовал, конечно, не оставлял ни малейших следов своего вмешательства, за исключением краткой лакуны, абсолютной и необратимой амнезии. По неким причинам, столь же таинственным, как и все прочее, Сверхразум никогда не вмешивался, если несчастный телепат находился в непосредственной близости от своего противника.

* * *

Какой-то миг они глубокомысленно смотрели друг на друга, затем одновременно улыбнулись.

— Теперь верите, — с вызовом сказала Пэйгадан, — что эта задача достойна усилий Агента Зоны Веги и его команды?

— Именно этого я и боялся, — печально ответил Илифф, — однако, похоже, вам известно о Зонах Галактики гораздо больше, чем положено. Например, о моей команде — информацией такого рода владеют исключительно «на уровне Агентов Зоны и выше». Где вы нахватались?

— На Джелтаде, на уровне выше Агентов Зоны, — безмятежно ответила Пэйгадан, — хотя и не намного выше. Собственно говоря, в светских кругах. А теперь, когда я приоткрыла карты, вы намерены заняться Дилом вплотную? Я сумела познакомиться с ним и готова организовать вам встречу в любое время.

Илифф потер подбородок.

— Ну, если вы об этом, — сказал он, — то сегодня, сразу же по приземлении, старина Кассельмат уже забежал в несколько мест, взглянуть на деловых приятелей Дила. Они были в восторге от пробных парфюмов, которые были им предложены — у пройдохи, знаете ли, отличный товар, хотя довольно дорогостоящий. В конце концов, появился и Дил. Вам будет интересно узнать, что теперь он использует новый вид разумозащиты.

Ланнайка ничуть не удивилась.

— Естественно, моего фигуранта предупредили из Ликанно. Местные разумы ощущали, что я

расследовала именно дело Дила.

— Значит, это свидетельствует о том, что могучий эспер, ввергнувший вас в акабу, не смог установить вашу личность. Поэтому теперь вас с нетерпением ждут и намерены выяснить, что вы успели накопать. Защита настроена очень тонко, и при малейшем прикосновении излучает вокруг себя нечто вроде оборонительного сигнала тревоги. Старина Кассельмат, разумеется, не должен был ничего почувствовать. Он лишь предпринял бесхитростную попытку разузнать, насколько можно нагреть Дила и его компанию.

Пэйгадан наклонилась вперед, в ее глазах блеснул интерес:

— И старине Кассельмату это удалось?

Илифф пожал плечами:

— Как обычно. Но кто-то почти сразу же начал изучать пройдоху-коммерсанта. Из его примитивного разума вытянули все возможное, хотя он об этом даже не догадался. Стало ясно, что бедняга безвреден, и этот кто-то ушел.

Пэйгадан слегка нахмурилась.

— Нет, — сказал Илифф, — это был не ваш эспер, а марионетки, хотя и довольно умные, подобные тем, с которыми вы встретились, когда попытались в первый раз подобраться к Тахмею.

Но сейчас они приведены в состояние боевой готовности, и я не думаю, что мы сможем еще что-то узнать о Диле незаметно. Исходя из всего, что произошло с вами на Ликанно, кажется, что ответы на вопросы следует искать там.

Она удовлетворенно кивнула:

— Мне тоже так кажется. Значит, мы летим на Ликанно!

Илифф покачал головой.

— Полетит только один из нас, — мягко поправил он, и еще до того, как она озвучила вспыхнувшее возмущение, вкрадчиво добавил: — Это столь же необходимо для вашей безопасности, сколь и для моей. Тот эспер, должно быть, сейчас уже довольно точно вычислил ваш внешний облик. Вы не сможете приблизиться к нему незамеченной. Если же мы будем вместе, это означает, что я тоже не останусь в тени.

Она подумала, затем очень по-человечески пожала плечами:

— Полагаю, вы правы. Каковы мои обязанности на время вашего отсутствия?

— Секретное наблюдение — очень секретное — за Дилом и его охраной. Каким образом Дил одновременно может быть Тахмеем или его частью, может объяснить только ваш эспер, и если

совесть у него нечиста, а она, вероятно, нечиста, свидетели могут просто исчезнуть. В этом случае постарайтесь проследить, куда заберут Дила, но ни при каких обстоятельствах, слышите, не предпринимайте ничего, пока я не вернусь с Ликанно.

Черно-серебристые глаза изучали Агента с видимым любопытством.

— И надолго это может затянуться? — спросила Пэйгадан со столь замечательным самообладанием, что Илифф едва не прозевал тот факт, что эта нечеловеческая особа важного политического значения снова рассердилась.

— Исходя из того, что нам известно об этом разуме, он, вероятно, один из наших наименее законопослушных сограждан, — предположил он. — Так что отпустим на все про все пару дней.

Повисла напряженная пауза. Затем Илифф одобрительно проворчал:

— Смотрите-ка, так и знал, что вы — очень сдержанны.

Ланнайка задышала отнюдь не сдержанно.

— Я надеюсь, что вы хотя бы вполовину так умны, как полагаете, — тихо сказала она, — но почти готова поверить, что справитесь за пару дней.

— Справлюсь, — улыбнулся Илифф, — с моей-то командой!

Он встал и уже серьезно посмотрел на нее сверху вниз:

— Итак, если предоставите мне информацию, полученную вами от тех самых супер-биопсихологов на Ликанно, я немедленно приступлю к выполнению операции.

Она доброжелательно кивнула и заметила:

— Тем не менее, есть две вещи, о которых мне хотелось бы спросить, прежде чем вы уйдете. Первая — зачем вы весь вечер пытались проникнуть сквозь мою разумозащитную систему?

— В нашем деле никогда не повредит знать как можно больше о тех, с кем работаешь, — ничуть не смущаясь, ответил Илифф. — Большинство из нас — народ небезобидный. Но у вас необычайно мощная защита, я почти ничего не смог разузнать.

— Вы не смогли разузнать НИЧЕГО! — категорично заявила она, желая сказать что-то наперекор.

— Примерно так, совсем немного. Непосредственно в тот момент, когда вы читали мне лекцию о Ланнаи, какой вы гордый народ и не желаете, чтобы вас защищали, и все такое. В

какой-то момент вы забыли о защите…

Он медленно воспроизвел в уме похищенную мысль: панораму тихого города, освещенного лучами рассвета, море многоскатных крыш цвета слоновой кости, хрупкие башни, тянущиеся к пылающему небу.

— Это Ла-Санкайа Прекрасная, мой город, моя родная планета, — произнесла Пэйгадан. — Верно, я подумала об этом и вспомнила, — она рассмеялась: — Какой вы все-таки умница, Агент Зоны! Ну и что это вам дало?

Илифф пожал плечами. Он все еще продолжал материализовывать фигуру старины Кассельмата, толстого, маленького, беспринципного землянина-торговца, чьи странствия по Галактике удивительно часто совпадали с исчезновением неблагонадежных и доселе неуязвимых ее граждан, а также с необъяснимыми изменениями прежде агрессивных политических курсов и бескровным падением коррумпированных правительств. Всезнающий, циничный, жадный, но обаятельный, и мало кто воспринимал его всерьез.

— Во-первых, Ланнаи — патриоты, — потемнел лицом Агент, — что, разумеется, делает вас потенциально опасными. В общем, я рад, что вы на

нашей стороне.

Пэйгадан усмехнулась:

— Я тоже рада, в общем. Однако если позволите небольшую дерзость, определенно заслуженную вами — я бы хотела услышать ответ на мой второй вопрос; что заставило вас так встрепенуться, когда я упомянула о вероятной связи Тахмея с Гантскими пиратами?

Старина Кассельмат рефлекторно потер бесформенный нос.

— Это долгая и печальная история, — ответил он, — но если желаете знать, пожалуйста. Несколько лет назад я, можно сказать, прижал к ногтю главаря этой мигрирующей шайки, великого и ужасного У-1, ни больше, ни меньше. Это произошло вскоре после того, как Конфедерация нанесла Гантскому флоту сокрушительное поражение. В конце концов, я решил, что подобрался к нему достаточно близко для того, чтобы со всей возможной деликатностью исследовать его разум, бр-р-р!

— Полагаю, вас отбросило.

— Вовсе не так быстро, как хотелось бы. Мерзавец знал, что я все время следил за ним, и поймал меня в ментальную ловушку. Это была механическая и очень мощная ловушка. Меня извлекали

оттуда долго, а затем, чтобы я смог вернуться к работе, еще в течение полугода психоанализировали.

— Это было очень давно, — печально закончил Кассельмат, — но с тех пор, когда речь заходит об У-1, Гантских пиратах или чем-либо даже отдаленно о них напоминающем, мне становится не по себе.

Пэйгадан внимательно осмотрела свои великолепные ногти и мило улыбнулась.

— Агент Зоны Илифф, я передам вам необходимые материалы, а затем можете идти. Отныне я знаю, что способно заставить вас вздрогнуть.

* * *

Грузный человек с каменным лицом, сидевший за пультом управления, медленно прочесывал бороду пальцами, унизанными множеством перстней, — великолепную веерообразную бороду, черную, блестящую, всю сплошь в модных завитках. Его глаза были черны, как и борода, но выглядели странно тусклыми, отчего его часто принимали за слепого.

Впервые за долгую череду лет ему стало страшно.

Чуждая мысль не смогла проникнуть под Ку-

пол, хоть здесь защитные устройства не подвели. Он потянулся к боковому разрезу своего струящегося черного одеяния и извлек маленький серебристый конус. Осторожно поставив усилитель на пульт управления перед собой, он откинулся на спинку кресла, скрестил руки на огромном животе и наполовину прикрыл веки.

Почти сразу же им были восприняты ненаправленные мыслительные импульсы. Такие расплывчатые и безличные, что даже сейчас, когда он мог спокойно проследить их модифицированные следы — пусть и привлекшие его внимание, но этого не ощутившие и оттого не замершие ни на миг — они поддавались лишь самому общему анализу. Однако незащищенная часть его разума все же отреагировала тогда на них, тупо и автоматически, что продолжалось почти целый час, а этого вполне достаточно, чтобы выведать практически все!

Драгоценные камни гневно сверкнули на его пальцах, когда он смел с пульта управления усилитель. Прибор треснулся об стену, рухнул на пол и, выпустив шипящий салют пурпурных брызг, затих. Импульсы замерли.

Чернобородый посмотрел на разбитый усилитель. Затем мало-помалу, почти незаметно,

выражение его лица начало меняться. Вскоре он уже тихо смеялся.

Неважно, как ему удалось модифицировать и приспособить этот человеческий мозг для своих целей, но он оставался совершенно таким, каким был, когда им завладели впервые. Стоило ослабить контроль, и он автоматически возвращался к прежнему уровню эмоциональных реакций.

Он заставил его развить все свои зачаточные способности, пока силы не превзошли безмерно те, что присущи любому обычному представителю его расы. Ни одно человеческое существо, как бы одарено оно ни было, не могло сравниться с тем, кому выпало счастье стать промежуточным хозяином для паразита Цитала. Даже Цитал не мог считать себя равным этому гипертрофированному человеческому интеллекту, он лишь управлял им, как человек управляет созданной им машиной, гораздо более мощной, чем он сам.

Однако знай Цитал человеческое отродье получше, выбрал бы себе более подходящего хозяина. Этот оказался в лучшем случае злобной бездарностью, и поскольку злоба в нем росла и развивалась вместе с силой, иногда приходилось прилагать титанические усилия, чтобы потакать капризам карлика, тупицы, который, однако,

мог по приказаниям незримого хозяина творить чудеса. При малейшем подозрении, что его всесилию угрожают, он впадал в трусливое раскаяние и панику, колеблясь между животным страхом и животной яростью.

Поздно что-то менять, на данной фазе жизненного цикла Цитал прикован к своему рабу. Впрочем, данный носитель вполне соответствует его целям, он даже порой забавляет его своими причудами. И все же для новых Циталов, тех, кто появится на свет после следующей Смены, он будет подбирать более подходящие пристанища.

Одним из них вполне мог стать тот тайный агент, что так встревожил его промежуточного хозяина. Совершенство его ментальной атаки являлось хорошей рекомендацией на эту роль.

Однако этого шпиона еще предстояло поймать.

* * *

Быстрыми волнами релаксации влияние Цитала распространилось по телу чернобородого человека и вернулось обратно в расслабленный мозг. План поимки почти созрел, сети расставлены, а громоздкая мыслительная машина промежуточного хозяина была более чем подготовлена для подобной работы.

Теперь, когда взятый под контроль страх и даже память о нем были нейтрализованы, носитель воспринимал происходящее просто как некую задачу, рассматривал ее, прояснял для себя, выдвигал гипотезы и делал выводы.

Все очень просто. Силки на шпиона будут расставлены с учетом добытой информации. Тем временем на Гулле Тахмей выступает приманкой для другого шпиона, чей нечеловеческий разум смог скрыться посредством мгновенного шокового рефлекса в тот самый момент, когда экс-пират был готов его схватить. Цитал был почти уверен, что эти двое сотрудничали, причем оба являются агентами Конфедерации Веги. Ни одну другую организацию, которую можно было подозревать в использовании боевых разумов подобной мощи, не могла заинтересовать так сильно личность Тахмея.

Он, конечно, пока не готов бросить вызов Конфедерации, и какое-то время еще готов не будет, поэтому Тахмею может понадобиться новая форма укрытия. Однако, контролируя эту настырную парочку шпионов и обладая полученной от них информацией, все эти задачи станут легко разрешимы.

Руки чернобородого принялись неспешно

двигаться по поверхности пульта, постепенно запуская в действие сложную сеть приборов.

План преобразился в краткие, методичные распоряжения.

* * *

Когда Цитал переместился в центральный зал Купола, его уже ожидали четверо посетителей — трое мужчин и женщина, представители высокой, красивой расы Ликанно. На всех обращенных к нему лицах застыло одно и то же выражение высокомерного нетерпения.

Все эти люди, а также некоторые другие, знавшие чернобородого просто как Психолога, много лет считали себя настоящими, хотя и теневыми правителями системы Ликанно. И это почти соответствовало истине.

При его появлении двое почти одновременно захотели заговорить.

Однако им не удалось издать ни одного членораздельного звука. Со стороны это выглядело так, словно чернобородый не сделал ничего плохого. Но тела всех четверых одновременно вздрогнули, словно подчиненные невидимой силе. Они застыли в неудобной позе, их лица исказил почти гротескный ужас, пока Цитал саркастично

рассматривал их по очереди.

— Неужели нельзя обойтись без подобных аффектов, — дружески упрекнул он, — теперь, когда вы понимаете, кто я есть на самом деле? Раскаиваетесь, что хотели от меня избавиться, как от того мавра, который сделал свое дело? Позволю полюбопытствовать, молились ли вы на ночь?

Он сделал паузу, выражение дружелюбия постепенно стерлось с его лица.

— Да-да, сей сюжет мне известен, — заявил он, удобнее устраиваясь на низкой кушетке и внимательно осматривая свои ногти. — При обычных обстоятельствах мне следовало бы расстроить ваши планы, не ставя вас в известность. Однако обстоятельства необычны, и, боюсь, отныне мне придется обходиться без вашей помощи. Некоторым образом, мне даже жаль. Наше сотрудничество было полезным и увлекательным. Для меня, по крайней мере. Но…

Он покачал головой.

— Даже я иногда ошибаюсь, — откровенно признался он, — и последние события достаточно ясно показали, что было ошибкой посвящать столь заурядных людей, как вы, а также вашего приятеля, чье отсутствие справедливо настораживает вас, в мои планы и эксперименты.

Он, — добродушно пояснил Психолог, — вероятно, переживет вас на день или два. Странно, но факт, — с ухмылкой добавил он, — что своей чуть затянувшейся жизнью он обязан исключительно тому, что значительно отстал от вас в умственном развитии, поэтому я счел целесообразным удалить его из нашего тесного кружка первым.

Многозначительная ухмылка стала еще шире, и его, по-видимому, ничуть не огорчило то, что ни одна из побледневших как мел вытянувшихся перед ним марионеток не разделяла с ним этой лучистой радости.

— Ну что ж, — окончательно просиял он, — довольно о грустном! Встречаются еще на нашем пути разумы, способные пробиться сквозь любую защиту, какую я только могу создать. Разумеется, я не желаю подвергаться подобному риску. Ваш друг проживет ровно столько, сколько потребуется, чтобы ввести меня в заинтересовавший меня разум (да, и еще одно маленькое уточнение: ваша раса никогда не перестанет меня удивлять!), который со временем станет мне полезнее, чем все вы вместе взятые. Возможно, он будет для меня столь же ценен, как тот, кого вы знаете под именем Тахмея. Пусть эта мысль скрасит вам последние мгновенья, кои, — заключил он,

взглянув на перламутровый прямоугольник, приобретавший мерцающую видимость на стене позади четырех ликаннийцев, — уже на подходе.

Пара крепко сбитых мордоворотов вошла в помещение сквозь прямоугольник, отдала честь и замерла в ожидании.

Чернобородый кивнул им в ответ и ткнул большим пальцем в сторону неподвижной группки отверженных.

— Удавить их, — приказал он, — по очереди…

Некоторое время Психолог продолжал наблюдать экзекуцию, но затем почувствовал скуку. Поднявшись с кушетки, он медленно побрел в сторону одной из шести стен зала. По мере того, как он приближался, она становилась прозрачной, и когда Цитал остановился перед ней окончательно, несколькими метрами ниже отчетливо проступили крыши зданий портового города Ликанно на планете Ликанно Четвертая, самого крупного города в системе Ликанно.

Он сладострастно всматривался в развернувшуюся перед ним панораму, наслаждаясь своей властью и уверенностью в ее непоколебимости. Ведь, как только что в очередной раз было доказано, он являлся абсолютным господином этого города, хозяином восьми миллионов прожива-

ющих здесь человеческих существ, а еще двух миллиардов обитателей Четвертой планеты, а также шестнадцати миллиардов, населявших Систему. Долгие годы ничто не угрожало его господству.

Тусклые черные глаза медленно обратились к двум солнцам Ликанно, которые в это время склонялись к горизонту. Методично рассредоточенные по Галактике, примерно около тысячи подобных солнц освещали аналогичное количество планетных систем, каждая из которых медленно, но верно опутывалась сетью Цитала. Чернобородый не питал иллюзий насчет того, что Ликанно является значительным завоеванием — не важнее любой другой из разбросанных повсюду гуманоидных цивилизаций. Однако когда настанет урочный час…

Он пустился в размышления о галактической экспансии. Как ни странно, именно та его часть, что была человеческим разумом, тешила себя подобными мечтами. Паразит продолжал существовать в нем слегка обособленно, следя за чужими грезами, но не с наслаждением, а с тревогой наблюдая за очередной человеческой слабостью, которой, возможно, когда-нибудь придется воспользоваться.

Цитал не впервые убеждался в том, какой странный и сложный у человека организм. Разум промежуточного хозяина знал о своей связи с паразитом и своем подчинении ему, но никогда не осознавал ситуацию полностью и, по-видимому, привычно идентифицировал себя с Циталом. Удивительно все же, как эта сумасбродная раса может управлять Галактикой!

В центре зала послышалось слабое волнение, неприятные хрипы и дробный стук пяток по ковру.

— Плохо у вас стало получаться, ребята, неаккуратно, — холодно заметил Психолог, не поворачивая головы, — такие вещи нужно делать тихо.

* * *

Маленькому желтолицему человечку с глубоко посаженными глазами янтарного цвета досталось немало насмешливых и любопытных взглядов за два дня его пребывания в Старой Гостинице Ликанно.

Ничего другого он и не ждал. Даже в таких видавших виды космополитичных регионах его внешность казалась невероятной и почти непристойной. Безволосый купол головы плавно переходил в закругленную мордочку, безносый,

и, по-видимому, желтый безухий скальп конвульсивно подергивался от волнения, точно бока коровы, осаждаемой паразитами.

Легендарная Старая Гостиница представляла собой паноптикум мутированных людей, чьи родные миры на любой цивилизованной звездной карте обозначались просто безымянными номерами. Наряду с ними можно было встретить представителей более редких гуманоидных видов, прибывших на Ликанно с торговыми намерениями, неразличимых друг от друга для среднего наблюдателя.

Гротескная внешность желтолицего человечка обеспечивала ему законное место в упомянутой классификации. Его вид мгновенно приковывал к себе внимание и почти столь же быстро удовлетворял любопытство, так что никто не чувствовал особого желания познакомиться с уродцем поближе. Какая разница, кем он был, мутированным человеком или гуманоидом, главное, что он был платежеспособен и питал пристрастие к неброской роскоши. В гостинице строго следили за тем, чтобы постояльцы получали то, что хотели, и брали с них плату, а они, в свою очередь, не доставляли никаких хлопот персоналу.

Как успел заметить желтолицый, прогуливаясь по вестибюлю первого этажа, эффект привлечения и в то же время отталкивания особенно незаменим в том случае, когда кто-то проявляет к тебе повышенный интерес. Двое из охраны Психолога, за которыми он минуту назад проследовал к панорамному лифту, доставлявшему пассажиров к террасе на крыше, бегло изучили и без всяких сомнений смогли его идентифицировать. Накануне они его проверили — Тальпу, гуманоид из Центрального Звездного Скопления, торговец драгоценными камнями пяти разновидностей, три из которых на Ликанно не были известны ранее. Парень, конечно, странный, но совершенно безвредный.

У телохранителей Психолога оставалось еще несколько шансов догадаться, но им не приходило в голову, что реальная опасность может предстать в столь экзотическом обличии.

Сам же Психолог, чье куполообразное жилище венчало собой одну из башен Старой Гостиницы, шансов не имел никаких. Следуя между телохранителями, он устроил беглую проверку гуманоиду, плетущемуся позади них, и нашел, что его разумозащита совершенно не отличается от тысяч обычных путешественников, утаиваю-

щих от посторонних свои коммерческие секреты. Подобную защиту он мог разрушить в мгновение ока и к тому же безо всяких усилий.

Однако столь внезапное воздействие приведет к тому, что маленький желтолицый уродец начнет биться в конвульсиях на полу вестибюля, что-то бессвязно лепеча, а это привлечет ненужное внимание. Цитал знал этих Тальпу — подлый трусливый народец, не годящийся даже в рабство.

Желтолицый человечек осторожно включил дополнительное защитное поле, которое было скрыто под основным, доступным для проверки Психолога, в то время как поверхностные мысли Тальпу продолжали бегло плести узоры, укрывая оба защитных поля, причем на них не повлияли ни проверка, ни та, более глубинная, реакция, которую она вызвала.

Когда Психолог с компанией достигли лифта, гуманоид шел почти за арьергардом охраны и всего в нескольких шагах от Весьма Важной Персоны. Группа остановилась, один из охранников просканировал пустую кабину и затем посторонился, чтобы дать пройти Психологу. Эта секундная задержка входила в обычный ритуал. Желтолицый рассчитывал именно на нее, он не

замедлил шаг вместе с остальными, и прошло не более полсекунды, прежде чем кто-либо из стражей Психолога осознал, как нечто робкое и незаметное, как тень, проскользнуло сквозь их ряды.

Момент был упущен — Цитал грузно шагнул в лифт, а маленький гуманоид, неизвестно как оказавшийся прямо позади него, вошел следом.

Одновременно было проделано еще два движения.

Пока он левой рукой нажимал кнопку, отправившую кабину наверх, от пола до потолка выросла невидимая стена. Мало того, она еще и выгнулась в сторону охранников, заставив их отпрянуть, причем так мягко и неодолимо, словно их выдавила огромная пуховая подушка. Никогда еще на Весьма Важных Персон не нападали непосредственно на территории гостиницы, и шокированные охранники просто замерли у лифта, наблюдая, как он взмывает по серебристой шахте.

Как только кабина стала подниматься, желтолицый совершил свое второе движение. Он кольнул Психолога в шею крошечной инъекционной иглой и нажал на поршенек.

Разумеется, нельзя было просто так, среди бела

дня, похитить самого влиятельного гражданина Системы, не вызвав при этом серьезного конфликта. Однако пока все шло по плану. Лифт остановился напротив апартаментов почти под самой крышей огромного здания, и у Агента в запасе оставалось в запасе еще около тридцати секунд, прежде чем охрана предпримет контр действия. Так что спешить было некуда.

От лифта до жилища Психолога было не более полудюжины шагов. С бородатого лица похищенного, пока они проходили мимо знакомой двери, не сходило выражение вялого удивления. Пройдя еще несколько шагов, оба оказались на открытой платформе, где Илиффа ожидал взятый напрокат скоростной аэрокар.

На высоте десяти километров Агент приостановил резкий подъем и повернул на север. Вокруг блестящих горстей драгоценных каменьев — приморских городов — сгущались сумерки, но здесь, в вышине, зеленоватый свет главного солнца Ликанно еще бросал яркие блики на серебристый фюзеляж машины. Аэрокар летел все быстрее, ничто не могло настичь его, кроме лучей атмосферных наблюдателей, а их можно было пока не опасаться. Кроме того, любой преследователь должен был бы сначала опознать их среди мири-

ад подобных машин, спешащих к порту и от него, а сделать это было необычайно трудно.

Аккуратно скатав вивогелевые муляжи с головы и рук, он бросил эту бешено конвульсирующую полуживую массу в мусорный бак позади сиденья, где ей предстояло быть раздробленной двигателем.

Покорный Психолог сгорбился сзади, его мутные глаза тупо смотрели прямо перед собой. Новый разумоблокиратор пока полностью оправдывал ожидания Третьего Координатора.

* * *

Узника допросили в маленькой долине, расположенной на необитаемом острове в приполярной зоне вдалеке от побережья. Когда аэрокар приземлялся, стая огромных хищников со змеиными шеями бросилась от него врассыпную, ибо он был гораздо крупнее всего, чем они привыкли питаться. Их сопение и недоуменный вой навели Илиффа на мысль о дальнейших операциях, требовавших осуществления в ближайшем будущем. Он послал им импульс безумного страха, настроенный на примитивный уровень ощущений подобных тварей, и это заставило их беспомощно корчиться на краю окружности

радиусом в сотню метров.

В центре этого круга сидел на корточках Илифф, наблюдая за работой дознавателя.

Дознаватель представлял собой небольшой аппарат кубической формы и был крайне непритязателен на вид. Продираясь сквозь хитросплетения ментальной защиты Психолога тонко, но беспощадно, он все, что удавалось обнаружить, шаг за шагом перекачивал в разум Илиффа. Можно было бы, конечно, обойтись и без дознавателя, поскольку защита все же была не настолько сложной, чтобы запутать опытного исследователя. Но это отняло бы гораздо больше времени, а времени, даже в самом лучшем случае, могло хватить лишь на то, чтобы извлечь наиболее важную информацию. Кроме того, дознаватель работал необычайно ювелирно, в то время как Илифф мог в спешке нанести подопытному разуму серьезные повреждения, к тому же Агент все еще решал, стоит ли убивать Психолога.

Когда дознаватель вступил в контакт с Циталом по второму разу, решение созрело. Прибор только что сообщил о чуждой форме сознания, которая произвольно пересекала линии поиска, не поддаваясь локализации.

— Данная форма сознания является доминант-

ной в рамках данного субъекта. Однако ее связь с организмом осуществляется посредством иной формы сознания.

Дознаватель остановился. Удивляться он не умел, да и замешательство было ему столь же чуждо, но в том случае, когда он не мог классифицировать свою находку, он приостанавливал поток сообщений. Ему также мешал эффект, вызванный инновацией[1] разумоблокиратора, на взаимодействие с которой его никто не настраивал. Химические вещества блокиратора работали через посредство разумозащиты, замораживая гибкие в обычных условиях защитные структуры в сблокированные силовые сети, заставляя их изолировать нервную систему от питающих энергетических центров.

— Давай все, что есть! — потребовал Илифф.

Машина еще немного посомневалась, но затем ответила:

— Данный субъект полагает, что как только ему удастся преодолеть то, что вы называете разумоблокиратором, и сгенерировать в своем

---

[1] notes: 1

Инновация — нововведение в области техники, технологии, организации труда или управления, основанное на использовании достижений науки и передового опыта, обеспечивающее качественное повышение эффективности производственной системы или качества продукции.

организме достаточное количество энергии, он окажется в состоянии уничтожить вас. Причем, немедленно. Однако данный субъект опасается, что подобное действие может нанести серьезные повреждения его организму. Поэтому данный субъект предпочитает подождать подкрепления в виде своих помощников, которые и должны вас убить. Данный субъект совершенно уверен, что ждать осталось недолго.

Илифф хмыкнул. Ничего нового, конечно, но сообщение дознавателя все же заставило его поежиться. Утонченность его обычной молниеносной тактики не принесла никакой пользы.

— А то, доминирующее сознание, — спросил он, — понимает, что ты делаешь, и что ты мне об этом докладываешь?

— Данное доминирующее сознание понимает, что я пытаюсь сделать, — без задержки ответила машина, — но данное сознание не подозревает о том, что я докладываю об этом вам. Данному сознанию не известно о вашем присутствии и намерениях, поскольку данное сознание не обладает способностью получать чувственные данные. Данное сознание обладает исключительно способность к мышлению.

— Не так уж плохо, — кивнул Илифф, — тогда

оно не должно обладать способностью вмешиваться в твою работу?

— Именно так, но лишь до тех пор, пока разумоблокиратор не позволяет ему восстановить энергопитание.

— Что известно о его втором — человеческом — сознании?

— Данное человеческое сознание спит и совершенно беспомощно. Оно просто осознает, что происходит, но вмешиваться не пытается. Только разумоблокиратор закрывает мне доступ к необходимой вам информации. Если нейтрализовать его воздействие, иных препятствий не возникнет.

Илифф бросил недобрый взгляд на своего приземистого помощника, что, впрочем, тому было совершенно безразлично.

— За исключением того, — с горечью заметил он, — что я буду убит!

— Правильно, — согласилась машина с тупым безразличием. — Энергетические центры данного организма развиты гипертрофированно, теоретически они должны были исчерпать его жизненные силы еще много лет назад. По-видимому, данное чуждое сознание имеет отношение как к гипертрофированному развитию, так и

к тому, что организм в целом успешно адаптирован к необычайным стрессам, возникшим в результате.

* * *

На исходе следующего получаса структура добытой информации, наконец, начала принимать определенную форму — форму, которая все больше и больше беспокоила Илиффа. Он пока не знал, каким образом завершить задание, но уже понимал, что интуиция Третьего Координатора работает даже лучше, чем он сам предполагает.

Агенту Зоны давно уже пора было обратить пристальное внимание на систему Ликанно.

Илифф должен был бы сейчас радоваться, но вместо этого его бросило в холодный пот от страшного напряжения. Теоретически разумоблокиратор был неразрушим, но Цитал, а это был он, так не думал. Он лишь опасался, что если разбить блок защиты силой, то это может убить его промежуточного хозяина и, следовательно, его самого. Данное соображение пока удерживало паразитное сознание от подобных попыток. Это, а также то, что знали оба — он и его захватчик — их скоро отыщут.

Однако при каждом новом контакте дозна-

ватель монотонно отмечал нарастание гнева и тревоги, с которыми паразит наблюдал за продвижением исследования. Поначалу он был настроен чересчур высокомерно, затем постепенно стал осознавать, что жизненно важные секреты все же вытаскиваются из одурманенного наркотиком человеческого разума, с которым он связан, и остановить этот процесс невозможно.

Теперь он был опасно близок к крайнему бешенству, и несколько раз ручная энергетическая пушка Илиффа уже примеривалась к сгорбленной фигуре Психолога. Промежуточный хозяин и Цитал умрут на месте, если потребуется. Но даже если они начнут агонизировать, Илиффу вовсе не светило находиться в этот момент в непосредственной близости от этого разума и той силы, которая могла при этом вырваться наружу. Время от времени он снимал дознавателя с линии расследования, когда казалось, что это может спровоцировать суицидальный взрыв. Зато остальные элементы структуры скрупулезно собирались по кусочку.

Это была трудная и необычайно кропотливая работа. Оставалось выяснить всего несколько важных моментов. Возможно, ему как раз хватит времени на то, чтобы…

Илифф вскочил, услышав, как взревела, перекрывая хор разъяренных плотоядных, доносившийся из-за стометрового оградительного круга, система оповещения, которую он заранее установил на аэрокаре.

— Два планетарных транспортных средства приближаются на низкой крейсерской скорости, — прокомментировало устройство, — сектор четырнадцать, расстояние восемьдесят пять километров, высота — девятнадцать тысяч метров. Используются поверхностные психосканеры.

И, мгновение спустя:

— Вас обнаружили, шеф!

Спасители прилетели на несколько минут раньше, чем предполагал Агент. Но благодаря предупреждению, у него оставалось как раз столько времени, сколько было необходимо для дальнейших действий, и неуверенность и напряжение мгновенно исчезли.

Он выкрикнул команду дознавателю:

— Оставить процесс, затем самоуничтожиться!

Освобожденное от невидимых щупальцев тело Психолога грузно скатилось на землю, после чего неуверенно поднялось на ноги. Позади него дознаватель быстро выпустил облако шипящих звездочек, сплющился, превратился в колы-

шущееся желе, затем снова затвердел, но уже бесформенной металлической грудой.

Несколько секунд спустя Илифф поднял аэрокар над верхушками деревьев. Видеоглобус был настроен на окружающую местность так, что каждый уголок маленькой, погруженной в темноту долины виднелся так ясно, словно был залит ярким солнечным светом. Почти в самом его центре, дергаясь из стороны в сторону, двигалась фигура Психолога сквозь то, что выглядело для него почти абсолютной мглой. Он стремился выйти на открытое пространство. Возможно, чуждый разум понял, что его спасители прибыли и пытался привлечь их внимание, но Илиффу узнать об этом было не суждено.

Теперь все это уже не имело значения. Орудия на аэрокаре были нацелены на эту дерганую фигуру, а палец Агента лежал на спусковом крючке.

Однако выстрела не последовало. Плавно выскользнув на поле из-под деревьев, на экране глобуса появились тонкие пятнистые силуэты. Забыв о невидимом отпугивающем барьере, как только тот был снят, хищники спешили обратно, к месту недавно покинутого ими кровожадного пиршества. Внезапно они отклонились в сторону, заметив нечто новое, и стали неотвратимо

окружать человека, беспомощно озиравшегося по сторонам.

Илифф слабо поморщился, повернул видеоглобус, настраивая его на более широкий охват, и направил аэрокар над береговой линией прямо в море. Этот маневр должен был обеспечить защиту от поверхностных сканеров приближавшихся преследователей и позволить осуществить новый, теперь уже срочно необходимый запуск.

Конечно, коллеги Илиффа на Джелтаде будут польщены тем, что Цитал ошибся относительно прочности разумоблокиратора. Те краткие секунды, которые можно было прожить внутри хищного пятнистого клубка, этот злой гений, должно быть, потратил на то, чтобы любым способом освободиться от психопут и уничтожить все живое вокруг.

Попытка оказалась безнадежной.

* * *

Под утро, в пятом по величине городе на Ликанно Четвертой, небольшого роста человек в военной форме прошел вдоль доков маленького космического порта к огромному, на вид неповоротливому, но вероятно, дорогому транспортному кораблю, который был зарегистрирован им двое

суток назад. Одной рукой он придерживал подмышкой пухлый кейс откровенно шпионского вида, какие были в употреблении только у сотрудников посольства Земли.

Объемистая ноша нимало не умаляла его достоинства, каковое все еще было характерно для большинства граждан древней Земли, считавших себя наследниками ее ратной славы. Корабль, к которому он приближался, был окружен колеблющимся сферическим облаком света, похожим на гроздь многочисленных оранжевых гало, предупреждавших посетителей дока и просто любопытных зевак, чтобы они не подходили к нему ближе, чем на пару сотен метров.

Земляне были известны своим стремлением ревниво оберегать право на частную жизнь.

Военный, который напоминал Илиффа или желтолицего человечка, бывшего несколько часов назад постояльцем Старой Гостиницы, лишь своими габаритами, без колебаний прошел в зону, освещенную оранжевым. Нечеловеческий, с металлическими нотками голос резко обратился к нему в форме звука и психических шоковых волн, которые сотрясли бы обычного незваного гостя сильнее, чем прямой удар кулаком в лицо.

— Отойдите немедленно! Данное судно в со-

ответствии с существующими правилами не подлежит досмотру. Дальнейшее продвижение без разрешения в зону, ограниченную световым барьером…

Внезапно голос умолк. Затем еле слышно продолжил:

— За вами наблюдают со стратостанции. Других сообщений нет. Мы можем вылететь немедленно.

В восьмидесяти километрах над ними, на стратостанции, лейтенант флота, новичок с заостренными чертами лица, повернулся к своему капитану:

— А не может ли это быть..?

Искушенный в своем деле капитан сардонически улыбнулся.

— Нет, сынок, — мягко ответил он, — не может. Запомни хорошенько, это полковник Перритаф, недавно прикомандированный к Военному Комиссариату Земли. Мы проверяли его вчера утром в порту. Однако, — добавил он, — мы можем немного подшутить над полковником. Как только он соберется взлетать, световой барьер будет погашен. А когда он взлетит, ткни в него лучом и скажи, что задерживаешь корабль для досмотра, так как объявлена Общая Тревога.

— Но почему сейчас нельзя это сделать?

— Соображай, сынок, соображай, — благодушно поощрил его начальник. — Нельзя шутить со световым барьером! Кольнуть кого-то лучом может быть и не вредно. Однако есть риск, что от этого и корабль, и доки, и даже наша родная станция могут разлететься на куски, — все зависит от того, что и как уложено у него в трюме. Но поскольку полковник находится внутри и должен лично контролировать погрузку, он не будет ничего взрывать, даже если мы слегка заденем его нежные земные чувства.

— Таким образом, мы узнаем, что у него на корабле, несмотря на дипломатическую неприкосновенность, — кивнул лейтенант, стараясь соответствовать капитанской манере усталого всеведения.

— На корабле не может быть ничего интересного, — мягко возразил капитан, вновь приводя подчиненного в замешательство. — В плане техники и вооружения Земля отстала от нас на добрую пару столетий, и так было всегда.

Это было не совсем так, но подобный взгляд был популярен в системе Ликанно, которая пережила короткий, но разрушительный конфликт со стареющей праматерью галактического челове-

чества около пяти столетий тому назад, и потом еще около полутора столетий зализывала раны. Столь непредвиденный исход уже, разумеется, давным-давно получил надлежащее объяснение — жуткое невезение и вероломство землян — и об этом печальном инциденте вспоминали все реже и реже. Однако капитан все же бросил сердитый взгляд вниз, на отдаленный космопорт, даже не сознавая, что же конкретно вызывает в нем такое озлобление.

— Сейчас он у нас покорчится, явно начнет верещать о своих правах, — пробормотал он: — Земляшки так носятся со своими драгоценными привилегиями!

Настала короткая пауза, во время которой оба вглядывались в видеоглобус, уставившись на корабль-задиру.

— Интересно, по какой причине объявлена ОТ? — наконец отважился спросить лейтенант.

— По слухам, чтобы поймать одного кривляку-гуманоида, — ухмыльнулся капитан. Затем он смягчился: — Скажу тебе, это такая важная птица, что правительство подняло весь флот! Между прочим, приказано стрелять в каждого, кто попытается улизнуть без идентификации.

Лейтенант попытался изобразить понимание,

но у него ничего не вышло. Затем он повеселел и живо объявил:

— Парень выключил барьер!

— Хорошо. Наводи луч!

— Он…

От дока поднимался и рос звук, ясно слышимый в приборах, мягкий, но страшный свист рассекаемого воздуха. Опора, на которой покоился столь неповоротливый на первый взгляд корабль, неистово задрожала. Больше ничего не произошло. Но и корабля там больше не было.

Побелев от испуга и удивления, лейтенант поднял расширенные глаза на капитана:

— Он что… взорвался? — прошептал он.

Капитан не ответил. Он побагровел, словно у него перехватило дыхание от возникшей вдруг сложнейшей проблемы.

— Взлетел — на космической скорости! — выдохнул он наконец: — Как он смог это проделать и не развалиться, ведь на его корпусе еще и луч плясал?!

Он запоздало засуетился и бросился к передатчику. И куда только девался его апломб вместе с остатками всезнающей усталости?!

— Станция 1222 вызывает флот! — визжал он в коммуникатор, — Станция 1222 вызывает…

* * *

Солнце Ликанно еще уменьшалось на экране заднего обзора, а Илифф уже быстро разбирал содержимое своего кейса с помощью маленького электронного секретаря. Вечер выдался тяжелый. Четвертая планета кипела как развороченный улей. Но Агент сделал почти все возможное, чтобы преследователи не заполучили его обратно. Вскоре шумиха стихнет, а Ликанно с удивлением обнаружит, что в течение одной ночи стала в некотором роде более чистым местом, чем раньше. На мгновение Илиффу стало жаль, что он никогда не узнает, в каких выражениях настоящий полковник Перритаф выразит свое мнение о порядках, при которых любой самозванец может использовать его имя и положение в Системе.

Земные посольства всегда были готовы помочь представителям Конфедерации, не задавая при этом лишних вопросов. Во всех кровопролитных конфликтах ее крошечный, но беспощадный флот часто сражался бок о бок с кораблями Веги, хотя и не непосредственно вместе с ними. Земля не участвовала в Конфедерации, ее политика была совершенно независима от иностранного влияния. В целом Старая Планета не так уж силь-

но изменилась.

Когда Илифф отложил пустой кейс, тот же самый голос, что приветствовал его при появлении на корабле, заговорил снова. Как всегда, невозможно было определить, откуда он исходит, но казалось, что он гудит где-то чуть позади и выше пилотского кресла. Несмотря на забавное сходство с голосом Илиффа, нетренированное ухо сочло бы его голосом робота. Каковым он собственно и был — представителем самого совершенного типа роботов, какой только успела создать научная мысль Веги и ее союзников.

— Два вооруженных космических судна, тип — ликаннийский истребитель, попытка перехвата! — объявил он. Прождав сколько было можно, он вкрадчиво добавил:

— Какие последуют указания?

Илифф, не поднимая головы, усмехнулся. Любой другой не заметил бы в этом стандартном вопросе ничего особенного, но он провел в обществе этого голоса около пятнадцати лет.

— Удирать, конечно, дорогой мой вояка! — мягко ответил он. — Прежде чем тебя спишут в утиль, будет еще сколько угодно таких потасовок.

Он улыбнулся шире от очень убедительной иллюзии, будто корабль в ответ сокрушенно

пожал обтекаемыми боками и чудовищно вооруженными плечами. Однако это ощущение было лишь следствием внезапного рывка вперед, от чего солнце Ликанно мгновенно исчезло с экрана наблюдения.

В сущности, весь корабль являлся роботом — продвинутой версией непобедимого ударного корабля боевого флота Веги, только еще более навороченного. Корабль мог бы без опаски померяться силами с парой-тройкой ликаннийских истребителей как в молниеносных маневрах, так и в стремительном безумии настоящей космической сечи. Пять его центральных мозговых процессоров были сконструированы таким образом, чтобы как можно точнее воспроизводить тип мышления самого Илиффа, что создавало почти идеальную гармонию между человеком и машиной. Помимо этого, и сама машина, разумеется, была необычайно умной и мощной, делая возможности человека поистине титаническими.

Илиффу даже не пришла мысль проверить, как исполняется его приказ, который оставил командиров истребителей гадать, а был ли на экранах какой-то неопознанный корабль? Приказ был выполнен даже точнее, чем если бы Илифф задал все параметры лично. Тем временем его мозг

уже был озадачен новой работой, каковую он, пожалуй, любил меньше всего. Передатчик уже перекачивал предварительный рапорт о его действиях на Ликанно Четвертой почти через всю Галактику, на планету Джелтад, в Центральное Главное Управление Зонами.

А там его донесение вместе с несколькими тысячами других текущих рапортов было скормлено необычайно сложному компьютеру. Тот, в свою очередь, незамедлительно изрыгнул их уже в перекроенном виде, распределив по тем или иным рубрикам.

* * *

— Пэйгадан не отвечает на луч персонального вызова, — вторично объявил робот.

— Может, просто не дошел ответ?

— На это ничто не указывает.

— Тогда не отключайся, пока не ответит, — сказал Илифф. Персональная телепатия на межзвездных расстояниях всегда была чем-то вроде циркового трюка, если только она не поддерживалась с обеих сторон техническими средствами значительно более мощными, чем те, что находились в распоряжении Пэйгадан.

— Однако очень хотелось бы знать, — провор-

чал он, — что заставляло Цитала так усиленно интересоваться Тахмеем! Скорее всего, возможность использовать его как промежуточного хозяина для следующего поколения. Если бы не нежная забота паразита о потомстве… — он сердито посмотрел на передатчик. Где-то в глубине сознания медленно и мучительно трепыхалась какая-то мысль, ловко ускользая от крючка понимания.

— Ничего, скоро должна откликнуться Корреляция, — успокаивал он сам себя. — С теми данными, которые мы отправляли им пачками, они быстро разработают новый курс по делу этого парня.

— Вас вызывает Лаборатория Департамента, — сообщил робот. — Мне придержать их, пока вы не поговорите с Корреляцией?

— Пропусти, — вздохнул Илифф, — в крайнем случае, мы их отключим…

Из передатчика послышалось колючее стаккато щелчков, звучащее как нетерпеливое требование. Нахмурившись, он мысленно подстроил светящиеся шкалы, заставил включиться сенсоры, и из динамика, явно с середины фразы, прорвался тоненький голосок.

Илифф немного послушал его, а затем нетерпе-

ливо перебил:

— Да поймите же, наконец, я отправил вам все сведения об использованной технологии, в деталях. Вы это сейчас получите и извлечете оттуда куда больше, чем я могу рассказать. Человек, от которого я их получил, был просто-напросто единственным оставшимся в живых членом группы, но именно он выполнял важнейшую часть работы — непосредственно осуществлял личностный перенос. Я вычистил у него из головы и записал все, что он знал, но единственное, что я смог при этом понять, это лишь общий принцип.

Голос успел прочирикать скорострельный протест, но Илифф усилил напор:

— Хорошо, если он вам нужен прямо сейчас… Да-да, все верно, там не было субъективных изменений переносимой личности, я и не спорю, что это возможно. Они просто-напросто полностью переносили из одного тела в другое все, что необходимо для создания сознательного индивидуума. С любой мало-мальски объективной точки зрения это очень напоминает личностный перенос.

— Нет, они не занимались психохирургией, — продолжал он спорить, — за исключением того,

что заполнили шестимесячный цикл пространства памяти, чтоб покрыть тот промежуток времени, когда Тахмей проходил курс лечения. То, что они использовали, можно определить как видоизмененный метод пересаживания живых рефлексивных моделей в электронные мозги робота. Сначала они полностью очистили разум Тахмея, нейтрализовали все имевшиеся нейронные связи и все такое, вплоть до первичных непроизвольных рефлексов.

— Стадия «не-разумия»? — пропищала Лаборатория.

— Именно. Затем они погрузили ликаннийца Дила в состояние ступора. Выбор пал на него, потому что физически он чрезвычайно похож на Тахмея.

— Это, — назидательно скрипнула Лаборатория, — никоим образом не могло повлиять на ход эксперимента как такового. Они применяли парализующие химические реагенты?

— Думаю, да, это упомянуто в рапорте…

— О господи, вечно с вами, Агентами, не договоришься! Сколько они удерживали обе нервные системы в связи?

— Около шести месяцев.

— Понятно. Затем перекрыли поток, и получи-

лось, что точная копия траектории нейронного импульса второго субъекта оказалась встроенной в нервную систему первого. Витализированная искусственная личность должна восстанавливаться с момента впадения в ступор и далее развиваться нормально. Ясно, ясно… а что произошло со вторым субъектом — настоящим Дилом?

— Он умер от судорог через несколько секунд после того, как его привели в сознание.

Лаборатория ответила печальным щелчком:

— Обычное дело после длительного ступора, и знаете, это довольно часто создает угрозу успеху всего дела. Так, теперь рассмотрим несколько важных моментов…

— Корреляция! — резко произнес корабельный робот прямо в голове у Илиффа.

Скрипучий голосок из динамика съежился до отрывистого неровного свиста и затих.

* * *

— Я здесь, Илифф! Твой друг и советчик, капитан Службы Корреляции Рашалан собственной персоной. Ты пока еще не поймал этого птенчика Тахмея, а? Ты там не рядом с ним?

— Нет, — ответил Илифф. Он покосился на передатчик и к собственному удивлению почув-

ствовал, что горло у него сжалось: — А что?

Рассказ занял около трех минут и закончился такими словами:

— Нам тут только что звякнули из Лаборатории, они пытались до тебя достучаться, но у них не вышло — в общем, они хотели, чтобы мы передали тебе вот что… Нейтрализация нервной системы, вследствие которой наступает стадия «не-разумия», совершенно утрачивает свои свойства через два года. Обычно за этим следует восстановление личности оригинала, однако в данном случае этого не произойдет, так как все энергетические центры продолжали функционировать внутри личности Дила. Несомненно и то, что Тахмей также является частью системы, пусть бессознательно и не присутствуя в ней активно, поскольку он в данный момент не витализирован. Очевидно, что у Цитала не могло быть весомых причин интересоваться столь посредственной личностью как Дил. Теперь ты понимаешь, как все это связано друг с другом. Наверняка Цитал стремился к тому, чтобы это искусственное образование оставалось стабильным лишь до тех пор, пока продолжает существовать личность Дила. В тот момент, когда ее не станет, витализируется личность оригинала. Понима-

ешь, что произойдет с любым чужаком, который захочет познакомиться с ней поближе?

— Да, — пробормотал Илифф, — понимаю.

— Предположительно дальнейшие события будут развиваться по следующей схеме, — продолжал капитан Рашалан, — спусковой механизм, приводящий к Смене, вероятно, привязан к определенной ситуации. Подобных пусковых ситуаций должно быть заготовлено великое множество таким образом, чтобы любая предсказуемая модель чрезвычайного происшествия могла с необходимостью отсылать к одной из них. Прибегая к крайним мерам, Цитал желал гарантировать уничтожение любому, кто сможет преодолеть его систему защиты. Это относится и к тому, кто сейчас пытается подобраться к нему вплотную. Так что тебе придется понаблю… — он оборвал себя на полуслове, — ага, это Зоны, они хотят связаться с тобой и дольше ждать не могут. Удачи, Илифф!

Илифф отключил передатчик.

После этого он примерно на секунду замер, тупо уставившись желтыми глазами на нечто невидимое перед собой. Затем спросил:

— Пэйгадан нашлась?

— В последние пару минут было несколько сла-

бых откликов, — ответил робот, — по-видимому, она ничего не поняла, кроме того, что вы пытаетесь связаться с ней. Она также не может послать ответ с необходимой интенсивностью. Хотите отправить ей какое-то конкретное сообщение?

— Да, — откликнулся Илифф. — Как только от нее будет получен следующий отклик, посылай ей раз за разом следующее: «Убей Тахмея! Беги с Гулла!» Именно так и как можно убедительнее. Даже ее ли сигнал прочитается плохо, эти несколько слов должны дойти.

— Вполне возможно, — согласился робот. Мгновение спустя он добавил: — Агенту Бюро не всегда удается выполнить задание, Илифф.

Прошло несколько секунд, прежде чем Илифф ответил:

— Не всегда не то слово, боюсь даже, что не часто. Но она способная, у нее есть шансы.

ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА УРОВНЕ АГЕНТОВ ЗОНЫ И ВЫШЕ

Описание:…паразитирующий разум внегалактического происхождения, случайно занесенный в нашу Зону и ныне широко распространившийся… В свободном состоянии представляет

собой нематериальную, но когерентную[2] форму разумной энергии, склонную к высокой подвижности в пространстве.

...базовый IQ[3] слегка превышает человеческий класс «А». Поведение...по большей части модифицируется на основе рефлекторной интуиции. Основные эпизоды собственного жизненного цикла осуществляются паразитом без соответствующего осознания и на данный момент объяснению не поддаются.

Жизненный цикл:...свободное состояние, обычно составляющее лишь незначительную часть жизненного цикла Цитала, может быть пролонгировано на неопределенный срок до тех пор, пока паразит не вступит в контакт с организмом, потенциально соответствующим роли

---

[2] notes: 2

Когерентность (от лат. cohaerens — «находящийся в связи») — скоррелированность (согласованность) нескольких колебательных или волновых процессов во времени, проявляющаяся при их сложении. Колебания когерентны, если разность их фаз постоянна во времени и при сложении колебаний получается колебание той же частоты.

[3] notes: 3

Коэффициент интеллекта (англ. IQ — intelligence quotient) — количественная оценка уровня интеллекта человека: уровень интеллекта относительно уровня интеллекта среднестатистического человека такого же возраста. Определяется с помощью специальных тестов. Тесты IQ рассчитаны на оценку мыслительных способностей, а не уровня знаний (эрудированности). Коэффициент интеллекта является попыткой оценки фактора общего интеллекта (g).

«промежуточного хозяина». Кислорододышащие жизнеформы с нервной системой, в общих чертах совпадающей с человеческой по механизму действия и энергетическим центрам, удовлетворяют данной цели.

Войдя в контакт с хозяином, Цитал вызывает в себе некоторые изменения, позволяющие ему контролировать основные энергетические потоки организма хозяина. Затем он развивает нервные носители хозяина до величины, пятикратно превышающей прежний абсолютный предел аварийной перегрузки.

В типовом случае связки Homo и Цитала Ликаннийского, С-4, 17–82, наблюдалась локальная гипертрофия массы тканей центральной нервной системы, указывающая на наличие образований, защищающих организм от угрожающей ему перегрузки.

Преимущества того факта, что паразит придает организму носителя столь аномальную мощь и возможность действовать в окружающей среде оптимальным способом, очевидны, поскольку он оказывается нерушимо связанным со своим промежуточным хозяином на протяжении почти всей паразитической стадии своего существования и не способен выжить в случае его смерти. Он

способен увеличить продолжительность биологической жизни промежуточного хозяина почти на неограниченный срок. Этому могут помешать лишь гибель носителя в результате стихийного бедствия, катастрофы и схватки с превосходящим противником.

Если данная стадия заканчивается естественным путем, Цитал воспроизводится, причем единичный паразит разделяется на восемь форм, находящихся в свободной стадии. Промежуточный хозяин в процессе разделения уничтожается, и каждый Цитал, таким образом, приступает к инициации нового цикла.

От начальника ДГЗ, из службы Корреляции:

е) количество Циталов свободной стадии в первичной стае приблизительно равняется сорока девяти тысячам особей. Стая впервые проявила себя на планете Тоулер, где, за исключением менее тысячи индивидов, вступила в симбиоз с высшей из находившихся там жизнеформ.

Таким образом, становится понятным появление феномена так называемого Тоулеровского червя, прежде рассматриваемое как наиболее яркий пример внезапной ментальной эволюции видов. Агрессивный характер супертоулеровцев вполне соответствует особенностям Цитала.

Полное уничтожение Цитала потребовало уничтожения всей стаи, за исключением индивидов, еще не внедрившихся в промежуточных хозяев;

ж) шансы на повторное вторжение подобной стаи в Галактику определяются практически как стоящие ниже расчетной;

з) угроза, исходящая от сравнительно небольшого количества остающихся в живых Циталов, усугубляется решением выживших особей избирать в качестве носителей только представителей цивилизованных видов с высоким базовым IQ, способных развивать и поддерживать доминирующее влияние на целые культурные системы.

В рассматриваемом здесь типовом случае Цитал не только обеспечивал политическое доминирование системы Ликанно двенадцатого класса, но и расширил ее влияние натри близлежащие системы.

Поскольку все выжившие Циталы поддерживают друг с другом ментоконтакт, а личность и местонахождение ста восемнадцати выживших особей содержатся в рапорте Агента, предполагается, что особых трудностей избавиться от них до наступления следующего периода репродукции, который позволил бы паразиту распространиться по Галактике в объеме, представляющем

серьезную опасность, не будет.

При этом операция должна быть проведена незамедлительно, поскольку репродуктивная деятельность первых Циталов по внедрению в хозяев со значениями IQ, близкими к человеческим, последовавшая за уничтожением Тоулеровских червей, должна занять в ближайшем будущем от двух до пяти стандартных лет. Разумеется, опасность существенно возрастает вследствие их недавнего устремления выбирать и сохраняться в разумах хозяев с аномально высокими значениями IQ, считающихся особенно ценными в отношении предстоящей «Смены».

Опасность для цивилизаций, исходящая от подобных существ, вследствие их ментальной гипертрофии и пагубного влияния Цитала, трудно переоценить.

Проблема уничтожения выживших Циталов, или, при невозможности такового, всех подобных перспективных сверххозяев, должна быть воспринята не иначе, как задача чрезвычайной важности.

— Кому они это говорят! — печально воскликнул Третий Координатор. Он потер подбородок и потянулся к селектору.

— Пси-тестер! — позвал он, — ты слышал? Како-

ва вероятность того, что кто-нибудь из Циталов мог внедриться в У-1?

— Необходимо допустить, — послышался ответ механического голоса, — что подобная попытка может быть вскоре предпринята. Акция, осуществленная вами против особей, перечисленных в рапорте Агента, не сможет воспрепятствовать одной из выживших приказать У-1 переместиться в другое, не известное нам место, где она сможет свободно в него внедриться. Вы рассчитываете, что за два дня, оставшиеся до нанесения удара, вам удастся собрать информацию, необходимую для завершения операции против Цитала. Однако за это время отдельные особи могут организовать бегство, а даже единственный Цитал, обладающий таким промежуточным хозяином как У-1, может привести к окончательному господству в Галактике данного вида. Галактические Зоны не имеют сведений о какой-либо другой форме разума, которая подходила хотя бы приблизительно для данной цели столь же хорошо.

— Да, — выдохнул Координатор, — думаешь, если бы они обработали У-1, то, принимая во внимание его возможности, он мог бы завоевать нас?

— Да, — ответил голос, — вполне.

Координатор глубокомысленно кивнул. Выражение его лица, казалось, было несколько напряженнее, а цвет — несколько пасмурнее, чем обычно.

— Что ж, в сложившихся обстоятельствах мы сделали, что могли, — сказал он, наконец. — Новый Агент будет на Гулле через одиннадцать часов, плюс-минус час. Завтра их там будет уже шестеро. И в придачу — флотилия истребителей, готовых броситься туда по первому зову. Правда, боюсь, ни один не успеет вовремя, чтобы принести хоть какую-нибудь пользу.

— Вероятно, так и будет, — подтвердил голос.

— Агент Зоны Илифф прекратил контакты с нами, — продолжал Координатор. — Корреляция сообщила ему, что они идентифицировали Тахмея как У-1. Он на всех парах помчится на Гулл?

— Естественно.

— Бюро сообщает, они не могут связаться со своей сотрудницей на Гулле. Похоже, — совсем сурово закончил Координатор, — Агент Зоны Илифф отлично разбирается в потребностях текущего момента.

— Да, — откликнулся голос, — разбирается.

* * *

— Штаб ГЗ пытается прорваться, — сказал робот. Спустя мгновение он добавил:

— Илифф, один в этом поле не воин.

— Ох, если бы ты знал, как прав! Половина Департамента сейчас разгоняет движки, чтобы собраться на Гулле, но прилетят они туда поздновато. А ведь они знают то же, что знаем и мы, или столько, сколько нужно для их же блага. Когда в последний раз ты получал сигнал от Пэйгадан?

— Больше двух часов назад.

Илифф помолчал секунду.

— Можешь прекратить сигналить, — наконец сказал он, — но будь открыт на прием, просто так, на всякий случай. И несись во всю мочь, пока мы не доберемся до Гулла!

После приземления потребовалось совсем немного времени, чтобы с достоверностью выяснить, что даже если Пэйгадан и находилась на планете, то была совершенно не в состоянии отвечать на какие-либо телепатические послания. Чуть позже — ведь он пребывал в убеждении, что осторожность сейчас не самое главное — ему открылся еще более значимый факт: то же самое можно было сказать и о персонаже, известном

под именем Дил.

Следующий час, пока он перелопачивал добрый десяток разумов, превратился в кошмарную тягомотину. Зато были получены некоторые сведения о том, что эти двое, которых он разыскивал, отбыли с планеты вместе, но на этот раз без сопровождающих. Случилось это сразу после того, как он отправил Пэйгадан свое первое послание.

Он мгновенно послал эти сведения на стоящий в доке корабль, добавив:

— Вопрос, разумеется, состоит только в том, кто кого увез. Я лично полагаю, что Пэйгадан впервые промахнулась. И все же, когда они покидали Гулл, она была в полной боевой готовности, а У-1 по-прежнему оставался Дилом. Корабль — яхта с одним пилотом, новенькая, только что купленная, заправленная топливом на пятьдесят суток. Никакого экипажа, о месте назначения ничего не известно. Немедленно передай всю эту информацию в штаб! Они ничего не смогут с этим поделать, но это все же хоть какая-то зацепка.

— Готово, — бесстрастно откликнулся робот. — Что дальше?

— Я срочно возвращаюсь к тебе, и мы полетим. Следом за ними, разумеется.

— Должно быть, сообщение она все же полу-

чила, — секунду помедлив, сказал робот, — но недостаточно отчетливо, чтобы понять, чего вы от нее хотите. Как ей это удалось?

— Похоже, здесь никто ничего не знает. Пэйгадан одним махом перебила всю его охрану, но все прошло шито-крыто. Банда Цитала, конечно, еще управляет планетой, они считают, что Дил и его похитители околачиваются где-то поблизости. Им только что сообщили из Ликанно, что там возникли крупные неприятности, но негодяи опять-таки не знают, какие. А теперь они еще начали подозревать, что на протяжении примерно часа кто-то совершенно свободно копается в их мозгах.

* * *

Оба охранника, дежуривших во внешнем коридоре здания Управления Порта, обладали разумозащитой, которая была проста, но эффективна. Об этом свидетельствовало напряжение, проступившее на их лицах от самого факта приближения Агента, и то, как они расслабились, но лишь слегка, когда он прошел мимо. Илифф поспешил предупредить корабль:

— Держи свободным канал для связи со мной и посматривай вокруг. Охота начинается здесь!

— Док чист, нет достаточно крупных объектов для того, чтобы иметь отношение к делу, — тут же ответил робот. — Я проверяю верхний ярус. А что, дело плохо? Я уже через три секунды мог бы встать рядом с вами.

— Конечно, мог, да только ты, слоненок, загубишь попутно пару тысяч душ! Эта секция пройдена. Оставайся на месте. За мной идут двое, еще целая компания ждет за углом. На всех — разумозащита, как у государственной полиции.

И секунду спустя:

— Они намереваются использовать парализаторы, так что это не опасно. Циталовым прихвостням я нужен живым, хотят меня допросить. Что ж, позволю им поймать меня. Кстати, их интересуешь и ты! На нас настучали из Ликанно. Теперь они думают, что мы прилетели, чтобы забрать Дила и ланнайку с планеты. Как там обстановка у тебя?

— Тихо, но неспокойно. На расстоянии предельной видимости — несколько военных кораблей, но они слишком далеко, чтобы нам навредить. Правда, слишком много людей группируются вокруг, в радиусе до двухсот километров, они все носят разумозащиту и чего-то ждут. По-моему, готовятся применить стационарные космопушки,

если мы опять попытаемся удрать без спроса.

— Так оно и будет. Ага, несут парализаторы!

Агент быстро шагнул за угол коридора и внезапно замер, словно пронзенный переливчатым фонтаном белого света, хлынувшего из сопла парализаторной пушки, удерживаемой тремя из восьми стоявших там человек.

Спустя мгновение фонтан автоматически иссяк. Силы оставили Илиффа не сразу быстро, он успел мягко сползти по стене и расслабить мускулы, что придало его лицу выражение наивного удивления.

Один из расчета пушки шагнул к нему, повернул голову Илиффа и приподнял веко.

— Больше не опасен, — с удовлетворением объявил он. — Пробудет в таком состоянии сколько нужно.

Другой проговорил в наручный микрофон:

— Мы его взяли! Какие будут указания?

— Несите в машину скорой помощи у главного входа в здание! — протрещали в ответ, — отвезете в док 709. Нам нужно осмотреть корабль, и потерпевший понадобится, чтобы проникнуть внутрь.

— Так я и думал, — донеслось до корабля бормотание Илиффа. — Они скажут, что я попал в аварию или что-нибудь в этом духе, а потом

предложат внести меня внутрь.

Мысль умолкла, но через секунду возобновилась:

— Эти ребята чего доброго вздумают вместо разрешенных правительством разумозащит применить решетчатые фильтры! Им ничего не известно, кроме того, что меня ищут, но бездействовать сейчас непозволительная роскошь. Придется взять их с собой. Готовься взлететь, как только мы окажемся внутри!

Те восьмеро, что внесли Илиффа в корабль через нижний шлюз — шестеро тащили носилки, двое трусили за ними — были самыми крепкими ребятами на всем Гулле, бдительная, отлично обученная и вооруженная команда, готовая отразить любую угрозу. Однако в данном случае у них не было шансов.

Шлюз мгновенно и беззвучно закрылся, едва не прищемив пятки последнего из вошедших. Ожидающие у фальшивой машины скорой помощи не были столь наблюдательны, чтобы заметить замаскированные дюзы. Спустя мгновение из них вырвалось разъяренное пламя, и санитарный аэрокар закувыркался в мощном реактивном потоке воздуха, образованном силой взлета. Чудовищный грохот почти зримо расколол надвое

пространство до самого горизонта, доки затряслись и затрещали, и корабль, как в прошлый раз, бесследно исчез.

Пару секунд спустя площадь космопорта вздрогнула вновь, на этот раз — от залпа единственной в округе стационарной космопушки, расположенной приблизительно в двадцати километрах от места событий. Именно на это орудие возлагались надежды расправиться с беглецом. Еще до того как ужасный звук достиг доков, две пушки, находящиеся на противоположной стороне Гулла, также изрыгнули свои заряды чудовищной мощности, но их атака не достигла цели. Дело в том, что еще над полюсом корабль Илиффа покинул жалобно стонущую атмосферу с явным намерением перепрыгнуть на единственный спутник Гулла, по совместительству выполнявший роль единственной во всей Системе астрокрепости. Чтобы не задеть ее укрепления, огонь с поверхности планеты пришлось прекратить, а обретающийся на полпути к луне робот тем временем положил корабль на нужный курс и придал подобающее ускорение быстро расширявшейся спиральной траектории бегства.

Гигантские орудия спутника еще целую минуту

беспорядочно сотрясали вакуум после того, как мишень тихо растаяла во тьме, уносясь далеко за пределы досягаемости оптических приборов.

* * *

Могло быть хуже, признался сам себе Илифф, и тут же задумался о том, что он, собственно говоря, имел в виду.

Он находился в промежутке между сознанием и бессознательным. Покачиваясь, словно поплавок, в нирване оказываемой ему первой помощи, он казался себе развоплощенным разумом, покинувшим тело, в то же время смутно подозревающим, что его намерены вернуть к реальности, причем не слишком деликатным способом. Пришлось предположить, что сейчас с ним будут что-то делать, причем, скорее всего, что-то неприятное.

Затем он осознал, что робот уже давно верноподданнически бубнит у него в мозгу, кратко извещая о последних событиях и одновременно предпринимая попытки привести в чувство.

— Так что действительно все было не так уж плохо. Помяли их не очень, поскольку кораблю удалось удрать. Разумеется, Агент представлял себе в общих чертах, каким образом робот органи-

зовал побег под пушками взбешенной планеты и значительной части ее боевого флота, пока его хозяин — человек — и восемь обитателей Гулла, бесчувственные ко всему происходящему, зависли в силовом поле, которое окутало их в момент закрытия нижнего шлюза.

Двухметровая дыра с оплавленными краями, пробитая в отсеке, расположенном чуть ниже шлюза, разумеется, не была плодом злого умысла конструкторской мысли. Просто в самый критический момент обстрела корабль вздрогнул от чувствительного удара энергетического снаряда, посланного вдогонку одной из гигантских спутниковых пушек.

Прочий ущерб, хоть и состоял из сравнительно небольших пробоин и вмятин, был совершенно непростителен, ибо явился естественным результатом легкомысленного пролета сквозь строй скорострельных боевых кораблей, какового с легкостью можно было избежать.

Илифф мечтательно обсудил, причем вслух, возможность полета на Джелтад, где кое-кого, а именно одну непокорную электронную личность, подвергнут серьезной эмоциональной коррекции. Лелеемая мысль не впервые приходит ему в голову, но до сих пор он всегда, в

конце концов, склонялся к жалости. Теперь же обязательно проследит за тем, чтобы так оно и произошло. Причем поскорее…

На этом месте Агент очнулся и вспомнил о деле гораздо более срочном, нежели эмоциональная коррекция. Меры, предпринятые для пробуждения его ото сна, навеянного силовым полем, а также для нейтрализации полученной им дозы парализаторных лучей, оставили лишь ощущение легкого недомогания. Правда, паралич еще продолжал действовать, пока он зевал и потягивался, гримасничая под действием некоей процедуры, похожей на пляшущие в его артериях пенистые пузырьки. Тем временем стальные щупальца робота перенесли мирно спящих гуллян в спасательную шлюпку, которая была выстреляна в вакуум, где, немного покружив в раздумьях, решительно взяла курс, на Гулл.

— Итак, наши дальнейшие действия, — заявил Илифф, как только жалобное хныканье SOS спасательной шлюпки стало затихать: — Беглецы не слишком обошли нас на старте, к тому же это не скоростной глиссер, а обычная межзвездная яхта. Если они направляются туда, куда, по моему мнению, они должны направиться, мы догоним их в любой момент. Но необходимо в этом

удостовериться, поэтому срочно организуй сеть глобального прослушивания с центром, само собой разумеется, на Гулле. Настрой приемники на полную мощь, а телепатическое вещание — на предельный радиус. Если появятся хоть малейшие признаки перехвата, немедленно сообщи.

— Готово, — гулко прозвенел металлический бас.

— Прекрасно. Мы не будем телепатически вызывать Пэйгадан напрямую, попробуем организовать бессознательный отклик. Теперь ясно, если только Корреляция не ошиблась, что вся проблема в У-1, но он сам этого может и не знать. По крайней мере, не сейчас. Отправь девчушке это…

За последнее время произошло слишком много событий, чтобы память могла мгновенно предложить нужную картину. Однако, поискав минутку, Агент ее извлек: тихий город в лучах рассвета, море многоскатных крыш цвета слоновой кости, хрупкие башни под пылающим небом.

Ответ поступил часом позже.

* * *

— До яхты меньше половины светового года. Можно мне подобраться незаметно и захватить

на буксир?

— Валяй, но никаких буксиров! — Илифф глубокомысленно пожевал нижнюю губу. — Конечно, Пэйгадан больше не отвечала?

— После того первого бессознательного ответа — ничего. Но яхту могли блокировать от телепатии.

— В любом случае, тогда она была жива, — смиренно предположил Илифф. — Сообщи в Штаб местонахождение яхты, передай, пусть прекратят рвать на себе волосы, поскольку У-1 сейчас действует самостоятельно, и любой Цитал, какой к нему приблизится, пожалеет, что родился на свет. Затем набрось на этот драндулет заморозку. Необходимо, чтобы он встал как вкопанный. Пожалуй, придется взойти на борт…

Он болезненно поморщился и добавил:

— Двигайся быстрей, приятель, но будь осторожен! На этой яхте не может быть тяжелого вооружения, но У-1 творил и не такие чудеса. Возможно, Циталу необычайно крупно повезло, и он больше не видел У-1. И вообще не вернулся на Ликанно. Хотя именно туда стремился.

— Штаб лепечет что-то о дружеских поздравлениях, — холодным тоном сообщил робот, — а также сообщает, что два истребителя Веги смогут

догнать яхту через шесть часов.

— Здорово, — кивнул Илифф, — в случае, если получишь еще парочку сквозных дыр, они смогут оттащить тебя на буксире.

Заключенный в стальной пузырь бронекостюма, он уже продвигался к шлюзу. Странный обездвиженный корабль, до которого оставалось на самом деле еще несколько минут полета, появился на самом краю бортовых экранов, его нос и бока поблескивали мириадами ледяных микроскопических игл морозильного поля, которое обволокло яхту подобно скопищу проголодавшихся пиявок. Любое движение или выброс энергии, на какой бы он оказался еще способен, были бы немедленно поглощены и рассеяны в вакууме. Корабль был надежно обездвижен и мог провести в таком положении несколько часов.

— А поле-то не расширяется, — проговорил Илифф, чей язык едва повиновался хозяину. — Этот парень хорошо знает свою технику. Ему удалось изолировать силовые ресурсы, теперь он сидит в полной уверенности, что мы не будем взрывать яхту, а подойдем поближе и попытаемся выманить его наружу. И самое неприятное во всем этом, что он прав.

Затем заговорил робот, впервые после того, как

расставил криогенные силки на пути злополучной яхты.

— Илифф, — начал он безразличным тоном, — согласно существующим правилам вам не дозволяется предпринимать попытки взойти на борт корабля противника при обстоятельствах, граничащих с суицидом. Поэтому я уполномочен…

Голос запнулся, издав звук, означающий почти человеческое изумление. Илифф даже не оторвал глаз от экрана, а через некоторое время сухо произнес:

— Я немного поработал над твоими импульсами, дружище, пока не обнаружил устройство, которое позволяло тебе вмешиваться в мои дела ради моего же блага. Этого устройства в тебе не было уже много лет, стало быть, его смонтировали, когда ты стоял на капитальном ремонте.

— Глупо было так поступать, — обиделся робот, — я вовсе не имел возможности действовать вопреки вашим решениям, шеф, включая суицид, если он оправдан в сложившихся обстоятельствах. Но это совершенно не тот случай. Вам следует либо подождать подхода истребителей, либо позволить мне взорвать У-1 вместе с яхтой, без особенных раздумий о судьбе сотрудницы Бюро, хотя она, без сомнения, небезразлична

Департаменту.

— Галактическим Зонам тоже это небезразлично, — заявил Илифф, — они предпочитают, чтобы Пэйгадан осталась в живых.

— Очевидно, что важность этого несравнима с важностью уничтожения У-1, коль скоро представилась такая возможность. Зверства, совершенные им в качестве главы Гантских пиратов, включают уничтожение нескольких обитаемых миров. Если вы позволите ему уйти, он получит возможность продолжить свою блестящую карьеру.

— У меня нет ни малейшего желания позволить ему уйти, — мягко возразил Илифф.

— Мои ограничены, — напомнил робот. — В известных пределах я, разумеется, превосхожу вас, шеф, но, если за них выхожу, мне необходимы ваши указания. Если вы попытаетесь силой проникнуть на яхту, логично предположить, что вы погибнете, а из-за телепатической блокировки я не смогу узнать о вашей смерти. В таком случае нельзя гарантировать, что я смогу воспрепятствовать У-1 осуществить побег до того, как прибудут истребители.

Илифф внезапно побелел и издал раздраженный возглас. С трудом взяв себя в руки, Агент

медленно вдохнул полной грудью:

— Боюсь я его! — пожаловался он, несколько изумившись собственной откровенности: — А ты мне совершенно не помогаешь. Прекрати давать советы и послушай для разнообразия!

Успокоившись, он продолжал:

— Вполне возможно, что ланнайка уже мертва. Но если нет, вряд ли У-1 убьет ее, пока не узнает, на что мы нацелились. Положение отчаянное: как только он поймет, что мы с Веги, то не будет даже пытаться вступать в переговоры. Но также он поймет, что пока мы считаем Пэйгадан живой, будем бить по нему осторожно. Поэтому стоит рискнуть и попытаться вытащить девчушку оттуда. А вот что должен делать ты. В первую очередь, ни при каких обстоятельствах не приближайся к драндулету ближе, чем на расстояние средней лучевой досягаемости. Кроме того, когда я буду почти у самой яхты, ты должен будешь нацелить буксир с манипулятором на носовой люк, чтобы в нужный момент его открыть. Это позволит мне проникнуть внутрь неподалеку от капитанского мостика, где и должен находиться У-1. Дальше. Пока я буду внутри, телепатическая блокировка не позволит мне связываться с тобой. Если блокировка будет внезапно отключена, и я начну

отдавать тебе изнутри приказы, не подчиняйся! Скорее всего, я буду выполнять волю У-1. Тебе все понятно? Приказываю тебе не подчиняться никаким моим последующим приказам, до тех пор, пока не вернусь на борт.

— Понятно.

— Хорошо. Что бы ни случилось, покружись вокруг яхты еще минут двадцать после того, как я окажусь внутри, а по истечении этого времени взорви. Если Пэйгадан или я, или мы оба выберемся оттуда до истечения этого срока — отлично, но не подбирай нас, не позволяй взойти на борт и не обращай никакого внимания на наши указания, пока не сожжешь яхту. В этом случае, даже если У-1 попытается управлять нами, это его не спасет. Если он выйдет оттуда сам, с нами или без нас, в спасательной шлюпке или вооруженный, расстреляй его немедленно. Лаборатория, конечно, жаждет заполучить его мозг на исследование, но на сей раз ей придется обойтись без трофея. Усек?

— Да, шеф.

— Тогда скажи, можешь представить себе еще какой-нибудь трюк, который позволил бы гаду выйти сухим из воды?

Робот помолчал немного и ответил:

— Нет, я не могу, но У-1 наверняка может.

— Да, он наверняка может, — признал Илифф, — но не за двадцать минут. А минут у него будет даже меньше, потому что вскоре для него наступит горячая пора, и не просто горячая, а очень, очень! Возможно, мне не удастся схватить гада, но уверен, что слегка поморочу ему голову!

* * *

С самого начала все пошло вкривь и вкось, но об этом лучше было не думать.

Пока в списке достижений Илиффа не значилось проникновение во вражеский корабль, управляемый искусным и отчаянным пилотом, к услугам которого был целый ассортимент головокружительных трюков. Яхта могла унестись к звездам со скоростью, многократно превышающей скорость, света, причем энергию переноса с необычайной легкостью превратить в смертоносную ловушку для незваных гостей.

У-1 знал свое дело туго, да еще постоянно совершенствовался. Правда, особых причин подозревать, что его подслушивают, у него не было. Во всяком случае, до тех пор, пока он не поймал и не заблокировал телепатический луч Илиффа. Но последнее было маловероятно, поскольку мер-

завец не смог взломать разумозащиту Пэйгадан, не убивая ее.

Оставались кое-какие шансы на то, что пират узнал о преследовании меньше часа назад, и у него не было времени как следует подготовиться к абордажу. По крайней мере, Илифф на это надеялся.

Агенту понадобилось целых четыре минуты, чтобы покрыть расстояние до поблескивающей, словно капелька ртути, яхты, в то время как корабль-робот начал обходить ее по кругу на безопасном расстоянии. Это было необходимой мерой, ибо у У-1 не было никакой возможности ударить по оседлавшему буксир человеку в скафандре, пока тот не попадет внутрь яхты. Однако краткий всплеск эмоций, испытанный Илиффом на корабле перед выходом в вакуум, прозвенел тревожным звоночком, что его самоконтроль внезапно и необъяснимо упал до предела, который едва ли можно назвать здравым.

Время от времени Агент, как всякий нормальный человек, испытывал страх, но это совсем другое дело, лишь однажды ему довелось познать чувство, сравнимое с безграничным, всеобъемлющим ужасом, которое в данный момент было отделено от его разума чем-то вроде тонкой и

хрупкой пленки. Это произошло на тренировочных испытаниях, устроенных Лабораторией.

Однако он знал, что сейчас лучше не пытаться анализировать данный феномен. Если попробует, то этот кошмар может реализоваться во время атаки, тогда результаты наверняка окажутся плачевными, если не фатальными.

Существовали и другие способы взять себя в руки, простые, но весьма эффективные, которые в оставшиеся несколько секунд помогли бы ему овладеть собой.

Например, невозможно отрицать тот греющий душу факт, что во время на редкость своевременной ликвидации опасности, грозящей Галактике со стороны Цитала, нежданно-негаданно подошла к завершению — вот уж подарок матушки-судьбы! — и длительная охота на одного из самых беспощадных врагов Конфедерации. За спиной Илиффа, словно персонифицированная месть самой Веги, маячила чудовищная машина возмездия, которая грациозно вершила свои геометрически безупречные витки вокруг обреченной яхты. Каждый завершенный означал, что истекла еще одна минута из тех двадцати, отпущенных на остаток жизни пирата.

Разумеется, жизнь Пэйгадан могла оборваться

еще раньше, если ланнайка вообще еще жива.

Однако Агент был здесь бессилен. Если бы он стал дожидаться истребителей Веги, у несчастной ланнайки не осталось бы никаких шансов. Ни одно нормальное существо не выдержит дополнительных шести часов ментального давления, которое окажет У-1 на ее и без того разрушающиеся защитные системы, чтобы выжать всю возможную информацию.

Действуя так, как он действует, Илифф предоставляет ей наилучший шанс из всех возможных. По иронии судьбы, единственно возможной альтернативой немедленному убийству У-1 была активация одной из тех спусковых ситуаций, о которых предостерегала Корреляция. Таким образом, пират возвращался к своей собственной варварской личности, которая определенно воспротивится попытке Цитала вновь подчинить его себе ради их совместного блага.

* * *

Ждать эти несколько часов, отправиться на Гулл самому и осуществить операцию могло стоить гибели целой цивилизации. Немного колебаний, и Департамент направит туда сотрудника Бюро, причем обычным путем, то есть

официально, рискуя тем самым поставить под угрозу альянс с Ланнаи.

Нет, выбора у Илиффа практически не было. Как облегчение пришла мысль, что на данный момент его собственные шансы выжить представлялись столь же эфемерными, как и у Пэйгадан. На самом деле осознавать превосходство противника Агенту было не впервой. Лишь осознанное стремление всегда нападать первым, ментально или физически, выбирая время, место и способ, позволяло ему побеждать, сталкиваясь с теми чудовищными разумами, что составляли предмет забот Департамента. Кроме того, за его спиной всегда возвышалась несокрушимая мощь Конфедерации, к чьей помощи мог прибегнуть любой из Агентов, как и когда ему было угодно.

Но сейчас хорошо знакомая ситуация выглядела совершенно иначе.

У-1 погубил себя сам, причем столь же несомненно, как если бы его погубили люди, но все же у него оставалась возможность выбрать способ нападения и заставить противника его принять. Таким образом, поединок будет развиваться по плану, автором коего будет не Илифф. На этот раз у Агента будет другая роль — представлять сбитую с толку жертву. Он будет втянут в борьбу,

в которой ему, возможно, предстоит пасть, как и когда то будет угодно охотнику.

В отчаянии он отвлек свои мысли от грядущей западни. Но было слишком поздно, беспредельный ужас затронул его мозг одним кратким касанием, и Агент понял, что шансы на победу уменьшились еще на какую-то величину.

Затем, затмевая собой колючие звезды, перед ним выросла блистающая громада яхты. Включив тормозные дюзы буксира, он напомнил себе, что иногда загнанная в угол жертва способна напасть на охотника. Но в любом случае, он не привык бросать дело на полпути. А еще — ему очень нравилась Пэйгадан.

В полной боевой готовности, ввинчиваясь в носовой шлюз яхты, он уловил краткую мысль, подброшенную роботом:

— У-1 ждет тебя! Все шлюзы открыты изнутри.

Протяжный вздох Илиффа означал одобрение логики оппонента. Мембрана шлюза действительно мягко раскрылась перед ним — У-1 не было никакого смысла испытывать ее на прочность против гораздо более мощного буксира, который попросту смял бы эту хрупкую преграду. Очень осторожно буксир вместе с Агентом — большой шарик из зеленоватого крепкого

сплава, сцепленный с маленьким — подплыли к отверстию и проникли внутрь.

Внутри было спокойно: ни мощного силового поля, ни бурлящих потоков лучевой энергии. Терзавший Илиффа еще минуту назад аномальный ужас съежился до вялых всплесков тревожности, которые постепенно ушли в глубь разума и окончательно улеглись на дно.

Операция началась.

Пройдя мимо одного из внутренних датчиков, он почувствовал, что миновал телепатический барьер, скрывавший от него все происходившее внутри яхты. В этот момент он снял защиту и отпустил свой разум просканировать корабельные отсеки с максимально возможной скоростью.

Он уловил краткие, сбивчивые ментосигналы Пэйгадан. Никаких сообщений, не было даже осознания появления спасителя, лишь бессознательные посылы разума, еще живого, но до предела истощенного, с явными признаками нахождения на грани безумия. В тот же миг они исчезли. Что-то непреодолимое возникло между ними, что-то, похожее на плотный туман, окутавший разум ланнайки.

Илифф вовремя включил разумозащиту, но все равно физически покачнулся под действием

сильнейшей ментальной атаки, какую он когда-либо испытывал.

Мощнейший разрушительный импульс резанул его мозг точно лезвие огромной бритвы, раз, другой, заставив помутнеть взор и основательно встряхнув нервные центры, и исчез, прежде чем Агент успел понять, что это было.

Ослепительный сноп субатомного пламени вырвался из ствола стационарного аннигилятора, установленного на капитанском мостике. Сквозь сияние в лицо Илиффу ударили два тонких, как карандаши, луча, проникая, казалось, в самую глубину его мозга. Он прыгнул вперед, не обращая на них внимания. Фантомные лучи были совершенно безвредны для живых существ, их назначение запугивать и сбивать с толку.

Субатомный огонь — другое дело. Панцирный скафандр Агента мог выдержать его воздействие не долее минуты. У-1 вел атаку со всех сторон. При этом серьезных попыток воспрепятствовать проникновению Илиффа на мостик не было, Агенту давали возможность туда пройти.

Он сразу же увидел Пэйгадан, ему предоставили такую возможность. Она сидела, на полу посреди узкого коридора всего в метре от рельефного пульта управления, подойти к которому

препятствовали непрерывные голубоватые струи огнеметных очередей. На ней был скафандр обычного типа, оружия в руках не было. Девушка сидела лицом к нему, прямо и неподвижно, закрывая проход, поскольку скафандр мгновенно вспыхнул бы от малейшего прикосновения той адской энергии, что рвалась наружу в столь опасной близости от ланнайки.

У-1, очевидно, давал понять, что поскольку человек пришел сюда, чтобы вызволить свою напарницу, не стоит убивать хозяина яхты. Агент признал логичность этого соображения, пытаясь проскользнуть мимо пульта вдоль противоположной стены, чтобы оттянуть огнеметы на себя. Пока он проделывал это, нечто вроде огромного жука выскользнуло из-за массивной твердосплавной панели пульта управления и вновь скрылось из виду. Он понял, что У-1 пользуется бронекостюмом почти столь же мощным, как и панцирный скафандр, ведь ранее это была часть служебной экипировки Пэйгадан.

Оставалось лишь предпринять банальную фронтальную атаку с включенной разумозащитой, ударив поверх стальной плиты собственными аннигиляторами.

Если он сможет сделать это, то почти наверня-

ка одержит победу, да и Пэйгадан не пострадает. Поэтому все, что суждено Илиффу в дальнейшем, произойдет в те мгновения, пока он будет пересекать коридор, чтобы добраться до пирата.

Ставка была сделана на то, что панцирная броня выдюжит.

Прошло не более восьми секунд с того момента, как Агент вошел в коридор. Станковый аннигилятор, укрепленный на бронированном нагруднике, метал в центр тведосплавной плиты, за которой укрывался У-1, одно плазменное облачко за другим. Вскоре удивительно тугоплавкий полуметалл-полупластик не выдержал многомиллионноградусной температуры — он перестал быть твердым телом и перешел в иное агрегатное состояние. Казалось, что стоит добавить еще чуть-чуть мощности, и последнее укрытие заклятого врага Конфедерации превратится в лужицу вырожденной материи, окруженную уродливыми потеками сваренного заживо белка. Как бы не так.

В тот же миг сквозь возникшую в плите брешь яростно засверкали огнеметы У-1. Илиффа с такой силой отбросило от изуродованного пульта, что он еще долго не мог опомниться.

* * *

В какой-то момент бесконечно тянущейся агонии ему показалось, что сжимающая, словно в гигантских тисках, сила вдавливает его в корпус корабля. Затем давление внезапно прекратилось, и Агент свалился на пол. По крайней мере, на какое-то мгновение он оказался не на линии огня.

Он ощущал себя прескверно. Раздробленная кисть правой руки болталась в гермоперчатке, словно связка сосисок, и отозвалась дикой болью, когда он попытался опереться о стенку, чтобы встать. По всему телу разорванные мускулы и нервные волокна не спешили подчиняться приказам мозга, который привычно интерпретировал физическую боль лишь как сигнал опасности. Активировать хотя бы один из инструментов могучего панциря было решительно невозможно.

Агент находился как бы в двойных веригах: в бронированном гробу весом в две с половиной тонны и в собственном изуродованном теле, отдельные части которого бились в конвульсиях, а другие не подавали признаков жизни. Однако под скорлупой многочисленных защитных устройств мозг Илиффа жил и отдавал приказы, в

то время как разум, то есть его индивидуальность, почти не был задет физическими разрушениями и лишь напрягся в ожидании, как свившийся в кольца питон.

Агент прекрасно осознавал, что произошло. Один из циклопических ударов его аннигилятора вошел в резонанс с импульсом вражеского огнемета. Гравитационное поле получило чудовищную накачку и взорвалось. Панцирная защита сработала на всплеск гравитации почти мгновенно, но все же недостаточно быстро, чтобы спасти Илиффа.

В этот момент к нему в разум проник У-1, прощупывая, насколько противник беспомощен, откровенно намереваясь его убить. При непосредственном контакте прожечь насквозь массивную, но уже не активную броню, будет делом нескольких минут, если не секунд.

Илифф смутно ощутил, как пират вышел из-за искореженной панели и направился к нему. Он чувствовал, как все еще осторожно, но неумолимо чужая мысль прощупывает его мозг, а когда пират приблизился, вражеская разумозащита приоткрылась в ожидании триумфа. Вот он, момент истины! Илифф прикрылся собственной защитой и нанес разящий удар.

Никогда раньше Агент не осмеливался концентрировать разрушительную энергию такой мощности, какую обрушил в этот момент на разум У-1. Поскольку это являлось для человеческого организма своеобразной перегрузкой, подобной резонансу, взломавшему гравитационное поле — свет в очах Илиффа мгновенно померк. Вкус соленой крови во рту, ощущение сдавленности в натужных легких, подергивание истерзанных болью нервов — все исчезло в один миг. Внезапно и полностью лишенный какой бы то ни было информации извне, Илифф превратился в бесплотный дух, вступивший в смертельную схватку с другим духом.

Атака должна была сотрясти даже закаленную в боях душу У-1. Физически она остановила негодяя на полпути, заставив замереть на месте, словно под действием парализатора. Однако после первого, почти гибельного удара пират попытался восстановить разумозащиту, но безуспешно. Вспомнив, что лучшая защита — это нападение, он нанес Илиффу собственный удар. Без самоубийственной ярости, но неумолимый и бесстрастный. Удар огромной ментальной силы, которая если и сдает позиции, то, во всяком случае, очень медленно.

После этого борьба зашла в тупик, что давало пирату в данном случае некоторое преимущество. Оба понимали, что физической жизни Илиффа осталось на несколько минут, хотя, возможно, только сам Агент понимал, что его разум погибнет еще раньше.

Внезапно в его сознание словно ударила молния. Он было подумал, что это пришла за ним Костлявая Леди, но молнии били снова и снова, пока Агентом постепенно не овладело удивление и торжество: а ведь это не его, а другой разум разрывался на части! Разрушался, рассыпался на отдельные мысли и гештальты,[4] одним словом, агонизировал, хотя еще сам этого не понимал и по-прежнему продолжал бороться с Илиффом и с кем-то еще, находящимся совершенно вне понимания Агента.

Потом его удивление угасло вместе с остатками сознания, которое все еще неуклонно сражалось с ненавистным врагом, не желавшим умирать.

---

[4] notes: 4

Гештальт (нем. Gestalt — форма, образ, структура) — пространственно-наглядная форма воспринимаемых предметов, чьи существенные свойства нельзя понять путём суммирования свойств их частей.

* * *

Голос сделал краткую паузу и затем добавил:

— Отправьте это в Лабораторию. Ее руководству будет приятно узнать, что на этот раз, в виде исключения, оно попало почти в точку.

Робот вновь приостановился. Спустя секунду смышленый молодой человек из Штаба на Джелтаде учтиво спросил:

— Еще что-нибудь, сэр?

Он пару раз с любопытством взглянул на экран коммуникатора сверхдальнего сообщения, привычно отправляя в генеральный компьютер рапорт Илиффа о завершении миссии. Он не впервые наблюдал, как Агент Зоны отмечается прямо из реанимационного отсека своего корабля, замурованный в огромный куб из биоохранного геля, в котором многочисленные медики, находясь за тысячи световых лет от места действия пациента, заочно просвечивали, назначали лекарственные препараты в больших и малых дозах, кормили, подвергали восстановительным процедурам, лепили заново мускулы, сращивали переломы и психоанализировали, восстанавливая, таким образом, его душевное и физическое здоровье.

С безразличием юности карьерист из штаба

подумал, что все эти легендарные герои Департамента, о сердцебиении, дыхании и даже мочеиспускании которых заботятся роботы, чрезвычайно похожи на увечные, капризные эмбрионы. Потом ему пришла мысль о том, что было бы хорошо, если бы никто не протелепатировал его суждения по данному вопросу.

— Соедините меня, — донесся из куба голос Илиффа, хотя его губы на экране не шевельнулись, — с Третьим. Для личного рапорта.

— Уже слушаю, — послышался в ответ глубокий, хорошо поставленный голос, возникший неизвестно откуда. — Отключайтесь, Лэлибет, вы уже сделали все, что могли. Илифф, поздравляю тебя еще раз!

Изображение высокого седовласого человека, обладателя продолговатого лица, медленно проследовало через телепатический передатчик в разум искореженной, похожей на проволочный каркас, фигуры, наполовину уже реставрированной и местами покрытой пятнами свежей, розовой кожи.

— Снова норовишь стать быстрее в строй, а? — критически заметил Координатор. — Впрочем, всего лишь на вторые сутки после выполнения миссии ты выглядишь совсем неплохо, — повис-

ла пауза, во время которой он изучал Илиффа более внимательно.

— Всплеск гравитации? — понимающе спросил он.

— Он самый, — сознался проволочный каркас.

— Это очень больно, — сочувственно кивнул Координатор, но Илиффу показалось, что разум патрона явно витает вокруг более приятных материй.

— Я поручил Лаборатории смастерить спецкостюм, — продолжил Третий, — непроницаемый для любых видов искусственной гравитации, включая буксиры. Лабораторные умельцы, конечно, заявляют, что это теоретически невозможно, но я абсолютно уверен, что при правильном научном подходе…

Он сам себя перебил:

— Полагаю, ты хочешь знать, что произошло после того, как Пэйгадан переправила тебя на корабль и связалась с истребителями?

— Она дала понять, что собирается поговорить с вами на обратном пути на Джелтад, — ответил Илифф.

— Да, она так и сделала. Необычайно энергичная особа, Илифф, хотя по виду не скажешь. К тому же, как я обнаружил, прекрасно разбирается

в политических нюансах. Разумеется, я вынес ей официальную благодарность за смерть У-1 и предотвращение угрозы господства Цитала, а также за то, что она при этом случайно спасла жизнь одного из Агентов нашего Департамента.

— Не совсем случайно! — возразил Илифф.

— Случайно — только в сравнении с другими спасателями, конечно. Девчушка что, действительно это сделала?

— Именно она это и сделала! Я уже стремительно уходил в небытие, когда она буквально испепелила его. У-1, наверное, впал в ступор. Как я понимаю, он отпустил ее разум всего за три-четыре секунды до того, как она добралась до стационарного аннигилятора на капитанском мостике.

Координатор снова кивнул:

— Ментальная стойкость этих высокоразвитых телепатических рас просто поразительна! Любое человеческое существо после такого прессинга оставалось бы парализованным еще несколько минут, а, возможно, и часов. В конце концов, негодяй был не всеведущ. Он думал, что можно ланнайку оставить на время, пока не разделается с тобой.

— Как долго он ее обрабатывал?

— Почти четыре часа! Практически с того момента, как они вылетели с Гулла.

— И она не сломалась? — изумился Илифф.

— Говорит, что не смогла бы выдержать еще с час. Однако, похоже, она не сомневалась, что ты прибудешь вовремя и вытащишь ее из этой передряги. Тебе это льстит, верно?

Агент задумался.

— Нет, — ответил он, наконец. — Не совсем.

Патрон усмехнулся:

— По крайней мере, эта своенравная девица не желала принимать благодарность за У-1. Заявила, что если она это сделает, то ты можешь подумать, будто Ланнаи недостаточно высоко оценивают самоотверженность, с какой ты бросился ее спасать.

— Но вам, кажется, удалось ее переубедить. Каковы политические последствия?

— Пока еще рано высказываться определенно, но даже безо всякого вмешательства с нашей стороны они должны быть вполне удовлетворительными. История с Циталом — не для публики, сам понимаешь. Кстати, ребята стерли в порошок все это семейство несколько часов назад. Дело в том, что всегда найдутся ослы, готовые сделать из У-1 этакий фетиш, кумир для маргиналов. Та-

инственный разбойник с большой космической дороги и тому подобная чушь. Теперь они с той же беспредельной энергией организуют шумиху вокруг Великого Поборника Правосудия Веги, отправившего на тот свет старое чудовище! Я имею в виду ланнайку Пэйгадан. Кстати, не повредит и то, что она очень красива.

— Разумеется, славу разделит ее народ, наши нечеловеческие союзники.

Координатор приосанился:

— Полагаю, что это уж мне решать! Кстати, — глубокомысленно добавил он, — организованное сопротивление оппозиции против альянса с негуманоидами подавлено на корню…

Илифф не спешил с комментариями, поскольку хорошо знал, что когда патрон становится столь откровенен, это чревато неприятностями на чью-то ж… голову.

Никакой другой головы, кроме Илиффовой, поблизости не наблюдалось.

— Несколько дней назад, — продолжил Координатор, — мне нанес неожиданный визит мой коллега, Шестнадцатый Координатор, из Департамента Культуры. Он сообщил, что лично исследовал культуру и психологический склад расы Ланнаи, и был вынужден признать, что нет

и не может быть никаких возражений против того, чтобы они присоединились к Конфедерации в качестве полноправных членов. «Необычайно утонченный народ, высокие моральные устои и т. д., и т. п…» Намекнул, что в дальнейшем у нас не будет проблем даже с традиционалистами. Поразительные перемены, не находишь?

— Поразительные, — бдительно согласился Илифф.

— Однако можешь ли ты себе представить, — вопрошающе продолжал Координатор, — каким образом на Шестнадцатого, который, между нами, конечно, настолько туп и косен, как могут быть тупы и косны только замшелые традиционалисты, снизошло столь нехарактерное просветление?

— Нет, — ответил Илифф, — не могу.

— Тогда помолчи и дослушай до конца! После того, как мы обменялись поздравлениями и все такое, он вновь перевел беседу на различных Ланнаи, с которыми лично знаком. Вскоре выяснилось, что его интересует местонахождение одной конкретной ланнайки, с которой он познакомился в светских кругах, здесь, на Джелтаде, несколько недель назад. Как он выяснил, она выполняет некое задание…

— Ясно, — перебил Илифф, — это была Пэйгадан.

Координатор был разочарован:

— Да. Это она рассказала тебе, что познакомилась с Шестнадцатым?

— Она призналась, что вращалась в светских кругах, — ответил Илифф. — А что ему рассказали вы?

— Что в данный момент она принимает участие в одной строго секретной операции Департамента, что мы со дня на день ожидаем от нее известий (здесь я мысленно перекрестился) и что я непременно дам ей знать о том, что он о ней спрашивал. После того, как Шестнадцатый ушел, я сидел и обливался холодным потом до тех пор, пока не получил сообщение из истребителя Пэйгадан.

— Полагаю, вы не думаете, что она воздействовала на его психику?

— Ерунда, Илифф! — добродушно улыбнулся Координатор. — Если бы у меня были хоть малейшие подозрения на этот счет, я счел бы своим долгом начать немедленное расследование. Разве не так? Дело в том, что твоя роботесса, Лилибэт, сделала все возможное, чтобы Пэйгадан не догадалась о том, что корабль не укомплектован

командой из живых людей. Однако хитроумная девица откровенно призналась, что раскрыла этот секрет нашего Департамента и, в качестве наилучшего способа сохранить его, предложила перевести себя из Бюро в Галактические Зоны. А, каково?! Нет, в самом деле, она обратилась с просьбой пройти курс обучения Агентов Зоны! Думаешь, она пройдет через квалификацию?

— Еще как пройдет! — сухо ответил Илифф. — И вообще, было бы неплохо взять ее на службу в Департамент, где нам легче за ней приглядывать. Будет обидно, если лет через десять-пятнадцать мы неожиданно обнаружим, что несколько миллионов Ланнаи заправляют Конфедерацией.

На мгновение Координатор испуганно замолк.

— Хм-м, — задумчиво сказал он, — это вряд ли возможно. Однако думаю, я последую твоему совету. Через недельку-другую могу направить ее в твою Зону, и…

— Нет уж, — тихо проговорил Илифф, — такого не будет! Это дело — с подвохом, и Штаб будет утрясать его без меня.

— Послушай, Илифф…

— Никогда раньше не случалось подобного, — добавил Илифф, — но сейчас Департамент может столкнуться с первым в его истории случаем

неповиновения Агента Зоны.

— Послушай, Илифф, не принимай это так близко к сердцу! — Координатор помедлил с секунду: — Разумеется, я не могу одобрить твое поведение, но, откровенно говоря, мне нравится твой здравый смысл. Хорошо, забудь про это предложение, я найду другого простофилю.

Он заговорил официально-доброжелательным тоном:

— Полагаю, в данный момент ты находишься на пути в свою Зону?

— Именно так. Мы с Лилибэт находимся почти в том же месте, что и в прошлый раз, когда вы связывались со мной. Возможно, по пути я мог бы выполнить для вас какое-нибудь небольшое заданьице?

— Ну, — от неожиданности Координатор запнулся. На долю секунды показалось, что его внутренний взор изучает данные из личного блока памяти.

Затем он вздрогнул и мигнул.

— В твоем-то состоянии? Нет, Илифф, это исключено!

С этими словами мысль и образ Илиффа померкли в сознании Третьего Координатора. Он пробыл в неподвижности еще несколько секунд,

прежде чем выключил телепатический передатчик. На лице застыло выражение легкого удивления.

Разумеется, в этом обездвиженном, бесчувственном каркасе была невозможна никакая смена выражения, даже мановение ока! Но в тот момент ему показалось, что от Агента повеяло столь холодной и свирепой злобой, что Координатор едва не набросил разумозащиту.

— Пусть лучше этот сукин сын малость отдохнет! — решил он. — Буду поручать ему лишь рутинную работу. Клянусь, в какой-то момент я почувствовал, что он просто весь вскипел.

Он потянулся к переключателю и повернул его.

— Пси-тестер? А ты что думаешь по этому поводу?

— Восстановительная терапия Агенту не требуется, — немедленно произнес механический голос пси-тестера, — как я и предвидел на тот момент, решение взойти на борт корабля У-1 оказалось достаточным стимулом для разрушения как первичного шока двенадцатилетней давности, так и более поздней терапии, с ним связанной. Затруднения, пережитые Агентом между принятием решения и фактом десантиро-

вания на яхту, явились в значительной степени симптомами данного процесса и не повлияли на ментальное здоровье.

Координатор в задумчивости потер подбородок.

— Ну что, не так уж плохо. Осознает ли Илифф, что я…э-э… имею к этому некоторое отношение?

— Агент твердо убежден в том, что вы, получив сообщение о необычном рапорте своей сотрудницы, подозревали, что Тахмей и есть У-1. Более того, что именно по этой причине для выполнения данной миссии вы выбрали его, а не кого-нибудь другого. В целом одобряя ваш выбор как таковой, у него появились некие сомнения в вашем психическом здоровье, а именно, что ваша приверженность к секретности в один прекрасный день сыграет с вами злую шутку, и вы перехитрите сами себя так, что даже он не сможет помочь.

— С чего это вдруг..?

— Агент также начал подозревать, — безмятежно продолжал пси-тестер, — что в течение долгого времени в нем искусственно поддерживали состояние страха, чтобы любая критическая ситуация с участием У-1 могла автоматически произвести в нем эффект высочайшего напря-

жения защиты, какой только возможен при его ментальном типе.

Координатор присвистнул.

— Он и до этого додумался, м-да? — он закрыл глаза. — Но, в конце концов, — проговорил он с сожалением, — сама по себе идея была неплоха! Парень обожает переть напролом, выбирая самый короткий путь, забывая, что это иногда бывает опасным. Кроме того, невозможно было предусмотреть угрозу Цитала и чувство ответственности Илиффа по отношению к ланнайке, из-за чего он забыл, что ему следует быть очень осторожным во всем, что касается У-1.

Наступившая пауза выглядела, как приглашение высказаться, но пси-тестер молчал.

— Трудно все время быть правым! — с досадой заключил Координатор.

Он покачал головой, вздохнул и переключился на очередную проблему, стерев Илиффа из памяти.

МАСТЕРА ИЛЛЮЗИЙ
(The Confederacy Of Vega — 2)

Три корабля-разведчика Бьянты находились в часе полета от желтого карлика Ульфи, когда блестящая игла Змейки вонзилась в их зону слежения. Она была еще довольно далеко, но, судя по курсу, их траектории вскоре должны были пересечься.

Этого не произошло, хотя незадачливая путешественница безмятежно двигалась в течение нескольких минут прямо на них. Однако затем она резко дернулась в сторону и понеслась прочь на весьма приличной скорости, что с головой выдало панику на ее борту, произведенную одним видом кораблей Бьянты.

Дискообразные корабли-разведчики без натуги последовали за ней, не скрывая своих намерений, перестроились для преследования и уже начали спокойно сходиться вместе, окружая беглянку. Эта красивая серебристо-голубая яхточка явно была ценной находкой. Любимая игрушка какого-нибудь нувориша, следующая одиночным курсом вдали от крупных центров цивилизации, да еще

отважившаяся далеко отклониться от изъезженных троп коммерческого космоплавания. В этом случае у нее должен быть отличный пилот и команда, а также вооружение, чуть более мощное, нежели у обычного грузовика. Потому она может сопротивляться совместной атаке разведчиков на протяжении максимум четырех-пяти минут, или, если предпочтет крайне энергоемкий разбег до предельной скорости, сможет выдержать их преследование на пару минут дольше.

Однако никто еще не упрекал Бьянтов в импульсивности и безрассудстве. Существовала вероятность того, что эта яхта окажется одной из тех адских машин разрушения, которые на протяжении последних тысяч лет галактическое человечество и его союзники совершенствуют со все возрастающим искусством против таких, как они, мародеров.

Случилось так, что именно такое предположение более всего подходило Змейке. Агентский корабль Галактических Зон Веги — одна из полусотни машин своей серии — мог легко выдержать сравнение с любым другим кораблем раз в пять длиннее и являлся вершиной, абсолютной кульминацией космического разрушения. Это была сама окрыленная смерть. Более того, Змейка

прекрасно об этом знала.

— Преследователи сохраняют построение и идут вровень с нами без малейших усилий, — сообщил пилоту ее электронный мозг. — Покажем им, на что мы способны?

— Пятнадцатипроцентного ускорения вполне достаточно, — откликнулась пилот красивым певучим сопрано. Ее удлиненные серебристые глаза с квадратными зрачками, присущие гуманоидам Ланнаи, внимательно следили за положением кораблей Бьянты на видеоэкране длинного, широкого пульта управления.

— Если они зайдут слишком далеко, можешь немного повилять перед ними хвостом, но не забудь, что это довольно чуткие штучки! Пока наш крейсер не подошел на нужное расстояние, что-нибудь хоть капельку необычное может их отпугнуть.

На мгновение наступила тишина. Затем голос корабля-робота вновь загудел в рулевой рубке:

— Пэйгадан, тот диск, что в двенадцатом секторе, уже почти на расстоянии лучевой атаки. Мы можем расправиться с двумя из них сейчас, а третьего оставить для финальной гонки!

— Я это знаю, Змеючка! — терпеливо пропела ланнайка. — Но мы спланировали нашу иници-

ативу исходя из предположения, что Бьянты не работают маленькими группами. Материнский Диск должен находиться позади нас на расстоянии примерно трех световых лет, и крейсеру, чтобы определить его местонахождение, нужно лишь двух из этих разведчиков отогнать подальше. Лично нас устроит один-единственный диск.

Нельзя сказать, чтобы Змейка этого не знала. Однако она была машиной для охоты, и иногда ее охотничьи импульсы приходилось подавлять. Пэйгадан делала это столь же автоматически, как если бы подобные импульсы исходили из ее собственного разума. Фактически, когда она находилась на борту Змейки, трудно было провести отчетливую грань между ее собственными мыслями и теми, что проносились по электронным соединениям Змейки. Ланнайка часто затруднялась немедленно ответить на вопрос, была ли та или иная мысль продуктом органического мозга или его электронного продолжения в виде корабля, способного выполнять множество различных функций. Так, например, в данный момент именно Змейка следила за коммуникаторами.

— Агент-стажер с корабля, дрейфующего неподалеку от Ульфи, хочет поговорить с вами, Пэйгадан, — послышался голос робота. — Настро-

иться на прием его сообщения?

— Я сама, — узкая рука Ланнаи с серебристыми, хорошо отточенными ногтями, потянулась к сенсорной панели и дотронулась до крошечного диска на пульте. Из динамика коммуникатора донесся встревоженный низкий голос:

— Пэг! Ты меня слышишь? Это Халлерок! Пэг?

— Да, приятель, продолжай! — откликнулась она. — Я на секунду отключила свой контактный луч. Как там поживает наша славная планетка?

— Не хуже, чем обычно, — ответил Халлерок. — Но сейчас речь о твоей военной операции. Позади тебя — шесть наших истребителей, готовых пойти на перехват, а крейсер должен появиться на твоих экранах вот-вот. Ты все еще хочешь поговорить с ними через мой корабль-наблюдатель?

— Да, так будет лучше, — твердо сказала Пэйгадан. — Бьянты могут заметить сигналы кораблей Флота, поскольку они уже близко, но мой луч они точно не в состоянии прослушать! Я не хочу ошибиться во второй раз… Есть что-нибудь из Департамента?

— Корреляция прислала свежие материалы по делу Ульфи, но в них ничего особо важного. В любом случае эти парни не хотят вмешиваться в твои игры с Бьянтами. Я попросил, чтобы все

срочное высылали сюда, на мой корабль. Я прав?

— Ты прав, — одобрила Пэйгадан. — Ты непременно станешь Агентом Зоны, мой друг. Со временем.

— Сомневаюсь, — хмыкнул Халлерок. — К тому же у этой профессии нет будущего. Крейсер снова меня вызывает, Пэг! Я остаюсь на связи…

Когда едва слышный щелчок оповестил о том, что помощник отключился, Пэйгадан глубокомысленно поджала губы. На данный момент она являлась полномочным Агентом Зоны Конфедерации Веги уже четыре месяца, став первым представителем нечеловеческой расы, занявшим столь высокий пост в сверхсекретном Департаменте Галактических Зон. Халлерок, представитель человеческой расы, был продвинутым стажером. Насколько продвинутым — ей и предстояло решить, причем уже скоро.

Но эти малосущественные факты мгновенно испарились из ее сознания, как только Змейка предупредила вполголоса:

— Крейсер прямо против нас!

— Следи за диском по левому борту! — отрывисто бросила Пэйгадан. — Отрежь его от остальных, как только те начнут разворачиваться. Но прежде чем прижать, хорошенько его

разгони. Причем обязательно удостоверься, что сумела выжать из него всю скорость, на какую он способен. Возможно, нам не удастся получить то, за чем мы охотимся, но Лаборатория будет довольна, получив любой клочок информации об этих субчиках!

— Нет, подруга, мы получим то, за чем охотимся, — хищно промурлыкала Змейка, и спустя мгновение добавила:

— Они заметили крейсер. Пора!

* * *

Улепетывающий диск закрывал все большую и большую площадь видеоэкрана. В течение первых нескольких минут он выглядел как хвостатая комета с развевающейся позади дюжиной разноцветных лент, в чем был повинен не сам диск, а способ визуальной подачи на экран любого объекта, на который были нацелены следящие объективы Змейки. Изменения длины и яркости полос сообщали опытному глазу о расстоянии до объекта, направлении его движения, относительной и абсолютной скорости, а также о множестве других деталей, заинтересовавших любопытствующего наблюдателя.

Однако как только Змейка принялась пресекать

дозволенный Бьянтам рывок, когда мародеры, поддавшись на провокацию, предпринимали отчаянные попытки удержать лидерство в бешеной гонке, сквозь экранное изображение кометы стали медленно проступать туманные очертания непосредственно самого диска. Через четверть миллиона километров диск двигался уже всего в двухстах метрах впереди корабля-преследователя.

Тем временем пальцы Пэйгадан бегло порхали по клавишам и кнопкам пульта управления, побуждая записывающие устройства корабля производить все необходимые операции для визуального анализа.

— Боюсь, что мы все же не раздобудем ничего нового, — смиренно произнесла ланнайка. Раньше она никогда не видела Бьянтов воочию, но Департамент Галактических Зон Веги снабдил своего Агента копиями всех мало-мальски ценных документов, свидетельствующих об их повадках. Информация была довольно однообразной, неполной и не позволяла спланировать и нанести по космическим мародерам по-настоящему решительный удар. Серьезной угрозы для человечества Бьянты более не представляли, но никогда не переставали быть чувствительной

занозой, поскольку представляли собой необычайно назойливую и отвратительную породу галактических паразитов.

— Они не пытались сменить курс? — спросила Пэйгадан.

— Нет, с тех пор как вышли из разворота и обратились в бегство, — ответила Змейка. — Можно мне их нагнать?

— Полагаю, да. — Агент со страстью вглядывалась в экран. Диск был слегка искривлен по краям, он нырял и подпрыгивал на ухабах межзвездного вакуума, как и положено кораблю Бьянтов. По его краю толщиной в метр время от времени пробегали бурные всплески радиационного свечения.

Бьянты были консерваторами. Дошедшие со времен ранних веков Первой Империи сведения описывали практически те же космические аппараты, как и тот, что улепетывал сейчас от Змейки.

— Крейсер высказал пожелание следовать вместе с ним в направлении Материнского Диска, — продолжала Пэйгадан, вздыхая и нетерпеливо барабаня по пульту. — Ладно, можешь их слегка подтолкнуть. Приготовься к прыжку!

* * *

Змейка подтолкнула мародеров в весьма экспрессивной манере. Диск немедленно распространил вокруг себя зеленоватое, прозрачное мерцание, а мгновение спустя позади него блеснуло радужное кольцо. Затем двойной защитный слой диска исчез из виду, а сам он под безумным углом сорвался с прежнего курса, кувыркаясь, точно подстреленная летучая мышь, демонстрируя при каждом кувырке глубокий, раскаленный добела порез, тот, что Змейка нанесла ему при толчке.

Во время пятого по счету кувырка, спустя примерно четыре десятых секунды, диск раскололся вдоль всего обода пополам. Из щели, словно приоткрытой для зевка, вырвалось несколько десятков его уменьшенных копий, которые прыснули врассыпную. Это были отдельные Бьянты в своих не то скафандрах, не то спасательных шлюпках. После их исчезновения искалеченный корабль-разведчик зевнул еще шире, из него выплеснуло ослепительное пламя, и диск исчез в традиционном для Бьянтов акте самоуничтожения, этаком вакуумном харакири, которое они демонстрировали всегда, будучи захваченными

в плен превосходящими силами противника.

Хоть реакция спасающихся от погони Бьянтов была быстрой, реакция Змейки им не уступала. Сразу после своего первого колюще-режущего «толчка» яхта дала полное ускорение. Она затормозила настолько близко к эпицентру взрыва, что ударная волна активировала ее защитное поле, но еще до остановки примененные ею устройства захвата уже прочесали окружающее пространство.

Таким образом, в течение пары секунд все Бьянты были пойманы, и в момент контакта все они, кроме двух, отправились в мир иной вслед за своим кораблем, добровольно взорвавшись. Оставшиеся двое были слегка покорежены захватами нелинейной относительности, которые, сжимая, одновременно некоторым образом искривляли пространство — подобным техническим новшеством Змейка была снабжена специально для этого задания.

Пэйгадан, которая наблюдала за этим, вытянувшись как струна, побледнела и вскочила на ноги с триумфальным воплем.

— Ты это сделала, милая! — взвизгнула она уже более спокойно. — За пятьсот лет это первые Бьянты, которых удалось захватить неповре-

жденными!

— Ну, не такими уж неповрежденными, — заметила Змейка менее взволнованно, — но, думаю, я сохранила все кусочки!

— Тела вряд ли повреждены, — продолжала торжествовать Пэйгадан, вперившись в видеоэкран, — а скорлупки не имеют значения. Теперь аккуратно занеси их внутрь. Ах, какие красавчики! Подожди, вот будет шуму, когда Лаборатория узнает, что мы их взяли!

Она нервно слонялась вокруг, пока действительно не очень помятые плоские тела Бьянтов в мягких коричневых скорлупках были втянуты внутрь через один из шлюзов Змейки и осторожно помещены в консервирующий отсек, где их уложили скорлупками вниз, плотно прижав двадцать две коленчатые ножки к брюшкам. Большинство нервных окончаний, делавших их единым целым с механизмами отделяемых космических скорлупок, были отрезаны, но, тем не менее, Змейка сохранила все, что могла.

* * *

— Отлично сработано, Пэг! — послышался из коммуникатора голос Халлерока, когда ликующая победительница вернулась в рулевую

рубку. — Полагаю, шансов на то, что они живы, нет?

— Конечно, нет, после такого обращения! — с досадой протянула Пэйгадан. — Но я вовсе не жалуюсь. Ты, наверное, слышал меня в тот момент?

— Слышал, — признался Халлерок. — Твой воинственный клич просто парализует! Хочешь, поставлю записи по Материнскому Диску, которые только что переслали с крейсера? Эта гонка тоже завершилась, в полном соответствии с планом.

— Поставь! — попросила Пэйгадан, блаженно сворачиваясь калачиком в кресле у пульта. — Итак, ребята нашли все-таки Мамочку? Сколько знаюсь с людьми, никогда еще не была так счастлива! Каковы результаты сражения?

— Результаты неплохие. Запланированные сорок пять процентов кораблей-разведчиков уничтожены, а, по предварительным оценкам, таких будет около восьмидесяти процентов, прежде чем выжившие достигнут границ района проведения операции. Один из истребителей и пара ударных кораблей крейсера слегка пострадали при взрыве ядра. Ничего серьезного.

На видеоэкране началась демонстрация записи. Сделанная с борта крейсера видеозапись была

очень короткой, камеры проследили за выпущенным роем ударных кораблей, следовавших в направлении громадного плоского чешуйчатого блина Материнского Диска, который защищала тройка истребителей. Что касается сражения, критично отметила Пэйгадан, это была самая неумелая перепалка, какую она только видела за последние годы. Учитывая тот факт, что пойманная добыча представляла собой ни что иное, как несколько тысяч уложенных плотными слоями хорошо вооруженных кораблей-разведчиков. На миг защитные поля атакующих кораблей Веги предупреждающе блеснули белым. Затем экран мгновенно заполнился радужными вспышками — то были разведчики, уносящие ноги от смертоносного огня нападавших; причем более яркие вспышки означали, что бегство удалось далеко не всем.

Когда охотники взметнулись вихрем, преследуя беглецов, экран вновь потемнел, и там, где раньше виднелся Диск, появился полупрозрачный кристаллический эллипсоид около семисот метров в диаметре. Питомник Бьянтов. Вначале он слегка увеличился в размерах, и спустя мгновение вспыхнул, точно сверхновая звезда.

* * *

Пэйгадан моргнула и одобрительно кивнула опустевшему экрану.

— Надо же, какие приятные манеры! Избавили нас от множества хлопот. Однако самый крупный улов сегодня принадлежит нам, старушка Змейка! — она скорчила недовольную гримаску. — Так что теперь настало время позаботиться об этой маленькой сонной планетке Ульфи, а также о том, кто… хм… кого во всяком случае сонным не назовешь! А также о парочке других… — внезапно она выпрямилась. — Кто это там, на коммуникаторе?

— Это робот-маячок, которого вы прикрепили к следователю Департамента Культуры на Ульфи, — ответила Змейка. — Он хочет сообщить, что у дамы возникли какие-то недоразумения с местным населением. Переключить его на наблюдательный корабль, чтобы Агент-стажер разобрался, в чем дело, и в случае необходимости заменил ее?

— Подожди! — пальцы Пэйгадан вспорхнули в направлении панели коммуникатора. — Нет, если только это та самая девушка из Департамента Культуры! Не хочу, чтобы мне спутали все

карты. Маячок проследит, чтобы с ней ничего не случилось, пока я туда не доберусь. Быстро соедини меня по той линии!

Мгновение спустя она уже диктовала Халлероку с наблюдательного:

— ...так что через несколько минут я тебя забираю к себе, на борт Змейки. Центральная лаборатория хочет немедленно получить все данные по структурному анализу этих маринованных Бьянтов. Этим займешься ты, потому что у меня нет времени.

— А что случилось?

— Ничего серьезного, — успокаивающе пролепетала Пэйгадан, — но, по всей вероятности, ближайшие несколько часов я буду занята. Возможно, следователь из ДК случайно почуяла, что в королевстве Ульфи что-то прогнило, но, в любом случае, кто-то сейчас пытается осуществлять над ней ментальный контроль. Разумеется, маячок ее охраняет, так что она в безопасности, но я все же намерена спуститься на планету в шлюпке Змейки, как только ты окажешься на борту. Кстати, как скоро будет подготовлен госпитальный, корабль?

Халлерок на мгновение задумался.

— Думаю, он уже готов. Четыре часа назад я

поднял на борт последнего медбрата.

— Молодец, — рукоплескала Пэйгадан. — У меня есть одна идея. Я пока еще не уверена, что это сработает, но нападение на ДК позволит нам провернуть операцию на Ульфи в течение ближайших двадцати четырех часов!

* * *

Три недели назад, в самом начале, дело выглядело таким легким и приятным. Поскольку это было лишь пятое по счету задание, а в четырех предыдущих заданиях не было ничего, даже отдаленно напоминающего хоть что-то приятное, Пэйгадан обрадовалась не на шутку.

Почти никаких забот в течение трех-четырех недель, тешила она себя надеждами, покидая шлюпку для первого краткого знакомства с планетой Ульфи. Она проследовала туда в качестве пассажира истребителя Веги, шлюпку спрятали в одном из оружейных шлюзов, а Змейку отправили кружить по далекой и безопасной орбите, поскольку сия блистательная глубоко космическая махина выглядела бы чересчур впечатляюще для Пелайл, рядовой служащей Галактических Зон. Пелайл — это местный псевдоним Пэйгадан. Поскольку все население

планеты поголовно было охвачено врожденной космофобией, шлюпка могла послужить и в качестве транспорта, выполняя главным образом функции резиденции и рабочего офиса.

При этом делать не нужно было ровным счетом ничего. За исключением, разумеется, обеспечения безопасности представителей Веги, которые прибывали на планету и вместе с Флотом завершали неспешные приготовления к поимке Бьянтов, которые должны были примерно через месяц предпринять очередной серийный налет на беззащитную Ульфи.

Эти методичные создания любезно совершали свои операции циклами со столь строгой периодичностью, что работать с ними было о дно удовольствие. Стоило лишь обнаружить следы, направить в этот сектор собственные превосходящие силы и ожидать их появления.

С поверхности Ульфи Бьянты похищали незамысловатые продукты местной цивилизации в виде материальных ценностей и техники, которая могла им понадобиться в следующем периоде цикла, составляющего чуть больше трех сотен стандартных лет. Пока они не причинили серьезного ущерба, судя по тому, что понадобилось восемь предыдущих рейдов для того, чтобы

местное население, наконец, обратилось за защитой к далекой Конфедерации Веги. Теперь те же соображения, что наставили враждебный человечеству Диск на пагубный путь мародерства, должны были привести его обратно. Предположительно, непосредственно в расставленную Вегой ловушку.

Пэйгадан не стоило беспокоиться. Конечно, никто не мог быть уверен в том, что новые лучеметы-щелкунчики, установленные на Змейке для поимки не взорвавшихся Бьянтов, оправдают возложенные на них ожидания. Но это была не ее проблема, а Лаборатории. Все понимали, что ланнайка заслужила небольшой отпуск, потому-то ей и были подарены эти три недели на Ульфи. Предшественники Пэйгадан, сотрудники других правительственных подразделений Конфедерации, в своих отчетах описывали планету как очаровательную тихую гавань, которая из-за охватившей планету эпидемии космофобии оказалась почти на четыре сотни лет отрезанной от магистральных путей человеческой цивилизации. Предоставленная самой себе и своему благоприятному климату, Ульфи постепенно приобрела «уникальное старомодное очарование…»

Да-да, именно это утверждалось в рапортах!

Таким образом, Пэйгадан легкомысленно уселась в шлюпку, дабы предпринять расслабленное путешествие по орбите вокруг этой жемчужины, а заодно приглядеть парочку уютных местечек, где можно без помех предаться откровенному и полноценному ничегонеделанию.

Два дня спустя, когда она вернулась на борт верной Змейки, серебристые волосы на голове стояли торчком от гнева и потрясения. Грубо разбуженный телепатический передатчик жужжал во всю мощь и чуть не брызгал слюной, передавая до предела яростное сообщение в Центральный офис Штаба Галактических Зон на планету Джелтад, находящуюся на расстоянии восьми тысяч световых лет от места событий.

* * *

В Центральном офисе на Джелтаде некий штабной клерк, уже убегавший на ланч, вдруг приостановился у стола одного из своих коллег.

— Что такое Эффект Пирамиды? — нервно поинтересовался он.

— Сам должен знать, — ответил отзывчивый коллега, — а если не знаешь, пойди и посмотри в Пси-Библиотеке для служебного пользования. У

меня на подходе финальный рапорт.

Он поднял взгляд:

— А зачем это тебе вдруг понадобился Эффект, Линки?

Линки неопределенно ткнул большим пальцем в направлении передатчика на своем столе.

— Со мной, прямо перед концом смены, разговаривала эта новенькая, Агент Зоны из Ланнаи. Ее просто разрывало на мелкие кусочки из-за того, что там происходит. Она заставила меня связать ее со всеми, с кем только можно, начиная Сыщиком и заканчивая самим стариком! Похоже, что это как-то связано с Эффектом Пирамиды.

Коллега хихикнул:

— В таком случае она еще только погружается в задание. Я разговаривал с ней пару раз, когда она была на стажировке в Зоне. Пока не вникнет в дело, ругается как настоящий землянин. А вот чем хуже обстоят дела, тем слаще она поет. Может, подождешь немного? Если сейчас пройдет луч, я поставлю его на запись, и мы вместе пойдем на ланч.

— Хорошо, — Линки на мгновение засомневался, но затем все же вернулся к своему столу, возле которого, держась подальше от видеоэкрана передатчика, он остановился и прислушался.

— …ладно, меня интересует, почему об этом никто не знал? — послышался сквозь потрескивание приглушенный голос Пэйгадан. — Следователь Департамента Культуры уже больше месяца сиднем сидит на Ульфи, а остальные и того дольше! У вас есть копии их рапортов, не так ли? А из этих отчетов должно быть ясно как дважды два, что очередной телепат второго уровня вообразил, будто это он придумал Эффект Пирамиды! Кроме того, век гуманоидом класса «С» буду, — язвительно добавила она, — если это не массовое явление, да еще в полном разгаре и со всеми вытекающими! Включая приобщение к бессмертию и психоз Шивы… Нет, только не надо присылать мне отчеты Лаборатории! Скажите, что я не отойду от передатчика до тех пор, пока они не разберутся с тем, что я уже выслала. Где Сыщик, где этот злобный человечишка? Или, может быть, кто-нибудь скажет мне, где болтается этот тощий тупоголовый белобрысый писарек, с которым я разговаривала две минуты назад…

Линки приподнялся на цыпочки и бесшумно покинул зону слышимости.

— Разговаривает с Корреляцией, — кивнул он приятелю, — а, стало быть, пока еще не поет. Думаю, мне нужно немного времени, чтобы спра-

виться об Эффекте в Библиотеке.

Приятель кивнул, не поднимая головы:

— Можешь зайти в информационный кабинет Главного. Он минуту назад вышел.

— Эффект Пирамиды, — минуту спустя начала нараспев просвещать Линки Пси-Библиотека. — Для служебного пользования, на уровне Агента Галактических Зон. Возникает в результате расширяющегося с каждым годом серийного использования пси-импульсных мультипликаторов, как органических, так и неорганических, телепатами уровней со второго по четвертый для направленного распространения каких-либо картинок, побуждений, иллюзий и т. д. по отношению к большому числу субъектов.

Существенной особенностью Эффекта Пирамиды является возникновение у направляющей ментальной единицы избыточного энергоистечения, достигаемого посредством утилизации невральной или невральноподобной энергии мультипликаторов в процессе преобразования направленных импульсов от предыдущей стадии к последующей.

Технологии, необходимые для приведения мультипликаторов к первой и второй стадиям, классифицируются как Нежелательное Общее

Знание. Несмотря на то, что телепаты уровней выше начального нередко самостоятельно культивируют подобные технологии, любая форма их применения строжайше запрещена на территории Конфедерации Веги и крайне не одобряется любыми более или менее ответственными правительствами.

Доведение импульсных мультипликаторов до третьей стадии, а также последующих стадий, представляет собой технологию, крайне редко культивируемую телепатами уровней ниже пятого. Данная технология при любых обстоятельствах классифицируется как Запрещенное Общее Знание и подлежит уничтожению согласно правилам, в соответствии с данной классификацией.

Методику применения Эффекта Пирамиды можно детально изучить в следующей рубрике: «Технологии: Эффект Пирамиды».

Мягкий певучий голос стих.

— Х-м-м-м, — с интересом промычал Линки. Он посмотрел по сторонам, рядом с информационным кабинетом никого не было. Потом быстро набрал: «Технологии: Эффект Пирамиды» и стукнул по заветной кнопке.

— Запрашиваемая вами информация, — нему-

зыкально прокаркал совершенно другой голос, — распространяется для служебного пользования на уровне Агентов Зоны и выше. Ваша идентификация?

Линки нахмурился, быстро нажал «отмену», пробормотал «вот черт, черт, черт!» и отбарабанил на клавиатуре новую комбинацию.

— Пси-импульсный мультипликатор, — раздался вновь сладкий голосок. — Для служебного пользования, на уровне Галактических Зон. Любое разумное существо, органическая единица, форма энергии или разумное техническое устройство, используемое для распространения различных видов телепатических импульсов в направлении субъектов за пределами направляющей ментальности по уровню или количеству. Смотри «Эффект Пирамиды».

Кажется, речь шла именно об этом. О чем еще вопила эта Агент Зоны? Ах, да!

— Психоз Шивы, — тут же услужливо пролепетал милый голосок. — Симптом от промежуточной до заключительной стадий Автократической Цепи в ментальности человеческого типа. Смотри «Массовые убийства: Причины…»

Линки поморщился.

— Нашел, что хотел? — коллега давно уже стоял

за его спиной.

Линки поднялся.

— Нет, — ответил он. — Пошли отсюда. Пришел твой финальный рапорт?

Приятель покачал головой.

— Пропал парень. И корабль, и все остальное. Только что начали поступать автоматические сигналы о смерти. А этот колокольный перезвон всегда ужасно действуют мне на нервы!

Он подтолкнул Линки к лифту.

— Хоть бы придумали для этого какое-нибудь другое звуковое сопровождение!

* * *

— Понимаю, у вас проблемы с сотрудниками Департамента Культуры, — с сердечным сочувствием сказал в передатчик Сыщик.

— С одним-единственным сотрудником, — процедила Пэйгадан. Вероятно, ее собеседник не был воплощением абстрактного зла, но выглядел он так жутко, словно от постоянного общения с ним постарел и обрюзг.

— И этот сотрудник, — добавила Пэйгадан, — хуже, чем дюжина тех, с кем я уже имела счастье познакомиться!

— Это, наверное, Ди-Си-Коиф 12–27? — кивнул

Сыщик. — Ну что ж, вам не придется составлять на нее досье, оно всегда у меня под рукой.

— Значит, с ней были проблемы и раньше?

— Конечно! Много раз. Системный Шеф Джесс, большая красавица, верно? — усмехнулся Сыщик. — У меня есть все ее параметры.

— Еще бы, — кисло протянула Пэйгадан, — она очень подошла бы в качестве флагштока. В ней, должно быть, не меньше двух с половиной метров росту!

— Два сорок пять, — уточнил Сыщик. — Чем она сейчас занимается? И где находится? На Ульфи?

— Чем занимается? — переспросила ланнайка. — Постоянно сует нос не в свое дело, как все работники Департамента Культуры. По большей части — в мое, хотя и не знает об этом. В особенности, мне не нравится то, чтобы она снабжает Флот информацией, которой либо у них нет, либо они не должны ее иметь по соображениям элементарной служебной целесообразности. Я знаю одного командира истребителя, который утверждает, что каждый раз, когда Шеф Джесс на него смотрит, ему кажется, что его сейчас либо уволят, либо ударят.

— Ну, она этого не сделает, — добродушно протянул Сыщик, — Джесс — она добрая. Жутко

добросовестная, только и всего. Прислать вам ее досье или озвучить на месте?

— И то, и другое. Сейчас мне нужны лишь самые общие сведения, чтобы я знала, как с ней поступить. Я бы лично ее пропсихоанализировала, но у нее хорошая разумозащита, к тому же мне никто не позволит тратить рабочее время на борьбу с Департаментом Культуры.

Сыщик понимающе кивнул, привычно откашлялся и поднял очи:

— Возраст — двадцать пять лет или около того. Тип — человеческое существо класса «А», неизвестной расовой принадлежности. Гражданка Конфедерации, родом с планеты Джелтад. Место рождения неизвестно, родители — то же самое. Предположительно — из космоса…

— Пожалуйста, об этом поподробнее! — воскликнула Пэйгадан.

— Я так и собирался сделать, — устало откликнулся Сыщик. На его лице застыло выражение безграничного терпения.

* * *

Предмет разговора был выужен из межзвездного вакуума в трехлетнем возрасте, причем произошло это в довольно пустынном районе,

в северном квадранте, где светила встречались тем реже, чем ближе было до Условной Границы. Разведчик Веги, притормозив в этом районе, дабы внимательно осмотреть пространство, замусоренное разбросанными в результате жестокой битвы остатками четырех кораблей, обнаружил ребенка полуживым, потерявшим сознание, свободно дрейфующим во взрослом скафандре, как раз такого размера, какого она достигла, когда выросла.

Проведенное на месте расследование пришло к выводу, что Джесс оказалась единственной, кто выжил в безумном, яростном и, по-видимому, очень коротком поединке. Были обнаружены смутные свидетельства того, что на одном из погибших кораблей экипаж состоял из пяти или шести ее соплеменников. Остальные корабли принадлежали Лартессианцам, представителям расы космических пиратов. С этим гнилым ответвлением генеалогического древа человечества патрульные службы Веги были знакомы гораздо лучше, чем им того хотелось.

Пэйгадан также была знакома с ними.

— Именно так они и дерутся, эти психи, всегда нападают наверняка! Так что сородичи нашей любимицы должны принадлежать к весьма

стойкой расе, чтобы сражаться с ними на равных один против трех. О них нет никаких сведений?

Сыщик пожал плечами. Он довольно долго пытался найти таковые сведения, но безрезультатно. Разумеется, также как впоследствии и сама Джесс. Сирота выросла в семье второго пилота корабля-разведчика. Приемные родители были правоверными традиционалистами, поэтому не удивительно, что в возрасте шестнадцати лет девушка поступила в Традиционалистский Колледж на Джелтаде. Она зарекомендовала себя блестящей студенткой и прекрасной спортсменкой — дважды выиграла золото престижных Веганских Игр.

— В каком виде спорта? — полюбопытствовала Пэйгадан.

— Метание крылатого копья и какой-то вид плавания. — Сыщик не уточнил, какой именно. — Еще в колледже она начала работать выездным следователем Департамента Культуры, поскольку Культура всегда была политическим плацдармом для могучего Традиционалистского Вероучения. Тогда ей было девятнадцать. Всего три года спустя ее назначили Системным Шефом.

Пэйгадан присвистнула.

— Примерно в это же время, — подвел итог Сыщик, — у нас начались с Джесс проблемы. Она достаточно умна, чтобы понимать — то, чем занимаются Галактические Зоны, не вполне соответствует официальным установкам. Похоже, она считает нас чем-то вроде тайной полиции!

Пэйгадан кивнула:

— Тотальная гласность и открытость — вот заветные фетиши традиционалистов, Господь их прибери! — она замолчала, словно задумалась над своими словами.

Ему неловко было спрашивать, но он все-таки спросил:

— Вы же не собираетесь воевать с Джесс, Агент Зоны?

— Зачем же мне воевать с Системным Шефом? — как-то чересчур безмятежно заявила Пэйгадан. — Такая хорошая девочка, к тому же красавица, несмотря на свои два с половиной метра.

— Два сорок пять, — привычно поправил Сыщик. Обещание Пэйгадан его не успокоило. Отнюдь.

* * *

Помощник Начальника Службы Корреляции Галактических Зон вошел в кабинет шефа и обнаружил его, задумчиво созерцающего только что полученную светящуюся карту.

Помощник проверил значение номера на карте и сочувственно сказал:

— Понятно, сэр, Агент желает поговорить с вами лично. Неужели дела действительно так плохи, как она об этом пишет?

— Полковник Дюбуа, — произнес генерал, не поворачивая головы, — рад, что вы здесь, чтоб разделить ответственность. Да, дела обстоят именно так — плохо!

Он кивнул в сторону правого верхнего угла карты, где еле заметно мерцала целая группа разноцветных значков.

— Информация по планете Ульфи, только что полученная от Агента Зоны. Прежние донесения пылятся в нашем архиве уже несколько недель.

Некоторое время оба безмолвно изучали карту.

— Конечно, несколько недель — это бардак, — признал, наконец, полковник, — но и архив нельзя винить. Если Агент не сопровождает свое донесение пометкой «срочно», оно обрабатыва-

ется в обычном порядке, что может замедлить процедуру корреляции.

— Не сомневаюсь, что ланнайка это понимает, — согласился генерал. — С другой стороны, как только она появляется в Системе, не проходит и дня, чтобы мы с женой не наткнулись на эту скандалистку на том или ином официальном приеме. Особенно везет моей жене. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему необходимо завершить это дело наилучшим образом?

— Понимаю, сэр.

— Я намерен в этом разобраться, и прошу вас как можно внимательнее следить за моими рассуждениями. Если у вас возникнут малейшие сомнения относительно каких-либо выводов, будьте любезны, немедленно прервите меня.

Они вместе склонились над картой.

— Случай с Ульфи, — уверенно начал генерал, — очевидно, есть продукт деятельности обессмерченного человеческого интеллекта класса «А», двенадцатого подкласса. В результате появился телепат второго уровня, чему в значительной степени способствовала изоляция в рамках планеты или небольшой планетной системы на протяжении от трех до пяти столетий.

Полковник Дюбуа отметил про себя, как есте-

ственно в голосе шефа проявились лекторские нотки. Будучи одним из двух сотрудников, несших ответственность за психометрические расчеты процесса корреляции, а также за то, чтобы сделать их понятными для остальных сотрудников службы, генерал имел множество возможностей для приобретения подобных манер.

— В настоящее время, — продолжал Начальник Службы, — общий контроль, конечно, осуществляется почти полностью автоматически. Тем не менее, однако, выявилась непрекращающаяся и довольно яркая активность, которую направляет источник управляющей ментальности (ИУМ). Развитие психоза Шивы достигло среднего уровня, типичного для аналогичных примеров — причудливые таинственные убийства под маской жертвенного символизма. Количественно они пока не достигли таких масштабов, чтобы серьезно повлиять на численность населения. Во всяком случае, кровавой и беспорядочной резни, предваряющей скорый и окончательный общий упадок, не ожидается в течение еще, по крайней мере, столетия.

Для идентификации ИУМа необычайно важно рассмотреть следующую совокупность фактов.

На ранних стадиях начавшегося доминирования ИУМа, прогресс науки на Ульфи, дотоле сопоставимый с общегалактическим, резко свернул с проторенной дороги и на протяжении почти четырех десятков лет сосредоточил свои усилия на исследованиях, связанных с проблемой индивидуального бессмертия. Очевидно, что при подобных затратах лишь чрезвычайно неудачное стечение обстоятельств могло воспрепятствовать обнаружению и исследованию трех основных компонентов, составляющих суть обессмерчивания.

Стоит заметить, однако, что в последующие годдва расследование было совершенно дискредитировано, прекращено и более не возобновлялось.

И, наконец, в качестве критической отметки можно принять объявление о смерти выдающегося пси-лидера того времени, который является исторической фигурой даже для современной Ульфи, известного как Моюскана Бессмертного, выдающегося Мастера Иллюзий. Подтверждающие данную точку зрения документы свидетельствуют, что тело покойника на обозрение не выставлялось…

Дальнейшее разбирательство заняло не более пятнадцати минут.

— Ну, вот, пожалуй, и все, — подытожил генерал. — Еще наши далекие предки, осваивая Галактику, удивлялись, как часто затерянные островки цивилизации просто внезапно прекращают свое существование!

Он заметил брошенный искоса взгляд полковника.

— Вы согласны с моими выводами, полковник?

— Совершенно согласен, сэр!

Генералом овладели сомнения.

— Население Ульфи пока еще прорежено не так сильно, — заметил он. — Различные независимые оценки определяют средний интеллектуальный уровень примерно одиннадцатью пунктами ниже класса «А», что совсем неплохо, принимая во внимание раннее избавление от индивидуальностей, наименее внушаемых со стороны источников управляющей ментальности, а также отупляющее воздействие методов принуждения на остальных граждан на протяжении всей их жизни.

Все же ульфийцы имеют право на ограниченное членство в Конфедерации, их следует признать способными к самоуправлению и, с некоторой помощью, к самозащите. Конечно,

пройдет еще не меньше столетия, прежде чем мы сможем подыскать для них подходящую область применения. Например, местоположение планеты представляет для нас определенные стратегические преимущества, м-да…

Генерал сделал паузу.

— Боюсь, полковник, — с сожалением признался он, — что я ухожу от принятия окончательного решения. Факт остается фактом, данный случай просто не вписывается в рамки компетенции одной лишь нашей службы. Мы не можем взять на себя ответственность за что-либо помимо самых общих рекомендаций. Разумеется, ясно, что ИУМом является Моюскан Бессмертный. Кроме того, полковник, поскольку я — человек старый и трусливый, а сверх того терпеть не могу споров, то отправлю себя в увольнение на часок-другой.

— Не будете ли вы так любезны, шеф, прежде чем отправиться в заслуженное увольнение, ознакомить Агента Зоны с выводами? Насколько я понимаю, ланнайка извелась в нетерпении, карауля у передатчика.

* * *

Однако Агент Зоны приняла сведения от генерала с таким спокойствием, что полковник

Дюбуа даже забеспокоился.

— Ну, не можете взять на себя ответственность, так не можете, — пожала Пэйгадан плечами. — Я примерно этого и ожидала. Трудность заключается в том, чтобы идентифицировать нашего телепата второго уровня, не возбуждая при этом его подозрений? Опасность еще и в том, что никто не знает, что делать с такими вещами, как суицидальные импульсы в масштабе целой планеты, особенно, если ИУМ сообразит, что это неплохой способ самозащиты?

— Примерно так, — осторожно признал полковник. — Источника ментальности такого рода чрезвычайно легко спровоцировать на агрессивные реакции с непредсказуемыми последствиями. Обычно это упрощает поисковую задачу, поскольку результаты агрессии легко обнаружить, и это позволяет лишить ИУМов возможности причинять нечто большее, нежели отдельные неудобства, но только не в такой глуши как Ульфи. Ситуация, сложившаяся здесь, когда ИУМ укрепился и наладил разветвленную систему контроля, требует максимальной осторожности от того, кто возьмется за разрешение этой ситуации. Данный случай усугубляется еще и возникновением психотических нарушений в

результате обессмерчивания.

Пэйгадан кивком выразила согласие.

— То есть вы предлагаете передать это дело целиком в ведение Межзвездного Бюро для проведения космоперехвата или еще какой-нибудь операции вроде космоохоты расширенного радиуса действия?

— Да, это наиболее часто применяемый метод, — продолжал осторожничать полковник. — Не слишком быстрый, правда. Помнится, однажды понадобилось не меньше трех десятков лет, чтобы раскрыть подобный источник. Зато, как только управляющую ментальность удается идентифицировать физически, не ставя ее в известность об этом, можно покончить с ИУМом тихо и безопасно.

— Не могу без содрогания представить вариант, при котором эта несчастная планетка будет стенать под игом Моюскана еще три десятилетия, — медленно проговорила ланнайка. — Воображаю, как трудно ему терпеть наше присутствие, которое он не может отменить до тех пор, пока не прекратятся рейды Бьянтов.

— Логично. Если вы все же решитесь найти ИУМа самостоятельно, у вас на это уйдет приблизительно восемь недель. Если к тому времени

Бьянты не вернутся на Ульфи, он решит, что либо мародеров перестала интересовать планета, как это с ними иногда бывает, либо их кто-то отпугнул. При этом вряд ли он не усмотрит истинную причину! В этом случае Сенат Ульфи просто-напросто отзовет свое прошение о вступлении в Конфедерацию. Не секрет, что мы по рукам и ногам связаны Договором о Невмешательстве, так что нам не останется ничего другого, как отозвать всех своих представителей с Ульфи, если она того пожелает.

— Этот подонок все просчитал, верно? — помедлив немного, сказала Пэйгадан. — Ну, хорошо, мы еще посмотрим. Между прочим, я случайно заметила, что ваши выводы родились не без влияния отчета Лаборатории о странной пандемии космофобии, которую Моюскан явно наслал на Ульфи. Могу ли я ознакомиться с деталями? Я имею в виду детали лабораторного отчета?

— Конечно, сейчас включу…

В следующее мгновение к Пэйгадан обратился низкий голос, в котором слышалось характерное потрескивание:

— В четырнадцати процентах невральных пластинок, прилагаемых к отчету Агента, следы космофобии прослеживались вплоть до суб-

аналитического уровня, что является нормой для психических нарушений данного рода. Во всех прочих — симптомы психоза легко идентифицируются как вызванные искусственно и насильственно.

Подобное насильственное влияние в условиях соответствующего стресса способно привести к гибели организма от приступа космофобии, но легко устранимо при стандартном лечении.

— Неплохо, — кивнула Пэйгадан. — Четырнадцать процентов подверженных космофобии — это почти норма для данного типа планетарного народонаселения, не правда ли? Однако, что это дает в отношении самого Моюскана? Существуют ли какие-либо свидетельства того, что он страдал от природной разновидности данного психоза, что он входит в эти четырнадцать процентов?

— Вот именно, есть свидетельства! — полковник Дюбуа слегка изменился в лице. — Кажется, я еще не упоминал об этом… В сохранившихся исторических хрониках прямо говорится, что ни одно из известных нам иллюзионистских представлений не происходило вне планеты, причем все они до одного были реализованы в помещениях. А Моюскан — выдающийся иллюзи-

онист, которому ничего не стоит воспроизвести любые эффекты даже в глубоком космосе, не то, что в припланетье. Тем не менее, он никогда не прибегал к ним…

* * *

— Телепатическая линия свободна для Агента Зоны 131-71, — пробормотал Третий координатор Конфедерации Веги в передатчик.

Как обычно, находясь в своем кабинете, он откинулся на спинку стула, чтобы немного расслабиться, поскольку видеоэкрану понадобится несколько секунд на то, чтобы перенастроиться для приема личного информационного луча Агента Зоны Пэйгадан.

Кабинет начальника Галактических Зон был велик и просторен, точно рулевая рубка первоклассного военного звездолета, и столь же плотно набит всевозможной аппаратурой. Центральная клеточка одного из дюжины нервных центров Правительства Конфедерации, управляющая посредством электронных аксонов примерно стольким же количеством нейронов, остро нуждалась в подобной инженерии. Третий Координатор был одним из самых занятых людей на всем Джелтаде — негласно считалось, что никто

не должен покушаться на его драгоценное время без чрезвычайно важной причины.

Он прекрасно знал о том, что добиваться его аудиенции у Агента Зоны Пэйгадан не было и не могло быть никаких иных причин, кроме чрезвычайных. Прекрасная ланнайка являлась членом законспирированной и сформированной лично Координатором группы особых Агентов. Это были лучшие из лучших, уполномоченные разрешать всяческие неприятные конфликты, специалисты, которым поручалось встретиться в том или ином квадранте пространства с самыми разными индивидами, обычно оппонентами Конфедерации, и в зависимости от сложившихся обстоятельств они должны были переубедить, перекупить или ликвидировать своих визави наиболее эффективным, но не привлекающим ничьего внимания способом. При этом Третий Координатор имел достаточно оснований надеяться, что сразу после выполнения задания его проинформируют об очередном успехе. Поэтому, когда член этой высокомобильной группы потребовала к себе внимания, он воспринял это как должное.

* * *

Экран передатчика внезапно просветлел, и вместо мерцающей мутноватой зелени на нем появилось трехмерное изображение рулевой рубки Змейки. Координатор с удовольствием остановил взгляд на тонкой сереброокой фигуре в облегающем скафандре, восседавшей за пультом управления. Пэйгадан не была человеком, но на нее все равно было приятно посмотреть.

— Привет, зачем я тебе понадобился? — с места в карьер поинтересовался он.

— Агент-стажер Халлерок, — сообщила ланнайка лаконично, — номер 697241, четвертый курс.

— Х-м-м-м… Ну да, я его знаю! — Координатор задумчиво пробарабанил двумя пальцами по своему вытянутому подбородку. — Выдающийся парень, согласна?

— Отличный парень! — с энтузиазмом поддакнула Пэйгадан. — Когда вы сможете прислать его сюда?

— Даже на «Бродяге», — с сомнением протянул Координатор, — это займет десять дней. Агента из соседнего скопления я мог бы прислать к тебе дня через четыре.

Она покачала головой.

— Мне нужен только Халлерок, хмурый угрюмец Халлерок. Я познакомилась с ним месяца четыре назад, еще на Джелтаде, — добавила она, словно это что-то объясняло. — Какие у него сейчас шансы немедленно получить диплом?

Вопрос был совершенно противоправный, но Координатор даже бровью не повел. Он лишь ткнул пальцем в сенсорный переключатель на столе.

— Сейчас спрошу пси-тестер.

— Если бы данный Агент-Стажер был допущен к выпуску, — немедленно раздался из-за стены низкий механический голос, — вероятность того, что он пройдет формальное тестирование, составила бы девяносто восемь и семь десятых процента. Однако поскольку полученное им ранее воспитание создало предпосылки для недостаточного эмоционального приспособления к культурным особенностям цивилизации Веги, вручение диплома отложено на неопределенный срок.

— Так я и думала, — кивнула Пэйгадан. — Ну, тогда просто пришлите его ко мне, если можно — на «Бродяге»! Я его кое-чему научу. Это все, и спасибо за разговор!

— Искренне рад, — ответил Координатор.

Затем, заметив, что рука Агента потянулась к

выключателю, он поспешно добавил:

— Насколько я понимаю, в ходе выполнения задания ты столкнулась с дополнительными трудностями, и Корреляция затрудняется найти удовлетворительное решение.

Ланнайка помолчала немного, не отнимая руки от сенсорной панели. Вид у нее был удивленный.

— Вы имеете в виду этого ульфийского иллюзиониста? Не думаю, что у нас с ним будут серьезные проблемы. Впрочем, если хотите получить результат поскорее, задержите поставки Лаборатории, которые я только что запросила — Госпитальный корабль, новолин и несколько особых видов необходимых мне медикаментов. Отправьте все это вместе с Халлероком, и тогда я смогу прислать рапорт о выполнении задания примерно через три недели.

Бодро помахав на прощанье рукой, она отключилась, и изображение рулевой рубки Змейки исчезло с экрана.

* * *

Координатор глубокомысленно пожевал нижнюю губу, затем коротко позвал:

— Пси-тестер! Объясни мне, что эта маленькая ведьма замышляет?

— Должен вам напомнить, — раздался голос пси-тестера, — что Агент Зоны 131-71 является одним из тридцати трех индивидов, разгадавших мои методы исследования. Мало того, они и сумели противопоставить им временные защитные блоки. А она является первым индивидом, который сумел создать блок столь совершенный, что это не позволяет мне дать вам хоть какой-то удовлетворительный ответ на ваш вопрос. Понимая это, вы все еще желаете знать мое мнение?

— Нет! — проворчал Координатор. — Совсем забыл, что могу, попробовать догадаться сам!

Он слегка пригладил рукой седеющую шевелюру.

— Итак, давай посмотрим. Говоришь, проблема этого Халлерока в том, что его воспитание плохо приспособило парня к нашей цивилизации?

— Он происходит, — напомнил пси-тестер, — из весьма замкнутого и эмоционально закрытого планетарного сообщества на Марк Вири IV.

— Теперь вспомнил, — кивнул Координатор. — Двадцать две тысячи световых лет отсюда. Тамошние колонисты оказались в изоляции еще со времен Первых Миграций, их обнаружили чуть больше десятка лет назад. Отличные мужики! Однако Халлерок был единственным, кого

удалось уговорить работать на нас.

— Это уникальное явление для них, у парня галактическое мышление, в том смысле, в каком это понимается в системе Веги, — согласно откликнулся пси-тестер. — Однако подсознательно он остается неразрывно связанным со своим народом настолько, что даже более или менее надежный механизм адаптации индивида в условиях изолированности от популяции в его случае дает сбой. Внешне это проявляется всего лишь в недостаточной уверенности в себе и в тех, с кем он вовлечен в любую серьезную деятельность, однако указанная тенденция прослеживается столь явно, что после рассмотрения данного вопроса было сочтено небезопасным допускать его к исполнению обязанностей Агента Зоны.

— Девяносто восемь и семь десятых! — восхищенно повторил Координатор и выругался про себя. — Но это же означает, что Халлерок — один из лучших на всем потоке, а мне так необходима сейчас парочка таких, как он! Психоанализ не поможет придать ему уверенность?

— Ничего не поможет, кроме полного ментального контроля на протяжении нескольких недель.

Координатор покачал головой.

— Это, конечно, решит его личные проблемы, но для нас он будет потерян.

Он еще немного поразмыслил, вздохнул и решил:

— Как бы там ни было, Пэйгадан нуждается в его помощи. Она может совершенно его испортить, но она знает, что делает. Пусть попробует.

Затем он добавил, словно бы извиняясь:

— Уверен, что спроси мы об этом самого стажера Халлерока, он бы с нами согласился…

С этими словами он потянулся к кнопке на столе и продолжил на одном дыхании:

— Коммуникатор Центрального освободился для отчета Лаборатории об уровне распространения эпидемии на Оллеке.

Разум его также освободился от всех прочих забот, и он тихо откинулся в кресле в ожидании ответа Лаборатории.

* * *

Системный Шеф Джесс, выездной следователь Департамента Культуры, долго и внимательно прислушивалась, пока ее электронный секретарь не щелкнул тихонько: «рапорт отправлен». Затем она, озабоченно хмурясь, на мгновение помедлила пред его электронным ликом.

Начальство будет довольно проделанной ею работой! Краткий обзор, написанный с большим знанием дела, о доселе малоизвестном периоде далекого колониального прошлого Ульфи, с демонстрацией и четким объяснением разницы между положением дел в те суровые дни и нынешним изящно-старомодным совершенством ульфийской цивилизации. Все вместе красноречиво подтверждало справедливость взгляда Департамента Культуры на то, чего может достигнуть любое сообщество человеческих существ класса «А», если им не мешать. Кроме того, когда она напоследок прослушивала запись, рапорт показался ей очень удачным. Однако что-то в нем ей все-таки не нравилось. И это что-то не нравилось ей на самой Ульфи.

Возможно, Джесс просто необходим отдых? Как обычно, начиная входить в курс нового расследования, последние две недели она проглотила изрядное количество препаратов типа «антисоник». Однако за шесть лет службы в Департаменте Культуры она еще ни разу не чувствовала потребности в отдыхе.

Волевым усилием остановив готовый сорваться зевок, Джесс потрясла головой, выключила секретаря и подошла к кабинетному зеркалу.

Ведь вскоре ее ожидала еще одна встреча, еще одно историческое исследование.

Медленно поворачиваясь перед высоким зеркалом, она проверила, в надлежащем ли порядке находится ее форменный костюм и полагающиеся к нему аксессуары. Традиционалистский мундир ядовито-зеленого цвета, унаследованный Департаментом Культуры вместе со всем богатством его символического значения, был в полном порядке, включая антигравитационные батареи, спрятанные в поясе, бесшумные туфли и переключатель разумозащиты, замаскированный под браслет. Никакого оружия, сотрудники Департамента Культуры принципиально его не носили.

Она натянула разукрашенное кепи на черную, доходящую до плеч, блестящую волну волос и состроила зеркалу рожицу, пародируя свое лицо, которое, несмотря на свои двадцать пять с хвостиком, упорно не желало расставаться с выражением детской серьезности. Затем Джесс покинула кабинет.

На берегу озера, поблизости от двери мобильной резиденции Департамента Культуры, ее уже ожидала группа человечков. Сегодня их было шестеро: мужчины средних лет, облаченные в

серебристо-серые одеяния, служившие знаком отличия гильдии историков. Они стояли позади дивной красоты летательного аппарата, чьи вытянуто-закругленные очертания навевали мысль, о захватывающей дух скорости. Но Джесс уже успела убедиться на собственном опыте, что привлекательная внешность — единственное достоинство ульфийских реактивных машин. Большее, что можно было от них ожидать в эксплуатации, была тряская и столь медлительная рысь, что когда она совершала в одной их них свое первое путешествие, девушке все время хотелось вылезти наружу и хорошенько подтолкнуть. Разумеется, откидываясь на спинку сиденья, она не преминула напомнить себе, что нельзя измерять уровень достижения одной цивилизации уровнем достижений другой! Ульфи было суждено утратить буйную движущую силу технологий Веги, но кто мог судить о том, не приобрела ли она взамен нечто лучшее?

Вопрос вроде бы ясный, но Джесс обуревали сомнения в отношении ответа, пока долгий ритуал приветствий и выражений взаимного уважения маленьких ульфийцев шел своим чередом, закончившись лишь в машине. Затем ее исторический эскорт от души предался бол-

товне на своем цветистом диалекте одного из двенадцати основных языков человечества, и она автоматически принялась вносить свою лепту в разговор, в точном соответствии с занимаемым ею положением — демонстрировать глубокую заинтересованность, но не более того. Однако ее внимание было приковано к расстилавшемуся внизу городу.

Они парили на высоте всего около двухсот метров над берегом озера, но крыши всех зданий были достаточно низкими, чтобы открыть воздухоплавателю широкий обзор того, что, как и повсюду, являлось идеальным воплощением совершенного равновесия и симметрии. Даже тряска летательной машины не могла испортить этого впечатления. Она двигалась все дальше и дальше, а жемчужно-белые и окрашенные в пастельные тона здания проплывали под ними все новыми и новыми, но все столь же безукоризненно выстроенными рядами образчиков чистоты линий и мягкости красок. Они располагались по обе стороны озера с правильностью, которая словно дрогнула и остановилась на границе самой себя, испугавшись стать чересчур правильной.

И это было всего лишь визуальным выражением сути ульфийской культуры. Все аспекты

жизни планеты существовали в подобном, то есть почти непринужденном порядке, в том же педантичном почитании изящества и симметрии, в том же достигаемом без видимых усилий гармоничном вращении закругленных форм.

Джесс расточала улыбки спутникам. Хотя, по правде говоря, ее слегка озадачивал тот факт, что эта миниатюрная порода людей была не слишком умна! Кроме того, любая раса с сообразительностью не ниже кроличьей немедленно отправила бы нападающий Материнский Диск Бьянтов куда подальше, не испытывая потребности в чужой помощи!

Нет, вздохнула Джесс, встревоженная своими столь неортодоксальными размышлениями, ей в самом деле нужно отдохнуть. Все дело в том, что человеческие существа класса «А» никогда и никак, даже столь гармонично, не сходят с нарезки, если их к тому не подталкивают, и поэтому сомнения относительно Ульфи означают всего лишь, что Системный Шеф просто не подобрала пока ключ к ее пониманию.

Возможно, ей помогут несколько недель повторной идеологической терапии в духе классического Традиционализма.

* * *

— Гробница Моюскана Бессмертного, последнего из наших величайших Мастеров Иллюзий.

Джесс приблизилась к гробнице с видом благоговейного восторга. В целом она могла обойтись и без осмотра гробниц, однако эта, без сомнения, представляла собой нечто особенное. Девушка в сопровождении Реквада-Аттана, историка и Наследного Хранителя гробницы, вышла из главного зала мемориального комплекса, который размещался на территории Исторического Института Центрального Города Ульфи, и оказалась в маленьком парке под прозрачным куполом. Остальная часть ее эскорта ознакомила гостью со всем, с чем должна была ознакомить, а затем, всячески выражая свое уважение, вернулась к своим обязанностям. Однако Реквада-Аттан оставил ворота парка открытыми, вероятно, с тайной мыслью прочитать свою лекцию досточтимой гостье в присутствии публики. Небольшая группка ульфийских туристов просочилась внутрь и теперь столпилась вокруг них.

— Это место последнего успокоения необычайно подходит тому, кто бессмертен! — благочестиво заметила она.

Раздался одобрительный ропот. У нее закралось хмурое подозрение, что именно она, со своим башенным ростом, да еще экипированная в служебную униформу Конфедерации, привлекла эту цветастую толпу лилипутов, мало кто из которых доставал ей до локтя. С другой стороны, Гробница Моюскана должна быть достойна посещения с точки зрения такой эгоцентричной в культурном отношении расы, как ульфийцы. Расположенная на фоне сомнительного сочетания зеленой рощи и шепчущих фонтанов, усыпальница представляла собой светящийся полупрозрачный монумент, сочетающий в себе монументальность, воздушность линий и тонкую грацию с закругленностью форм, распространившуюся по всей планете в последние четыре столетия.

— Об этой гробнице ходят удивительные слухи, — громогласно, чтобы все слышали, прошептал ей на ухо Реквада-Аттан. — Говорят, что до сих пор некоторые из иллюзий Моюскана можно иногда видеть в этом парке. Особенно по ночам.

Круглое розовое личико многозначительно и сладко улыбалось, демонстрируя тем самым, что уж он-то, историк, не подвержен подобным предрассудкам.

Иллюзионные представления, подумала Джесс.

Она и сама когда-то видела нечто подобное, но только Ульфи, согласно историческим данным, несколько веков назад культивировала их настолько широко, что было неприемлемо ни для одной современной цивилизации. Иллюзионисты на Ульфи были одновременно служителями культа, массовиками-затейниками и политическими лидерами, их ментальные симфонии, венец массовых танцев и различных общинных торжеств, сотрясающих тело и душу, капитально повлияли на мышление и эмоциональную жизнь планетарной расы. Моюскан Бессмертный завершал череду правителей как величайший пси из них. Какое же это, подумала девушка, было захватывающее путешествие мысли вглубь веков, погружение в царство силы человеческого духа, который, не прибегая ни к словам, ни к жестам, мог подхватить и слить эмоции множества человеческих существ в единый поток, могучий, стремительный, бушующий, громокипящий в извивах импульсов воли одного человека, в хитросплетениях сетей его воображения.

Захватывающе, но и немного тревожно!

— Я думаю, — начала было она, но остановилась.

* * *

Внезапно слова и фразы, дотоле не приходившие ей на ум, хлынули потоком в мозг, и теперь, совершенно помимо своей воли, она начала их произносить!

— Но это же все объясняет, — произнес ее голос, в котором слышалось приятное изумление: — Я все думаю о вас, Реквада-Аттан, о вас и вашем таинственном прекрасном мире! Я должна была с самого начала догадаться, что это просто идеальное воплощение мечты художника, что ваш Великий Иллюзионист все еще жив…

Последние слова, одно за другим, пробарабанили свинцовыми каплями по внезапно наступившей тишине, и словесный поток иссяк. Джесс все еще находилась в совершенном потрясении. Затем в тяжелом безмолвии началось какое-то неясное бурление, и девушка мгновенно очнулась от наваждения.

На лицах присутствующих она прочитала предупреждение — однажды ей доводилось уже видеть подобные выражения в толпе, действующей под ментальным влиянием — поэтому сразу сообразила, что необходимо предпринять. Не останавливаться ни на минуту, не выяснять, что

произошло, не пытаться урезонить, не спорить, не угрожать и не тратить время на призывы о помощи. Просто уносить ноги, причем немедленно!

Конечно, ульфийцев вокруг нее вряд ли можно было назвать «толпой», их было не более двух десятков душ. Но совершенно очевидно, что они натравлены на дичь, это читалось не только по их глазам, видевших сейчас только ее одну, но и в том синхронном движении, которым они сомкнули круг.

Точно по беззвучной команде, они мгновенно остановились, как только Джесс бессознательно посмотрела им в лица.

Господи, Реквада-Аттан находился под тем же влиянием! Он все еще находился ближе всех. Прямо впереди путь к отступлению преграждали двое бритоголовых молодых людей крепкого сложения в желтой униформе Школы Атлетов. За спиной у них маячил какой-то старец в серебристом костюме историка, которого она заметила еще раньше, высокий и худой. Ни у кого оружия не было…

Решение пришло сразу: нужно миновать этих троих! Но не успел под ногами Джесс заскрипеть гравий, когда она поспешила в их сторону, как

оба атлета со стариком ринулись наперехват. Немедленно раздался удивительный звук невидимого движения.

И тут Реквада-Аттан, от которого трудно было ожидать такой проворности, повис вдруг на ее локте, обхватив руками запястье. Мало того, историк еще и толкнул ее в сторону, чтобы сбить с ног. Джесс резко повернулась — на этом запястье она носила браслете вмонтированным пультом управления разумозащитой, и потому его нужно было сохранить во что бы то ни стало — изловчилась и врезала Наследному Хранителю хук справа, да так, что он улетел прямо под ноги наступавшим молодцам в желтом.

Атлеты потеряли равновесие, старец-историк мгновенно оказался на четвереньках, его развевающееся одеяние опутало споткнувшихся, внеся еще большую неразбериху. Однако тут набежали остальные, и Джесс внезапно очутилась в эпицентре рвущей друг друга на части, хватающей и сопящей кучи-малы. Волна ужаса поднялась в ее разуме, когда она поняла, что большинство из нападавших пытается добраться до браслета-пульта! Это означало, что грядет ментальная атака! Ментальная атака и групповое нападение на иноземельца на современной Ульфи?!

* * *

Потрясение, пережитое девушкой от осознания внезапного открытия, что пробудились какие-то тайные силы в столь безобидном на вид мирке, могло стать множеством переломанных шей и прочих членовредительств, соавторство которых принадлежало бы Джесс. Ибо Департамент Культуры неодобрительно относился к ношению любого вида оружия, зато всячески поощрял своих сотрудников к владению и совершенствованию старого доброго земного искусства единоборства. Лишь с большим трудом она устояла перед искушением продемонстрировать свои любимые приемы, большинство которых никогда прежде не приходилось применять на практике. Ситуация была отнюдь не безнадежна, главное — не терять головы! Не скупясь на толчки, пинки и блоки, понуждая нападавших на вынужденные прыжки и перевороты, она прокладывала себе дорогу сквозь обезумевшую толпу лилипутов, стараясь удержаться на ногах и удерживать запястье с браслетом вне пределов досягаемости чужих пальцев.

Все бы ничего, да за Джесс принялись атлеты в желтом. Что ж, пусть им будет хуже! С тща-

тельно отмеренной яростью она стукнула их обритыми лбами друг о друга, переступила через очередного упавшего, остервенело лягавшегося человечка, обнаружила, что свободна, и уже с легким сердцем отразила последнее нападение некой тяжеловесной особы.

Краткая и практически бескровная схватка происходила не далее десяти шагов от выхода из парка. Девушка в мгновение ока отмерила их, захлопнула за собой высокие бронзовые ворота и повернула в замке ключ, беспечно оставленный там Реквадой-Аттаном.

Теперь она могла оглянуться и рассмотреть поверженных противников. Большинство из них еще не успели встать на ноги, лишь некоторые делали неуклюжие попытки подняться. Исключение составлял лишь темнокожий мужчина средних лет с аккуратно подстриженной бородкой, облаченный в белую робу. Он стоял чуть в стороне от драчунов на покрытой черепицей дорожке, и Джесс не могла припомнить, видела ли она его раньше.

Затем их глаза встретились. В его взгляде читалось понимание, смешанное с чем-то похожим на гнев или страх.

По крайней мере, подумала девушка, разма-

шисто шагая по одному из коридоров, ведущих к центральным залам Института, удивление постигло не только ее! У нее будет еще время подумать об этом. Сейчас следовало решить, как выбраться из дурацкого положения, поскольку было бы самонадеянно считать, что ей удалось выйти сухой из воды. В здании полно людей, и Джесс даже представить себе не могла, как они себя поведут.

* * *

Девушка осторожно, но быстро вынырнула из коридора в длинный и пустой, ярко освещенный солнцем зал.

Противоположная от входа стена состояла из наборных голубоватых плит, похожих на мраморные, и до нее была примерно сотня метров. За узкими окнами, спускающимися с потолка, виднелись перистые верхушки деревьев и крыши других зданий. Высокие дверные проемы располагались почти на стыке с боковыми стенами.

Оба выхода были блокированы человечками, выстроившимися клином. Цвета их одеяний смешивались в безумную палитру, видимо, в зале поспешно собрались граждане всех видов и сословий. Даже на таком расстоянии общее вы-

ражение лиц вызвало у Джесс легкую тошноту. Очевидно, их послали только для того, чтобы не позволить ей выйти, пока…

Затем что-то неосязаемое и незримое плотно сомкнулось вокруг ее головы.

Ментальная атака!

Джесс бессознательно схватилась руками за виски, хотя знала, что это не поможет. Все происходило внутри черепа, мощный наплыв раздробленного на мельчайшие части давления, непохожего на боль. Оно терзало нервные окончания ее мозга. В приступе паники оно показалось ей чем-то вроде ослепляющей и оглушающей вспышки непреодолимой силы. Мгновение спустя девушка решила, что атаку вполне можно вытерпеть.

Разумеется, она знала, что с включенной разумозащитой у нее несколько минут в запасе. Непосредственная опасность заключалась в том, что ее реакция на атаку отвлекает от спасения бегством.

Она взглянула на ближайшую из дверей и поняла, что не способна даже подумать о том, что вновь придется пробиваться сквозь обезумевшую толпу. Окно же находилось всего в десяти метрах. Отвесные стены стометровой высоты

упирались в просторный внутренний двор, вымощенный голубыми же плитами. За ним начинался окаймленный высокими стенами парк, через квартал выходящий на городскую улицу. По улице с тихим журчанием протекал многоцветный транспортный поток, слишком далекий, чтобы принимать его в расчет. Внизу по двору прогуливались несколько ярко одетых человечков, на них также не следовало обращать внимания. Зато следовало включить в уравнение спасения, "которое бегло решала сейчас Джесс, реактивные машины, припаркованные внизу у стены, меньше чем в паре метров от опоясывающего здание по периметру парапета.

Рука сама скользнула к поясу и включила антиграв. Девушка почувствовала себя почти невесомой, перемахнув через подоконник и энергично оттолкнувшись от стены руками. Меньше чем через восемнадцать секунд она коснулась голубоватых плит двора и бросилась прочь.

Раздались истошные крики. Молоденькие девушки, стоявшие в нескольких шагах от своей машины, открыли рты от изумления, когда великанша помчалась прямо на них. Но ни они, ни кто-либо другой еще не попытался удержать Джесс.

Она подняла в воздух одну из машин и направила ее в приозерный район, который использовался как посадочная площадка для единственного размещенного на Ульфи истребителя флота Веги. Затем ей внезапно пришло в голову, что в Центральном Городе у полиции имеются особые аппараты, которые могут кружить вокруг обычных воздушных машин, и эти серебристые дирижабли как раз и занимались барражированием над тем местом, куда она стремилась попасть!

Несколько минут спустя Джесс вспомнила также, что корабль мог находиться в нескольких километрах от космопорта. С такого расстояния и высоты она не могла его разглядеть, а машина категорически отказывалась подняться повыше. Пришлось лететь прежним курсом, поскольку альтернативы не было. Она не могла связаться и даже определить местонахождение кого-либо из представителей Веги, работающих на Ульфи, поскольку сделать это можно было либо из истребителя, либо из кабинета, а ее временная резиденция располагалась на территории космопорта. Вокруг парило достаточно много летающих машин, и ее аэрокар вряд ли привлечет повышенное внимание, хотя в целом движение

над городом было довольно умеренным и по большей части сводилось к нескольким потокам, соединяющим важные городские объекты.

Вот уже второй полицейский дирижабль показался в отдалении, скользя над самыми крышами. Сквозь окутавший район легкий туман его силуэт едва просматривался. Если бы стражи порядка действительно знали, где находится беглянка, любой из них перехватил бы ее в считанные минуты.

Вполне вероятно, пыталась успокоить себя Джесс, никто пока не догадывался, где ее искать. Ментальная сила, даже сейчас продолжающая атаковать ее разумозащиту, была совершенно не ориентирована пространственно; побег девушки из Исторического Института оказался куда более внезапным и стремительным, чем того ожидали ее таинственные преследователи. Несмотря на рост, незнакомцы частенько недооценивали Джесс как достойную противницу, их вводило в заблуждение кажущееся хрупкое сложение и детские черты лица. В обстоятельствах, подобных теперешнему, это могло сослужить добрую службу, однако…

Джесс мягко прикусила губу, ощущая периодические приступы паники, время от времени

поднимающиеся на поверхность из глубин подсознания.

Она знала, стоило лишь окружить космопорт на значительном удалении от истребителя, чтобы не возбудить подозрений у экипажа, и можно просто ждать, пока добыча сама попадет в расставленные сети. И очень скоро попадет! Разумозащита пока справлялась с оказываемым давлением, однако побочные эффекты уже давали о себе знать. Едва заметные признаки медленно усиливающихся неприятных ощущений: жжение в пищеводе, дрожь мышц, сужение сосудов головного мозга — все это монотонно пульсировало. Несколько минут назад появились первые мимолетные следы визуальных и слуховых нарушений. Подобные дефекты организма можно терпеть долго и без особого вреда. Однако, в конце концов, они приведут к состоянию полного затуманивания сознания. При этом теоретически разумозащита может продолжать функционировать, но практически Джесс уже не сможет ни сознавать, ни контролировать свои действия.

Пока аэрокар медленно, но верно нес Джесс навстречу неведомому, ею внезапно овладело удивительное спокойствие и отстраненность.

Теперь было ясно, что нужно делать: продолжать лететь, пока ее не обнаружат, затем посадить машину и попытать счастья пешком. И все же любопытно, кто наслал на нее все эти неприятности? Что ему или им нужно?

Джесс ссутулилась над примитивной панелью управления, слегка наклонясь вперед, чтобы сделать свое отличие в росте менее заметным, а ее мозг вновь и вновь анализировал последствия той странной речи, что она произнесла в парке рядом с гробницей Моюскана. Это были не ее мысли, в противном случае она не стала бы высказывать их экспромтом. Значит кто-то, прикрываясь разумозащитой, или обойдясь без таковой, сумел проникнуть в ее разум! Возможно, на Ульфи существовали противоборствующие группировки ментальных гениев, и одна из них попыталась использовать Джесс и Вегу в целом как козырь в борьбе за господство над планетой.

Затем Системный Шеф Джесс испытала вспышку злобы при мысли, что высокое начальство Департамента Культуры отправило ее на Ульфи совершенно безоружной. Конечно, верить в природную добродетель человечества класса «А» и высокие ментальные технологии замечательно, однако даже старомодный бластер в руке послу-

жил бы большим утешением!

— Ох, солнца и планеты! — вслух пробормотала Джесс, вспомнив полузабытое заклинание традиционалистов, заученное еще в детстве.

И в этот момент четко очерченная тень беззвучно оторвалась от нижней кромки туч и зависла над летательной машиной.

У Джесс екнуло и бешено заколотилось сердце, она взглянула вверх и нажала кнопку ручного управления. Машина не послушалась. Девушка все еще пыталась оторваться от назойливого преследователя, когда над ней чей-то голос беспечно произнес:

— Вот так номер! Так и знала, что это вы!

* * *

Джесс потеряла дар речи.

Эти слова были произнесены на языке Веги, да и технологиям маленькой Ульфи было далеко до производства этой совершенной, без единого шва, машины, похожей на матово-зеленую каплю! Из открытого шлюза непривычного для аборигенов аппарата выглядывало миловидное, почти человеческое, личико с огромными глазами, и Джесс сразу вспомнила, где в последний раз видела эту представительницу нечеловеческой

расы в униформе Галактических Зон. А также свои вежливые попытки не выказать антипатию и подозрение, которые возникали у каждого уважающего себя традиционалиста при встрече с подобными — «серединка на половинку» — существами.

И все же — от инопланетянки веяло спасением!

У Джесс затряслись поджилки. Хорошо, что все закончилось, но нервы оставалась в напряжении.

Для Агента Зоны Пэйгадан любая заинтересовавшая ее разумозащита была не плотнее паутинки в солнечный летний день, если, разумеется, не поддерживалась существом со сходным уровнем ментального контроля. У нее поднялось настроение, поскольку удалось выловить Джесс в транспортном потоке. К тому же, она уже в который раз убедилась в способности своей воздухоплавательной машины к тонкому маневру.

— Вспомнили меня? — она любезно улыбнулась. — Пелайл, Галактические Зоны, к вашим услугам! Наблюдая за территорией с высоты десяти тысяч метров, я заметила, что вы путешествуете в одиночестве. Что происходит, мой рослый коллега? Вам захотелось совершить

экскурсию в этом примитивном творении человеческих рук или ваш пилот выпал из кабины?

— Уль… — начала было Джесс, трясся головой.

Глаза Пэйгадан расширились.

— Что с вами?! — сказала она испуганно: — Теперь вижу, что вам здорово досталось, моя дорогая! Что слу… Эй, подождите секунду, я пришвартуюсь и заберу вас на борт! По-моему, вас нужно доставить домой как можно скорее.

Джесс глубоко вздохнула, откинула со лба спутанные пряди черных волос и осторожно потрогала глубокую царапину на тыльной стороне ладони. Только теперь девушка заметила, что выглядит ужасно — зеленый мундир изорван и сильно запачкан голубоватой пылью от плит, по которым она прокатилась при падении, ее любимая кепочка потерялась. Спустя мгновение она с удивлением обнаружила, что назойливые ментальные приставания исчезли!

Она все еще раздумывала над этим фактом, когда облаченная в перчатку рука Пэйгадан мягко помогла ей забраться в кабину шлюпки. Затем, когда шлюзовая камера захлопнулась, ее ожидало еще одно открытие: защитный браслет раскрылся и безжизненно повис на запястье, удерживаемый лишь тонкой цепочкой. Пере-

ключатель защиты, оказавшись в открытом положении, предупреждающе мигал красным…

— Вас беспокоит ваша защита? — повторила ланнайка вслед за мысленным восклицанием Джесс, отмеряя в чашку розовую жидкость из пузатой бутылочки. — Вероятно, зацепились браслетом, когда перебирались из машины. Такое иногда бывает. — Она внимательно посмотрела на Джесс, и в ее глазах блеснули огоньки: — А что, это имеет какое-то значение?! Вас кто-нибудь преследует?

— Да, меня преследовали, — прошептала спасенная, и внезапно почувствовала, что страх прошел! Дрожь прекратилась, сияющие вихри перестали мелькать перед глазами. Внезапно ее посетило странное предчувствие, усиливающееся с каждой секундой, которое словно вздымалось и пульсировало внутри ее сознания. Это было чувство ожидания, что-то должно было произойти.

Ланнайка поднесла ей полную чашку.

— Пейте! — приказала она. — В любом случае это вам поможет. Потом расслабьтесь, откиньтесь на спинку, а я послушаю вашу историю!

Джесс отметила, что жидкость оказалась не розовой, как она думала вначале, а красной, глубокого, приглушенного, темно-рубинового

оттенка. Удивительно спокойный цвет, а само питье любопытнейшим образом как бы замедлило ход событий! С одной стороны, девушка прекрасно понимала, что где-то по краям ее сознания остается страх, а где-то с головокружительной скоростью проносятся тревожные мысли. Иногда какая-нибудь из них ныряла в центр и пыталась добраться до эго Джесс, леденящей душу молнией проникая в темно-красные сумерки, где оно пребывало. И тогда Джесс пыталась уклониться от молнии, при этом отмечая, что чем дальше мысль проникает, тем медленнее становится ее движение, чтобы остановиться, наконец, и тихо растаять в рубиновой мгле.

«Им никогда не удастся до меня добраться и это довольно забавно!»

По-видимому, Джесс слишком эмоционально подумала об этом, поскольку маленькая большеглазая ланнайка сказала вслух:

— Нравится, да? Это всего лишь антишок-кола, моя дорогая! А я-то думала, что вы в курсе… И чему вас только в вашем Департаменте Культуры учат!

Последняя фраза развеселила Джесс. Департамент Культуры, разумеется, учил всему, что полагается знать его сотрудникам! *Но постойте-*

ка… разве не было такого, что… что это такое было, когда она… Джесс очень осторожно решила, что продумает этот тезис о Департаменте Культуры в другой раз.

Ей казалось, что вокруг ведется множество тихих разговоров. Возможно, она участвовала в некоторых, но наверняка сказать было невозможно, поскольку ее перестало интересовать, что с ней происходит. Затем две высокие фигуры, мужчина и женщина, пришли к ней из-за некой границы ее прошлого и попытались заговорить с ней. Так случалось всегда, когда на душе у Джесс было тревожно и одиноко. Она с удивлением восприняла этот визит, поскольку на этот раз у нее не было ни тревоги, ни одиночества. Она взирала на них с недоумением со своей стороны барьера, вдоль которого время от времени раздавались взрывы, и мельтешили огни, принося страх, боль и мимолетное забвение — симптомы, которые так и не смог классифицировать ни один из психотерапевтов Департамента. Она лишь смутно различала мир, из которого они пришли и куда приглашали ее отправиться, блистающий холод звезд, безмолвие заснеженных равнин, волшебный мир, мир покоя. Но у нее не было возможности туда отправиться, высокие фигуры

понимали это и удалялись.

Возможно, гости просто таяли в сгустившемся алом рубиновом тумане, становящемся все краснее и краснее, в этой тьме, смягчающей, утешающей, замедляющей все и вся…

— Замечательно, — удовлетворенно прошептала сонная Джесс.

* * *

— Халлерок! — вызвала ланнайка.

— На связи, Пэг! — отозвался стажер. — Я снова на Наблюдательном корабле. Что я должен сделать?

— Ничего особенного, поддерживай телепатическую линию в рабочем режиме. Пока все идет как по маслу. Я отключила разумозащиту сотрудницы Департамента Культуры, когда забирала ее на борт, а наш приятель Моюскан уже был тут как тут, горя желанием взять ее под контроль и выяснить, что мы знаем о нем и о том, что он здесь устроил. Затем он обнаружил меня, и с тех пор залег на дно и смирненько лежит, время от времени прислушиваясь, что происходит на поверхности.

— С чего это он такой стеснительный? — поинтересовался Халлерок.

— Пару недель назад Моюскан попробовал на зуб мою разумозащиту. Издалека. Мне это пришлось не по нраву, и я довольно щелкнула его по клюву — сам понимаешь, вполне естественная защитная реакция любого телепата. А ему это очень не *понравилось*. Почему-то. Вот он и слинял в одно мгновение.

— И я его прекрасно понимаю, — глубокомысленно изрек Халлерок. — Ты иногда не соизмеряешь свои возможности. А что, Департамент Культуры проявляет к нему интерес?

— Нет, как мы и предполагали, все дело в нас самих. Джесс высказала какое-то невинное замечание, а Моюскан сделал из этого поспешные выводы. Какое именно, пока не знаю, поскольку из-за состояния Джесс не рискую копаться в ее памяти.

— Знаешь, я тут подумал, а ты случайно ничего не натворила? Ничего такого, что заставило бы твою девицу столь своевременно высказать так называемое «невинное» замечание?

— У-у, какой же ты подозрительный! — отреагировала Пэйгадан вполне дружелюбно. — Использовать сотрудников Конфедерации в подобных аферах против их воли и без их ведома — нарушение кодекса чести. Советую запомнить

это хорошенько! Хотя, нужно признать, что инцидент с Джесс произошел неимоверно вовремя. Иначе пришлось бы ждать несколько недель, к тому же Госпитальный корабль уже здесь, вместе с начинкой. Моюскан устроил себе наблюдательный пункт прямо в тылу у нас, и думает, что этого вполне достаточно для его безопасности!

Несколько секунд Халлерок обдумывал сказанное, потом спросил:

— Ты сейчас где?

— Внизу, в космопорте Центрального Города, все еще в шлюпке Змейки. Коллега из Департамента Культуры сейчас под действием антишокколы и дрыхнет без задних ног за моей спиной.

— Ага, — протянул Халлерок, — значит, все готово для охоты?

— Очнись, братишка! — посоветовала Пэйгадан. — Охота уже началась. Последнее, что я сказала культуртрейгерше, прежде чем она заснула, что Госпитальный корабль Флота Веги приближается к Ульфи с грузом новейшего, совершенно секретного средства против космофобии. Этот новолин — дружественный дар Конфедерации страдающему населению братской планеты.

— Ну… тогда мне следует посадить Госпитальный корабль в космопорте приблизительно через

час, верно?

— Да, через час будет в самый раз. Моюскана должен сильно встревожить факт обнародования того, что психоз космофобии вызван искусственно. Хотя этому подонку не составит труда задержать распространение новолина. Если ему удастся это провернуть, сделаем вид, что ничего не замечаем — пусть вздохнет свободно, часика на три! Затем я разбужу нашу культуртрейгершу и, убедившись, что Моюскан вновь готов подслушивать нас через нее, скормлю ему большую и *оч-ченно* горькую пилюлю. Поэтому не забудь послать заготовленное нами сообщение через три с половиной часа! Пошли мне его прямым кодированным, чтобы все выглядело естественно.

— Ладно, — сказал Халлерок. — Но давай прогоним схему еще раз, просто чтобы убедиться, что все пройдет как по нотам.

— Вот еще? В этом нет никакой необходимости! — возмутилась ланнайка. — Я проанализировала поведение Моюскана до мельчайших подробностей, даже про его бесподобные усы не забыла, и подготовилась к любым неожиданностям. Мышеловка готова захлопнуться, дело лишь во времени. Неужто ты опасаешься сюрпризов со стороны телепата второго уровня? Если

бы ему случайно не удалось завладеть целой планетой, Галактические Зоны вообще не стали бы заниматься подобной мелочью.

— Возможно, — осторожно согласился Халлерок, — тем не менее, Моюскану это удалось. Случайно или закономерно, другой вопрос. А вот если наш фигурант вдруг запаникует, ему ничего не стоит разнести планету на мелкие кусочки!

— Агент-стажер Халлерок, — произнесла Пэйгадан сурово, — обычно я люблю тебя как сына, или вроде того, но иногда ты выглядишь в моих глазах сущим остолопом! Даже телепат второго уровня не паникует до тех пор, пока ему не дают понять, что он загнан в угол. А в углу паниковать поздно. Все, что мы должны сделать, это ненавязчиво показать Моюскану возможный и единственно приемлемый выход из положения, но дать ему на это ровно столько времени, чтобы мы успели закрутить гайки, а он не успел сообразить, что к чему. Если тебе этого мало, можешь на ближайшие несколько часов накрыть разумозащитой любого командированного на Ульфи гражданина Веги.

Халлерок рассмеялся. Довольно натужно, впрочем.

— Я это уже сделал, мамочка!

Пэйгадан пожала плечами. До чего же мрачен старина Халлерок! Наверняка будет ожидать, что все пойдет по наихудшему варианту, хотя задание, как явствует из досье стажера, было как раз по его части. Ей было приятно наблюдать, как быстро и точно парень разработал план и конкретные фазы операции, невзирая на обуревающие его дурные предчувствия. Единственное, что стажеру, вероятно, было пока не по силам, так это провести операцию самостоятельно.

Пэйгадан улыбнулась и присела ненадолго перед кушеткой, на которой сладко посапывала подсадная утка по имени Джесс.

* * *

Два часа спустя, когда помощник Пэйгадан снова связался с ней, он был настроен более оптимистично.

— Реакция точно такая, как предполагалось, — лаконично сообщил Халлерок. — Начинаю верить, что ты знаешь, что делаешь.

— Моюскан приостановил распространение новолина?

— Да, это было сделано очень аккуратно. Госпитальный корабль сейчас в одном крупном биохимическом центре в пятистах километ-

рах от Центрального Города, груз полностью передан высшим должностным лицам государства. Возник вопрос: а отличаются ли ульфийцы физиологически от стандартного А-класса настолько сильно, чтобы не проводить серию соответствующих лабораторных опытов, прежде чем дать средству зеленую дорогу? Было сочтено целесообразным все же не торопиться и дать медикам возможность поэкспериментировать с новолином, как они сочтут нужным. Кроме того, местные эскулапы попросили специалистов Конфедерации пока не подвергать дело огласке, дабы не возбудить у населения ложную надежду. Предположительно тестирование препарата может затянуться на неопределенный срок.

— Насколько все же оппозиция облегчает нам работу, — благодарно вздохнула Пэйгадан. — Стоит ее только немного расшевелить! Аборигенам разрешили осмотреть корабль?

— Несколько местных все еще рыщут по нему, вынюхивают. Они представились экспертами. Могу побиться об заклад, — воскликнул Халлерок со смешком, — что Моюскан убедился, что никто из членов экипажа не пользуется разумозащитой! А это создало иллюзию того, будто овладеть этим драндулетом и его командой раз плюнуть.

Он немного помедлил:

— Нам остается лишь немного подождать.

— Да, нам остается лишь позволить ему забавляться такими иллюзиями, — согласилась Пэйгадан. — Теперь нужно встревожить его ровно настолько, чтобы подпитать их самым естественным образом.

Ночь давно опустилась на крыши Центрального Города, когда столь ожидаемое ею сообщение протрещало из коммуникатора шлюпки. Агент расшифровала его, изобразила внутренне сильнейшее эмоциональное потрясение, потом растормошила Джесс и с приличествующим случаю негодованием высказала все, что она думает, тем самым, подсунув подслушивающему Моюскану горькую пилюлю. Правда, сразу после этого Пэйгадан пришлось пережить несколько волнительных минут, пока ее пациентка под действием все умиротворяющей антишок-колы вновь ни успокоилась.

— Она все порывалась встать и взяться за дело самостоятельно! — изумленно сообщила Халлероку Пэйгадан, потирая растянутое запястье. — Но, в конце концов, мне удалось ее убедить, что в обязанности Департамента Культуры не входит расследование тайных массовых

убийств на чужой планете, и что один из самых компетентных Агентов Зоны высадится здесь завтра, чтобы взять на себя это дело.

— Ага, — понимающе отметил Халлерок, — эта новость и означает, по твоим словам, «закрутить гайки».

— Причем, закрутить настолько, насколько требуется. Есть подозрение, что ответственность за изощренные ритуальные убийства лежит на мощной и разветвленной тайной организации, а не на каком-то убогом телепате, который нескольких веков изображает из себя планетарного божка. Разумеется, если указать на Моюскана, ему тут же отвернут башку его же подданные.

Девушка промокнула лоб носовым платком.

— Знаешь, инсценировка всегда заставляет меня нервничать, никак не могу привыкнуть врать, — добавила она. — Я здорово волновалась, почти совсем как ты. Теперь требуется набраться терпения и ждать, пока Моюскан не решит свои маленькие проблемы. Он не настолько туп, чтобы не заметить выход…

Однако минуло почти три часа, которые Пелайл, якобы второстепенный сотрудник Галактических Зон, провела в тихой и незаметной

работе над документами в компании папок, рапортов и досье, отправляя и получая различные кодированные сообщения в связи с анонсированным прибытием на Ульфи старшего по званию — Агента Зоны.

Девушка готова была признать, что и сейчас немного волнуется, хотя предусмотрела альтернативные меры на случай…

И тут в ее разум ворвалась вопрошающей молнией мысль Халлерока. На мгновение Пэйгадан затаила дыхание.

— На связи! — резко откликнулась она. — Что там у тебя, выкладывай!

— Ведущие биохимики планеты Ульфи, — обстоятельно начал Халлерок, — только что вынесли заключение, которое вскоре будет обнародовано повсеместно…

— Слушай, ты, озорник-недоучка! — выпалила Пэйгадан. — А ну-ка, не тяни из меня душу!

— …поскольку смогли в самые короткие сроки завершить, то есть проанализировать, резюмировать и сопоставить все необходимые тесты, которые подтвердили абсолютную безопасность нового средства против космофобии — новолина — для всех вариантов физиологических особенностей структуры ульфийцев. Было признано,

правда, что в известной степени придется полагаться на…

— Халлерок! — ледяным тоном на этот раз перебила его Пэйгадан, — еще одна идиотская подробность — и при встрече я сделаю из тебя полуфабрикат!

— Ну что ты, Пэг! — наигранно жалобно воскликнул Халлерок. — Ученые прислали на Госпитальный полсотни добровольцев, чтобы окончательно проверить действие новолина непосредственно в космосе, после чего вся Ульфи до последнего человека использует несравненный подарок Федерации, и как можно быстрее. Никто особо не расстроился, когда наши медики напомнили, что ранее уже сообщали о том, что корабль способен тестировать одновременно лишь один объект…

Пэйгадан сделала судорожный вдох, и ее лицо вспыхнуло минутным румянцем, отчего сразу стало чистым, ярким, ничем не замутненным.

— И когда отобранный доброволец взлетит в космос? — промурлыкала она триумфально.

— Он уже взлетел, десять минут назад, — невинно произнес помощник. — Незадолго до того, как я его протелепатировал, объект эксперимента обнаружил, что за десять минут полета в космосе

можно вылететь за пределы радиуса действия телепата второго уровня. Похоже, что потеря контакта с Ульфи его встревожила не на шутку… Ого! Смотри, Пэг! Представь, что было бы со мной без разумозащиты, когда этот бессмертный кладезь всех добродетелей в мире принялся за свое гнусное дело!

— Отлично представляю, — воскликнула Пэйгадан. — Хорошо хоть, что планета уже в безопасности. Молодец, так что я прощаю тебя за все твои приколы. Теперь можешь побеспокоиться и о корабле! Должна тебя похвалить, — признала она чуть позже, — за то, что ты установил ПТ-элементы. Вот, что называется, полный охват! В половине случаев я сама не знаю, из какой точки корабля наблюдаю за этим спектаклем.

Она удобно свернулась калачиком в просторном кресле рядом с кушеткой, на которой тихо дремала Джесс, и казалась почти столь же безмятежной, как и ее высокая гостья. На голову Пэйгадан было водружено что-то вроде большого, с толстыми стенками, но, по-видимому, очень легкого шлема, доходившего ей почти до переносицы, а глаза девушки были закрыты.

— В данный момент, — предположил Халлерок, — наверное, ты направила объектив

Подглядывающего Тома прямо в верхний левый угол видеоэкрана, в который смотрит Моюскан. Ему все еще не нравится находиться в космосе, верно?

— Да, но он способен контролировать свою неприязнь, — лениво заметила Пэйгадан. — Я его узнала, это тот, кто руководил нападением на нашу культуртрейгершу в Историческом Институте. В ее памяти осталось короткое, но очень точное его изображение. Итак, знакомься, это — Моюскан, все в порядке!

— Ты хочешь сказать, — ошеломленно спросил Халлерок, — что до сих пор не была в этом уверена?

— Ну, видишь ли, никогда нельзя быть уверенным до самого конца, — наставительно сказала Пэйгадан. — Всегда могут возникнуть неприятные сюрпризы.

Она открыла глаза, переменила позу и вновь откинулась на спинку.

— Не смотри на меня так, Халлерок! Сейчас ты должен записать для Лаборатории все, что происходит на борту Госпитального, каждую мелочь!

Халлерок, все еще несколько встревоженный, на это заметил, что записывать пока почти нечего. Если не считать того, что темнокожий

ульфийский доброволец с бородкой клинышком, взятый исключительно в качестве объекта научного исследования, развил на борту самую бурную деятельность. Однако никто на корабле, по-видимому, не находил в этом ничего странного. Куда бы он в больничной пижаме и босиком ни направлялся, экспериментальная группа в составе трех врачей неотступно следовала за ним, точно наседки за перевозбужденным цыпленком. Время от времени группа останавливала своего беспокойного пациента на бегу и производила беглый медицинский осмотр, коему он подчинялся беспрекословно.

Однако он молчал и даже словом не перекидывался ни с ними, ни с членами экипажа, мимо которых стремился пройти незамеченным. Те, в свою очередь, были настолько глубоко погружены в выполнение своих служебных обязанностей, что, по-видимому, не замечали его присутствия, и одно это уже свидетельствовало о необычности полета.

— А старикан-то — прирожденный организатор! — вынуждена была признать Пэйгадан. — На него работает целый табун экспертов, и он достаточно умен, чтобы не мешать им. Корабль уже лег на новый курс, верно? Можешь вычислить,

куда он направляется?

Халлерок ответил.

— Ого, путешествие длиной в месяц! — глубокомысленно протянула Агент. — Похоже, он больше не хочет иметь с нами дело!

На скорости, чуть ниже крейсерской, Госпитальный корабль удалялся прочь от Ульфи. Пациент, точно погруженный в государственные дела сановник, обремененный ответственностью и не замечающий своей почтительной свиты, продолжал бродить по кораблю. И вот однажды, вернувшись в просторную ходовую рубку и бросив неприязненный взгляд на экран перед креслами пилотов, на котором блистала алмазная россыпь звезд, Моюскан не выдержал.

В этот момент и стало очевидно, насколько же одиноким он чувствовал себя среди членов команды Госпитального. Зная, что больше не нужно сдерживать свое эго фантомами, экс-правитель. Ульфи выплеснул наружу все, что накопилось у него в душе. Этот бурный словопоток из бессильного гнева, несбывшихся надежд и панического страха должен был привлечь внимание всех присутствующих в ходовой рубке.

Но не тут-то было.

Пилоты вместе с навигатором и его помощ-

никами были полностью поглощены бурной дискуссией о куче неиспользованных в ходе этого рейса информкристаллов. Доктора, окружившие разоряющегося Моюскана, спокойно дожидались, когда он закончит, чтобы обменяться профессиональными комментариями в спокойной, неспешной манере специалистов, которые наблюдают за ходом поставленного эксперимента и все больше уверяются в его удовлетворительном завершении.

Взрыв эмоций окончился столь же неожиданно, как и начался. Ульфиец вытер ладонью рот и хмуро уставился в пол.

— Думаю, — сказала Пэйгадан, — пора высылать истребитель, Халлерок!

— Уже выслан, — ответил стажер. — По моим подсчетам «окончание времени действия» пришлось как раз на середину его блистательной речи.

— По моим — тоже, — откликнулась девушка. — Надеюсь, теперь уже скоро. Ждать осталось недолго.

Корабль-беглец был густо нафарширован различными смертоносными устройствами, которые можно было активизировать дистанционно через ПТ-систему. Однако поскольку подобная ак-

тивизация могла повлечь за собой неприятности для членов экипажа корабля, мины-блохи, баллоны с газом и скрытые автоматические снайперы следовало использовать лишь в крайнем случае, а именно, в том, если Моюскан попытается излить недовольство внезапно отвернувшейся от него фортуной на кого-нибудь из своих новых пси-подчиненных. Однако Пэйгадан считала маловероятным, что недавний повелитель Ульфи столь непрактично распорядится даже малой частью своих сократившихся человеческих ресурсов ради мелкой мести.

Убедившись, что не ошиблась, девушка терпеливо, гораздо более терпеливо, чем Халлерок, ожидала завершения карьеры Моюскана, не желая, однако, чтобы в этом оказались замешаны мины, пули или газ.

Это произошло примерно четверть часа спустя. На экранах прекрасно зафиксировалось, как по телу ульфийца едва заметно пробежала дрожь, словно его подключили к электрическим клеммам.

И Агент, и стажер среагировали практически мгновенно, но так и не смогли выяснить впоследствии, кто из них запустил телепатически управляемый механизм, который вызвал

на Госпитальном короткую вспышку слабого пси-излучения, едва ли воздействовавшего на граждан Веги.

Экипаж Госпитального корабля тоже отреагировал, но не на вспышку, а на включившийся аварийный зуммер. Кто-то пощелкал тумблером, кто-то выяснял возможную причину, но так как все устройства были в полном порядке, беспокойство улеглось. Потом движения людей замедлились, они хмурили лбы, точно пытаясь что-то припомнить, а еще через несколько секунд, что бы ни делал каждый из них и где бы ни находился, астронавты приняли горизонтальное положение и погрузились в сон.

Один Моюскан остался бодрствовать, поскольку лишь его нервные центры не были за несколько дней до этого подвержены обработке катализатором, который ничем себя не выдавал до тех пор, пока вспышка излучения не заставила его начать действовать. Не прошло и минуты, как диктатора потрясло внезапное осознание факта, что вокруг нет более ни единого разума, способного ему подчиняться. Ибо новолин хоть и был способен излечить космофобию, но лишь на ограниченное время, зависящее от величины дозы и конкретного организма, впоследствии

же все возвращалось на круги своя. Какова бы ни была природа всепоглощающего страха, который пробуждал к жизни тайные механизмы одинокой души, захваченной врасплох посреди космического пространства, последствия оказались крайне разрушительными как для тела, так и для мозга.

Именно так, неистово и стремительно, умер Моюскан Бессмертный, прожив на четыре столетия дольше отведенного ему природой срока. Его сердце разорвалось на части в результате нарастающего с каждой секундой приступа безудержного ужаса. Халлерок, до сих пор добросовестно записывавший данные для всеядной Лаборатории, едва справился с приступом тошноты, когда диктатор зашатался, издал безумный вопль и рухнул на пол рубки. Пэйгадан же казалась невозмутимой.

— Можно было избавиться от него и более щадящим способом, но это могло повредить гражданам Веги, — возникла в разуме стажера здравая мысль Агента. — В конце концов, все прошло в соответствии с созданным им самим церемониалом смерти. Поворачивай Госпитальный обратно, и пусть истребители встретят его на полдороге. Через некоторое время я с тобой

свяжусь…

* * *

Пять часов спустя Змейка радостно шлепнула Наблюдательный корабль сзади, небрежно подтолкнула его носом и увела с орбиты Ульфи, обвив со всех сторон множеством захватов и дружески притянув к себе, шлюз к шлюзу.

— Тридцать пять секунд назад, — холодно сообщил Халлерок Пэйгадан, которая рысью вбежала в рулевую рубку Наблюдательного, — все насквозь бардачные приборы этой насквозь бардачной посудины совершенно очистились от всех настроек! Есть идеи насчет того, какова причина случившегося?

— Следи за речью, озорник! — мягко выговорила Пэйгадан, поскольку стажер мог выражаться более живо. Она перебросила ему через пульт небольшую коробочку. — Это тебе для тщательного изучения непосредственно после моего отъезда. Хотя можешь открыть ее прямо сейчас.

Половину коробочки занимал прозрачный кубик, скрывавший внутри трехмерное изображение стройной девушки с блестящими черными волосами. Из одежды на ней имелась одна короткая золотистая юбочка участницы планетарных

игр Джелтада, а из оружия — дротик, который она сжимала в руке.

— Прелестная малышка! — признал Халлерок. — Уроженка Веги, да? Все остальное я найду в куче сопровождающих стаби-кристаллов? Кто она такая, и что я должен делать?

— Это и есть наша подопечная — следователь Департамента Культуры, — объяснила Пэйгадан.

— Системный Шеф? — удивился Халлерок. Он еще раз взглянул на изображение, представлявшее собой копию одной из трехмерок Сыщика, и вновь перевел озадаченный взгляд на ланнайку. — Разве ты не закончила свою ментальную импровизацию?

— Почти. Осталось лишь дать ей немного гипноинформации, чтобы ввести в курс того, что происходит на Ульфи, включая и ее роль в развенчании Моюскана. Когда я уходила, бедняжка все еще спала в люльке, которые им выдает для ночлега Департамент Культуры.

— Как я понимаю, — глубокомысленно изрек Халлерок, — информация о последних событиях на Ульфи считается материалами, распространяемыми Галактическими Зонами исключительно для служебного пользования! Поэтому ты не стала перегружать память Системного Шефа дру-

гого департамента деяниями парапсихического разума Галактических Зон, верно?

— Умница! Готова признать, что хотя Департамент Культуры — не самое подходящее место для поиска новых сотрудников, мы можем ее зачислить в свои ряды. Я сейчас как раз тем и занимаюсь, что просвещаю ее на предмет деятельности Галактических Зон на уровне Агента. Стаби-кристаллы подскажут тебе, как обращаться с нашей культуртрейгершей в случае, если во время процесса приобщения к ценностям Галактических Зон у нее случится какой-нибудь заскок. Поскольку тебе все равно предстоит провести на Ульфи еще месяца три-четыре, считай, что общение с Джесс — приоритетная часть твоего задания.

— Я?.. Еще на три или четыре месяца?.. — недоверчиво переспросил Халлерок. — Но ведь я отлаживал Наблюдательный, чтобы лететь обратно на Джелтад. Я ведь не нужен тебе здесь, правда?

— Мне — нет! — в голосе Пэйгадан явственно пробились нотки тихой радости. — Дело в том, что вместо тебя улетаю я. Пару часов назад меня вызвал Центральный и приказал возвращаться как можно скорее, сразу, как только прикончим

этого негодяя Моюскана.

— Зачем? — Халлерок медленно менялся в лице. — Здесь еще полно работы для Агента!

Девушка покачала головой.

— Сама не знаю! Но, думаю, вызов как-то связан с теми маринованными Бьянтами, которых ты послал Лаборатории. Центральный разговаривал со мной весьма воодушевленно.

Серебристые глаза заблестели от нескрываемого удовольствия.

— Задание для пятерых Агентов, Халлерок! — нежно пропела она. — За пределами Условной Галактической Границы!

— За Границей?! С Бьянтами?! Вот здорово! Похоже, Лаборатория откопала нечто поистине сногсшибательное! — Халлерок вскочил на ноги.

Пэйгадан кивнула и тихонько причмокнула губами.

— Да уж! Нечто сногсшибательное и к тому же решающее, и доставили это в Лабораторию мы!

Состояние восторженности у стажера сменилось депрессией.

— Однако посмотрите, какое у нас обиженное лицо! — добавила девушка язвительно. — И все потому, что нас не берут с собой!

Халлерок сначала нахмурился, но затем рас-

смеялся:

— Ладно, я просто все время думал об этих Бьянтах. Можешь забирать их себе, а я покручусь немного вокруг Ульфи, и заодно устрою хорошую терапию обаятельной невротичке от Культуры.

— Все мы начинаем с малого, — ответила ланнайка. — Посмотри на меня, можешь поверить, что еще несколько лет назад я была всего лишь Высочайшей Королевой Лар-Санкайи? Хотя, разумеется, — весьма патриотично добавила она, — во всей Галактике нет планеты прекраснее, от Ядра Звездного Скопления до Туманностей и далее!

— И уж определенно лучше Ульфи, — добавил Халлерок, все еще не смирившись с судьбой. — Когда же новый Агент возьмет под свою опеку это скопление идиотов?

Пэйгадан тихо сползла с пульта и подарила его жалостливым взглядом:

— Вот бедняга! Ведь я тебе сообщила Перспективный План Работы, усек? Ты когда-нибудь слышал, чтобы подобные вещи распространялись на уровне ниже Агентов Зоны? Или мне придется официально оповестить тебя о том, что твоя первая неделя в качестве исполняющего обязанности Агента Зоны прошла успешно?

Халлерок широко раскрыл глаза. Затем у него отвалилась челюсть.

— Погоди-ка… — начал было он.

Девушка провела рукой у него перед лицом.

— Будь так любезен, закрой рот и выслушай последний приказ! Ульфи принимается в Конфедерацию в качестве пограничного гарнизона Системы 18-го Класса. Полагаю, не нужно объяснять, что в последующем процессе возникнет один не вполне стандартный нюанс, а именно: необходимо замести следы как влияния Моюскана на ульфийскую культуру, так и нашей маленькой операции.

— Ну, разумеется! — хрипло ответил Халлерок. — Но послушай, Пэг…

— Работы невпроворот, поэтому Центральный и отводит на нее три-четыре месяца. Как закончишь, вернешься на Джелтад. Лаборатория уже начала разработку робота-двойника, но понадобится твое присутствие, чтобы запрограммировать в его мозгу образцы твоих мыслительных импульсов и все такое прочее. Так что еще через пару-тройку месяцев будешь отлично экипирован для любой грязной работы, и догадываюсь, наш шеф уже придумал что-нибудь этакое специально для тебя. Так что — да

поможет тебе Бог, а я лично — отчаливаю. Есть еще вопросы?

Если бы Агент была человеком, Халлерок не сказал бы ничего. Однако, в отличие от большинства тех, кого знала Пэйгадан, Халлерок никогда не забывал, что Ланнаи отличаются от людей. Его бесхитростность ей очень нравилась, как и многое другое.

— Нет, — ответил он, — сейчас вопросов у меня нет, но если буду работать один, то наверняка почувствую себя беспомощным и одиноким. Мне кажется, я недостоин подобной ответственности.

Пэйгадан снова помахала рукой у него перед носом.

— Это чувство у тебя усилится, — пообещала она.

И ушла.

* * *

В нашем языке существуют такие понятия, как движение и скорость, но то, как Змейка летела домой, трудно было описать с их помощью. Однако для того, чтобы хоть как-то приближенно отразить этот процесс, вполне могла подойти цепочка из необычайно сложных математических формул.

Итак, она двигалась домой, раскрыв свои сенсоры на полную катушку. Пэйгадан сидела за пультом, задумчиво уставившись в огромный видеоэкран. Она ждала вызова, который мог поступить в любой момент.

Девушка могла рассчитать до минуты, сколько времени понадобится Халлероку, чтобы оправиться от легкого шока, в котором она его оставила, и добраться до досье-кристаллов, рассыпанных перед ним на пульте. Краткое описание недавнего поведения Системного Шефа Джесс (вместе с сопутствующей мотивацией) было развернуто на них методом особой телепатической стенографии, так что каждый час активной жизни индивида становился полноценной базой для анализа.

Она акцентировала внимание бывшего стажера на этой работе для того, чтобы Халлерок принялся за нее в первую очередь. Поскольку он работал быстро, на просмотр ему понадобилось не больше трех-четырех минут.

Однако прошло еще с минуту, а он не двигался с места, пялясь на кристаллы, ошеломленно и встревоженно. Лишась дружеской поддержки, бедняга не смог провести даже простой анализ характера!

Но вот Халлерок решительно перетасовал кристаллы, сложил их аккуратной горкой и стал просматривать заново. Медленно и внимательно, в надежде заметить ошибку, которая, несомненно, туда вкралась!

Пэйгадан улыбнулась.

С точностью до секунды мысль Халлерока настигла разум ланнайки, отправленная вслед за Змейкой и повторившая все извивы ее траектории. Как только сенсоры поймали эту мысль и переда; ли свою добычу хозяйке, она включила передатчик.

— Халлерок, я слушаю! Ну и мощный же у тебя посыл! Чем обязана, друг мой?

Короткая пауза, затем Халлерок заговорил:

— Пэг, что с нашей культуртрейгершей?

— А что с ней? — переспросила Пэйгадан, изображая удивление.

— В кристаллах записано, — осторожно пояснил Халлерок, — что она — нераскрытый парапсихолог. Телепат третьего класса, как минимум, это очевидно. Однако она попутно одержима какой-то странной манией, считает себя физически чем-то вроде чудовища, что не соответствует действительности, и это тоже очевидно.

Ланнайка изобразила па лице тонкую игру

мысли. В конце концов, нет ничего более трудного и рискованного, чем пытаться восстановить связь с очевидным парапсихологом, которого от неожиданности сбросило с собственного телепатического луча.

— Ах, ты про это! — наконец произнесла она с видимым облегчением. — Это не мания, Халлерок, просто одно из типичных преувеличений на субаналитическом уровне. Я, наверное, зря слишком акцентировала твое внимание. На самом деле с Джесс все в порядке, она — А-класс плюс, причем плюс довольно значительный, как сам видишь. Однако она родом не с Веги.

— Не с Веги? Ну и что, почему бы ей…

— Наша барышня, вероятно, всегда довольно болезненно относилась к этой своей особенности! — заключила Пэйгадан с таким радостным видом, словно внезапно сделала открытие. — Даже когда еще была ребенком. Правда, она получила традиционалистское образование, и не могла сознательно признать каких-либо отличий между собой и другими человеческими существами. Она — подкидыш, воспитанный нашим Департаментом Культуры, Халлерок. Наверное, нужно было сказать тебе об этом сразу. Ее подобрали где-то в космосе, она из какой-то

неопознанной человеческой расы, ведь у нее рост чуть меньше двух с половиной метров…

* * *

В кабинете мобильной резиденции Системный Шеф Джесс промокнула свои ясные глаза, высморкалась и решительно спрятала носовой платок.

После пробуждения она прорыдала целый час. Мирок традиционалистов был милым, аккуратным местом, где все понятно. И как уютно было в нем жить, даже если при этом Джесс никогда не чувствовала себя в своей тарелке! Конечно, в нем имелись свои трудности, например, низшие, негуманоидные расы, которые следовало жалеть за все их несовершенства и держать в подчинении для их же блага, равно как и для блага всех остальных. Но каким образом человеческая цивилизация А-класса могла обратиться в убогое и отвратительное стадо, как случилось на Ульфи — это никак не укладывалось в традиционалистскую картину мира! Этим уродам ничего не объяснишь. Они отлично уживались и со своими иллюзиями.

Ну и пусть себе живут! А она — вся та же Джесс, дитя космоса! Во всяком случае, взамен разрушен-

ного воздушного замка перед ней неожиданно появились новые перспективы, связанные с ее собственными способностями особого рода, которые можно было не только использовать, но и развить. И на все это ей раскрыла глаза хитроумная маленькая ланнайка!

Девушка перебрала эти перспективы с новым для себя, холодным, взвешенным интересом. Теперь, когда барьеры, затуманивавшие ее память, исчезли, перед мысленным взором ясно и величаво проплыл молчаливый, холодный, зачарованный снежной белизной мир ее детства под блистающим ночным небом. Ее далекая суровая родина! Джесс могла отправиться туда, как только пожелает, и найдет там тепло и дружбу. Осознание этой возможности возвратилось к ней тоже.

Но чего ей хотелось на самом деле?

Существует иная дружба, как намекнула ей Пэйгадан, удовлетворение другого рода, нежели то, что она получит, проводя свою дальнейшую жизнь в безмятежности среди своих соплеменников на самом прекрасном из холодных, застывших миров. Агенты Зоны пытаются создать цивилизованную Галактику и предлагают ей поработать вместе.

* * *

Джесс приняла ванну, надела свежую форму и погрузилась в легкую меланхолию в ожидании завтрака, который должен был вот-вот появиться из лотка сервисного устройства, когда кибер-дворецкий объявил:

— Агент Халлерок, Галактические Зоны, просит о встрече.

Она вздрогнула и повернулась на стуле, чтобы взглянуть на закрытую дверь. Что все это значит? Она еще не готова с ними встречаться. Она намерена принять решение сама.

— Ну, хорошо, впусти, пожалуй! — сказала она с досадой.

Дверь кабинета открылась.

Мгновение спустя Халлерок, еще не успев переступить порог, отвесил девушке учтивый поклон.

Джесс начала было вставать, но, оценив разницу в росте, она внезапно села и еще раз взглянула на Агента.

— Приветствую вас, Джесс! — произнес Халлерок. Его голос звучал дружелюбно, но в то же время удивительно уверенно.

Даже не будучи, как сейчас, облаченным в

безукоризненную бело-голубую форму Галактических Зон, Агент Зоны, без сомнения, относился к тому типу мужчин, на которых приятно смотреть любой молодой женщине. Однако дело было не столько в том, что Халлерок обладал коротко остриженными темно-рыжими волосами и ясными темно-зелеными глазами, навевавшими неясные ассоциации о якобы виденном где-то льдистом полуночном океане. Главная причина состояла в том, что сразу становилось понятно — молодой человек родом с необычной планеты.

Джесс медленно поднялась и встала прямо перед ним.

Да, родной мир Агента имел значение, особенно для нее! Марк Вири VI, планета фронтирного типа, обосноваться на которой могло придти в голову лишь безрассудным землянам эпохи первых переселений. Экваториальный пояс лихорадило от буйства опьяняющих красок, безумная радуга лета цвела и созревала на протяжении двух месяцев из тридцати восьми, составляющих тамошний год, чтобы затем, подобно остальной части этого сурового мира, вновь покрыться искрящимися под одинокими звездами лепестками льда, скрытого в сумраке вечной ночи.

Даже на древней Земле перед жизнью, созна-

тельно избравшей Великий Холод средой своего обитания, было всего два пути. Либо бедствовать и прозябать в нищете, поставив перед собой цель выжить во что бы то ни стало, или расцвести в триумфальном буйстве силы, которую не смогут остановить никакие грядущие перемены. На планете Марк Вири людям с неизбежностью пришлось адаптироваться к безжалостным местным условиям. Почти три сотни поколений, сменявших друг друга со времен Первых Межзвездных Миграций до того дня, когда исследовательский корабль Конфедерации — «Великан-Бродяга» — совершил вынужденную посадку в приполярной области, смогли так же слиться с окружающей средой, как фольклорный кулик со своим болотом, причем так же, как и он, марквириане не видели ни малейших причин покидать столь подходящее местечко.

Правда, никто не осмелился бы их пожалеть.

Джесс стояла перед Халлероком, выпрямившись, и все же ей приходилось смотреть на него снизу вверх. Трехметровый рост и почти два центнера веса не лишали атлетическую фигуру тигриной гибкости. Да, ей было на что посмотреть.

Служебная форма служила намеком, который

Джесс поняла, хотя и не нуждалась в нем. В глазах Халлерока блистал лед его родной планеты, но там же можно было различить тепло и надежность человеческой силы, торжествующей над торосами и морозным дыханием грозной природы. Этот сын народа-победителя глубоко осознал, что Галактика бескрайна и бездонна для любого разумного существа, и поэтому присоединился к Конфедерации, близкой ему по духу.

Однако, как и Джесс, марквирианин чувствовал себя гигантом среди карликов. Даже если он и не хотел этого признать, каждой клеточкой тела Халлерок ощущал потребность в обществе себе подобных.

Джесс, пытливо, но осторожно открывая свой разум этому феномену, этому чудовищу Галактических Зон, вдруг отчетливо осознала все это и еще многое другое, и, наконец, смягчилась.

Родственная душа! Ее глаза засветились улыбкой.

— Рада познакомиться, Агент Халлерок! — произнесла Джесс.

* * *

И в это самое время Пэйгадан приняла решение, что настал подходящий момент для того, чтобы

ликвидировать миниатюрное ПТ-устройство, которое она когда-то чуть ли не целый час устанавливала в стене над правым верхним углом зеркала в кабинете Джесс.

Этих рослых детей сейчас, должно быть, переполняют эмоции оттого, что они встретили наконец-то кого-то из своих, однако очень скоро они вспомнят о крошке Пэйгадан. И первое, что придет на ум подозрительному Халлероку, будет связано с возможным присутствием Подглядывающего Тома.

Хорошо, что эти крошечные устройства не оставляют никаких следов!

Она стащила с себя ПТ-шлем, деликатно зевнула и на минуту расслабилась, самодовольно поглядывая на видеоэкран.

— Вот что я называю стоящим заданием! — сказала ланнайка видеоэкрану. — Ни малейшей ошибки, а ведь как банально все начиналось!

На мгновение она задумалась. Серебристые глаза медленно закрылись, затем открылись вновь.

— Не удивительно, — заметила она, — что Центральный выбрал именно меня для выполнения почетной Миссии Пятерых, и это всего лишь после нескольких выполненных заданий! Да, когда возникает настоящая проблема, ланнайский

мозг не дает осечки!

Сотни тысяч дружественно настроенных пикселей на видеоэкране молчаливо зааплодировали ее пламенной речи. Пэйгадан милостиво улыбнулась в ответ. В этот момент ее глаза снова закрылись, а голова начала клониться вперед.

Затем девушка внезапно выпрямилась.

— Эй, — негодующе воскликнула она, пытаясь справиться с приступом сонливости, — что все это значит?

— Снотворный газ, — откликнулся голос Змейки, — раз уж вы нацелились на новую работу, всю дорогу до Джелтада придется проспать. Вам необходим отдых.

— Но это же целая неделя! — запротестовала Пэйгадан. Однако, хотя и не могла припомнить, как это получилось, но она оказалась уже в своей сомнокабине, свернувшись калачиком. Подушки надувались под ее головой, удобно поддерживая, а огни по всему кораблю один за другим гасли.

— Ах ты, хитрюга! Я еще разберусь с твоими рефлексами!

Но угроза так и осталась без ответа. Впрочем, она бы его не услышала — должна будет пройти целая неделя, прежде чем Агенту Зоны Пэйгадан вновь позволят приобщиться к тому, что проис-

ходит вокруг.

Тем временем по гигантскому телу Змейки разлилось тихое жужжание. Одновременно с этим в опустевшей и неосвещенной ходовой рубке яркая голубая искра индикатора скорости начала решительно карабкаться вверх.

Жужжание перешло в рев, затем в нем появились высокие ноющие нотки, и оно стало неслышимым.

Голубая искра остановилась как раз напротив отметки «Критическая».

Пространство сжималось перед Змейкой, она спешила домой, успешно завершив очередную миссию.

И скорость ее все возрастала и возрастала.

ВТОРАЯ НОЧЬ ЛЕТА
(The Confederacy Of Vega — 3)

В ночь, наступившую после того дня, когда на земле Венд планеты Нурхат началось официальное лето, в большой яме у восточного края фермы, принадлежащей отцу Гримпа, снова появились мерцающие огни.

Потушив свет, Гримп более часа любовался ими из открытого окна своей комнаты наверху. Снизу до него доносился прерывистый ропот голосов. Вся ферма наблюдала это удивительное зрелище.

Да и на другой ферме, которая располагалась двумя километрами выше по долине, любая живая душа, завидев яму, тут же делала то же самое. К примеру, гончая собака, принадлежавшая деревенскому стражу, вдруг начала возбужденно выть, но, правда, быстро успокоилась. Точнее, ее успокоили, подумал Гримп. Страж терпеть не мог, когда кто-то поднимал шум из-за огней, включая гончих.

Правда, на этот раз возбуждению гончей имелось некоторое оправдание. Из своего окна

Гримпу было хорошо видно, что сегодня огней было намного больше, чем в прошлом году. Огромные, сверкающие голубые пузыри бесшумно плавали по кругу, периодически поднимаясь и снова опускаясь в яму. Иногда один из них взмывал вверх чуть ли не на сотню метров или перекатывался за край ямы на такое же расстояние, чтобы зависнуть там на некоторое время, а затем мягко вернуться на место. Дальше этого они никогда не заходили.

Сферическим разведчикам Хальпов и в самом деле не было никакой необходимости заходить дальше, чтобы получить информацию, за которой их послали те, кто сейчас прислушивался к их неторопливому бормотанию. На некоем хальпском эквиваленте человеческой мыслеречи, из голубых сфер, до них доходили короткие сообщения, вроде такого:

«Никаких признаков враждебной активности поблизости от точки наступления не зафиксировано. Нет никакого оружия или энергетических устройств с мощностью вне заданных параметров. С момента последнего исследования серьезных изменений на территории не обнаружено. Обостренное любопытство автохтонов есть следствие вызываемого нами у них чувства

тревоги и подозрительности. Никакой открытой враждебности не наблюдается».

Рапорт плавно продолжался, непрерывно и автоматически повторяя одно и то же, пока голубые сферы беззвучно всплывали над необычной ямой и вновь в нее погружались.

Хотя глаза у него слипались, Гримп все еще продолжал наблюдать за огнями, пока над краем долины не возник и не разросся серебристый отблеск, возвестивший о том, что медленно восходит Большая Луна Нурхата, чтобы, словно планетарный страж, самой взглянуть на огни. Голубые пузыри сразу же начали тускнеть, как они всегда тускнели в лунном сиянии каждое прошлое лето. Когда над холмом назидательно навис верхний край желтого диска Большой Луны, яму окончательно покрыла темнота.

Гримп услышал, как мама поднимается вверх по ступеням, и юркнул в кровать. На сегодня представление закончилось, но прежде чем уснуть, ему предстояло еще подумать о множестве приятных вещей.

Поскольку появились огни, любимая им бабуля Эриза Ваннтель теперь наверняка заедет сюда вместе со своим трейлером, полным всяких патентованных снадобий. Завтра, где-нибудь после

полудня, большой трейлер-прицеп прикатит в долину из города. Потому что бабуля поступала так все четыре года подряд, с тех самых пор, как огни впервые появились над ямой и каждый год торчали над ней в течение нескольких ночей. А поскольку четыре года равнялись половине жизни Гримпа, появление бабули представлялось ему чем-то вроде математического закона.

Другие, например, деревенский страж, относились к бабуле менее восторженно, но для Гримпа даже просто побродить вокруг нее и трейлера, посмотреть на запряженного в него огромного, странного, однорогого пони было гораздо интереснее, чем даже сходить в цирк.

А послезавтра начинаются каникулы! Будущее выглядело бесконечной вереницей радостных событий, теряющейся за горизонтом.

Гримп заснул с улыбкой на губах.

* * *

Примерно в это же время, хоть и на расстоянии, недоступном пока воображению Гримпа, восемь огромных кораблей выплыли из межзвездной тьмы, служившей им морем, и принялись вращаться вокруг Нурхата по тщательно рассчитанным заранее орбитам. Они находились от

планеты на столь почтительном расстоянии, чтобы никакие оптические или иные инструменты космической разведки не могли установить, что там проходит грань, где пересекаются интересы местных жителей и тех, кто послал звездолеты.

Однако это было именно так. Хотя экипажи восьми кораблей не питали к жителям Нурхата никаких враждебных чувств, мало что могло принести планете больше бедствий, чем груз, с которым они прибыли.

Герметичные трюмы семи из восьми кораблей были заполнены газом, который нынче использовался не часто. Легкий и летучий, он распространялся в атмосфере мгновенно, причем его присутствие нельзя было обнаружить химическим путем. Это свойство, однако, не мешало ему плавно и постепенно, но чрезвычайно эффективно, лишать жизни все кислорододышащие существа.

Восьмой звездолет был вооружен термическими торпедами, которые обычно выпускали через несколько часов после того, как газ рассеивал по планете невидимую смерть. Это были очень маленькие торпеды, ведь им оставалось всего лишь прокалить как следует поверхность планеты, уже обработанной газом.

Все эти процедуры предстояли Нурхату в ближайшем будущем. Однако они могли состояться только в том случае, если на кружащую вокруг него эскадру поступит с поверхности планеты некое сообщение. А если конкретно, сообщение о том, что Нурхат сдан на милость жестокому врагу, который, дабы не распространиться по другим обитаемым мирам, должен быть остановлен любой ценой.

* * *

На следующий день, возвращаясь из школы, Гримп, полный самых радужных надежд, на границе владений своего отца, там, где дорога делала крутой поворот, обнаружил деревенского полицейского, который сидел на камушке и глядел вдаль слезящимися глазами.

— Привет, Хлюпик! — настороженно поздоровался Гримп. В свете подслушанных сегодня утром сплетен, этот визит должен был не очень хорошо кончиться для бабули Ваннтель. Прямо скажем, плохо должен был кончиться.

Полицейский высморкался в носовой платок, промокнул глаза и только после этого смог должным образом посмотреть на Гримпа.

— Хоть бы ты не называл меня Хлюпиком,

Гримп! — недовольно сказал он, засовывая платок за пазуху. Подобно Гримпу и большинству жителей Нурхата, полицейский был темнокож и темноглаз. Обычный малый вполне приятной внешности. Однако сейчас глаза у него покраснели, нос распух, да вдобавок издавал звуки, которые иначе как хлюпаньем назвать было невозможно. Беднягу замучила сильнейшая аллергия на цветочную пыльцу.

Гримп извинился и понуро присел рядом с полицейским, который по совместительству был одним из его бесчисленных кузенов. Мальчуган едва не проговорился, что подобное обращение заимствовал у Веллит, подслушав, что она сказала, вернувшись вчера с прогулки по большому цветущему луковому саду раньше обычного. Однако Гримп вовремя сдержался. Веллит в охотку встречалась с полицейским большую часть года, но регулярно расставалась с ним во время сезона цветения и начинала именовать его просто «кузеном», а не «милым».

Вместо этого Гримп простодушно спросил:

— А что ты тут делаешь?

— Жду, — ответил полицейский.

— Кого? — так же наивно спросил Гримп, хотя душа у него ушла в пятки.

— Того же, кого и ты, полагаю, — мстительно сказал полицейский, вновь выуживая носовой платок и шумно прочищая нос. — В этом году кто-то отправится прямиком туда, откуда пришла, иначе узнает у нас, где раки зимуют.

— Кто это сказал? — оскорбился за бабулю Гримп.

— Деревенский страж, вот кто, — заявил полицейский, — тебе этого достаточно?

— Он не имеет права! — возмутился Гримп, — это наша ферма, а у бабули есть все нужные лицензии!

— У стража был в запасе целый год, чтобы составить новый список лицензий, — парировал полицейский. Он порылся в нагрудном кармане мундира, извлек сложенный лист бумаги и развернул его.

— Здесь тридцать четыре пункта, я должен их все проверить. Бабуля наверняка споткнется на каком-нибудь.

— Это же просто свинство! — возопил Гримп, быстренько просмотрев видимую ему часть списка.

— К деревенскому стражу следует относиться с должным уважением, Гримп, — предупредил полицейский.

— Да, — пробормотал Гримп, — именно…

Если бы Хлюпик не совал сюда свой красный нос! Однако, ну и список! Трейлер, однорогий пони (животное, он же тягловое средство, при том импортированное), патентованные лекарства, домашняя утварь, предсказание будущего, домашние животные, травы, чудесные исцеления…

Полицейский глянул через плечо, заметил, чем занят Гримп и заслонил бумагу телом.

— Это официальный документ, — назидательно сказал он, одной рукой отстраняясь от Гримпа, другой — засовывая документ обратно в карман, — неча его трогать грязными лапами!

Гримп стремительно соображал. У бабули были оформлены лицензии на некоторые пункты списка, они висели на стене в трейлере, но там их было не тридцать четыре, а определенно меньше.

— Помнишь того огромного лысого веррета, что я поймал в прошлом сезоне? — спросил он.

Полицейский бросил на него быстрый взгляд, отвел глаза и начал старательно их протирать. Сезон ловли верретов открывался со следующей недели, а кузен был таким же страстным рыболовом, как и все прочие жители деревни. К тому

же в прошлом году трофей Гримпа побил рекорд долины двенадцатилетней давности.

— Некоторые, — лениво произнес Гримп, устремив пристальный взгляд туда, где дорога из долины ныряла в лес, — готовы целыми днями шпионить за кем-то, кто поймал здоровенного веррета, надеясь, что рыболов такой дурак, снова пойдет ловить на тот же самый пруд.

Полицейский вспыхнул и принялся прикладывать платок к носу.

— Некоторые, — безжалостно продолжал Гримп, — готовы даже сидеть в стоге с биноклем, даже если от сена они начинают чихать, как сумасшедшие.

Полицейский вспыхнул еще ярче и чихнул.

— Но этот кто-то не такой дурак, — уверенно сказал Гримп, — тем более, что ему известно местечко, где водятся верреты, которые на добрых пятнадцать сантиметров больше тех, чем он поймал.

— На пятнадцать сантиметров?! — недоверчиво, но жадно повторил полицейский.

— Даже больше, — кивнул Гримп, — я как раз на прошлой неделе проверял.

Настала очередь полицейского задуматься. А Гримп рассеянно вытащил рогатку, извлек из

специального кармашка камешек и сбил чашечку с цветка на расстоянии в десять метров. Затем беспечно зевнул.

— Лихо обращаешься с рогаткой, — заметил полицейский. — Наверное, также хорошо, как тот злоумышленник, что на прошлой неделе заставил взреветь в школе пожарную сирену. Тот тоже выстрелил в нее из рогатки. Со школьной крыши.

— Да, это был классный выстрел, — скромно признал Гримп.

— Затем, — продолжил полицейский, — он посыпал свои следы перцем, так что гончая, которую пустили вдогонку, расчихалась так, что чуть душу Богу не отдала. Страж, — глубокомысленно намекнул он, — был бы очень рад, если бы кто-нибудь шепнул ему на ухо имя этого злоумышленника.

— Конечно, а как же, — со скучающим видом согласился Гримп. И полицейский, и страж, и, вероятно, даже гончая прекрасно знали имя этого злоумышленника, но они не смогут ничего доказать, пусть хоть двадцать тысяч лет пройдет. Хлюпику пора понять, что угрозы ни на шаг не приблизят его к рекордному веррету.

По-видимому, он это понял и взял еще одну

передышку для раздумий.

Внезапно Гримп вскочил с камушка.

— Вон они! — завопил он, размахивая рогаткой.

В полукилометре от них на дорогу из леса выехал огромный серебристый трейлер бабули Ваннтель вслед за однорогим пони и направился прямиком к ферме.

Тягловое средство завидело Гримпа издали, подняло свою громадную башку и прорычало громогласное приветствие.

Бабуля Ваннтель привстала на козлах и замахала зеленым шелковым платком.

Гримп бросился вперед по дороге.

Верреты должны сработать, но все равно лучше предупредить бабулю о последних нововведениях, прежде чем она напорется на Хлюпика.

* * *

Бабуля Ваннтель слегка хлестнула пони вожжами по роговому заду, когда трейлер поравнялся с полицейским, который поджидал у края дороги с раскрытым списком в руке.

Пони перешел на тяжелую рысь, и трейлер пронесся мимо Хлюпика, повторив изгиб дороги, и остановился, только основательно вторгшись в

пределы фермерской земли. Бабуля и Гримп спешились, причем бабуля первым делом распрягла пони. Освобожденная животина вперевалку сошла с дороги и, удовлетворенно похрюкивая, направилась по направлению к просторному болотистому лугу над знаменитой ямой. Там он остановился, с наслаждением охлаждая лапы.

Гримп немного успокоился. Бабуля убрала трейлер прочь с общинной земельной собственности, что по правилам давало ей некое преимущество. Семья Гримпа относилась к бабуле благосклонно, кроме того, все они были строптивы и никогда не отказывали себе в удовольствии напомнить стражу, где именно заканчивается его юрисдикция. Однако пока они подъезжали к фермерским владениям, бабуля призналась Гримпу, что у нее в планах не стояло заблаговременно обзавестись тридцатью четырьмя лицензиями. И вот теперь к ним уже подходил с самым суровым видом полицейский, прочищая нос особенно яростно.

— Позволь, я сама с ним справлюсь, — проговорила бабуля вполголоса.

Мальчуган кивнул и отправился на луг немного поиграть с пони. Бабуля обладала огромным опытом в деле улещивания полицейских.

— Так-так, молодой человек, — услышал он, как

она поприветствовала его кузена, — похоже, что вы здорово простудились.

Полицейский чихнул.

— Если бы, — обреченно сказал он. — У меня аллергия на пыльцу. Ничего не могу с ней поделать. У меня с собой небольшой список…

— Аллергия на пыльцу? — переспросила бабуля. — Забирайтесь в трейлер/сейчас мы это поправим.

— Тут у меня список… — начал Хлюпик, но осекся. — Вы и в самом деле можете это поправить? — скептически спросил он. — Я столько докторов перевидал, но никто не мог мне помочь.

— Ха, докторов! — фыркнула бабуля. Гримп слышал, как ее каблуки простучали по металлическим ступеням позади трейлера. — Входи, это не займет и минуты.

— Ну, — с сомнением протянул Хлюпик, но все же проследовал за ней внутрь.

Гримп подмигнул пони. Первый раунд завершился в пользу бабули.

— Привет, пони, — сказал мальчуган.

Его тревоги нисколько не повлияли на чувство восхищения, которое он всегда испытывал к удивительному тягловому животному бабули.

Отчасти, конечно, потому, что оно было такое огромное. Длинное, круглое, как бочонок, туловище покоилось на коротких ножках с плоскими широкими основаниями, которые сейчас были глубоко погружены в луговую слякоть. С одного конца туловища свисал до земли остроконечный хвост, с другого — торчала огромная клинообразная голова с тупым, плохо обтесанным рогом между глазами. От носа до хвоста пони был сплошь покрыт толстыми роговыми пластинами в зеленовато-коричневую крапинку.

Гримп любовно похлопал его по боку. Он любил пони за то, что тот был самым уродливым созданием из обитавших на Нурхате. Бабуля рассказывала, что купила его у обанкротившегося цирка, который привез его с планеты под названием Трибе. Эта планета была знаменита тем, что вся покрыта кипящими болотами и неистощимо извергавшимися вулканами, над которыми постоянно стоит адская вонь.

Можно было предположить, что, проведя большую часть жизни по колено в расплавленной лаве под дождем из пылающего пепла, пони считает Нурхат весьма скучным местом. Но хотя плоская роговая пластина, поддерживающая рог и составлявшая основу его морды, предоставляла

немного возможностей для мимики, Гримпу все же казалось, что сейчас пони выглядит очень довольным, погрузив лапы в холодную жидкую грязь Нурхата.

— Ты — огромная жирная свинья! — с любовью сказал Гримп.

Пони вытащил длинный тонкий пурпурный язык и аккуратно сделал мальчугану аккуратный пробор в волосах.

— Перестань! — сказал Гримп. — Фу!

Пони польщенно всхрапнул, обвил свой язык вокруг огромной заросли бурьяна, вырвал ее и засунул в рот вместе с корнями, грязью и всем прочим. Затем начал все это тщательно пережевывать.

Гримп взглянул на солнце, затем с тревогой посмотрел на трейлер. Если бабуля не избавится от Хлюпика поскорее, Гримпа позовут домой ужинать, и они с ней не успеют пройтись вместе и хорошенько поболтать. А по вечерам его теперь на улицу не пускали.

Из-за голубых огней.

Он шлепнул пони на прощанье и потихоньку вернулся на дорогу, усевшись у задней двери трейлера так, чтобы его не было видно, но сам он мог слышать все, что происходит внутри.

— …так что единственное, что страж может сделать, — торопливо говорил полицейский, — это наложить на вас штраф за угрозу общественной безопасности. Если в этом году с огнями снова будут проблемы, он наверняка это попробует. Понимаете, он ведь неплохой страж, но вбил себе в голову, что это вроде бы из-за вас здесь появляются каждый год огни.

Бабуля усмехнулась:

— Ну да, я действительно каждое лето стараюсь подоспеть сюда так, чтобы застать их, — призналась она, — так что понятно, откуда у него такие подозрения.

— Кроме того, дело еще в том, — добавил полицейский, — что мы, разумеется, стараемся сохранить в тайне все про огни. Если об этом узнает кто посторонний, сюда начнут толпами приезжать из города, просто чтобы поглазеть на диковинку. Кроме стража никто не против того, чтобы вы приезжали, но никто не хочет, чтобы вокруг его фермы бродили толпами городские.

— Понятно, что не хочет, — согласилась бабуля, — а я никому и не рассказывала.

— Вчера вечером, — добавил полицейский, — все говорили, что в этом году огней в два раза больше, чем в прошлом. Поэтому страж так и

взбеленился.

Далее Гримп с нарастающим недовольством должен был выслушать галантное препирательство относительно того, сколько следует заплатить бабуле за снадобье, причем она настаивала, что он не должен платить ровным счетом ничего. В конце концов бабуля сдалась и полицейский заплатил — слишком много, невозможно столько брать с друга семьи Гримпа, до последнего возражала бабуля. Наконец благочестивый поборник закона протопал, спускаясь по ступенькам трейлера; она последовала за ним.

— Как я выгляжу, Гримп? — он лучился самой бодрой из своих улыбок. Гримп поднялся на ноги.

— Вполне приемлемо, но тебе все равно нужно хотя бы иногда умываться, — бестактно заявил Гримп, поскольку сегодня Хлюпик немилосердно испытывал его терпение. Однако затем глаза его расширились от удивления. Под слоем жирной желтоватой мази нос Хлюпика почти вернулся к той форме, что была ему свойственна вне сезона всеобщего цветения, глаза совершенно перестали быть припухлыми. Эти изменения коснулись и цвета лица: пылающий красный сменился деликатным розовым. Короче говоря, Хлюпик снова

стал почти симпатичным парнем.

— Здорово, да? — воскликнул он. — Раз и готово. Мне всего лишь нужно не смывать мазь еще час. Верно, бабуля?

— Точно, — улыбнулась она, мягко позвякивая монетками, перекидывая горсть из одной руки в другую. — Будешь как новенький.

— Причем навсегда, — сказал Хлюпик.

Он благосклонно погладил Гримпа по голове.

— А на следующей неделе мы пойдем ловить верретов, правда, Гримп? — алчно добавил он.

— Возможно, — холодно ответил Гримп, придерживаясь того мнения, что с Хлюпика вполне довольно чудесного исцеления и теперь он может забыть о верретах.

— Договорились, — лучисто кивнул Хлюпик и, посвистывая, отправил свое измазанное лицо прочь по дороге. Гримп бросил ему вслед недобрый взгляд, прикидывая, что недурно бы достать рогатку и подкрепить взгляд камешком средней величины, запущенным в нижнюю часть кузенового арьергарда. Впрочем, делать этого, вероятно, не стоит.

— Вот так бывает, — мягко сказала бабуля.

В это время с фермы донесся тоскливый звук коровьего рожка и печально разлетелся по долине.

— Проклятье, — откликнулся Гримп, — так и знал, что уже поздно, а он все болтал и болтал. Теперь меня зовут ужинать.

От разочарования глаза у него наполнились слезами.

— Не расстраивайся так, Гримп, — утешила его бабуля. — Ну-ка, прыгай сюда и закрой глаза.

Гримп послушно вскочил в трейлер и с замиранием сердца закрыл глаза.

— Вытяни руки вперед, — услышал он голос бабули.

Он вытянул руки, она сложила их вместе наподобие чашечки.

Затем что-то маленькое, легкое и пушистое очутилось в них, ухватило Гримпа за большой палец холодными крошечными пальчиками и тихонько застрекотало.

Гримп вытаращил глаза.

— Но это же лортель! — ошеломленно прошептал он.

— Подарок тебе! — ласково сказал бабуля.

Гримп потерял дар речи.

С крошечного, черного человеческого личика на него смотрели огромные голубые глаза. Лортель дважды обернул вокруг его руки длинный пушистый хвост, прилепился пальчиками к его

большому пальцу и жалобно скрипнул.

— Какой хорошенький! — наконец выдохнул Гримп. — А это правда, что их можно научить говорить?

— Привет, — сказал лортель.

— Это все, что он пока может говорить, — объяснила бабуля. — Но если ты будешь с ним терпелив, он выучит что-нибудь еще.

— Я буду с ним терпелив, — пообещал потрясенный Гримп. — Я видел одного такого в цирке этой зимой, в Лагганде, что ниже по долине. Там объявили, что он умеет говорить, но при мне он так ничего и не сказал.

— Привет! — повторил лортель.

— Привет! — сглотнул Гримп.

Вновь тоскливо промычал рожок.

— Беги ужинать, а то на тебя рассердятся, — посоветовала бабуля.

— Я знаю, — откликнулся Гримп. — Что он ест?

— Жуков, цветы, мед, фрукты, яйца, если живет на воле. А ты корми его тем, что ешь сам.

— Хорошо, тогда до свидания. Ну и ну, спасибо, бабуля!

Он выскочил из трейлера, лортель вскарабкался вверх по руке, уселся на плече и обвился пушистым хвостом вокруг шеи мальчика.

— Он тебя признал, — заметила бабуля, — теперь не убежит.

Гримп осторожно вытянул свободную руку и погладил лортеля.

— Завтра утром я приду пораньше, — сказал он. — Занятия в школе закончилась. Пока появляются эти огни, меня не пускают на улицу после ужина.

Рожок промычал в третий раз, это было уже серьезно.

— Ладно, до свидания, — поспешно повторил Гримп и побежал домой. Лортель раскачивался на воротничке его рубашки и радостно поскрипывал.

Бабуля немного посмотрела ему вслед, затем деловито взглянула на солнце, которое уже гладило верхушки холмов.

— Не мешало бы поужинать, — сказала она, по-видимому, ни к кому не обращаясь, — потому что потом мне бежать в чисто поле, чтобы устроить диверсию.

Распластавшийся бронированным брюхом по сырому лугу пони поднял и повернул тяжелую голову. Маленькие желтые глазки вопросительно мигнули.

— Почему ты решила, что дело дойдет до ди-

версии? — прозвучал его голос прямо у нее в ухе. Способность пони производить подобные чревовещательные эффекты была одним из тех его многочисленных талантов, из коих и состоял смысл его пребывания рядом с бабулей.

— Ты что, не слышал? — упрекнула его бабуля. — Полицейский сказал, что страж сегодня после ужина намерен отправить к яме деревенскую дружину, чтобы расстрелять хальповские детекторы, как только те появятся.

Пони изрыгнул проклятие, ровным счетом ничего не говорившее тому, кто не имел счастья быть воспитанным на планете Трибел. Затем встал, отряхнулся и принялся шумно вытягивать лапы из жидкой грязи.

— За восемь лет, что я брожу с тобой по округе, у меня не было ни одной спокойной минутки! — посетовал он.

— Зато как я и обещала, ты посмотрел мир, — ободряюще сказала бабуля.

Пони вытянул язык и засунул в рот последнюю охапку мокрых сорняков.

— Да уж, насмотрелся, — ответил он как-то не очень удовлетворенно.

Дожевывая, он побрел к дороге.

— Я тут присмотрю, пока ты будешь ужинать, —

сказал он.

* * *

Деревенская дружина в составе двенадцати человек, облаченных в форму, шла строем из деревни по направлению к яме на земле отца Гримпа, когда внезапно в некотором отдалении от дороги произошел небольшой взрыв.

Страж, маршировавший во главе колонны с ружьем на плече и чихающей гончей на поводке, остановился. Отряд забыл о боевом порядке и столпился вокруг него.

— Что это было? — потребовал ответа страж.

Дружинники обвели недоуменными взорами зеленые склоны долины, осененные вечерней тенью. Гончая села подле своего хозяина, нацелила нос на темный лес и зарычала.

— Смотрите! — воскликнул кто-то, протянув указующий перст в том же направлении.

На дороге, как раз там, где начинался лес, появилась искра интенсивного зеленого света. Искра стремительно увеличивалась в размерах, вот она уже стала величиной с человеческую голову, затем еще больше. В разные стороны от нее валили струи зеленого дыма…

— Я ухожу домой, — прозвучал чей-то весьма

благоразумный голос.

— Ни с места! — приказал страж, прекрасно сознавая, что у него за спиной уже начинается необратимое отступничество. Он был старым воякой, и потому, сняв с плеча ружье, взвел курок и прицелился. Гончая встала на все свои шесть лап и храбро ощетинилась.

— Стой, стрелять буду! — прокричал страж последнее предупреждение.

Но зеленый свет, вместо того чтобы послушаться, подрос до размеров бочонка, зеленый дым повалил гуще и стал извиваться вокруг, подобно хищным щупальцам.

Раздался выстрел стража.

— Спасайся кто может! — заверещали его подчиненные, а верная гончая бросилась назад, сбила хозяина, к горькому его разочарованию, с ног, и задала стрекача вслед за поспешно отступающим отрядом. Зеленый свет неровными рывками вырос в некое подобие многорукой морской звезды величиной с хорошее дерево. Не касаясь поверхности и издавая злобное уханье, звезда поплыла по дороге прямо на стража.

Он приподнялся на одно колено, и единым махом разрядил все свои оставшиеся тринадцать патронов в центр морской звезды. Она заухала

еще громче, еще кровожаднее затрепетала щупальцами и продолжила наступление.

Тогда страж быстренько вскочил, накинул ружье на плечо и поспешил вдогонку за отступающими, так что когда отряд поравнялся с околицей деревни, он уже вновь несся впереди него. Несколько минут спустя под его руководством деревенские уже организовывали самооборону, используя при этом тактику, прекрасно зарекомендовавшую себя во время налетов лаггандских бандитов девять лет назад.

Однако морская звезда не предприняла никаких попыток преследования. Она осталась там, где страж видел ее в последний раз, угрожающе размахивая щупальцами и как-то особенно зловеще ухая, обращаясь к бесчувственным деревьям.

* * *

— Думаю, это сработает, — удовлетворенно констатировала бабуля Ваннтель. — Еще до того как первая проекция рассеется, следующая проявится там, откуда ее хорошо будет видно из деревни. До полуночи никто больше и не вспомнит о голубых пузырях, тем более что сегодня никаких пузырей и не предполагается, если, конечно, мы верно просчитали план атаки Хальпов.

— Жаль, что мы еще не перевалили за полночь в целости и сохранности, — грустно заметил носорогий пони, чья темная фигура виднелась чуть вдалеке от трейлера точно массивная статуя, отлитая в пылающем горне заката. Голова его была задрана вверх, словно он к чему-то прислушивался. Он действительно по-своему прислушивался к тому, нет ли в яме каких-нибудь новых признаков разумной жизни.

— Зря стараешься, — заметила бабуля, примостившись на камушке у дороги неподалеку от пони и теребя на плече маленькую черную сумку. — Все равно мы подождем здесь, пока хорошенько не стемнеет, затем пойдем к яме. Наступление начнется не раньше, чем через пару часов.

— Ну почему это снова валится на нас! — запричитал пони.

Несмотря на свои габариты, он по натуре был меланхоликом. Несмотря также на то, что компаньону Агента Зоны Ваннтель было не впервые попадать в весьма нестандартные ситуации, он все же не мог припомнить, когда в последний раз эта нестандартность вызывала в нем столько недобрых предчувствий, как эти предстоящие ночные часы. На далекой планете Джелтад, сто-

лице Конфедерации Веги, в плановом отделе Департамента Галактических Зон было принято решение поставить на кон Нурхат в надежде выиграть раунд в беспощадной войне человечества с таинственной и враждебной Хальпа. Решение это было столь же грустным, сколь и неизбежным. Однако пони не мог избавиться от смутного чувства, что грусть ощущалась бы острее, если бы далекие работодатели бабули находились сейчас здесь и ожидали наступления критического момента вместе с ними.

— Я бы и сама предпочла, чтобы для выполнения этой операции Штаб выбрал не нас, а кого-нибудь другого, — призналась бабуля. — Кого-нибудь другого, а не нас и Нурхат…

Потому что так уж совпало, но долина являлась родным домом бабули. Она родилась, правда, это произошло довольно давно, в ста восьмидесяти километрах отсюда, у подножия плотины, перегородившей великую реку Венд, которая не только дала имя этой земле, но и по сей день снабжала ее дешевой гидроэнергией.

На долю Эризы Ваннтель выпало немало странствий, с тех пор как она впервые осознала, что ее разнообразные способности и тяга к приключениям могут быть применены для решения

иных задач, нежели те, что стояли в тот момент перед цивилизацией Нурхата, безмятежно приближавшейся к финальной, общепланетной стадии своего развития. Однако Эризе все же нравилось считать долину Венда своим домом и тихой гаванью, куда она всегда могла вернуться. Разумеется, в том случае, если позволяла работа. Агент хорошо знала образ мыслей и действий местных жителей, благодаря чему могла успешно ими манипулировать, а это при случае бывало весьма полезно.

Где-нибудь в другом краю средства, использованные ею, чтобы отогнать от ямы стража вместе с бравым войском, вызвали бы панику или появление военных кораблей с радиационными пушками. Однако жители долины расценили все происходящее как очередное бедствие исключительно местного масштаба. Бронзовый колокол возвестил об осадном положении в деревне, рожки промычали, распространяя эту новость по отдаленным фермам. Через несколько минут фермеры уже спускались к деревне, прихватив с собой семьи и ружья. Затем все снова стихло. Вокруг деревни была выставлена охрана, женщины и дети собраны в одном из домов посередине, а вооруженные мужчины вновь отправились

вниз, дабы издалека, от околицы, полюбоваться иллюзионистскими фокусами бабули — узконаправленной видеопроекцией.

Если больше ничего не произойдет, деревенские жители оставят все как есть до утра, затем предпримут осторожное расследование. Наблюдая голубые огни, танцующие безо всякого вреда над фермой отца Гримпа четыре лета подряд, жители этой части Венда уже не удивлялись необычным световым явлениям. Но даже если бы жажда авантюр завела их слишком далеко, зеленая медуза не причинила бы им вреда, будучи всего лишь ярким и искусным визуальным эффектом.

Кончилось тем, что вся округа собралась и замерла там, где было нужно бабуле.

* * *

Не считая последних событий, долина в сумерках представляла собой необычайно мирную картину. Ничто не указывало на то, что она является единственной точкой, где вот-вот должно произойти столкновение сил, вовлеченных не больше не меньше как в межгалактическую войну. Правда, война велась как бы призрачно, но от этого она не становилась менее ожесточенной,

поскольку вот уже добрую тысячу лет ни одна из сторон так и не смогла ничего узнать о другой, за исключением безжалостных и разрушительных последствий каждой новой атаки. Между человечеством и Хальпами, в сущности, никогда не происходило открытых столкновений, лишь разнообразные и продуманные смертоубийственные игры, заканчивавшиеся всякий раз не в пользу человечества, что с его точки зрения было несправедливо.

Только Хальпы знали, каким образом им всегда удается застигать своего противника врасплох, и это доставляло человечеству немало проблем. Однако было также очевидно, что каждая атака требует от них неимоверного напряжения сил и потому осуществляется раз в триста лет по земному летоисчислению.

Человечеству не было известно о врагах ничего хорошего, помимо сомнительной в данном случае добродетели пунктуальности. Каждые три сотни лет Хальпы после тщательной подготовки предпринимали очередной хорошо спланированный, стремительный и жестокий выпад, нацеленный на какой-нибудь мир, освоенный людьми. На этот раз в качестве жертвы был избран Нурхат.

* * *

— В яме что-то движется! — внезапно объявил пони. — И это не шар-детектор.

— Вижу, — сквозь зубы пробормотала бабуля. — Это первые Хальпы собственной персоной. Похоже, они действуют строго по плану. Но можешь пока не переживать, они никому ничего плохого не могут сделать до тех пор, пока не прибудет передатчик и не оживит их. Теперь нам необходимо стать особенно осторожными, чтобы не спугнуть. Они куда более чувствительны к эмоциональному напряжению, чем шары.

Пони ничего не ответил. Ему было известно, каковы ставки, и почему восемь огромных кораблей собрались вокруг Нурхата за пределами досягаемости космической разведки. Ему также было известно, что корабли начнут действовать только в том случае, если бабуля признает свое поражение. Однако до тех пор…

Пони тяжко покачал головой. Обитатели Трибела еще не были настолько высоко цивилизованы, чтобы спокойно взвешивать — рискнуть или не рискнуть целой планетой, не говоря уже о том, что жизни самого пони и бабули взвешивались на тех же весах. Восемь лет сопровождая бабулю

в ее странствиях, пони проникся непоколебимой верой в ее авторитет и доблесть. Однако шуганути Хальпов, если есть такая возможность, все равно представлялось ему делом весьма благоразумным.

На самом деле, и бабуля прекрасно знала об этом, на данной стадии шуганути Хальпов было чрезвычайно просто, достаточно подбросить в яму небольшую шутиху. Прежде чем устраивать себе плацдарм в планетарном масштабе, Хальпы принимали особые меры предосторожности. Они могли учуять слабое изменение радиационного фона на расстоянии сотни километров, и это, так же как и любое другое проявление агрессии или даже пристального наблюдения, поставило бы под сомнение нападение на Нурхат.

Однако одна из главных причин, заставлявших бабулю находиться здесь сегодня, состояла в том, чтобы ничто не препятствовало нападению на Нурхат. Иначе нападение могло быть перенесено на какую-нибудь другую планету, а именно туда, где многозначительное появление шаров-детекторов будет замечено слишком поздно. Лучшая информационная система в Галактике все же надежно охраняла от подобных бед лишь небольшую часть людских поселений…

Внезапно бабуля вскочила на ноги, в тот же миг пони отвлекся от созерцаемой им ямы. Мгновение оба стояли навытяжку, слегка поворачивая головы, словно гончие, держащие нос по ветру.

— Это же Гримп! — воскликнула бабуля.

Носорогий пони слабо всхрапнул.

— И впрямь приближаются его мыслеобразы, — с облегчением вздохнул уроженец Трибела. — Он, кажется, вознамерился тебя защищать. Можешь сказать, где он?

— Пока нет, — с тревогой отозвалась бабуля. — Да, а теперь могу! Он подходит с противоположного края ямы, слева, из-за деревьев. Вот дьяволенок!

Она поспешила назад к трейлеру:

— Вперед, придется ехать на тебе верхом. Привлекать внимание к трейлеру уже стало опасным.

Пони присел. Взобравшись на ступеньки трейлера, бабуля быстро накинула на него седло. Это было легко сделать, поскольку в роговые пластины на спине пони были вмонтированы шесть металлических колец. Бабуля с трудом вскарабкалась на пони, хватаясь за поручни седла.

— Держись подальше от ямы, — предупредила она, — а то все испортишь. Зато можешь гро-

мыхать сколько хочешь. Хальпов не тревожит шум как таковой, их интересует лишь его эмоциональное наполнение, а чем скорее Гримп нас заметит, тем легче мы его найдем.

Пони понесся по лугу с удивительной скоростью, ведь это же не топкие болота Трибела, где даже его мощным мускулам нелегко было носить такое массивное тело. Педантично держась подальше от ямы и того, что в ней находилось, он подобно атакующему торпедному катеру, пересек мелкое луговое болотце и оказался у деревьев.

Здесь ему пришлось замедлить свой великолепный марш-бросок, чтобы ветви не выбили бабулю из седла.

— Гримп где-то на том склоне, — сказала бабуля, — он нас услышал.

— Как они грохочут! — внезапно донеслась до них ясная мысль Гримпа. По-видимому, он с кем-то разговаривал. — Но мы ведь не боимся их, верно?

— Бац-бац! — храбро откликнулась другая мысль.

— Это лортель! — одновременно воскликнули пони и бабуля.

— Вот именно, — одобрил своего напарника Гримп. — Пусть только попадутся, мы их всех

из рогатки перебьем. Но нужно поскорее найти бабулю.

— Гримп! — закричала бабуля. Пони поддержал ее трубным гласом.

— Привет? — вопросительно подумал лортель.

— Это пони? — вопросительно подумал Гримп. — Ладно, пойдем туда.

— Мы здесь, Гримп! — кричала бабуля, в то время как пони спускался по крутому склону оврага в непритязательной манере горного обвала.

— Это бабуля! — подумал Гримп. — Бабуля! — завопил он. — Будь осторожна, здесь кругом чудища!

— Ты все пропустила! Ты все пропустила! — вопил Гримп, пританцовывая вокруг пони, пока бабуля Ваннтель пыталась спешиться. — У нас в деревне повсюду разные чудища, страж одного убил, а я попал в другого из рогатки, так что он испарился, и я пошел искать тебя…

— Мама будет волноваться, — начала было бабуля, когда они наконец упали друг другу в объятия.

— А вот и нет, — хитро заявил Гримп, — все дети должны спать в школе, и она туда не заглянет до утра, а учитель сказал, что эти чудища — просто… — тут его речь осторожно притормо-

зила, — го-люце-нации, но он все-таки не пошел смотреть, когда страж сказал, что он покажет ему голюценацию. Вместо этого он забрался под кровать! А страж никуда не забрался, он убил одно чудище, а я попал в другого из рогатки, и лортель выучил новое слово. Лортель, скажи «бац-бац»! — приказал он.

— Привет! — пискнул лортель.

— Ну вот, — сказал Гримп разочарованно. — Нет, он и правда умеет. Я пришел забрать вас в деревню, чтобы чудища вас не нашли. Привет, пони!

— Бац-бац, — старательно выговорил лортель.

— Вот видите! — заорал Гримп. — Он ничего не боится, он — настоящий лортель! Если нам попадутся чудища, вы тоже не бойтесь, у меня с собой рогатка, — он кровожадно потряс своим оружием, — и полные карманы камней нужного размера. Я их всех поубиваю!

— Звучит обнадеживающе, Гримп, — от души согласилась бабуля, — но ведь ты так устал…

— Нет, я не устал! — воскликнул он. Но правый глаз его тихо закрылся, затем его примеру последовал левый, затем мальчик не без труда открыл их снова и посмотрел на бабулю.

— Да, — признался он, — я устал…

— На самом деле, — продолжала наступать бабуля, — ты уже спишь!

— Нет, я не… — попытался возразить Гримп. Затем тихо стал опускаться на землю, но она успела его подхватить.

— Мне так не хочется этого делать, — пропыхтела бабуля, пытаясь взгромоздить парнишку на пони, который для этого лег на землю и распластался, как только мог, чтобы ей помочь.

— Ему наверняка понравилось бы все это. Но мы не можем рисковать. Какой он тяжелый, этот дьяволенок! — проревела она, осуществляя финальный рывок: — А с полными карманами боеприпасов он отнюдь не стал легче!

Она вновь вскарабкалась на пони, заметив, что лортель перебрался на воротник ее куртки. Пони осторожно встал.

— Что теперь? — спросил он.

— Можем пойти прямо к яме, — тяжело дыша произнесла бабуля, — вероятно, придется прождать там несколько часов, но если мы будем осторожны, ничего страшного не случится.

* * *

— Нашел хорошую глубокую лужу? — спросила бабуля у края ямы, слыша как пони мягко хлюпа-

ет на лугу где-то позади, догоняя свою спутницу.

— Да, — откликнулся пони, — за сотню метров отсюда, ведь это достаточно близко. Как думаешь, сколько нам ждать?

Бабуля осторожно пожала плечами. Она сидела на траве, вперив взор туда, где при дневном свете открывался превосходный вид на яму. Гримп спал, его голова покоилась у нее на коленях. Лортель, поймав в траве и съев пару жуков, угнездился на бабулином плече и тоже задремал.

— Не знаю, — сказала она, — до восхода Большой Луны еще три часа, а вторжение начнется немного раньше. Раз ты нашел местечко поглубже, мы останемся тут и будем ждать. Единственно, о чем нужно помнить, — нельзя себе позволять их бояться.

Пони настоящей глыбой возвышался позади нее, опершись передними лапами на край ямы и уставившись вниз. По его шишковатым бокам струилась мутная вода, он принес с собой теплый запах илистой летней лужи, который сейчас висел над обоими.

На дне ямы смутно чудилось какое-то непрерывное движение, точно едва различимое брожение в глубоком черном омуте.

— Будь я один, — заметил пони, — то давно

убрался бы отсюда подобру-поздорову! Я знаю, когда боюсь. Но ведь ты контролируешь мои психологические реакции, верно?

— Да, — не стала отпираться бабуля, — и мне станет легче, если ты будешь по мере своих сил помогать. Никакой опасности нет до тех пор, пока не появится передатчик.

— Если только, — печально заметил пони, — за последние несколько сот лет они не придумали какой-нибудь новый трюк.

— И такое возможно, — продолжала откровенничать бабуля, — но прежде они никогда не испытывали свои новые трюки на нас. Если бы нападали мы, то каждый раз меняли бы тактику, но Хальпы рассуждают обо всем совершенно по-другому. Однако вряд ли они были бы так осторожны, если бы чувствовали себя неуязвимыми.

— Надеюсь, что это соответствует истине! — откликнулся пони.

Затем он повернулся, проследив за движением трепещущего как бы на ветру объекта, который выплыл из ямы, облетел ее по краю и нырнул обратно. Уроженцы Трибела видят в темноте гораздо лучше бабули Ваннтель, но даже она заметила объект.

— Смотреть было не на что, — выразил свое

впечатление пони, — просто какой-то лоскут черной кожи.

— Считается, что физическое строение Хальпов довольно примитивно, — неспешно согласилась бабуля. Пони снова начинал нервничать, поэтому лучше всего было непрерывно разговаривать с ним, все равно о чем. Это неизменно помогало, даже теперь, когда пони слишком хорошо знал бабулю, чтобы быть обманутым подобным старым фокусом.

— Видишь ли, очень многие развитые жизнеформы физиологически устроены не сложно, — продолжала она, мягко направляя звук своего голоса непосредственно в разум пони, — а паразиты в особенности. Известно, что Хальпы обладают интеллектом стадного типа, поэтому нервная система служит им в качестве обычного рефлексопередатчика…

В этот момент Гримп шевельнулся во сне и заворчал. Бабуля глянула на него сверху вниз:

— Ты глубоко спишь, — сурово приказала она, и Гримп снова уснул.

— У тебя виды на этого малыша, верно? — спросил пони, не сводя глаз с ямы.

— Я за ним приглядываю, — призналась бабуля. — К тому же я и впрямь рекомендовала его

Штабу, пусть понаблюдают. Однако не будем ничего решать насчет Гримпа до следующего лета, тогда у меня будет больше времени, чтобы изучить его как следует. Покамест посмотрим, чего он нахватается от лортеля путем естественной телепатической коммуникации и сенсорной связи. Думаю, Гримп — наш человек.

— Отличный парень, — отсутствующе согласился пони, — немного жестоковат, правда, как большинство из вас…

— Он это перерастет! — беспокойно заявила бабуля, ибо вопрос о человеческой агрессивности часто поднимался в их беседах. — Нет никакого смысла торопить события. Весь Нурхат как цивилизация должен будет перерасти эту стадию через несколько сотен лет. Сейчас у них как раз поворотный момент.

Вдруг их головы синхронно поднялись вверх, поскольку нечто весьма похожее на большой кусок черной кожи выплыло из ямы и зависло над ними в темном воздухе. Представители противоборствующих сторон, чья встреча должна была состояться на Нурхате этой ночью, какое-то время пристально рассматривали друг друга.

Хальп был длиной два метра, шириной в шестьдесят сантиметров при толщине значительно

меньше двух сантиметров. Он занял позицию в воздухе одним плавным, неспешным движением, точно летучая мышь габаритами с человека. Затем он внезапно вытянулся во всю длину, напрягшись, как поднятый под ветром парус.

Пони непроизвольно всхрапнул. Прежде равнодушная фигура в воздухе с интересом изогнулась в его сторону и придвинулась поближе. Однако больше ничего не произошло, Хальп вновь отвернулся и тихо уплыл обратно в яму.

— Он догадался, что я испугался? — выдавил пони.

— Ты среагировал совершенно правильно, — успокоила его бабуля. — Сначала недоверчивый испуг, затем любопытство, затем снова испуг, который заставил его приблизиться. Примерно такой реакции они и ожидают от существ, которые в это время могут случайно оказаться возле ямы. Мы для них вроде коров. Они не различают предметы по внешнему виду, в отличие от нас…

Однако в ее тоне слышалась озабоченность, потому что она была потрясена не меньше пони, и гораздо больше, чем могла позволить себе показать. В движениях Хальпа чувствовалось что-то неописуемо зловещее и самоуверенное. Агент была убеждена, что он пытался спровоцировать

разумную и враждебную реакцию, возможно, проверяя наличие оружия, которое могло оказаться для него опасным.

Поскольку оставался шанс, крохотный, но страшный шанс, что со времен последней войны эти твари действительно придумали принципиально иную форму нападения, и тогда они точно победят…

В этом случае ни Гримп, и никто и ничто на всем Нурхате никогда больше не будет развиваться, и вообще завтра для них не наступит.

Все тысяча сто семнадцать планет, которые человечество успело проиграть Хальпам, до сих пор безмолвно вращались по своим страшным огненным орбитам — их удалось отобрать у захватчиков лишь ценой уничтожения на них условий для существования какой-либо жизни вообще.

Подобная перспектива будущего грозила Нурхату на протяжении четырех лет. Однако из полусотни планет, где Хальпы вели разведку посредством шаров-детекторов, выбирая место для предстоящей атаки, Штаб избрал именно Нурхат, поскольку местные условия предоставляли человечеству наиболее выгодные условия для встречи. Выгода эта заключалась в возможности

уничтожить единственное настоящее наступательное вооружение Хальпов — легендарный и таинственный Хальп-передатчик. Несмотря на несомненные и разнообразные способности Хальпов, опыт прошлых атак показал, что за раз они могли применить лишь одно-единственное подобное устройство. Потому разрушение передатчика означало, что в запасе у человечества появится еще несколько веков на то, чтобы разработать способ дать Хальпам сдачи до того, как они предпримут следующую атаку.

Поэтому на всех планетах, кроме Нурхата, шарам-детекторам осторожно внушали, что население вокруг бдительно, воинственно и хорошо вооружено. На Нурхате же — убаюкивали все подозрения, а поскольку для поединка была избрана родная планета Эризы Ваннтель, ей было предоставлено право представлять на ней интересы человечества.

Бабуля кротко вздохнула и в очередной раз сказала себе, что Штаб не мог ошибиться, рассчитывая на успех данной миссии, так же как и не мог ошибиться в выборе исполнителя. Теоретически существовал лишь самый крохотный из шансов, что произойдет нечто непредвиденное, и Агент Ваннтель завершит свою долгую карьеру,

по ошибке загубив собственный мир.

* * *

— Там внизу их все больше! — сказал пони. — С каждой минутой!

Бабуля глубоко вздохнула.

— Сейчас их должно быть несколько тысяч, — призналась она, — время наступления приближается, но это лишь передовые отряды. Ты видишь там нечто вроде зарева, в самом центре?

Пони пристально вгляделся.

— Да, вижу, — уверенно ответил он, — но ты-то, полагаю, никак не можешь воспринимать в инфракрасном диапазоне. Ты тоже видишь?

— Нет, — сказала бабуля, — я просто чувствую нечто вроде тепла. Это появляется передатчик. Думаю, теперь они у нас в руках!

Пони грузно топтался на месте.

— Да, они у нас, — обреченно откликнулся он, — или мы у них.

— Не смей об этом даже думать, — приказала бабуля и выставила еще один ментальный блок над смутным темным ужасом, который клубился и змеился под оболочкой сознания, грозя в решающий момент вырваться на волю и парализовать ее действия.

Она открыла маленькую черную сумку и начала неспешно собирать воедино какие-то кусочки дерева, проволоку и довольно тугую, тяжелую пружину…

— Теперь будь настороже, — бросила она пони.

— Я уже целый час настороже, — ответил пони, отчаянно шаркая лапами.

После этого они не разговаривали. Вся долина погрузилась в глубокую тишину. Огромная яма у их ног медленно наполнялась, точно черная воронка, в глубине которой перемешивалось что-то мерзкое и гнусное, точно цепляясь за края, и подбиралось все ближе и ближе. Какие-то адские создания всплывали оттуда, поднимались над общей массой, точно струи черного дыма, и развеивались во тьме.

Вдруг в самом центре кишащей черным воронки появился некий артефакт.

Пони увидел его, бабуля Ваннтель почувствовала. Пони уже целую минуту гипнотизировал черную пустоту, прежде чем она смогла, наконец, разглядеть нечто похожее на застывшие под немыслимыми углами изящные миниатюрные шпили. Полупрозрачно светясь в темноте, по краям нарисовались четыре небольших купола, и еще один побольше — посредине. Центральный

купол, выросший в высоту около семи метров, выглядел необычайно хрупко и уязвимо.

Потом сооружение это начало медленно отвердевать…

Неприкаянная, экстатическая хрупкость передатчика Хальпов леденила душу кристаллами ужаса. Это было осознание проделанного им бесконечно страшного пути вкупе с бесконечной непостижимостью темного источника, его породившего. Где-то по ту сторону нашего представления изумительно одаренная и целеустремленная раса веками создавала невиданное оружие… и за столь длительное время не выдумала ничего лучше, чем объявиться в долине Венда с этим мутным бутылочным осколком.

Единственное, что требовалось агрессорам, это передатчик, чья адская конструкция распространялась вокруг инертной, почти неживой массой. Спустя несколько минут он пробудится к жизни, подобно тем своим подобиям, что пробудились в другие ночи в других погибших и догорающих мирах. Меньше минуты спустя после того Хальпы будут разбросаны этой хрупкой машинкой в мгновение ока по всей поверхности Нурхата, не инертной более, но стремительной хищной стаей, неистребимой формой кровожадной жизни,

чтобы в своем невероятно коротком репродуктивном цикле, делясь снова и снова, поспешить за пищей и снова поделиться…

На этой стадии эти исчадия Вселенной распространялись так стремительно, что остановить их могло лишь оружие тотального уничтожения.

Внезапно по телу пони пробежала судорога, и он почувствовал, как в нем поднимается волна паники.

— Это всего лишь передатчик, — быстро настигла его мысль бабули. — У нас имеется два разных его описания, но мы не можем быть до конца уверены, что он прибыл, пока не начнет заряжаться — при этом передатчик начнет светиться: сначала по краям, затем в середине. Через пять секунд после того, как засветится центральный шпиль, он будет слишком сильно заряжен, чтобы забрать его обратно. По крайней мере, в прошлый раз они этого сделать не смогли. Поэтому нам и нужно быть наготове…

Все это пони слышал не первый раз, но слова бабули по-прежнему его успокаивали.

— А ты продолжай спать! — мысленно приказала Гримпу бабуля Ваннтель. — Что бы ты ни услышал, что бы ни случилось, ты спишь и ничего не знаешь, пока я тебя не разбужу…

* * *

И вот внутри передатчика появился и начал усиливаться свет, сначала внутри четырех краеугольных шпилей, затем, мгновение спустя, огромная центральная башня запылала изнутри зловещим алым огнем. Яма заколыхалась под ними в серном пламени. Пони отступил на пару нетвердых шагов.

— Осталось пять секунд! — шепнула ему на ухо мысль бабули, а сама она залезла в этот момент в черную сумку и вынула маленький пластиковый шар. На его поверхности мертвенно отразилась бушующая яма, точно выражая презрение и смертельную ненависть человечества. Маленький шар точным движением скользнул в особое углубление в устройстве, собранном бабулей из дерева и проволоки. Щелчок уверенно сообщил, что шарик занял положенное ему место на конце сжатой пружины.

Теперь они находились под возвышавшимся на пять метров над сырой землей плотным покровом, состоявшим словно бы из мертвых размокших черных листьев, сметенных в круглые кучи по краю ямы. Сверху и по бокам эти псевдолистья зашевелились, перестраиваясь в

направлении передатчика.

— … пять, огонь! — скомандовала бабуля, подняв катапульту на плечо.

Пони яростно затряс тупорогой головой, издал придушенное рычание, встал на дыбы и бросился вниз по крутому склону ямы с громоподобным топотом.

Бабуля хорошенько прицелилась и выстрелила.

Ее помощник сотрясал землю где-то впереди, его появление беззвучно взметнуло мертво-лиственный покров в воздух, закружило черным водоворотом, мгновенно скрыв из виду как самого пони, так и пылающий передатчик. Пони едва успел прореветь еще раз, как тьма сомкнулась над ним. Секунду спустя раздался отчаянно громкий звон, точно грохнулось оземь стометровое зеркало, примерно тогда же запущенный бабулей пластиковый шар взорвался где-то в центре мутного вертепа.

Каскады белого пламени заполонили яму до краев. В белом огне бешено металась и корчилась плотная масса горящих черных тел, свиваясь и тлея подобно мириадам старых ковриков. Снизу, где пламя кипело яростнее, рос и рвался в черное небо непрерывный вой, издаваемый эфемерны-

ми созданиями в пучине неизбывного страдания. Пони страстно топтал разбитый передатчик, дабы разрушение было необратимо.

— Уходи оттуда! — испуганно закричала бабуля. — То, что от него осталось, все равно расплавится!

Не известно, услышал ли ее пони, но через несколько секунд он с тяжким топотом вновь возник на краю ямы. Весь от кончика рога до кончика хвоста объятый пламенем, он с грохотом пронесся мимо бабули, пробежал по сырому лугу, роняя белые огненные хлопья и оставляя пылающие следы в траве… На всем скаку он бросился головой в огромную лужу. Под аккомпанемент несмолкаемого шипения раздался громкий всплеск. Лужа вместе с пони мгновенно исчезли в клубах пара.

— Эх, и горячо же! — донеслась до бабули его мысль.

Она глубоко вздохнула.

— Да, как на вулкане! — согласилась она. — Если бы ты застрял там еще немного, деревня была бы обеспечена шашлыками на целый год.

— Я еще немного побуду тут, — сказал пони, — пока не остыну.

* * *

Бабуля почувствовала, что ее кто-то душит. Оказалось, что это был хвост лортеля. Она осторожно размотала его, но лортель немедленно вцепился всеми четырьмя лапками ей в волосы. Она позволила ему остаться, ибо лортель совершенно потерял присутствие духа.

Гримп тем временем по-прежнему спал. Придется проделать еще один маневр, чтобы незаметно вернуть мальчугана в деревню к утру, но это, конечно, будет чуть позже. Холодный ночной воздух накрывал людей и негуманоидов непрерывной волной, устремляясь в яму, чтобы немедленно взметнуться над ней незримым столбом жара. В основании зажженного в тот вечер бабулей великолепного костра еще что-то двигалось, хотя и очень медленно. Организмы Хальпов были термоустойчивы, но все же не настолько, как у обитателей Трибела.

На рассвете бабуле предстояло еще раз проверить яму напоследок, как только земля остынет настолько, чтобы позволить ей это сделать. Война с Хальпами на ее веку, по-видимому, закончена. По крайней мере, ее оборонительная фаза…

Жадное чавканье, доносившееся со стороны

лужи, свидетельствовало о том, что пони уже пришел в себя достаточно, чтобы испытать определенный интерес к растительности, плавающей вокруг в вареном виде. Итак, все закончилось благополучно.

И она тихо легла навзничь в высокую болотную траву, стараясь не разбудить Гримпа, и позволила себе ненадолго потерять сознание.

* * *

На рассвете трейлер с патентованной медициной бабули Ваннтель плавно катил по дороге через лес, направляясь на юг. По своему обыкновению она отбывала под покровом густого иллюзорного тумана.

Гримп с полицейским показались рано утром, чтобы предостеречь ее. Деревенский страж решил воспользоваться беспрецедентными происшествиями минувшей ночи, чтобы устроить подушное голосование о наложении на бабулю штрафа за создание угрозы для общественной безопасности, и поскольку все в деревне были взбудоражены и сильно напуганы, у него появился шанс привлечь на свою сторону большинство.

Гримп остался с бабулей подольше, чтобы поведать, что подобное положение вещей не навсегда.

Он уже все продумал.

Новоявленный иммунитет Хлюпика к цветочной пыльце привел вчера вечером к возобновлению взаимопонимания с красоткой Веллит, так что свадьба назначена через пять недель. Женившись, он сможет претендовать на пост деревенского стража на выборах сразу после будущего урожая, а кузены Гримпа и новообретенные кузены Веллит все в совокупности обеспечат ему избрание. Так что когда бабуля вновь пожелает навестить долину следующим летом, она может не беспокоиться ни о полиции, ни об отношении официальных властей.

Бабуля одобрительно кивнула. В возрасте Гримпа она примерно так же управлялась с местными политиками. Теперь она была уверена, что Гримп станет ее преемником и стражем не только Нурхата и всей звездной системы, к которой он принадлежит, но заодно и нескольких окрестных звездных систем. При правильном подходе к обучению мальчуган будет готов к работе как раз тогда, когда сама бабуля наконец соберется на заслуженный отдых.

Час спустя мальчуган в одиночку пустился в обратный путь к ферме, а трейлер тихо свернул с деревенской дороги на узкую лесную тропинку.

Здесь пони ускорил поступь, и менее чем через пять минут они оказались в изогнутой полумесяцем лощине, в дальнем конце которой виднелось нечто такое, что Гримп, побывав разок на экскурсии в ближайшем портовом городе, сразу принял бы за миниатюрный космический корабль.

Просторный круглый шлюз беззвучно открылся при появлении хозяйки. Пони остановился. Бабуля слезла с козел и распрягла его. Пони прошел в шлюз, трейлер подобрал с земли колеса и тихо вплыл за ним внутрь. Последней вошла бабуля Ваннтель, и шлюз бесшумно закрылся.

Корабль помедлил еще мгновение, затем его не стало. Лишь опавшие листья пустились по лощине в пляс, потревоженные внезапным исчезновением.

Далеко-далеко, так далеко, что ни Гримп, ни его родители, ни кто-либо деревне, кроме школьного учителя, никогда даже не слышали об этом месте, разнообразные приборы вдруг засигналили во всю мощь, требуя внимания. На зов кто-то откликнулся.

Бабуля чеканно произнесла:

— Рапорт Агента Зоны Ваннтель об успешном завершении хальпской операции на планете Нурхат.

Высоко над небом Нурхата восемь огромных кораблей мгновенно сошли со своих сторожевых орбит и растаяли в безграничной межзвездной тьме, служившей им морем и домом.

ПРАВДА О КУШГАРЕ
(The Confederacy Of Vega — 4)

Самые загадочные и невероятные слухи ходили о том, каким образом Конфедерации Веги удалось укротить Кушгар. Однако самым страшным было то, что внешне все выглядело так, словно не произошло ровным счетом ничего страшного!

Сначала разнесся слух, что Конфедерация намерена атаковать Кушгар, затем — внезапно, что она его уже атаковала. Все это вызвало приятное удивление и интерес в многочисленных сообществах, чьи территории граничили с Конфедерацией. «Тысяча Наций» вместе с полудюжиной подобных организаций потихоньку напрягли свои вооруженные силы, дабы ударить Конфедерации точнехонько в спину, как только она увязнет в осуществлении своих честолюбивых планов. Поскольку Кушгар и Конфедерация казались соперниками равными настолько, насколько это возможно для двух могучих держав.

Однако никакого поединка не последовало. Не было даже ничего похожего на официальную капитуляцию. Просто звездные системы могучего

Кушгара одна за другой принимали в качестве правителей предложенные Конфедерацией кандидатуры. Потом Кушгар кротко отпустил на все четыре стороны плененные народы и возвратил богатства, награбленные на протяжении последних семи веков. Затем на глазах у онемевшей от изумления галактической общественности он тихо остепенился и принялся активно перенимать хорошие манеры.

Слухи усилились, причем самые жуткие из них расползались из самого Кушгара и распускались его озлобленными и суеверными обитателями.

«Тысяча Наций», равно как и прочие заинтересованные сообщества, постепенно забросили свои агрессивные планы и разочарованно отступили. Определенно, время резких движений еще не пришло. Конфедерация снова обвела всех вокруг пальца, не сжимая для этого кулаки.

Однако что же она проделала с Кушгаром и как?

* * *

На Совете Координаторов Конфедерации, на планете Джелтад Системы Веги, Третий Координатор, глава Департамента Галактических Зон, подвергся резкой критике со стороны своих

товарищей.

Они тоже хотели знать все про Кушгар, а он им ничего не рассказывал.

— Разумеется, мы вас ни в чем не обвиняем, — подчеркнул Пятый Координатор, занимающийся стратегией. — Но вы же не считали, что, опередив планы Совета лет эдак на шестьдесят, вы не возбудите ни в ком ни малейшего любопытства?

— Нет, у меня этого и в мыслях не было, — признался Третий Координатор.

— Давай начистоту, Хвост! — не выдержал Первый Координатор. Под этой кличкой Третий Координатор был известен в узком кругу высокопоставленных лиц Конфедерации. — Как ты это сделал?

Обычно они выступали в подобных дискуссиях как союзники, однако на сей раз Первого Координатора снедало любопытство.

— Я не могу удовлетворить ваше любопытство! — откровенно ответил Третий Координатор. — Я передал отчет в Коллегию, оттуда многочисленным Департаментам раздадут все, что им полагается.

Он имел полное право защищать секреты своего Департамента, и Координаторы это понимали. Что же касается Коллегии — Коллегии Плеяд, ме-

тафизической организации, которая выступала третейским судьей во всех подобных случаях, то какое отношение она имела к делам по Управлению Конфедерацией, никто точно не мог бы определить, кроме нее самой.

Заседание Совета продолжалось недолго. Третий Координатор покинул его вместе с Брофой, привлекательным молодым человеком, который, пользуясь полномочиями, предоставляемыми ему Коллегией, с интересом следил за дискуссией.

— Пойдем-ка выпьем, — предложил Брофа, — ведь мне тоже любопытно, как ты объехал Кушгар на кривой козе.

Координатор издал сдавленный стон. Седые волосы были всклокочены, лицо выглядело усталым.

— Хорошо, — в конце концов, сдался он. — Тебе я расскажу все…

Молодой человек по имени Брофа носил титул Президента Коллегии Плеяд, что было скорее звучно, чем значительно, поскольку он являлся, в сущности, лишь ученым, возглавлявшим исполнительную власть и ответственным за внешнекосмические дела Коллегии. Однако он был еще и близким другом Третьего Координа-

тора. Поэтому ему можно было доверить какие угодно государственные секреты.

Хвост принял предложение Брофы. Они зашли в ресторан.

— Не будь слишком строг к коллегам, — успокаивающе пробормотал Президент Коллегии. — В конце концов, ты и сам знаешь, что все вокруг считали завоевание Кушгара или обращение его в союзника самым важным и опасным предприятием нашей доблестной Конфедерации на ближайшие сто лет. А тут вдруг Департамент Галактических Зон подает его на блюдечке, причем безо всякой видимой подготовки и без потерь…

— Без потерь не обошлось, — угрюмо заметил Координатор.

— Не обошлось? — непонимающе вопросил Брофа.

— Мне это стоило лучшего Агента Зоны, — мрачно заявил Координатор, — какой у меня был. Помнишь Замман?

Тонкий фас Брофы словно закрыла туча.

Помнил ли он Замман?! Еще бы! Временами он даже предпочел бы помнить ее не столь отчетливо.

Однако, два года — слишком маленький срок для того, чтобы забыть имя женщины, которая

спасла тебе жизнь…

* * *

При сообщении о том, что Его Превосходительство, Достославный Брофа, потерялся в космосе, среди членов правительства Конфедерации прокатилась зыбь тщательно скрываемого смятения. И все потому, что Конфедерация вынашивала планы сделать из Брофы политическую фигуру самого высокого ранга.

Даже традиционное самообладание Третьего Координатора мгновенно улетучилось, когда эти сведения настигли его впервые. Однако уже вскоре он сообразил, что хотя человек, затерянный в глубоком космосе, почти никогда не возвращается, все же данный случай был особенным и безнадежным не выглядел. Последние сведения о местонахождении Президента Коллегии были получены с борта его личной яхты, которой управлял капитан Гримшард, сводный брат Брофы. Корабль был оборудован устройствами, которые передали бы тревожный сигнал всем наблюдательным станциям в радиусе тысячи световых лет, если бы корабль разбился, попал в аварию или подвергся внезапному нападению.

Поскольку сигналов тревоги не поступало, яхта,

по идее, должна была где-то безмятежно дрейфовать, а кто-то на борту должен был следить за тем, чтобы ее местонахождение оставалось в секрете.

Все нити вели прямо к Гримшарду.

Исходя из каких-то своих резонов, Департамент Галактических Зон не поленился заранее собрать на сводного брата Брофы не менее богатое досье, чем на самого Достославного. Следователи Департамента без труда выяснили, что Гримшард был человеком честолюбивым и жестким, к тому же его годами раздражало сознание того, что Брофа первым и без видимых усилий осуществляет честолюбивые планы своего брата. Осторожное изучение его личности было проведено так досконально, что это дало возможность предсказать образ действий Гримшарда в любой ситуации. Психологи Департамента изучили обстоятельства исчезновения Брофы во всех деталях, и вскоре стало ясно, что именно Гримшард сделал и что был намерен делать дальше.

Беглая проверка, произведенная местными Агентами Зон, показала, что ни одна из сил, заинтересованных заполучить Брофу, не задействована в процессе, и, более того, ее ли бы какая-либо из них и была задействована, то поиски Конфедерации увенчались бы немедленным

успехом. Однако самая большая проблема состояла в том, что исчезнувшая яхта могла укрыться в огромном количестве тихих гаваней.

Хоть количество это было огромно, но, тем не менее, ограниченное, если только корабль не дрейфовал где-то в космосе без руля и без ветрил, но трудно было себе представить, что столь опытный навигатор как Гримшард пожелает подвергнуть свою драгоценную жизнь подобному риску. Третий Департамент, обладавший сетью собственных офисов и лабораторий, а также целой армией кочующих Агентов, как ни одна другая организация, был способен определить все возможные места укрытия злополучной яхты, чтобы проверить их в кратчайшие сроки.

Поэтому Координатор нимало не удивился, когда на восьмой день поисков его настигло сообщение от Агента Зоны Замман Тарраданг-Пок, в котором говорилось, что Брофа найден — живой и относительно здоровый — и вернется на Джелтад примерно недели через две.

— В известном смысле, было просто ужасно, что эта космическая фея Замман его нашла! — прокомментировал тогда ситуацию один из помощников Координатора.

Поразмыслив, Глава Галактических Зон согла-

сился с ним.

* * *

Планетка, на которой пряталась яхта Брофы, являлась одним из трех покрытых льдом спутников, вершивших свои обороты в темном мареве огненной планеты-гиганта.

Корабль-робот Агента Зоны Замман Тарр-данг-Пок, скромно выполняя свою долю работ в общей схеме поиска, мимолетом заскочил на планетку по касательной к орбите, в два счета обшарил поверхность и исчез в направлении ближайшего из двух других спутников планеты-гиганта.

Вся операция заняла не более нескольких секунд, однако, еще до отправления корабля Агент Зоны Замман покинула его в десятиметровой сторожевой космической шлюпке, набитой под завязку всяческим оборудованием, которого хватило бы для небольшого наступательного отряда. Неизвестно, какого рода источник энергии находился внизу, на спутнике, но он был мгновенно отключен при появлении ее корабля, что, впрочем, не обязательно могло быть продиктовано нечистой совестью. Однако мгновенно зафиксированные приборами Замман модуляции излучения свидетельствовали о наличии

там точной копии двигателя яхты Брофы.

Замман решила, что яхта находится здесь и спрятана под обледенелой поверхностью спутника. Она отметила место, и маленькая шлюпка вошла в тонкую льдистую атмосферу с противоположной стороны планетки.

— Молись, братец, чтобы это был тот самый корабль, которого я жду, — заметил при этом Гримшард, — или кто-нибудь, кому на нас наплевать.

Он стоял в центре рулевой рубки яхты, поглядывая исподлобья на Брофу с явной неприязнью и тщательно скрываемой боязнью. Гримшард начинал подозревать, что все хитроумие его плана не принесло ожидаемого результата. Несколько дней он ждал, но так и не получил ответа ни на одно из множества разосланных им кодированных сообщений, он даже не был уверен, что они получены. Мало-помалу ему становилось жутко.

— Что бы ни случилось, — заявил он, — живым они тебя не получат!

Брофа, распластанный по стене гравитационными оковами, благоразумно воздержался от ответа.

Большую часть прошедшей недели его сознание дрейфовало где-то вдали, куда непрерывно,

но ослабленно, доносились жалобы ущемленных нервных окончаний его тела, и в них растворялся голос сводного брата. Вместо того чтобы прислушаться к болевым ощущениям, он принялся в тысячный раз обозревать свои шансы выпутаться из западни, куда легкомысленно позволил Гримшарду себя заманить. Легкомыслие может обойтись ему очень дорого, хотя сомнительно, чтобы Гримшард со товарищи извлек из этого хоть какую-то пользу.

Брофа, в отличие от Гримшарда, не понаслышке знал о могуществе той организации, которую возглавлял его друг, Третий Координатор.

— Ни с места, капитан Гримшард! — прозвенел хрустальный голосок.

Брофа не сразу уловил смысл сказанного этим хрупким звоночком.

Он ощутил сильнейший шок от возврата в сознание, словно от пронзительного призыва самой смерти, словно Костлявая Леди явилась ему воочию, словно он стал ее очередной жертвой. Этот звук проник в его мысли сквозь тяжкие завесы боли и парализовал животным страхом. Мозг Брофы сработал с причудливой избирательностью, он предпочел проигнорировать очевидный смысл короткого предупреждения Замман и вме-

сто этого воспринял его как непреклонную волю и неотвратимую угрозу, ощутив при этом всплеск скорбного, гнетущего отчаяния.

Позже он с готовностью признает, что в том бедственном положении, возможно, приписал голосу лишнее. Однако он всегда будет подчеркивать при этом, что Гримшард, человек, не обремененный богатым воображением и при том безрассудно храбрый, был впечатлен ничуть не меньше. Он видел, как сводный брат стоял лицом к нему на расстоянии около семи метров, спиной к двери, что вела из рулевой рубки в главный корпус корабля. На его лице застыло выражение, которое Брофа впоследствии не мог вспоминать без дрожи. Гримшард был вооружен до зубов, дополнительный лучемет лежал рядом, на пульте управления, до него было рукой подать, но на какой-то миг он замер и не мог двинуться с места.

Затем ошеломленный взгляд Брофы зафиксировал то, что творилось позади Гримшарда.

Дверь исчезла, вместо нее из проема вырвалось бледно-зеленое пламя. Затем он увидел Агента Зоны Замман, она стояла у двери, в руке у нее была пушка, позади маячили какие-то приземистые блестящие фигуры. В этот момент суеверный ужас безвозвратно покинул Брофу, он понял, кто

такая Замман и зачем она явилась.

В тот же момент Гримшард предпринял роковой для него рывок с отчаянием и молниеносностью огромного, сильного животного.

Он бросился в сторону, надеясь укрыться под пультом, одной рукой хватая лучемет, а другой выхватывая пистолет из-за пояса, но в момент прыжка некая сила беззвучно подбросила его в воздух и швырнула через всю каюту почти к самым ногам Брофы. То, что осталось от Гримшарда, еще несколько секунд билось в яростных конвульсиях, но вскоре затихло. По каюте распространился слабый запах озона.

Брофа с содроганием посмотрел на распростертое у его ног обезглавленное тело. В детстве и в юности они с Гримшардом были лучшими друзьями. Позже он всегда понимал своего брата намного лучше, чем считал Гримшард. На какой-то миг события последних дней показались ему удивительно мелкими по сравнению с событиями тех ушедших лет.

Затем он вновь взглянул на объятую холодным пламенем фигуру в дверном проеме и, запинаясь, выговорил: «Спасибо вам, Агент Зоны!»

С первого взгляда он понял, что Замман принадлежит к расе Дайя-Белов. До сего момента он

полагал, что ни одна ветвь человечества так сильно не подходит для исполнения, обязанностей Агентов Галактических Зон по своим личным качествам, как Дайя-Белы. Однако он понимал, что в сложившихся обстоятельствах лишь представитель этой расы мог проникнуть сюда со столь поразительной невозмутимостью и внезапностью, которые стали залогом его спасения.

* * *

Трио разнокалиберных представителей корабельных роботов, точно стая волшебных гончих псов, появились у ног Замман. Плавно скользя, они осторожно перенесли себя через пылающий комингс внутрь рулевой рубки и нежно принялись за еще не отошедшего от шока Брофу. Его спасительница выглядела сейчас гораздо более странной и нездешней, чем ее механические помощники.

Замман не была закована в броню, а щеголяла в облегающем космокостюме, поэтому ее расовую принадлежность можно было определить безошибочно. По принятым человечеством стандартам представители расы Дайя-Белов при небольшом росте отличались сложением чрезмерно хрупким и тонким, но с ним необычайно

хорошо сочетались ее бледное лицо, выразительные глаза и узкий прямой нос. Любое движение Замман было пронизано той легкой, прирожденной грацией, что всегда вызывала восхищение у собратьев с более крепким сложением. Брофа, который когда-то более года провел на планетах Дайя-Белов в районе Бетельгейзе и успел подпасть под очарование самой молодой из ветвей родословного древа Genus Homo, смог обратиться к спасительнице на ее родном языке.

В ответной улыбке ему почудился проблеск радости и интереса, он прислушался к ответу Агента, который был начат с извинений за то, что в ходе спасательной операции яхте был нанесен невосполнимый ущерб. Ее речь журчала обезоруживающе естественно, но Достославный все же не мог преодолеть легкую дрожь при воспоминании о том, с каким вызовом она обратилась к Гримшарду.

Он также не мог забыть о гибели брата, ведь это являлось его личной утратой, хотя подобная участь ожидала любого преступника, достаточно глупого, чтобы сопротивляться аресту. Брофа так никогда и не узнал, каким образом четверо подручных его брата, и по совместительству — члены экипажа яхты, покинули этот мир перед

тем, как Замман появилась на пороге рубки, но подозревал, что их постигла участь примерно такая же, как и Гримшарда.

Это объяснение его, однако, не удовлетворило, поскольку он хорошо знал расу Дайя-Белов.

* * *

Большую часть из тех двух недель, что занял обратный путь на Джелтад, Президент Коллегии провел на ложе под неусыпным наблюдением роботов. Причиненные ему травмы оказались не слишком серьезными, но все же требовали срочного медицинского вмешательства. Первая помощь обычно состояла в так называемом «лоскутном шитье», когда мозг пациента погружался в состояние глубокой анестезии вплоть до полного отключения сознания. Однако уровень разумоподготовки Брофы позволил ему превозмочь данное обстоятельство — он оставался полностью осведомленным относительно того, что происходит вокруг, и предпочитал быть более осведомленным, чем это казалось Замман Тарраганд-Пок и ее роботам.

Любому другому прикованному к постели путешественнику этот полет сквозь невообразимую толщу межзвездного вакуума на корабле, по-

груженном в тишину, мог показаться до смерти монотонным. Но Брофа был встревожен, к тому же он постоянно пребывал в размышлениях, поэтому у него сложилось иное представление о путешествии. Событий было немного, но именно поэтому даже самые незначительные из них приобретали какое-то особо смутное, почти мистическое значение. Казалось, до него словно бы случайно долетают отдельные слова и эпизоды какой-то зловещей драмы, а актеры, исполняющие ее, постоянно находятся где-то рядом и в то же время ускользают от заинтересованного взора.

Наконец, в один прекрасный день ожидание Достославного было вознаграждено, хотя то, что он заметил, если он и в самом деле что-то заметил, озадачило его пуще прежнего. Однако чуть позже он обнаружил, что иногда до него долетает слабое эхо леденящего душу голоса Замман. В его сознании оно соединилось с неясной фигурой, которая время от времени проходила по затуманенному коридору перед дверью его каюты и изредка бросала на него безмолвный взгляд.

Одновременно с этим он осознал чувство смутного страха и подавленности, которое примешивалось к его представлению о чудовищной мощи

корабля Замман со всем его электронно-разумным оборудованием из миллиардов устройств и реле, сквозь которые непрерывным потоком проносятся ощущения и умозаключения, образуя значения и величины, которые человеческий мозг не в состоянии воспринять. Этот стремительный пролет сквозь пустоту со скоростью, которую нельзя представить в виде реального движения, выражал собой некую заранеез аданную функцию, изменить которую Брофе было не под силу. На некоторое время он случайно оказался захвачен краем этого кошмарного процесса и, будем надеяться, скоро от него освободится.

Да, его уже освободил этот в чем-то жутковатый симбиоз трех составляющих: женщины, чью расу человечество привыкло чтить как галактических эльфов, созданий чуть более мудрых, более благородных, слегка отстраненных от своих, гораздо более похожих на животных, человеческих собратьев; команды роботов, которые роились по коридорам корабля подобно чудовищным металлическим насекомым; и, наконец — этого титанического творения человечества, этого электронно-аннигиляционного монстра, который нес их всех в своем брюхе, рассекая пустоту между равнодушных звезд.

Но что-то тут было не так.

Брофа не мог себе этого объяснить и потому был глубоко встревожен.

Но однажды он смог сам добраться до рулевой рубки, поскольку был совершенно излечен, хотя походка пока оставалась неуверенной, а душа более смущенной, чем обычно. До родной планеты оставалось лишь двадцать пять световых лет, но расстояние это волшебно скрашивалось видеоэкраном, на котором уже сияла голубовато-белым бриллиантом самой чистой воды Вега. Несколько часов спустя сам великий Джелтад внезапно возник под ними, выплыв из тьмы весь в голубовато-зеленых вихрях, сияя полярными шапками. Для двух пар глаз, наблюдающих за ним с корабля, он был гораздо больше похож на древнюю Землю, историческую родину их рас, нежели тот изъеденный туннелями технократический улей, который представляла собой сейчас колыбель человечества.

Так Брофа вернулся домой. Поскольку это был Президент Коллегии, его возвращение послужило поводом для праздника планетарного масштаба, центром которого стал его великолепный дом с видом на узкие серые башни здания правительства. Но именно потому, что это был Брофа,

который не мог оставить неразрешенными какие бы то ни было человеческие проблемы, если они успели привлечь его внимание, он сделал все возможное, чтобы на празднике присутствовали как его спасительница, так и ее начальник, старый его друг, Третий Координатор Конфедерации Веги.

Однако пришел только один из них.

* * *

— Сказать по правде, — заметил Брофа, — я и не думал, что она появится. И если уж говорить совсем по правде, я почувствовал даже некоторое облегчение, когда увидел, что она не явилась.

Он кивнул вниз, на вопящий музыкальный сад, протянувшийся под галереей, где они сидели.

— Не могу представить себе Замман в такой обстановке!

Третий Координатор внимательно приглядел.

— Да, — согласился он, — Замман это не подходит.

— Это все равно что, — с несвойственной ему пылкостью подхватил Брофа, — каждый день видеть какой-то горячечный сон, а это невозможно!

— Итак, ты хочешь поговорить о ней, — сказал Третий Координатор, и Брофа вдруг понял, что эта тема весьма интересует его друга.

— Да, хочу, — признался он, — это просто необходимо! Этот твой Агент поставил меня в очень неловкое положение.

Третий Координатор кивнул.

— Это не имеет никакого отношения, — продолжал Брофа, — к ее неотразимой привлекательности. В конце концов, это просто особенность ее расы. Мне иногда кажется, что расовые черты Дайя-Белов могли бы заставить нас взглянуть свежим взглядом на наши собственные искаженные представления о красоте и совершенстве и направить нас по новому пути, если бы этот народ ассимилировался среди цивилизаций класса «А».

Третий Координатор рассмеялся.

— Вполне возможно, что так! Вероятно, нам повезло, что они утратили вкус к миграциям и подчинению всех прочих рас в округе.

Брофа с ним не согласился.

— Если бы они его утратили, — заявил он, — то стали бы другими и, вероятно, не внушали бы такого уважения. Нет, они просто сосредоточились на себе. Я слышал, все они — художники и

философы. Правда, это всего лишь слова. Лично я думаю, что Дайя-Белы понимают это по-другому. Когда я жил среди них, то не мог отделаться от ощущения, что они свободно перемещаются по таким измерениям ментальной реальности, о которых мы даже не подозреваем…

Он замолчал и откинулся назад.

— Ты хотел поговорить о Замман, — напомнил его друг.

— Некоторым образом я и говорю о ней! — тяжело вздохнул Брофа. — Сам факт того, что Дайя-Бела работает у тебя, в Департаменте Галактических Зон, и управляет одним из этих твоих адских кораблей-роботов, вступает в противоречие со всем, что мы о них знаем. Или думаем, что знаем! Падший ангел, и тот выглядит менее парадоксально. А то, как она, походя, убила Гримшарда…

Координатор приподнял кустистую седую бровь.

— Разумеется, — заверил его Брофа, — я не обвиняю ее в убийстве Гримшарда. В сложившихся обстоятельствах это было неизбежно. Но Замман убила его, — теперь он старался выбирать слова осторожно, — так, словно желала этого. Я не знаю, как по-другому описать то, что произошло.

Он подождал немного, но непосредственный начальник Агента Замман не дал никаких комментариев.

— На обратном пути, — продолжал Брофа, — произошло еще несколько инцидентов. Первый случился в тот самый день, когда мы отчалили от этой ледяной глыбы. Мы кого-то преследовали. Я не мог разглядеть, что это было, но Замман не спрашивал. Корабль маневрировал, затем последовал долгий прямой рывок, примерно минуты на две. Мы ударились обо что-то достаточно тяжелое, чтобы замедлить наш ход, затем заработало корабельное оружие. Вот и все. Кто бы это ни был, ему настал конец.

— Ему действительно настал конец! — подтвердил Координатор. — Это был корабль Шаггаров. Похоже, что их миграционные пути проложены по этой секции. Замман послала рапорт об этом, и поскольку я внимательно следил за твоим возвращением, то прослушал его немедленно.

— Видишь ли, я ведь не ставлю под сомнение этическую сторону работы твоих Агентов, — сказал, помедлив, Брофа. — Я знаю, на что способны Шаггары в отношении тех, кому не удается их одолеть, и понимаю, что прикончить этих негодяев — все равно, что уничтожить чумные

бациллы. Дело в том, что я видел лицо Замман непосредственно после этого, она прошла мимо моей каюты. Не думаю, что она видела меня в этот момент, ее глаза были пусты, а лицо словно высечено из белого мрамора…

Он запнулся и продолжил через несколько секунд:

— Хотя это тоже не совсем соответствует действительности, потому что в то же самое время я ясно сознавал, что она пристально вглядывается во что-то позади меня. Я помню, что она ненавидела это нечто с такой силой, с какой не может ненавидеть ни одно нормальное существо.

Он снова помедлил.

— Понимаешь, что я хочу сказать?

— Это довольно очевидно, — рассудительно ответил Третий Координатор, — ты полагаешь, что, по крайней мере, один из моих Агентов — маньяк-убийца.

— Это выглядит ужасно неблагодарно с моей стороны, — понимающе кивнул Брофа, — но это чрезвычайно похоже на правду, хотя я, разумеется, в это не верю! Однако чтобы сохранить душевное равновесие, буду тебе премного обязан, если ты возьмешь на себя труд задуматься об Агенте Зоны Замман, и сможешь мне все хоро-

шенько объяснить.

Теперь задумался Третий Координатор.

— Конечно, она ведь — профессиональный убийца, — наконец выдавил он, слабо улыбнувшись. — На самом деле, Брофа, тебе выпала честь быть спасенным одним из лучших киллеров во всем Департаменте. Замман — Периферийный Агент, что равносильно странствующему воину. Область полномочий Периферийных Агентов не определена. Когда Замман становится скучно, он а связывается с центром, и ей просто сообщают, каких операций от нее ждут на участках, где она в данный момент находится. Она бывает на Джелтаде примерно раз в год, чтобы забрать те военно-технические новинки, которые Лаборатория успевает подготовить к этому сроку.

Мгновение он колебался.

— Не знаю, — наконец произнес он, — был ли ты в состоянии внимательно рассмотреть ее корабль?

— Вряд ли, — признался Брофа, — помню только, что когда она вызвала его, чтобы забрать нас оттуда, он показался мне еще более неуклюжим, чем все агентские корабли, которые я прежде видел, — такой огромный, совершенно черный сфероид. Его интерьер у меня как-то не вызвал

большого интереса. А что?

— А то, что это корабль Агента, и посему — воплощение наших последних достижений в области автономного полета, — ответил Третий Координатор. — В такого рода технике мы зачастую приносим в жертву внешнюю привлекательность ради других преимуществ. Одно из них — возможность саморемонта. В случае необходимости он практически может себя продублировать. Таковы периферийные корабли, вечные скитальцы по пустоте. Агенты, управляющие ими, странствуют в пограничных районах цивилизации и выполняют любую необходимую работу, пока не столкнутся с чем-нибудь действительно серьезным.

— Я понимаю, такие Агенты необходимы, — медленно выговорил Брофа, — но мне представляется также, что и отбирать их необходимо с особой тщательностью.

— Именно так их и отбирают, — ответил Третий Координатор.

— Хорошо, — сказал Брофа, — предположим, что другой народ, Дайя-Белы, например, хорошо знакомые с робототехникой, завладеют подобным кораблем. Не может ли случиться так, что они смогут строить аналогичные корабли для

себя?

— Такое случиться может, — охотно согласился Третий Координатор, — но не гражданам Веги потребуется только для того, чтобы разобраться в конструкции и поднять технологии на соответствующий уровень, лет эдак пятьдесят. Нас это не слишком беспокоит, поскольку за эти пятьдесят лет мы далеко уйдем. Конечно, теоретически наши Агенты считаются неспособными выдавать секреты Департамента, если это может причинить вред Конфедерации.

— Знаю, — коротко ответил Брофа. — Именно поэтому я был так удивлен, обнаружив, что на корабле Замман находятся… или находились… два других Дайя-Бела.

Третий Координатор изменился в лице.

— С чего ты так решил?

— Я несколько раз слышал, как они беседуют, — сказал Брофа, — хотя и не разобрал, о чем именно. Наконец, я их видел, они проходили мимо моей двери вслед за Замман.

Он немного помолчал.

— Правда, я в тот момент находился под действием лекарств, — признался он, — и вообще был нездоров, но уверяю тебя, что это не было галлюцинацией.

— Я и не думаю, что это галлюцинации, — задумчиво согласился Третий Координатор, — так вот почему ты так много размышляешь о поведении Замман?

Брофа помедлил с ответом.

— По крайней мере, это одна из причин.

Третий Координатор понимающе кивнул.

— Пятнадцать лет назад Замман потеряла мужа и ребенка при нападении на пассажирский корабль Дайя-Белов. Тогда остались живы всего трое, и Замман среди них, но во время атаки они почти все время были без сознания и не смогли описать нападавших. Тела почти всех остальных пассажиров и членов экипажа были опознаны, а около полусотни до сих пор считаются пропавшими без вести. Муж и ребенок Замман числятся среди них. Она считает, что неизвестные мерзавцы, захватившие и ограбившие корабль, взяли их в качестве рабов.

— Да, такое вполне вероятно! — воскликнул потрясенный Брофа.

— Верно, но в данных обстоятельствах совершенно невероятно их найти. Возможно, Замман питает некоторые иллюзии относительно того, что ей удастся посрамить теорию вероятностей, несмотря на столь значительный перевес с про-

тивной стороны. Однако, согласно заключению наших психологов, ее «ненормальность» на этом и заканчивается.

Брофа открыл было рот, но лишь покачал головой.

— Поэтому представляется вполне понятным, почему Замман ненавидит тех, кого собирается убить, — подчеркнул Третий Координатор, — поскольку для нее это существа, подобные тем, что лишили ее семьи. Ведь они, чем черт не шутит, могут оказаться теми самыми похитителями.

— Однако это не… — начал было снова Брофа.

— Кроме того, она отнюдь не питает иллюзий относительно сложности своей задачи и методов ее выполнения, — мягко продолжал Третий Координатор. — Через несколько лет после трагедии она одним махом увеличила свои шансы на победу до максимума тем, что поступила к нам на службу. В результате получается, что весь Департамент Галактических Зон непрерывно работает на поиск! Добрую дюжину лет, как только кто-либо из наших сотрудников обнаруживает какие-либо следы Дайя-Белов вне района Бетельгейзе, Замман мгновенно ставят об этом в известность. Вернемся к тем двоим, которых ты видел на корабле. Можешь их описать?

— В коридоре было темно, — с сомнением протянул несколько побледневший Брофа, — но я не мог ошибиться! Это были мужчина и мальчик.

Третий Координатор немного помолчал.

— Так я и думал, — признался он. — Да, поистине неприятные вещи приходится тебе доверять, просто кошмарные, да еще с привкусом черной магии. Однако, как ты убедился, преданность Замман Департаменту не подлежит никакому сомнению. Ты прав, Дайя-Белы необычайно искусны в робототехнике. До того, как придти к нам, она работала нейрохирургом. Эти двое, Брофа, просто биокуклы!

Он поднялся.

— Ну что, вернемся к нашему празднику?

Брофа тоже встал.

— И ты считаешь, что это нормально?

Третий Координатор лишь развел руками.

— В том, что ты рассказал, для меня нет ничего странного. Поэтому я по-прежнему буду полагаться на заключения психологов Департамента. Ты знаешь их вердикт: что бы ни делали наши Агенты, их суждения непогрешимы настолько, насколько это возможно для хорошо развитого человеческого интеллекта. Кроме того, каким бы странным ни казалось их поведение для посто-

роннего глаза, оно все же не настолько странно, чтобы выйти за рамки того, что приемлемо для Департамента.

* * *

Спустя трое суток Агент Зоны Замман в космосе стремительно приближалась к той точке, откуда ей пришлось, отклонившись от курса, присоединиться к поисковой операции по спасению Брофы.

Она летела быстро, гораздо быстрее, чем когда отвозила домой своего раненого пассажира. Пока этот важный политический деятель находился на борту, приходилось медлить, поскольку Департамент не одобрял передвижений на предельных скоростях без особой на то необходимости. Лишь «Странствующие Великаны» Веги, корабли титанической мощи, могли с относительной безопасностью курсировать на таких скоростях, в то время как с кораблем меньшего размера могло произойти всякое, например, внезапное и бесследное исчезновение. Когда такое происходило, Лаборатория Департамента, а также несколько других мощнейших научных центров цивилизации не переставали давать противоречивые объяснения. Однако сейчас Замман

лишали терпения как распахнувшиеся перед ней безмолвные просторы вакуума, так и его менее очевидные опасности. Он может сколько угодно расставлять ловушки, пожри его черная дыра! И все равно проиграет.

— Необходима карта по курсу, которым следую, в радиусе недели лета на крейсерской скорости, — коротко сообщила она в телепатический передатчик корабля. Этот запрос был вскоре услышан в Центральной Диспетчерской Галактических Зон, на далекой от корабля планете Джелтад.

Практически сразу же на экране передатчика перед Замман развернулась трехмерная звездная карта.

Замман глубокомысленно вперилась в экран.

Крошечная зеленая точка в центре означала ее местоположение. Было хорошо видно, что она находится внутри области, отмеченной коротким малиновым пунктиром, означавшим предположительное местонахождение бродячих кораблей Шаггаров, с которыми она успела коротко познакомиться и отрапортовать об этом на Джелтад. Облако белого света впереди означало цивилизованное звездное скопление. Внутри него, а также в разных местах по краям карты,

несколько дюжин микроскопических звездных систем были обведены красным. Вокруг красных кружков виднелись и другие — оранжевые, пурпурные, зеленые, что обозначало конкретные особенности возникших там проблем.

Замман кольнула указкой по трем системам, расположенным в дальнем левом углу карты, которые были отмечены как очаги развития космических неприятностей, требующих внимания Агента Зоны.

— Собираюсь вновь попробовать потрепать эту стаю Шаггаров, — объявила она. — Если она найдется, хорошо, но, вероятно, еще до того, как с ними расправиться, мы окажемся где-то поблизости от этого района. Соберите все данные о том, что там не в порядке, и перешлите мне. Прием.

Она выключила передатчик. Звездная карта исчезла, каюту залил мягкий, ясный свет. Замман потерла плечо тонкой, узкой ладонью, и сощурила глаза на свет.

— Могу я перекусить немного? — спросила она.

На боковой столик, пристроенный к огромному пульту, прямо из стены выскользнул поднос с многочисленными контейнерами, где ледовито поблескивала пища, источая аппетитнейшие

парки.

Хозяйка ела медленно и небрежно, мысленно составляя планы на ближайшее время — всего на несколько недель, а ведь когда-то она строила планы на годы вперед: исследовать столько-то планет, изучить такую-то территорию. Однако постепенно ее тяга к масштабному планированию стала несопоставима с характером поставленной перед ней задачи. Ныне она бросалась в разные стороны короткими рывками, хоть и не бесцельно, но часто устремляясь в новые территории под влиянием внезапного импульса, интуиции, надежды. Она лишь старалась в своих поисках по возможности не пересекать собственный след.

Она проигрывала вакууму, и знала это. Она никогда не найдет своих близких! Как никогда не найдут их те тысячи и тысячи сотрудников Департамента, которые по ее поручению искали и не находили затерянные следы. Вселенная взяла дорогих ей людей, эта проклятая бездна одерживала победу.

Замман обратила взор к ее холодному черному лику, заполнявшему экран. Бездна смеялась над ней миллионом своих блистающих глаз.

«Глупая ухмылка!» — прошептала она с ненавистью обреченного. Затем встала из-за стола

и принялась мерить каюту размашистыми шагами.

Вот ее враг — черный лик! Она могла противиться его воле, но лишь недолго. Недостаточно долго, чтобы это было принято в расчет. Враг ее был столь велик, что мог позволить себе просто ждать: века, тысячи, десятки, сотни тысяч лет. Ждать, пока где-то вырастет жизнь, теплая и храбрая, и хрупкая, и полная надежды, затем внезапно напустить на нее холодную волну разрушения и уничтожить. Разрушить извне, используя примитивную грубую силу, такую как Шаггары, или поступить более искусно, возбуждая злые, темные импульсы, медленно отравляющие разум целой расы. Могло даже случиться так, что ледяная парадигма смерти взрастала в одном-единственном разумном существе, а затем внезапно выплескивалась наружу, поглощая целые нации, целые планеты. Вселенная была вооружена против жизни, и этому оружию несть числа.

Замман остановилась. Взгляд застыл на просторной кушетке в центре каюты.

— Вам не следует прибегать сейчас к разумопоиску, Замман! — голос гигантского робота, ее верного корабля, прозвучал почти взволно-

ванно. — За последние несколько недель вы подвергли себя серьезному эмоциональному напряжению!

— Знаю, — коротко откликнулась она. — Зато я рада, что парень вернулся обратно. Славные люди, и парень — славный. Боюсь, правда, что мы его слегка напугали…

Она задумчиво постучала по ножке кушетки мягким носком ботинка.

— Ты же знаешь, что это напряжение может оказаться полезным! Выводи куклу, и мы попробуем.

— Ту, что побольше? — спросил голос.

— Нет! — в голосе Замман зазвенели нотки раздражения. — Не могу на него смотреть, когда я одна. Нет, выведи ту, что поменьше.

Где-то в глубине корабля открылась и тут же закрылась дверь. Спустя несколько секунд послышался уверенный топот резвых ножек. В каюту вбежала маленькая фигурка, поискала глазами, увидела Замман и устремилась к ней.

Она рассмеялась, распахнула руки и с размаху подхватила фигурку в объятия.

— Что за мастер сделал им лица! — с удивлением воскликнула она, в то время как кончики ее пальцев все рисовали и рисовали невидимые

линии на щечке маленького лица, так похожего на ее собственное, но все же другого. — Не отличишь на ощупь!

Она улыбнулась маленькой фигурке, свернувшейся калачиком у нее на руках.

— Пятнадцать лет! Ты теперь вырос, но все же еще не совсем. Мы не вымахиваем так быстро, как эти гуманоиды класса «А», верно? Но именно поэтому мы умнее, чем они. Правда?

Фигурка радостно и согласно заулыбалась. Замман прищурилась с тревожной улыбкой, словно прислушиваясь к чему-то, что происходило внутри нее. Куклы были совершенно непохожи на рабочих роботов, это было придуманное ею средство визуального гипноза, опасные и могучие реагенты, изъязвлявшие ее рассудок. Те ее сограждане, что принимали участие в их создании, делали это неохотно, хотя и понимали, что значат подобные устройства для того, кто ищет в своей памяти то, затерялось во времени. С отчужденностью, столь же безумной, сколь и привычной, она словно со стороны наблюдала, как ее охватывает, втягивает в себя уже знакомое чувство смешения прошлого и настоящего, иллюзии и реальности, пока внезапно какая-то холодная и бурная волна не оросила ее лицо, расслабляя мускулы. Она

на мгновение закрыла глаза, затем осторожно опустила маленькую фигурку ножками на пол.

— Беги, малыш! — глухо произнесла она, ее лицо вновь стремительно напряглось и разгладилось. — Беги обратно, на место. Мама занята.

Журчащий смех растворился в удаляющемся топоте ножек. Где-то снова хлопнула дверь.

Замман медленно подошла к кушетке, легла навзничь, укрыв руками голову.

— Мы займемся разумопоиском прямо сейчас! — потребовала она.

Робот ничего не ответил. Из-под кушетки вылезло с десяток стекловидных щупальцев, они тут же начали деловито присасываться к обнаженным частям тела Замман, обвиваться вокруг головы женщины и приклеиваться к вискам.

— Я готова, — сказала она, — поехали!

Стена издала волну легкого жужжания. Тело Агента внезапно словно одеревенело, застыло колодой, а затем совершенно расслабилось.

* * *

Сначала она почувствовала холод, ринувшийся внутрь ее организма со всех сторон. Затем, почти мгновенно, он достиг нервных узлов, на которые и был нацелен.

Непосредственно вслед за этим поступление каких-либо ощущений извне прекратилось. Мозг Замман, освобожденное и одинокое сознание, немедленно сосредоточилось на безграничном Прошлом, одновременно не отрывая своего взора от бесконечного пространства Возможного, которое медленно перетекало в Несбывшееся. Эти миры — пространства, где перемешивались по кругу события и символы, послушно выкристаллизовались так, как того желало ее сознание, что могло не вполне соответствовать действительности.

Сознание могло с легкостью обмануться, но у него был верный союзник, перехитрить которого невозможно.

Именно он приказал:

— Обратно, в то время, когда это началось:

Один рой за другим пробуждались нейроны, откликаясь на настойчивый призыв щупальцев, прокладывающих себе путь по нервным цепочкам. События прошлого, связанные с другими событиями миллионом различных факторов и взаимовлияний, возникли, чтобы немедля распасться и собраться заново. Наконец на киноленте прошлого начали появляться знакомые образы. Этот звук удара, которого не забыть, это

тепло, боль, холод, прикосновения, покой.

Ненависть, любовь, ужас, обладание, потеря.

— Вот здесь. Это началось здесь.

Сумеречная каюта на обреченном космическом лайнере, у гобеленовой стены переливается лужица янтарного света. В отдалении едва слышен шум работы гигантских двигателей.

— Тогда еще не умели полностью нейтрализовать вибрацию, — припомнило сознание Замман.

Она лежала в каюте на огромной постели, предаваясь сладкой ленивой дреме, щурясь в направлении мягкого янтарного сияния. Как обычно, она первая почувствовала, что настало время отдохнуть, и вернулась в каюту.

— …тогда любила поспать!

Ее мужчины еще развлекались где-то в бесчисленных и прекрасно оборудованных игровых каютах круизного корабля. Большой и маленький — оба должны были хорошенько отдохнуть. Иначе для чего существуют каникулы?

Замман начала было лениво подумывать о том, где они застряли на этот раз, когда янтарный свет мигнул два раза.

— Началось!

* * *

Страшный рев. Вспышка света. Трубный звук тревоги из коммуникатора кабины внезапно оборвался, тело закрутило по каюте в безумной пляске, словно подопытное животное под электрошоком. Повсюду поврежденные узлы искусственной гравитации корчились в коротких замыканиях, разрывались, неожиданно снова связывались и снова разрывались, но уже в других местах. Наконец они вновь сомкнулись в единое поле, адаптируясь к новым условиям, к катастрофе.

Однако темная каюта оставалась пуста, пока в течение пятнадцати лет сознание Замман несколько тысяч раз вглядывалось в нее в надежде вырвать из молчаливого мрака хотя бы один образ, один звук или прикосновение. Вспомнить хоть долю секунды, ведь это могло решить все дело!

Ибо на самом деле это длилось два часа. Целых два часа *они* находились на убитом ими корабле, грабя, схватываясь с теми, кто был еще жив. Они, должно быть, не раз входили в ее каюту, толпились вокруг нее, глазели на нее, трогали. Затем…

Но она ничего не помнила.

Как всегда, внезапно, настал момент, когда она пришла в сознание. Тело поползло, карабкаясь по полу, изогнувшемуся под крутым наклоном, который в трупном окоченении навсегда приняло гравитационное поле погибшего корабля. Правая рука сломана, правая лодыжка безжизненно повисла подобно вывихнутой двери каюты, что хлопает где-то над головой под тем, что стало перекошенным потолком. Откуда-то из глубокого чрева корабля донесся глухой рев атомного пламени, и немедленно вслед за ним — странные звуки, похожие на животный визг, переходящий в протяжные крики.

— Их сожгло излучение! — прошептала Замман, и карабкающееся вверх тело прислушалось и затихло, обездвиженное ужасом. — Но их там не было! — вскрикнула она. — Я проверила всех!

Замман взяла себя в руки.

— Постой, я должна просмотреть это заново.

— Вам нельзя делать это дважды, — раздался голос робота, — только не сейчас, только не эту часть!

— Ладно, — лишенный обертонов голос был прав, он почти всегда бывал прав. — Тогда просмотрим остальное!

— Даже это очень опасно, Замман, вы совер-

шенно истощены!

Но тело добралось до края двери, повисло на ней здоровой рукой, ударило ногами и, неуклюже изогнувшись, перевалилось через комингс в ярко освещенный коридор, вздымавшийся вверх под кошмарным углом. По нему были разбросаны неподвижные тела.

— Если б я только не остановилась, чтобы их проверить, если бы я посмотрела вверх раньше, всего на несколько секунд раньше!

Как всегда, одна за другой пролетели потерянные секунды, затем ее тело приподняло голову и посмотрело вверх, где дальний конец поднятого на дыбы коридора заливало яркое сияние. Внутри него что-то двигалось, оно только что пересекло коридор и уже исчезало в другом проходе, тоже изломанном и склоненном книзу. Свет облаком окутывал движущуюся фигуру и уже скрывался за углом.

— Работают в индивидуальных световых барьерах, проверяют все напоследок, перед отбытием, — пробормотала Замман, пока тело ползло и хромало в направлении исчезнувшего света, крича от ужаса, ярости, непонимания и отчаяния.

— Если бы я взглянула вверх секундой раньше,

я бы знала, как они выглядят, даже в броне, я бы поняла, гуманоиды это или нет. Я бы увидела!

Внезапно она осознала, что смотрит в потолок своей каюты, бормоча все те же, до боли знакомые слова.

Она с трудом пошевелилась, даже не пытаясь подняться.

— Чуть там не осталась, — произнесла она безжизненно.

— Это очень опасно, Замман, — откликнулся голос робота, — я вас предупреждал.

— Ничего не опасно, — возразила она. — В следующий раз мы просто пройдемся только по времени, когда я была без сознания.

Она лежала тихо, чувствуя во рту вкус горечи. Где-то в глубине памяти, как и где-то в глубине пространства, существовали точки, где можно было обнаружить их следы, какие-то намеки на то, что она пережила бессознательно. Несколько рассеянных клеток памяти оставались запертыми внутри костяной коробки, заключавшей в себе ее мозг.

Существовала вероятность того, что некую группу клеток возбудит какой-либо импульс, и это случайно позволит оживить самые необходимые воспоминания. Существовала также

вероятность того, что можно будет отыскать ту самую звездную систему и планету, где они находятся, случайно выбрав их из бесчисленного множества огнедышащих клеток, составляющих тело галактики!

Однако ведь она еще учится! Так или иначе, она это сделает. Она найдет их.

Замман лежала неподвижно, вперив взор в потолок, душу переполняли горькие сомнения.

— Что это? — внезапно спросила она.

— К вам гости! — ответил робот.

* * *

Гости были еще очень далеко, двигаясь со скоростью, многократно превышающей скорость света. На видеоэкране они словно бы неспешно проплывали мимо на расстоянии выстрела. Один, два, три, четыре…

Пять облаков рассеянного излучения, пять огромных светящихся медуз, подчиняющиеся необъяснимым извивам космического течения. Странствующие корабли Шаггаров под прикрытием защитных экранов. Разумеется, Замман тоже заметили, но подобно большинству древнейших форм космической жизни, пираты научились с осторожностью относиться к

неизвестным кораблям, которые при виде их не обращались в немедленное бегство. Они предпочитали выждать и посмотреть за развитием событий.

— Для начала сообщи Центральной местоположение и направление движения этой стаи! — приказала Замман. Глаза Агента все еще горели отчаянием и гневом, но длинные узкие пальцы уже споро порхали по оружейным клавишам пульта управления, пока ничего не активируя, лишь проверяя готовность.

— Двое уже почти на линии огня, — заметил робот.

— Да их всего-навсего пяток! — фыркнула Замман. — Будь хотя бы на одного больше, это хоть можно было бы назвать боем. Параллельный курс, затем развернись прямо к ним, пусть собьются в кучу.

Примерно через минуту ее корабль этакой молниеносной черной кошкой перебежал Шаггарам дорогу на расстоянии стрельбы прямой наводкой. Туманные облака тут же испарились, вместо них на экранах стали отчетливо видны темные, пузатые корабли. Вокруг черного круглого корабля Замман спереди и сзади засверкали выбросы энергии. Шаггары, все до единого, промазали.

— Еще кого-нибудь видишь?

— Приближаются еще четверо, пока едва заметны! Возможно, их вызвала на подмогу эта компания.

— И правильно сделала! Займемся ими потом.

Замман подождала, пока корабль развернется и пристроится в хвост грядущим жертвам. В этот момент они находились вне досягаемости, но пространство далеко впереди стремительно свивалось в один длинный язык пламени. В сердце огненного вихря пять шаггарских кораблей сбились вместе и, отступая на полном ходу, отстреливались куда попало.

— Какие будут указания? — вкрадчиво промурлыкал голос робота.

— Подойди ближе и атакуй!

Сквозь длинный конус пламени набросился ее корабль сверху на пятерку. Руки Замман парили над оружейными кнопками, тонкие, изогнутые, бледные лепестки ненависти. Те же, которые сейчас пытались спастись бегством, разворачиваясь в медленных муках под своими огненными мантиями, не были безликими похитителями, которых она искала. Но они были помечены тем же кровавым клеймом: мясники, грабители, губители, — точно символы гибели, кочующие

по огромному, глупому, плотоядному разуму Вселенной.

Призрачное сияние излучения коснулось брони корабля, ударило в него и распалось. Расстояние уменьшилось наполовину, корабль задрожал и замедлил ход, точно хищный зверь, разрывающий лапами чужую нору. На расстоянии, вчетверо меньшем, чем это, пространство на несколько долгих секунд обратилось в плотную, жалящую огненную плазму.

Карающие руки Замман молниеносно взметнулись.

— Давай!

Пространство впереди вспыхнуло, точно от взрыва погибающей звезды. За ним в тот же миг, сметая все на своем пути и без остатка выжимая из оружия всю мощь разрушения, возник корабль — окрыленная смерть, воплощенная ненависть Замман.

* * *

Два года.

Именно столько доставала Замман эта царственная акула! Обычно она зависала где-то поблизости, но Агенту никак не удавалось взять ее след.

Это был огромный корабль, быстрый, умный и необычайно хитрый. Он обладал оружием и энергией, о котором она ровным счетом ничего не знала. Она даже не могла догадываться о том, знал ли он, что она висит у него на хвосте. Вероятно, не знал.

Поле его деятельности было достаточно широко, так что регулярно совершаемые им убийственные вылазки не нарушали ритма движения в избранном регионе и даже не отпугивали путешественников. Там, где дело касалось межзвездной торговли, неизбежен некоторый процент потерь. Однако разница между статистикой и реальностью заключалась в том, что в этом регионе все зафиксированные потери числились на счету царственной акулы.

Замман кружила вокруг корабля-убийцы, пытаясь просчитать, где он намерен появиться в следующий раз. Около дюжины раз Агент почти угадывала, однако единственным результатом являлось пока лишь то, что акула продолжала потрошить путешественников.

Корабль-убийца всегда действовал наверняка, выслеживая добычу и настигая ее на полном ходу, или внедрялся в походный строй, если атакуемые шли караваном. Обычно он не брал

пленных, и потому его черная работа не отнимала много времени. Каждый раз не больше часа. А потом Замман находила мертвый звездолет с мертвой командой и мертвыми пассажирами. Царственная акула безнаказанно выскальзывала из сетей.

В конце концов, Замман это опротивело, и она оставила попытки перехитрить разбойницу. Вместо этого Агент купила себе грузовик.

Выбор пал на дорогое и весьма представительное судно, на борту которого она разместила несметные сокровища. Она и не думала приманивать царственную акулу на позолоченный крючок, нет, Замман намеревалась скормить ей крючок из чистого золота! Трюм нового корабля Замман был захламлен целой грудой разнообразных трофеев, побочного продукта ее прежних заданий. Обычно она использовала их по мере необходимости или сдавала во время очередной поездки на Джелтад, где к подобным вещам никто не относился всерьез.

Вскоре грузовик был полностью готов к полету.

— Теперь мне нужны хорошие пираты! — в задумчивости повторяла Замман.

Поискав, она нашла команду — два десятка

авантюристов, которые подходили на роль экипажа грузовика. Для начала она проверила их память в поисках одной, очень важной для нее вещи. Ни у кого ее не оказалось. Правда, оказалось множество других вещей, но Агент уже забыла, когда в последний раз испытывала омерзение от подобного рода исследований.

— Всех, кто выживет, отпущу на волю, — пообещала она, сурово блеснув глазами.

Авантюристы знали, что так и будет. Они для нее были мелкой сошкой, пусть кто-нибудь другой возится потом с ними, если понадобится.

Хорошей, скорой и слегка возбужденной поступью грузовик и его команда проследовали траекторией, которая на тот момент являлась наиболее многообещающей в плане встречи с царственной акулой. При этом черный корабль Замман бесшумно скользил, выжидал и чуть не пританцовывал от нетерпения вокруг своего крючка на максимально далеком расстоянии, какое все же давало ей шанс вцепиться в добычу мертвой хваткой.

Вскоре грузовик завершил обход потенциально опасного района и снова заспешил по проложенному однажды курсу. Во время четвертой вахты акула всплыла на поверхность за его кормой и

нанесла удар. В тот же миг команда грузовика была умерщвлена, а Замман выпустила когти.

Все происходило не то что бы на расстоянии контакта, а скорее внутри контакта как такового. Сталь к стали, черной пиявкой впился корабль Замман в бок царственной акулы, и защитные поля обоих разлохматились бесполезной субстанцией. Пиявке было все равно куда кусать, поскольку у ее добычи не было слабых сторон. Но у добычи не было также сторон, способных отразить разрезающие лучи с расстояния бок о бок.

Вопрос заключался лишь в том, сможет ли экипаж акулы изобрести за несколько секунд нечто такое, что вышибет из пиявки дух, прежде чем разделяющая их двойная броня исчезнет.

Изобрести они не смогли. Замман и ее гоблины-роботы блистательно десантировались внутрь акулы.

— Просто сокрушите гравитацию, мои бравые парни! — приказала Замман. — Пленных враг не держит. Некоторые из них могут быть в броне, но мы должны справиться.

* * *

Роботы раскладывали еще живых и почти мертвых обитателей акулы неровными рядами в

проходах и на палубах.

— Ах, так это старые знакомцы с Кушгара! — удивилась Замман. — Далеко же они забрались!

Она узнала их по внешнему виду. Отдаленным предкам всех ста четырнадцати членов команды акулы доводилось вдыхать воздух древней Земли. Впоследствии они ушли оттуда и многообразно мутировали. Подобно Дайя-Белам, сильнейший из родов постепенно одержал верх над другими, смешался с побежденными и разросся вновь, дав начало новой расе.

На вкус Замман, раса получилась непривлекательная: приземистая, волосатая и необычайно мускулистая. Шейные и спинные позвонки торчали у них сквозь кожу ороговевшими выступами, точно из спины выступал край черепашьего панциря. Однако Агенту доводилось видеть гуманоидов и пострашнее, да и, в конце концов, она же — не член жюри конкурса красоты.

Робот-деструктор подобно хищной осе юлил вдоль рядов, останавливаясь лишь для того, чтобы вонзить в шею каждого из покойников чуть пониже четвертого спинного шипа тончайшую иглу. Замман же вместе с другим роботом выбирала тех из раненых, кто пострадал сильнее всего, пристраивалась рядом с ними и начинала

допрашивать.

Тягуче тянулось время — четыре, пять часов. На исходе шестого часа Замман и роботы вернулись на свой корабль. Пиявка защелкнула окровавленную пасть, отлепилась от жертвы и тронулась в путь. Огромная неповоротливая акула осталась дрейфовать по космосу в царственном одиночестве. Теперь на ее борту не осталось живых. Спустя четверть часа яркая вспышка внезапно озарила все вокруг, и акулы не стало.

Побледневшая Замман провела за пультом гораздо больше, чем четверть часа.

— Куклы, — громко произнесла она наконец.

— Что куклы? — откликнулся робот.

— Уничтожь их, — приказала Замман, остановив взгляд на телепатическом передатчике, — и соедини меня с Джелтадом. Лично с Координатором…

Никакого отклика не последовало. Агент высветила несколько звездных глобусов и начала прикидывать. Вычисления длились недолго. Она еще некоторое время просидела не двигаясь, вперив неподвижный взор в чуть светящийся, медленно кружащий туман, заполнявший собой экран передатчика.

Наконец в нем начало просматриваться лицо,

а знакомый голос назвал ее по имени. Интонация была вопросительной.

* * *

— Мои близкие на Кушгаре! — звенел готовый разбиться, не выдержав напряжения, хрустальный голос Замман. — Я знаю планету, и даже точное место. Я видела их *его* глазами, мальчик уже совсем большой. Такой серый дом рядом со зданием, похожим на большую больницу. Муж и сын чертоломят там семнадцать лет! Целых семнадцать лет чертоломят на них! — лицо Периферийного Агента исказилось от ненависти.

Координатор дождался, пока звенящий поток иссяк. Выглядел он при этом неважно.

— Ты не можешь отправиться туда одна, — наконец выдавил он через силу.

— А как же иначе?! — возопила изумленная Замман. — Кто отправится туда со мной? Но я хотела сообщить вам, что мне придется одолжить ваш корабль.

Координатор покачал головой.

— Этот корабль — твой! Но тебе нельзя лететь туда одной, Замман. Ты все равно будешь пролетать поблизости от Джелтада, сделай остановку и, клянусь гравитацией, мы что-нибудь приду-

маем!

— Вы не сможете ничего придумать, — непреклонно ответила Замман, — вы не можете никого послать на Кушгар. Ни один из посланных туда Агентов не вернулся. Вы захотите послать туда целый флот, а это неминуемо вызовет войну. На следующий же день «Тысяча Наций» съест Конфедерацию.

— Выбор всегда есть, — не сдавался Координатор.

Возникла мимолетная пауза, так как Координатор задумался над тем, какой выбор у него был в данном случае.

— Все равно прошу, не отходи от передатчика! Я вызову тебя, как только мы найдем какой-нибудь приемлемый выход…

— Нет! — отрезала Замман. — Я не смогу отвечать на вызовы, ибо только что завершила одну длительную операцию. Я пробуду в состоянии Полного Покоя до тех пор, пока не вступлю в бой. У меня будет лишь одна попытка, и я должна выложиться полностью. Выбора у меня нет, — добавила она, — так же как и нет приемлемых выходов. Я уже все обдумала. Спасибо за корабль!

* * *

Координатор, воспользовавшись коммуникатором штаба Галактических Зон, связался с человеком, известным под именем Сыщик, и коротко с ним переговорил.

Сыщик страшно выругался про себя.

— У нее есть друзья, которые захотят об этом знать, — завершил свою речь Координатор. — Оставляю это на ваше усмотрение.

— Я понял, что оставляете, — сказал Сыщик. — Будете у себя в офисе? Мне может понадобиться ваш авторитет.

— Не понадобится вам мой авторитет, — ответил Координатор, — кроме того, я только что отправился на рыбалку. Я ждал отпуска восемь лет и не намерен от него отказываться.

Сыщик с неприязнью посмотрел на замолкший коммуникатор. Официально он не занимал никакой должности в Департаменте. Однако под его началом трудился целый коллектив. В его задачу входило знать все обо всех, и обычно это ему удавалось.

Он задумчиво поскреб щетинистый подбородок и нанес несколько мстительных ударов по клавишам коммуникатора. Последний вопросительно

отщелкнул в ответ.

— Необходима проверка местонахождения сорока двух тысяч и еще пары сотен имен! — с отвращением проговорил он. — Займись!

Коммуникатор зарычал.

Сыщик это проигнорировал. Он уже выместил злость на телепатическом передатчике.

— Привет, Ферд! — произнес он в микрофон.

— Вот это да! Сыщик! — воскликнул Фердинанд по прозвищу Перст Судьбы. — Только ничего на меня не грузи! Я нахожусь в самой середине…

— Замман нашла свою родню, — невозмутимо перебил Сыщик, — они на Кушгаре! Она летит за ними.

Агент Зоны Фердинанд изумленно выругался. Его тонкие нервные пальцы яростно теребили узел алого галстука-бабочки. Он тоже охотился за этой расой, и умел это делать очень хорошо.

— Откуда она выходила на связь?

Сыщик ответил.

— Это рядом со мной, — заметил Фердинанд.

— Поэтому я и звякнул тебе первому, — пояснил Сыщик. — Правда, с ней связаться нельзя, она в Полном Покое.

— Да, в самом деле? А что Кривда говорит?

— Кривда ничего не говорит, он умотал на ры-

балку от греха подальше. Эй, подожди! — вдруг в ярости выкрикнул он. — Я еще не закончил!

— Спасибо за звонок, Сыщик, — откликнулся Перст Судьбы, чей палец уже лежал на выключателе передатчика. — Но в данный момент я как раз нахожусь в самой середине…

— Ты находишься в самой середине списка Агентов по этому звездному скоплению, — сообщил Сыщик. — Так что поручаю это тебе.

— Это займет целые часы! — взвыл Фердинанд. — Ты не можешь…

— Передай другим, — холодно перебил Сыщик. — Ты ведь еще и помощник начальника штаба, верно? Вот и займись этим по дороге. А я занят по горло!

Фердинанд по прозвищу Перст Судьбы был отключен.

— Как продвигаешься? — спросил Сыщик у коммуникатора.

— Осталось проверить всего восемнадцать тысяч! — сварливо огрызнулся коммуникатор.

— Надо найти, — сказал Сыщик и вновь стал терзать передатчик. Когда нужно вытянуть на связь хотя бы костяк команды из сорока двух тысяч с небольшим Агентов Зон Третьего Департамента, передатчику приходится туго!

— Приветствую вас, сенатор!

* * *

Всякий, кто решил бы развлечься сбором сведений об экстраординарных происшествиях, проявляя особый интерес к таинственным исчезновениям, нашел бы прошедшую неделю весьма урожайной.

Разумеется, когда на полуслове сенатор Тартуиз прервал свой брифинг, извинился и вышел в соседнее помещение, чтобы ответить по телефону на неотложный звонок, и не вернулся назад, возник довольно серьезный переполох. Сенатор был видной политической фигурой, главой оппозиции «Тысячи Наций». Несмотря на то, что он плотно закрыл за собой дверь, его гулкий бас спустя минуту уже разносился эхом в очевидных попытках кого-то в чем-то переубедить. Затем все стихло.

Лишь полчаса спустя отважились предпринять осторожное расследование. Оно показало, что сенатор бесследно исчез!

В таком исчезнувшем состоянии Тартуиз пребывал достаточно длительное время. Обуреваемая самыми мрачными предположениями «Тысяча Наций» едва не оказалась на грани граж-

данской войны.

Еще более эффектным, правда, всего лишь в планетарном масштабе, оказалось внезапное вознесение на Амуте, которое совершила богиня Лоппос вместе с колесницей, запряженной таинственными четвероногими тварями, в момент завершения Ежегодной Храмовой Церемонии. Несколькими секундами ранее внимательные наблюдатели отметили, что богиня нахмурилась, а божественные уста извергают стремительную череду священных проклятий. После того, как колесница пулей взмыла вверх, небо озарилось чудовищной вспышкой. Весь Амут посыпал головы пеплом и погрузился в траур до тех пор, пока Лоппос не вернулась.

Поскольку эти странные события происходили с персонами малозначительными, они не вызвали ничего серьезного, кроме волнений местного масштаба. Так, например, бабуля Ваннтель на Нурхате тихонько распрягла однорогого пони, отделив его от своего трейлера с патентованными снадобьями, и поручила огромное, но смирное животное заботам малыша Гримпа. «Пока я не вернусь», — сказала бабуля. Никто не заметил бы в этом ничего необычного — народ и полиция часто досаждали бабуле, заставляя переезжать с

места на место — если бы, шагая домой, Гримп не оглянулся и не заметил, как выросший до невероятных размеров бабулин трейлер тихонько набрал высоту и исчез в лучах заходящего солнца. Маленький Гримп получил хороший нагоняй за то, что привел домой эту громадину пони!

Конечно, эти события не показались бы примечательными, если бы одно из них не изменило ход истории. А именно то, что произошло с несчастным и ужасным Дримом, тираном Системы Хибеланта:

— … да ведь все уже было готово для того, чтобы меня убил наемник Партии Свободы! — вопил тиран, брызжа слюной. — Ведь понадобится не меньше двух лет, чтобы убедить эти цыплячьи душонки вновь отважиться на подобное!

— Собирайся, приятель! — пробормотал передатчик у изголовья.

— Соберусь, не сомневайся! — огрызнулся деспот, грузно нашаривая ногами в поисках тапочек. — Могу дать твою голову на отсечение!

* * *

— Вот-вот приборы сообщат об авангарде флота призраков! — бодро доложил адъютант метага Кушгара.

— Я не желаю больше слышать ни о каких призраках, — холодно процедил владыка. — Это плохо влияет на боевой дух. Если я еще хоть раз замечу употребление этого слова в служебном разговоре, пара-другая голов скатится вниз по спинным шипам. Называйте их «захватчиками».

Адъютант поспешно пробормотал извинения.

— Итак, сколько предположительно захватчиков следует в первой группе? — строго спросил метаг.

— Несколько тысяч, господин, — ответил адъютант. — Сведения, конечно, приблизительные… Основная масса движется за ними на расстоянии двадцати восьми световых лет. По последним данным их около тридцати тысяч.

Метаг глухо застонал.

— Тогда на перехват основной группы следует выслать Глант! — прорычал он. — Если захватчики не изменят курса, мы так и сделаем. Подходящее время для того, чтобы покончить с этим фарсом раз и навсегда!

— Пока они не пытались изменить курс, чтобы избежать перехвата, — осторожно заметил адъютант.

— Пока они не встретились с Глантом! — с усмешкой парировал метаг.

Он ожидал этой встречи с нетерпением. Его флагманский корабль, его Глант, веретенообразный титан-хранитель Кушгара восемь десятков лет сдувал с него пушинки в виде целых неприятельских флотилий. Его стенки не поддавались ни одному из известных видов оружия, а оружие без особых усилий было способно искромсать в клочья целую планетную систему.

Правда, он был слегка медлителен, а эти призрачные корабли, эти странные захватчики двигались невероятно быстро! Чтобы остановить авангард противника, Глант просто не успеет вовремя занять нужные позиции.

Метаг нахмурился. Если бы только сообщения были поточнее или не прерывались бы так таинственно! За истекшие пять суток пограничные флотилии три раза сообщали о появлении призраков и о собственной готовности к столкновению. Всякий раз принятое от флотилии сообщение оказывалось последним. Разумеется, связь могла время от времени прерываться внезапно и необратимо по совершенно естественным причинам, но чтобы три раза подряд…

На мгновение по спинным шипам метага заплясал неприятный холодок. Он не страдал излишней впечатлительностью, однако его со-

весть, как и совесть всего Кушгара, была сильно изъязвлена, что способствовало возникновению подобных суеверных холодков.

— Вот они, господин! — дрожащей трелью прозвенел голос адъютанта.

Метаг замер на месте, не веря своим глазам.

* * *

Самые худшие из сообщений и то не были так ужасны. Находясь внутри непобедимого Гланта, под его надежной защитой, он никогда не ощутил бы подобного приступа дурноты от вида нескольких тысяч вражеских крейсеров…

Но это!

Среди них было несколько настоящих военных кораблей. Однако насколько можно было судить по обожженной, покореженной в лучевых атаках внешней обшивке, большинство представляло собой грузовые корабли самого разного пошиба. Среди них виднелись карамельные блестки покалеченных яхт и пестрая россыпь других гражданских суденышек. Неудивительно, что их приняли за обломки погибших звездолетов, привлеченных сюда порывом потусторонней жизни…

Однако хуже всего было то, что к потоку при-

мешивалось нечто, доселе невиданное в космосе, что могло быть лишь отражением жизни в атмосфере! У некоторых кораблей, дьявол их возьми, имелись крылья!

А это еще что за номер?!

— Да это же дом! — взвыл метаг в страшном прозрении. — Огромный, дьявол его раздери, домина!

Дом вместе со всей компанией призраков несся на скорости, недоступной ни одному из новейших истребителей Кушгара. Тяжелый, неповоротливый Глант двинулся вперед в безнадежной попытке остановить неостановимое.

Адъютант что-то бормотал из-за спины метага.

— Господин, возможно, нам удастся зацепить захватчиков с фланга, пока они не пронеслись мимо!

— Хватайте! — взревел метаг. — Делайте же что-нибудь! Мы должны остановить хоть один корабль и узнать правду! Ведь все это напоминает какой-то жуткий маскарад!

Но ничего сделать не удалось. Одна черная торпеда в хвосте передовой колонны была задета кончиком захватного луча. Совершив чудовищный маневр, описав носом полукруг, она слетела с него по касательной и пулей понеслась вслед

за остальными. Через мгновение вся кавалькада растаяла в направлении центрального звездного скопления Кушгара.

— Непоправимая ошибка! — выдохнул метаг. — Они узнают о нас все! Если основная их часть сменит курс, мы никогда не… Нет, постойте! Вон еще несется один — остановить! Немедленно!

Хрупкая на вид яхта на полном скаку влетела в самую гущу захватов и морозильного поля Гланта и застыла как вкопанная.

— Вот теперь! — Метаг прошелся кончиком языка по дрожащим губам. — Вот теперь-то мы все узнаем! Ввести абордажную команду внутрь!

Захваты и буксиры начали маневрировать так, чтобы осторожно провести маленькую яхту сквозь хитроумный лабиринт проходов между тремя наслаивающимися друг на друга защитными полями Гланта. Конкретный призрак выглядел на редкость привлекательно, словно новорожденный, только что сошедший со стапелей, незапятнанно поблескивая голубоватым серебром под потоками света, которыми его заливали со всех сторон.

Гигантский Кальмар космоса клюнул на блестящую маленькую приманку.

— Господин, — с тревогой прошептал адъ-

ютант, — а не лучше ли для начала ударить по нему лучом?

Метаг глянул на него с удивлением:

— Чтобы все, кто находится внутри, погибли? — спросил он. — Ты с ума сошел? Разве это похоже на военный корабль, или думаешь, что они и в самом деле призраки? Да нам просто неслыханно повезло! Если бы эти остолопы не наткнулись прямехонько на нас, словно сами хотели быть пойманными…

На мгновение он задумался, продолжая наблюдать на экране яхту, зависшую в лучевых путах прямо над впускным портом Гланта. Приманку благополучно проглотили.

— Словно она хотела быть пойманной? — с сомнением повторил метаг.

Это стало последним сомнением в его жизни.

Маленькая яхта шевельнулась.

Одним движением она высвободилась из объятий захватов, буксиров и морозилок, словно их не было вовсе. Затем маленькое жуткое привидение скользнуло вдоль всей длины веретенообразного космического стража под могучими слоями его защитных полей. Позади нее раскаленные добела чудовищной толщины стены Гланта оказались вскрытыми, образуя единую рваную рану с оплав-

ленными краями. Титан Кушгара раскололся по всей длине словно гигантский моллюск, который раскрыл гигантские створки и выплеснул свои огнедышащие внутренности в космос.

Маленькая сияющая яхта сделала легкий рывок, дабы занять подобающее ей место на фланге передовых сил призраков.

Агент Зоны Пэйгадан из Лар-Санкайи снискала себе в тот день поистине бессмертную славу! Однако, к сожалению, впоследствии так и не удалось обнаружить никаких останков Гланта. Поэтому ей никто не поверил, хотя она клялась в правдивости своих слов на целой стопке священнейших Лар-Санкайских текстов и по очереди доказывала свою правоту семи разным детекторам лжи. Правда, всем было известно, какие фокусы Пэйгадан может учинить с детектором лжи, что же касается остального…

В общем, сомнения так и не рассеялись.

— Как там наши призраки, то есть захватчики? — запрашивал Кушгар своего непобедимого Гланта. — Вы их остановили или сразу уничтожили?

Глант безмолвствовал.

КУШГАР ВЫЗЫВАЕТ ГЛАНТ. КУШГАР ВЫЗЫВАЕТ ГЛАНТ. КУШГАР ВЫЗЫВАЕТ ГЛАНТ. КУШГАР

ВЫЗЫВАЕТ ГЛАНТ…

Кушгар в смятении взглянул в суровое ночное небо и прислушался. Миллионы враждебных звезд ответили ему ледяным презрением. Глант же не издал более ни единого звука, ни крика, ни даже шепота!

Спустя двадцать минут подлетел основной состав потусторонней флотилии. Призраки выглядели совершенно неповрежденными. В самом центре колонны несся черный шар с заключенной в нем Агентом Зоны Замман Тарранг-Пок в состоянии Полного Покоя. Ее робот прекрасно знал свои обязанности, он должен был разбудить хозяйку немедленно по вступлению в первый бой. Треть территории Кушгара осталась позади, но никакого боя не намечалось.

Основная армия нагнала свой авангард восемью часами спустя, их ряды перемешались. Отстающие подходили небольшими группами и немедленно присоединялись к остальным. Вскоре флот призраков слился в единый, смертоносный рой…

Из центра Галактики ураган пронесся прямо к сердцу Кушгара, точно выпущенные из Преисподней всадники Апокалипсиса, но страх все же летел впереди. Мертвые возвращались: мил-

лиарды зверски убитых людей, опустошенные корабли, потерянные войска слились в единую, чудовищную, непобедимую армию справедливого возмездия, и здравый смысл спасовал перед подобной мощью.

Кушгар запаниковал; древняя, веками проверенная стратегия была сломлена, ее место в сознании занял темный ужас! Рассеянные войска Кушгара флотилия за флотилией, корабль за кораблем бросались под ноги призракам.

Ни одного вскрика, даже шепота не донеслось от принесших себя в жертву!

Оставшиеся на поверхностях планет войска решили не вмешиваться.

* * *

Замман снился чудесный сон.

Это ее не очень удивляло. Полный Покой по большей части протекал без сновидений, но на некоторых уровнях он возбуждал необычайно яркие визуальные эффекты, изобилующие подробностями. Бывали случаи, когда они так искусно морочили ей голову, что она была готова поверить в их реальность!

На этот раз ее корабль, по-видимому, нашел приют в некоем доке. В сомнокабине было еще

темно, но все остальные каюты сверкали огнями. Вокруг гомонило множество голосов.

Замман застегнула комбинезон, поднялась и присела на край кушетки. На мгновение она прислушалась, затем рассмеялась. Этот сон был очень странным, но обещал стать приятным!

— Мало тебе? — прокричал женский голос в рулевой рубке, когда Замман подходила к ней по коридору. — Ты, жалкий, жуликоватый старикан…

Последующее утонуло в громе аплодисментов.

— Леди, а, скорее всего, не леди, — вознеслось над шумом гулкое эхо негодования сенатора Тартуиза, — еще одно оскорбление, и я надеру вам уши!

Шум аплодисментов возрос еще на несколько децибел.

— Да среди нас Замман! — выкрикнул кто-то.

Внезапно все столпились вокруг нее. Замман в замешательстве улыбнулась.

— Хорошо, что вы нашли выпивку, — пробормотала она.

Высоченная богиня Амута, раскрасневшаяся от спора с Агентом Зоны Тартуизом, сгребла Замман в объятия и усадила на край стола.

— Дайте Замман бокал!

Она отпивала маленькими глотками, недоуменно посматривая по сторонам. Все они были здесь: все самые упорные и хитрые, убийцы, охотники, организаторы и шпионы! Костяк команды Координатора, самый узкий круг. А вот и сам Координатор!

— Привет, Кривда! — сказала она, даже во сне придерживаясь принятой субординации. — Привет, Вимс! Ферд! — она раздавала кивки в промежутках между глотками.

Примерно два десятка друзей по службе заглянули в Полный Покой, чтобы попрощаться! Не раз спасала она каждому из них жизнь, впрочем, так же, как и они спасали ее. Но наяву она ни разу не видела более трех из них вместе. В таком количестве они могли собраться только во сне!

Замман рассмеялась:

— Отличная тусовка!

Прекрасный сон. Она поставила пустой бокал.

— Вот именно! — воскликнула богиня Лоппос. Она подняла Замман и водрузила на стол, развернув лицом к стене. Прямо перед ней оказался экран внешнего наблюдения. Он был выключен.

— Что это значит? — улыбнулась Замман, в предвкушении приятного сюрприза. Чем еще неожиданным хотят ее поразить?

Экран внешнего наблюдения ожил, залитый ярким дневным светом. По-видимому, корабль приземлился посреди сухой песчаной равнины. В отдалении виднелось огромное серое здание. Замман мельком взглянула на него, и ее улыбка медленно увяла. Это что, больница? Где она могла ее видеть?

Внезапно ее взгляд переместился в нижний левый угол экрана, откуда выглядывал краешек другого здания, маленького серого домика, стоявшего очень близко, почти рядом с кораблем!

Замман почувствовала, как по телу пробежала судорога.

— Нет! — прокричала она. — Это сон!

Ее сняли со стола и поставили на пол. Ноги слегка подгибались, но Агент нашла в себе силы восстановить равновесие.

— С ними все в порядке, Замман, — услышала она голос седовласого человека по прозвищу Кривда. — А мальчик-то стал совсем взрослым, — добавил он задумчиво.

— Теперь у тебя все будет хорошо, — промурлыкал сзади чей-то нежный голос. — Замман, ты же знаешь, что такое Полный Покой! Мы не могли так рисковать и сказали твоим близким, что нужно подождать, пока ты проснешься.

Наклонный луч мягко перенес Замман на песчаную дорожку. Вокруг разливался жаркий солнечный свет, позади — семнадцать долгих лет, впереди — двадцать коротких шагов и открытая дверь домика.

Колени снова начали подгибаться.

Замман не могла заставить себя двинуться с места. На много сотен световых лет вокруг Могучий Кушгар бил челом, моля своих богов отвратить от него гнев призраков, гнев Замман.

Но она, Агент Зоны Замман Тарраданг-Пок, покорительница пространства, времени и всех до одного законов вероятности, новичок-доброволец из свободолюбивой расы Дайя-Белов, доктор нейроники, подданная Конфедерации Веги и чемпион Галактики… была не в силах двинуться с места!

Вдруг что-то прошумело над головой. Оплавленное изуродованное днище указывало на то, что когда-то, в начале своей транспортной карьеры, это корыто было симпатичным, пузатым грузовиком. Однако в его очертаниях ныне не осталось ничего симпатичного! Ветеран космоса выглядел так, словно после кораблекрушения побывал прямехонько в Преисподней, где лет сто нещадно был палим адским пламенем, а затем

еще лет десять остывал на дне кислотного моря. На самом деле он выглядел именно так, как и должен был выглядеть корабль, чей пилот не открывал огонь на поражение до тех пор, пока не сблизился с врагом до дистанции прямой наводки.

Но и растеряв внешнее великолепие, корабль оставался в состоянии настоящего парения духа! Он проплыл над головой Замман, приветливо покачал стабилизаторами, ушел в сторону огромной больницы и, заложив над ней прощальный вираж, отбыл к товарищам, дабы вместе с ними заставить Кушгар чуточку громче молить своих богов о пощаде.

Замман проводила взглядом невезучего, побитого, но возрожденного вояку, и почувствовала, что ее переполняет радость. Она сделала шаг, затем другой и еще…

Ну, конечно, теперь она могла идти!

Она могла даже бежать.

* * *

— …вот как все это было, — завершил свой рассказ Третий Координатор. — На самом деле мы не собирались сходить с курса, отражая атаки в уверенности, что все свои тяжелые крейсеры

кушгарцы, чтобы остановить нас, выстроят в линию, пока мы не войдем вглубь Звездного Скопления. Затем мы значительно отклонились от первоначального курса и ринулись туда, где они держали близких Замман, чтобы их освободить и убраться восвояси…

Взболтав содержимое полупустого бокала, он поднял его и осушил одним глотком.

— Конечно, — продолжил он, — когда мы увидели, что они с воем барахтаются на своих спинных шипах, беспомощно суча лапами, как перевернутые черепахи, мы не смогли устоять перед искушением одержать победу! Никогда не знаешь, чем могут закончиться такие безумные предприятия, как наше!

Третий Координатор помолчал немного, нахмурился и вздохнул. Ибо был человеком методичным, предпочитавшим планировать свои дела загодя, просчитывая все варианты событий, включая запасные, на случай непредвиденных ситуаций.

— Может, выпьем еще? — предложил Брофа.

— Нет, — ответил его друг, — я должен вернуться к работе. Пусть болтают, что хотят, — Брофа сразу догадался, что Кривда имеет в виду коллег по Совету, — но во всей Конфедерации нет ни

одного Департамента, который бы пострадал от Кушгара сильнее, чем Галактические Зоны! Ведь нам пришлось переписать сорок две тысячи двести тридцать восемь индивидуальных рабочих планов! — воскликнул он с отчаянием, по-видимому, еще не придя в себя от возникшего бюрократического хаоса. — До сих пор проделана только треть необходимой работы. А еще предстоит пораскинуть мозгами, кем мне заменить Замман. Нет на свете ничего более трудного, нежели найти хорошего Периферийного Агента! И это все, что я с этой блистательной победы поимел…

Брофа взглянул на него с сочувствием.

— Я разговаривал с ее мальчуганом, и у меня возникли определенные надежды, — угрюмо добавил Третий Координатор. — Если Замман сдержит слово, вскоре он прилетит на Джелтад. Но ему никогда не стать таким, как мама!

— Дай пацану время, — мягко сказал Брофа, — Дайя-Белы развиваются медленно. И вообще им свойственно долголетие.

— Об этом я тоже думал, — деловито кивнул Координатор. — Она успеет родить и воспитать еще, как минимум, дюжину детишек. Среди них может оказаться один или двое… Правда,

насколько я понял из разговора с ней, Замман не позволит ни одному из своих отпрысков отлететь от Бетельгейзе дальше, чем на полсотни световых лет!

ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ

Мак-Нилти был Рильфом. В одежде он еще мог сойти за человека, хотя по большей части его человеческая внешность — широкое, бледное восковое лицо и большие руки были результатом искусной хирургии. Поскольку хирурги тоже были Рильфами и имели весьма приблизительное представление о том, что люди считают привлекательным, лицо получилось неприятное, но вполне пригодное для ведения деловых переговоров. Другой рильфской особенностью, которую он был вынужден тщательно скрывать, был запах, почти столь же невыносимый для человеческого обоняния, как человеческий — для Рильфов. Поэтому дважды в день ему приходилось орошать себя сильным дезодорирующим средством. Запахи людей он переносил стоически.

Вряд ли что-то могло сделать Мак-Нилти привлекательным для человеческого глаза. Нельзя сказать, чтобы он двигался совсем уж неправильно, но все же довольно странно. Он в совершенстве владел английским и еще на четырех языках объяснялся достаточно хорошо для того, чтобы его понимали, но в его речи всегда слышалось

какое-то бульканье, словно говорила огромная болотная жаба. Одних людей Мак-Нилти пугал, другим был отвратителен. Впрочем, его не слишком трогали подобные отношения. Практически они никак не влияли на его деловые контакты.

В частности, для Джейка Х иски, капитана и владельца космического судна «Горделивая Сью», Мак-Нилти выглядел как миллион долларов. Именно столько, вероятно, могло оказаться у него в кармане, если Хиски сможет в ближайшие несколько дней все уладить. Поэтому капитан всего лишь натянуто улыбался, тыкая пальцем в звонок на двери кабины Мак-Нилти.

— Кто там? — пробулькал динамик на двери голосом хозяина.

— Это Джейк, есть новости, хорошие новости!

Замок крякнул, и дверь плавно открылась. Входя внутрь, Хиски успел заметить, что в дальнем конце каюты поспешно закрылась другая дверь. За нею находились апартаменты временного пассажира «Горделивой Сью», еще одного Рильфа, избравшего себе человеческое имя Варне. Человеческое присутствие оскорбляло его обоняние куда более чувствительно, чем Мак-Нилти. Возможно, Варне был еще одним мужчиной в отряде рильфских наемников, а мог оказаться

женщиной и подругой Мак-Нилти. Если, конечно, предположить, что Мак-Нилти — сам мужчина, в чем тоже не могло быть никакой уверенности. Рильфы почти ничего не сообщали людям о себе. Единственное, что было известно об их расе, так это обладание неким естественным оружием, представляющим собой весьма лакомый кусок для человечества, а также большая заинтересованность Рильфов в деньгах, на которые можно купить технологии у Земли. Инопланетное оружие предоставлялось во временное пользование определенным группам людей, которые о нем знали и могли за это заплатить.

— Извините Барнса, — произнес Мак-Нилти, изучающе глядя на Хиски из-за стола, на котором стоял видеоскоп: — Он нездоров.

— Конечно, — ответил Хиски и с любопытством добавил: — А что вы изучаете?

И Мак-Нилти, и Барнс никогда не упускали ни единой возможности собрать побольше сведений о том, что относилось к делу.

— Историю Земли за последние три года, — ответил Мак-Нилти. — Должен признать, что обстановка там выглядит на редкость благоприятно!

Хиски ухмыльнулся:

— А то как же! Благоприятно для нас, конечно…

Мак-Нилти выключил видеоскоп.

— За последние двое суток, — заметил он, — я зафиксировал сведения о сорока двух, этих, так называемых, локальных конфликтах на планете. Еще несколько мини-войн намечаются в ближайшие дни. На Земле всегда так бурно?

— На самом деле сейчас еще сравнительно спокойно, — ответил Хиски, — но мы немного оживим обстановку!

Он пододвинул стул и сел.

— Конечно, я больше восьми лет отсутствовал в Солнечной системе и меня, признаться, не слишком беспокоило, что там происходит. Но совершенно очевидно, что там происходит то же самое, что и раньше. Прошло больше ста лет после того, как рухнуло мировое правительство. С тех пор города-государства, деревни, морские города, города-купола, подземные города и черт знает, что еще — все сражаются друг с другом изо всех сил. И будут сражаться еще довольно долго. Так что можно не беспокоиться за наш бизнес.

— А я и не беспокоюсь, — сказал Мак-Нилти. — Вы были правы: возможность заработать здесь практически неограниченная. Кстати, что это

за хорошая новость, о которой вы упомянули, Джейк? Ваши люди на Земле придумали, как нам высадиться на планету без проволочек?

— Нет, — ответил Хиски, — им нужно, по крайней мере, еще дней пять, чтобы все уладить. Приходится действовать с осторожностью. Не нужно поднимать лишнего шума до того, как вы и ваши ребята устроятся и будут готовы действовать.

— Понимаю, — согласился Мак-Нилти.

— Случилось вот что, — продолжал Хиски, — станция, на которой мы остановились, принадлежит Космическому Университету. Навигатор полчаса назад состыковался с причальным отсеком, чтобы выяснить, где сейчас находится его сестра. Она имеет какое-то отношение к Космическому Университету. Студентка, наверное. Он не видел ее восемь лет.

— Она аспирантка, — поправил Мак-Нилти, любивший точность во всем, — ее зовут Элизабет, и она на три земных года младше Кейджа. Я слышал, как он вчера обсуждал это с вами, и дословно запомнил, что он говорил.

— Наверное, вы правы, — согласился Хиски. — Так вот, на станции Космического Университета ему сообщили, что она в гостях на частном асте-

роиде, и он переговорил с ней по радио. Хозяева астероида пригласили его погостить у них пару дней, чтобы пообщаться с сестрой. Кейдж позвонил мне, и я велел ему сказать, что мы подбросим его до астероида на «Горделивой Сью», ведь нам все равно нужно как-то убить время, пока подойдет наша очередь пограничного досмотра на станции Системы. Так мы и договорились. А когда прибудем на место, я сделаю так, что меня пригласят на астероид вместе с Кейджем.

— Это и есть хорошая новость? — удивился Мак-Нилти.

Хиски усмехнулся:

— Это хорошая и очень важная новость. В ваших видеокнигах говорится что-нибудь о частных астероидах Солнечной системы?

— Да, они упоминались мельком, — ответил Мак-Нилти, — дважды. Я понял так, что они весьма слабо связаны с планетарной культурой и не участвуют ни в каких милитаристских проектах. Отсюда я сделал вывод, что они не представляют для нас особого интереса.

— Я бы так не говорил, — посоветовал Хиски. — Каждый из этих астероидов — маленький замкнутый мирок. Они совершенно независимы и не подчиняются как Земле, так и Солнечной

системе. У них есть соглашение с Системой, которое гарантирует им суверенитет в обмен на соблюдение определенных условий. Судя по тому, что рассказала сестра Кейджа, этот астероид — просто шикарное ранчо в космосе. Оно принадлежит профессору Элстону… Ну, представьте себе — горстка людей, какая-нибудь экзотическая скотина, обширные запасы продовольствия…

— А зачем нам эти люди? — не понял Мак-Нилти.

— Думаю, они могут оказаться полезными. Я же говорил, что единственное, что может помешать нашим планам, это излишнее внимание Полиции Системы к «Горделивой Сью», пока мы будем болтаться здесь еще пять или шесть суток.

— Да, вы так говорили, — кивнул Мак-Нилти. — И, кстати, у меня вопрос. Согласно данным моих видеокниг, Солнечная система вовсе не управляет планетой Земля. А раз так, то какое право имеет Полиция Системы контролировать то, что импортирует Земля?

Хиски пожал плечами:

— Просто делать им нечего, я так думаю. Полиция разругалась с Землей лет этак сорок назад, но они по-прежнему изображают себя ответственными за все, что там происходит. Зато силенок на

то, чтобы контролировать космическое пространство внутри Системы, у Полиции хватает. Земля от этого, естественно, не в восторге, но ничего поделать не может. Если Полиция поймет, зачем мы собираемся посадить на Землю корабль, полный Рильфов, нам ни за что не позволят приземлиться. Если же мы не вызовем подозрений, то, скорее всего, нас не тронут, хотя рассчитывать на это мы не имеем право — слишком высоки ставки. А вот если посадить «Горделивую Сью» под прикрытие силового поля астероида профессора Элстона, она будет и вне зоны видимости, и вне юрисдикции Полиции Системы. По законам Системы нас не смогут тронуть, даже зная, что это — мы.

— Полагаете, профессор Элстон позволит вам посадить корабль?

— Сомневаюсь, что его гостеприимство зайдет так далеко. Но ему будет неловко не пригласить меня в гости вместе с Гарольдом Кейджем на часок-другой, я ведь как-никак его начальник. Затем я случайно проговорюсь о том, что у нас на борту один очень интересный инопланетянин… Первый представитель своей расы в Солнечной системе, интересующийся частными астероидами. Будьте уверены, этот яйцеголовый клюнет как миленький. С вами в шлюпке может прише-

теть полкоманды. Она будет прятаться, пока не наступит время действовать.

Мак-Нилти заинтересованно булькнул:

— Вы упомянули о горстке людей…

— Все указывает на то, что их — максимум полсотни. Но, скорее всего, вполовину меньше. Астероиды заселены негусто, для того люди и покидают Землю, чтобы жить без соседей, и единственное место, где можно купить уединение, находится в космосе.

— В таком случае, — заметил Мак-Нилти, — там должна быть предусмотрена какая-нибудь компактная, но мощная система управления.

— Вы угодили в самую точку, Мак-Нилти. Обычно астероиды устроены как корабли, как огромные естественные корабли. По большей части, они курсируют по орбите вокруг Солнца, но на небольшие расстояния могут передвигаться и самостоятельно.

— В таком случае, если это корабль, то управление им должно быть нестандартным. Иначе как достичь высокой эффективности для тела столь нестандартной формы? Нам понадобится минимум час-другой, чтобы понять, как астероид функционирует, и приноровиться к этому.

— Возможно, вы приноровитесь и быстрее, —

ответил Хиски.

Вероятно, из-за врожденного дефекта воображения уровень технологий сообщества Рильфов был гораздо ниже, чем у человечества. Однако их обучаемость была на должной высоте, и Мак-Нилти, подобно большинству своих соотечественников, живо интересовался земной техникой, на лету схватывая принципы ее устройства и управления. Например, начинка «Горделивой Сью» уже давно не составляла для него секрета.

— Можно ведь и ничего не предпринимать, пока мы с вами не разберемся в ситуации, — подчеркнул Хиски, — но все должно пройти как по маслу. Захватим пульт управления, блокируем системы связи, и астероид наш.

— Возможно, захват осуществить будет легко, — согласился Мак-Нилти, — однако я предвижу серьезные проблемы в будущем.

— Какие проблемы?

— Очевидно, что жители астероида не живут изолированно от Земли. Обратите внимание, они общаются по радио, принимают гостей. Если подобная деятельность неожиданно прекратится, и от Элстонов перестанут поступать сигналы, Полиция Системы неминуемо заподозрит неладное. С юрисдикцией или без оной, но она начнет

расследование.

Хиски покачал головой:

— А вот и не начнет, Мак-Нилти. Именно поэтому я и говорил про хорошую новость.

— Пожалуйста, объясните, — вежливо попросил Рильф.

— Частный астероид — любой частный астероид — время от времени прекращает общение с внешним миром. Таким образом, астероидники участвуют в каких-то научных проектах Солнечного Университета. Итак, запечатываются шлюзы в силовых полях, выключаются передатчики, и они выходят на связь тогда, когда им заблагорассудится. Я слышал, что с некоторыми из них невозможно было связаться лет по десять, по крайней мере, минимальный период отключения должен быть не менее месяца в году. Что этим пытаются доказать, понятия не имею. Так что никто особо не расстроится, если в один прекрасный день выяснится, что нет никакой возможности связаться с профессором Элстоном. Просто будут ждать, пока он сам выйдет на связь.

Мак-Нилти размышлял довольно долго, затем заявил:

— Похоже, что это действительно большая удача. Извините нас, Джейк, — не спуская глазе лица

Хиски, он продолжил говорить на языке Рильфов, что на слух более всего напоминало судорожное хлюпанье. Затем инопланетянин сделал паузу, и из-за стены через динамик ему ответило не менее судорожное хлюпанье Барнса. Обмен подобной сыростью длился около двух минут, после чего Мак-Нилти важно кивнул Хиски.

— Барнс согласен, что ваш план великолепен, Джейк. Когда мы завладеем астероидом, уничтожение людей не представит никакой сложности.

Хиски испуганно вытаращил глаза:

— Собственно говоря, я не планировал никого убивать. Если нам не окажут сопротивления…

— О да, — согласился Мак-Нилти, — и, тем не менее, убить астероидников совершенно необходимо.

— Зачем? Астероид понадобится нам всего на несколько дней.

— Подумайте сами, Джейк! На рильфском корабле, который подтянул «Горделивую Сью» к внешним границам Солнечной системы и сейчас дрейфует по удаленной орбите за пределами досягаемости Полиции Системы, находится целая армия — пятьдесят пять Рильфов с полным снаряжением. Четверо из них прошли через те же хирургические процедуры, что я и Барнс, и

внешне похожи на людей. Остальные — явно не люди. Нельзя допустить, чтобы Полиция на них наткнулась.

— Конечно, нельзя, — согласился Хиски, — но если мы сможем быстро перебросить их на Землю, у Полиции просто не останется времени на них наткнуться.

— Понятно, — сказал Мак-Нилти. — Ваш план предоставляет нам убежище на планете в случае обмана или предательства со стороны наших земных партнеров. Если треть нашей армии будет ждать наготове в космосе, мало кто осмелится отказаться от выполнения обязательств по контракту. А где мы найдем более подходящую и секретную базу для резерва и корабля, чем на астероиде? Да еще всего лишь в нескольких часах лета от Земли? Но мы не можем себе позволить держать на этой базе узников, ведь за ними нужно постоянно наблюдать, стеречь, чтобы они не причинили нам неприятностей. Нет, ставки слишком высоки.

Хиски медленно выдавил из себя:

— Да, кажется, я понимаю…

— Также мы не можем, — продолжал Мак-Нилти, — убить нескольких, а остальных оставить в живых. Даже один-единственный свидетель

может причинить впоследствии массу неудобств. Поэтому нам придется убить даже сестру Кейджа. Поскольку Гарольд как участник операции заработает на этом кучу денег, думаю, он не должен возражать.

Хиски оторопел.

— Некоторых вещей вы все-таки совершенно не понимаете, Мак-Нилти, — заметил он, наконец. — Да Гарольд Кейдж еще как будет возражать, если его сестру убьют!

— Неужели? Что ж, вам известно лучше, — сказал Мак-Нилти. — Но из этого следует, что…

— Понятно. Все равно пришлось бы избавиться от Кейджа. Он не стал бы захватывать астероид, даже если бы на нем не было его сестры и дело не пахло мокрухой. Когда-то мы были приятелями, но последнее время он постоянно создает проблемы. Теперь, когда мы в системе Земли, нам навигатор больше не требуется. Так что убьем его вместе с астероидниками.

— Это не вызовет недовольства среди команды?

Хиски покачал головой:

— У него нет друзей на корабле. Он был нужен нам, вот и все. Если исчезнет, все подумают, что туда ему и дорога. Проблем не будет.

— У меня создалось впечатление, — с сомнением заметил Мак-Нилти, — что он довольно опасный человек.

— Вы правы. Лучше на него не охотиться, когда при нем пушка, — ответил Хиски. — Но не станет же он брать с собой пушку, собираясь в гости на мирный частный астероид, верно? Так что больше можете не думать о Кейдже.

Мак-Нилти ответил, что рад это слышать. Затем добавил:

— Помимо всего прочего, есть еще одна причина, по которой астероидников целесообразно пустить в распыл. Прежде чем демонстрировать своих тозиенов потенциальным покупателям, я должен дать им подвигаться. Пробыв долго на корабле без дела, они обленились.

Хиски внутренне запаниковал.

— Я думал, они всегда готовы к употреблению…

— Нет. Позвольте…

Мак-Нилти потянулся к нагрудному карману куртки, чуть помедлил, потом сделал короткий отрывистый жест. На мгновение за отворотом возникло какое-то переливчатое стекловидное сияние, затем оно исчезло, и за спиной Хиски что-то громко зажужжало. Капитан сидел тихо,

затаив дыхание, ощущая, как кровь медленно отливает от лица.

— Ну что вы волнуетесь, Джейк, — сказал Мак-Нилти, — препарат, который я даю вам и членам вашей команды, вырабатывает иммунитет к тозиенам. Совсем как у Рильфов.

Он поднес руку к уху:

— Ага, вот он доходит до кондиции. Настраивается! Готово — мы его больше не слышим.

Жужжание перешло в еле слышный шепоток, а когда Мак-Нилти замолчал, и вовсе наступила полная тишина. Но невидимое существо продолжало двигаться. Справа и слева, сверху и снизу от своего лица Хиски ощущал краткие дуновения воздуха, словно тозиен изучал потенциальную жертву. Несмотря на уверения Мак-Нилти, капитана сковал ужас.

— Ну, довольно с него, — сказал Мак-Нилти, наконец.

Хиски понятия не имел, чем тот приманил тозиена обратно. На мгновение капитан увидел, как липкий стекловидный лоскут размером примерно с человеческую ладонь уселся у Рильфа на груди, после чего исчез под курткой. Мак-Нилти застегнулся, и Хиски смог вдохнуть немного воздуха.

— Это наглядно демонстрирует мою правоту, — прокомментировал Мак-Нилти, — тозиенов можно было слышать до тех пор, пока я сосчитал до двадцати, причем очень медленно. Сейчас они все такие.

Хиски отер холодный пот со лба.

— Если они… э-э… настраиваются на несколько секунд позже, какое это имеет практическое значение?

Мак-Нилти укоризненно покачал головой:

— За эти несколько секунд кто-то может почувствовать опасность, найти укрытие и сбежать, Джейк! Ни одно инопланетное живое существо не может спастись от тозиенов, если только не находится за прочными стенами или заковано в броню. В этом вся прелесть! Выполняя последний контракт, я выпустил своих тозиенов в центр целой армии, вооруженной и готовой к бою. Мгновенно воздух словно наполнился тысячами невидимых и бесшумных ножей, колющих и режущих одновременно. Некоторые из людей перед смертью тяжело дышали, но не раздалось ни единого крика! Что называется, чистая работа! Вот как это должно выглядеть, когда я буду демонстрировать тозиенов на Земле. И поскольку демонстрировать их буду именно я, пусть моя

стайка малость побалуется кровью на астероиде, потренируется на людях и на экзотической… гм… скотине, тогда мои подопечные снова будут как новенькие.

— Ладно, это ваше дело, — с трудом проговорил Хиски трясущимися губами.

Астероид Элстонов безмятежно парил в пустоте, обращаясь вокруг Солнца по земной орбите. С него никогда не было видно Землю, поскольку ее всегда заслоняло Солнце. Но обитатели астероида ничуть не сожалели об этом, ибо были вполне удовлетворены тем, что видели вокруг. Поверхность маленького мира, еще недавно представлявшего собой ободранную колоду из минералов и вкраплений металла, была бестрепетно превращена в цветущий сад. Атмосфера толщиной всего в каких-то две сотни метров удерживалась панцирем из многочисленных силовых полей, но сказать, чем мелкое астероидное небо отличалось от земного, было трудно. В нем также дули мягкие бризы и дрейфовали капризные тучки, мог даже пойти дождик, но, конечно, исключительно по расписанию. И пусть все эти тучки, бризы, небесная голубизна и дождик были не совсем естественного происхождения, то кого это волновало? Или, во всяком случае, кому это

могло не понравиться?

Вначале была проведена дорогостоящая операция по транспортировке астероида из Пояса, потом установили машины, превратившие поверхность в миниатюрное факсимиле Земли. Далее воткнули в сердцевину астероида источник земной гравитации, вывели наземную орбиту, придали нужную скорость и заставили вращаться вокруг собственной оси за двадцать четыре часа. Еще дороже стоило привезти сюда плодородную почву, посадить избранные растения, расселить избранных животных и разместить прочие аксессуары, необходимые для человеческого бытия, пусть замкнутого, но чрезвычайно комфортного и полного смысла. Однако после того как обустройство было завершено, жизнь на астероиде стала не просто дешевой, а полностью беззатратной. Он сам подпитывал себя энергией, самостоятельно ремонтировался и вообще практически находился на полном самообслуживании. Разнообразные ботанические новации его нынешнего владельца, профессора Элстона, давали обильный урожай, который отправлялся на Землю, и доход от продажи с лихвой покрывал все текущие расходы.

В то утро Дерек Элстон сидел на берегу ми-

ниатюрного озера по-турецки, прислушиваясь и иногда принимая участие в разговоре, который вели его жена Салли и ее подруга, Элизабет Кейдж. У Салли, как всегда, были слегка взъерошены медные кудри, в то время как по плечам Элизабет струились черные как смоль волосы, но Дерек отметил про себя, что обе женщины удивительно похожи — и фигурой, и движениями, и манерами, словно близкие родственницы, скажем, двоюродные сестры. Хотя на самом деле, развивал свою мысль Дерек дальше, обе были просто образцовыми представительницами того типа высоких, миловидных молодых женщин, который становится в Системе все многочисленнее. Они учились на одном курсе в Солнечном Университете до того, как около года назад Салли вышла замуж, и с тех пор они не виделись, пока Элизабет не прилетела на астероид накануне. Прежде чем ее увидеть, Дерек уже знал о ней практически все из рассказов Салли.

Разговор, естественно, шел о брате Элизабет, который должен был появиться на астероиде примерно через час. По тому, о чем говорили подруги, а еще больше по тому, о чем они не говорили, Дерек заметил, как нарастает легкое беспокойство и неуверенность. Разумеется, событие было

радостным и даже торжественным. В том, что Элизабет была на седьмом небе от счастья, не было никаких сомнений. По лицу скользили отражения радужных мыслей, она мечтательно улыбалась, на щеках играл горячечный румянец, глаза блистали. Брат был единственным оставшимся в живых членом семьи Кейджей, и детьми они были очень дружны. Затем последовало восемь долгих лет разлуки, и пока Гарольд не позвонил, она даже не знала, вернется ли он хоть когда-нибудь в Солнечную систему. Она и надеяться не могла на скорую встречу с братом, и сейчас ее просто распирало от радости. Салли, как верная подруга, это чувство разделяла.

* * *

— Голос у него совсем не изменился, — нежно сказала Элизабет. Возникла легкая пауза, поскольку, произнеся эти слова, она нечаянно коснулась того, о чем они не говорили, и о чем, по мнению Дерека, настало самое время поговорить.

— Ему всего двадцать восемь лет, — заметил он. — Ваш брат так молод, а за плечами у него уже восемь лет странствий за пределами Системы.

— Да, это правда, — улыбнулась Элизабет, — Га-

рольду было всего двадцать, когда он окончил навигационную школу Полицейской Академии Системы. Папа работал в полиции Подземного города на Марсе, и я знаю, он хотел, чтобы Гарольд остался работать вместе с ним. Но после смерти папы жизнь в Солнечной системе показалась Гарольду слишком пресной. Ему хотелось настоящих приключений, а еще он стремился разбогатеть. А капитан Хиски как раз набирал себе команду, и взял Гарольда навигатором. Оплата, конечно, была невысока, но члены команды получали процент от общей прибыли.

Она смущенно повела плечами.

— Боюсь, Гарольд особо пока не преуспел, но зато приключений у него было предостаточно. Он мало что успел рассказать, но даже из этого я поняла, что их судно частенько выполняло довольно рискованную работу.

— Но уж капитан-то Хиски и тогда, вероятно, обладал большим опытом в коммерческой деятельности за пределами Системы? — спросил Дерек.

Что-то блеснуло в глазах Элизабет.

— Гарольд сказал, что Хиски в свое время служил на большом грузовом межзвездном судне. Затем смог выкупить собственный корабль.

Она немного поколебалась и добавила:

— Подозреваю, что они брались за любую работу. Но мадам Фортуна им все не улыбалась и не улыбалась, и они едва сводили концы с концами. Или, что тоже возможно, эта капризная дамочка то улыбалась им, то отворачивалась. Хотелось бы, чтобы Гарольд остался в Системе. Но мне почему-то кажется, что он не останется. Он всегда был очень целеустремленным.

— Вы общались с ним регулярно?

— Нет, не регулярно и даже не очень часто. За восемь лет я получила от него семь письмопакетов. Когда кто-то из его знакомых возвращался в Систему и оставлял пакет в Марсе Подземном или Солнечном Университете, я его забирала. Последний пришел полгода назад, но в нем не было ни слова о возвращении корабля или хотя бы о намерении вернуться. Поэтому мне до сих пор не верится, что Гарольд снова здесь.

В ее глазах снова что-то промелькнуло.

— Возможно, — быстро сказала Салли, — он не был уверен, что вернется, и не хотел, чтобы ты надеялась напрасно.

Элизабет кивнула.

— Да, наверное, так оно и было…

Дерек на некоторое время отвлекся от разгово-

ра. «Хм, небольшое торговое судно — само себе голова», так говорила Элизабет. Команда работает из чистого азарта, не брезгуя ничем, все хотят поскорее разбогатеть, а цель оправдывает средства. По крайней мере, часть команды капитана Хиски безуспешно добивалась этой цели долгих восемь лет.

На Земле в подобные игры играли грязно и грубо, но все же подчинялись нескольким общепринятым правилам, нарушать которые никто не решался. За пределами Системы те же самые игры проходили еще грязнее и грубее, и вообще без всяких правил. Энергичный двадцатилетний парень, жаждущий приключений, попадает в подобную обстановку прямиком из тихой гавани Подземного города на Марсе, пройдя через палочную муштру Полицейской Академии… Изменение обстановки должно было тем или иным образом повлиять на него, причем повлиять немедленно и капитально, иначе ему было просто не выжить. Восемь лет в пустоте вполне могли не отразиться на внешности Гарольда Кейджа. Да и в письмах, которые получала Элизабет, могли пройти незамеченными перемены, произошедшие в его сознании. Но она — умница, и примерно представляет себе, как выглядит

жизнь за пределами Системы. Именно поэтому Элизабет, сама того не желая, немного насторожена перед встречей с братом.

Да и Дерек беспокоился, поскольку тепло относился к Элизабет и полагал, что каковы бы ни были ее ожидания, она все же может испытать настоящий шок. Он посмотрел на часы, поднялся на ноги, улыбнулся женщинам, извинился и ушел. Несколько минут спустя он уже сидел, склонившись над передатчиком, и набирал номер.

— Лейтенант Пирс, — ответила трубка. — Кто меня вызывает?

— Майк, это Дерек Элстон.

— Что Полиция Системы может сделать для профессора Элстона? — дружелюбно поинтересовался Майкл Пирс.

— Внесистемное грузовое торговое судно под названием «Горделивая Сью», фамилия капитана-владельца — Хиски. Должно было прибыть день-два назад. У вас что-нибудь на них имеется?

— Минутку, — коротко ответил Пирс.

И, действительно, примерно спустя минуту голос в трубке зазвучал снова:

— Корабль под таким названием находится на территории Системы, профессор. Зарегистрирован на Земле. Последний раз проходил проверку

Полиции Системы около десяти лет назад. О нынешнем владельце сведений нет. Согласно первой записи, они прибыли в Систему трое суток назад. Мы проявили к ним легкую заинтересованность, поскольку владелец не демонстрирует ни малейшего желания проходить таможенный контроль. Конечно, регистрироваться в Полиции Системы необязательно, если судно, во-первых, следует прямиком на Землю, а во-вторых, у нас нет оснований подозревать контрабанду класса «А». Однако они так затейливо кружат по Системе, словно предпочитают не попадаться нам на глаза. Вы думаете, что стоит присмотреться к ним внимательнее?

— У меня пока нет особых оснований так думать, но, по-моему, приглядеться все же стоит.

* * *

Гарольда Кейджа беспокоило многое. Например, то, что Джейк Хиски напросился вместе с ним в гости на астероид. Причем, Джейк ни словом не упоминал о подобных планах до тех пор, пока «Горделивая Сью» не причалила к гравитационному полю астероида Элстонов, где встала на космический якорь. Но когда Гарольд отправился в рубку связи, Джейк уже торчал там, гладко

выбритый, в парадной форме, да еще умудрился успеть переговорить с Элстонами по видеофону. Оказывается, все уже решено. Как ему удалось выцарапать это приглашение, Гарольд так и не понял. Впрочем, когда было надо, Джейк умел продемонстрировать обезоруживающее обаяние. Кроме того, он заставил Элстонов почувствовать, что будет просто вопиюще невежливо, если Гарольд отправится в гости без своего старого друга и начальника. Джейк выключил видеофон и рассмеялся.

— Черт возьми, Гарольд! — сказал он в присущей ему развязной манере. — Ты же не откажешь старине Джейку, который хочет, наконец, поглазеть на настоящую роскошь?

— Нет, не откажу, — выдавил Гарольд, — но если честно, я и сам-то чувствовал себя неловко, навязываясь друзьям Элизабет.

— Ну, парень, да ты вроде чувствительной институтки. Они же сами тебя зазывали, верно? Профессор Элстон и его премиленькая женушка. Я им обязательно понравлюсь, вот увидишь. Эти отшельники-миллионеры, должно быть, просто помирают от скуки на своих астероидах-конфетках, где никогда не случается ничего из ряда вон выходящего. А мы с тобой, дружище, как-никак

межзвездные бродяги! Мы такие байки начнем травить о том, где были и что видели, что они слюной от удовольствия изойдут. Мы же последние романтики в Системе!

Он похлопал Гарольда по плечу:

— Брось хандрить, Элстоны сказали, твоя сестра уже ждет возле шлюза. Надо же, выходя наружу, впервые за столько лет нет необходимости братье собой пушку! Забавно, верно?

И вот шлюпка спустилась на посадочную площадку. Первое, что увидел Гарольд, была Элизабет, не девочка, какой он ее запомнил, покидая Систему, а пугающе взрослая, красивая женщина. Он подумал, что вряд ли узнал бы ее вообще, если бы она не бросилась к нему, смеясь и плача одновременно, как только он вышел из шлюпки, и не прильнула бы к его груди на несколько долгих секунд. Элстоны, очень милые люди, тактично и мягко разъединили их с Джейком, так что уже через несколько минут они вдвоем с Элизабет гуляли по изумрудному, как газон в Гайд-парке, астероиду, и все это было похоже на сладкий сон.

Он боялся, что между ними возникнет известная неловкость, но ничего подобного не произошло. Элизабет принадлежала к числу людей, чье

лицо не способно скрывать чувства, поскольку им нечего утаивать от других. Она откровенно и серьезно изучала брата — глаза, жесткие складки у уголков рта, движения; прислушивалась к его голосу, интонациям; и выражение ее лица лучше всяких слов говорило, что она заметила, как сильно он изменился, и догадывается почему, но принимает это как данность, не осуждая, а сожалея и любя. Он прекрасно сознавал, что есть вещи, о которых говорить не стоит, ни сейчас, ни позже, то есть после того, как будет завершена многомиллионная сделка на Земле. После этого ему придется всегда быть осторожным в разговорах с сестрой, чтобы не сболтнуть лишнего. Ведь Элизабет не подозревала, опа не могла даже представить, насколько же сильно он изменился.

Гарольд все время твердил себе, что у него не было выбора. За пределами Системы иначе не выжить. Какое-то время парни с «Горделивой Сью» были очень разборчивы и не притрагивались к грязной работе. Но это не приносило денег, или приносило, но крайне мало, и грязная работа стала выглядеть в глазах экипажа менее отталкивающе. Затем кое-кто ушел из команды, а кое-кто вообще умер, и на смену выбывшим пришли другие парни, выросшие вне Системы, у

которых были свои представления о том, где находится грань между добром и злом. При случае они не брезговали откровенным разбоем, и если бы все зависело только от одного Джейка Хиски, упомянутая грань была бы стерта безо всяких колебаний.

Однако за пределами Системы классный навигатор считался первым человеком на корабле, а Гарольд к тому времени стал классным навигатором. Хотя если бы он даже им не стал, то все равно оставался первым человеком на «Горделивой Сью», поскольку в каких-то вещах Хиски зависел от него все больше и больше. Поэтому иногда Гарольд мог позволить себе не браться за ту или иную работу, если она выглядела уж слишком неприглядной. Его за это невзлюбили. Однако со временем он стал еще и отличным стрелком. В случае необходимости мог лишний раз замарать руки кровью, так что навигатор Кейдж мог без особой опаски продолжать идти своим курсом.

А последняя сделка, сделка настолько крупная и выгодная, что она одна могла с лихвой окупить все восемь лет скитаний, заключалась в том, чтобы высадить на Земле сородичей Мак-Нилти вместе с их страшным оружием — рильфскими тозиенами. Гарольд много думал о ней и не раз

готов был отказаться от соучастия в этом деле. Хиски, конечно, в первую очередь защищая свои интересы, уговаривал своего навигатора, напирая на то, что это — совершенно законный бизнес. И был, без сомнения, прав. Принятые на Земле критерии, по которым то или иное оружие разрешалось применять, состояли лишь в гарантии неких границ его воздействия. Несмотря на свою активность тозиены убивали в течение всего двух суток, действуя в радиусе менее двадцати километров. Это прекрасно вписывалось в допустимые законом рамки.

Кроме того, подобная новинка появится на Земле совершенно неожиданно и к тому же впервые, что делает ее еще более ценной для покупателя. Земля пока ничего не знала о Рильфах, а у Хиски имелись знакомые, которые умели обделывать подобные аферы с максимальной выгодой для всех участвующих сторон. Куш обещал быть большим, и все должны получить свою долю. После того, как первая дюжина так называемых мини-войн подойдет к внезапному и страшному концу, для «Горделивой Сью» все будет, разумеется, кончено. Мак-Нилти пойдет по рукам и сможет в дальнейшем обходиться без посредников. Но к этому времени в команде не останется

никого, кто не станет достаточно богат для того, чтобы спокойно выйти в отставку.

Джейк неоднократно подчеркивал, что затеянное ими дело, если угодно, не более грязное, чем обычно. Разная шушера на Земле периодически мочила друг друга, одной шайкой больше, одной меньше — какая разница, если в руки той или иной из них попадет новое оружие?

Нельзя сказать, что аргументы были особенно убедительны, но Гарольд все же согласился, поскольку знал, что для Джейка это последний шанс, и что Джейк тоже это знал и потому вцепился в него мертвой хваткой. Он был на пятнадцать лет старше Гарольда, а выглядел еще лет на десять старше. Жизнь вдалеке от Системы, в конце концов, доконала пройдоху. Если Гарольд уйдет, Хиски не сможет провернуть сделку с Рильфами в одиночку, поскольку не доставит их армаду на Землю без навигатора. Гарольд не мог подвести капитана. Если восемь лет летаешь с человеком на корабле, бьешься за него, прикрываешь его спину, а он прикрывает твою, если вы побывали за это время вместе в стольких передрягах, что другим хватило бы на целую жизнь, трудно отвернуться от товарища, когда ему осталось подбить итоги. Ладно, подумал Гарольд, сыграем еще

одну игру, хоть она и грязная. Затем наши пути разойдутся. От закадычной дружбы все равно уже давно ничего не осталось. Если Полиция Системы не остановит «Горделивую Сью», то она высадит Рильфов на Землю. После этого Земля уже не сможет тронуть команду Хиски, даже если все узнают, что эти парни натворили. В конце концов, ничего противозаконного они не делают.

Правда, Гарольд надеялся, что об этом узнают не все. Он рассказал Элизабет, что «Горделивая Сью» вернулась в Систему, чтобы провернуть одно очень важное и конфиденциальное дельце, о котором он не вправе рассказывать. Если все пройдет более-менее успешно, то он сможет надолго забыть о космических странствиях. Девушка, по-видимому, обрадовалась и не стала задавать лишних вопросов. Гарольд спросил, чем она занималась все эти восемь лет, ведь до него не дошел ни один письмопакет из тех, что она посылала. Вскоре Элизабет уже беззаботно болтала и смеялась. Прошлое вдруг куда-то исчезло, и он вполне мог представить, что гуляет по парку в Подземном городе на Марсе, а не по удивительно обихоженному и цветущему астероиду. Время от времени какие-то осененные рогами животные типа благородных оленей выглядывали из

кустарника и провожали брата с сестрой пристальными взглядами…

* * *

— Мистер Кейдж! Элизабет!

Гарольд остановился. Ему пришлось прищуриться, поскольку зрелище, представшее перед глазами, было похоже на оптическую иллюзию. Слева от тропинки, по которой они прогуливались, возвышалась ровная отвесная скала. Именно в ней неожиданно открылся проход, из которого вышла Салли Элстон и с улыбкой направилась к ним.

— Я вас ищу по всем сканерам, а вы вот где, — сказала она подруге и повернулась к Гарольду:

— Мистер Кейдж, почему вы не сказали, что у вас на борту такой потрясающий инопланетянин? Если бы капитан Хиски случайно не проговорился…

— Инопланетянин? — перебила Элизабет.

— Да, моя дорогая. Некто по имени Рильф. Дерек уверен, что о его расе не знают даже в Солнечном Университете. Капитан Хиски и мистер Кейдж везут его на Землю с коммерческой миссией, представляешь? По словам Дерека, это поистине историческое событие!

Гарольд онемел от возмущения. Да Джейк просто с ума сошел — говорить о Мак-Нилти и Рильфах с Элстонами!

Элизабет бросила на брата мимолетный взгляд, как бы спрашивая, не это ли то самое важное секретное дело, о котором он говорил.

— У него есть и вполне человеческое имя — Мак-Нилти! — с гордостью продолжила Салли и добавила, улыбнувшись Гарольду: — Должна признаться, мне от него стало немного не по себе!

— Он здесь? — услышал собственные слова Гарольд. — Мак-Нилти здесь, на астероиде?

— Ну, конечно! Мы пригласили его. Когда капитан Хиски…

— Сколько времени он здесь?

Женщина испуганно посмотрела на него, пораженная резкостью тона.

— Примерно, минут двадцать, а что?

— Ничего!!! — проревел Гарольд сиреной. — Только не задавайте никаких вопросов!

Он взял женщин за руки и быстро потянул к проходу в скале.

— Вам известно, где сейчас Мак-Нилти?

— Кажется, они все — мой муж, капитан Хиски и Мак-Нилти — отправились в рубку, где расположен пульт управления. Мак-Нилти сказал,

что ему очень интересно знать, каким образом управляется астероид.

Все ясно.

— Вы не посылали за ним? — спросил Гарольд. — Его привезла корабельная шлюпка?

— Да скажите вы, в чем дело, мистер Кейдж? Что-нибудь…

— Шлюпка все еще здесь, — уже с уверенностью сказал Гарольд. — Она в шлюзе силового поля.

— Думаю, да, — подтвердила миссис Элстон. — Впрочем, я не знаю.

— Ладно, — сказал Гарольд, когда они остановились перед проемом в скале. — А теперь слушайте меня внимательно, поскольку времени у нас в обрез!

Он сделал короткий глубокий вдох.

— Первое, где размещается пульт управления?

— В здании рядом с космошлюзом, — ответила Салли. — Это административное здание, вы его видели, когда прилетели.

Обе женщины смотрели на навигатора в упор, на их лицах застыло выражение недоумения и тревоги. Гарольд кивнул:

— Да-да, помню. Вы двое и все остальные астероидники — в смертельной опасности! Мак-Нилти — настоящее чудовище. У него есть особое ору-

жие. Единственное, что может вас спасти — это спрятаться за очень прочными, запертыми на все засовы дверьми. Надеюсь, вы сумеете предупредить профессора Элстона и всех остальных, чтобы они сделали то же самое. Все, кто останется снаружи, вне прочных стен, погибнут, как только Мак-Нилти выпустит своих тварей. И погибнут мгновенно! Все, кроме команды «Горделивой Сью». Если за несколько минут вам удастся раздобыть передатчик, позвоните в Полицию Системы. Попросите их немедленно лететь сюда и любой ценой высадиться, только пусть наденут бронекостюмы. Скоро к передатчикам будет не добраться, так что вы должны поспешить.

Он взглянул на побелевшие лица.

— Не смотрите на меня так, я вовсе не сошел с ума! Хиски мог рассказать вам о Мак-Нилти, а Мак-Нилти, в свою очередь, показаться вам лишь по одной причине — ими принято решение захватить астероид.

— Но зачем? — закричала Салли.

— А затем, что мы — кровожадные пираты, и больше ничего! Затем, что они хотят использовать астероид.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Идите внутрь, заприте дверь, и побыстрее!

Если повезет, то останетесь живы.

Так вот, значит, почему впервые за сколько лет не нужно было брать пушку, выходя наружу из корабля! Сказав это, Джейк Хиски был уверен, что навигатор, вопреки привычке и бессознательному инстинкту, не возьмет с собой оружие на мирный астероид Элстонов, где его ждала встреча с родной сестрой. Мерзавец знал, что я не буду участвовать в захвате, подумал Гарольд, даже если бы речь не шла о жизни Элизабет.

Как только замаскированная дверь в скале захлопнулась, он понесся прочь гигантскими прыжками. Поверхность астероида была покрыта искусственными холмами, склоны которых то полого поднимались, то резко опускались, обнажая кое-где ровные плиты исходных пород. Купы деревьев, заросли кустарника, искусственная почва, засеянная травой. Космошлюз должен был располагаться не дальше нескольких сотен метров отсюда, но Гарольд пока его не видел. И никто не мог увидеть шлюз, пока не приблизится к нему вплотную. Салли Элстон сказала, что нашла своих гостей по показаниям сканеров. Хиски с Мак-Нилти могут найти Кейджа таким же образом, но они не станут этого делать, пока не завладеют пультом управления. Процедура

захвата стандартна… как можно скорее найти главный процессор установки, взять его под контроль, и все вокруг замрет, в один миг став беззвучным и беспомощным.

На мгновение Гарольд помедлил. Странное ощущение, похожее на вибросигнал, прозвенело в ушах и прокатилось далее — по всем нервам. Оно длилось несколько секунд, утихло, затем снова возникло и снова утихло. Внезапно прямо перед ним, на холме, появилось стадо серовато-коричневых животных, похожих на крупных антилоп с толстыми витыми рогами. Около полутора десятков их мчалось во весь опор с холма. При их появлении он было подумал, что Мак-Нилти выпустил тозиенов, но тут же понял, что ошибся. От тозиенов нельзя убежать, просто не успеть. Стадо с дробным топотом пересекло тропинку в нескольких метрах перед навигатором, шумно продралось сквозь кусты и как будто должно было расшибиться на полном ходу об отвесную скалу. Но в последний момент в скале образовался проход, подобный тому, из которого вышла Салли, только в несколько раз шире. Сталкиваясь и отпихивая друг друга, антилопы влетели внутрь, и, пропустив последнюю из них, проход немедленно исчез.

Все произошло в одно мгновение. Навигатор припустил по тропинке, размышляя на бегу. Что это за странное ощущение, которое словно включалось и выключалось? Сигнал тревоги? Сигнал, на который даже животные были обучены реагировать немедленным бегством, сигнал «в укрытие», столь властный, что на поверхности мгновенно не осталось ни одного живого существа, способного на него откликнуться. Значит, астероидники были готовы с невероятной быстротой отразить угрозу. Но какой угрозы здесь следовало опасаться?

Больше бегущих зверей Гарольд не видел, он вообще не видел никаких зверей. Через минуту звон в нервах прекратился. Космошлюз был уже близко. Избегая тех лениво вьющихся, галантно пересекавшихся друг с другом тропинок, по которым он бродил с Элизабет, навигатор гнал по склонам напролом, стараясь избегать открытых участков, если это не замедляло бег. Наконец, вынырнув из рощицы на гребне маленького холмика, он увидел административное здание, точнее его угол теплого коричневого цвета с блестящей черной отделкой — остальная часть была скрыта за деревьями. Никого не было видно, но теперь он пошел крадучись, стараясь держать-

ся поблизости от кустов. Пройдя еще метров сорок, он вышел к месту, откуда можно было детально рассмотреть посадочную площадку под космошлюзом. В центре площадки возвышалась шлюпка «Горделивой Сью» с открытым входным люком. Других посадочных модулей не наблюдалось.

Над шлюпкой тоже не было видно ничего кроме имитированного земного небосвода. Если бы космошлюз был активирован посредством энергетических растяжек, окружавших астероид, это дало бы о себе знать. С места, где стоял Гарольд, четко был бы виден цилиндр холодного яркого огня изумрудного цвета. Толщина его свечения зависела от того, насколько необходимо было растянуть шлюз. Чтобы впустить «Горделивую Сью», его пришлось бы растянуть достаточно сильно, именно это, без сомнения, собирался сделать Хиски. Что бы он ни успел провернуть на данный момент, посадить корабль на астероид ему еще не удалось.

Хоть шлюпка была невелика, в ней свободно могли разместиться восемь-девять человек, примерно половина экипажа. Засада до поры до времени должна была не показываться и ждать приказа Хиски на выход. Входной люк был от-

крыт, стало быть, приказ пираты уже получили и наверняка находятся внутри административного здания. Другими словами, захват астероида начался. Варне, второй Рильф, и остальная часть команды еще оставались на корабле. Если они объединятся с пиратами, высадившимися на шлюпке, положение астероидников станет практически безнадежным. Дела и без того были плохи, но, по крайней мере, вокруг не заметно следов рильфских тозиенов. Возможно, Джейк Хиски не встретил сопротивления со стороны людей Элстона и предпочел не доводить дело до смертоубийства.

Однако прикончить меня постарается в любом случае, с горечью подумал Гарольд, просто, чтоб я не вмешивался…

У нападавших не было времени для того, чтобы найти его по показаниям сканеров, но они могли выставить охрану у входа в административное здание и при случае напасть из засады. Небольшой живописный островок из деревьев и кустарников перед входом казался для этого наиболее подходящим местом.

Голубая с золотом птица размером раза в два крупнее голубя выпорхнула прямо из-под ног, и каждый взмах сильных крыльев поднимал ее все

выше и выше. Гарольд испуганно (ведь это могло предупредить противника о его появлении) припал грудью к земле, продолжая следить за птицей. Она быстро поднялась метров на десять, затем ее что-то ударило в крыло, разорвав на мелкие части.

Это произошло мгновенно, точно взрыв. Летящее тело вмиг превратилось в цветные лоскутки и кровавые ошметки, которые тут же рассыпались на еще более мелкие частички, еще и еще, после чего они спланировали на землю. Значит, пираты, в конце концов, решились на убийство, и Мак-Нилти выпустил тозиенов. Не всех, конечно. В его груди они гнездились тысячами, и лишь небольшая часть от этой армады требовалась для того, чтобы прочесать всю поверхность астероида и незащищенные броней помещения, уничтожая на своем пути все живое, которое имело несчастье быть достаточно крупным, чтобы привлечь внимание. Должно быть, их выпустили всего несколько секунд назад, иначе он уже ощутил бы их присутствие. И сразу Гарольд почувствовал этот жуткий, едва уловимый шелест вокруг — невидимые исчадия Рильфа слетались вниз, к его пока еще живому телу. Препарат, который Гарольд получал вместе с членами

экипажа «Горделивой Сью», отпугивал тозиенов — они шарахались в сторону от навигатора и неслись дальше. Да, по-видимому, астероидники, не сумевшие вовремя найти убежище, или уже погибли или погибали в эти секунды.

Он отогнал от себя страшную мысль и бросился вперед. Начав убивать, Джейк Хиски и Мак-Нилти на этом не остановятся. Сейчас они — явно у пульта управления, завершая захват астероида. Когда первая стадия будет завершена, они посадят корабль на площадку и начнут искать тех, кто спрятался и выжил.

* * *

У административного здания караулил Том Коник. Недалекий малый, но меткий стрелок. В обычных обстоятельствах он сохранял полнейшую невозмутимость — настоящий наемный убийца. Прикрывшись кустом, он расположился неподалеку от единственного входа в здание, держа энергетическую пушку на боевом взводе. Ему было известно, что Гарольд не вооружен. Если отступник захочет проникнуть в здание, то обязательно пройдет мимо зарослей, откуда Коник без труда сможет всадить ему заряд. Все должно пройти без сучка без задоринки.

Однако некоторые затруднения создавали тозиены Мак-Нилти. Обычное спокойствие Коника на сей раз изменило пирату. Он делал много беспорядочных мелких движений, тряс головой, вздрагивал, прицеливался куда-то и тут же опускал руки. Гарольд прекрасно его понимал. Невидимый жуткий рой проявлял интерес и к нему, каждую секунду он чувствовал у самого уха тихо жужжащего тозиена, и по телу пробегали мурашки. Он знал, так же как и Коник, что члены команды защищены от маленьких тварей. Теоретически. Однако не хотелось даже допускать мысль о том, что какой-нибудь тозиен может спросонья не разобраться и выпустить жало с фатальным для своего союзника-человека результатом. Впрочем, пока это было навигатору на руку. Коник бросал по сторонам испуганные взгляды, то и дело оборачиваясь, чтобы посмотреть, что творится за спиной. Он чувствовал опасность, но все же сильно недооценил ее, ибо Гарольд Кейдж восстал из подлеска у него сзади с двумя увесистыми булыжниками в руках.

Навигатор мягко послал первый булыжник вверх по гиперболе. Камень свечой взвился над головой у Тома, затем рухнул вниз, у самых его ног. Нервы Коника не выдержали, он издал при-

душенный вопль ужаса, ткнул своей пушкой направо и налево и, сгорбившись, уставился на камень, который, точно посланец смерти, свалился с искусственного небосвода. Вряд ли он услышал сухой треск, когда Гарольд вынырнул из кустов, в два шага преодолел разделяющее их расстояние и довершил божью кару — второй булыжник размозжил затылок Коника.

Теперь у Гарольда было оружие, а в команде Джейка Хиски для поисков выживших на астероиде людей стало на одного человека меньше. В кармане убитого Гарольд обнаружил зарядный блок для пушки. Возможно, где-то поблизости прятался второй страж, хотя Гарольд, прежде чем наброситься на Коника, подробно изучил окрестности. Нет, все было тихо, отряд не заметил потери бойца. Но кто-то мог остаться дежурить на входе в здание изнутри.

Для проверки навигатор решил подкрасться ко входу. Внезапно на самой границе территории космошлюза он заметил мерцающее зеленоватое сияние, которого раньше не было. Он быстро оглянулся. Позади него воздух тоже переливался зеленью, словно тончайший, почти невидимый занавес свисал с искусственного неба и упирался в неровности искусственной почвы. Он наставил

на занавес лучевую пушку Коника и нажал на курок. Занавес ярко блеснул, но от выстрела не разорвался и даже не прогнулся. Справа и слева, позади административного здания, в воздухе наблюдался такой же переливчатый эффект.

Ба, да это же энергетические экраны. Приведены в действие несколько минут назад. Но кем? Они огромным колпаком накрыли территорию космошлюза. Если экраны включились до того как Мак-Нилти выпустил тозиенов, то они по-прежнему теснятся здесь, на пятачке, ограниченном административным зданием, если только не нашли себе выход через подземные коммуникации здания. Возможно, экраны поднялись не сейчас, а гораздо раньше, ведь он думал только о том, как подобраться поближе к захватчикам, и не замечал, что творится вокруг. Сразу забрезжила надежда, события начали складываться в логическую цепочку: настойчивый беззвучный сигнал тревоги, возникший почти сразу после того, как была предупреждена Салли Элстон, проход в скале, который открылся и снова закрылся, пропустив антилоп. Маленький астероид умел постоять за себя и этим процессом определенно кто-то руководил. Однако это не делало менее важной другую задачу — не допустить

посадки «Горделивой Сью» со всем экипажем и ее рильфскими союзниками, пока сопротивление не сломлено окончательно.

* * *

Как Гарольд и предполагал, в вестибюле здания торчал еще один из его бывших товарищей. Этот отзывался на имя Дионисио.

— За чем стало дело, Дионисио? — спросил навигатор Кейдж, внезапно появившись на пороге. — Почему не двигаемся дальше?

Дионисио был значительно смышленее Коника, но он тоже был напуган тозиенами, потому на мгновение растерялся. Ему сказали, что навигатор на этот раз взял курс на тот свет, но еще ему сказали, что навигатор безоружен и ни о чем таком не догадывается. И вот появляется навигатор, пушка на взводе, взгляд, как обычно, не сулит ничего хорошего, и высказывается он так, словно не хуже самого капитана владеет обстановкой. Кроме того, был и еще один повод для беспокойства, а именно, непревзойденное искусство навигатора в обращении с лучевым оружием. Все это заставило Дионисио несколько раз мигнуть, облизнуться, откашляться и, наконец, вымолвить:

— Э-э…

— Шкипер очистил пульт управления?

— Да, полагаю так, сэр…

— Ты полагаешь так?

— Меня там не было, сэр, — глухо сказал Дионисио, нервно следя за пушкой, которой непринужденно помахивал навигатор Кейдж. — Я сидел в шлюпке. У нас у всех появилось вдруг такое странное чувство… Сразу после этого нас позвал шкипер, и мы вышли. Шкипер приказал искать людей.

— В здании?

— Э-э… да. Шкипер и Мак-Нилти стояли возле пульта, с ними было пять или шесть человек местных. Потом шкипер оглянулся, а эти местные все как сквозь землю провалились.

Навигатор презрительно скривил губы:

— Прямо взяли и провалились?

— Так мне, во всяком случае, показалось, — предположил Дионисио осторожно.

— Сейчас все наши внутри?

— Э-э… да.

— И что они там делают?

— Взрывают стены. Ищут, э-э… потайные двери.

— Ищут потайные двери! — уже с нескрывае-

мой яростью повторил навигатор Кейдж. — А что здесь в таком случае делаешь ты?

Дионисио тяжело сглотнул.

— Я, э-э… смотрю, не идет ли кто.

— Ага, кто-то идет, а за ним стайкой бравые тозиены, да? Да ты что, спятил? Кто остался в шлюпке? Ведь все остальные из нее вышли?

— Да, в шлюпке никого нет…

Тут Дионисио запнулся, ибо хотел быстро повернуть ствол своей пушки. Дело в том, что в этот момент навигатор Кейдж бросил взгляд туда, где на посадочной площадке стояла шлюпка. Ситуация с появлением вооруженного отступника выглядела очень странной, но пират был уверен, что шкипер не станет оплакивать смерть навигатора Кейджа, а ему, Дионисио, и подавно наплевать на этого задаваку. Но он не успел довершить задуманное и рухнул лицом вниз, поскольку навигатор Кейдж был, в конце концов, не так глуп, чтобы зевать по сторонам и не замечать чужих поползновений, если на кон была поставлена его жизнь.

* * *

Сразу за входом уходил вглубь здания широкий освещенный коридор. Разговаривая с Дионисио,

Гарольд как будто слышал доносившиеся оттуда голоса, но сейчас все стихло. Он бегло осмотрел экипировку на убитом, обнаружил упакованный респиратор и надел его. Потом скинул свой пиджак, натянул выцветшую коричневую куртку Дионисио и приладил на голову чужую кепку с козырьком, лихо сдвинув набекрень, как имел обыкновение делать ее покойный владелец. Едва он покончил с переодеванием, как из глубины здания донесся тяжелый глухой удар, затем еще один. Понятно. Джейк Хиски пытался проломить стены в поисках потайных ходов, по которым от него ускользнули профессор Элстон и все, кто работал в административном здании, как только был отдан сигнал экстренной тревоги. Подлый пират их найдет, если, конечно, будет искать достаточно долго, а как только разберется с тем, как работает космошлюз, «Горделивая Сью» появится здесь со своим мощным вооружением.

А пока Гарольду досталась еще одна пушка. Он без зазрения совести ее присовокупил к первой и оттащил тело к стене у входа, где его невозможно было заметить. Потом мягко, чтобы не бухать ботинками, побежал по длинному коридору. Перед глазами то и дело блистали неясные стекловидные очертания, это тозиены продолжали

охотиться. По правой стороне коридора навигатор насчитал пять дверей — все были заперты. Через двести метров коридор поворачивал направо. Добравшись до угла, навигатор снова услышал голоса, надрывались трое или четверо. Причем делали это хрипло и возбужденно. И все разорялись одновременно. Ха, а можно различить среди них голос Хиски? Аммиачный запах энергетических бомб начал слегка раздражать ноздри.

Гарольд завернул за угол, не раздумывая и не медля. Нижняя часть его лица была скрыта респиратором, и хотя Дионисио был примерно на пару сантиметров ниже его ростом, не особенно сильно отличался от навигатора комплекцией, по крайней мере, занятые делом люди должны были принять его за своего. Хотя бы на несколько секунд.

Впереди, метрах в двадцати, пол был покрыт обломками цветной пластиковой мозаики, в левой стене зияла огромная дыра, выбитая бомбой. Сначала навигатор увидел двоих, что напряженно ожидали за самоходной пушкой, нацеленной на дыру. Затем услышал охрипший от бешенства голос Хиски, выкрикивавший: «Быстрее! Быстрее, пульсар побери!» В дыре что-то сверкнуло,

изнутри шумно застучали падающие обломки, от ядовитых испарений было не продохнуть. Хиски и, по меньшей мере, еще четверо его бойцов находились здесь. Нужно было с ними смешаться.

Один из тех, кто стоял возле пушки, равнодушно взглянул на респиратор и отвернулся. Гарольд проследовал мимо. Дыра в стене была широкая и глубокая, ибо пиратам удалось обнаружить проход, но оказалось, что он перекрыт броневым щитом буквально через несколько метров, и на этот раз броня наскоку не поддавалась. Вместе с Хиски сломить ее упорное сопротивление пытались еще трое. То и дело вспыхивали обломки на полу, внутри взломанного прохода ухали разрывы. И какой дурак оставил две неиспользованные бомбы валяться без дела на груде рваного пластика? Гарольд сгреб их по пути, обернулся и увидел, как капитан Хиски смотрит на него, открыв рот от удивления, а рукой тянется к пушке.

Гарольд, не раздумывая, упал за груду, утопил внутрь предохранитель одной из бомб и швырнул ее в проделанный в стене пролом. Вторая бомба полетела в направлении самоходной пушки. Обе успешно достигли цели, а у Гарольда от грохота заложило уши. Груда обломков поднялась еще выше, над ней нависла туча пыли. Гарольд выта-

щил свою пушку и встал из-за прикрытия.

Пираты валялись там, где их застала двойная взрывная волна. И только Хиски каким-то чудом устоял на ногах и теперь приближался, почти достигнув груды пластика. Если не ты, то тебя! Навигатор нажал на курок. Глядя на окровавленную голову бывшего приятеля, Гарольд внезапно ощутил, как по пищеводу, или, что там еще в животе, поднимается комок. Точнее, волна горького сожаления. Ему вдруг невероятно ярко представился день, когда они с Джейком Хиски впервые направили свой корабль прочь от Солнца. Навстречу невероятным приключениям. Как это больно, Джейк, подумал он, как это ужасно, что восемь лет совместных приключений заканчиваются вот так.

Из первой группы захватчиков оставались Мак-Нилти и еще один, самое большее, два человека. С ними следовало покончить, пока не прибыло подкрепление.

Мак-Нилти должен находиться рядом с пультом управления.

Гарольд пошел дальше по коридору. Нигде не слышалось ни звука. Вот и открытая дверь. Навигатор осторожно приблизился и заглянул внутрь. Просторное офисное помещение, пол-

дюжины рабочих столов, оргтехника, шкафы во всю стену, несколько створок распахнуто. Еще несколько минут назад здесь работали люди. Затем их настиг сигнал тревоги, и они исчезли, подобно призракам растаяв в воздухе. В дальнем конце помещения виднелась еще одна дверь. Когда он направился к ней, в проеме выросли две фигуры. Раздались выстрелы. Но еще до этого Гарольд бросился под прикрытие ближайшего стола. Стрелки тоже быстро нашли себе защиту, укрывшись за дверью.

Началась перестрелка в лучших традициях вестерна, стремительная и беспощадная. С одной стороны справедливый шериф, с другой — скверные парни. Ими оказались Хардинг и Руз, одни из лучших стрелков в команде «Горделивой Сью». Офисная мебель, несмотря на свой хрупкий элегантный вид, была сделана из чрезвычайно прочного пластика, но уже через минуту она разлетелась в щепки, точно под ударами молота. Гарольд израсходовал весь запас энергии своей пушки, прежде чем смог поразить Хардинга. А Руз тем временем остервенело лупил по столу, за которым укрылся Гарольд. С каждым выстрелом укрытие навигатора становилось все менее и менее надежным. Наконец Гарольд решил ис-

пытать судьбу, бросившись с низкого старта к другому столу, и, лишь достигнув нового укрытия, почувствовал, что противник успел всадить заряд в ахиллесово сухожилие — правая нога только что не разрывалась от боли, охватившей ее снизу доверху. Во всяком случае, рана была не смертельной, хотя любое поражение лучевым оружием — вещь весьма неприятная. Зато теперь за Гарольдом было тактическое преимущество, и, лежа за новым столом, он мог сколько угодно поливать Руза из своей пушки, что он и стал делать. Руз продолжал ожесточенно сопротивляться, но уже без особого эффекта. Наконец ему надоело гонять мяч у края корта, и он попытался повторить выход Гарольда к сетке, где и был расстрелян в упор. А уже секунду спустя и вторая пушка в руке Гарольда прошипела опустошенно и обессиленно.

Руз был скрыт за низкой тумбой, виднелись только его башмаки. Тело неподвижно вытянуто, ноги не шевелились. Возможно, притворяется, подумал Гарольд и тут же отбросил эту мысль. Он ясно видел, что попал Рузу в голову; даже при минимальном энергетическом разряде такое ранение, безусловно, означало мгновенную смерть. Однако он не двинулся с места, а потянулся к за-

пасному зарядному блоку, добытому из кармана Коника. Секундное ощупывание собственного кармана подсказало, что зарядника там нет. Наверное, во время потасовки выпал и затерялся.

Но такой же зарядник наверняка должен быть у Хардинга. Гарольд медленно выполз из-за стола и повернулся к распростертому телу.

Внезапно он увидел, что к нему по ярко освещенному офису, мягко и тяжело ступая, двигается Мак-Нилти, сжимая в человекоподобной руке толстую металлическую иглу.

Гарольд скользнул обратно за стол. Мак-Нилти сделал профессиональный выпад длинной иглой через стол, затем попытался обежать вокруг. В это время его фигура странно расплылась. Воздух наполнился басовитым жужжанием, означавшим, что грудная клетка Рильфа извергает очередную порцию тозиенов.

Цель данного маневра была очевидна. Тозиены не могли причинить человеку вреда, но могли сбить с толку. Гарольда мгновенно окружило многократное жужжание, а стены офиса стали поблескивать, словно бурлящий сахарный сироп. А вот Мак-Нилти, напротив, чувствовал себя как рыба в воде. Он действовал неуклюже, но непреклонно и стремительно, восковое лицо

бешено кривилось за прозрачным экраном из плотно толкущихся тозиенов. В течение одной или двух минут, показавшихся сущим кошмаром, все, что мог сделать Гарольд, так это следить, чтобы между ним и Мак-Нилти все время находился какой-нибудь из предметов мебели. Мак-Нилти не оставлял ему никаких шансов добраться до пушек Руза и Хардинга. Но неуклюжесть, непреклонность и стремительность подвели Мак-Нилти: он споткнулся об обломок стула и упал. Так же неуклюже, непреклонно и стремительно. Гарольд в это время находился в эпицентре тозиеновой бури, но все же ему удалось выхватить смертоносную иглу из цепких лап Рильфа. Мак-Нилти вскочил на ноги, но навигатор уже целеустремленно ринулся на него, крепко сжав иглу руками. Ее кончик глубоко вошел в ту часть тела инопланетянина, которой рильфские хирурги старательно придавали форму человеческого живота. Гарольд ничего не знал об анатомическом строении Рильфов и понятия не имел, где находятся их жизненно важные органы, но игла, несомненно, попала в один из них. Пасть Мак-Нилти безобразно раззявилась. Если при этом Рильф и издавал какие-либо звуки, то они тонули в металлическом жужжании.

Огромное тело изогнулось, сначала в одну сторону, потом в другую, потом тяжело завалилось на спину и затихло. Рукоятка массивной иглы еще торчала из его живота, глаза оставались открытыми, но жизнь в них угасла.

Гарольд на секунду откинулся назад, чтобы немного отдышаться. Тозиены все еще клубились с методичным жужжанием подобно рою гигантских металлических насекомых вокруг инопланетянина, но ряды их заметно поредели, так что видимость в офисе улучшилась. Вдруг один из них присел на грудь Мак-Нилти и прилип, затрепетав мелкой дрожью. Затем другой, третий. Через минуту все тело Мак-Нилти было покрыто ими, жуткие твари ползали по нему точно навозные мухи. При виде этого отвратительного зрелища у Гарольда побежали мурашки. Тозиены, по-видимому, представляли собой различные части организма Рильфов, пластичные, твердые или острые как бритва, в зависимости от выполняемых функций. Отдаленные предки Мак-Нилти были хищными животными, возможно, чересчур неуклюжими для того, чтобы гоняться за смышленой и ловкой добычей. Это заставило их выработать в себе способность отделять некоторые части собственного тела,

которые самостоятельно убивали жертву, подобно тому, как когда-то давным-давно на Земле люди придумали соколиную охоту. Мак-Нилти использовал своих тозиенов, выпуская их на время для поражения конкретной жертвы и затем заставляя вернуться. Научить их улетать от хозяина навсегда, тысячами, для совершения массовых убийств, было, вероятно, позднейшим достижением рильфской цивилизации. При этом тозиены разлетались на полтора десятка километров, в течение пятидесяти часов уничтожали все живое, затем их яростная энергия угасала, и они погибали.

У Хардинга оказался при себе свежий зарядник, и Гарольд смог перезарядить пушку перед тем, как сунуть в карман. Он напоследок взглянул на неподвижное, покрытое страшным прозрачным ковром тело Мак-Нилти и вышел из офиса в дверь, противоположную той, в которую вошел. Как оказалось, к Мак-Нилти вернулись не все тозиены. Несколько десятков еще металось по округе, некоторые даже пристроились к Гарольду, привлеченные его передвижениями.

Он знал об этом, поскольку теперь эти маленькие твари были отнюдь не беззвучны, они издавали теперь не только жужжание, но и сла-

бый свист. Видимо, смерть Мак-Нилти как-то повлияла на их жизненные процессы, во всяком случае, они перестали проявлять к Гарольду повышенный хищнический интерес.

Немного прихрамывая, так как заряд, угодивший в ногу, давал о себе знать, Гарольд направился по узкому проходу к следующей двери. Спустившись на несколько ступеней, он увидел перед собой ярко освещенный, но абсолютно безлюдный пульт управления, который тихонько и деловито гудел: Гарольд осмотрелся.

Он сразу же отыскал клавиатуру, управляющую космошлюзом, но она привела навигатора в замешательство. Согласно показаниям приборов, космошлюз был открыт до предела. Однако тут же, на экране монитора, можно было видеть, что на посадочной площадке маячит одинокая шлюпка, а индикатор силового поля над космошлюзом указывал на то, что он не только не открыт, а напротив — крепко заперт. Гарольд быстро защелкал нужными вроде переключателями, но показания приборов не изменились ни на йоту. Он сердито посмотрел на непокорные индикаторы, поставил переключатели в безопасное положение и занялся осмотром других приборов.

Через минуту ответ был найден. Навигатор сел

на какую-то тумбу и издал короткий жесткий смешок. Не удивительно, что Джейк столь яростно долбил стены в поисках скрытых ходов, ведущих вглубь астероида. Пульт управления был мертв. Он не был обесточен, аппаратура прикидывалась работающей, но ничего не делала.

Совершенно ничего.

Он сделал долгий глубокий вдох и поднял очи горе:

— Кто-нибудь меня слышит? — громко спросил он. — Кто-нибудь меня видит?

* * *

Мгновенно раздался взволнованный гул голосов, мужских и женских.

— Элизабет?

Прямо напротив пульта обнаружился направленный микрофон.

— Элизабет? — спросил он, чувствуя, как в горле поднимается ком.

— Я здесь, Гарольд, мы все здесь! — возбужденно произнес голос Элизабет, — Гарольд, мы тебя не видели и не видим сейчас, мы не знали, что происходит…

— Сканеры, мистер Кейдж, — вступил в разговор Элстон. — В вашей секции произошло

короткое замыкание. Сканеры отключились. Мы боялись привлечь к вам внимание, если заговорим. А еще…

— Понятно, — откликнулся Гарольд. — Позвольте же напомнить, профессор, что дело еще не закончено. Капитан Хиски и все, кто спустились вместе с ним на шлюпке, погибли. Мак-Нилти — инопланетный Рильф — тоже. Однако оружие Мак-Нилти живо, и будет действовать еще двое, скажем, двое с половиной суток — для пущей безопасности. До истечения этого времени вам нельзя входить в секцию или туда, куда тозиены могли проникнуть. Меня они не тронут, но любой другой будет убит немедленно.

— Теперь расскажите, что это за биологическое оружие, — прозвучал голос Элстона.

Гарольд вкратце рассказал о тозиенах, закончив так:

— Возможно, вы подняли эти экраны как раз вовремя, чтобы запереть их здесь. Но если нет, то они уже разлетелись по всему астероиду и могут просочиться в любую щель.

— К счастью, — сказал Элстон, — тозиены всем своим сообществом остались в секции космошлюза. Все благодаря своевременному предупреждению. Вашему предупреждению,

мистер Кейдж.

— Почему вы решили, что тозиены не проникли куда-нибудь еще?

— Потому что они были зарегистрированы встроенными биологическими сенсорами, но что собой представляют — трудно было понять до тех пор, пока вы не разъяснили. Секции астероида отделены друг от друга и накрыты силовыми полями, и ни в одной другой, кроме космошлюза, не наблюдается ничего похожего на тозиенов. Тем не менее, мы не станем испытывать судьбу и не выйдем на поверхность еще шестьдесят часов.

— Вы, кажется, перекрыли доступ к приборам, которые я имею честь наблюдать, — заметил Гарольд.

— Приборы действительно отключились, но исключительно сами, автоматически, — признал Элстон. — Такое отключение практикуется всегда, когда астероид переключается на режим работы в чрезвычайной ситуации. Всегда следует быть готовым к возможному захвату. Поэтому здесь, под землей, у нас есть еще один, запасной пульт управления.

Гарольд вздохнул с облегчением. Однако, подумал он, обитателей астероида недооценили не только Джейк Хиски с Мак-Нилти. Ладно, теперь

нужно навести порядок…

— Вы попросили Полицию Системы разобраться с «Горделивой Сью»?

— Да, — ответил Элстон, — через несколько часов патрульный корабль будет здесь.

Какой-то тозиен сделал круг почета вокруг Гарольда и с обиженным жужжанием удалился.

— На «Горделивой Сью» установлено чрезвычайно мощное вооружение, гораздо более мощное, нежели можно себе представить, — предупредил он. — Плюс восемь человек и еще один Рильф на борту. Большинство из парней не самые плохие стрелки. Но пусть им все же дадут шанс.

— Хорошо, я предупрежу полицию, чтобы они приняли меры предосторожности.

— Да, это им понадобится в первую очередь. Теперь следующее. Мы привели сюда большой рильфский корабль, он кружит по удаленной орбите за границами Системы. В нем находится больше полусотни Рильфов. Мы должны были выступить посредниками, чтобы они поучаствовали в качестве наемников в земных мини-войнах. Скорее всего, инопланетяне могут осуществить свою миссию и без нашей помощи, так что, думаю, их следует отогнать.

— Где сейчас этот корабль? — взволнованно

спросил Элстон.

— Дрейфует в трех или четырех мегаметрах от внешних границ Системы. По плану он должен войти в нее и подойти к вашей орбите. Там Полиция Системы может его накрыть.

Элстон начал отвечать, но вдруг все поплыло у Гарольда перед глазами, и голос Элстона зазвучал, словно сквозь вату. Что-то ударило навигатора чуть ниже правой лопатки. Сила удара была такова, что его выбросило из кресла. Он упал на пол, перевернулся через голову и когда обернулся вновь, в руке уже наготове была пушка.

Лицо Джейка Хиски представляло собой кровавое месиво, рассеченное улыбкой. Он опирался о косяк двери в дальнем конце помещения. В его руке тоже была пушка, и выстрел прогремел раньше, чем выстрел Гарольда. Разряд приняло на себя массивное основание передатчика чуть левее и позади Гарольда. Когда же прозвучал ответный выстрел, бывшего приятеля и начальника отбросило назад. Он упал навзничь, скрывшись из вида. Гарольд с шумом втянул воздух в легкие, которые раздувались невероятно туго. К счастью, пушка Джейка оказалась разряженной, иначе навигатора убило бы на месте. Его противник был слишком слаб, чтобы проверить

оружие. Впрочем, и ослабленный разряд лишь отсрочил мучительную агонию.

Джейк, Джейк, как же так, подумал, он, а с другой стороны, возможно, все даже к лучшему.

Огромная комната завертелась каруселью вокруг Гарольда, но он дотянулся до пульта и вновь уселся на тумбу. Чей-то голос пополам со слезами выкрикивал его имя. Конечно, Элизабет.

— Все в порядке, — с трудом выдохнул Гарольд, — я принял на себя небольшой разряд, вот и все.

Посыпался град вопросов.

— Капитан Хиски, оказывается, был не настолько мертв, как я полагал. Теперь он мертв настолько, насколько необходимо.

Голоса звучали все тише и тише. Гарольд понял, что для него все кончено. Какое-то время он еще проживет, но заряд, хоть и был слабым, наверняка вызвал необратимые изменения во внутренних органах. Еще час-другой сердце, почки и легкие будут медленно разлагаться, постепенно превращаясь в кашу. Совершенное оружие — смертоносное оружие…

— …немедленное лечение…

О, да, конечно. А как же иначе.

Однако он собрался с силами и прислушался

к тому, они ему говорили, после чего пришел в ужас.

— Не входите сюда, — убеждал он, — я же объяснял, по какой причине. Даже в броне. Если вы уберете экраны, тозиены просочатся в другие, свободные сейчас от них секции. Этих тварей нельзя остановить, они слишком быстрые. Вы должны подождать, пока не убедитесь, что они все подохли.

Однако есть и еще один вариант, сказали ему. Между его секцией силового поля и следующей имеется маленький аварийный шлюз для персонала, и если уважаемый мистер Кейдж сможет последовать инструкциям, то ему останется лишь добраться до этого шлюза. Бронированный скафандр туда не пролезет, но Гарольд поместится. Когда он окажется внутри шлюза, биосенсоры совершенно точно подскажут, смогли туда проникнуть рильфские тозиены или нет.

Гарольд подумал, что план выглядел достаточно надежным.

— Хорошо, — сказал он, — давайте попробуем.

Он с трудом поднялся на ноги.

— Только умоляю, не убирайте экраны.

Понадобилось немало времени, прежде чем он смог добраться до главного входа в помещение

управления. Он бросил последний взгляд на труп Джейка Хиски и повернул направо, как ему и подсказывали. Тозиены последовали за ним, привлеченные единственным движущимся существом. Он прошел один коридор, затем другой, нашел дверь, за которой располагалась небольшая комнатка.

— Кажется, я на месте, — громко сказал он.

— Да, вы на месте, — откликнулся Элстон, — шлюз не будет видно, пока он не откроется, но это в середине стены, прямо напротив входной двери.

— Не открывайте пока, — попросил Гарольд. — Мои жужжащие приятели тоже здесь.

Он пересек комнату. Как и предупреждал Элстон, на ровной стене невозможно было заметить никаких признаков того, что за ней находится вход в аварийный шлюз, но он встал точно напротив центра двери, и, насколько мог судить, от него до шлюза было не более метра.

— Профессор Элстон, — позвал он.

— Да?

— Я стою прямо перед шлюзом, но все равно подождите, пока я не скажу вам, что можете открывать.

— Мы готовы, — ответил Элстон. — И поймем,

когда вы очутитесь внутри.

Гарольд выудил из карманов обе пушки, взял их одной рукой за рукоятки и оглянулся. Держась одной рукой за стену, он другой поднял пушки над головой и помотал ими в воздухе. Тозиенов мгновенно привлекло это движение, они сгустились вокруг, встревоженно жужжа. Навигатор швырнул пушки в дальний угол комнаты. Жужжание отдалилось. Пушки грохнулись о дальнюю стену и с треском упали на пол. Воздух над ними шумно сгустился.

— Давайте! — сказал Гарольд.

Он увидел перед собой узкий проем двери и упал в него. После этого, как ему казалось, он продолжал долго-долго падать сквозь мягкую тьму.

Сначала он ничего не чувствовал. Затем, периодически, стал смутно ощущать, как проходит время, много времени, годы, века. Оно двигалось спокойно и неторопливо. Появлялись и исчезали какие-то тени. Иногда возникала какая-нибудь мысль. Одна мысль тянула за собой другую, та — третью, и вот уже возникали целые стаи мыслей. Наконец он смог собрать воедино несколько фактов. Он осознавал, что эти факты имеют большую ценность, поскольку они стыковались друг с другом и образовывали слитные структуры.

Осторожно и скрупулезно Гарольд извлек из памяти еще несколько фактов. Он приучил свои мысли переключаться с одного факта на другой, и они играли вокруг, точно стайка мальков. Затем наступил момент, когда ему показалось, что теперь у него в руках накопилось достаточно фактов, и их можно выстраивать по порядку.

Так он и поступил.

Первая стайка фактов собиралась легко. По ходу дела он даже припомнил, что все это ему сообщила одна из теней. Оставшиеся на борту «Горделивой Сью» предпочли не сдаваться Полиции Системы без боя, и бой там разыгрался жаркий. (Еще бы, вдруг промелькнула сторонняя мысль, ведь я сам их натаскивал). Однако, в конце концов, «Горделивая Сью» была разбита наголову — выживших на ее борту не осталось.

Корабль Рильфов, дрейфовавший у внешних границ Системы, безмолвно развернулся и отправился в обратный путь, как только к нему попытались приблизиться. В данный момент он стремительно исчезал с экранов кораблей Полиции Системы, которые взялись его сопроводить. Он уже находился на расстоянии четверти светового года от Солнца и гордо удалялся прочь.

На этом первая группа фактов исчерпывалась.

Прочее выглядело более запутанно. Он сам, например. Сначала просто лежал здесь без движения, затем его возили на маленьком коричневом животном, какие когда-то в обилии водились на Земле, затем снова начал ходить — все это представлялось ему сплошной загадкой. Были периоды, когда Гарольд, так сказать, присутствовал, а были периоды полной прострации, в которые его организм периодически проваливался. Затем, когда он выходил из такого состояния, то не помнил, что с ним происходило. Поначалу он не придавал этому значение, но потом это начало его беспокоить.

— Дело в том, — мягко сказала Элизабет, оказавшаяся рядом, когда он впервые серьезно задумался об этом странном феномене, — доктор сказал, что помимо физических повреждений, сильный удар от этого разряда испытала также твоя нервная система. Тем не менее, ты медленно, но верно поправляешься, Гарольд.

Значит, он поправляется. Что ж, пока удовлетворится этим.

— Как долго это продолжается? — спросил он.

— Почти четыре недели, — ответила Элизабет. Она улыбалась. — Ты действительно идешь на поправку, Гарольд. Что тебе показать сегодня?

— Давай посмотрим еще несколько подземных отсеков, — сказал Гарольд.

Астероид профессора Элстона тоже представлял собой изрядную головоломку. В Подземном Городе на Марсе и навигационной школе Полицейской Академии Системы к частным астероидам относились так же, как и на Земле. Курортные местечки, где живут только самые богатые и навороченные, которые поддерживают контакт с Землей постольку поскольку. По-видимому, владельцы частных небесных тел сознательно поддерживали такую репутацию. Элизабет рассказала, что она сама до того, как несколько лет назад не начала учиться в Солнечном Университете, не знала, что ныне астероиды выполняют ту же функцию, что земные монастыри и замки в средневековье. Они накапливали и хранили жизнь, знания и культуру, оберегая их от самых неистовых потрясений в виде войн и прочих катаклизмов. Астероиды надежно, сохраняли в себе то, что было утрачено или исчезало на прародине человечества, Земле, а хитроумные системы защиты делали их неприступными бастионами. Растения и животные на поверхности астероида образовывали живые заказники. В подземных отсеках чудес было еще больше. Во

многих отношениях астероид функционировал как филиал Солнечного Университета, и к тому же функционировал независимо.

Все увиденное Гарольдом подтверждало правдивость рассказанной ему истории. Однако время от времени навигатора упорно посещала мысль, что картина все же остается неполной. Ему не давало покоя одно обстоятельство. Миниатюрная планетка хоть и представляла собой незначительную крупинку в пустыне космоса, все же по человеческим меркам была весьма обширна. При этом лишь малая ее часть использовалась, причем, использовалась довольно странно. В сердцевине астероида скрывались объемы, которые по уровню коммуникаций могли бы сойти за жилой район Подземного города на Марсе. Проведя последние восемь лет на межпланетном корабле, Гарольд невольно задумался о том, что если бы население астероида увеличилось даже в сто раз, он все равно не был бы перенаселен. Повсюду он натыкался на огромные хранилища культурных ценностей, и Элизабет любила бродить по ним, и Гарольд бродил вместе с сестрой, хотя сокровища литературы, искусства и тому подобное его не очень интересовали. Красивые вещи, конечно, но неживые.

* * *

Кроме того, были еще и исследовательские лаборатории. Один шаг в прозрачную капсулу, похожую на каплю дождевой воды, гладкое скольжение по извилистым коридорам, проход сквозь череду автоматических шлюзов, и вот она — лабораторная галерея. В каждой из лабораторий работало два-три, максимум четыре человека. И хотя ученые ожидали прихода гостя Элстонов, Гарольда, все равно представляли и почтительно показывали достопримечательности. Элизабет взирала на представленные проекты с вежливым интересом. А вот заинтересованность Гарольда стремительно росла.

— Некоторые из экспериментов, которые вы проводите, весьма небезобидны, — как-то заметил он в разговоре с Дереком Элстоном. Последнее время раненого перестали навещать периоды забытья.

Дерек покачал головой.

— Я их не провожу, — сказал он. — Это проекты Солнечного Университета и Полиции Системы. Они просто используют возможности астероида.

— Почему вы позволяете проводить их здесь?

Дерек Элстон пожал плечами.

— Ну, где-то ведь их нужно проводить. Если произойдет какая-нибудь ошибка в расчетах, наша защитная система сможет снизить ущерб и сократить человеческие потери.

Астероид действительно обладал необычайно мощной системой защиты. Настолько мощной, что трудно было представить, для каких мирных целей она могла понадобиться. Гарольд основательно ее изучил и вновь удивился.

— В Одиннадцатой, — заметил он как бы вскользь, — проектируют нечто вроде артиллерийского орудия, работающего от прямой энергии Солнца. Если что-то подобное было бы применено против вашего астероида, система защиты испытала бы серьезное потрясение.

Дерек внимательно посмотрел на навигатора.

— Полагаю, — небрежно спросил он, — вам не объясняли назначение этого устройства?

— Честно говоря, ваши ученые неохотно говорили об этом, — признался Гарольд, — но я как-то встретил нечто аналогичное за границами Системы.

— Представляю себе, сколько вы узнали там того, что далеко выходит за пределы программы навигационной школы.

Дерек почесал затылок, глубокомысленно изу-

чая Гарольда.

— А попробуйте-ка догадаться, зачем подобные проекты проводятся на моем астероиде? В конце концов, я вынужден признать, что и Полиция Системы, и Солнечный Университет могли разместить их и в другом месте.

— У меня сложилось впечатление, — сказал Гарольд, — что причина тому — секретность. Эти проекты разрабатывают совсем не то, что может пригодиться частному астероиду.

— Верно, совсем не то. А вы, оказывается, наблюдательный молодой человек! Итак, есть отдельные люди, а есть человечество. Это не одно и то же. В этом веке земное человечество отступило на шаг и, по сути, существует на планете фрагментарно. И хотя люди живут и за пределами Системы, но они не составляют человечества.

— Вы хотите сказать, что человечество существует здесь?

— Да, здесь. В Солнечном Университете, в Полиции Системы, в таких крупных центрах, как Подземный город на Марсе. Все это различные формы одного и того же явления. Человечество, точнее, то, что от него осталось, находится здесь. Именно здесь оно сохранило себя в качестве наследника Земли и именно здесь вновь собирается

с духом.

Гарольд задумался.

— Но зачем держать это в тайне? Почему не объявить об этом открыто?

— Потому что такое объявление отпугнет землян, а это опасно. Земля смотрит на внеземную Систему с нескрываемым раздражением. Однако там видят наше очевидное отсутствие организованности и целеустремленности, а также относительную малочисленность, поэтому мы не вызываем у землян беспокойство. Они знают, что потребуются колоссальные усилия, чтобы уничтожить нас, а мы, по их мнению, того не стоим. Поэтому земляне продолжают свои кровавые локальные конфликты, мини-войны и тому подобное, что, в конце концов, приведет к тому, что кто-то установит свою диктатуру. А в это время человечество Системы не особо интересуется намерениями Земли. Проекты, которые вы видели, лишь бледные копии других. По численности населения, по уровню технологий, по запасам сырья мы с каждым годом приближаемся к землянам. Даже сейчас я сомневаюсь, что всех ресурсов Земли хватит, чтобы серьезно помешать этому процессу, но в настоящий момент мы вынуждены скрывать мощь, которая у нас

есть, и мощь, которую мы обретем в ближайшее время. Мы не хотим конфликтов с землянами. Некоторое время человечество деградировало, но потом, как бы отдельные люди ни сопротивлялись этому, оно начинают эволюционировать снова, как происходит такое всегда. Популяция вынослива. Подождем немного…

* * *

И этот разговор, решил Гарольд, был высшей степенью доверия. Ведь информация исходила от одного из лидеров Системы. Хотя Элизабет и Салли имели общее представление о ситуации, они ничего не знали о подоплеке. Профессор Элстон, очевидно, сделал ему предложение.

Лишь только навигатор подумал об этом, как в нем стало нарастать некое чувство, нечто вроде растерянности или замешательства. Элизабет, почувствовав, что с братом происходит непонятное, забеспокоилась.

Наступил следующий день. У Гарольда в руке снова была пушка, а в другой — три последних прозрачных шарика из дюжины, которые он подобрал как-то в одной из лавчонок еще за пределами Системы. Он подбросил их вверх, и они устремились вдоль ровной поверхности скалы.

Когда траектория их полета устремилась вниз, навигатор выхватил пушку и трижды выстрелил. Каждый из шариков вспыхнул и испарился бесследно.

Он знал, что Дерек Элстон находится у него за спиной, поэтому засунул оружие в кобуру и обернулся.

— Отличные выстрелы, приятель! — заметил Дерек. — Мне не удалось развить меткость у себя, но всегда приятно наблюдать, как работают настоящие профессионалы.

Гарольд пожал плечами.

— У меня было время, чтобы попрактиковаться, и была мотивация.

— Не сомневаюсь, — Дерек вынул какие-то листы. — Это окончательные результаты медицинского и психологического освидетельствования. Судя по ним, состояние вашего здоровья пришло в норму. Хотите ознакомиться?

Навигатор покачал головой.

— Нет. Я уже двое суток назад узнал эту новость. — Он похлопал себя по карману, где лежала пушка. — Это была проверка.

Они мгновение изучали друг друга. Гарольда интересовало, а как теперь профессор заговорит о сокровенном? Элстоны были более чем щедрыми

хозяевами, и Дерек гордился достижениями Системы. И у него имелись на то веские основания.

Но Гарольд путешествовал по звездам целых восемь лет. И, несмотря на крушение прежних планов и то безобразие, в конце концов, уничтожившее «Горделивую Сью», он нашел то, что искал. Система оказалась маленькой и убогой. Он не мог врасти в нее.

«Успокойся», — сказал он себе.

— Я не совсем уверен, чем буду заниматься дальше. Но я собираюсь вновь отправиться к звездам.

— Надеюсь на это! — быстро ответил Дерек.

— Я подумал, а поймете ли вы… в особенности Элизабет.

— Конечно, она поймет! Я пойму. Мы все поймем. — Дерек улыбнулся. — Но прежде чем вы скажете об отъезде, хочу показать вам еще один проект. Вы должны его оценить…

Мужчины прошлись коридором со стальными переборками. Массивный запор открылся сам собой при их приближении. Вспыхнул свет.

— Зайдите и полюбуйтесь! — пригласил Дерек. — Это наш третий командный пункт, откуда можно управлять механизмами астероида. Немногие догадываются о его существовании.

Гарольд посмотрел по сторонам. Сначала он пришел в восторг, потом испытал благоговение.

— Не возражаете, если я опробую? — спросил он.

— Не возражаю, вперед, мой друг!

Однажды, года два назад, он бывал в контрольной рубке самого большого новейшего и гордого внесистемного звездолета. То, что он видел тогда, меркло перед тем, что увидел сейчас. Его охватил зуд нетерпения.

— У вас есть соответствующий энергозапас, чтобы управиться с этим? — спросил он.

— У нас полно энергии.

— А куда направляется астероид?

— Я же вам говорил, что человечество еще не освоило внешние миры, но оно готово туда отправиться! И мы, на нашем астероиде, готовы. Внешние системы не будут знать о том, что мы с ними наравне, до тех пор, пока мы сами не скажем им об этом.

— Так, значит, этот астероид намерен двинуться к внешним системам?

— Нет, не этот. У нас остаются еще кое-какие функции, которые мы должны выполнять на своей орбите, но существуют другие астероиды и первый из них будет готов отправиться к звездам

не позднее, чем через три месяца. Его обитатели хотят использовать опыт прожженное космического волка. Догадываетесь, о ком идет речь, капитан с внесистемным прошлым? Если это вас заинтересовало, то я могу доставить вас на этот астероид уже сегодня.

Гарольд глубоко вздохнул.

— Лучшего предложения я не получал в жизни!

НА КРЮЧКЕ

Барни Чард, тридцатисемилетний финансист, предприниматель, иногда шантажист, иногда аферист, человек весьма компетентный во всех вышеперечисленных видах противозаконной деятельности, стоял на шатких деревянных мостках, щурясь на послеполуденное солнце в ожидании, пока его нынешнему потенциальному клиенту надоест делать вид, что ему интересно ловить рыбу.

Клиента, находящегося здесь же, на мостках, с удочкой в руке, звали Оливером Б. Мак-Алленом. Это был удалившийся на покой доктор физики, хотя на самом деле покой можно было считать относительным. Лет десять назад он был одним из лучших специалистов в стране в своей области. Сейчас, одетый в то, что он сам условно называл «рыболовным костюмом» и что делало его похожим на престарелого бродягу, Оливер потенциально являлся одним из самых богатых людей в стране. В свое время он сделал некое секретное изобретение, которое назвал «Труба Мак-Аллена». Именно из-за этой «Трубы» Барни Чард и приехал его повидать.

Доктор Мак-Аллен то поднимал, то мягко опускал удочку, прищуренно глядя на спокойную гладь воды. Он, по-видимому, был озабочен какими-то соображениями, никак не связанными со столь здоровым видом спорта. У этого человека явно имелся какой-то пунктик. Изобретение, подумал Барни, оказалось сильнее своего изобретателя. Мак-Аллен побаивался своей «Трубы» и на повестке дня у него сейчас должен маячить тот неоспоримый факт, что тайну мак-алленовской «Трубы» можно сохранить не иначе как в сотрудничестве с Барни Чардом. У Барни имелись свидетельства ее реального существования, но они не были ему нужны. Разбрасывая соответствующие намеки то там, то сям, можно было свести на нет все предосторожности Мак-Аллена, которые он искусно создавал на протяжении двенадцати лет.

Следовательно, Мак-Аллену необходимо было поразмыслить о том, каким образом заставить мистера Чарда молчать.

Однако Барни дал старому ученому еще один повод для размышлений. Мистер Чард, человек широкого кругозора, отнюдь не случайно производил на него впечатление широко раскрытого денежного мешка. Изящные манеры, строгий, но

дорогой костюм, «роллекс» в платиновом корпусе… а Мак-Аллену требовались деньги до зарезу. Он и сам когда-то был довольно богат, но с тех пор как отказался от эксплуатации коммерческого потенциала своей «Трубы», работа над ней проедала остатки его состояния. По крайней мере, этим, как установил Барни, объяснялось внезапное обнищание Мак-Аллена. Старик месяцами сидел на бобах.

Следовательно, мысли Мак-Аллена должны были опять-таки пойти в том направлении, что нужно не только упросить мистера Чарда молчать, но и заставить его оказать некоторую финансовую поддержку. А что в этой ситуации может предложить физик взамен, кроме своей «Трубы»? Барни внутренне ухмыльнулся, кидая окурок сигары в бледно-янтарную воду. Хорошая марка говорит сама за себя. Вежливое молчание — вот и все, что сейчас необходимо. Он зажег еще одну сигару, с умеренным любопытством прикинув, в каком штате находится маленькое озерцо, на воды которого они сейчас смотрят. Висконсин, Миннесота, Мичиган казались одинаково вероятными. Однако значение имело лишь то, что полчаса назад «Труба Мак-Аллена» переместила их в мгновение ока сюда из дома

физика в Калифорнии.

* * *

Доктор Мак-Аллен глубокомысленно откашлялся.

— Любите рыбалку, мистер Чард? — спросил он. Придя в себя после первого шока, вызванного откровениями Барни, он снова стал говорить в своей обычной краткой, отрывистой манере, которую Барни запомнил, когда слышал его голос последний раз.

— Нет, — с улыбкой признался Барни, — все как-то недосуг.

— Слишком заняты, да?

— То одно, то другое, — согласился Барни.

Мак-Аллен вновь откашлялся. Он был пухлым бодрячком, хотя ему было за семьдесят, цветущего вида, щеки румяные, как яблоки, загорелое лицо. Выцветшие голубые глаза задумчиво взирали на Барни поверх очков в стальной оправе.

— Вам ведь лет тридцать пять, верно?

— Тридцать семь.

— Женаты?

— Разведен.

— Какие-нибудь хобби?

Барни рассмеялся:

— Немного играю в гольф, но не занимаюсь этим серьезно.

Мак-Аллен прищелкнул языком.

— А что вы делаете для развлечения?

— О, я бы сказал, мне нравится почти все, чем я занимаюсь.

Барни любезно улыбнулся, ощущая, как внутри него растет настороженность.

Он ожидал, что Мак-Аллен будет задавать вопросы, но ведь не такого же рода.

— Главным образом — зарабатывать деньги, да? Ну что ж, неплохое хобби, — одобрил он. — Очень практичное. Я… уф! Момент…

Кончик хрупкой удочки в руке слегка кивнул, и в двадцати метрах от края мостков начал подрагивать зеленый с белым поплавок. Затем поплавок исчез. Мак-Аллен быстрым, ловким движением приподнял свой конец удочки на полметра вверх и замер.

— На крючке! — наконец объявил он, сияя детской улыбкой.

Рыба на конце удилища не особенно сопротивлялась, но старик мотал леску необычайно медленно и аккуратно, иногда отматывая немного обратно, чтобы потом вновь смотать. Казалось, что доктор полностью захвачен этим занятием.

Пока рыба не показалась в непосредственной близости от мостков, на поверхности воды не было заметно ни малейшего волнения. Затем Мак-Аллен опустился на колено, высоко держа удочку одной рукой, а другой вычерпнул подсачником свой улов. Барни мельком увидел ничем не примечательный зеленовато-серебристый блин с красными лягушечьими глазками.

— Очень милый краппи, — сообщил он, широко улыбаясь, — а теперь…

Мак-Аллен положил удочку на мостки и потянулся вниз рукой. Раздались шлепки рыбьего хвоста по воде. Краппи вильнул плавником еще несколько раз на прощанье, и был таков.

— Ушел! — воскликнул Барни раздосадованно.

— А что, нельзя? — оглянулся Мак-Аллен. — Ну, уж нет, молодой человек, это я дал ему уйти. Он неплохо сидел на крючке. У краппи очень чувствительные губы, но я пользуюсь специальными затупленными крючками, чтобы оставить ему отличные шансы выжить.

Он встал вместе с удочкой, отряхивая песок с мешковатых штанов.

— Все равно у меня полно рыбы к столу, — добавил он.

— Вам, наверное, нравится это занятие? — с

любопытством спросил Барни.

С серьезностью искреннего приверженца рыбной ловли Мак-Аллен посоветовал ему тоже изведать ее прелесть.

— Это захватывает. Причем, до такой степени, что может стать образом жизни. Я начал ловить рыбу примерно тогда же, когда пошел под стол пешком. Три года назад я решил, что накопил достаточно опыта, чтобы написать об этом книгу. Моя книга вызвала много споров, причем споров очень серьезных. Я бы сказал, гораздо более серьезных, нежели те, что вызвал любой из опубликованных мною трудов по физике.

Он мельком взглянул на Барни и продолжил на полном серьезе:

— Говорил же вам, что, окунув в воду удочку, я, как следует, успокоюсь после огорчения, которое вы мне доставили. Так и вышло, рыбалка — отличная терапия, насколько мне известно. Я тут подумал немного. Возможно, мне и будет интересно ваше предложение… но хотелось бы поговорить с вами о «Трубе», мистер Чард, а также еще о некоторых вещах.

— Необычайно рад это слышать, доктор, — торжественно произнес Барни. — Поверьте, мне искренне жаль, что я вас расстроил.

Мак-Аллен пожал плечами.

— Ничего страшного. Вы подали мне парочку ценных идей. Поговорим прямо здесь, — он указал на открытую всем ветрам ветхую лачугу на берегу. — Я не уверен, что Калифорния — подходящее для этого место. Поэтому и предложил вам небольшое путешествие.

— Полагаете, ваш слуга — не вполне надежный человек?

— Это Фредерикс ненадежный? О, господи, нет! Конечно, он знает о «Трубе», но Фредерикс привык к тому, что я все время что-нибудь изобретаю. Он со мной уже сорок лет.

— Сегодня, в начале нашей беседы, — заметил Барни, — он подслушивал.

— Да, это на него похоже, — согласился Мак-Аллен. — Он всегда очень интересуется теми, кто приходит ко мне. А с другой стороны… нет, дело просто в том, что в наши дни, когда подслушивающие устройства столь совершенны, никогда нельзя быть уверенным, что вас не подслушивают.

— Совершенно верно, — Барни бросил беглый взгляд на кабину. — А почему вы уверены, что в этом месте нас не подслушают, доктор?

— Здесь это никому не нужно, — сказал Мак-Ал-

лен и обвел рукой вокруг. — Все это зарегистрировано не на мое имя. Ближайший сосед живет напротив, через озеро. Я никогда не прихожу сюда иначе, как через «Трубу», и потому не привлекаю ничьего внимания.

Он вернулся по мосткам на берег. Барни Чард последовал за ним, вперив задумчивый взор в основание загорелой шеи Мак-Аллена и растрепанные метелки седых волос, выбившихся из-под рыболовной шапочки с козырьком. Барни умел в точности определять склонность к физическому насилию у людей, с которыми имел дело. Он был решительно убежден, что ни Мак-Аллен, ни Фредерикс, престарелый мулат, выполняющий всю работу по дому, не обладают агрессивностью. Однако правая рука Барни небрежно скользнула в карман, и теперь покоилась на револьвере двадцать пятого калибра. В конце концов, ситуация была весьма необычной. Человеческий же фактор, как таковой, был предсказуем. Этот фактор и был специальностью Барни. Однако здесь с ним было связано нечто совершенно неведомое — «Труба Мак-Аллена».

Когда дело касалось его личной безопасности, Барни Чард предпочитал не рисковать.

Стоя на верхней ступеньке стертой деревянной

лесенки, ведущей в лачугу, он вновь взглянул на озеро. Ему показалось, что в этой громаде неподвижной воды, освещенной с запада садящимся багровым светилом, есть что-то нереальное. Не то что он так чувствовал, но еще меньше часа назад они сидели в доме Мак-Аллена в Южной Калифорнии, и за окном, затененным оливковыми деревьями, бил в глаза яркий полдень.

— Но я не могу… я и, правда, не представляю… — доктор Мак-Аллен перестал запинаться, и его лицо по другую сторону стола приобрело выражение тщательно скрываемого смятения, — что могло вас заставить придти к столь… столь экстраординарным выводам, молодой человек?

Барни покровительственно улыбнулся, откидываясь на спинку стула.

— Ну, косвенно, сэр, как показывают фотографии, можно сказать, что всему виной ваша страсть к рыбалке. Видите ли, в прошлом месяце я случайно заметил вас на Майорке…

* * *

Сама по себе случайная встреча на острове представляла умеренный интерес. Барни скорчился за рулем какого-то древнего автомобильчика рядом с частным домом, в коем происходили

некие перспективные деловые переговоры. Случилось так, что обсуждаемое дело было затеяно Барни, однако личное присутствие там он счел нецелесообразным. В ожидании, пока его помощники уладят все необходимые формальности, он коротал время, наблюдая за пожилым толстяком, который удил рыбу из маленькой лодки примерно в сотне метров от берега. Через некоторое время старик втащил лодку на берег и, спустя несколько минут, появился в дальнем конце маленькой пустой улочки, неся в одной руке снасти, в другой — холщовый и, по-видимому, пустой мешок. В таком виде он имел оплошность прошлепать мимо автомобильчика с его водителем. В это время Барни осенило: он мгновенно узнал старика, и волны памяти отнесли его на двенадцать лет назад.

Доктор Оливер Мак-Аллен. Тогда, двенадцать лет назад, это имя много значило в науке, но затем оно было не то чтобы забыто, а скорее сознательно предано забвению. Работая над важным правительственным заказом в одном крупном университете, Мак-Аллен вдруг неожиданно и без особой шумихи подал в отставку. Барни, имевший финансовый интерес в одном из университетских договоров, навел справки. В

случае, если Мак-Аллена отстраняли от работы, он терял почти все свои деньги. Вскоре ему строго конфиденциально сообщили, что доктор Мак-Аллен скрылся. Под маркой некоего заблуждения, а именно, совершенного им будто бы открытия колоссальной важности, ученый убедил руководство устроить публичный эксперимент. После того, как демонстрация закончилась полным провалом, Мак-Аллен гневно обвинил некоторых из своих коллег в том, что они саботировали его изобретение, и покинул университет. Дабы защитить честь учебного заведения, дело замяли.

Ага, значит, далекая Майорка стала тем местом, где сбившийся с пути физик решил провести остаток своих дней! Глядя на удаляющуюся фигуру, Барни подумал, что, в конце концов, выбор старика не так уж плох. Приятный остров в красивом море — он вспомнил, что слышал о пристрастии Мак-Аллена к крючкам и лескам.

Днем позже, когда майоркское дело благополучно завершилось, Барни улетел обратно в Лос-Анджелес. В тот вечер он собирался развлечься в компании парочки загорелых фигуристых девиц, чьи представления о первоклассном отдыхе состояли в том, чтобы пить всю ночь, а на заре выйти в море прокатиться под парусом.

Барни внутренне поежился, представляя себе последнее, но пообещал доставить спортсменок на муниципальный пирс Сладкого пляжа вовремя, чтобы нанять какую-нибудь прогулочную лодчонку. Барни сдержал обещание. Одна из девушек, как заметил он не без удовлетворения — к утру ему пришлось немного подустать от обеих — трепетно позеленела, усаживаясь в плавно покачивающееся у причала суденышко. Барни дружески помахал подружкам на прощанье и уже собирался уходить, как вдруг заметил среди прочих удильщиков пухлого старика, торопливо собирающего снасти на корме своей лодки. Барни пригляделся и несколько раз удивленно моргнул. Перед ним вновь предстал ни кто иной, как Оливер Б. Мак-Аллен.

На этот раз прошла почти целая минута, прежде чем он окончательно уверился, что не ошибся. Мак-Аллен не то что не мог сидеть в этой лодке, но все же казалось совершенно невероятным, что он там сидел. Мак-Аллен ни в малейшей степени не был сейчас похож на человека, которому совершить перелет из Средиземноморья в Калифорнию раз плюнуть. Затем Барни почувствовал, что какая-то смутная идея кружит в боковых коридорах лабиринта его сознания, отказываясь

вылезти на свет божий.

* * *

Ему удалось ее осознать, когда прогулочная лодка отчалила в море. Он улыбнулся тому, что показалось причудливой шуткой, которую сыграло с ним его бессознательное воображение, и направился к автомобильной стоянке. Но когда он забрался в машину, включил зажигание и зажег сигарету, идея все еще кружила в подсознании, но Барни уже не улыбался. Это было удивительно, невероятно, но, строго говоря, возможно. Чем дольше он раздумывал, тем больше ему казалось, что его идея не стоит выеденного яйца. Однако если в этом что-то было, то он стоял на пороге величайшей сделки в истории.

Затем Барни осознал, что не взялся бы за это дело, если бы не обстоятельства, не имевшие к Мак-Аллену никакого отношения. В данный момент он не был занят ни в одной серьезной операции. Ему нечем было себя занять. Более того, совсем недавно выяснилось, что обычные финансовые махинации ему приелись. Радость от проталкивания очередной сделки, даже если она означала победу над каким-нибудь столь же предприимчивым собратом, за последнее время

здорово потускнела. Барни Чард был несколько встревожен этим явлением, поскольку биржевая спекуляция была единственным, что его интересовало в жизни. Роль пресыщенного плейбоя была хороша только тогда, когда нужно было убить немного времени. В свои неполные сорок он осознал, что жизнь порядком опротивела, и это ему не нравилось.

В Мак-Аллене же Барни увидел нечто, что поможет возродить в нем былой энтузиазм. Возможно, это лишь плод его разбушевавшегося воображения, но в проверке не было особого вреда. Одолеваемый этими приятными, хоть все еще весьма скептично зудящими размышлениями, он вернулся на лодочную станцию и спросил, когда вернется прогулочная лодка.

Он дожидался несколько часов, пока она не подошла с пыхтением к причалу. Он никогда не имел дела с Мак-Алленом напрямую, так что старик не мог его узнать. Просто не хотелось, чтобы его заметили те две амазонки, которые почувствовали, что освежились достаточно для того, чтобы совершить новый набег на бары.

Опасения его оказались безосновательными. Юные леди еле поднялись на пирс, вызвали такси и пропали с глаз долой. Тем временем доктор

Мак-Аллен тоже куда-то позвонил и уселся ждать прямо рядом с Барни. Вскоре к пирсу подъехала меленькая серая машина лет пяти-шести от роду, но чистенькая и ухоженная. Она остановилась у поворота на лодочную станцию. Старый худощавый негр с волосами седыми, как у доктора, открыл дверцу перед Мак-Алленом. Машина неспешно удалилась.

Вскоре по автомобильному номеру Барни установил калифорнийский адрес доктора Мак-Аллена. Физик жил на Сладком пляже, в пятнадцати минутах езды от пирса, в старом доме в испанском стиле на холме. Шофера звали Джон Эммануэль Фредерикс, он работал у Мак-Аллена бог знает сколько времени. Больше в доме никто не жил.

Барни не стал утруждать себя выяснением подробностей относительно резиденции на Сладком пляже. Агентства, в которые он обычно обращался с целью прояснить чью-либо подноготную, работали умеренно надежно, но он не хотел привлекать излишнего внимания к своей заинтересованности доктором Мак-Алленом.

В тот же вечер он вылетел в Нью-Йорк.

* * *

Университетский приятель Барни физик Фрэнк Элби был старше его на пять лет. Элби был честолюбив, талантлив и время от времени поставлял Барни конфиденциальную информацию, за которую тот его щедро вознаграждал. За ланчем Барни намекнул ему на некое деловое предложение, за которое они оба могут отхватить приличный куш и которое не причинит чересчур серьезных угрызений совести Элби. Последний подумал немного и согласился его рассмотреть. После этого разговор приобрел общий характер. Наконец Барни заметил:

— Наткнулся как-то на старого знакомого из былых времен. Помнишь Мак-Аллена?

— Оливера Б. Мак-Аллена? Конечно. Много лет ничего о нем не слышал. Чем он занимается?

Барни сказал, что видел старика мельком, но не разговаривал с ним. Но был уверен, что это был именно Мак-Аллен.

— Где это было? — спросил Элби.

— На Сладком пляже, в маленьком городке на побережье.

\Элби кивнул:

— Должно быть, это точно Мак-Аллен, раньше

он там жил.

— Выглядит здоровым и цветущим. Ведь попечители не отправили его в сумасшедший дом после того, как он свалил на пенсию, верно?

— Да нет! Незачем было. Помимо того случая с этим сумасбродным изобретением, он вел себя совершенно нормально. Кроме того, он мог нанять юристов и опротестовать подобные поползновения. У него была куча денег, да и огласки никто не хотел. Мак-Аллен всегда был таким милым бодрячком.

— Университет никогда не думал о том, чтобы пригласить его снова?

Элби рассмеялся.

— Ну, это вряд ли. В конце концов, можешь себе представить, он на полном серьезе утверждал, что создал телепортатор материи!

Барни почувствовал, что его прямо-таки пронзило от клокочущей радости. Ух, ты, это ж надо! Прямо в точку, братец Чард! Прямо в точку.

Он улыбнулся.

— И на что это было похоже? Мне никто не рассказывал об этом подробно.

Элби сказал, что, по словам тех немногих, кто мог рассказать об этом подробно, та пресловутая неделя демонстрации «величайшего мыльного

пузыря» была похожа на настоящий цирк. Репутация Мак-Аллена на тот момент была такова, что тех, кто был склонен ему верить, особенно среди сотрудников его кафедры, оказалось гораздо больше, чем тех, кто впоследствии готов был подтвердить свою веру.

— Когда он хлопнул дверью, знаешь, он даже не потрудился забрать с собой свой «телепортатор», прибор разобрали и проверили так тщательно, словно надеялись, что он вдруг заработает. Но это изобретение, конечно, оказалось чем-то вроде философского камня. У старика просто съехала крыша.

— А до этого Мак-Аллен отличался странностями?

— Нет, об этом ничего не слышал, за исключением того, что еще за несколько месяцев до того, как выставить пресловутый агрегат на всеобщее обозрение, он многозначительно намекал на свой вклад в мировую науку, — равнодушно сказал Элби.

Разговор плавно перешел на другие темы.

* * *

Дальнейшее представляло несложную процедуру. Небольшой коттедж на Майорке, почти у

самой береговой линии, оказался зарегистрированным на имя Мак-Аллена. Его ликвидные активы, по-видимому, оказались исчерпанными гораздо сильнее, нежели активы Джона Эммануила Фредерикса, отдававшего предпочтение тому же банку, что и его работодатель. На протяжении последних лет со счетов часто снимали непомерно большие суммы. Подобные операции трудно было объяснить логически, ибо Мак-Аллен отличался поистине спартанскими привычками, даже его рыболовные экскурсии носили откровенный отпечаток ограниченности в средствах. По всей видимости, у него была некая причина на столь скромную жизнь в средиземноморском изгнании, а не потакание своей прихоти.

Барни арендовал себе бунгало на окраине Сладкого пляжа, чуть выше по холму, на котором разместился дом, где жили Мак-Аллен и Фредерикс. Оттуда открывался прекрасный вид на их резиденцию и вход в нее с улицы. Сам он никогда близко не подходил к дому в испанском стиле. Сотрудники детективного агентства из Лос-Анджелеса несли непрерывную караульную службу в бунгало, получив приказ фотографировать двух пожилых мужчин из старого дома, а также всех их посетителей, кто бы они ни были, с указанием

точного времени съемки. По истечении каждых суток фотографии отсылались на определенный адрес, откуда попадали в руки Барни.

Европейское агентство, независимо от американских коллег, оказывало коттеджу на Майорке сходное внимание.

Прошло около четырех недель, прежде чем Барни получил необходимые результаты. Он отозвал наблюдение из обоих пунктов и на следующий день прошелся пешком до двери дома Мак-Аллена и нажал кнопку старомодного звонка. Появился Джон Фредерикс, внимательно изучил визитную карточку Барни, а также самого Барни, и сообщил с видом легкого неодобрения, что доктор Мак-Аллен посетителей не принимает.

— Именно так мне и говорили, — со всевозможной приятностью признался Барни. — Не будете ли вы так любезны передать доктору вот это.

Белоснежные брови Фредерикса поднялись в безмятежном изумлении, когда он взглянул на запечатанный конверт, который протягивал Барни. Мгновение посомневавшись, он принял предложенное, приказал Барни подождать и твердой рукой закрыл дверь.

Прислушиваясь к удаляющимся шагам, Барни зажег сигарету и с удовлетворением отметил,

что его руки спокойны, словно это был самый обычный из визитов. В конверте лежали два комплекта фотографий, с указаниями дат и времени суток. Даты в обоих комплектах были одинаковы и, судя по записям, были сделаны с интервалом около пятнадцати минут. Центральной фигурой на этих фотографиях почти всегда был Мак-Аллен, иногда в сопровождении Фредерикса. Один комплект был снят на Майорке, другой — на Сладком пляже, у дома Мак-Аллена.

Два старика были документально уличены в том, что, если не считать пилотов космических ракет, являются самыми быстро передвигающимися людьми в истории человечества.

Прошло несколько минут, прежде чем Фредерикс появился снова. С лицом, окончательно утратившим все следы монументального отчуждения, он пригласил Барни войти, после чего проводил в кабинет Мак-Аллена. Фотографии были разбросаны веером на столе перед ученым. Он указал на них широким жестом.

— Что все это значит, сэр, если это вообще что-нибудь значит? — спросил он резким дрожащим голосом.

Барни преодолел сомнения, связанные с присутствием Фредерикса в холле. Однако Фредерикс,

очевидно, был доверенным лицом Мак-Аллена, и то, что он подслушивает, не играло никакой роли.

— Это значит, доктор, — дружелюбно начал Барни и подробно объяснил Мак-Аллену что это значит. Мак-Аллен два-три раза пытался возразить, но затем предоставил Барни возможность завершить краткое, но выразительное описание тех мер, что были предприняты им в поисках подтверждения той бредовой догадки, что осенила его на пирсе. Спустя несколько минут Барни услышал, как шаги Фредерикса удаляются, как где-то мягко закрылась дверь, и он слегка переменил позу, чтобы все время видеть вход. В правом кармане у него находился маленький револьвер. Даже теперь Барни был уверен, что Мак-Аллен или Фредерикс не попытаются прибегнуть к грубому насилию; но когда люди так сильно встревожены, а Мак-Аллен был весьма встревожен, всякое может случиться.

Когда Барни закончил свой рассказ, Мак-Аллен снова уставился на фотографии, потряс головой и перевел взгляд на посетителя.

— Если не возражаете, — произнес он, часто мигая за толстыми стеклами очков, — мне хотелось бы немного подумать.

— Разумеется, доктор, — с изысканной любезностью откликнулся Барни. Мак-Аллен откинулся на спинку стула, снял с носа очки и прикрыл глаза. Барни окинул взглядом интерьер. Обстановка в доме была именно такова, как он и предполагал — старая, почтенная, порядком обветшавшая. Единственным, более-менее, новым предметом в кабинете был радиофонограф. Стены кабинета и той части гостиной, что была видна через маленькую арку, были от пола до потолка уставлены набитыми до отказа книжными стеллажами. В дальнем конце гостиной расположилась довольно любопытная коллекция часов всевозможных типов и размеров, по большей части — старинных, среди которых можно было увидеть несколько металлических модернистских творений. Бреши в стройных рядах могли означать, что Фредерикс уже начал потихоньку избавляться от наименее ценных экземпляров в интересах своего хозяина. Наконец Мак-Аллен откашлялся, открыл глаза и водворил очки на место.

— Мистер Чард, — торжественно поинтересовался он, — вы имеете какое-нибудь отношение к науке?

— Нет.

— Тогда, — продолжал Мак-Аллен, — позвольте предложить вам вопрос: каков ваш интерес во всем этом? Возможно, вы захотите объяснить, зачем вы пошли на столь значительные расходы, если хотите всего лишь вмешаться в мои личные дела-Барни одолевали сомнения.

— Доктор, — сказал он, — неразгаданная загадка — это сущее мучение. По счастливой случайности у меня имеются финансовые возможности для утоления любопытства, когда оно заходит так далеко, как в данном случае.

Мак-Аллен кивнул.

— Любопытство — это понятно. И это ваш единственный мотив?

Барни подарил потенциального клиента самой обезоруживающей из своих улыбок:

— Откровенно говоря, нет. Я уже говорил, что я — бизнесмен…

— Ну и..? — хмуро откликнулся Мак-Аллен.

— Не поймите меня неправильно. Первое, что пришло мне в голову — это неоспоримый факт, что людей, желающих перемещаться вашим образом, миллионы. Однако расследование прояснило для меня еще кое-что.

— Что именно?

— Главным образом то, что, по-видимому, у

вас имеются достаточно серьезные причины все эти годы держать свое изобретение в секрете, так что вы даже предпочли пожертвовать своим финансовым положением и поставили на себе крест и как на ученом, и как на человеке.

— Мне представляется, — мягко возразил Мак-Аллен, — что я не ставил на себе никаких крестов, ни как на ученом, ни как на человеке.

— Да, конечно, но с точки зрения общества вы сделали и то, и другое.

Мак-Аллен улыбнулся:

— Ваша стратегия была убедительна, но только до сего момента. Очень хорошо, мистер Чард. Теперь вы ясно понимаете, что ни при каких обстоятельствах я не соглашусь на коммерциализацию моего… ну да, моего телепортатора материи!

Барни кивнул.

— Конечно.

— И вы по-прежнему заинтересованы иметь со мной дело?

— Очень.

Мак-Аллен помолчал немного, в задумчивости покусывая нижнюю губу.

— Очень хорошо, — повторил он. — Вы говорили о моем пристрастии к рыбной ловле.

Возможно, вы согласитесь составить мне компанию в небольшой рыбалке?

— Сейчас? — спросил Барни.

— Да, сейчас. Полагаю, вы понимаете, что я имею в виду… Вижу, что понимаете. Тогда, если позволите, я покину вас на несколько минут…

* * *

Барни не мог сказать точно, что он ожидал увидеть. Его мозг будоражило видение тщательно замаскированного бункера где-нибудь на задворках дома Мак-Аллена — этакое подземелье с массивными стенами, где титанической мощности генераторы приводят в действие рычащий телепортатор материи… и, возможно, нечто вроде водолазного колокола из пластика — в качестве непосредственного инструмента телепортации.

На самом деле все было совершенно иначе. Мак-Аллен вскоре вернулся, переодевшись в свой, уже знакомый Чарду, выходной костюм, очевидно, действительно намеревался удить рыбу. Барни прошел за старым физиком в гостиную и увидел, как тот открыл в стене компактный, но прочный сейф. Прямо за дверцей сейфа в стену была вмонтирована открытая панель управления.

Всматриваясь в нее поверх очков, Мак-Аллен

аккуратно набрал какие-то данные на двух одинаковых маленьких дисках, затем захлопнул и запер сейф.

— Теперь, если вы последуете за мной, мистер Чард…

Он пересек комнату, открыл дверь и вышел. Барни последовал за ним в маленькую комнату с грубой обстановкой и крашеными деревянными стенами. Единственное окно было плотно занавешено, в комнате царил полумрак.

— Вот мы и приехали, — объявил Мак-Аллен.

Понадобилось несколько секунд, чтобы до Барни дошел смысл его слов. Затем, ощущая зловещее покалывание в голове, Барни заметил, что стоит гораздо дальше от стены, чем было раньше. Он оглянулся и обнаружил, что позади него нет никакой двери, ни открытой, ни закрытой.

Не без труда он сложил трясущиеся губы в кривую ухмылку.

— Так вот как работает ваш телепортатор материи!

— Ну, — глубокомысленно заметил Мак-Аллен, — конечно, это никакой не телепортатор. Я назвал свой прибор «Трубой Мак-Аллена». Даже любой дилетант должен понимать, что невозможно разобрать живой организм в одной точке

пространства, собрать его в другой и ожидать при этом, что жизнь не оборвется. А ведь существуют и другие трудности…

— Где мы? — спросил Барни. — На Майорке?

— Нет. Мы не покидали родной континент, просто переместились в другой штат. Можете выглянуть в окно и убедиться.

Мак-Аллен отвернулся к встроенному шкафу, и Барни отодвинул занавески на окне. Снаружи виднелся покатый склон, покрытый некошеной травой, пожелтевшей под летним солнцем. Склон круто спускался к тихой озерной бухточке, окаймленной темными стволами сосен. Поблизости не было ни души, но вглубь озера вели невысокие деревянные мостки. У дальнего конца мостков тихо поскрипывала на привязи старая весельная лодка. И было совершенно очевидно, что полдень здесь давно прошел, ибо день угасал, плавно перетекая в вечер.

Барни повернулся, ожидая поймать на себе мягкий, изучающий взгляд Мак-Аллена, и увидел, как старик вытащил на стол коробочку со снастями и складную удочку.

— Ваше открытие обеспокоило меня гораздо больше, чем вы можете предположить, — извиняющимся тоном заметил Мак-Аллен. Его губы

попытались изобразить тень улыбки. — В таких случаях я не знаю утехи лучше, чем ненадолго забросить крючок. Мне нужно кое-что спокойно обдумать. Пойдемте к мосткам. Там в садке должно было остаться немного наживки.

* * *

Когда некоторое время спустя они вернулись в лачугу, вид у Мак-Аллена был задумчив и грустен. Он поставил на плиту кофейник в маленькой кухоньке, затем быстро почистил и спрятал снасти. Барни сидел за столом, курил, наблюдал за ним, но не пытался завязать разговор.

Мак-Аллен налил кофе, придвинул поближе сахар и сухое молоко и уселся напротив Барни. Внезапно он спросил:

— Ну что, молодой человек, не хотите поделиться своими догадками по поводу, почему мне приходится держать в секрете свое чудо-юдо?

— Да, — ответил Барни, — точнее, у меня были подозрения, но только когда это произошло на самом деле, — он слабо махнул рукой в направлении стены, из которой они, по-видимому, шагнули на свет божий, — я пришел к определенным выводам.

— Да? — глаза Мак-Аллена внезапно сузи-

лись. — Каким же?

— Таким, что вы изобрели нечто совершенное.

— Совершенное? — эхом откликнулся Мак-Аллен. — Хм, продолжайте.

— Эта штуковина жрет не слишком много энергии, верно?

— Верно, — сухо сказал Мак-Аллен, — если вы имеете в виду ту энергию, за которую платят.

— Вот-вот. «Трубу Мак-Аллена» можно растянуть до любой точки Земли?

— Думаю, да.

— И вы финансировали постройку этой установки самостоятельно. Она сравнительно дешева. Если вдруг произойдет утечка информации, и кто-то сварганит машинку, подобную вашей, еще неизвестно, кто материализуется в вашем доме? Да еще в любое время, верно? И с какими намерениями?

— Это, — кивнул Мак-Аллен, — основная часть проблемы.

Барни нервно смял сигарету, зажег новую и выпустил тонкую струйку дыма.

— В сложившихся обстоятельствах, — заметил он, — вызывает сожаление тот факт, что вы не в состоянии дать задний ход, то есть закрыть эту штуковину обратно, ведь так?

Мак-Аллен немного помолчал.

— Итак, об этом вы догадались тоже, — сказал он наконец. — Так в чем я ошибся?

— Этого я не знаю, — сказал Барни, — но вы делали все возможное, чтобы мир не узнал о «Трубе Мак-Аллена». В то же время она у вас работает, и кто-то, рано или поздно, заметит, как это сделал я, что происходит нечто необъяснимое. Это всего лишь вопрос времени. И, похоже, ваши надежды на эту штуковину не оправдываются.

Мак-Аллен угрюмо кивнул.

— Именно так, — сказал он. — Именно так, мистер Чард. Не то, чтобы совсем не оправдываются, однако…

Он сделал паузу.

— Когда я впервые запустил аппарат, — сказал он, — то направлял его всего на две точки пространства. Обе расположены в моих личных владениях. Это большая удача, что так случилось.

— Эта лачужка и то место на Майорке?

— Да. Главная операционная станция «Трубы» надежно спрятана в моем доме в Калифорнии. Однако пришлось установить кое-какие контрольные устройства во всех точках выхода, чтобы можно было вернуться обратно. Сами

понимаете, нелегко было бы сохранить их тайну где-нибудь в общественном месте… М-да. Я не догадывался об установке этих устройств, пока не сравнил результаты реальной эксплуатации «Трубы» с теоретическими расчетами. Обнаружился один неучтенный фактор. Короче говоря, выяснилось, что я не могу, выражаясь вашим языком, закрыть «Трубу» обратно. Это неминуемо приведет к необычайно разрушительным последствиям в трех различных точках земного шара.

— Взрывы? — предположил Барни.

— Ну-у, — с сомнением протянул Мак-Аллен, — скорее, направленные вовнутрь взрывы, так будет точнее. Более точного термина в нашем языке не существует, и я предпочел бы, чтобы он там и не появился, по крайней мере, до тех пор, пока я жив. Теперь вам понятна дилемма, перед которой я оказался поставлен? Если я попрошу о помощи, мне придется объявить о существовании «Трубы». Как только станет известно о ее существовании, моя разработка может быть продублирована. Как вы правильно заметили, мою «штуковину» не слишком трудно воспроизвести. И даже если бы удалось решить все нынешние проблемы, «Труба Мак-Аллена» все равно останется слишком опасной игрушкой,

чтобы позволить ей распространиться в современном мире.

— Думаете, возникшие проблемы можно решить?

— О да, — Мак-Аллен размашисто снял очки и помассировал верхние веки. — Это действительно лишь вопрос времени. Поначалу я думал, что смогу все уладить в три-четыре года. К сожалению, я сильно недооценил расходы по некоторым необходимым экспериментам. Поэтому все так сильно затянулось.

— Понятно. Я все думал, — признался Барни, — почему такой человек как вы, у которого в голове вертятся такие ошеломительные идеи, проводит столько драгоценного времени за рыбалкой.

Мак-Аллен невесело ухмыльнулся:

— Вынужденная праздность. Все эти заморочки выводили меня из себя, мистер Чард. Мне приходилось продвигаться в своем деле, экономя буквально на всем, а значит — чрезвычайно медленно.

— Если бы не недостаток средств, как скоро можно наладить дело?

— За год, может быть, за два. — Мак-Аллен пожал плечами. — Трудно сказать совершенно точно, но не больше двух лет.

— И сколько для этого потребуется?

Мак-Аллен задумался.

— Боюсь, миллион — это нижний предел. Скорее всего, понадобится около полутора миллионов.

— Доктор, — твердо сказал Барни, — я хочу сделать вам одно выгодное предложение.

* * *

Мак-Аллен посмотрел на него внимательно.

— Вы хотите профинансировать мои эксперименты, мистер Чард?

— В обмен, — ответил Барни, — на некоторое возмещение моих затрат.

— Какое возмещение? — лицо Мак-Аллена приобрело настороженное выражение.

— Вследствие вашей отставки, — ответил Барни, — я потерял кругленькую сумму. Это был первый чувствительный удар в моей жизни, а я не люблю, когда мне больно. Я хочу получить свои деньги назад. Мы знаем, что это нельзя сделать при помощи «Трубы Мак-Аллена». Она не сделает наш мир лучше и безопаснее для Барни Чарда. Однако «Труба» в этом смысле ничем не лучше разума, который ее создал. Я знаю одну компанию, которая может стать лучшей в мире

в сфере тонкой электроники — они занимаются особыми видами связи — если вы станете ее научно-техническим консультантом. Я могу хоть завтра купить контрольный пакет этой компании, доктор. А вы получите свои полтора миллиона в течение примерно того времени, которое вам необходимо, чтобы запереть вашего монстра и исключить его из достижений цивилизации. Три года вашего технического руководства фирмой — и мы в расчете. Ну, как, по рукам?

Лицо Мак-Аллена медленно налилось краской:

— Я, разумеется, думал о том, чтобы заняться коммерческим использованием своего изобретения, мне нужны деньги. Но вам не кажется, что вы кое-что упускаете?

— Что именно?

— Я пошел на значительные жертвы, — ответил Мак-Аллен, — чтобы все принимали меня за свихнувшегося фанатика. Это было мучительно, более того, крайне неприятно, но необходимо, чтобы никто не предпринимал попыток слишком скрупулезно изучить ту область прикладной физики, которой я занимался в последнее время. Если станет известно, что я снова взялся за крупный проект…

Барни покачал головой:

— Никаких проблем, доктор. Мы привлечем какого-нибудь талантливого имитатора со стороны для выполнения наших поручений, а скрыть какие-либо нити, ведущие к вам лично, будет несложно. У меня такие вещи всегда получались превосходно.

Мак-Аллен глубокомысленно нахмурился.

— Понимаю. Но мне придется… Не получится ли так, что работы будет слишком много, и я…

— Нет, — ответил Барни. — Я гарантирую вам наличие свободного времени на решение ваших персональных проблем.

Он улыбнулся.

— Учитывая все то, что вы мне рассказали, доктор, хотелось бы услышать, что одну из ваших проблем я только что решил!

Мак-Аллен коротко усмехнулся:

— Очень хорошо. Э-э… и когда я могу получить чек, мистер Чард?

* * *

Солнце садилось за меленькое озеро, когда Барни задернул занавески на окне лачужки. Доктор Мак-Аллен наполовину скрылся во встроенном шкафу, настраивая пару переключателей замаскированного возвратного устройства.

— Поехали, — неожиданно сказал он.

В метре от стены возникло туманное видение другой стены с открытой в ней дверью.

Барни с сомнением заметил:

— Разве мы вышли отсюда?

Мак-Аллен посмотрел на него устало и печально:

— В качестве выхода все выглядит несколько иначе. Однако «Труба» все еще открыта, смотрите, я сейчас покажу.

Он подошел поближе к призрачной двери и словно погрузился в нее. Барни последовал за ним, затаив дыхание. И вновь прохождение «Трубы» не вызвало у него никаких чувственных реакций. Как только он, покинув царство теней, поставил ногу на твердь, гостиная в доме на Сладком пляже тотчас обрела внезапное и вполне несомненное существование.

— Немного странно выглядит на первый раз, верно? — заметил Мак-Аллен.

Барни вновь обрел способность дышать.

— Если бы «Трубу» изобрел я, — честно признался он, — у меня, наверное, никогда не хватило бы духу попробовать.

Мак-Аллен ухмыльнулся.

— Сказать по правде, мне пришлось немало

выпить, прежде чем я смог сделать это впервые. Однако переход абсолютно безопасен, если вы знаете, что делаете.

Что, как почувствовал Барни, не слишком успокаивает. Он оглянулся. Дверь, через которую они вошли, была той же самой, через которую они вышли. Однако за нею теперь виднелась часть холла дома на Сладком пляже.

— Пусть это не вводит вас в заблуждение, — сказал Мак-Аллен, проследив за его взглядом. — Если попытаетесь войти в холл, то вновь окажетесь в кабине. Световые лучи, проходящие сквозь «Трубу», можно преломлять как в одну, так и в другую сторону.

Он закрыл дверь на замок и положил ключ в карман.

— Обычно я держу ее запертой. У меня не часто бывают гости, но если кто-нибудь из них придет, когда дверь открыта, это может вызвать неприятные последствия.

— А что находится с другого конца? — спросил Барни. — Дверь появилась в лачужке после того, как вы повернули какие-то переключатели. Что происходит сейчас? Предположим, кто-то проникнет в лачужку и захочет в ней покопаться, дверь по-прежнему там?

Мак-Аллен покачал головой.

— Нет, если этот кто-то не проникнет в нее в последующие полминуты.

Он ненадолго задумался.

— Скажем так: «Труба» постоянно нацелена на две исходные точки, однако ее действие на другом конце обычно распространяется не более чем на полкилометра в окружности. Для практических целей такое положение дел недопустимо. Если я хочу пройти по «Трубе», то фокусирую ее на точке выхода, надеюсь, это понятно? Очень хорошо. Она остается сфокусированной в течение от одной до полутора минут, в зависимости от того, как я ее настрою; затем снова расширяется…

Он кивнул на запертую дверь.

— …в лачужке, которая только что исчезла. Пройдите по тому месту, где она находилась, и не заметите ничего необычного. Теперь все понятно?

Барни с сомнением взглянул на профессора.

— А если бы дверь была открыта здесь, и кто-нибудь попытался пройти к выходу, после того как он расширился…

— Ну, — сказал Мак-Аллен, подходя к звонку на стене и нажимая на кнопку, — это я и имел в виду, говоря, что это может вызвать неприятные

последствия. Этот кто-нибудь тоже расширится, с катастрофическими для себя результатами. Возможно, вам полезно будет выпить, мистер Чард? Мне, например, это просто необходимо.

* * *

Стаканы, принесенные Фредериксом, оказались наполнены дешевым бурбоном, но Барни оказал выпивке самый радушный прием. В факте, вставшем вдруг перед ним с такой определенностью, присутствовала какая-то тошнотворная привлекательность: он заполучит эту «Трубу». Это чудовищное устройство было почти у него в руках. Он завоевал безоговорочное доверие Мак-Аллена, и только неосторожность могла вновь возбудить подозрительность наивного старикана, а Барни отнюдь не собирался проявлять неосторожность. Только не нужно спешить. Он сыграет ту скромную роль, что выбрал сам, памятуя, что Мак-Аллен тяготится своей тайной двенадцать лет, не доверяя ее никому, кроме Фредерикса. Рассказав Барни так много, Мак-Аллен захочет рассказать еще больше. Сейчас нужно только чуточку подтолкнуть, чтобы профессор разоткровенничался.

Но Барни не стал его подталкивать. Вместо

этого он осторожно напомнил, что их могут подслушивать, и Мак-Аллен неохотно умолк. Тем не менее, оставался один важный вопрос, ответ на который подскажет ему, как следует поступить с Мак-Алленом в дальнейшем.

Прежде чем его задать, Барни подождал, пока сможет твердо стоять на ногах, чтобы при случае быстро смотать отсюда удочки. Пухлые щеки Мак-Аллена пылали от двух осушенных залпом стаканов виски с содовой. В нескольких неуклюжих фразах он выразил благодарность Барни за щедрую помощь, благодаря которой работа над «Трубой» сможет быть завершена.

— Меня несколько беспокоит лишь одна вещь, доктор, — откровенно признался Барни.

Взгляд Мак-Аллена затуманился:

— Какая же, мистер Чард?

— Ну… вы сейчас, я полагаю, находитесь в добром здравии, — улыбнулся Барни. — Но, предположим, с вами что-то случится до того, как вам удастся закрыть свою «Трубу».

Он наклонил голову в сторону запертой двери. Печальное выражение Мак-Аллена улетучилось как по волшебству. Он игриво ткнул Барни пальцем в живот:

— Молодой человек, можете не волноваться. Я,

разумеется, предусмотрел такую возможность, и, будьте уверены, веду подробнейшие записи своих разработок. Кроме того, я оставил точнейшие инструкции в банковском сейфе… Но поговорим об этом завтра. Что-нибудь еще? Если честно, у меня был на примете один человек, но теперь мы с вами сможем устроить все гораздо лучше. Понимаете, теперь это стало до смешного просто.

Барни откашлялся.

— Другой физик в качестве помощника?

— Мне подойдет любой толковый физик, — решительно заявил Мак-Аллен. — Видите ли, вопрос лишь в том, насколько на него можно положиться.

— Мы поговорим об этом завтра или… — Барни подмигнул профессору, — чуть позже.

С выражением отстраненного удивления Барни смотрел на человека, который только что подписал себе смертный приговор, себе и своему старому слуге. Впервые в довольно пестрой карьере Барни вопрос об умышленном убийстве не только возник в ходе операции, но и в мгновение ока стал ее неотъемлемой частью. А Мак-Аллена заменит Фрэнк Элби, с его честолюбием и жадностью. Элби очень способен, к тому же его можно будет контролировать. Мак-Аллена же не

проконтролируешь. Его можно только обмануть и, если понадобится, убить.

А убить профессора необходимо. Если Мак-Аллену позволить дожить до того времени, когда сможет отключить «Трубу», он ее просто выключит, а потом уничтожит само устройство и все свои записи. Его не разубедишь в том, что «Труба» представляет серьезную угрозу. Да и Фредериксу, этому любителю подслушивать за дверью, придется упокоиться навеки, дабы обеспечить Барни безраздельное владение «Трубой».

А что, если Мак-Аллена оставить в живых? Нет, решил Барни, это невозможно. Он сделал ставку в новой игре, крупной игре, невероятной, поразительной игре, принимая во внимание открывающиеся возможности «Трубы». Это означает для него новый интерес к жизни. Не в его правилах отказываться от таких шансов. Что же касается участи профессора, то его смерть — всего лишь суровая необходимость. Крайне неприглядная необходимость, но Мак-Аллен, который сладко бормотал что-то, пока они следовали коротким коридором ко входной двери, уже начал казаться Барни нереальным — этаким маленьким, пухлым, болтливым, растворяющимся в воздухе призраком.

В дверях компаньоны обменялись последними словами. Мгновение спустя Барни уже не мог бы их повторить. Правда, он мимолетно отметил, что у маленького призрака удивительно твердое рукопожатие. Затем биржевой спекулянт направился по цементной дорожке на улицу. На Калифорнию тем временем, наконец, опустился вечер, несколько домов через улицу отбрасывали на холмы смутные тени, в окнах горел свет. Барни вдруг понял, что чувствует себя удивительно усталым и подавленным. Он расслышал, как в нескольких шагах позади него Мак-Аллен закрыл дверь своего дома. Внезапно и дорожка, и сад, и улица, и дома, и холмы — все исчезло для Барни Чарда в ярчайшей беззвучной вспышке белого света.

* * *

Он пролежал с открытыми глазами несколько секунд, прежде чем смог полностью осознать этот факт. Он лежал на спине, глядя на балки низко нависающего потолка незнакомой комнаты. Свет был искусственным, приглушенным, точно на улице ночью. Внезапно его память прорезала яркая вспышка. «Меня пробросили!» — было первое, что пришло ему в голову. — «Перехитрили.

Провели. И кто…»

Затем все это ушло прочь под действием краткого, интенсивного всплеска радости по поводу того, что он все же жив и, по-видимому, не пострадал. Барни резко повернулся набок, обнаружил, что лежит на кровати, и огляделся.

Комната была низенькой и широкой. Что-то неуловимо странное…

Он быстро составил в уме подробное досье о ней. Стены красного дерева, мексиканские коврики на полу, книжные шкафы, камин, стулья, письменный стол с пишущей машинкой и настольной лампой. Напротив, у стены, стояли высокие напольные часы с блестящим металлическим диском вместо циферблата. Они издавали мягкий, тяжелый стук, похожий на биение сердца какого-нибудь исполинского животного. Это была точная копия тех часов, что он видел в гостиной Мак-Аллена. Комната, конечно, принадлежала профессору. Почти роскошная по сравнению с его испанским домом, но несшая его несомненный отпечаток. Внезапно Барни понял, что в ней необычно — отсутствие окон. Имелась дверь, по крайней мере, вытянув шею направо до отказа, он мог ее видеть. Она была полуоткрыта, за ней просматривался примерно метр узкого

прохода, освещенного в той же ненавязчивой манере. Оттуда не доносилось ни звука.

Он здесь один? Так что же все-таки произошло? Он явно находился не в доме Мак-Аллена и не в рыболовной хижине на озере. «Труба», должно быть, как-то захватила его своим раструбом перед домом Мак-Аллена и перенесла в дом на Майорке. Возможно также, что он находится в запертом укрытии, которое Мак-Аллен построил под домом на Сладком пляже.

Во всем этом были неприятны две вещи. Исследования Барни охватывали собой далеко не все секреты Мак-Аллена. А еще то, что старик не клюнул на щедрые посулы. Во всяком случае, не настолько, чтобы им поверить.

Досада на себя за то, что Мак-Аллен облапошил его, на мгновение переполнила Барни. Он соскочил с кровати. Его пиджак был аккуратно повешен на спинку стула, обувь стояла рядом с кроватью. Во всем остальном он был полностью одет. Содержимое карманов осталось нетронутым: бумажник, портсигар, зажигалка, даже револьвер были на месте, последний оказался даже заряженным, что вызвало у Барни подобие шока. Он переложил револьвер в карман брюк. Единственное, что исчезло, это наручные часы.

Он вновь осмотрел комнату, затем бросил взгляд на полуоткрытую дверь. Мак-Аллен не мог не заметить револьвер. Однако он не забрал его или, по крайней мере, не разрядил, что при других обстоятельствах могло бы напугать Барни. Что бы это могло означать? Крадучись, он подошел к двери, на несколько секунд прислушался, убедился, что ничего не слышит, и прошел дальше. Менее чем через две минуты он вернулся в комнату, чувствуя, как в душе поднимается паника. Он обнаружил ванную, маленькую кухню и кладовую, точнее, целый склад, по площади в два раза превышающий все остальное помещение, вместе взятое, и он был битком набит всевозможными упаковками, в нем имелась даже морозильная камера. Поскольку в коробках преимущественно еда, подумал Барни, а в помещении прекрасная вентиляция и автономно подается энергия, значит, Мак-Аллен соорудил себе превосходное убежище. В нем с определенным комфортом можно жить годами, не выходя на поверхность.

С точки зрения Барни, в устройстве убежища была только одна существенная странность, сильно его встревожившая. Нигде не было ни окна, ни двери.

«Труба Мак-Аллена», конечно, могла с успехом заменить эти традиционные приспособления. Но если «Труба» являлась единственным входом и выходом, тогда это означало, что Мак-Аллен дополнительно к убежищу обзавелся превосходной тюремной камерой, чье местонахождение могло быть в нескольких сотнях метров под землей. Предприятие, конечно, стоившее кучу денег, но во всем остальном вполне осуществимое.

Он почувствовал, как учащается его дыхание, и приказал себе расслабиться. Где бы он ни находился, продлится это недолго. Мак-Аллен вскоре должен вступить с ним в контакт. И тогда…

Взгляд Барни уперся в письменный стол на противоположном конце комнаты — на столешнице лежали его наручные часы. Он подошел, поднял их и обнаружил под ними узкий белый конверт, адресованный ему.

Мгновение он непонимающе смотрел на конверт. Затем слегка трясущимися руками оторвал краешек и вынул лист с напечатанным на нем текстом.

* * *

Письмо было напечатано на личном бланке Оливера Б. Мак-Аллена.

Дорогой мистер Чард!

Несчастливое стечение обстоятельств в сочетании с некоторыми чертами вашего характера заставили меня причинить вам ряд серьезных неудобств.

Позвольте объяснить: информация, переданная вам мной относительно «Трубы Мак-Аллена» и моего текущего положения, не вполне соответствует действительности. Мое изобретение отнюдь не является тем строптивым инструментом, каким я его описал, а именно, его можно «закрыть» в любое время и без каких-либо сопутствующих трудностей. Далее, решение сокрыть существование «Трубы» было принято вовсе не мною одним. Долгие годы мы — то есть мистер Фредерикс, обладающий дипломом инженера и в значительной мере ответственный за конструктивное воплощение «Трубы» — и я являемся членами ассоциации, о которой, боюсь, я не могу рассказать вам слишком подробно. Зато я могу вам открыть, что, помимо прочих вещей, эта ассоциация охраняет от праздного любопытства не только мое детище, но и еще некоторые опасные плоды человеческой науки и намерена продолжать это делать до тех пор, пока более стабильные времена не позволят их обнародовать

без опасений.

Охранять новшества, подобные «Трубе», от попадания в безответственные руки — в наши дни задача не из легких, однако в нашем распоряжении множество различных и весьма эффективных средств. В данном случае, вы случайно оказались вовлечены в ситуацию, специально разработанную для того, чтобы отвлечь активное внимание другого человека, некого умного и беспринципного индивида, который стал проявлять в последнее время повышенный и в высшей степени нежелательный интерес к тому квазипубличному фиаско, которое якобы потерпел мой «телепортатор материи» несколько лет назад. Шансы на то, что кому-то другому станет известно о некоторых темпоральных несообразностях, кои были сфальсифицированы для привлечения внимания этого индивида, казались мизерными и не заслуживающими внимания. Тем не менее, произошло неожиданное: заинтересовались вы, мистер Чард. Стремительность, с которой вы провели свое предварительное расследование, свидетельствует о недюжинной смышлености и силе воображения, свойственной вашему мышлению, с чем вас можно искренне поздравить.

Однако нами были своевременно замечены

и ваши, куда менее достойные, мотивы. Пока я изображал сложный процесс принятия решения, которое вы, по-видимому, считали для меня неизбежным, ваше прошлое проходило тщательную проверку силами нашей ассоциации. Расследование подтвердило, что вы подпадаете под категорию лиц, к которым мы имеем более чем веские основания относиться с осторожностью.

Принимая во внимание и то, насколько далеко вас продвинула ваша подозрительность, а так же то, что вам удалось выяснить, как бы ни была искажена картина, все вышеперечисленное создает серьезную проблему. Проблема эта обостряется еще больше в связи с тем, что ассоциация приступает к осуществлению одного своего довольно важного «пятилетнего плана». Предание гласности кое-каких фактов в течение этого периода возымело бы совершенно непредсказуемые и откровенно нежелательные последствия. Таким образом, возникла насущная необходимость надежно обезопаситься от того, что вы можете разболтать. Хотя бы до тех пор, пока наш план не будет выполнен. Уверен, что вы понимаете, насколько неблагоразумно в этом отношении было бы положиться на ваше честное слово. Ваша свобода передвижения и возможность общения

должна быть радикально сокращена до истечения вышеупомянутого пятилетнего срока.

В течение следующих двух недель, как показано на часах в ваших новых апартаментах, возможность связи с вами будет утрачена для меня или кого-либо другого из членов ассоциации вплоть до наступления дня вашего освобождения. Я сообщаю вам это, дабы вы не тешили себя напрасными иллюзиями относительно изменения ситуации в свою пользу, а как можно скорее смирились с тем фактом, что ближайшие пять лет вам предстоит провести в полнейшем одиночестве. Мы постарались сделать все возможное для того, чтобы в сложившихся условиях вы провели их как можно комфортнее.

Вероятно, вы уже попытались найти выход из своего, признаться, довольно тесного жилища, в котором вас оставили. Способ сделать это станет вам ясен ровно через двадцать четыре часа после того, как я закончу и запечатаю это письмо. Мне подумалось, что лучше всего будет сообщить вам некоторые подробности относительно вашего заточения, прежде чем вы сами убедитесь, что вам предоставлена максимальная свобода, какую только можно было вам позволить в сложившихся обстоятельствах.

Искренне ваш, Оливер Б. Мак-Аллен.

Барни уронил письмо на стол. Его лицо вспыхнуло.

— Да ты псих! — громко сказал он, наконец. — Еще больший псих, чем…

Он выпрямился и вновь оглядел комнату.

Предпочесть ли в тюремщики маньяка Мак-Аллена или тайную ассоциацию, посвятившую себя сохранению в тайне опасных научных разработок, — этот вопрос можно считать открытым. Если часы не были переведены, он находился без сознания, вне зависимости от того, что именно повергло его в это состояние, около пяти часов. Или около семнадцати, добавил он, подумав. Однако в последнем случае он был бы уже голоден, а сосания под ложечкой его организм пока не испытывал.

Стало быть, прошло пять часов. За пять часов они не смогли бы приготовить «жилище» так, как оно приготовлено: для проживания на неопределенный срок. Значит, можно предположить, что Мак-Аллен создал его как личное убежище на случай чего-либо вроде ядерного Холокоста. Но тогда зачем было им жертвовать ради какого-то Барни Чарда?

Слишком много вопросов, подумал он. Не луч-

ше ли просто осмотреться.

* * *

Пустой металлический циферблат напольных часов поворачивался, обнаруживая за собой четыре других диска с разными шкалами, из которых Барни была знакома лишь одна. Биржевой спекулянт изучал остальные три в течение нескольких секунд, прежде чем их значение стало ему понятно. Огромные часы только что мягко отсчитали четвертый час первого дня первого месяца, первого года. На диске, отсчитывающем года, значилось пять цифр.

Барни уставился на диск неподвижным взглядом. Ага, пятилетний период, здесь должен быть ключ к разгадке всего происходящего.

Он покачал головой. Ключ это или нет, не определишь без дополнительных сведений. Он захлопнул диск-крышку над непонятными шкалами и задумался над письмом Мак-Аллена. То, что ожидало его через двадцать четыре часа, означало избавление от перспективы быть погребенным заживо в этом подземелье. Мак-Аллен вряд ли предоставит ему персональную «Трубу», значит, он имеет в виду обычную дверь, открывающуюся в окружающее пространство,

снабженную замком с часовым механизмом.

В таком случае, где же эта дверь?

Барни предпринял вторую и более основательную попытку ее найти.

Три часа спустя он покончил с этим безнадежным занятием. Панели в любой из комнат могли скользнуть в сторону и за любой из них в указанное профессором время могла обнаружиться дверь, или то же самое могло произойти с одной из секций полового настила. Не было никакого смысла продолжать поиски. В конце концов, нужно было просто подождать.

По пути он сделал несколько открытий. Вскрыв несколько упаковок в кладовой и проверив содержимое морозильной камеры, он нашел, что здесь хранилось питания более чем достаточного на пять лет для одного человека. Предположительно, воды будет также достаточно — пока Барни не нашел способа это проверить. Источник воды, равно как и энергии и свежего воздуха, должен находиться где-то снаружи, и если воды будет вдоволь, он не будет страдать ни от голода, ни от жажды. Его снабдили даже табаком и спиртными напитками — во вполне приемлемом количестве. Все спиртное, что он видел, было отменного качества. Почти наугад он выбрал бутылку коньяка

и принес ее в центральную комнату вместе со стаканом. В этот момент он не мог думать о еде, но решил, что выпить было бы невредно.

Он наполнил стакан наполовину, осушил его в два глотка, наполнил снова и поставил на подлокотник кресла. Почти сразу он почувствовал себя лучше. Однако ситуация угрожала лишить его присутствия духа. Все, что он пока успел выяснить, подтверждало сказанное в письме Мак-Аллена, а то, о чем там не говорилось, пугало своей таинственностью. Пока эта столь хитроумно спрятанная от него дверь не откроется, что должно произойти через семнадцать часов, наверное, будет лучше, если он не будет пока задумываться об этом.

Наилучшим способом сделать это — поскорее хорошенько нагрузиться, а затем проспать большую часть отпущенного времени.

Обычно Барни не имел привычки напиваться, но в этот раз пришлось начать вторую бутылку, прежде чем очертания жилища поплыли у него перед глазами. Впоследствии он не мог припомнить в деталях, как добрался до кровати.

* * *

Он проснулся страшно проголодавшимся и безо всяких признаков похмелья. Мысленно приспособиться к окружающей обстановке заняло у него не больше времени, чем открыть глаза, учитывая, что ему приснилось, как Мак-Аллен бросил его в яму, полную змей, и садистски размахивал канатом в четырех метрах у него над головой. Обнаружить себя лежащим в мягко освещенном подземелье показалось райским облегчением. По крайней мере, на несколько секунд.

Облегчение мгновенно испарилось, как только он сел и посмотрел на часы. Оставалось ждать еще больше часа, прежде чем эта идиотская дверь Мак-Аллена соизволит объявиться. Барни выругался и поплелся освежиться в ванную.

Там он нашел электробритву, конец шнура которой исчезал в стене. Барни побрился столь же педантично, как в начале самого обычного для себя дня, приготовил кофе с тостами в маленькой кухне и позавтракал в главной комнате. Ел он неспешно, ибо был погружен в свои мысли, и все время поглядывая по сторонам. Спустя несколько минут он отодвинул тарелку и встал. Если бы двадцать четыре часа Мак-Аллена исчислялись

по большим напольным часам, дверь уже должна была появиться.

Очередной осмотр не принес никаких результатов, помимо того, что заставил настолько разнервничаться, что он готов был кусать пальцы. Он ходил по комнате взад и вперед, обозревая вещи, которые уже осматривал. Музыкальное устройство, которое он принял за радиоприемник, оказалось новейшим и необычайно качественным проигрывателем, рядом с ним он обнаружил две стеллажные стойки с пластинками, по большей части классикой. Кроме того, он нашел узкий встроенный шкаф с тремя полированными удочками и прочим снаряжением, что наводило на определенные мысли в отношении окрестностей его жилища, если только Мак-Аллен, где бы ни находился, не привык держать при себе свои игрушки. Барни мрачно прикрыл дверь шкафа, и стал осматривать стоящие рядом полки, битком набитые книгами. Большинство изданий, так или иначе, отражало вкус Мак-Аллена. Тома по технике. Великая Литература. Диккенс, Мелвилл, «Жизнеописание Ганди».

Барни проворчал что-то и уже собирался отойти от шкафа, когда его внимание привлек еще один заголовок. Он оглянулся и взял книгу в руки:

«Рыбы: испытанные методы ловли». Автор: О. Б. Мак-Аллен.

Барни только собрался открыть книгу, как перед ним открылась дверь.

Яркий свет — дневной свет — заполнил комнату столь стремительно, что у Барни перехватило дыхание. Книга точно выпрыгнула у него из рук. Одновременно он заметил, как на противоположной стене появилось низкое, широкое панорамное окно, занимая ее половину, и на другой стороне — большую дверь, которая все еще медленно открывалась внутрь. Дневной свет лился в комнату через окно и дверь, а за ними…

Несколько секунд он не мог оторвать взгляд от пейзажа, едва понимая, на что же он смотрит, и мысли бешено прокручивались у него в голове. Он исследовал каждый сантиметр каждой стены. Толстые деревянные панели не отошли в сторону, поверхности окна и двери стыковались вровень с соседними панельными секциями. По-видимому, «Труба Мак-Аллена» каким-то образом была задействована в этих переменах. И раньше можно было догадаться, что Мак-Аллен умеет использовать возможности своего детища по-разному. Затем Барни понял, наконец, что смотрит в окно, а дверь находится у него за спиной. Он медленно

подошел к окну, все еще переводя дыхание.

Пейзаж показался ему незнакомым, но не столь уж необычным. Маленький домик прилепился к склону довольно узкой долины, покрытой густым лесом. До дальнего склона, который круто поднимался, точно огромная зеленая волна, заполняя собой всю долину, было не больше полукилометра. Пододвинувшись к стеклу, Барни увидел над ней полоску неба, чуть подернутого дымкой, летнего, яркого, светлого неба. Мак-Аллен, по-видимому, поместил свое убежище в наиболее малонаселенной части Канадских Скалистых гор.

С таким же успехом — и эта возможность представилась ему значительно менее радостной — местность с равной вероятностью могла находиться где-нибудь в районе Гималаев.

Однако самым важным сейчас было то, действительно ли дом расположен в долине, или это только видимость. При наличии «Трубы» несложно было сделать так, чтобы и комната и видимое ее окружение в действительности были разнесены в пространстве за многие-многие километры друг от друга. И что произойдет, если он отважится выйти наружу?

Из-за открытой двери раздавались мало связан-

ные между собой звуки живой природы: птичий щебет, свист, хрипловатое курлыканье, которое в памяти Барни было связано с чем-то вроде диких голубей. Порыв ветра расшевелил близлежащие ветви. Он почувствовал в комнате дуновение бриза.

Все выглядело, звучало и ощущалось вполне адекватно.

Барни нахмурил брови, прокашлялся, и только тут обнаружил, что в комнате, помимо двери и окна, появился еще один предмет. На стене рядом с дверью, на уровне его плеча, возникла небольшая гладкая круглая пластинка цвета слоновой кости с двумя черными переключателями. Предположительно, они управляли появлением окна и двери…

Барни подошел ближе, и, поглядывая на окно, осторожно дотронулся до правого, затем быстро повернул. В тот же миг окно исчезло, а деревянная панель вновь покрыла стену. Барни вернул переключатель в прежнее положение — окно вернулось на место.

Дверь отказывалась исчезать, пока он ее не захлопнул. После этого она повиновалась переключателю столь же покорно, как и окно.

Он снова прошелся по комнате, вернулся с од-

ним из рыболовных приспособлений Мак-Аллена и испытующе высунул его кончик в дверь. Он не сильно удивился бы, если бы этот кончик тут же рассыпался на мелкие части или обуглился у него на глазах. Однако ничего подобного не произошло. Он порылся кончиком удилища в рыхлой почве у порога, затем втянул обратно.

Домик овевали потоки свежего бриза, несколько крупинок почвы занесло за порог в комнату. Похоже, что дверь вполне безопасна и не содержит неприятных ловушек.

Барни шагнул за порог, затем медленно продвинулся еще на несколько шагов вперед и остановился, оглядываясь по сторонам. Отсюда открывался куда лучший вид на долину, и это немедленно сообщило ему, что он находится не среди Скалистых гор в Канаде. По крайней мере, насколько ему было известно, пустынь в Канаде не было. А здесь долина заканчивалась приблизительно в километре от дома, лесистые склоны круто спускались к ландшафту однообразно-ржавого цвета, где плоские пески перемежались обломками обветренных скал, и так продолжалось до самого горизонта, где край пустыни сливался с краем дымчато-белого неба. Очень похоже было на…

Барни внезапно вытаращил глаза. Возможно, он находится в Сьерре, а ведь это всего в каких-то трех-четырех часах езды от Лос-Анджелеса?

Конечно, три-четыре часа — при условии, что у него есть машина. Но даже и так…

Это его озадачило. Вокруг не было никаких признаков человеческого жилья, ни одной живой души. Однако кто-то ведь должен быть здесь. Кто-то, кто должен за ним присматривать. Иначе — что может удержать его от попыток уйти из места своего заточения, пусть даже это станет довольно тяжелым, изнурительным походом до ближайшего оазиса цивилизации.

Даже если окажется, что его поместили в Гималаях, или еще каком-нибудь столь же удаленном месте, рядом должны жить какие-то горные племена, а в небе — иногда пролетать самолеты.

Барни остановился у двери, заново обдумывая ситуацию и ища в ней подвох. Мак-Аллен и его друзья, кем бы они ни были, явно не идиоты. Что-то здесь было не так, что-то, о чем он пока не догадывается.

Почти бездумно он поднял голову и прищурился в яркое белесоватое небо… И увидел ЭТО.

Воздух с шумом вошел в легкие. Он вырвался наружу придушенным, полным ужаса криком, с

которым Барни бросился обратно в дом, захлопнул дверь, повернулся и начал неистово щелкать переключателями на настенной пластинке. До тех пор, пока дверь и окно не скрылись из виду, а вокруг снова не засветился приглушенный сумрак навязанного ему жилища. Он припал к полу, содрогаясь всем телом от страха, которого ранее не мог даже вообразить.

Теперь он понял, в чем таился подвох. Понял, как только машинально поднял взгляд и увидел крошечную бело-голубую светящуюся точку, смотрящую на него из-за раскаленных облаков. Точно блестящий глаз чудовищного насекомого…

Солнце этого мира.

Конец Первого Года

*** * ***

Барни Чард очнулся от тяжелого сна и вдруг понял — что-то не так. Несколько секунд он водил глазами по темному потолку, ощущая сухость во рту, сердце натужно билось в тягостном предчувствии. Затем он обнаружил, что всего лишь оставил открытой входную дверь и включенным окно. Всего лишь? Это произошло впервые с тех

пор, как его оставили здесь. Он никогда не засыпал, не запечатав предварительно свое жилье, даже когда напивался в стельку.

Он подумал о том, чтобы вылезти из кровати и сделать это сейчас, но решил, пусть все остается, как есть. В конце концов, он знал, что в долине нет ничего, как нет ничего во всем этом мире, чего можно было опасаться. Кроме того, он чувствовал себя смертельно усталым, слабым и больным. А ведь подобное чувство давно не беспокоило его, как бывало раньше, нет, то было просто констатацией физического факта. Простыня оказалась пропитанной потом, хотя в комнате было не более чем приятное тепло. В его жилище никогда не было перепадов температуры. Барни снова попытался понять, как же так случилось, что он забыл об окне и двери.

Была довольно глубокая ночь, когда он уснул, но вне зависимости от того, сколько он проспал, ей предстояло еще длиться и длиться. Когда последний раз он дал себе труд проверить, а это было, вспомнил Барни, несколько месяцев назад, бессолнечный период длился более пятидесяти шести часов. Незадолго до того, как упасть в кровать, он стоял перед большими часами, и минутная стрелка на часовом циферблате при-

ближалась к отметке, означающей окончание первого года в земном летоисчислении, проведенного им в этой лачуге. Наблюдая за сим торжественным событием, он был вновь ошеломлен осознанием чудовищности своего одиночества, и когда стрелка принялась отсчитывать следующий год, со всхлипами и ругательствами сжал в руке револьвер, ослепленный неистовой смесью жалости к себе и бессильной ярости. Затем сменил гнев на милость и решил отбросить прочь горести, прекратить стенания и вместо этого хорошенько повеселиться и как следует надраться. И в эту ночь, ночь счастливой годовщины, превзойти все свои прежние попойки.

Однако он этого не сделал, хотя все приготовил празднично: расставил стаканы, колотый лед, представительный отряд непочатых бутылок. Но, взглянув на сей боевой строй, вдруг заранее почувствовал тошноту. Затем ощутил прилив свинцовой тяжести полного поражения. У него не было времени подумать о том, чтобы запечатать дом. После этого он просто упал в кровать как был, и счел за благо забыться на месте. Барни Чард лежал и раздумывал об этом не без удивления. Можно было сказать, что год выдался нелегким. На протяжении долгих дней,

в особенности, когда он изо всех сил пытался примириться со здешним окружением под туманным влиянием беспробудного алкоголизма. Одна мысль об адски блистающей звезде, вокруг которой кружился этот мир, и сознание того, что лишь крыша и стены лачуги отделяют его от бесконечно чужого пылающего светила, казались совершенно не выносимыми. Спустя некоторое время он стал намного легче переносить долгие ночи. В них тоже была своя странность, но разница по сравнению с земными была не столь велика. Он привык к огромной зеленой луне и начал чувствовать нечто вроде привязанности к спутнику поменьше, сливочно-желтого цвета и с такой вытянутой орбитой, что делало ее сравнительно редкой гостьей на небосклоне. По ночам он время от времени начал оставлять окно открытым на несколько часов, и наконец даже дверь. Однако раньше он никогда не делал этого, если собирался заснуть.

Алкоголизм, решил Барни, тяжело ворочаясь на промокшей и измятой простыне, был не слишком ему свойственен. Его организм, или, возможно, некий фактор в его сознании, позволяли заходить далеко, но не слишком. Стоило превзойти неписаный лимит промилле в крови, как внезапно резко

ухудшалось самочувствие. Периоды злостного злоупотребления горячительным отзывались крайне неприятными последствиями. Барни Чард, парень когда-то крепкий как сталь, сразу после запоев представлял собой неприглядное зрелище: разлагающийся заживо, рассыпающийся на кусочки. Именно тогда, когда это зрелище ему не удавалось отогнать, он садился за стол с револьвером в руке, медленно вращая барабан. Временами казалось, что рука тянется к виску.

Возможно, он просто слишком сильно ненавидел Мак-Аллена и его коллег по ассоциации, чтобы взять и положить всему конец. Как в пьяном, так и в трезвом виде, он вынашивал бесконечные планы по их уничтожению. Он должен быть жив, когда они прибудут сюда. В течение нескольких дней у него была галлюцинация, будто в лачуге Мак-Аллен со товарищи, и Барни спорил с ними, угрожал и умолял. Из этого он вынес чувство затаенного страха перед тем, что часто делал по вечерам. С тех пор он уже больше не пил так много. Однако на этот раз он уснул, не выпив ни капли.

* * *

Он сел на край кровати, обнаружил, что его слегка бьет дрожь даже от столь незначительного усилия, но все же встал на ноги и нетвердой походкой направился к двери. Встал рядом и выглянул наружу. Слоистые облака всегда развеивались ночью и собирались вновь на заре. Сейчас небо было почти чистым. Зеленое сияние, поднимающееся слева над пустыней, означало, что большая луна поднимается над горизонтом. Маленькая желтая — плавала высоко в небе. Если бы они сошлись вместе, была бы самая светлая часть ночи, во время которой птицы и другие животные в долине принимались за свои обычные дела, словно днем. Даже сейчас до Барни доносился щебет птиц сквозь неуемное журчание небольшого ручейка, протекавшего по центру долины, начинаясь из небольшого озерца и заканчиваясь застойными, пересыхающими лужами там, где он вторгался в пустыню.

Внезапно заточенный обнаружил, что принес револьвер и держит в руке, даже не подозревая об этом. Криво усмехнувшись бессмысленности своей прежней осторожности, Барни сунул его в карман брюк и вытащил спички, мятую пачку си-

гарет, чтобы закурить. Очень предусмотрительно с их стороны, что его не лишили некоторых мелких приятностей… например, оставили достаточно спиртного, чтобы он мог допиться до белых чертей в любое время.

Или, например, не забрали револьвер…

С точки зрения коллег Мак-Аллена из ассоциации, все, что с ним произойдет, разумеется, зависело от него самого, горько подумал Барни. Любой несчастный случай не отяготит их совесть.

Он почувствовал минутную вспышку прежней ненависти, но она была чрезвычайно слабой, нечто, уподобленное легкой зыби по сравнению с более ранними шквалами гнева. За эти месяцы что-то перегорело в нем, и опустевшей душой завладела нарастающая скука…

А что, собственно говоря, с испугом подумал Барни, он делает у двери? Он не собирался зайти так далеко, ведь прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он выходил за порог. В течение первых нескольких недель он предпринял полдюжины попыток обследовать окрестности по ночам, но быстро понял, что его владения простирались не дальше видимых пределов долины. За ее краем простиралась бесконечная пустыня

и горные хребты, устрашающе безмолвные в лунных лучах.

Барни в нерешительности окинул взглядом долину, еще не понимая, почему он не принял решение. Возвращаться в дом ему не хотелось, а просто стоять было скучно.

— Ну что ж, — саркастически произнес он вслух, — подходящая ночка для прогулки, братец Чард.

В самом деле, почему бы не прогуляться? Уже было достаточно светло, чтобы видеть, если держаться подальше от самых густых зарослей, куда ставить ногу, и становится все светлее, так как большая луна поднималась над далеким пустынным горизонтом. Он будет гулять, пока не устанет, затем отдохнет. К тому времени, когда вернется в свою нору, будет готов лечь и провалиться в сон от странного настроения, овладевшего им.

И Барни отправился на прогулку по долине, осторожно и пока еще неуверенно ступая по неровной, наклонной земле.

Еще в первые недели своего заточения он обнаружил у задней стенки одного из ящиков письменного стола записи на листках блокнота. Он подумал, что их оставили там намеренно.

Заглавие гласило:

ЗАМЕТКИ
О ЗЕМЛЕПОДОБНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЕ ВОСЕМНАДЦАТОЙ СИСТЕМЫ, ТОМ III.

Пролистнув странички однажды, он довольно долго не мог заставить себя заняться записями более подробно. В то время он еще не желал знать слишком много о том, в какой ситуации оказался. Он еще не вышел из состояния оцепенения.

Но однажды он взялся за записи и просмотрел с интересом. Некоторые сообщения были не подписаны, но, по-видимому, их собирали, по крайней мере, четыре или пять человек, и среди них был Мак-Аллен — его почерк было нетрудно узнать. Пропустив то, что было непонятно, или почти непонятно, Барни все же смог составить довольно детальное представление о проектах ассоциации, невольной и подневольной частью которых являлся. Земные растения, как и животные, были перенесены в этот мир, представляющий собой сочетание камня, песка и воды без скольких-нибудь заметных признаков местной жизни, при помощи «Трубы Мак-Аллена». В настоящий момент экологической Базе шел девятый год, что означало, что самые большие деревья выросли максимум наполовину, когда их

перенесли сюда вместе с почвой. Создать оазис жизни в бесплодном мире было выдающимся предприятием с любой точки зрения, однако существовали многочисленные указания на то, что «Труба Мак-Аллена» являлась лишь одним из целого ряда невероятных устройств, которые ассоциация имела в своем распоряжении для подобного рода целей. Несколько загадочных параграфов повествовали об удовлетворенности, которую испытывал неизвестный бытописатель от целого комплекса малопонятных методов, при помощи которых на Базе поддерживались постоянные климатические условия.

До сих пор оборудование, поддерживающее его жилище в постоянном порядке, не привлекало внимание Барни. Все оно, вместе с другой необходимой техникой, должно быть, спрятано где-то в долине. Возможно также, думал он, оно установлено где-то далеко в пустыне или между возвышающихся вдали горных кряжей. Из блокнота он узнал одну важную вещь: Мак-Аллен не обманывал его, говоря, что с Земли никто не сможет связаться с ним, пока не окончится период изгнания. Причина тому была очевидна. Данная планета вращалась на своей орбите таким образом, что излучение ее удаленного светила

периодически препятствовало работе «Трубы Мак-Аллена». Должно пройти еще четыре года, прежде чем планета вновь позволит преодолеть этот природный барьер.

* * *

Он немного прошелся, отдохнул, снова прошелся. Время от времени ему мешали приступы сильнейшего потоотделения, сменяемые дрожью, когда его белье начинало высыхать. Большая луна опиралась сейчас на край горного хребта, и первые потоки отраженного ею света превращали противоположный склон долины в причудливый океанский риф. Активность животных стремительно нарастала. Теперь было уже не темнее, чем в вечерние часы на Земле, и его предшественники по Экологической Базе, по-видимому, прекрасно приспособились к странной смене дня и ночи.

Он продрался сквозь заросли кустарника и оказался на берегу озера. Посреди почти круглой глади воды возвышались отвесные скалы, отмечающие верхний край долины. Он прошел почти километр, и хотя подобное расстояние, по крайней мере, в городе, когда-то ничего не значило для Барни Чарда, почувствовал себя совершенно

изможденным. Он присел у воды, а спустя минуту-другую наклонился и отпил прямо из озера. У воды был тот же самый холодный и свежий вкус, что из крана в доме.

Поверхность воды была неспокойна. Какие-то летучие насекомые роились вокруг, полируя гладь своими тонкими касаниями, и тотчас в этих местах образовывались мелкие водовороты, поскольку это поднималась с глубины рыба, чтобы поймать полировщиков. Вдруг одна из них вылетела прямо в воздух, огромная, блестящая, жирная рыбина величиной с руку и плюхнулась назад с тяжелым плеском. Барни криво усмехнулся. В ЗАПИСКАХ говорилось, что доктор Мак-Аллен приложил руку к заполнению долины, и в это верилось без труда, так как присутствие его любимцев — рыб — не было упущено даже при осуществлении столь удаленного от Земли проекта.

Он переменил позу, почувствовал в кармане револьвер, вытащил его. Волна всколыхнувшегося гнева снова прошлась внутри. Что они проделали с деревьями и животными, это их личное дело, а вот то, что они сотворили с человеком…

Барни с трудом поднялся, размахнулся и забросил револьвер далеко-далеко в озеро. Оружие

завертелось в лунном свете, описало пологую дугу, пробило поверхность воды и исчезло с плеском, гораздо менее звучным, чем произведенный рыбиной.

«Зачем, — с удивлением спросил себя Барни, — я это сделал?»

Он поразмыслил над этим немного и впервые за весь год почувствовал нечто, отдаленно напоминающее энтузиазм.

Нет, друзья-товарищи, он не умрет. Пусть Мак-Аллен со своими коллегами любезно предлагают ему извести себя, он намерен поставить их в неловкое положение, представ пред ними живым и здоровым, когда они через четыре года вернутся в долину. Тогда они его не убьют. Кишка у них тонка совершить убийство напрямую. Им придется вернуть его на Землю.

А как только он там окажется, то поступит коварно. И неважно, сколь тщательно будут за ним следить, в конце концов, он их найдет и разоблачит, а тем самым собьет спесь со всей этой самодовольной шайки. Он еще увидит, как оскорбленный в лучших чувствах мир проклятую тайную ассоциацию превратит в руины…

Конец второго года

* * *

На Экологической Базе в Восемнадцатой Системе наступил конец второго года заточения, но Барни этого не заметил. Примерно два часа спустя он посмотрел на свои часы, встал из-за стола и подошел к большим часам, дабы подтвердить свою догадку.

— Ну что же, братец Чард, — сказал он вслух, — еще одна годовщина… Так что осталось всего три. Мы почти на середине…

Он захлопнул крышку над многочисленными циферблатами часов и отвернулся. Еще три года на Экологической Базе казались мучительно долгими, если рассматривать их как единое целое…

Именно поэтому он избегал думать о них как о едином целом.

Этот год, признался себе Барни, прошел, по крайней мере, намного лучше первого. Хотя с другой стороны, что здесь может быть лучше, тут же подумал он с раздражением. Честно говоря, временами просто цепенеешь от скуки. Но физически он был в прекрасной форме, в гораздо лучшей, чем когда-либо в своей жизни.

Не удивительно. Когда ему становилось настолько не по себе, что он не мог заняться ничем другим, он отправлялся пешком по долине, двигаясь самым быстрым шагом, на какой был способен, пока не падал от усталости. Изможде-ние забивало беспокойство, правда, ненадолго. Выбор очередного дерева, чтобы расщепить на поленья, несколько ослаблял спазмы гнева, ду-шившие его, когда он слишком долго размышлял об этой идиотской ассоциации. Братец Чард здорово окреп. Убедившись в том, что огненный алмаз, блистающий на дневном небе, не способен причинить ему вред, ведь, в конце концов, жи-вотные от него не страдали, он приобрел загар, невиданный даже на Палм Бич. Когда ему уда-лось выработать, наконец, собственные периоды бодрствования и сна, он был уже готов, чтобы их соблюдать, и спал как убитый.

Кроме этого, у него появились проекты. Проек-ты, как победить скуку, и неважно, что они собой представляли. Почти ни один из них ничего собой не представлял. Но спустя уже месяц или два у Барни их было столько, что такой проблемы, как ничегонеделание, у него больше не возникало. Два часа отводилось на работу над критической оценкой некоей главы из одного глубокомыс-

ленного технического труда Мак-Аллена. Если настроение у Барни было очень неважнецкое, критический очерк приобретал непечатный характер, однако, печатать его никто и не собирался, а два часа тем временем пролетали незаметно. Полтора суток — в земном исчислении — на строительство работающей плотины через ручей в долине. Биржевой спекулянт превращался на это время в опытного ландшафтного архитектора. Плавательный бассейн на дне долины позади его жилища вряд ли вызвал бы особое восхищение у обитателей Калифорнии, однако, это был почти единственный проект, из которого он смог извлечь даже практический смысл.

Потом:

Полчаса — на усовершенствование техники бросания ножа.

Пятнадцать минут — на то, чтобы выпрямить лезвие кухонного секача в результате усовершенствования… (см. предыдущий пункт).

Два часа — на конструирование ловушки для одной из тех жирных серых белок, что постоянно крутились вокруг дома.

Пятьдесят минут — на решение новой шахматной задачи. Шахматы, как обнаружил, к своему удивлению, Барни, не так страшны, как их ма-

люют.

Пять часов — на изобретение еще одного абсолютно беспроигрышного способа уничтожения ассоциации. В этом пункте практического смысла было не больше, чем во всем остальном, и не могло быть, хотя теперь он знал о Мак-Аллене и его друзьях гораздо больше, чем раньше.

Однако это захватывало его почище шахмат.

Братец Чард смог победить скуку. Вероятно, сможет победить и еще три года скуки.

Он не собирался никого прощать за то, что его заставили побеждать скуку.

Конец пятого года

* * *

В течение нескольких часов станция Антиплано, принадлежащая ассоциации, оставалась и темной и почти безлюдной. Только переходный шлюз ИМТ под одним из приземистых одноэтажных домов тускло светился, и свет этот исходил от обширной видеопанели, расположенной в верхней части на стене. Панель охватывала собой некую весьма невыразительную часть галактики, туманное звездное поле, несколько сгущающееся вправо, и нечто, похожее на

большой расплывчатый красный шар, слева от центра. Джон Эммануэль Фредерикс, сидящий в одном из пары кресел для операторов «Трубы», не обращал на шар никакого внимания. Он слегка наклонился вперед, сосредоточенно вглядываясь в окуляры наблюдательного устройства.

Мелвин Симмс, психолог, неспешным шагом вошел в помещение через дверь входного шлюза, остановился позади Фредерикса и мягко сказал:

— Добрый вечер, доктор.

Фредерикс испуганно оглянулся:

— Я и не слышал, как ты вошел, Мел. А где Олли?

— Он ненадолго заглянул к Спалдингу, это в Вермонте. Оба появятся через несколько минут.

— Вместе со Спалдингом? Наш достопочтенный президент намерен лично взглянуть на результаты эксперимента Олли?

— Он будет представлять правление, — ответил Симмс. — В то время как я, видно, ты уже догадался, представляю разъяренный отдел психологии, — он кивнул на изображение. — То самое место?

— Оно самое, ЕТ База Восемнадцать.

— Плоховато видно сквозь «Трубу», ты не находишь?

— Да, все еще многовато паразитарного излучения. Но оно уже достаточно разрежено для наведения контакта. По показаниям — 0.19, то же самое было тридцать минут назад.

Он указал на кресло рядом:

— Садись, если хочешь рассмотреть получше.

— Спасибо, — психолог уселся в кресло, наклонился вперед и приник к окулярам. Спустя несколько секунд он заметил:

— Место выглядит не слишком гостеприимно…

— Все экологи в один голос уверяют, что Восемнадцатая — просто чудо как хороша. Никаких проблем, кроме тех, что мы сами себе создаем, — проворчал Фредерикс.

Симмс слабо улыбнулся:

— А это у нас ловко получается, верно? Вы еще не пытались отыскать… хм… предмет исследования Мак-Аллена?

— Нет пока. Пришли к выводу, что Олли должен присутствовать, когда мы выясним, чем там все кончилось. В этой связи, позвольте спросить, как прошло заседание?

— А вы не настроены против нас?

— Нет, мы были слишком заняты другими настройками, для намечающегося контакта.

— Ну, — Симмс откинулся назад в своем кресле, — могу сказать, что поначалу это была настоящая бойня. Доктор Психологии заявил, что он потрясен, возмущен и оскорблен. Словом, ругались по-черному. Я держался от этого в стороне, хотя, признаюсь, тоже был поражен, когда МакАллен частным образом проинформировал меня сегодня утром о пятилетнем проекте, который проводит втайне от всех. Его обвиняли в том, что он нарушает устав… ох, в чем только его не обвиняли, от нелегальщины до негуманного обращения. Разумеется, Олли отражал все нападки с присущим ему блеском.

— Еще бы.

— Его аргументы, — продолжал Симмс, задумчиво поджав губы, — были не лишены оснований. Это было признано всеми без исключения. Никому не нравится эвтаназия в качестве превентивного средства безопасности. Многие из нас ощущают, и я в том числе, что принятая им мера все же предпочтительнее процедуры промывки мозгов, которая требуется для создания значительных изменений для типа личности класса Чарда.

— Олли тоже это ощущает, — сказал Фредерикс. — В данном случае дело решило то, что

Барни Чард приобрел статус покойника с того самого момента, когда впервые сел ассоциации на хвост. Пришлось выбирать: либо эвтаназия, либо долговременная деформация личности.

Симмс покачал головой:

— Только не последнее, в данном случае мы даже рассматривать не хотим возможность личностных изменений.

— Тогда эвтаназия, — сказал Фредерикс. — Чард был слишком умен, чтобы просто не обращать на него внимания, и чересчур беспринципен, чтобы заслужить наше доверие. Поэтому Олли сообщил о его смерти.

* * *

Психолог помолчал несколько секунд.

— Проблема вот в чем, — вдруг сказал он. — Поговорив сегодня с Мак-Алленом, я экстраполировал личностное определение, выданное Чарду пять лет назад на основе всего, что о нем тогда узнали. Результат показал, что он должен сойти с ума и покончить с собой в течение года.

— Насколько надежен этот результат? — рассеянно спросил Фредерикс.

— Не более чем любой другой в персональной психологии. Однако все эти результаты дают

лишь известную вероятность… и, в этом конкретном случае, вероятность крайне неприятную.

— Оливер не мог не знать, каким может оказаться исход эксперимента, — ответил Фредерикс. — Одной из причин, почему он выбрал Базу Восемнадцать, была та, что нельзя вмешаться в процесс, раз уж тот начался. Пообщавшись с Чардом несколько часов, у него сложилось впечатление, что этот человек слишком «сконденсирован». Это Оливер так сказал, думаю, вы понимаете, что он имел в виду. Чард, очевидно, был умен и обладал повышенной жизнестойкостью. Он избрал неплохой способ утверждения себя в мире. Неплохой, но очень ограниченный. На самом деле, он, разумеется, был трусом. Он всю жизнь чего-то боялся и бежал от своего страха. Причем, не мог остановиться.

Симмс кивнул:

— База Восемнадцать его остановила. Того, от чего он всегда бежал, там просто не существует. Олли полагал, что Чард впадет в панику, когда это обнаружит. Весь вопрос в том, что он станет делать дальше. Выживание в таких условиях имеет один весьма специфический аспект. Единственной опасностью, угрожающей ему, были те негибкие, присущие его личности структуры,

которые он развивал на протяжении всей своей сознательной жизни. Окажется ли он достаточно умным, чтобы понять это? И сможет ли его жизненная приспособляемость, не имея альтернативы на протяжении пяти лет, оказаться достаточно сильной, чтобы преодолеть подобную опасность? — Он сухо откашлялся. — Здесь перед нами открываются две возможности, м-да… Однако, факт остается фактом, Оливер Мак-Аллен проявил себя как искусный практический психолог, продемонстрировав это и на заседании.

— Полагаю, Олли заслужил несколько резолюций, — заметил Фредерикс. — Как все прошло?

— Не так уж плохо. Первая резолюция принималась тайным голосованием. Вотум недоверия доктору Мак-Аллену.

— Это, кажется, уже семнадцатый по счету? — хладнокровно осведомился Фредерикс.

— Да, и этот факт был отмечен особо. Мак-Аллен признал, что ему ничего не оставалось делать, как самому проголосовать «за». Однако следующая резолюция, также получившая поддержку большинства, была посвящена тому, что люди с подобными… хм… скажем так, особыми способностями, как у Барни Чарда, и с подобным интеллектом могут принести большую пользу

ассоциации, если окажется, что существует возможность радикально избавить их от наиболее неприглядных социопатических тенденций. С некоторыми оговорками, но департамент Психологии не мог не поддержать данную резолюцию. Равно как и третью, а именно, что нам, Психологии, предписывается непредвзято изучить результаты эксперимента доктора Мак-Аллена на Базе Восемнадцать и доложить о целесообразности проведения подобных экспериментов в будущем, если необходимость в таковых возникнет в связи с личностными особенностями других субъектов.

— Ну что ж, — помолчав, произнес Фредерикс, — что касается ассоциации, Оливер получил то, что хотел. Как обычно, — он с сомнением помолчал еще немного. — Что же касается другого вопроса…

— То ответ на него мы вскоре узнаем, — Симмс повернул голову, прислушиваясь, и шепотом добавил: — Вот, идут.

* * *

Доктор Стефан Спалдинг сказал Симмсу и Фредериксу:

— Доктор Мак-Аллен согласился со мной, что

человек, которого мы будем разыскивать на Базе Восемнадцать, может быть мертв. Если что-либо укажет нам на это, мы попытаемся найти дополнительные свидетельства его смерти, прежде чем на Восемнадцатой возобновятся обычные экологические наблюдения. Далее, мы можем найти его живым, но недееспособным. В этом случае, нам следует быть очень осторожными, поскольку его оставили на Базе с заряженным револьвером. Доктор Симмс и я вооружены зарядами, которые должны ввергнуть пациента в бесчувственное состояние. Доза достаточна для того, чтобы он никогда не очнулся. В-третьих, он может оказаться живым и практически в здравом уме, но враждебно настроенным по отношению к нам открыто или скрытно…

Спалдинг по очереди поглядел на каждого из коллег, затем продолжил: — Именно по причине такой возможности наша контактная группа была отобрана с особой тщательностью. Если результат эксперимента доктора Мак-Аллена будет именно таков, нам придется исполнить малоприятную роль палачей. Добавить пожизненное заключение или дальнейшие психологические манипуляции к уже пережитым им пяти годам в одиночестве было бы недопустимо.

Доктор Мак-Аллен сказал нам, что не сообщал Чарду истинную причину, по которой тому пришлось побездельничать на свежем воздухе…

— У меня были на то серьезные причины, — вмешался Мак-Аллен, — а именно, если бы Чард с самого начала знал, каковы наши цели, он предпочел бы покончить с собой, но не допустить их осуществления. Любой человек является для него антагонистом. Он никогда не мог подчиниться воле другого человека.

Симмс кивнул.

— Я согласен с этим пунктом, доктор.

Решив, что может продолжать, Спалдинг подытожил:

— Сейчас этот пункт уже совершенно несущественен, доктор. В любом случае, до сведения Чарда было доведено, что существует некий важный «пятилетний план» ассоциации, который требует ограничения его свободы на этот срок. Прибыв на Базу, мы внимательно понаблюдаем за ним. Если в его поведении хоть что-то укажет на то, что он намерен действовать во вред ассоциации, как только у него возникнет такая возможность, наша роль сведется к следующему: мы заявим, что «пятилетний план» выполнен, а он будет освобожден и получит адекватную

компенсацию за вынужденное уединение. Как только уснет, он, — разумеется, будет подвергнут эвтаназии. Но до того времени необходимо сделать все возможное, чтобы он нам поверил на слово. Существует и еще одна возможность, что действия доктора Мак-Аллена возымели те результаты, коих он пытался достичь. — Глава ассоциации повернулся к профессору: — Олли, можешь высказаться сам по этому поводу!

Мак-Аллен пожал плечами:

— Я уже представил вам свой взгляд на эту тему. Главным образом, вопрос заключается в том, сможет ли Барни Чард понять, что может существовать, не состязаясь не на жизнь, а на смерть с другими людьми. Если он это понял, то должен также был понять, что База Восемнадцать — одно из самых интересных мест во Вселенной.

— Предполагаете, — спросил Симмс, — он будет благодарен вам за то, что с ним произошло?

— Ну-у, — с сомнением протянул Мак-Аллен, слегка бледнея, — это, разумеется, зависит от того, жив ли он еще и в здравом ли уме. Однако если он смог выжить, то не будет сожалеть о том, что с ним произошло. И все же, — он снова пожал плечами, — давайте приступим. За пять лет я и так уже достаточно долго раздумывал над тем, не

виновен ли я в смерти человека.

В наступившей тишине он сел в кресло, которое освободил Фредерикс, и мельком взглянул на Симмса:

— Ты тоже садись, Мел, — сказал он, — поскольку представляешь Психологию. Возьми зрительную трубу. Джон, ну что там, не распогодилось?

— Нет пока, — сказал Фредерикс. — Через два часа у нас будет отличная картинка, но не минутой раньше.

— Мы не будем ждать, — сказал Мак-Аллен. — Симмс и я сможем определить по сканеру примерно, что там происходит, — он помолчал немного, а тем временем расплывчатый красный шар на экране стремительно вырос, заполнив собой три четверти видимого пространства, на мгновение замер, затем снова вырос и, наконец, остановился.

Мак-Аллен изменившимся голосом произнес:

— Джон, боюсь, тебе придется сделать это вместо меня. Руки меня слушаются не настолько, чтобы работать, как следует.

* * *

Прошла минута, другая. Изображение становилось все более мутным, детали терялись в расплывчатых волнах вздымавшихся оранжево-бурых теней. Внезапно прорезался зеленый цвет, и Мак-Аллен пробормотал:

— Это «Труба» ищет кабину.

Возникла мгновенная пауза, затем Фредерикс откашлялся и сказал:

— Чем дальше, тем лучше, Оливер. Мы смотрим прямо в кабину. Твоего парня пока не видно, но здесь кто-то живет. Да, Симмс?

— Определенно, — согласился психолог. Немного подумав, он добавил: — И, предположительно, не сумасшедший. Дом содержится в полном порядке.

— Так вы говорите, Чарда в доме нет? — резко спросил Спалдинг.

— Да, — ответил Фредерикс, — если только он не прячется намеренно. Входная дверь открыта. Хм-м, а здесь все же кое-кто есть.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Спалдинг.

— На окне сидит парочка белок, — пояснил Симмс.

— На окне? Внутри?

— Да, — откликнулся Фредерикс, — либо запрыгнули сюда, пока не было хозяина, либо он их держит в качестве домашних любимцев. Может быть, нам следует поискать Чарда по окрестностям?

* * *

— Нет, — решил Спалдинг, — База слишком велика, чтобы фокусироваться на каждой ее точке. Если он живет в избушке и просто вышел погулять, то вернется самое большее через несколько часов. Посмотрим, какие выводы можно сделать из того, какой будет себя вести, когда покажется, — он повернулся к Мак-Аллену: — Олли, я думаю, ты можешь немного расслабиться. Все выглядит совсем неплохо!

— Не знаю, не знаю, — проворчал Мак-Аллен, — но вы упускаете кое-что из виду.

— Что именно?

— Я сказал Чарду, когда нас ждать. Если только он не разбил часы, то знает, что мы появимся сегодня. Если даже все в порядке, не может ли он поджидать нас в доме?

Спалдинг подумал.

— В том-то все и дело, — сказал он, — похоже, что он прячется где-то снаружи. Он мог подстро-

ить нам засаду. Джон…

— Да, — откликнулся Фредерикс.

— Наставь трубоскоп как можно лучше и просканируй лачугу так, словно ты ее пылесосишь. Должны быть какие-нибудь признаки…

— Он как раз это делает, — перебил Симмс.

На несколько минут воцарилась тишина, затем руки Фредерикса осторожно приникли к нескольким дискам на боковой панели сканера, а все остальные будто оцепенели.

— Йо-хо-хо! — вдруг завопил доктор Фредерикс. — Йо-хо-хо-хо! Записка, Олли! Твой мистер Чард оставил тебе… йо-хо-хо… записку!

На мгновение экран поплыл перед глазами Мак-Аллена. Фредерикс все еще смеялся, Симмс тараторил скороговоркой:

— Это же замечательно, доктор, замечательно! Парень в своем уме, совершенно! Догадываюсь, что вы изменили его подход к жизни на все сто процентов! Вы видите записку?

— Нет, — выдохнул Мак-Аллен.

Перед его глазами расплывалась поверхность письменного стола и чего-то белого, ага, понятно, прикрепленного к столешнице белого листа бумаги с напечатанным текстом.

— Ничто не способно вызвать у этого парня

нездорового любопытства, — где-то сбоку тараторил Симмс, — даже перспектива увидеть прибывших с Земли впервые за пять лет. Но он дает понять, что с ним все в порядке, чтобы гости чувствовали себя у него как дома, пока хозяин не вернется. Вот, позвольте мне…

Он потянулся к сканеру Мак-Аллена и подстроил его. Слова на бумаге внезапно стали четкими.

Записка была лаконичной, она ясно говорила сама за себя:

УШЕЛ НА РЫБАЛКУ

С уважением, Б. Чард.

МАЯК В НЕВЕДОМОЕ

Нечасто случалось, чтобы Густав Роберт Фрай, Главный Уполномоченный Межзвездного Полицейского Управления, потратил больше часа своего рабочего времени на одну-единственную встречу. Однако в его офисе никто не удивился, узнав, что шеф предположительно будет совещаться до полудня, и просил до того времени его не беспокоить. Посетителя, которого почтительно проводили к нему сегодня утром, даже не поинтересовавшись, назначена ли ему встреча, звали Ховард Кэмхорн, и был он ни много ни мало, а Координатором Программ Исследований Верховного Правительства. Так что это была встреча политических мастодонтов. На повестке дня определенно должно было стоять нечто грандиозное.

За письменным столом своего кабинета Гус Фрай, широкоплечий, с мощной нижней челюстью и холодными, колючими глазами, выглядел необычайно эффектно, — настоящий политик, каковым он и являлся — но при этом чувствовал себя не очень уютно. А вот Ховард Кэмхорн, неуклюже развалившийся в кресле посреди комнаты

напротив Главного Уполномоченного, мог сойти за не слишком популярного артиста средних лет. Долговязый блондин с ленивой улыбкой и еще более ленивыми, небрежными жестами, он, однако, занимал место на несколько ступенек выше на иерархической лестнице, чем его собеседник.

— Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы нас интересовал космический транспорт, который подобрали ваши ребята, — сказал Кэмхорн. — Однако вы уверены, что на борту больше нет YM-400?

Фрай пожал плечами:

— Я могу быть уверен только в том, что его нет в отсеке, где он хранился во время полета, и что замки на отсеке взломаны. Возможно, тот, кто завладел контейнерами с YM, перепрятал их в какой-нибудь другой части корабля. Это было бы несложно, но…

Кэмхорн покачал головой:

— Нет, — перебил он. — Это никому не нужно. Боюсь, что нам придется смириться с тем, что контейнеры исчезли.

— Похоже на то, — ответил Фрай. — Полицейское расследование будет продолжаться до тех пор, пока на корабль не прибудут ваши собственные детективы, но нет никаких оснований

полагать, что они что-нибудь найдут.

— Курс был переустановлен таким образом, чтобы направить корабль в незанятые области космоса?

— Да, — ответил Фрай, — лодка МПУ заметила его лишь по чистой случайности. Новый курс не вывел бы корабль ни к оживленной трассе, ни к обитаемой планете или на обычный патрульный маршрут. Когда через три недели топливные баки должны были опустеть, взорвалась бы заложенная туда адская машинка, и никто не нашел бы даже обломков.

— Что известно о грузе? Вы что-нибудь знаете об этом? Он остался нетронутым?

— Насколько нам известно, да. Когда грузовик вернется в порт, грузоотправители все проверят подробно. Однако гипотеза о том, что исчез только YM-400 Верховного Правительства, остается пока самой многообещающей.

Кэмхорн кивнул.

— Банду, которая решилась на кражу, не могли заинтересовать обычные трофеи. Что и делает вашу гипотезу убедительной, — он задумчиво сморщил нос. — Modus operandi?

— Два варианта, — ответил Фрай. — Либо погрузили к себе на борт, либо перехватили по пути

какой-нибудь корабль, взяли на абордаж прямо в полете.

— Какой из двух вам нравится больше?

— Первый. Второй — довольно маловероятен на самом деле. Даже МПУ не может вторгнуться на современный автоматический грузовик во время полета, не вызвав при этом целую бурю аварийных сигналов на всех контрольных станциях, расположенных по курсу. А, тем не менее, никаких аварийных сигналов зарегистрировано не было. Кроме того, нигде не обнаружено ни малейших следов насильственного вторжения.

— Так что наши воришки нагрузились сами, — сказал Кэмхорн. — Но, Гус, у меня всегда было такое мнение, что контрольные системы, не допускающие на автоматический транспорт безбилетников, абсолютно надежны.

Глава МПУ пожал плечами:

— До сих пор так и было. Но не потому, что их нельзя было перехитрить, а просто потому, что перехитрить контрольную систему — предприятие столь дорогостоящее, что игра не стоит свеч, если только общая стоимость транспортного средства вместе с грузом не покроет таких расходов. А похитители с расходами определенно не считались.

— Очевидно, — согласился Кэмхорн. — Но как удалось вынести YM-400 с корабля?

— Видимо, у них на борту была небольшая лодка. Пока это всего лишь предположение, ведь они оставили весьма мало следов своей деятельности, однако, это можно было сделать только так. Они раздобыли точные сведения о курсе корабля и графике движения. В тщательно рассчитанном месте произошла встреча, они забрали два кейса с YM, переориентировали корабль на новый курс, установили заряды, задали время взрыва, отключили сигнализацию на входном шлюзе и перешли в свою лодку. Естественно, где-то поблизости от грузовика ждал корабль, который их и подобрал. Вот и все.

— В ваших устах это звучит очень просто, — заметил Кэмхорн.

— Трудность в том, — ответил Гус Фрай, — чтобы подготовить подобную операцию. Вне зависимости от того, сколько средств было затрачено на это, они должны были потратить несколько месяцев на различные приготовления и при этом ни разу не привлечь внимание службы безопасности порта.

— У них было достаточно времени, — задумчиво признал Кэмхорн. — YM-400 годами перевози-

ли в одинаковых контейнерах по одному и тому же маршруту.

— Я все думаю, — заметил Фрай, — почему был выбран именно такой способ перевозки.

Кэмхорн коротко улыбнулся:

— Не припомните, Гус, когда в последний раз был осуществлен захват автоматического транспортного корабля?

— Пятьдесят семь лет назад, — ответил Фрай, — причем тогдашний способ непригоден для нынешних кораблей, при современных контрольных системах.

— Ну, вот отчасти ответ на ваш вопрос. Риск при автоматической транспортировке сократился до минимума. Плюс к тому в отношении YM-400 мы избегали излишних мер безопасности. Если бы всякий раз его перевозили на военных кораблях, асы технологического шпионажа знали бы об этом, а это означает, что рано или поздно об этом узнали бы все, кому не лень. Начались бы акции, и, несмотря на любые меры, мы начали бы терять людей. На их место пришли бы те, кто работает на себя, а не на Верховное Правительство, а оно, разумеется, стремится не допустить этого. Пока это было оправдано. По крайней мере, это первый случай за тридцать два года, что мы работаем с

YM-400, когда его не доставили по месту назначения.

— Два кейса по тридцать четыре килограмма в каждом, — сказал Фрай. — Вы полагаете, это много?

— Боюсь, что это чертовски много, — сухо ответил Кэмхорн.

Фрай подумал и сказал:

— Ховард, во всем этом есть определенная странность…

— Какая именно?

— Несколько часов назад мне показалось, что вы были почти рады, услышав о происшествии с этим транспортом.

Кэмхорн несколько секунд смотрел на него очень пристально.

— На самом деле, — наконец произнес он, — я действительно был рад. И вот почему. Если бы это не было столь очевидным преступлением рук человеческих, если бы транспорт, скажем, просто взорвался по пути или исчез, не подав сигнала тревоги…

— Исчез, не подав сигнала тревоги? — эхом повторил Фрай. — Без вмешательства людей?

— Если бы, — вновь начал Кэмхорн, — хоть частичка YM-400 была радиоактивна, я бы не

удивился, что нечто подобное произошло. Однако его перевозили в стабильном состоянии, а опасных свойств у стабильного YM-400 не больше, чем у чугунных чушек. Если бы они вдруг проявились, все исследовательские программы, связанные с этим веществом, пришлось бы отложить на неопределенный срок. Возможно, даже прекратить насовсем, — он лениво улыбнулся Фраю. — Ну что, я объяснил мою столь очевидную радость, Гус?

— Более или менее, — ответил Гус Фрай. — А это действительно будет катастрофа, если программы придется прекратить?

— Верховное Правительство сочтет это настоящей катастрофой, именно так.

— Почему?

— Если, — отвечал Кэмхорн, — нам удастся разобраться с YM-400, то это обеспечит нам в будущем победу над любой возможной оппозицией и контроль над космическим пространством.

Фрай изо всех сил старался сохранить на лице невозмутимое выражение.

— Естественно, поэтому, — продолжал Кэмхорн, — мы предпочли бы, чтобы группировки инакомыслящих не заигрывали с YM-400 и, более того, даже не подозревали о такой возможности.

— Похоже, что существует, по крайней мере, одна группировка инакомыслящих, — заметил Фрай язвительно, — у которых о YM-400 имеется гораздо больше информации, чем, например, у Межзвездного Полицейского Управления.

Кэмхорн покачал головой.

— Мы не знаем, сколько им известно на самом деле, Гус. Кражу могли осуществить чисто в спекулятивных целях. В Галактике ходит достаточно много лишних денег.

Фрай проворчал:

— Вы подозреваете кого-нибудь конкретно?

— Многих. Но, к сожалению, существует некоторая вероятность того, что тех, кто это сделал, в списках не окажется. Однако мы составили подобные списки. Сегодня их передадут вам, в МПУ.

— Благодарю, — кисло вставил Фрай.

— Если б не суровая необходимость, я не стал бы этого делать, Гус. Но детективы нашего отдела Исследований не в состоянии сами справиться с подобным объемом. Разумеется, они будут сотрудничать с вашими людьми во всем.

— А некому больше с нами сотрудничать, — осклабился Фрай. — Я пришел к неутешительному выводу, что нынешнее население сотрудничать с нами, как это бывало раньше, не склонно.

Кэмхорн кивнул:

— Вполне естественно.

— Естественно? Почему же естественно? Пусть большинству немного не хватает жизненного пространства, так пусть отправляются на фронтирные планеты, но в остальном человечество никогда не жило комфортнее, чем сейчас. Ничто не давит на них, все время нянчатся с ними, ну, если не все, то на девяносто процентов, как минимум. А они вольны делать все, чего только их левая нога захочет. Треть населения уже до конца своих дней не станет заниматься честным трудом.

— Истинная правда. Вы описали просто-таки идеальные условия для возникновения глухого недовольства. Однако мы не хотим, чтобы человечество окончательно впало в спячку. Гус, что вам лично известно о YM-400?

— Ничего, — ответил Гус. — Время от времени некоторые слухи о нем привлекали внимание МПУ. Слухи подобного рода мы протоколируем обычным порядком. Я просматриваю эти протоколы.

— Ну и какие слухи вам удалось просмотреть?

— Я могу пересказать их вам буквально в двух предложениях, — ответил Фрай. — YM или YM-400

— это химический элемент, который был сравнительно недавно, несколько десятилетий назад, открыт учеными Верховного Правительства. Он обладает свойством вызывать «преобразующие пространственно-временные сопряжения», как утверждают пространные справочники. Значит, он имеет некоторое отношение к пространственным феноменам Римана. Впервые он был обнаружен в звездной системе, находящейся за пределами официально исследованных территорий, и эта система сейчас усиленно охраняется военными звездолетами Верховного Правительства. В ней имеется пояс астероидов, образованный, предположительно, остатками планеты, в незапамятные времена разорванной реакцией YM на мелкие кусочки. Кроме того, — добавил Фрай с недоброй усмешкой, — я могу даже привести один достоверный факт. Я точно знаю, что такая охраняемая система существует, и что там нет ничего, кроме звезды и вышеупомянутого пояса астероидов. Я могу дать вам ее координаты, но уверен, что они вам хорошо известны.

Кэмхорн кивнул.

— Известны. Еще есть какие-нибудь слухи?

— Думаю, это все.

— Ну что ж, — задумчиво протянул Кэмхорн, —

я все понял. МПУ сможет принести нам пользу в искомом расследовании только тогда, когда будет гораздо лучше информированным. Вы собрали очень интересную коллекцию слухов, но с действительностью они, к счастью, имеют мало общего. Начнем с того, что YM-400 — это не элемент. Это группа из нескольких элементов одного порядка. Обозначающий символ не имеет ровным счетом никакого смысла…

— По соображениям секретности?

— Конечно. Дальше, все элементы данного порядка, за одним важным исключением, были обнаружены в ходе исследований свойств пространства Римана в двух внутренних зонах образования Галактики, возраст которых мы намеревались установить. Возможно, вы припомните эту программу, она была инициирована сорок пять лет назад. Элементы, о которых идет речь, радиоактивны, их период полураспада — в пределах часа. Возникло подозрение, что именно с ними связано наличие чрезвычайно любопытных и, на первый взгляд, случайных искривлений пространства-времени в этих зонах, однако их свойства были таковы, что воспроизвести их в необходимом количестве и на достаточно длительное время для проведения вразумительных

исследований оказалось невозможно.

Последний же из элементов данного порядка — Ymir — в то время обнаружен не был. Он был найден десять лет спустя в виде следов в поясе астероидов, о котором вы упомянули, и покамест, да простится мне этот каламбур, не «наследил» более нигде. Ymir весьма капризен, химически очень похож на все остальные элементы данного порядка и имеет сходную с ними нестабильную структуру. И еще один поразительный факт — его присутствие в том виде и месте, где он был найден, теоретически невозможно. Однако вскоре выяснилось, что Ymir создает вокруг себя силовое поле, подавляющее радиоактивность. Пока ничто не вторгается в границы поля, элемент стабилен…

— А что может в него вторгнуться?

Кэмхорн неловко усмехнулся.

— Люди. Насколько нам известно, Ymir неизменен до тех пор, пока в его поле не вторгаются сознательно. Более того, будучи смешан с другими элементами порядка, он способен мгновенно передать свойство образования подавляющего поля еще трем из них. Весьма удачное стечение обстоятельств, если учесть, что Ymir был найден в микроскопических количествах, а также то, что

неизвестные пока науке факторы препятствуют его синтезированию искусственным путем. Остальные три элемента воспроизвести сравнительно легко, а поскольку даже очень незначительная примесь Ymir придает им стабильность, или псевдостабильность, то их удается хранить неопределенно долгое время.

— Так то была смесь с YM-400?

— Вот именно.

Фрай глубокомысленно заметил:

— Возможно, мне следует напомнить вам, что этот разговор записывается.

Кэмхорн кивнул:

— Все в порядке. Теперь, когда мы знаем, что кто-то завладел YM-400 в количестве шестидесяти восьми килограммов, мы оказались в ситуации, совсем непохожей на прежнюю. Хотя ущерб, причиненный этой кражей, значителен и сам по себе. Наличие компонента Ymir в подобной массе может быть замечено только по характерным признакам, а вот другие компоненты можно при желании произвести.

Вопрос в том, насколько хорошо те, кто завладел этим веществом, осведомлены о его уникальных свойствах. Мы предпочли бы, чтобы они знали о нем некоторые вещи, например, то,

что в известных пределах обращаться с YM-400 довольно просто. Сокращать и восстанавливать действие силового поля тоже несложно. В результате мы получаем или контролируемый поток радиоактивности, или полную его остановку. Теперь, вы упомянули, что YM-400 «преобразует пространственно-временные сопряжения»…

Фрай кивнул.

— Что ж, — сказал Кэмхорн, — и в самом деле, это выражение в точности описывает производимый им эффект, предположительно, из-за присутствия в нем изначально нестабильных элементов. Активная смесь преобразует пространственно-временные сопряжения в некий новый для нас вид энергии, свойства которого теоретически предсказуемы. Так, например, эта новая энергия может быть полностью контролируема. А дошли ли до вас какие-либо слухи о том, каких результатов мы стремились достичь в ходе экспериментов с этим веществом?

— Да, — ответил Фрай, — я совсем забыл. Были две различные версии на этот счет. Первая состояла в том, что конечным продуктом исследований должно стать взрывчатое вещество с мощностью, превосходящей всякое воображение. Другая — в том, что вы пытаетесь создать телепортатор ма-

терии, по возможности, на уровне межзвездных расстояний.

Кэмхорн кивнул уже в который раз:

— Потенциально YM-400 действительно является необычайно мощной взрывчаткой. В этом нет никаких сомнений. Что же касается второго соображения, кстати, ушедшего не слишком далеко от истины, то решение его в положительном смысле было бы равносильно мгновенному переносу между звездами, не так ли?

Фрай пожал плечами.

— Думаю, что так.

— Однако, — сказал Кэмхорн, — пока мы еще не телепортировали ни одной крупицы материи. И знаете почему, Гус?

— Нет. Откуда мне знать?

— Никаких слухов на этот счет не подслушали, нет? Так я вам скажу. YM-400, активированный даже в микроскопических количествах, немедленно становится поразительно несговорчивым и постоянно расставляет препоны на пути экспериментатора. И все эти препоны не поддаются никакому объяснению. У меня работали весьма невозмутимые физики, которые буквально со слезами на глазах утверждали, что пространству-времени известно о наших попытках им

манипулировать, и поэтому оно настроено по отношению к людям весьма недоброжелательно, находя какое-то злобное удовлетворение в том, чтобы безжалостно пресекать таковые попытки.

Гус Фрай грустно усмехнулся:

— Возможно, ваши физики правы.

— Иногда случается так, — заметил на это Кэмхорн, — что ситуация выглядит совсем не смешной, Гус. На данный момент эксперименты с YM-400 выдали полезных результатов ноль целых, ноль десятых. Мало того, в их ходе произошло более тысячи несчастных случаев. Большинство пострадавших было специалистами высочайшего уровня, сами понимаете, их не так-то легко было заменить.

Фрай недоверчиво взглянул на собеседника.

— И что, все эти несчастные случаи так и не были объяснены?

Кэмхорн покачал головой.

— Если бы удалось выяснить причину хоть одного из них, то многих других не случилось бы. Уверяю вас, в осуществлении данного проекта не было допущено даже малейшей небрежности. Однако в таком виде, как сейчас, можно считать, что ученые потерпели полное фиаско. Если бы ставки не были столь высоки, мы умыли бы руки

еще десять лет назад. Поэтому, как я уже говорил, если бы выяснилось, что в исчезновении космического транспорта повинна та якобы стабильная смесь, мы, вероятнее всего, отложили бы дальнейшие манипуляции на неопределенное время. Подобное ЧП повышает риск просто до неприемлемой величины.

Фрай проворчал:

— Именно в исчезновениях и состояли несчастные случаи? Вещи, люди..?

— Ну, — уклончиво сказал Кэмхорн, — некоторые из них осуществлялись примерно по такой схеме.

Фрай откашлялся.

— Скажите мне еще только одну вещь, Ховард.

— Какую именно?

— Все, что вы сказали, является правдой хотя бы отчасти?

Кэмхорн задумался.

— Гус, — затем ответил он, — если я попрошу вырезать ваш вопрос и мой ответ из записи, вы это сделаете?

— Конечно.

— Так сделайте это, пожалуйста, а затем не записывайте нашу последующую беседу.

* * *

Спустя несколько секунд Фрай сказал:

— Вот и все, запись отключена.

— Большая часть из того, что я вам сказал — правда, — заметил Кэмхорн, удобно откидываясь на спинку стула. — Возможно, не все из сказанного — правда. Также возможно, что я утаил от вас всю правду. Однако нам не остается ничего другого, как распространять правдоподобные слухи, Гус. Единственное, чего мы никак не можем себе позволить, это быть пойманными на очевидной лжи.

Лицо Фрая начало медленно заливаться краской.

— Полагаете, что Межзвездное Полицейское Управление поможет распространять эти слухи?

— Конечно, поможет. Будьте реалистом, Гус. Разумеется, вы передадите сообщенную мной информацию лишь ограниченному контингенту подчиненных, но возникнут утечки и… А разве могут быть более правдоподобные слухи, чем те, которые подтверждают другие, изначально распущенные?

— Если вам известны потенциальные места утечек среди «ограниченного контингента под-

чиненных», — сказал Фрай, — я был бы весьма обязан, если б вы назвали фамилии.

— Не будьте ханжой, Гус, — любезно ответил Кэмхорн, — я отнюдь не пытаюсь опорочить ваше Управление. Я имею в виду — an mass, то есть в среднем. Как вы сами изволили заметить, МПУ не сможет расследовать это дело, если ему не будут подкинуты хоть какие-нибудь намеки. Так вот мы и намекаем, В процессе расследования мы надеемся, что зародится новая волна определенных слухов. Все это делается исключительно во благо.

— Но с какой целью?

— Я уже говорил. Преступники могут быть пойманы не так скоро, как мы хотим. Группа посвященных, вероятно, крайне мала, но организация должна быть разветвленной, к тому же похитители опасаются последствий. Они непременно раздобудут информацию, которую мы хотим им подсунуть, будь то утечка из МПУ или по другим каналам. Этого должно хватить, чтобы удержать их от явных глупостей. Кроме того, это позволяет не доносить информацию до общественности.

— Мы хотим, чтобы похитители узнали, что YM-400 — непредсказуемо опасен. Это оставляет

им небогатый выбор. Они могут либо выбросить эти кейсы, либо хранить их тайно, пока не раздобудут более полную информацию об украденном веществе. Но, учитывая то, каким образом была совершена кража, ни один из вышеназванных вариантов не будет избран. Похитители далеко не невежды, их нелегко напугать, и у них определенно есть ресурсы для покрытия дальнейших расходов.

Фрай кивнул.

— Вероятнее всего они выберут следующее, — продолжал Кэмхорн, — оценят, насколько в действительности серьезны предупреждения, выуженные из слухов, и продолжат свои эксперименты, возможно, более осторожно, чем если бы не были предупреждены.

Нас и это устроит. Я уже рассказал о потерях среди нашего персонала. Мы не возражаем против того, чтобы другие отгребли в сторонку весь жар. Это вторая причина, по которой стоит принести в жертву часть ценной информации. К тому времени, когда мы поймаем похитителей, наши усилия должны окупиться тем или иным способом.

— А если предположить, — сказал Фрай, — что несанкционированные Правительством экспе-

рименты закончатся тем, что еще одна планета разлетится на кучку астероидов?

— Это крайний случай, — заявил Кэмхорн, — хотя и не такой уж невероятный. Дело в том, что все равно существует такая возможность, вне зависимости от того, что мы предпримем. Мы можем попытаться лишь свести риск к минимуму.

— Не лучше ли поймать похитителей поскорее, пока они не начали столь опасные игры?

— Конечно, это было бы лучше. Однако в данном случае время работает на нас.

— Работать оно, конечно, работает, но все же сколько у нас времени до того, как ситуация станет критической?

— Ну, — протянул Кэмхорн, — предположим, что, по крайней мере, три-четыре года ушло на то, чтобы наши фигуранты завладели некоторым количеством YM-400. Наверняка они и приготовили все для проведения полномасштабных экспериментов. Однако если они не законченные идиоты, то должны провести тщательное исследование смеси и выяснить ее свойства. Экспериментальная фаза не слишком опасна и может быть завершена не ранее чем через полгода.

Фрай энергично помотал головой.

— Полгода! — проговорил он. — Может, конечно, случиться так, что нам повезет, и мы арестуем их на следующей неделе, Ховард… но ведь еще существует восемнадцать планет и спутников планетарного класса, все — перенаселены, семьдесят три космо-города с населением, в восемь раз превышающим планетарное, а также пять Свободных планет, на каждой из которых, можно, если угодно, утаить без проблем целую армию. Добавьте к этому около сотни тысяч осколочных популяций на малообитаемых плакетках, астероидах, постоянно проживающих в космосе на станциях с фиксированным положением и на мобильных ковчегах — мы просто не можем все это проверить за полгода, Ховард! Мы уже начали проверку всех, кто имеет хоть малейшее отношение к пропавшему кораблю, и пройдемся по вашему списку подозреваемых, как только он попадет к нам в руки. Однако не ждите результатов раньше, чем через год…

* * *

Фрай оказался слишком большим оптимистом.

После той встречи прошло полтора года. Более или менее многообещающие нити были оборваны. Исчезнувший YM-400 так и не был найден.

МПУ отрабатывало оставшиеся версии.

* * *

С воздуха Львиная гора, расположенная в юго-западной части Американского континента Свободной планеты под названием Земля, представляла собой наклонное треугольное плато, кое-где опушенное зеленью, состоящей из кедра и сосен, но по большей части покрытое грубыми рубцами обнаженных горных пород. В самой широкой и высокой части оно имело восемь километров в ширину и как бы притаилось за спиной у вытянутого в сторону севера огромного нагромождения скал, в котором можно было при желании увидеть короткую вытянутую шею и тяжелый череп, что делало его похожим на хищника, прислушивающегося к чему-то. Вероятно, именно этим причудливым формам гора и была обязана своим названием. К югу от нее плато понижалось, постепенно сужаясь и образуя третий угол неровного треугольника. Неподалеку от его южного кончика можно было заметить единственные следы обитания человека — полдесятка строений размером от малого до умеренного, отделанных деревом и местным камнем. К одному из зданий примыкал огромный, с мощной

решеткой, сдвоенный загон. Это была экспериментальная животноводческая ферма, которая вместе с горой и полусотней квадратных километров окрестной скалистой пустоши составляла частную собственность некоего Мигеля Трелони, Свободного жителя Земли.

Фрэнк Доуланд, лейтенант Фрэнк Доуланд из Полицейского Управления Солнечной Системы, последние двадцать минут медленно вел свою сетевую машину на скромной высоте вдоль облачной гряды к западу от горы. Одновременно он обозревал территорию ранчо высокомощным поисковым лучом. Никакой активности обнаружено им не было, и ранчо выглядело так, словно временно опустело, что было вполне возможно. Местонахождение Мигеля Трелони в данный момент было неизвестно, к тому же Львиная гора была лишь одним из тех многих мест, где его периодически можно было встретить.

Наконец Доуланд опустил наблюдательный прибор и взглянул на солнце, которое должно было сесть через час. Это был коренастый молодой человек лет тридцати с небольшим, одетый по-охотничьи. Он всегда играл роль охотника во время работы на планете. Даже снаряжение, упакованное в багажнике сетевой машины, за

исключением нескольких изделий особого рода, говорило о том, что оно принадлежит любителю этого азартного увлечения.

Свободные семьи приходили в традиционное негодование по поводу любых проявлений власти Верховного Правительства на Земле, и отнеслись бы крайне недружелюбно к детективу полиции Солнечного Города, вне зависимости о того, какова его миссия. Однако экспорт излишка местной фауны был одной из признаваемых ими форм межпланетной торговли. Более того, земляне, по большей части, сами были заядлыми охотниками. Обычно Доуланд прекрасно с ними ладил.

Он открыл потайной ящичек в панели управления и вынул оттуда пачку фотографий ранчо Трелони на горе, сделанных, по всей видимости, с высоты нескольких сотен метров. Несколько секунд Доуланд сравнивал фотографии с расстилающимся внизу пейзажем. За те восемь месяцев, что прошли с того момента, как фотографии были сняты, на ранчо, по-видимому, ничего не изменилось. По крайней мере, если смотреть с птичьего полета.

Доуланд в задумчивости потер переносицу. Если ранчо действительно пустовало, следовало

оставить здесь все как есть и поискать Трелони где-нибудь еще. Сделать посадку без приглашения, в отсутствие владельца, было совершенно невозможно. На подобное не отваживались ни гости Земли, ни Свободные. Но детектив, например, мог сослаться на неполадку двигателя сетевой машины. Это было хорошим поводом, но провернуть такое можно было всего один раз. Он предпочитал сохранить его для того, чтобы представиться семейству Трелони в случае, если он застанет здесь либо Мигеля, либо его сводного младшего брата, доктора Пола Трелони. Ни тот, ни другой не считались серьезными подозреваемыми по делу об исчезновении YM-400, однако трудно было понять, чем они занимаются последние полтора года. Доуланд должен был выяснить это, не создавая лишнего шума. Обычное дело.

Земля, возможно, была именно тем местом, где следовало искать YM-400 в первую очередь, ибо Свободные граждане относились откровенно неприязненно к Верховному Правительству, которое при помощи искусных юридических закавык, приняв законодательство о Свободных мирах, ограничило их права на владение планетой. В сущности, Свободные семьи стали просто высокооплачиваемыми попечителями своей

планеты. Доуланд, выросший в переполненных туннелях гигантского искусственного астероида, известного под названием Солнечного Города, мог только приветствовать бережное отношение к природным богатствам колыбели человечества. Семейства Земли тоже стояли на позициях сохранения местных ресурсов, но только на своих собственных условиях и под своим контролем. Но Верховное Правительство вежливо им отказало в этом.

Так выглядела проблема с одной стороны. Другая состояла в том, что многочисленные слои населения космических городов и так называемых Свободных миров лелеяли мысль о том, чтобы хлынуть потоком на Свободные планеты. Верховное правительство отказало и в этом, что, по мнению Доуланда, было также разумно. Однако Свободные граждане опасались и, возможно, не без оснований, что с дальнейшим приростом населения возрастет и политическое давление, что, в конце концов, вынудит правительство отменить запрет на иммиграцию. Большинство, возглавляемое Энтони Брэндом Картером, больше известным под прозвищем Головастого Картера, который был главой самой крупной и богатой из семей Земли, полагало, что един-

ственным выходом из создавшейся ситуации является хорошо вооруженная армия. Землянам требовалось мощное оружие, в большом количестве, а также законное право производить его, управлять им и в случае необходимости использовать для того, чтобы отбиваться от вторжения незаконных мигрантов. Верховное Правительство неоднократно подчеркивало, что обладание, равно как и использование оружия для гашения социальных конфликтов по конституции является его и только его привилегией. Тяжба по этому вопросу длилась уже многие десятилетия, периодически возобновляемая семьей Картеров или их сподвижниками. Тем временем любители экстремальных видов спорта на Земле поголовно вступали в члены необычайно боеспособной группы под названием Солдаты Картера, где прилежно штудировали военные искусства теми средствами, что были им доступны. Полицейское Управление Солнечной Системы в целом и Доуланд в частности прекрасно знали, что Солдаты были непревзойденными стрелками, великолепными пилотами и наездниками, но Верховное Правительство пока не считало нужным бить тревогу по этому поводу.

Мистер Пол Трелони, младший из братьев, в

возрасте двадцати лет вступил в ряды Солдат, отбарабанил в тренировочных лагерях два года, затем в пух и прах разругался с Головастым Картером и покинул Землю, чтобы всерьез заняться физикой в университетах Верховного Правительства, где вскоре получил ученую степень. Чем он занимался после этого — неизвестно. Время от времени он объявлялся на Земле, мог оказаться здесь и в данный момент. Мигель, который был старше Пола более чем на двадцать лет, и которому сейчас было чуть за пятьдесят, также интересовался физикой и посещал один из университетов Верховного Правительства около четверти века назад. Ученые занятия Мигеля прекратились еще до получения им степени. Это произошло вследствие его расхождения во мнениях с президентом университета, коего он вызвал на дуэль. По мнению Доуланда, братцы страдали амбициозностью, что было не такой уж редкостью среди людей чересчур богатых и ничем другим не примечательных. Однако, несмотря на выбор физики в качестве штудируемой дисциплины, ничто не связывало обоих Трелони с исчезнувшим YM. Вряд ли можно было их подозревать, ведь хотя коэффициент интеллекта у обоих значительно превышал уровень среднего

человека, например, такого как Доуланд, но блестящими умственными способностями братья не обладали. По возвращении на Землю Мигель забросил физику в пользу экспериментальной биологии. Ранчо на Львиной горе служило местом приложения его хобби, которое в данный момент состояло в выведении особой породы гигантских кабанов для охотничьих нужд. По-видимому, выращивание злобно-капризной тонны бекона на копытах вполне удовлетворяло его амбициям человека образованного и воспитанного. Помимо непродолжительного знакомства с Солдатами Картера, ни один из братьев не выказывал ни малейшего интереса к Земной политике.

* * *

Ниточка, связывающая Трелони с пропавшим химическим элементом, была довольно тонкая, но, как знал Доуланд, все более-менее привлекательные версии уже были исчерпаны и не дали ни малейшего результата. Мало того, Межзвездное Полицейское Управление оказалось перед малоприятным фактом, что теперь подозревать некого или, наоборот, всех и каждого. Детектив решил, что если здесь до захода солнца не обнаружится никаких следов Мигеля Трелони, то

сетевая машина доставит его к месту следующей проверки. Поскольку автоматизированные системы холят и лелеют возлюбленных свинюшек Трелони без вмешательства человека, то владелец ранчо может заглядывать сюда раз в несколько недель.

Взгляд Фрэнка быстро скользнул по равнине, за которой возвышалась гора. Сегодня в воздухе было неспокойно, порывы ветра трепали плоскости машины, а над северной горной цепью бушевали грозы. Внизу взвихрившийся песок шлифовал крутые бока плато. Доуланд снова прицелился в охотничью подзорную трубу и принялся тыкать видеолучом с небольшим увеличением почти куда попало. Под ним проносился густой лес, из которого то и дело выглядывали скалы, изъеденные выветриванием. Совершенно: дикое место. Он вновь навел трубу на территорию ранчо. Что-то привлекло его внимание, и он всмотрелся внимательнее.

Кто-то двигался в направлении к ближайшему от него краю горы. Фрэнк заметил, как внизу блеснуло что-то белое. Тщательно сфокусировавшись на фигуре, Доуланд довел увеличение до максимума — перед его взором внезапно возникло изображение молодой женщины.

Она остановилась, и в следующее мгновение Доуланд с тревогой понял, что она смотрит в бинокль. Правда, не имея видеолуча МПУ, ее стеклышки не могут сообщить ей ничего, кроме того, что над ней пролетает сетевая машина. Затем женщина свободной рукой подняла над головой белую тряпицу и принялась энергично размахивать.

Несмотря на бинокль, Доуланд мгновенно узнал женщину, поскольку в последние дни изучил множество фотографий. Это была Джил Трелони, младшая из трех оставшихся в живых членов Свободной семьи Трелони. Мигель и Пол приходились ей дядями, и, поскольку она здесь, кто-то из них тоже должен был быть где-то поблизости.

Двух мнений быть не могло — она явно сигналила машине. Доуланд взглянул на панель перед собой — коммуникатор был включен, но почему-то не зарегистрировал ни одного из местных звонков. Фрэнк сузил глаза. Это становилось интересным. Если Трелони ожидали гостей, но не общались с ним по открытой коммуникационной системе, то это означало, что они не хотели афишировать свое присутствие на ранчо.

Это могло означать множество вещей, не пред-

ставляющих ни малейшего интереса для МПУ, но...

Доуланд вынул свою пушку из охотничьей куртки и проверил, разворачивая нос машины в направлении ранчо и наклоняя его немного вниз. Любой из братьев мог заварить кашу, особенно, если им есть что скрывать, но они, во всяком случае, не смогут заявить, что полицейский приземлился без приглашения.

Снова поймав в фокус подзорной трубы Джил Трелони, он заметил, что она в курсе того, что машина намеревается приземлиться. Она опустила тряпку, но продолжала пристально смотреть вверх, заслоняя рукой глаза от лучей заходящего солнца.

В следующий миг, без малейшего предупреждения, все приборы на панели перед Доуландом замерли на нулевых отметках, а сетевая машина начала камнем падать вниз.

* * *

Общепланетная гравитационная сеть являлась общим для всей Земли источником энергии. Установка этой сети была чрезвычайно дорогостоящей затеей — больше ни одна планета не сочла возможным позволить себе подобную

роскошь. Будучи установленной, сеть, тем не менее, почти не использовалась, поскольку на всей Земле не жило столько людей, чтобы загрузить ее по максимуму.

Однако это компенсировалось следующими возможностями. Сеть была эстетически необременительна и доступна повсюду. Она поставляла энергию любым приборам и устройствам, от наручных часов до гигантских машин, работавших в доке космопорта. Кроме того, она была исключительно надежна. За восемьдесят лет существования с ней не произошло ни одной аварии, не было замечено ни одного сбоя в работе.

Репутация столь блистательного рекорда безопасности, подумал Доуланд, отчаянно манипулируя переключателями, в ближайшие три четверти минуты может быть серьезно подпорчена. Ему крупно повезет, если он останется в живых. Еще одна мысль требовала от него немедленных действий совсем иного рода, но почти столь же срочных. А именно та, что на необычные и необъяснимые физические феномены, с которыми он определенно столкнулся, следовало обращать самое пристальное внимание при поиске YM. Он бросил быстрый взгляд на замаскированный ручной коммуникатор. Еще

бы несколько секунд, и он по тревоге соединится с представителем Полицейского Управления Солнечного Города Колумбийского космопорта напрямую.

Однако этих секунд у него не было. Сетевая машина, тяжелая, отвратительно неповоротливая, планировала бездарно, неохотно подчиняясь пилоту. Горный склон качался перед глазами из стороны в сторону. Если он упустит эту полосу ровной земли перед ранчо Трелони, машина либо разобьется на кусочки в лесу, либо прорвет котлован у подножия горы. Фрэнк вновь набросился на переключатели и ощутил, как машина на мгновение поднялась…

* * *

— Простите, — Джил Трелони в слезах бросилась по склону ему навстречу. — Простите меня, я пыталась вас предупредить. Я просто не сообразила… вы ранены?

Ее лицо, подумал Доуланд, пожалуй, не бледнее моего. Купол парашюта мягко накрыл его, а справа, в кресле пассажира, приземлились скособоченные, рваные останки двигателя. Когда он попытался встать, секция пластикового пола треснула, нога провалилась и уперлась в землю.

Он выбрался из сиденья, сетевая машина устало крякнула и осела еще на несколько сантиметров. Доуланд отбросил парашютную ткань в сторону и обнаружил, что может встать.

Он откашлялся.

— Не думаю, что я ранен, во всяком случае, не серьезно.

— На вашем лице кровь!

Доуланд облизал разбитую губу и поморщился.

— Не заметил, как это случилось… столько всего летало вокруг. А что здесь произошло?

Девушка нервно сглотнула, не отводя взгляда.

— Отключилась энергия.

— Я заметил, — кое-то начало проясняться. — Именно поэтому вы не могли связаться со мной по коммуникатору.

— Да, но я…

— И как долго она отключена?

— С утра.

Он серьезно посмотрел на нее, и лицо Джил мгновенно вспыхнуло.

— Я знаю, — жалобно проговорила она. — Это было ужасно глупо махать вам, чтобы вы спустились. Честно говоря, мне просто в голову не пришло, что…

— Пустяки, — сказал Доуланд, надувая грудь. —

Все в порядке, ведь я уже здесь.

Девушка была очень красива, хотя сейчас ее лицо было искажено от испуга.

— Вы не могли знать, до каких пределов простирается аварийная зона, — он посмотрел вверх, на здания. Грохот падения не заставил никого появиться.

— Вы здесь не одна, верно?

— Нет, — с сомнением проговорила она и продолжила извиняющимся тоном: — Я уверена, что где-то вас видела, но не могу вспомнить, где.

— Ну, и не вспомните, — ответил Доуланд, — я не из Свободных.

Оттени, промелькнувшей в ее глазах, у него побежали мурашки по спине. Здесь было опасно, что ж, примем к сведенью. Он продолжил:

— Хотя, возможно, вы слышали мое имя. Фрэнк Доуланд, компания «Экспортные животные Доуланда».

— А-а, понятно, — она явно знала его имя. — А меня зовут Джил Трелони. Доуланд, я… ну… в общем, здесь произошла авария, и боюсь, что очень серьезная авария.

— Еще одна авария? Что за авария?

Она покачала головой.

— Не знаю. У вас есть с собой аптечка?

— Разумеется, есть. А что, кто-нибудь ранен?

— Мой дядя. Мигель Трелони. Он наверху, в доме.

— Что с ним такое?

— Именно этого-то я и не знаю. Выглядит, как… я думаю, ему очень плохо. Непонятно от чего.

— И как давно ему плохо?

Она подумала и сказала:

— С утра.

— С того времени, как отключилась сетевая энергия?

Она посмотрела на него испуганно.

— Ну да.

Это почти все объясняет, подумал Доуланд и сказал:

— Вы здесь были одни?

— Нет. Это, конечно, звучит очень странно, но…

Она кивнула в сторону склона, где стояло длинное деревянное строение, похожее на амбар.

— Мой другой дядя, Пол Трелони, заперт там.

— Заперт? — переспросил Доуланд.

— Да. Конечно, от двери есть ключ, но я никак не могу его найти.

— А Мигель может знать, где ключ?

— Думаю, да.

— Тогда попытаемся привести его в сознание настолько, чтобы он смог нам сказать. Идите в дом, мисс Трелони. Я попробую вскрыть аптечку, и через минуту-две поднимусь за вами.

Он понаблюдал, как девушка грациозно спускается по склону, слегка качнул головой и повернулся к искореженной машине. Либо она — просто глупышка, либо что-то утаивает от чужака-неземлянина. Жаль, если она тоже связана с делом YM, но все это решать не ему. Он вынужден сообщить о происшествии немедленно, и через час специалисты Верховного Правительства будут здесь. Так что дальше это не его забота.

Он осторожно забрался в свою машину. Пристроившись так, чтобы его не было видно из дома, он нажал кнопку ручного коммуникатора:

— Крис! Это Доуланд. Срочно, — и подождал, чтобы прибор издал ответное жужжание.

Никакого жужжания не последовало.

Спустя еще две попытки, на которые он затратил полминуты, Фрэнк стащил с руки коммуникатор и отщелкнул крышку. Он не мог припомнить, что сильно стукнулся обо что-то рукой, но тонкий механизм теперь представлял собой груду кристаллических обломков. В охотничьем снаряжении был запрятан еще одни коммуникатор, но

он работал на сетевой энергии.

Похоже, что еще какое-то время это все же останется его заботой.

* * *

Мигель Трелони, по мнению Доуланда, которое он, впрочем, не рискнул произнести вслух, находился на грани смерти. Телосложением потерпевший отличался мощным, фигура у него была мускулистая и крепкая, но на низенькой кушетке в гостиной он выглядел совсем маленьким и каким-то съежившимся. Кожа свинцового цвета и нитевидный пульс. На взгляд опытного в таких делах детектива причиной недомогания могло послужить внутреннее кровотечение и лучевые ожоги.

Доуланд взглянул на девушку. Она была взволнована и напряжена, но в истерику впадать не собиралась.

— Возможно, ваш дядя и поправится, — откровенно признался он, — но это займет, как минимум, несколько часов. Состояние уж больно тяжелое.

У Джил побелели костяшки пальцев на руках, сжимавших колени.

— Он должен… вы можете спасти…

Доуланд с сомнением покачал головой:

— Не знаю, сможем ли мы спасти его в таких условиях. Если отвезти его сегодня в больницу, то у него появились бы приличные шансы на поправку. Номы этого сделать не можем, если только не восстановить сетевую энергию.

Она слабо спросила:

— А что с ним?

— Ну, это же очевидно, леди. Он получил лучевые ожоги.

— Лучевые ожоги? А как это могло случиться?

— Не знаю, меня же при этом не было.

Доуланд открыл свою аптечку, вытащил оттуда один из множества крошечных контейнеров и повертел его в руке. Затем спросил:

— Где он был, когда вы его нашли?

— Лежал у двери лаборатории.

— Какой лаборатории?

Джил Трелони прикусила губу.

— Это то здание, что я вам показывала.

— То самое, где заперт Пол Трелони?

— Да, они называют его лабораторией.

— Кто они?

— Мигель и Пол.

— А что это за лаборатория? — поинтересовался Доуланд безразличным тоном.

— Не знаю. Они там что-то строят. Какую-то машину.

— Ваши дяди — ученые?

— Да, — это было сказано почти с гордостью. Свободная леди намекает навязчивому чужестранцу, чтобы он не вмешивался не в свои дела.

На что Доуланд сказал с самой простодушной миной:

— Картина стала бы более понятной, если бы я знал, имелись ли у них в лаборатории антирадиационные костюмы…

— Думаю, что имелись.

Он кивнул.

— В отношении здоровья Мигеля это кое-что объясняет.

Он достал из аптечки крошечный шприц, вставил иглу в особое отверстие на выбранном контейнере и медленно вытянул поршень. Джил неловко посмотрела на него и спросила:

— Что вы собираетесь ему вколоть?

Доуланд ответил ей мимолетным взглядом:

— Точно не знаю. Обычно это лекарство называют просто «медик». Существует около тридцати различных наименований для аналогичных препаратов, что, по-видимому, представляет вариации одного и того же антибиотика, и все они

чрезвычайно популярны в местах, где поблизости нет врачей или хотя бы фельдшера. На Земле «медик» мне не попадался, но я всегда вожу с собой собственный запас.

— Чем «медик» может ему помочь?

— Ну, насколько я понимаю в медицине, стоит ввести дозу в вену, как антибиотик распространится по всему организму и начнет разбираться, что к чему. По-видимому, «медик» сравнивает то, с чем столкнулся, с тем, каким должно быть, по его мнению, здоровое человеческое тело. Сначала он поставит диагноз, выявит симптомы заболевания, будь то сломанная лодыжка, похмелье или лучевой ожог, чтобы затем попытаться привести ситуацию в норму.

* * *

Он закатал Мигелю Трелони рукав, ввел кончик тончайшей иглы в массивный, но расслабленный в данный момент бицепс, и поршень медленно пошел вниз.

— Некоторые склонны считать «медик» чем-то вроде вируса, но только чрезвычайно благонамеренного вируса, когда дело касается человеческих существ.

Он убрал шприц и взглянул на часы.

— Почти шесть тридцать… Похмелье он снимает за три минуты. Однако, судя по тому, в каком состоянии находится сейчас ваш дядя, может пройти четыре или пять часов, прежде чем лекарство начнет действовать. Если «медику» удастся привести Мигеля в сознание самостоятельно, то это должно произойти не раньше утра. Хотя, возможно, это произойдет и раньше, но не думаю, что нам следует торчать здесь, у постели больного. Лучше попытаться извлечь вашего дядю Пола из лаборатории. Если он до сих пор не смог оттуда выбраться, то может оказаться в таком же состоянии, как Мигель. Или даже хуже.

Лицо Джил медленно побледнело.

— Да, — сказала она, — я тоже об этом подумала.

Доуланд сказал, покусывая нижнюю губу:

— Видите ли, мисс Трелони, есть нечто странное в том, что вы обнаружили Мигеля лежащим у двери лаборатории, в то время как она была заперта.

Она кивнула.

— Понимаю. Я никак не могу это объяснить.

— Нет ли поблизости какого-нибудь склада, где могли бы храниться, например, антирадиационные костюмы?

— Склад находится в небольшом квадратном здании к югу отсюда. Я обыскала его сегодня утром в поисках ключа от лаборатории. Там нет никаких радиационных костюмов.

— А вы знаете, как эти костюмы выглядят?

— Да, я надевала такой во время учебной тревоги.

— Вы смогли бы узнать ключ от лаборатории, если увидите?

— Да, Мигель показывал мне тот, который всегда носил с собой.

Она встала, подошла к каминной полке и взяла оттуда круглый конусовидный кусочек металла толщиной примерно в сантиметр с аккуратно скошенным краем. Она протянула его Доуланду со словами:

— Ключ очень похож на этот, только раза в три больше.

Доуланд взвесил на руке этот конус и покачал головой:

— Леди, судя по весу, это — метасталь. Она используется для строительства банковских хранилищ и внешней обшивки корпусов космических кораблей. Кроме того, похоже, что на двери в лабораторию вашего дяди установлен атомный замок, поскольку этот ключ именно та-

кого рода. Вы не знаете, изнутри здание выстлано также из метастали?

— Возможно. Мигель как-то сказал мне, что построить его стоило больших денег, но он пошел на это, чтобы быть уверенным, что никто не заберется в лабораторию, пока он в отъезде.

— Если оно построено из метастали, то он добился того, чего хотел, — сказал Доуланд, — и это сильно осложняет дело.

Он посмотрел на ключ, который по-прежнему держал в руке.

— А этот ключ от чего?

— Не знаю. Но я уверена, что на всем ранчо нет другой двери, на которой был бы этот… атомный замок. Этот ключ я нашла сегодня утром в кармане у Мигеля.

— Думаю, он нам не понадобится, — сказал Доуланд. — Теперь послушайте, мисс Трелони. У меня с собой защитная пушка, сила ее удара шестикратно превышает убойную силу ружейной пули. Я попробую выпустить полный заряд по замку лаборатории, но если это действительно метасталь, то стрельба не даст никаких результатов. Тогда мы можем вновь поискать ключ. Или другой вариант: я могу спуститься с горы и позвать кого-нибудь на помощь.

Джил засомневалась.

— Спуститься с горы не очень-то легко даже днем, ночью это будет еще сложнее.

— Ну, в этом нет большой проблемы, — ответил Доуланд. — У меня с собой альпинистское снаряжение, я планировал подняться на пик Марко Поло отловить барана и парочку овечек. Для подобных целей у меня есть специальный пистолет-гарпун, кошки и с полкилометра магнитного каната, все, что нужно. Вопрос лишь в том, будет ли от этого хоть какая-то польза? У меня есть походный коммуникатор, но он сетевой, а мы не знаем, насколько далеко распространилась авария подземной сети. Не могли бы мы связаться с кем-то на равнине? Там можно одолжить лошадей…

Она покачала головой.

— Вряд ли. Здесь можно бродить неделями, прежде чем кого-нибудь встретишь.

Доуланд помолчал.

— Ну что ж, — сказал он через минуту, — если мы ничего не добьемся в ближайшие несколько часов, то все равно стоит попытаться. Судя по местоположению моей машины, в тот момент, когда энергия отключилась, от подножия горы до того места, где я смогу использовать коммуника-

тор, должно быть не дальше десяти километров по горам. Однако это, разумеется, займет немало времени. Поэтому сначала посмотрим, что можно сделать на месте.

Он легким движением накинул куртку.

— Вам лучше остаться рядом с вашим дядей, мисс Трелони. Я…

Он осекся. Снаружи раздался сверхъестественный звук. Это был какой-то раздирающий уши визг, перемежаемый яростным не то воем, не то рычанием. Девушка замерла в испуге, затем нервно улыбнулась.

— Что это? — спросил Доуланд.

— Кабаны Мигеля. Полагаю, они просто-напросто проголодались. Ведь автоматизированные кормушки-поилки тоже не работают.

— Кабаны? Конечно, я слышал, как они шумят, но никогда не думал, что это может быть так отвратительно.

— Эти свиньи, — пояснила Джил, — довольно крупные. Мой дядя — фанат экспериментального животноводства. Насколько я понимаю, самый крупный кабан весит почти две тонны. Страшные звери. Подойти близко к борову не боится один Мигель.

* * *

Снаружи догорал вечер, было еще светло, но Фрэнк в первую очередь достал фонарик из покореженной сетевой машины. Он мог понадобиться ночью, а, возможно, даже раньше, если удастся пробиться в лабораторию. В этом случае, если, конечно, здание не выстроено из метастали, никакого YM он там не найдет. Впрочем, как признался себе Доуланд, лично его это устраивало.

Однако у него были веские основания полагать, что украденный химический элемент все же там находится. Инструкции Верховного Правительства прямо указывали, что искать следует нечто необъяснимое, нечто необычное, особенно в сочетании с опасным. Покамест сложившаяся на ранчо ситуация хорошо вписывалась в эту схему. Оставался лишь один весьма тревожный вопрос: какого рода опасность может возникнуть следующей?

Были и другие вопросы. Вообще вопросов накопилось даже слишком. Однако на один из них необходимо было получить ответ немедленно, а именно, какова роль Джил во всем происходящем? В распоряжении Доуланда имелся способ гарантированного получения информации, но,

прежде чем прибегнуть к нему, он хотел сначала убедиться, что девушка не такая уж невинная овечка. По меньшей мере, он пришел к выводу, что работы, проводившиеся в лаборатории, представляют собой серьезное нарушение законов Верховного Правительства, даже если они не были напрямую связаны с YM, и Джил об этом не могла не знать. А если связаны, то необходимость полномасштабного поиска YM-400 на Земле представляется очевидной для всех заинтересованных сторон.

Он придумал, как подтолкнуть Джил. Если она знала о чем-то незаконном, то могла в столь нестандартной ситуации использовать неземлянина, торгующего животными и свалившегося ей в буквальном смысле на голову. Ей была нужна помощь, но семейство Трелони не хотело привлекать внимание Полицейского Управления.

Так что, если у девушки рыльце в пушку, то она не станет рисковать и не будет пытаться использовать ищейку Верховного Правительства. Ведь и ежу ясно, что шпик не мог появиться здесь случайно, да еще в критический момент. Конечно, Джил могла его разоблачить, но подобный риск невелик, решил Доуланд. Судя по тому, что он видел, она умеет держать себя в руках. И сперва

попытается его проверить.

Когда детектив направился обратно по склону ко входу в лабораторию, звериный рык, доносившийся из свинарника, несколько ослабел. Внешняя дверь из пропитанного защитным составом дерева, покрывавшего все здание, была слегка приоткрыта. Доуланд потянул ее на себя, мельком взглянул на открывшуюся за ней плиту из метастали и круглое углубление на уровне груди, которое и являлось атомным замком.

Пока все шло, как задумано. Три окна на тыльной стороне дома, где он оставил Джил Трелони рядом с Мигелем, выходили на лабораторию. Виновна или нет, она все равно будет наблюдать за ним, притаившись за одним из этих окон. Упоминание о «защитной пушке» выдало его с головой, ведь он описал действие автоматической полицейской пушки МПУ, а оружия такого образца гражданские лица при себе не носили, а если и носили, то не болтали об этом с посторонними.

Однако Свободная леди могла этого и не знать.

Но она не могла не заметить включенное антирадиационное поле МПУ…

* * *

Доуланд прошел от двери тридцать шагов, вынул пушку и надавил на стержень у пояса. Вокруг него немедленно разлилось слабое голубое сияние. Не слишком яркое даже для того, чтобы заметить его на темнеющем склоне, но вполне видимое для того, кто наблюдает, притаившись за окном. Ощутив легкий спазм от удушья, он сделал глубокий вдох сквозь поле.

Все остальное было делом техники. Едва взглянув на дверь, он уже ясно понял, что напрасно тратит заряды на метасталь. Однако он выпустил несколько зарядов в замок, затем методично прошелся по всему зданию, наблюдая, как обломки защитного слоя отлетают от невредимой серебристой поверхности. Пушка сама по себе почти не создавала шума, зато к тому времени, когда он закончил, свиньи успели охрипнуть от своего рева.

Доуланд отключил АР поле и направился к дому. Когда он вернулся в маленький холл, Джил уже поджидала его посреди гостиной, держа руки за спиной. Во взгляде читался немой вопрос. Тем не менее, она спросила вслух:

— Ничего не получилось, Доуланд?

Доуланд покачал головой.

— Ни капельки.

Он принялся стаскивать пиджак, но увидел, как она резким движением выбросила из-за спины пушку, и слегка развернул левую руку, сжимая маленькую черную капсулу, которую держал между большим и указательным пальцем. Джил, вероятно, не заметила этого движения, и уж точно не увидела, как блеснула, вылетая из капсулы, крошечная иголка, чтобы вонзиться ей в бедро. На мгновение на лице девушки отразились удивление и негодование, затем колени у нее подкосились, а пушка выпала из рук. Она медленно опустилась на ковер, повернулась на бок и затихла.

Что поделаешь, подумал Доуланд, теперь у него были все доказательства…

Джил Трелони открыла глаза примерно через пять минут. Она предприняла краткую, но безуспешную попытку выбраться из глубокого кресла, в котором оказалась за это время. Темно-синие глаза просто впились в Доуланда, стоявшего перед креслом. В них читались тревога и гнев, затем их сменило выражение ледяной неприступности.

— Что вы со мной сделали? — охрипшим голо-

сом спросила она.

— Выстрелил первым, — ответил Доуланд, — и, похоже, поступил правильно.

Она перевела взгляд на Мигеля, лежавшего на кушетке в другом конце комнаты.

— Сколько я была без сознания?

— Несколько минут.

— Но почему…

— Почему вы ощущаете непривычную слабость? Я выстрелил в вас, мисс Трелони, инъекционным шприцем, наполненным неким препаратом. Этот препарат производит два различных эффекта, которые при некоторых обстоятельствах могут оказаться очень полезными. Один из них заключается в том, что реципиент воздерживается от энергичных движений. Например, если очень постараться, то вы, конечно, сможете самостоятельно выбраться из кресла, однако лишь для того, чтобы беспомощно улечься на ковре. Возможно, вам удастся встать на четвереньки. Вы можете даже попробовать уползти из комнаты, но делать это будете очень медленно.

Доуланд помедлил немного и продолжал:

— Еще одно действие, которое оказывает этот препарат, состоит в том, что под его действием человек становится удивительно сговорчивым,

даже если до этого таковым не был. Его просто переполняет жажда сотрудничества. Например, вдруг почувствует, что очень хочет откровенно ответить на вопросы, которые я ему задам.

— Значит, вы из полиции, — безмятежно произнесла она.

— Правильно, — Доуланд подтянул другое кресло поближе и сел лицом к ней. — Давайте не будем тратить время зря, мисс Трелони. Вы намерены были меня застрелить?

Она посмотрела на него с искренним недоумением.

— Нет, во всяком случае, если бы вы меня к тому не вынудили. Я собиралась разоружить вас и запереть в подвале. Вы пробыли бы там, в полной безопасности, столько, сколько нужно.

— И как долго вы собирались держать меня там?

— Пока кто-нибудь не придет на помощь.

— Кто же мог придти вам на помощь?

Лицо Джил порозовело от досады.

— Это просто невероятно, — ровным голосом произнесла она, — но помощь пришла бы от Картера.

— Головастого Картера? — уточнил Доуланд.

— Да.

— Он как-то связан с вашими дядями?

— Да.

— Кто возглавляет эту группу?

— Мигель и Картер возглавляют ее сообща. Они — близкие друзья.

— А кто еще, помимо Пола и вас, состоит в группе?

Она покачала головой.

— В ней немного людей, но я не знаю имен. Мы считали, что пока нам лучше знать друг о друге как можно меньше.

— Понятно. Но все они — Свободные земляне?

— Да уж, конечно.

— Как случилось, что вам стало известно о причастности Картера?

— В экстренном случае я должна была связаться с ним по местному номеру.

— А что ваши дяди делают в лаборатории? — спросил Доуланд.

— Конструируют машину, которая позволит им двигаться назад во времени.

— При помощи YM-400?

— Да.

Доуланд задумчиво посмотрел на девушку, чувствуя, как по его спине медленно пробегает неприятный холодок. Джил Трелони верила в

то, что говорила, сейчас она просто не могла солгать. Однако он не поверил ее рассказу о машине времени. Он слышал, правда, что некоторые ученые Верховного Правительства считают возможными путешествия по времени. Но для него, обычного детектива, подобная идея была слишком безумной.

Но тут он припомнил, какие слухи ходили о свойствах YM-400, а еще Мигеля, найденного лежащим у двери лаборатории, чему не нашлось никаких объяснений.

— Неужели им удалось создать машину? — с опаской спросил он.

— Да. Сегодня утром было предпринято первое полномасштабное испытание, и оно прошло успешно. По крайней мере, отчасти.

— Поскольку Мигеля обнаружили в таком положении?

— Да.

— Вы полагаете, — продолжал осторожный допрос Доуланд, — что Мигель сначала оказался где-то в другом месте, или лучше сказать, где-то в другом времени, затем вернулся обратно, попав не совсем туда, откуда стартовал?

— Да.

— Есть ли какие-нибудь предположения отно-

сительно того, почему он пострадал?

Девушка покачала головой.

— Сбой в энергетической сети, разумеется, указывает на то, что случилась какая-то авария. Но я представления не имею, какая именно.

— А как насчет Пола? Думаете, что он все еще в лаборатории?

— Да, но только если не пострадал или не погиб.

Доуланд вновь ощутил знакомый холодок в позвоночнике.

— Думаете, он может сейчас находиться в другом времени?

— Да.

— А потом он вернется?

— Да.

— Вы не могли бы описать машину? — попросил он.

— Нет, я никогда не видела чертежа, да и все равно ничего не поняла бы, даже если б увидела. Кроме того, я никогда не заходила в лабораторию.

— Понятно. У вас есть какие-либо другие причины, помимо странного положения, в котором оказался Мигель, считать, что испытание машины удалось?

— Да, есть. За утро я трижды слышала, как под домом протекала река.

— Что вы слышали? — переспросил Доуланд.

— Как река протекала под домом. Я не могла ошибиться. Каждый раз это длилось около получаса.

— И что это все означает? — спросил он. — Ну, это же очевидно… данный период времени и другой, когда эта река протекала в этом месте, сблизились вплотную друг к другу.

— Именно так и должна работать машина?

— Я не знаю, как должна работать машина, — сказала Джил Трелони, — но это то, что, по-видимому, произошло.

Доуланд пригляделся к ней повнимательней.

— Хорошо, — сказал он, — давайте оставим эту тему. Кто разработал машину?

— Конструкцию разработал Мигель. На последних стадиях ему помогал Пол. Привлекался еще кое-кто, но, главным образом, это был проект Мигеля. Он работает над ним уже более двадцати лет.

Это было просто невозможно, если только не…

— Мисс Трелони, — спросил Доуланд, — вы знаете, каков коэффициент интеллекта у Мигеля?

— Разумеется, знаю, 192.

— А у Пола?

— 189.

Она улыбнулась.

— Сейчас вы спросите, не подделали ли они результаты тестирования в университете? Да, подделали. Эта операция готовилась очень давно и очень тщательно, Доуланд.

— А каков ваш интеллект, мисс Трелони?

— 181.

* * *

В досье Джил Трелони фигурировала цифра 128. Свободные граждане, по-видимому, действительно тщательно подготовились к успешному осуществлению операции.

— Вам известно, кто похитил YM-400? — спросил Доуланд.

— Да, это сделал Пол.

— Вы видели это вещество?

— Да, видела. Два синих слитка. Точнее, темно-синих. Субъективно они кажутся тяжелыми, хотя по размеру совсем небольшие.

Это описание в точности подходило тому, на что были нацелены поиски Верховного Правительства.

— И сколько этого вещества в лаборатории?

— Оно все находится там.

Фрэнк почувствовал, как мысли медленно закипают в черепе.

— Все там?! Разве ваши дяди не знают, что YM-400 — очень опасная игрушка?

— Разумеется, знают, но Мигель скрупулезно исследовал его, после того, как тот оказался у него в руках. Если принимать все необходимые меры предосторожности, YM-400 не может быть опасным. Дяди сделали вывод, что Верховное Правительство нарочно распустило ложные слухи об опасности, чтобы никто не осмелился использовать YM-400.

— Но то, что произошло сегодня в лаборатории, — заметил Доуланд, — свидетельствует о том, что это не было ложью.

— Вы слишком спешите с выводами, Доуланд. Тому причиной могло послужить огромное количество других вещей.

— Возможно. Однако мой коэффициент, равный, между прочим, всего 136, подсказывает, что мы с вами находимся в данный момент в большой опасности.

Джил кивнула:

— Это весьма вероятно.

— Тогда как насчет полноценного сотрудниче-

ства, пока мы, я имею в виду вас, себя и ваших дядей, не выберемся из сложившегося положения, чтобы оказаться в безопасности?

— В данный момент, — благоразумно откликнулась Джил, — у меня, кажется, попросту нет иного выбора.

— Я не это имел в виду. Препарат перестанет действовать через несколько часов. Вы снова сможете свободно передвигаться, и выбор у вас появится. Как вы тогда поступите?

— Это зависит от того, — ответила Джил, — сможем ли мы придти к консенсусу, то есть соглашению.

— Какому соглашению?

— Очень простому соглашению, а именно, сколько стоит ваше молчание, а также сокрытие всего, что здесь произошло. Разумеется, вы можете назвать любую цифру. Земля за ценой не постоит.

Доуланд внимательно посмотрел на Джил, все больше умиляясь. Это была самое хладнокровное предложение взятки, какое он только видел. Особенно, учитывая обстоятельства. И это все, на что оказался способен коэффициент 181?

— Мисс Трелони, — ответил он, — единственная цена, которую я получу за свое молчание, это

двадцать лет в тюрьме МПУ. Я, конечно, сильно уступаю вам в интеллекте, но все же не такой дурак, как вы думаете.

— Хоть вы и не дурак, но не можете оценить ситуацию в целом.

— И какова же ситуация?

— Мигель и Пол заслужили право первыми провести эти эксперименты. Возможно, им не суждено их завершить благополучно, однако копии машины, что находится в лаборатории, спрятаны в разных местах планеты в ожидании часа, когда их приведет в действие команда Свободных ученых. Теперь понимаете? Эксперименты все равно будут продолжаться, пока все проблемы, связанные с обращением времени вспять, не будут решены.

— Зачем же тогда было хранить весь запас YM-400 в лаборатории?

— Потому что именно здесь его предполагали использовать. Вы все еще не вполне постигаете масштаб операции, Доуланд. Если нам понадобится YM-400 из запасов Верховного Правительства, мы просто пойдем и возьмем его. Это можно провернуть в любой момент. Единственное, что может помешать нам, так это если Верховное Правительство уничтожит все свои запасы YM-

400. А оно не собирается этого делать, по крайней мере, до тех пор, пока мы не получим столько YM-400, сколько нам нужно.

Насколько ему было известно, Джил вполне могла оказаться права. Поэтому он сказал:

— Предположим, что кто-либо из Свободных ученых, в конце концов, сможет отправиться назад во времени. Что это может дать?

— Все что нам нужно, разумеется, — ответила Джил. — Нам больше не придется скрывать нашу деятельность, и у нас будет время. Столько времени, сколько потребуется. Возможно, тридцать лет или пятьдесят. Научные центры и автоматические фабрики будут размещены в прошлом, и они смогут произвести оружие, которое превзойдет все, что находится в распоряжении Верховного Правительства. А затем это оружие появится в настоящем, в нашем времени, Доуланд. Не пройдет и года, как Земля превратится в вооруженный до зубов мир, и это произойдет внезапно. Никаких разговоров о том, чтобы сделать из Земли еще одну Открытую планету, больше не будет…

Теоретически Доуланд мог предположить, что подобный план способен сработать. С учетом резерва времени и ресурсов целой планеты, которые оказались бы в таком случае в распоряжении

Свободных… и ничто не сможет помешать им захватывать корабли и минировать астероиды. На мгновение, пока Джил Трелони говорила об этом, все это звучало почти правдоподобно.

Но лишь на мгновение. Разумеется, она говорила правду, или то, что она считала правдой. Трелони на своем ранчо подошли к чему-то очень опасному и столь же противозаконному, что бы это ни было, а чтобы скрыть истинные цели, распространяли среди остальных членов своей группы всякие бредни о путешествиях во времени.

— И как далеко намеревались ваши дяди отправиться во времени, мисс Трелони?

— На шестьсот тысяч лет. Именно этот период был выбран как наиболее подходящий для достижения цели.

Шестьсот тысяч лет. Свободные все делают с размахом, язвительно подумал Доуланд, даже когда врут своим сторонникам.

— Когда вы призывали меня спуститься, сегодня вечером, — продолжил он допрос, — мне показалось, что вы ждали кого-то другого, верно?

— Да. Но я не призывала вас, Доуланд. Напротив, пыталась удержать от посадки. Если б вы были тем, кого я ждала, вы поняли бы этот знак…

Но мы отвлеклись. Итак, вы обдумали мое предложение?

— Относительно того, чтобы продаться Свободным?

— Если вам больше нравится, можете называть это так.

— Мисс Трелони, — приветливо сказал Доуланд, — если бы я продался, вам бы это понравилось?

Ее щеки запылали.

— Нет, конечно, я бы стала вас презирать.

Доуланд кивнул.

— Хоть в чем-то мы с вами пришли к единому мнению. Теперь скажите, а кто был тот человек, которого вы ждали, и почему именно его?

Губы девушки на мгновение напряглись, но затем слова снова полились потоком:

— Картер должен был прислать на ранчо доверенного человека с некоторыми деталями для машины. Их должны были отгрузить в Колумбийском космопорте либо вчера вечером, либо завтра утром. Я думала, что вы прилетели сообщить об этом. Нездешние сетевые машины пролетают над нами не чаще одного раза в несколько недель. Если бы вы были доверенным лицом, то попытались бы связаться с нами по домашнему

коммуникатору до того, как я вас заметила…

— …чтобы убедиться, что на побережье все чисто, и можно спокойно приземляться с деталями машины на борту.

— Да. Затем вы должны были сообщить Картеру, что никто не отвечает, после чего начать немедленное расследование инцидента. Я пыталась предупредить посланца, чтобы он не приближался, ибо на ранчо возникли серьезные проблемы.

Доуланд подумал немного и кивнул.

— Это должно было сработать в том случае, если бы я оказался тем самым посланцем… Но теперь мне все больше и больше представляется, что мое появление здесь — весьма удачная затея, мисс Трелони. Ведь картеровский посланец мог прибыть сюда на самом деле и, не получив ответа с ранчо, сообщить об этом начальству и удалиться восвояси, верно?

— Да, верно. Такое случиться могло, — ее глаза заблистали от разочарования.

— И что в таком случае предпринял бы Картер?

— Он выслал бы сюда несколько подразделений своих Солдат.

— На бреющем, — понимающе кивнул До-

уланд, — чтобы они не были замечены со спутников. Солдаты долетели бы до аварийной зоны, и первые несколько сетевых машин рухнули бы на землю. Оставшиеся сообщили бы о том, что случилось. И что тогда, мисс Трелони?

— Черт бы вас побрал, Доуланд, вот что. Они начали бы кружить вокруг Львиной горы, чтобы определить, как далеко могут продвинуться на своих машинах. Картер распорядился бы доставить лошадей и альпинистское снаряжение, и они продолжили бы свой путь верхом.

Существовали и другие возможности, подумал Доуланд. Парашюты, планеры, Солдаты могли даже попытаться сесть на горный склон, как пришлось поступить ему. Их предупредили бы, что рядом с горой они должны избегать всяческих маневров, помимо тех, что будут продиктованы суровой необходимостью. Да, значит, они прибудут сюда именно так, как сказала Джил, причем, совершенно незаметно, даже если их будет целая рота. И сверх того, прибудут быстро.

— Ну, предположим, все именно так и получилось. В эти минуты Солдаты Картера мчатся сюда сломя голову. При самом благоприятном раскладе, когда их следует ожидать здесь?

Она прикинула:

— Не раньше утра.

— По моим подсчетам, не раньше, чем за два часа до рассвета, — заметил Доуланд. — Что может их задержать?

— Они не смогут взобраться на гору ночью. Спуск еще был бы возможен, но даже это трудно и опасно. А ведь им придется тащить с собой ремонтное оборудование, чтобы устранить возможные неполадки. Так что Солдаты поднимутся по северному отрогу, где подъем не так крут.

— А затем, — откликнулся Доуланд, — им придется идти через всю гору пешком. Да, это не шутки. Кроме того, конечно, посланец может вообще прилететь сюда только завтра. Если он прибудет завтра, то в какое время?

Она пожала плечами.

— До полудня. Мы не договаривались точно.

— В любом случае, — сказал Доуланд, — вы рассчитывали, что я буду болтаться здесь, пока не прибудут Картер со своими ребятами. Потом вы поняли, что я работаю на Верховное Правительство, и решили, что будет слишком опасно позволять мне ползать по ранчо, пока не подоспеет помощь.

Джил кивнула.

Доуланд посмотрел на нее внимательно.

— Полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что если мне не удастся в течение ближайших часов перекинуться парой слов с Полицейским Управлением Солнечной Системы, Мигель может скончаться от ожогов? А вот если мне все же это удастся, то корабль ССПУ домчит вашего дядю до ближайшей больницы в десять минут?

— Я полностью отдаю себе отчет, Доуланд, — сказала она твердо. — Но я также уверена, что Мигель предпочтет скорее погибнуть, чем обнародовать наши планы.

Доуланд пожал плечами.

— Ладно. Теперь скажите, то, что здесь произошло до моего прибытия, случилось именно так, как вы описали?

— Да.

— В данный момент вы не знаете, как попасть в лабораторию?

— Нет, если только не найдется ключ от двери.

— Ключ должен быть где-то здесь?

— Да, — ответила она, — но я не смогла его найти.

— Есть еще какие-либо соображения на этот счет?

— Никаких.

Доуланд помолчал немного.

— Мисс Трелони, есть еще что-либо важное, что вы не сообщили мне до сих пор?

Ее глаза холодно изучали его, затем она произнесла:

— Возможно, только то, что…

— Что именно?

— Если бы вы согласились взять у нас деньги, — отчеканила Джил Трелони, — я первой попросила бы Солдат, чтобы вас застрелили.

Бывают женщины, подумал Доуланд, которые только и знают, что создают мужчинам проблемы. Однако в течение нескольких часов это будут не его проблемы. Он дал ей снотворное, и она послушно проглотила. После того, как действие первого препарата прекратится, таблетка успокоит ее до самого рассвета.

Он стоял, глядя на темнеющие склоны, открытые всем ветрам. Над ним проплывали тучи, сквозь которые изредка проглядывала луна. Условия были вполне благоприятными для поиска, который он задумал. Где-то поблизости должна была находиться потайная кладовая, в которой хранилось все связанное с тайными работами, чтобы не захламлять почем зря лабораторию. Включая, возможно, и комплект запасных ключей. Он догадывался, что Джил была не нужна ни

одному из братьев во время решающей и опасной стадии осуществления проекта. Они, вероятно, позволяли своей красивой и своенравной племяннице делать все, что ей вздумается. Однако ей вовсе не обязательно было знать о запасных кладовках. Если Фрэнку удастся выбросить из головы, что всего в сотне метров от него находится шестьдесят восемь килограммов YM-400, причем какая-то часть — в опасном радиоактивном состоянии, у него появятся хорошие шансы найти кладовую.

В этом случае ключ от атомного замка, который показала ему Джил, и который в данную минуту оттягивал карман его куртки, может оказаться именно тем, что необходимо, дабы войти в кладовку.

Час спустя он таки обнаружил это место. Отчасти ему помогла наблюдательность, отчасти — случайная фраза, брошенная Джил. Хлев, в котором размещались гигантские свиньи, примыкал к загону. И загон, и хлев были разделены на две секции, в большей из которых обитали шесть свиноматок. Меньшая же была предоставлена в распоряжение борову. Над обоими стойлами была раскинута целая сеть навесных мостиков. Стена между хлевом и загоном нена-

вязчиво привлекла внимание Доуланда тем, что несложные расчеты показывали, что она была примерно на метр толще, чем было необходимо.

Он принес из своей машины дюжину походных сигнальных факелов и укрепил их вдоль центрального прохода, затем нашел и запустил механизм автоматизированных кормушек. Голодный громоподобный рев, который встретил его на пороге, утих, когда гигантские свиньи принялись остервенело жрать, дав Фрэнку время изучить себя как следует. Он предполагал, что эти суперкабаны выглядят этакими гротескными чудовищами с переваливающимися брюхами, но вместо этого обнаружил настоящих гигантов, тяжеловесных, но ловких, как носороги. Шкуры у них были песочного цвета, а глаза умные и злые. Без сомнения, эти порождения генной инженерии отлично подойдут любому, кто любит охоту, сопряженную с определенной долей опасности.

Самым опасным был здесь, очевидно, боров. Даже те два центнера, на которые он был в среднем тяжелее любой представительницы своего гарема, не имели особого значения в противоборстве против столь субтильного создания, как человек. Значение имело лишь его отношение. Свиноматки удалились в загон немедленно после

того, как съели все, что скормила любимая ими машина. Боров же остался, чтобы одним глазом наблюдать за Доуландом, который стоял над ним на высоком мостике. Этот глаз не выражал ни малейших признаков благодарности. Он горел гневным багровым огнем. Нижняя челюсть неустанно совершала жевательные движения. Вокруг огромной пасти вскипала пена.

Джил Трелони упомянула о том, что никто, кроме Мигеля, не отваживался приближаться к борову.

Доуланд готов был ей поверить на слово. Хрупкая стальная лесенка вела с верхнего мостика вниз, прямо в стойло этого чудовища. Доуланд полез в карман и вытащил свою полицейскую пушку. Ни один спортсмен не стал бы использовать подобное оружие против животного. Однако это был не спорт. Потом он начал спускаться вниз.

* * *

Поначалу боров застыл на месте, наблюдая за смельчаком. Доуланд тоже застыл у подножия лестницы. Затем сделал шаг вперед. Боров развернулся, пригнул голову и с громоподобным топотом ринулся вперед. Раздался мягкий звук

выстрела, и Доуланд отпрыгнул в сторону. Гигантское тело впечаталось в дальнюю стену, но боров умер еще до этого момента, поскольку лишился башки. Человек же продолжил свой путь к стене из массивных бревен, разделяющей стойло и двор.

Замок на двери в кладовую был расположен на внутренней стороне стены, он был скрыт под дощатой обшивкой, но найти его оказалось не слишком сложно. Доуланд вставил ключ, повернул на нужный градус, почувствовал легкий щелчок, а затем отступил на шаг, так как дверь начала открываться наружу.

В кладовой находились именно то, что он ожидал, включая антирадиационные костюмы. Еще двадцать минут Доуланд потратил на то, чтобы убедиться — одной вещи там точно не было. А именно, ключей от лаборатории. Возможно, будь у него специальные поисковые приборы, он смог бы их найти, но, к сожалению, таких приборов не было.

Это привело его в смятение, поскольку отнимало всякую надежду. Большую часть ночи придется потратить на обыск всех сооружений ранчо, и хорошо, если ключ отыщется. Где бы он ни находился, его хорошо спрятали. Если бы

Мигель пришел в сознание, можно было бы его разговорить, но шансы на то, что Трелони-старший придет в сознание, были невелики.

Доуланд взял два из трех АР-костюмов, свернул и повесил на сгиб руки, затем остановился, все еще раздумывая и обшаривая глазами длинный, узкий пенал кладовой. Вряд ли он сознавал, что надеется на то, что какая-нибудь магическая вспышка интуиции подскажет в последний момент, где ключ. Если бы удалось попасть в лабораторию, он разобрался бы в том, как работает машина, регулирующая радиоактивность YM. В конце концов, машина — это всего лишь машина. Затем он бы ее выключил, а когда влияние YM будет нейтрализовано, энергетическая сеть должна будет восстановить свою работу и тогда…

Доуланд взглянул на часы и покачал головой. Не стоит об этом даже думать, он не может попасть в лабораторию. Полтора часа потрачены впустую. Находка ключа позволяла прибегнуть к самому быстрому и потому наименее опасному способу решения всей проблемы. Но этого не произошло, оставалось лишь спуститься с Львиной горы и отправиться пешком по пустыне. Если повезет, то еще до зари он обнаружит, что коммуникатор вновь заработал, подпитываясь

энергией от сети, если только за это время YM не напомнит о себе еще каким-нибудь непредсказуемым и гораздо более разрушительным феноменом. Как бы неопределенно и пугающе ни выглядела нынешняя ситуация, было ясно, что все это цветочки, и YM вел себя пока весьма и весьма пристойно. Братья Трелони, несмотря на свое убеждение в том, что Верховное Правительство просто блефует, утверждая, что YM опасен, все же обладали здравым смыслом и начали работать лишь с минимальным количеством вещества.

* * *

Он оставил двери кладовой открытыми, погасил бледное сияние походных сигнальных факелов и отнес их в дом вместе с AP-костюмами. В гостиной было уже совсем темно. Дядя и племянница неподвижно лежали там, где он их оставил. Одну или две минуты Доуланд провел в сражении с автоматическими жалюзи на единственном в комнате широком окне. В конце концов, оно подчинилось, дрожь потрясла всю комнату, но не смогла разбудить ни одного из Трелони. Доуланд вновь зажег сигнальный факел и бросил в камин. Комната наполнилась ярким

светом.

Ему удалось приладить еще один факел к стене, затем он сложил АР-костюмы на спинку стула. Пришла мысль, что, может, лучше напялить их на обоих Трелони, так, на всякий случай, пока все не будет кончено, но Фрэнк оставил эту затею. Защита могла получиться сомнительной. Антирадиационное поле поддерживалось автоматически, пока костюм носили, но это затрудняло дыхание, как раз настолько, чтобы облаченный в него, если находится без сознания, смог задохнуться. Джил, когда проснется, увидит костюмы и сама решит, что с ними делать.

Доуланд уже возвращался от машины, неся в руках альпинистскую упряжь и портативный коммуникатор, когда в свинарнике вновь раздались странные крики. Он остановился в испуге. На этот раз оттуда доносился встревоженный топот и вопли еще более пронзительные, чем раньше. Если только Фрэнк не ошибался, что-то внезапно испугало зверей. Затем он услышал, как они бьются о стены загона, очевидно, пытаясь вырваться наружу. Сердце Доуланда забилось гулкими ударами. Следует ли ему пойти посмотреть, что с ними? Но прежде чем он успел решиться на это, сквозь невыносимый визг прорвался другой

звук, постепенно нараставший и уже приближавшийся по громкости к отвратительным воплям. На мгновение Доуланду показалось, что слух ему отказал, ибо громыхание и рев гигантской массы разъяренной воды внезапно стихли, но затем уши вновь услышали, как огромная река несет свои воды прямо под его ногами.

* * *

Прошло почти две минуты, прежде чем к Доуланду вернулась ясность мысли. Все это время он сломя голову бежал к дому, то была естественная при данных обстоятельствах бессознательная реакция бегства, от которой было недалеко и до настоящей паники. Казалось, что окутанная тьмой гора колеблется и качается, предательски склоняясь пред зловещим грохотом реки, возникшей из глубин необозримого прошлого. За эти секунды Доуланд совершенно убедился в правдивости слов Джил Трелони о машине, которая способна вызывать скачки во времени. Собственные органы чувств могли дать тому полное подтверждение.

Но, вернувшись в дом, его убежденность быстро сникла, хотя грохот не стихал. Стоило закрыть глаза, как у него появлялось чувство, будто он

стоит на шатком мосту над неким гигантским и бурным течением. Однако Фрэнк открыл их снова и сказал себе, что YM-400 отличается тем, что может производить разнообразные странные эффекты, а эффект «реки, которая течет под домом», по крайней мере, не должен нанести особого вреда ранчо, поскольку Джил сообщила, что за прошедший день это случалось трижды. Назвать подобное светопреставление так, означало возмутительно его недооценивать, но также подчеркивало тот факт, что Джил Трелони — весьма незаурядная молодая особа.

Спящие при этом даже не пошевелились, но Доуланд чувствовал, что их присутствие поддерживает его дух. А еще он понял, что бы ни случилось, нельзя позволять себе впадать в слепой животный страх, ибо ситуация сложилась крайне опасная. Если позволить нервам плясать, как им вздумается, он не сможет предпринять никаких реальных действий.

Доуланд заставил себя подойти к связке альпинистского снаряжения, брошенного в тот момент, когда он вбежал в освещенную комнату, и принялся за его просмотр. Кроме него, он намерен взять с собой только коммуникатор, пушку МПУ, флягу с водой и маленькую сигнальную раке-

ту. Все альпинистское снаряжение он оставит у подножия горы. В машине у него лежали два охотничьих ружья, более дальнобойных, нежели ручная пушка, но каждое из них замедлит его передвижение, а если ему, паче чаяния, «посчастливится» наткнуться на бравых Солдат Картера, дальнобойность уже не будет иметь особого значения.

Пока он готовился к своему марш-броску, подземный шум, к его удивлению, начал стихать. Доуланд остановился, прислушиваясь, и через несколько секунд у него не осталось никаких сомнений. Джил говорила, что в прошлый раз это продолжалось около получаса, но часы Доуланда утверждали, что, в данном случае, катаклизм бушевал чуть больше десяти минут. К тому времени, когда он встал, застегнул и подогнал по себе альпинистское снаряжение, подземной реки уже почти не было слышно.

Это могло быть хорошим знаком, могло быть плохим, могло не иметь ровным счетом никакого значения. Он об этом не знал ничего и, возможно, лучше всего, если он даже не станет пытаться сосредоточиться на этом. Напоследок, перед тем, как выйти, он еще раз внимательно оглядел комнату и увидел, что Мигель Трелони смотрит на

него в упор.

Доуланд замер на мгновение от удивления, не веря своим глазам. Затем быстро расстегнул альпинистские ремни и бросил их на пол. Огромный человек на кушетке, казалось, следил за его движениями, затем медленно перевел взгляд на потолок, и вновь закрыл глаза.

— Трелони, — мягко позвал Доуланд и замер, затаив дыхание.

Мигель Трелони издал глубокий вздох, повернулся на бок и застыл спиной к Доуланду. Через несколько секунд Доуланд смотрел на него уже с другой стороны кушетки.

Возможно, это было лишь временное улучшение, краткая ремиссия, успех, которого добился «медик» в невидимой борьбе с процессом, который все же завершится смертью. Однако сказать наверняка было ничего нельзя. Глаза потерпевшего оставались закрытыми, пульс был слаб и неверен. Доуланд даже подумал о том, чтобы ввести ему стимулятор, но тут же отбросил эту неплодотворную идею. «Медик» продуцировал свои собственные стимуляторы, и они конфликтовали с любыми другими. Он мог бы даже снизить эффект от «сыворотки правды», но не настолько, чтобы Доуланд не мог получить ответ

на свои вопросы. Но что говорить об этом, если разум Трелони не прояснится на три или четыре минуты подряд!

К тому же Фрэнк не мог знать, когда наступит подобное просветление. Хотя раз уж потерпевший очнулся, появилась реальная возможность того, что это произойдет в течение ближайшего часа или двух.

Доуланд помедлил, хмурясь. Через час или два, в зависимости от трудности спуска, он мог быть уже у подножия горы… но пока выбирать ему было не нужно. Ведь он мог попробовать и то, и другое. Если Трелони не проснется за эти два часа, еще оставалась возможность уйти в горы… Но как надолго Фрэнк может позволить себе задержаться на ранчо?

Если не принимать в расчет УМ, поскольку в отношении его рассчитать что-либо было просто невозможно, то следует помнить лишь о скором прибытии Свободных войск. Особых причин предполагать, что они могут появиться до рассвета, не было, но имелись некоторые резоны на то, что они подоспеют именно к этому времени. А прежде чем они прибудут, он должен либо успеть переговорить с Полицейским Управлением Солнечной Системы, либо удалиться от

Львиной горы на такое расстояние, чтобы его не заметили…

Значит, у него в запасе четыре часа. Можно подождать до полуночи, и даже немного дольше.

Доуланд придвинул стул поближе к кушетке и сел. Да, ночка выдалась на редкость беспокойная.

Время от времени взвизгивали свиньи, потом поднялся ветер. Несмотря на все попытки избежать пессимистичных мыслей, его разум продолжал анализировать весь ужас сложившейся на ранчо ситуации, избавиться от которого было ой как не просто. Прошлое, то самое, что было полмиллиона лет назад, сегодня вплотную подошло к настоящему… Доуланда упрямо и методично терзало чувство страха, который он никак не мог стряхнуть.

* * *

Полчаса спустя Мигель Трелони тяжело задышал, повернулся на другой бок и через несколько секунд вновь впал в неподвижное беспамятство.

Доуланд продолжал ждать.

Часы показывали немного меньше половины двенадцатого, когда он услышал выстрелы. Их было три: ясных, отчетливых, почти одновре-

менных, донесшихся с приличного расстояния. Во время второго Доуланд уже вскочил со стула и бежал через темный холл, на пороге которого услышал третий выстрел. Он осторожно открыл дверь ровно настолько, насколько требовалось, чтобы выскользнуть наружу, затем поспешно закрыл за собой дверь, чтобы свет в гостиной не заметили снаружи.

Когда дверь захлопнулась, раздались еще три выстрела. Охотничьи ружья. Примерно в двух километрах к северу…

* * *

Доуланд всмотрелся в колеблемые ветром темные верхушки деревьев над ранчо. Кто там, на горе, и почему стреляет? Неужели Солдатам удалось привезти сюда несколько человек по воздуху? В кого они стреляют?

Сигнальные выстрелы, подумал он. В таком случае подан этот сигнал для обитателей ранчо. Сигнал о чем?

В его голову пришла еще одна мысль, столь стремительно и ясно, что заставила его похолодеть.

Доктор Пол Трелони…

Как предполагала Джил, Пола Трелони не было

в лаборатории. Он куда-то исчез, но затем вернулся. И так же, как и его брат, вернулся не совсем на то место, откуда прибыл.

Изможденный человек, не понимающий, где именно он оказался на огромном плато, раненый, возможно, ослабевший под воздействием радиации, такой может выстрелить в ночь, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы позвать на помощь.

Через несколько минут Доуланд уже шел в направлении выстрелов, вооруженный кроме полицейской пушки еще и ружьем. Маловероятно, что ему удастся подойти близко к Трелони, если это был Трелони, или то, что он услышит шаги физика, но как только он доберется до местности, откуда доносились выстрелы, выстрелит, в свою очередь, и будет ждать ответа. Здесь, в лесу, ветер шумел и бил в лицо, продвигаться, как он и предполагал, было трудно. Время от времени на оголившиеся скалы проливался лунный свет и при первом движении туч тут же угасал. Среди деревьев Фрэнк едва мог различить, куда ступает, и продвижение еще более замедлилось.

Наконец он вышел к широкому скалистому выступу, возвышавшемуся над деревьями, и остановился, чтобы проверить время. С тех пор, как

он вышел из дома, прошло двадцать пять минут. Если он все рассчитал правильно, выстрелы прогремели примерно с этого места. Он осторожно осмотрел открытые участки — человек, зовущий на помощь, должен выбрать себе место, на котором его будет хорошо видно, возможно, именно так и поступил Пол Трелони. Но при виде чужака Трелони мог начать действовать опрометчиво.

Однако горный хребет пустынно поблескивал под луной. Доуланд достиг его вершины, пробрался среди деревьев в его северную часть и снова остановился. Постепенно и неохотно он признал, что ощущает нечто странное. Он прислушался, не в силах определить, что именно его так встревожило. Затем свежий порыв ветра, обогнув деревья, разлился вокруг него, и он понял, что странность эта была распылена в воздухе. Какой-то смешанный запах, довольно знакомый, аромат вечнозеленых джунглей, столь неожиданно почудившийся на этом скалистом утесе. Глоток темной сырости, гниения, мягкой растительности, запах болота или илистого речного русла. Дыхание Доуланда участилось.

Затем запах исчез. Возможно, подумал он секундой позже, то была галлюцинация, ложный сигнал нервов, слишком натянутых вследствие

множества событий этой ночи. Но если Пол Трелони вернулся сюда из далекого прошлого, путь, по которому он прошел, мог еще быть открыт, причем совсем близко отсюда. Мысль эта была крайне неприятна. Доуланд двинулся дальше, но гораздо медленнее и осмотрительнее.

Еще пять минут, подумал он. Тогда он точно пройдет ту дистанцию, что покрыл ветер, принесший звуки выстрелов, и окажется чуть к северу от дома Трелони. Если ничего не произойдет, он выстрелит сам. Через пять минут он достиг другого открытого участка, поменьше. Здесь также возвышалась над деревьями изъеденная ветрами скала, и Доуланду удалось забраться по крутому склону на вершину и осмотреться. Вскоре он осознал, что не стреляет, потому что не хочет обнаруживать свое присутствие в лесу. Быстрым сердитым движением он взвел курок, прицелился в верхушки деревьев на севере и нажал спусковой крючок.

Знакомый звук показался ему ужасающе громким. Мгновение спустя впереди него из лесу донеслись устрашающие звуки, точно какое-то огромное животное было серьезно потревожено звуком выстрела. Он услышал, как оно продралось сквозь заросли мимо него на расстоянии

нескольких сот метров. Затем все стихло, словно оно решило остановиться и прислушаться. Затем раздался еще один звук, низкий протяжный рев, от которого кровь застыла у Фрэнка в жилах. Рев смолк, и в следующий момент внимание детектива привлекло какое-то движение слева, на границе видимости, прямо над лесом. Он повернулся туда и понял, что смотрит на нечто, подобное огромной туче, ускользающей прочь поверх макушек деревьев и почти стразу же исчезнувшей за другим скалистым возвышением.

Доуланд все еще смотрел туче вслед, в то время как его разум работал чрезвычайно медленно, словно не желая признавать, что только что видел создание, о каком никогда в жизни не слышал. Затем он вспомнил, что Трелони так и не ответил на его сигнальный выстрел, и почти одновременно с этим вновь заметил в лесу какое-то волнение.

Но теперь оно было гораздо менее звучным. Сначала Доуланд даже подумал, что это просто шум ветра. Но звук не смолкал, и вскоре стало понятно, что нечто, причем поистине огромное, прокладывает себе путь среди деревьев, приближаясь к открытому пространству. Оно было уже совсем близко.

Доуланд обернулся, хватая ртом воздух, и скользнул в сторону южного склона скалистого возвышения, старясь производить как можно меньше шума. Деревья уже сотрясались по другую сторону утеса. Согнувшись, детектив протиснулся сквозь плотную гущу ветвей и быстро, но тихо двинулся меж деревьев дальше. Это нечто, кем бы оно ни было, тоже слышало его выстрел. Выйдя на открытое пространство, оно могло хорошенько рассмотреть Доуланда, и, не найдя ничего любопытного для себя, убраться восвояси.

Однако оно этого не сделало. Оглянувшись сквозь листву, Доуланд успел разглядеть нечто огромное, и оно быстро двигалось по склону утеса. Тогда он бросился бежать, отмахиваясь от бьющих в лицо веток, и немедленно услышал чудовищный треск в том месте, откуда убрался только что. Нечто начало преследовать человека среди деревьев.

Доуланд повернулся, сделал глубокий вдох, бросил ружье и выхватил из кармана свою пушку МПУ. От стволов впереди полетели щепки. Меж ними протопал возвышающийся колосс. Детектив сделал три выстрела в упор, почувствовал, словно его ударили по голове чем-то вроде

железной дубинки, и упал замертво. Он потерял сознание еще до того, как коснулся земли.

* * *

Когда он открыл глаза, первое, что пришло ему в голову, так это страшная головная боль, которую должен был ощущать. Но никакой боли не было и в помине. Он лежал, уткнувшись лицом в сырую заплесневелую почву. Вокруг разливались слабые предрассветные отблески. Значит, с момента удара прошло несколько часов…

Доуланд слегка потянулся, затем повернул голову, оглядываясь по сторонам, рывком встал на четвереньки. Деревья тяжко покачивались на ветру. Вдали ему удалось разглядеть кусок той скалы, с которой он стрелял, дабы привлечь внимание Трелони. Земля между ним и тем местом выглядела так, словно по лесу прошлась танковая колонна. Но огромного тела нигде не было видно.

Значит, выстрелы в упор его не свалили. Но оно убрело куда-то, предварительно сделав с ним, Фрэнком Доуландом, что-то, но что именно?

Он заметил, что рядом валяется пушка МПУ. Детектив подобрал ее и медленно встал на ноги. Свободной рукой быстро ощупал голову. Ни

шишки, нет ощущения даже легкой травмы… А ведь он готов был поклясться, что страшный удар раскроил ему череп. Поискал глазами ружье, нашел и его, подобрал и направился туда, где деревья были смяты в беспорядочную кучу.

Там он и обнаружил след. Крайне странный след. Детектив внимательно изучил его, озадаченно хмурясь. Это не был след животного. Если бы такое было возможно здесь, то подобный след мог принадлежать машине, движущейся на очень широкой и ровной, без траков, гусенице, причем не было видно ни малейших признаков шагов. Почти все, что он мог пока сказать, это что нечто очень массивное и мощное протопта-ло сквозь лес тропу шириной до пяти метров к точке, где находился в данный момент Фрэнк, а затем удалилось, следуя линии, параллельной первоначальному своему пути… Можно было ска-зать и еще кое-что, мысленно добавил Доуланд. Именно, подобная тяжеловесная махина могла задеть человека так, чтобы он потерял сознание на несколько часов, но не оставить никаких сле-дов повреждений и даже признаков того, как это произошло.

Да, все указывало на машину, которая несла вооружение какого-то таинственного образца.

Когда его выстрел спугнул в ночи большое летающее существо, Фрэнк был почти уверен, что в районе Львиной горы появились какие-то допотопные чудовища, принадлежащие к животному миру отдаленного прошлого Земли. Но оба события никак не согласовывались друг с другом.

Доуланд покачал головой. Он подумает об этом, когда у него будет больше времени. Ведь потеряно, он взглянул на часы, чуть меньше четырех часов. А за четыре часа на ранчо могло произойти много чего, и среди всего этого лишь одно событие стало бы приятным, а именно, кто-то сумел бы попасть в лабораторию и вывести YM из радиоактивного состояния.

* * *

Детектив пустился осторожной рысью в обратный путь. Становилось все светлее, и в преддверии рассвета в окрестностях подножия горы передвигаться стало гораздо проще, чем ночью. Ветер в целом не усилился, но время от времени его резкие порывы пригибали деревья чуть ли не к самой земле! Также он взметал и уносил прочь тучи пыли. Все это указывало на то, что воздух над плато также испытывал сильные возмущения. Вполне вероятно, подумал Доуланд, что YM

вызывает атмосферные волнения в тех местах, где становится активен. С другой стороны, если в лесу вокруг детектива и происходило нечто аномальное, прямо на это ничто не указывало.

Наконец Фрэнк выбрался на скалистый гребень, откуда ранчо было как на ладони. До него оставалось не более полукилометра. В утренних сумерках вроде бы все дышало спокойствием, тем не менее, Доуланд замедлил шаг.

Где-то здесь может подстерегать засада. Самое большее, на что сейчас способна Джил Трелони, это очнуться от своего вынужденного сна, и еще около часа она будет чувствовать себя слишком слабой и рассеянной, чтобы кому-нибудь доставить неприятности. Но зато все остальные фигуранты уже вполне могут торчать на ранчо: Пол Трелони, например, или отряд Солдат Картера. Вне зависимости от того, сможет ли Джил рассказать им о случившемся, кто-нибудь из конспираторов-Свободных непременно догадается, что до них побывал на ранчо некий чужак, а, стало быть, будет ждать его возвращения. А чтобы это возвращение не стало сюрпризом, надо устроить засаду. Доуланд свернул со своего прямолинейного маршрута и взял восточнее, двигаясь со все нарастающей осторожностью. С

той стороны лес ближе всего подбирался к постройкам ранчо, кроме того, Доуланд помнил, что там высокие заросли вечнозеленого кустарника. Оттуда можно хорошенько рассмотреть, что происходит на ранчо.

Ему оставалось пройти не более пятидесяти метров, когда он убедился в том, насколько правильно поступил, решив осмотреться. Под прикрытием вечнозеленого кустарника тот самый человек, о котором думал Доуланд, явно исследовал территорию ранчо. На нем был такой же антирадиационный костюм, как и те, что Доуланд обнаружил в кладовой, рядом на земле лежало мощное ружье. Детектив увидел его в профиль. Сейчас лицо было потным и пропыленным, так как АР-поле затрудняло доступ воздуха, но Доуланд мгновенно узнал эти хищные, скуластые черты.

В конце концов, он встретился с доктором Полом Трелони.

* * *

Доуланд потратил почти десять минут, чтобы подобраться к физику незаметно. Однако подобная предосторожность оказалась в высшей степени полезной; до Трелони оставалось не бо-

лее метра, когда Свободный гражданин, наконец, заметил присутствие незнакомца. В эту же секунду ему в позвоночник ткнулась пушка МПУ.

— Пожалуйста, без шума, — мягко предупредил Доуланд. — Мне не хотелось бы вас убивать, но, в случае эксцесса, сами понимаете, у меня не останется выбора.

Сперва Пол Трелони опешил, потом сказал надтреснутым от волнения голосом:

— Кто вы такой, черт возьми?

— Полицейское Управление Солнечной Системы, — ответил Доуланд, — и вам прекрасно известно, почему я здесь оказался.

Трелони что-то проворчал, Доуланд продолжил:

— Почему вы прячетесь?

— А вы как думаете? — раздраженно ответил Трелони. — Перед тем как выйти на открытое пространство, я должен был выяснить местонахождение человека, который ночью выстрелил из ружья в полукилометре от меня.

Значит, они искали друг друга.

— Почему это не мог быть ваш брат или племянница? — спросил Доуланд.

— Потому что знаю, как звучат наши ружья при выстреле.

— Хм, об этом я не подумал… У вас есть при себе пистолет или другое оружие?

— Охотничий нож.

— Давайте его сюда.

Трелони полез за пазуху, вытащил нож в ножнах и протянул Доуланду. Детектив забросил его подальше в кусты и слегка отошел назад.

— Встаньте на четвереньки, — скомандовал он, — я проверю, все ли это.

Он обыскивал очень осторожно. Трелони пока не сопротивлялся, но с таким человеком рисковать не стоило. В АР-костюме Доуланд обнаружил вшитый потайной двусторонний коммуникатор, а также столько различной тестирующей и измерительной аппаратуры, что хватило бы хорошему астероидному инженеру, но никакого оружия, действительно, больше не было. В закрытом кармане, явно сделанном для него специально, нашелся атомный ключ. Доуланд скользнул по тяжелому диску трясущимися пальцами.

— Ага, значит, этим открывается ваша лаборатория?

— Да.

Доуланд отделил передатчик коммуникатора и вместе с ключом от лаборатории засунул себе в карман.

— Все в порядке, — сказал он, — можете сесть.

Он подождал, пока Трелони повернется к нему лицом, затем продолжил.

— Как долго вы наблюдали за ранчо?

— Около часа.

— Видели кого-нибудь или что-нибудь?

Трелони посмотрел на него испытующе, затем покачал головой.

— Нет, ничего.

— Давайте не будем тратить время попусту и ответьте на мои вопросы, — сказал Доуланд. — Лаборатория заперта, и машина, которую вы включили, по-видимому, все еще работает. Вашего брата нашли вчера утром у дверей лаборатории, сейчас он, возможно, уже умер или на пороге смерти в результате лучевого ожога. Когда ночью я оставил его вместе с мисс Трелони в доме и отправился искать вас, он был жив и выглядел не так уж плохо. Поскольку мисс Трелони совершенно не желала со мной сотрудничать, пришлось дать ей особый препарат. Сейчас ваша племянница, должно быть, еще спит. Скажите, если бы мы не встретились, что вы намеревались делать?

— Разумеется, я намеревался остановить нашу машину, — ответил Трелони. Выражение его

лица нисколько не изменилось после довольно долгой речи Доуланда. — Предпочтительно, без участия сотрудников Полицейского Управления Солнечной Системы. Но поскольку вы проявили в этом деле инициативу, я настоятельно предлагаю вам немедленно отправиться вместе со мной в лабораторию и уладить все наши дела.

Доуланд кивнул:

— Именно это я собирался сделать, Трелони. Практически вы, конечно, находитесь под арестом, и все будете делать под дулом моей пушки. Вы уверены, что в ходе операции мы не столкнемся с какими-либо трудностями?

— Нет, не уверен, — ответил Трелони, — весьма вероятно, что трудности нас поджидают за метастальной дверью. Причем, почти наверняка мы не будем знать заранее, какого характера они будут.

Доуланд встал.

— Хорошо, — сказал он, — тогда вперед! По пути остановимся у дома. Мне нужно убедиться, что мисс Трелони все еще в том состоянии, когда не может совершать необдуманные поступки.

Прежде чем вернуть Трелони ружье, он опустошил магазин. Они направились к дому, Трелони — впереди, Доуланд — не выпуская из рук пушки,

чуть сбоку и сзади.

Входная дверь была закрыта. Трелони обернулся. Доуланд прошептал на вопросительный взгляд:

— Она не заперта. Откройте, войдите внутрь и в холле сделайте два шага вперед. Я буду идти позади вас. Ваши родственники в гостиной.

Он проследовал за Трелони, потом повернулся, чтобы закрыть дверь. В этот момент раздался шепот. Доуланд хотел развернуться и обмер, еще не веря в случившееся — что-то больно надавило на позвоночник. Пришлось замереть на месте.

— Бросьте пушку, Доуланд.

Голос Джил Трелони был ясен и резок, словно она бодрствовала уже несколько часов. Доуланд выругал себя, на чем свет стоит. Должно быть, девушка пряталась за домом, когда они вошли.

— Не пытайтесь обмануть Джил, приятель, — посоветовал Пол Трелони, не поворачиваясь, — ибо это еще никому не удавалось. Кроме того, малышка вполне способна сообразить, что ее дядя в обмен на шпика ССПУ — лучший выбор для Земли на данный момент. Но ведь этот обмен не самое главное дело сейчас, верно, Джил?

— А что главное, дядя?

— Дай нашему приятелю минутку, чтобы

придти в себя… В конце концов, это ставит полицейского в крайне неловкое положение. А он может понадобиться мне в лаборатории.

— Даю вам ровно три секунды, Доуланд, — сказала Джил. — И лучше бы вам сразу поверить в то, что я не блефую. Раз, два…

Доуланд бросил пушку.

* * *

Трелони быстро пошептались в гостиной. Доуланд, стоявший на другой стороне комнаты, находясь под прицелом двух пушек, не имел возможности хорошенько расслышать этот краткий диалог. Джил была облачена в один из тех антирадиационных костюмов, которые он принес из кладовой. Мигель умер. Он все еще находился без сознания, когда она проснулась, его дыхание прервалось спустя несколько минут. «Медик» сделал все, что мог, но в данном случае этого было явно недостаточно. Хитроумная Джил не могла ничем помочь дяде, но зато нашла препарату другое применение. Доуланд подумал, что в столь трагических обстоятельствах подобная мысль не могла придти в голову никому другому, но все же следовало это предусмотреть, покидая дом. Начав бороться со сном, девушка вспомнила, что

Доуланд рассказывал ей об этом антибиотике, и ей каким-то образом удалось вколоть себе целую ампулу. Это помогло ей в течение нескольких минут восстановить бодрость, а остальное было делом техники.

Перешептывание закончилось. Теперь девушка выглядела довольно бледной и испуганной, а лицо Пола Трелони по-прежнему сохраняло бесстрастность, когда он подошел к Доуланду. Джил заткнула за пояс пушку, которая была наставлена на Доуланда, подобрала охотничье ружье Пола и застыла в ожидании.

— Итак, Доуланд, — сказал Трелони, — наши действия будут следующими: Джил пойдет в лабораторию вместе с нами, но останется снаружи и будет наблюдать за обстановкой. Она останется, как говорят маргиналы, «на стреме»…

— А вы предупредили свою племянницу, — перебил его Доуланд, — чтобы она не вздумала оставаться «на стреме», если появится нечто размером с два ваших дома?

Трелони внимательно посмотрел на детектива.

— Значит, вы тоже на него наткнулись, — сказал он. — Я все думал, видели вы или нет. Это весьма любопытно… но пока с вас довольно. Я

предупредил ее об этом, раз уж вы спросили. Теперь подойдем к столу.

Трелони быстро начертил на кусочке бумаги две схемы. Пушку МПУ он положил на стол справа от себя. Можно, конечно, было попробовать добраться до нее, если сбросить со счетов внимательность Джил. Впрочем, решил Доуланд, этого делать не следует. Он видел, как она ловко перезаряжала ружье. Так что детектив остался стоять там, где стоял.

Трелони пододвинул бумагу к нему.

— На обеих диаграммах изображена наша машина, — сказал он. — Исходя из моего чертежа, вы должны составить себе представление о том, что увидите. Вот здесь колесо, на дальнем от двери конце панели управления. Это колесо — регулятор потока, об этом вам не следует забывать. На лимбе вы увидите риски. Самые большие обозначены номерами от одного до пяти. Вчера утром регулятор был поставлен на пятерку, самый сильный поток. Переведите колесо на единицу, и YM-400, создающий поток в радиоактивном состоянии, станет инертным. Понятно?

— Вполне, — кивнул Доуланд.

— И только после этого, — заметил Трелони, — мы сможем немного расслабиться.

— Какое количество вещества вы используете для создания потока?

— Нет никаких видимых причин, чтобы я стал говорить об этом, верно? Но я все же скажу. Все шестьдесят восемь килограммов, об утрате которых так скорбит Верховное Правительство, заложены в накопитель машины. Мы используем его весь, полностью, — он слегка ухмыльнулся, наверное, при виде выражения лица Доуланда в тот момент. — Для того чтобы проделать работу, подобную той, что мы задумали, вещество необходимо использовать в количествах примерно такого порядка. Теперь давайте поговорим о вас. Мы не убийцы. Джил сказала, что вас не удалось подкупить, пусть так. Вынужден вас предупредить, что когда наше дело будет закончено, с вами случится внезапный приступ амнезии. Несколько месяцев вашей жизни окажутся стертыми из вашей памяти, включая, разумеется, все связанное с нашей меленькой операцией. Во всем остальном вы останетесь целы и невредимы. Вам все понятно?

— Мне доводилось слышать о таких вещах, — сухо откликнулся Доуланд.

Никакой амнезии не будет. Такие вещи всегда говорят тем, кто уже на шаг от смерти, чтобы они

отказались от отчаянных попыток спастись. Но детектив понимал, что на самом деле у Свободных выбор был небогат. Если Доуланд исчезнет или у него обнаружатся признаки необъяснимой амнезии, МПУ немедленно обратит на это пристальное внимание, а там недалеко и до ранчо Трелони. Если же он умрет, то его смерти можно придать вид несчастного случая или убийства по личным мотивам. Заговорщики вполне способны принести в жертву одного из членов своей группы, дабы инсценировать подобную историю, и эта липа сойдет им с рук. Земля находилась под подозрением МПУ не более чем любая другая планета. Ведь Доуланд был отправлен не куда-нибудь, а на самое обычное из заданий.

Последовали скорые приготовления. Пол Трелони проверил батарейки в антирадиационных костюмах, своем и Джил. Что-то ему не понравилось, и он поменял свои — на такие же из запасного костюма. Доуланд же приостановил действие своего АР-поля. Оно было, по меньшей мере, столь же мощным, как те, что создавали костюмы Трелони, и во многих отношениях его устройство было более практичным. Однако батарейки их костюмов могли работать непрерывно двадцать четыре часа, распространяя поле

автоматически, как только костюм надевали. А поле его костюма поддерживалось от полутора до двух часов максимум. Доуланд не знал точно, сколько ему предстоит провести в зараженном помещении. А даже несколько лишних минут гарантированной защиты могли спасти его от смерти или лучевой болезни.

Тем временем Трелони изучал связку альпинистского оборудования на полу, которое он вскоре поднял и вручил хозяину.

— Наденьте, — сказал он.

— Зачем? — удивленно спросил Доуланд.

Трелони ухмыльнулся.

— Оно может нам понадобиться. Через минуту-другую поймете.

Они покинули дом через заднюю дверь. С востока к горизонту подбирались тучи, под ними кое-где пробивались первые бледно-золотые солнечные лучи. А на западе небо потемнело от поднявшейся пыли. Джил остановилась метрах в двадцати от лаборатории и застыла с ружьем в руке, наблюдая, как мужчины удаляются. У двери Доуланд включил свое АР-поле. Трелони бросил ему конусообразный ключ.

— Знаете, как он вставляется?

Доуланд кивнул.

— Хорошо. После того, как он щелкнет в замке и снова выскочит наружу, бросьте его мне обратно. Возможно, это последний ключ, какой у нас остался, и на этот раз брать его с собой в лабораторию мы не будем. Когда дверь пойдет вниз, сделайте шаг назад и направо. Прежде чем войти, мы посмотрим, что делается внутри.

Трелони указал на прибор размером с напёрсток, притороченный к поясу его костюма.

— Счетчик подскажет, есть ли там радиоактивность и если есть, насколько она высока.

Он махнул пушкой МПУ в направлении двери.

— Это все, вперед!

Доуланд приложил ключ к углублению в центре двери, слегка нажал, почувствовал, как ключ с мягким щелчком вошел в паз, самостоятельно повернулся, высвободившись из руки. А мгновение спустя ключ выпрыгнул из паза обратно к нему в ладонь. Фрэнк кинул его Трелони, который легко поймал подачу свободной левой рукой и перебросил через голову в направлении Джил. Ключ свалился в траву с глухим стуком поблизости от ее ног. Тем временем цельная плита метастали — дверь в лабораторию — начала опускаться вертикально вниз. Движение прекратилось, когда верхний край плиты находился все

еще в метре над порогом.

Счетчик на поясе Трелони издал басовитое жужжание, которое то взмывало вверх, то опускалось, напоминая обозленную осу. К этому звуку примешивался другой, напоминающий что-то вроде шипения струйки перегретого пара. Детектор Доуланда реагировал менее экспрессивно, но показывал то же самое. Лаборатория просто купалась в проникающей радиации.

Детектив посмотрел на Трелони.

— Жарковато, — ответил на его немой вопрос Свободный гражданин. — Но мы все равно пойдем внутрь. Но постойте секунду у двери, я хочу выяснить еще кое-что…

Внутри лаборатория представляла собой один огромный и в значительной степени пустой стальной корпус. Лишь небольшое пространство сразу справа от входа, по-видимому, использовалось. Там виднелся свет. Примерно на полпути до противоположной стены располагался бетонный постамент. Ровное сияние распространялось от его поверхности, где и стояла машина. Постамент был квадратом со стороной в полтора метра. Доуланд узнал в машине тот аппарат со схем Трелони. Ее конструкция формировалась вокруг яйцеобразного элемента из метастали. К

тупому концу этого овоида крепился длинный и узкий, частично не видимый от входа, пульт управления. С другого конца над постаментом нависала решетчатая конструкция. Она играла роль держателя двухметрового диска, ярко переливающегося всеми цветами радуги, поскольку он был выточен, по-видимому, из цельной друзы кварца. Диск был развернут плоскостью к пульту управления.

— У нас тут весьма дорогостоящее оборудование, Доуланд, — заметил Трелони. — Мой брат разработал принципиальную схему машины почти четверть века назад. Однако потребовалось колоссальное количество времени и затрат, пока принцип работы не воплотился в действующую модель на этом постаменте.

Он кивком указал налево от входа.

— Видите, это пальто Мигеля. Не думал, что оно все еще здесь. Атомный ключ, который вы происками столь энергично всю ночь, находится в одном из его карманов. Мигель стоял вон там, пальто было переброшено у него через руку, когда я видел брата в последний раз, возможно, за две-три секунды до того, как с удивлением обнаружил, что передо мной уже не пульт управления нашей машины, за которым находился

ваш покорный слуга.

— И где же вы очутились? — спросил Доуланд. — Неужели в прошлом, за шестьсот тысяч лет до нашего времени?

— Да, мои приборы остановились именно на этой отметке, — ответил Трелони. — Однако это было, как вы понимаете, лишь полдела. Мы намеревались провести целую серию наблюдений и не планировали осуществлять переброску людей в течение нескольких недель. Однако в случае, если первый опыт, вопреки нашим ожиданиям, пройдет успешно, я был экипирован для того, чтобы осуществить переход в прошлое. Именно благодаря своей предусмотрительности я и остался жив.

— Что же произошло?! — спросил в запале Доуланд.

— Хороший вопрос. Я и сам хотел бы это знать. Я знаю только то, что внезапно я оказался в воздухе, падая в реку. Было темно и пасмурно, но освещения, тем не менее, было вполне достаточно, чтобы понять, что река эта на редкость негостеприимна… Теперь я полагаю, — он многозначительно растянул последние слова, — что мне известно, почему мой брат оказался снаружи запертой лаборатории. Посмотрите туда,

Доуланд. На что это похоже, по-вашему?

У дальнего левого края помещения, за границей освещенного сиянием постамента пола, детектив разглядел огромный упаковочный ящик, разорванный (иного сравнения не подберешь) почти пополам со страшной силой. Большая его часть осталась у стены, меньшая — примерно метрах в десяти от него, ближе к постаменту машины. Те предметы, что в нем находились, высыпались из обеих частей. Однако пространство между двумя линиями разрыва осталось пустым, на полу не было ни единой соринки. Если бы не это обстоятельство, можно было бы предположить, что упаковочный ящик взорвался.

* * *

— Да, это не взрыв, — согласился Трелони, когда Доуланд сказал ему о своих соображениях. Он немного помолчал: — Именно в этом месте две структуры пространства-времени едва не наложились друг на друга. Возникла непрерывная борьба напряжений, поскольку обе структуры стремятся совместиться друг с другом. Нашу машину окружает сферическое поле концентрации подобных напряжений, и бывают моменты, когда пространство буквально разрывается на части.

Если в подобный момент кто-нибудь окажется здесь… Уф!

Доуланду показалось, что на полу между дверью и постаментом показался проблеск какого-то яркого свечения. Он мелькнул, затем исчез, затем появился вновь, но уже видимый под другим углом, прежде чем слух детектива зафиксировал тот факт, что все это сопровождалось странными включениями какого-то ревущего звука. Очень похоже на сполохи грозы. Однако это было…

Внезапно словно бы занавес из воздуха раздвинулся перед ним, неровно обрамляя ярко освещенную трехмерную картинку. Он смотрел вниз на пенящийся поток реки, омывающей край высокого утеса, покрытого желто-зеленым лесом. Лаборатория наполнилась грохотом воды. Слева вдали появилось нечто огромное и черное…

Но все исчезло так же внезапно, как и появилось… Перед ними вновь возник интерьер лаборатории, тихий и неизменный, как ни в чем не бывало.

— Откуда вы знали, что может произойти? — хрипло спросил Доуланд.

— Мне пришлось провести несколько часов, — ответил Трелони, — по ту сторону. Теперь, полагаю, понимаете, что ваша альпинистская

упряжь нам очень пригодится.

Доуланд оглядел лабораторию.

— Стены…

— Метасталь, — ответил Трелони, — слава тебе господи. Здание прочное, напряжения ему не повредили. У нас есть за что зацепиться. Можно натянуть вашу веревку в полутора метрах над пультом управления и параллельно ему, закрепив другой конец за дверной проем, чтобы добраться до цели.

Доуланд все понял, разобрал снаряжение, просунул кончик репшнура в ушко гарпуна и хорошенько укрепил.

— Мы идем вместе?

Трелони покачал головой.

— Вы пойдете один, Доуланд. Мне очень жаль, но сейчас не время для дискуссий. Веревка не избавляет от опасности. Но если почувствуете, что ваши ноги болтаются где-то в воздухе далекой эпохи, то вы все же останетесь здесь, по крайней мере, я надеюсь на это. Если не дойдете до пульта, то я пойду следующим. Таким образом, у нас вместо одного окажется два шанса выключить машину. Согласны?

— Согласен, поскольку у вас в руке пушка, — ответил Доуланд. — Если бы пушка была у меня,

все было бы с точностью до наоборот.

— Разумеется, — согласился Трелони. Больше он ничего не сказал, только наблюдал, как Фрэнк зарядил гарпун с репшнуром в пистолет, зафиксировал, затем прицелился в направлении постамента. Гарпун шлепнулся о противоположную стену и замер. Доуланд подергал свободный конец репшнура, бросил небрежно: «Как в банке Верховного Правительства» и вручил его Трелони.

Свободный гражданин потянулся в сторону, чтобы закрепить второй гарпун на дверном проеме, просунул сквозь него петлю и затянул узел. Доуланд вытащил из кипы своего снаряжения пару защитных перчаток, натянул одну на правую руку, вторую протянул Трелони.

— Это если придется последовать за мной, — заметил он. — Голые руки шнур сотрет в кровь.

Трелони бросил на него слегка удивленный взгляд, затем коротко ухмыльнулся.

— Спасибо, — сказал он. — А вы сможете пройти с одной перчаткой?

— На таком расстоянии это не проблема.

— Очень жаль, что вы не землянин, Доуланд. Мы могли бы подружиться.

— Очень приятно слышать такое от вас, — от-

ветил Доуланд. — Подождем еще одно из этих пространственных напряжений, прежде чем отправляться?

Трелони покачал головой.

— Боюсь, в этом нет необходимости. Насколько я понял, в этих напряжениях постоянства не больше, чем в бурном речном потоке. Видите, как дергается веревка, я бы сказал, что вас здорово потреплет, даже если не попадете в открытый разрыв.

* * *

Доуланд находился уже в пяти метрах от двери и быстро перебирал руками шнур, когда его что-то дернуло, и он неуклюже закачался на месте, как паук на паутине, когда ее рвет прущий напролом грибник. Внезапно его отпустило, он продвинулся, пошатываясь, несколько метров, прежде чем налетел еще один невидимый вихрь и потянул вниз. Тяга была очень сильной, и несколько бесконечных секунд она продолжала усиливаться. Детективу показалось, что руки сейчас оторвутся от плеч, но внезапно стихия снова его отпустила.

Остаток пути до постамента он проделал почти без помех, но мышцы дрожали от напряжения.

Он чувствовал, как его душит АР-поле. К сожалению, репшнур провисал в стороне от машины, и когда до нее осталось метров пять, Доуланд раскачался на шнуре, отпустил его и прыгнул прямо в узкий проход между пультом управления и кварцевым диском. Пульт слегка светился, на дальнем его конце и оказалось пресловутое колесо — регулятор потока, о котором говорил Трелони. Красная стрелка замерла против цифры пять. Доуланд сделал два шага по постаменту и крутанул колесо вниз.

Стрелка остановилась на единице. С легким щелчком она встала на место.

Вдруг что-то толкнуло детектива к пульту, сначала прижало к нему, а затем перебросило через него и низкий поручень у противоположного края постамента. Показалось, что пол задрожал, когда он ударился об него, затем медленно наклонился. Доуланд перевернулся и встал на четвереньки лицом к постаменту. Позади него вновь блеснул дневной свет, со всех сторон раздался рев реки, текущей в другом времени. Он встал на ноги и подпрыгнул к содрогающемуся над постаментом шнуру. И свет и рев мгновенно прекратились, как только он схватился за спасительный шнур, затем блеснули где-то в глубине

здания и исчезли. Раздался истошный вопль…

Доуланд раскачивался на шнуре, перебирая по нему руками и подбираясь все ближе и ближе к выходу. Ноги болтались в метре над полом, поскольку он был не в силах ступить на него долее, чем на мгновение. Теперь ему с трудом удавалось набирать в легкие достаточно воздуха сквозь удушающее антирадиационное поле. Он заметил, как мимо открытой двери взметнулась пыль, затемняя проем. Все здание содрогалось, точно от сильнейшего землетрясения. А где же Трелони?

Затем он разглядел нечто мокрое и красное, лежащее у стены рядом с дверью; Фрэнка охватил приступ выворачивающей рвоты — тело физика было так растянуто и скручено, что трудно было представить себе, что эти ошметки когда-то могли принадлежать человеку. Когда он добрался до двери, легкие были готовы разорваться. Ах, если б можно было отключить поле…

Его пушка лежала рядом с мокрым месивом у стены, Доуланд подобрал ее, стараясь смотреть в другую сторону, и уже наклонился, чтобы поднять с пола альпинистские принадлежности, когда позади него вновь блеснул свет. По привычке он обернулся.

Внутреннее пространство лаборатории разорвалось на части еще раз, на этот раз гораздо шире, чем обычно. Внизу пенился белый поток. Справа, над лесом, точно надутый красный шар, блистало сквозь слоистый туман заходящее солнце. А слева, над рекой, двигалось и поблескивало в сиянии давно минувшего дня нечто, во что невозможно было поверить, и в чем в то же время не приходилось сомневаться. Глядя на него, за мгновение до того, как панорама вздрогнула и вновь исчезла, Доуланд внезапно понял, что здесь в действительности произошло.

Он увидел ни что иное, как космический корабль.

Детектив развернулся, поспешно выбрался наружу прямо в свистящий ветер и увидел бледную как смерть Джил Трелони, которая стояла там, прижав руки ко рту, и глядела на него в упор круглыми от испуга глазами.

Он схватил ее за плечо.

— Пойдемте! Нам нужно выбираться отсюда.

Она выдохнула:

— Его… оно разорвало его!

— Мы ничем ему не можем уже помочь.

Над горой летали тучи пыли, закрывая собой вершину. Доуланд посмотрел на восток и при-

щурился на вырастающую прямо на глазах тьму, движущуюся по небу прямо на них. Он бросился вверх по склону и потащил девушку за собой. Джил полузадушенным голосом кричала что-то бессвязное, но он не остановился, чтобы разобрать, что именно она хотела сказать. Он впихнул ее в дом, захлопнул за собой дверь и побежал через холл в гостиную. Там Фрэнк отключил АР-поле и почувствовал, как воздух вновь наполнил легкие, точно он вынырнул из глубины вод. Детектор еще продолжал тихонько шипеть свои предупреждения, но теперь их почти не было слышно. Теперь придется не обращать внимания на радиацию, хотя это и было рискованно.

— Вон из костюма, быстро! То, что произошло в лаборатории, вызвало пыльную бурю. Когда она грянет, антирадиационное поле задушит вас в одну минуту.

Она молчала и только хлопала глазами.

— Снимайте костюм! — закричал Доуланд, чувствуя, что нервы на пределе. — Мы спустимся по восточному склону. Это наш единственный шанс. Но мы не сможем двигаться, если не сможем дышать…

Затем, пока она трясущимися пальцами торопливо расстегивала костюм, он быстро перебрал

груду походного снаряжения, брошенного у камина.

В ней обнаружился коммуникатор и Фрэнк уже стал прилаживать его к альпинистским веревкам, когда раздался резкий хлопок. Он в испуге обернулся. Костюм Джил валялся на полу, а сама Джил исчезла.

Детектив рывком раскрыл входную дверь, закричал и сквозь тучи пыли увидел, что она бежит к лесу.

Ему вряд ли удалось бы ее догнать, но девушка споткнулась и упала. Доуланд прижал ее к земле прежде, чем она смогла подняться. Джил боролась безмолвно и яростно, точно дикое животное, рвалась, кусалась, царапалась, глядя на него сузившимися, налитыми кровью глазами, и это было страшно. Но Доуланду, наконец, удалось освободить одну руку, и его кулак привычно скользнул по скуле. Голова Джил откинулась назад, глаза закрылись.

* * *

Спустя несколько минут он с девушкой на руках уже приближался к восточному склону горы. Здесь, за пределами ранчо, под ногами был сплошной камень, кое-где перемежаемый чах-

лым кустарником. Пыль залепляла глаза, хотя основной пыльный вихрь находился пока еще на расстоянии нескольких километров. Не было времени задерживаться в доме, чтобы поискать пистолет-инъектор с успокаивающим лекарством, хотя лучше было спускаться с оцепенелой и слегка парализованной женщиной, чем с безумной фурией, в которую Джил, возможно, вновь превратится, как только придет в себя после его коронного свинга. В крайнем случае, придется ее связать. Под ногами непрерывно то скрипело, то рокотало, земля ходила ходуном. Временами Фрэнку казалось, что он пробирается по чему-то мягкому и предательски податливому, словно зыбучий песок. Это всего лишь ощущение, успокаивал он себя, скала, как была, так и остается твердой. Но…

Вскоре он подошел к краю, мягко опустил девушку на землю и выпрямился, задыхаясь и протирая слезящиеся глаза. Гора позади них почти скрылась в тучах пыли.

Вдруг Доуланд даже сквозь пыль заметил нечто движущееся в том месте, где он только что прошел.

Вот же невезуха! Гигантский силуэт было видно лишь наполовину, но и без того стало ясно, что он

их преследует. Громадина мягко приближалась по трясущейся земле. Доуланд вытащил пушку, чувствуя странное и спокойное убеждение, что в данном случае она совершенно бесполезна. Однако он медленно прицелился, яростно щурясь от пыли, забивающей глаза.

И вдруг случилось это. Все выглядело так, словно их противник споткнулся. Затем махина продолжила свое преследование; но точно гром грянул о землю позади Доуланда, и в ту же минуту, изгибаясь и корчась, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, окутанная пылью фигура начала плавно расползаться, словно утопая в скалистой поверхности горы.

Через мгновение ее не стало.

Доуланд смог опустить пушку лишь несколько секунд спустя. В охватившем его оцепенении он почувствовал, что изменилось кое-что еще.

Где-то неподалеку зазвучал, яростно вонзаясь в уши, тоненький человеческий голосок. Взгляд детектива обратился к коммуникатору, притороченному к альпинистским веревкам.

Звук сходил оттуда.

Сетевая энергия Земли вернулась на Львиную гору.

* * *

Неделю спустя лейтенант Фрэнк Доуланд вошел в кабинет главы Полицейского Управления Солнечной Системы. Начальник представил его двум другим мужчинам, желавшим, по-видимому, остаться неизвестными, и предложил присесть.

— Лейтенант, — сказал он, — эти джентльмены хотят задать вам несколько вопросов. Можете быть с ними откровенны так же, как если бы вы говорили со мной.

Доуланд кивнул. Одного из джентльменов он узнал сразу, это был Ховард Кэмхорн, Координатор Исследовательских Программ, имевший репутацию одного из самых проницательных умов в высших эшелонах Верховного Правительства. Другой был ему незнаком. Брюнет, на несколько лет моложе Кэмхорна, на десяток сантиметров ниже ростом, коренастый, глаза сохраняют выражение отрешенной задумчивости, и, вследствие этого, делают его похожим на сову. Вероятно, контактные линзы, подумал Доуланд.

— Да, сэр, — ответил он начальнику и повернулся к посетителям.

— Мы читали рапорт о вашем недавнем визите на Землю, лейтенант Доуланд, — мягко начал

Кэмхорн. — Кстати, рапорт превосходный, очень точный, подробный. Но хотелось бы услышать от вас детали, которые вы совершенно справедливо опустили, а именно, личные впечатления и заключение о случившемся.

— Например, — присоединился к нему другой посетитель, пока Доуланд раздумывал, — мисс Трелони сообщила нам, что ее дяди пытались заставить украденный ими YM-400 произвести совмещение с ранним периодом истории Земли, известным под названием плейстоцен. Исходя из того, что вы видели своими глазами, удалось ли им это сделать?

— Не знаю, сэр, — ответил Доуланд. — Последние несколько дней мне показывали картины, изображающие этот период. То, что я описал в рапорте, вероятно, могло существовать тогда, — он улыбнулся. — Однако у меня сложилось впечатление, что самое большое из встреченных мною той ночью существ все же было сочтено экспертами чем-то вроде… э-э… ну, как бы это сказать…

— Плодом вашего воспаленного воображения? — кивнул тот из посетителей, что пониже. — В подобных обстоятельствах это вполне возможно, вы же понимаете.

— Да, сэр, я понимаю.

Низенький человек улыбнулся.

— Но вы сами так не думаете?

— Да, сэр, — ответил Доуланд, — я так не думаю. Полагаю, что описал в точности то, что видел и слышал.

— То есть вы думаете, что братьям Трелони удалось совместить наше время с одним из предыдущих периодов истории Земли, не обязательно плейстоценом?

— Думаю, что да.

— Еще вы сообщаете, что в этом доисторическом периоде вы видели космический корабль…

Доуланд покачал головой.

— Нет, сэр. Я думал так в момент наблюдения. Я указал в рапорте, что видел нечто похожее на космический корабль.

— Что же это было, по-вашему?

— Темпоральный корабль, если так можно выразиться.

— Да, выразиться так можно, — перебил его Кэмхорн, — но любопытно было бы узнать, лейтенант, что заставило вас сделать подобный вывод.

— Это догадка, сэр. Вещи должны согласовываться друг с другом. Темпоральный корабль позволит их согласовать.

— Каким образом?

— Мне говорили, — ответил Доуланд, — что ученые Верховного Правительства не смогли найти практическое применение YM, поскольку, когда его пытались использовать, что-то все время шло не так. Я также слышал, что не удавалось ни разу предугадать заранее, какая именно каверза произойдет и провалит эксперимент. Однако всегда происходило что-то, и при этом часто гибли люди.

— Истинная правда, — кивнул Кэмхорн.

— Ну вот, — продолжал Доуланд, — я думаю, что существует какая-то раса существ, которые живут не совсем в нашем времени и нашем пространстве. Назовем их темпорианами. У них тоже есть YM, они его активно используют, но не хотят, чтобы использовал кто-то еще. Они каким-то образом узнают, когда его активируют здесь, и применяют собственный YM, чтобы помешать процессу. В результате наши эксперименты всегда терпят неудачу. Однако им неизвестно, кто конкретно использует YM. Когда Трелони включили свою машину, темпориане в своем пространстве и своем времени заметили создаваемые напряжения. Они отправились в эту точку и нейтрализовали эффект скачка во

времени при помощи собственного YM. Трелони не намеревались с первого раза осуществлять полный контакт. Темпорианам почти удалось на территории вокруг лаборатории развести во времени два исторических периода.

— Но с какой целью? — спросил Кэмхорн.

— Думаю, им очень хочется определить наше местонахождение.

— С недобрыми намерениями?

— Во всяком случае, у тех, кого мы видели, намерения были весьма и весьма агрессивные. А могу я задать вопрос вам, сэр?

— Конечно, — ответил Кэмхорн.

— Когда эксперты Верховного Правительства обследовали машину Трелони, вся масса YM была экранирована должным образом?

— Да, должным образом, — ответил Кэмхорн.

— Но когда я открыл дверь, лаборатория была просто нашпигована радиацией, да и Мигель Трелони умер от лучевых ожогов…

Кэмхорн кивнул.

— Да, эти факты, без сомнения, придают вашей теории некоторую весомость, лейтенант. Однако стоит принять во внимание еще и тот факт, что после того, как вы выключили поток YM в лаборатории, прошло около десяти минут, прежде чем

явный контакт между двумя временными периодами разрушился. В вашем рапорте сказано, что описанные вами феномены непосредственно после отключения стали еще более явными.

— Да, сэр.

— Как будто эти ваши темпориане прилагали все усилия, чтобы сохранить контакт с нашим временем.

— По-моему, именно так дело и обстояло, — сказал Доуланд.

— Что ж, весьма правдоподобно. Итак, все указывает на то, что Пол Трелони действительно провел длительное время, вероятно, от двенадцати до четырнадцати часов, по крайней мере, в другом историческом периоде. Он не намекал, что именно наблюдал в эти часы?

— Нет, сэр, за исключением того, что, когда он там оказался, была ночь. Возможно, мисс Трелони он сообщил больше.

— По-видимому, не сообщил, — сказал Кэмхорн. — Прежде, чем войти вместе с вами в лабораторию, он предупредил ее, чтобы она остерегалась неких существ, описание которых в точности соответствует тем гигантам, с которыми вы встретились дважды. И это все. Вы могли бы добавить еще что-нибудь, пусть даже

гипотетически?

— Гипотетически? — хмыкнул Доуланд. — Видите ли, сэр, мое представление обо всем этом — одна сплошная гипотеза. Но я думаю, что Пол Трелони был схвачен темпорианами, как только появился в другом историческом периоде и несколько часов спустя смог сбежать от них. Двое из них пытались схватить его вновь, вследствие чего последовали за ним на Львиную гору сквозь очередную открывшуюся брешь в напряжениях, которое производил YM.

Коренастый компаньон Кэмхорна глубокомысленно заметил:

— Полагаете, то летающее создание, которое вы видели, прибыло сюда тем же путем?

— Да, сэр, — ответил Доуланд, поворачиваясь к нему. — Думаю, что это произошло случайно. Это могло быть какое-нибудь дикое животное, которое случайно забрело в зону контакта и очутилось здесь, даже не поняв, что с ним произошло.

— И также вы утверждаете, — продолжал коренастый, — что, проходя вблизи зоны контакта ночью, вам почудился запах болота?

Доуланд кивнул:

— Да, сэр, я это утверждаю. Эти запахи, конечно, могли быть иллюзией, но они показались мне

очень явственными. И, кроме того, как вы понимаете, на горе нет никаких болот.

— Будем считать, — сказал Кэмхорн, — что ваши ощущения не были иллюзией. Похоже, что все это хорошо вписывается в общую картину. Однако же, лейтенант, на чем основано ваше утверждение о том, что Пол Трелони какое-то время был пленником темпориан?

— На нескольких фактах, сэр, — ответил Доуланд. — Один из них состоит в том, что когда мисс Трелони очнулась в больнице, она не помнила, что пыталась от меня сбежать.

— Так указано в рапорте, — кивнул Кэмхорн.

— Она попыталась это сделать, — продолжал Доуланд, — вскоре после того, как сняла антирадиационный костюм, чтобы, спускаясь с горы, не задохнуться в пыльной буре. Это — первый факт.

— Продолжайте, — сказал Кэмхорн. — Второй факт, — когда рано утром я обнаружил Пола Трелони, на нем был антирадиационный костюм. Судя по тому, как физик выглядел, он провел в нем несколько часов, а, как известно, такой костюм не слишком удобен для походов по пересеченной местности.

— Но он мог, — предположил коренастый, — опасаться того, что на ранчо радиоактивность.

Доуланд покачал головой.

— Нет, сэр. У него при себе был счетчик, который предупредил бы о заражении местности. Гораздо разумнее было бы нести костюм с собой и надеть его, когда это станет необходимо. В то время я не подумал об этом. Но затем произошел третий факт. Я не включил его в рапорт, поскольку это относится сугубо к моим субъективным впечатлениям. Я не могу доказать, было ли это в действительности.

Кэмхорн подался вперед:

— Продолжайте.

— Это произошло непосредственно перед тем, как исторические периоды окончательно разделились, и существо, которое преследовало меня и мисс Трелони, точно провалилось сквозь скалы. Полагаю, оно вернулось обратно в свое время. Я уже описывал его, больше всего оно напоминало пятнадцатиметрового слизняка, который двигался на своем теле, а впереди у него было два ряда чего-то похожего на коротенькие ручки. Выглядело оно крайне непривлекательно. Я испугался до смерти. Однако у меня была пушка, точно такая же, как та, при помощи которой я остановил тварей, что напали на меня ночью. Но вся проблема в том, что в этот раз я не собирался стрелять.

— Не собирались стрелять? — переспросил Кэмхорн.

— Именно, сэр. Как только я его увидел, у меня были все основания разнести его в мелкие клочья. То, другое чудовище, после этого больше на меня не нападало, — вероятно, было сильно повреждено. Тем не менее, зная все это, я одновременно был убежден, что спускать курок нет никакого смысла. И вот как я могу все это объяснить. Думаю, что эти существа могут контролировать разум других существ, но их способности не могут преодолеть воздействие чего-то вроде наших АР-полей. Пол Трелони появился в другом историческом периоде и сразу угодил прямо к ним в лапы. У него было ружье, но, по-видимому, его схватили до того, как он смог им воспользоваться. Темпориане должны были исследовать человека и его обмундирование, и, когда сняли антирадиационный костюм, выяснилось, что пойманный принадлежит к расе, деятельность которой они способны контролировать ментально. После этого у них не было причин охранять его больше, поскольку он и так был беспомощен. Думаю, Трелони это понял и, воспользовавшись моментом, когда его действия не контролировали, натянул на себя костюм. После этого он вновь смог поступать по

собственному усмотрению. Когда темпориане обнаружили, что пленник исчез, то отправились на его поиски, и двое из них оказались на горе в нашем времени. Что же касается мисс Трелони, то совершенно очевидно, что это не она пыталась сбежать от меня. По-видимому, бедняжка даже не сознавала, что делает. Она просто исполняла приказы, которые ее разум стал получать, как только она сбросила антирадиационный костюм. Темпорианам необходимо было вернуться к месту перехода. Судя по направлению, в котором она бежала, оно, по-видимому, находилось где-то к северу от ранчо.

Повисло продолжительное молчание. Затем компаньон Кэмхорна добавил:

— И все же кое-что не вполне согласуется с вашей теорией, лейтенант.

— Что же, сэр?

— В вашем рапорте сказано, что вы выключили свое АР-поле в то же самое время, как посоветовали мисс Трелони выбраться из костюма. Вы должны были равным образом подвергнуться ментальному влиянию.

— Что ж, — ответил Доуланд, — я могу попытаться объяснить и это, сэр, хотя повторяю, доказать то, что я думаю, невозможно. Возможно,

темпориане могут контролировать лишь один разум за раз. А этот мог просто не понять, что я… как бы это получше сказать… устроил мисс Трелони нокаут и что она больше не подчиняется его приказам, пока не догнал нас и не увидел своими глазами или что-там-у-него-вместо-глаз. Я предполагаю, темпорианин не знал об этом до того момента, пока не переключил свое ментальное воздействие на меня.

* * *

Коренастого собеседника Доуланда звали Лайлард Уайт, и в Исследовательских Программах он был одним из самых крупных специалистов во всех вопросах, касающихся психологии. Вид у него, когда вместе с Кэмхорном они покинули штаб Полицейского Управления Солнечной Системы и двинулись в направлении примыкающего к нему административного здания Верховного Правительства, был весьма озадаченный.

— Судя по твоему выражению, — заметил Кэмхорн, — наш лейтенант говорит правду.

— Разумеется, — проворчал Уайт, — то, что он считает правдой.

— А он в своем уме?

— Вполне, — с отсутствующим видом ответил Уайт.

Кэмхорн улыбнулся.

— Тогда в чем дело, Лолли? Тебе не нравится идея путешествий во времени?

— Конечно, не нравится! Это абсурд.

— Глупый ты, Лолли, ибо мыслишь слишком прямолинейно. Значительное число величайших умов нашего времени расходится с тобой во мнениях по этому вопросу.

Лайлард Уайт не очень уважительно прошелся по адресу великих умов как таковых, затем поинтересовался:

— Тот аппарат, что построили Трелони, был обнаружен целым и невредимым?

Кэмхорн кивнул:

— Совершенно невредимым. Я смог осмотреть его, когда вместе с другими машинами, которые скрывали у себя Свободные, он был доставлен с Земли.

— И все эти машины были предназначены для перемещения во времени?

— В этом не может быть никаких сомнений. Они работают в Римановом пространстве и сконструированы очень прилично. Работа, заслуживающая всяческого уважения. Жаль, что

братья Трелони сложили на этом поприще головы, мы могли бы подыскать лучшее применение их талантам. Хотя, все так повернулось…

Он пожал плечами.

Уайт внимательно посмотрел на собеседника.

— О чем ты говоришь? — подозрительно спросил он.

— Жаль, конечно, но осуществить переход во времени братьям-физикам не удалось, — сказал Кэмхорн, — хотя, теоретически, это должно было у них получиться. Я это точно знаю, поскольку у нас имеются собственные машины, основанные на том же самом принципе. Первая из них была создана почти восемьдесят лет назад. Две такие машины занимаются утилизацией потока YM. По целому ряду деталей машина Трелони значительно более совершенна, чем аналоги, имеющиеся в распоряжении Верховного Правительства, но она все же не позволяет переместиться в другое время.

— Почему?

— Я и сам хотел бы это знать, — вздохнул Кэмхорн. — Все выглядит так, словно реальность, в которой мы живем, придерживается столь же пессимистичного взгляда на путешествия во времени, как и ты. Путешествия во времени остаются

возможными лишь в теории. Но на практике, когда, например, мы хотим использовать для этой цели поток YM, он всячески уклоняется.

Уайт ошеломленно посмотрел на него:

— Но если Пол Трелони не двигался сквозь время, то, что же он тогда делал?

— А что еще остается? — спросил Кэмхорн риторически. — Он двигался сквозь пространство, конечно.

— Куда?

Кэмхорн пожал плечами.

— Они проникли в Риманово пространство, — сказал он, — используя в своей машине энергию приблизительно на три порядка большую, чем то, что было доступно нам, прежде чем химические элементы группы Ymir попали в наши руки. Теоретически, Лолли, они могли направиться куда угодно во Вселенной. Если бы у нас хватило духа поиграть со здоровенным куском YM, в то время как мы использовали какие-то паршивые доли грамма, наши ученые могли получить аналогичные результаты, как у Трелони.

— Извини, я все же немного не понимаю, — сухо заметил Лайлард, — в чем именно состояли их результаты.

— О, теория лейтенанта Доуланда недалека

от истины. По иронии судьбы нам следовало бы поблагодарить семейство Трелони. Теперь не осталось никаких сомнений в том, что за те несчастья, что преследовали нас во время применения YM, ответственна именно раса тех существ, с которыми они столкнулись. Темпориане — это, конечно, название неудачное и его придется подправить — не самые лучшие соседи, соседи в терминах Риманова пространства, разумеется. Если они узнают, где нас можно найти, человечеству не поздоровится. У них появились хорошие шансы выиграть первый раунд, когда Трелони засветили шестьюдесятью восемью килограммами хорошо различимый ими маяк. Однако эти твари сделали несколько ошибок, и вновь нас потеряли. Пока мы сыграли с ними вничью. Если не считать того, что теперь мы знаем о них ровно столько, сколько им удалось узнать о нас. Думаю, что через несколько лет мы будем готовы ко второму раунду.

На лице Уайта отобразилось сомнение.

— То есть Трелони вступили в контакт с одной из населенных ими планет?

— О, нет. По крайней мере, это было бы невероятным совпадением. Нет, машина искала Землю такой, какой она была в поздней части

плейстоцена. Трелони настроили около тысячи весьма специфических параметров для определения ее во времени. Но время не поддалось, и машина начала искать подобное сочетание параметров в пространстве, и нашла. Как верно предположил лейтенант Доуланд, темпориане, а точнее, инопланетяне, двинулись сквозь Риманово пространство туда, где так явно заявлял о себе YM-поток. Но, даже оказавшись на месте, они все же не могли определиться, где именно во Вселенной расположен его источник, хотя, в некотором смысле, находились от Земли буквально на расстоянии вытянутой руки, а двое из них даже некоторое время топали прямо по ее поверхности. Для наших друзей это был во всех отношениях крайне неприятный опыт.

— Хм-м, — сказал Лайлард Уайт и нахмурился.

Кэмхорн засмеялся.

— Оставь ты это, Лолли! — сказал он, — в конце концов, это не твоя специальность. Давай же обратимся к тому, в чем тебе нет равных. Как ты можешь объяснить тот факт, что Доуланд оказался на некоторое время неуязвимым для ментального влияния этих существ?

— Что? — переспросил Уайт. — Неуязвимым? — Его лицо выразило крайнее изумление: — Но

ведь это же очевидно!

— Рад слышать, — сухо откликнулся Кэмхорн.

— Тем не менее, это так. Отношение Доуланда к случившемуся ясно показывает, что он сам подозревает причину, но как бы не хочет ее воспринимать.

— Почему? И что же он подозревает?

Уайт снисходительно покачал головой.

— Это же так просто. Первым представителем человеческой расы, с которым столкнулись инопланетяне, был Пол Трелони. Но он же — настоящий гений! Только гению оказалось под силу обмануть наши тесты на проверку интеллекта. Ползая по горе, эти слизнеподобные твари искали кого-то с аналогичным уровнем интеллекта. У Доуланда — интеллект выше среднего, он далеко не глуп. Ты говорил, что тебе нравится, как он оригинально мыслит. Однако ему очень далеко до Трелони. Без сомнения, всякий раз инопланетяне принимали его за нечто вроде домашнего животного. Смышленого, но не более того. Единственная причина, по которой он остался жив, это то, что его не воспринимали всерьез.

— Это, — глубокомысленно заметил Кэмхорн, — может многое изменить.

— Действительно, может.

— У нас есть сейчас что-нибудь, что может блокировать их специфические пси-способности?

— Разумеется. Если их смогло остановить АР-поле, то вообще не о чем беспокоиться. К тому же человечество со своим уровнем телепатического развития может спать спокойно: в лучшем случае инопланетяне примут нас за недоумков.

— Прекрасно, — сказал Кэмхорн. — Есть какие-нибудь теории относительно частичного материального взаимопроникновения зон, о которых сообщали Доуланд и мисс Трелони? Что они время от времени могли слышать шум реки с другой планеты.

Уайт кивнул:

— Существует несколько возможных объяснений. Во-первых…

— Лучше оставь это на ланч, Лолли, — перебил Кэмхорн, взглянув на часы. — До важного совещания у меня осталось всего ничего. Полагаешь, сейчас нам стоит обсуждать что-нибудь?

— Только одно, — ответил Уайт. — Если машина Трелони способна найти где-то во Вселенной планету земного типа…

— Без сомнения, способна.

— Тогда, — сказал Уайт, — проблема нашего растущего, точно на дрожжах, населения, реше-

на, не так ли?

— На данный момент, именно так, — согласился Кэмхорн. — На самом деле, Лолли, об этом и пойдет речь на совещании, куда я не могу опоздать.

— В таком случае, Свободные земляне могут больше не беспокоиться о том, что их Земле грозит превращение в очередную перенаселенную трущобу.

— Истинно так, — сказал Кэмхорн. — Если все пойдет хорошо, то через несколько лет каждый человек сможет стать Свободным гражданином. Где-нибудь во Вселенной.

— Так что, в конце концов, Трелони добились своего…

— Да, добились, некоторым образом. Если бы братья узнали, как все обернулось, думаю, они были бы только рады. Ситуацию разъяснили их племяннице. Она осталась вполне довольна.

КОНЕЦ ПУТИ

Под вечер космический корабль пал на край изогнутой линии пляжа. Позади пляжа возвышалась узкая полоска травянистых зарослей в полкилометра длиной, за которыми матово поблескивали серовато-розовые выступы утесов, которые круто взмывали вверх почти на семьсот метров, давая начало широкому и плоскому континенту. Темно-зеленая стеклянная гладь самого большого океана планеты простиралась гостеприимным изгибом, грациозность которого подчеркивали две узкие цепочки островов, протянувшиеся приблизительно в тридцати километрах от берега.

Свалившаяся с неба блестящая, отполированная машина начала медленно обустраиваться на новом месте, где-то под нею громогласно завывал ветер, мелководье пляжа морщилось странными зигзагообразными узорами. Подняв целый каскад песчаной взвеси, она на десять метров погрузилась в скалистое основание пляжа и на этом успокоилась. Жесткий щелчок оповестил о том, что круглый шлюз намерен открыться ровно на одну треть, и мгновение спустя, из него вы-

шли семеро из девяти членов Исследовательской Группы номер 1176 Центрального Правительства, сбившись в кучу на высоте пятнадцати метров над пляжем, ибо такова была протяженность корабельного трапа.

Шестеро из них спрыгнули, не доходя до конца. Скатившись с нее мягкими клубками, они, точно котята, мягко шлепнулись о песок и тут же вприпрыжку побежали к воде. Лишь Греван в полном одиночестве, полный достоинства, подобающего командиру, чинно прошел весь путь до самой земли.

Он сошел с него неспешно, огромный, грузный человек мощного сложения, мускулистый, но поджарый, быстрый в движениях, ничем не отличающийся от профессиональных борцов-гладиаторов, вместе с которыми в свое время тренировался. Выражение каменной суровости на лице настолько соответствовало всему остальному его облику, что менее примечательные люди обычно при одном взгляде уступали ему дорогу, даже не испытав свои силы против блестящей технической подготовки чиновника Центрального Правительства.

В известном смысле ему было немного жаль, что членов Исследовательской Группы впечат-

лить было гораздо труднее.

Греван задумчиво сдвинул брови, глядя, как пятеро из шести, что вышли вместе с ним из корабля, на ходу срывают скафандры, оружейные пояса и прочее обмундирование, несясь стремглав к воде. Кузат, Элиоль, Веснушка, Ланей, Вернет — сделал он мысленную перекличку по привычке, глядя на то, как они в фонтанах брызг исчезают с поверхности воды. Появление их на свет в одной из эмбриональных лабораторий Центрального Правительства явилось результатом научного эксперимента, проведенного под его руководством, и хотя они еще не достигли взрослого состояния, они ни в чем не уступали Гревану по физическим данным. И все же! Кто знает, какие плотоядные формы инопланетной жизни могут плавать за пределами мелководного побережья этого океана…

Ребятки слишком о себе мнят!

И только Вейер, по крайней мере, решил на всякий случай остаться на берегу, в одежде, держа наготове оружие. Несколько успокоившись, Греван переключил свое внимание на металлический скрежет и лязганье, раздавшееся из открытого шлюза над головой. Клем и Мускул, получившие сегодня наряд на камбузе, пытались

вытащить из корабля громоздкий кухонный комбайн, что позволило бы членам Группы пообедать на свежем воздухе.

— Босс! — прозвенело сверху чистое сопрано Клем.

— Тут он я, — проорал в ответ Греван. — Что, есть проблемы?

— Похоже, что комбайн застрял, — гулко объявила она из шлюза. — Поднимитесь, пожалуйста, и… нет, погодите минутку! Кажется, Мускул его сдвинул… Да подожди ты, дубина, пока я снова не включу антигравитацию! Теперь толкай!

Комбайн вылез из шлюза с жутким скрежетом, который свидетельствовал о приложенных к нему значительных усилиях. На секунду он, медленно вращаясь, завис в воздухе над трапом с Клем наверху. Затем появился Мускул, пристегнулся к комбайну и, слегка кренясь на бок, они все вместе плавно опустились на землю под мелодичное звяканье, доносившееся из кухонной утробы.

— Что сегодня на обед? — спросил Греван, подоспевший как раз вовремя, чтобы помочь им приземлиться.

— Альберт Второй под грибным соусом, — ответила Клем, высокая стройная блондинка с

огромными голубыми глазами и обманчиво глубокомысленным выражением лица. Когда кухня прочно встала на песок, она оперлась на крепкое плечо Гревана и спрыгнула вниз: — Меню не слишком оригинально, признаю, зато десерт будет отличный! Может, попробуем на гарнир к Альберту какие-нибудь местные овощи?

— Возможно, — осторожно разрешил Греван. — Чья на этот раз очередь пробовать?

Постоянно занятый другими вопросами, он частенько внезапно для себя обнаруживал, что вынужден сам осуществлять эту процедуру, причем, когда предназначенные на пробу продукты выглядели особенно неаппетитно. В таких случаях вся Группа бросала свои дела, дабы собраться вокруг командира и хором сочувствовать, пока он адаптировал свой желудок к необычным ингредиентам.

— Очередь Вернет, да? — спросил Мускул.

— Точно, сегодня жертвой выпало быть Вернет, — уверенно кивнула Клем. — Вы спасены, босс, на этот раз.

— В таком случае, — с облегчением проговорил Греван, — Вернет находится на глубине добрых пяти метров. Притащите ее сюда, если сможете, и мы пойдем прошерстим ближайшие кусты.

— Это наилучшая из всех нормальных планет, — заметила Клем, вглядываясь в береговую линию в том месте, куда только что направился Мускул в поисках Вернет. — Знаете, как молодняк назвал ее, когда три недели назад мы впервые приземлились здесь? — она была лет на десять младше Гревана, но примерно на год старше всех остальных членов Группы, вследствие чего была склонна относиться к ним с материнской снисходительностью: — «Точка невозврата».

Греван неловко усмехнулся, поскольку в любом случае выражение действительно точно описывало положение Группы. За те восемь лет, что прошли с тех пор, как Центральное Правительство назначило его ответственным за стадо непослушных, недоверчивых, несчастных зверьков, которые тогда даже не знали, кто они: люди или биологические роботы. Группа никогда раньше не обсуждала между собой открыто вопрос о том, чтобы избавиться от насильственной опеки Центрального Правительства. Есть такие места, где никогда нельзя быть уверенным, что тебя не подслушивают. Греван до сих пор удивлялся тому, что уже восемь недель они гонят во всю мочь свой корабль прочь от границ разбухших владений Центрального Правительства, и все

выглядит так, словно избежать опеки удалось. Однако это предположение все еще нуждалось в подтверждении.

— Вы ответите на завтрашний вызов ЦП? — спросила Клем.

Греван пожал плечами:

— Не знаю, — единственным оставшимся каналом связи с ЦП, насколько они могли судить, были голосовые сообщения, которыми периодически обменивались пара устройств связи, одно из которых было установлено на корабле. Где находилось другое, догадаться не было никакой возможности, но время от времени по нему обращался к Исследовательской Группе один из сотрудников ЦП, курировавший ее деятельность.

— Я собирался сегодня вечером поставить этот вопрос на голосование, — уклончиво ответил Греван. — ЦП не может выследить нас через передатчики. Кроме того, мне очень хотелось бы услышать, что они скажут, когда узнают, что мы даем им полную отставку.

— Идея неплоха, но никакого голосования не получится.

Он взглянул на девушку сверху вниз, в то время как она наклонилась вперед, чтобы вытащить из нутра большой плиты маленькую переносную

плитку и взвалить себе на плечо.

— Почему это?

— Кажется, молодняк считает, если мы ответим на вызов, невозможно предугадать, пойдет ли нам это на пользу, и потому принять решение попросит вас.

— Тебя это все не волнует? — поинтересовался он.

Да, казалось, что командир изучил молодняк как свои пять пальцев, ан нет, время от времени тот преподносил всяческие сюрпризы.

Клем пожала плечами:

— Не очень, — она шлепнула ладонью химический тестер, чтобы тот плотнее прилег к портативной плитке. — В конце концов, что бы ни случилось, мы все равно не вернемся обратно. Если ЦП как-то исхитрится и сможет нас остановить, я предпочту остаться на месте остановки, нежели проходить еще один сеанс в их пси-лабораториях, чтобы выйти оттуда с не просто промытыми, а уже напрочь вымытыми мозгами…

Она немного помолчала. Из воды, с расстояния сотни метров, донеслась невнятная перебранка.

— Похоже, Мускул все же поймал Вернет, — сказал Греван. — Пойдем-ка на пляж.

* * *

Вернет решительно откинула со лба прядь мокрых каштановых волос и с негодованием заявила, что сегодня не ее очередь снимать пробу. Однако Группа переубедила ее с перевесом семь-один, и это притом, что Ланей воздержался, сославшись на нелады с памятью. Строптивица обтерлась махровым полотенцем, безропотно оделась и направилась к кухне.

Первые три плода многообещающего вида, которые были загодя протестированы дежурными фуражирами, показались ей ни рыбой, ни мясом. Они не вызвали особых возражений по поводу их употребления в пищу, и, по всей вероятности, являлись довольно питательными. Но как их только ни готовила Клем на портативной плите, вареные, пареные, жареные, со специями и без оных, они, по мнению Вернет, оставались на вкус совершенно невыразительными.

Четвертый кандидат на блюдо, прошедший химический тест, напоминал пухлый кочанчик капусты, увенчанный листочками небесно-голубого цвета с алыми каемочками. Почуяв недоброе, Вернет фыркнула:

— Такая яркая индивидуальность непроста, —

заметила она. — Бьюсь об заклад, тяжелая еда!

Она с упреком взглянула на Клем:

— Ты ее специально для меня сорвала!

— Хм, — тихонько усмехнулась повариха, — а кто уговорил меня попробовать того огромного жареного паука?

— То был совершенно другой случай, — заявила Вернет безапелляционно. — Меня тогда посетило предчувствие, что он будет необычайно вкусным!

Клем взглянула на нее с улыбкой.

— Сегодня в наряде на кухню я, и предчувствия посещают сугубо меня. Как ты предпочитаешь его съесть?

— Запеченным в кляре, — проворчала Вернет, — но помни, смерть моя ляжет черным пятном на твою совесть!

Полминуты спустя она осторожно откусила кусочек обваленного в яйце и муке хрустящего листа капусты, с удивлением отметила, что кушанье превосходно, и попросила добавки. Едва сунув в рот третий по счету лист, она издала дикий вопль, согнулась пополам от боли, но быстро пришла в себя, приспособившись к чужеродным белкам. Приступ занял не более двенадцати секунд, но присутствующие выждали целых десять

минут, чтобы незнакомые вещества как следует вспенили дегустаторше кровь. Затем овощ, получивший имя Вернет, попробовали все по очереди и, пошатываясь, с мученическим выражением на лицах, пошли обратно на пляж, за исключением Клем и Мускула, отправившихся на поиски *вернетской* капусты.

Греван тоже не пошел на пляж, а вернулся в корабельную лабораторию, где осторожно перелил из пробирки в реторту кровь, выжатую им из вены мученицы. Онтогенетическая адаптация, с близким к нулю временем реакции на все чужеродное, включая инфекции и яды, являлась самым полезным из врожденных свойств молодняка. Длительные, никем не санкционированные исследования и эксперименты, в конце концов, несколько прояснили то, как это происходит. Чуждую субстанцию в каждой клетке на входе немедленно встречала Группа белковых цепочек, которая распознавала захватчиков и сводила на нет все их усилия, оставляя своего хозяина, члена Группы, совершенно неуязвимым.

Подобная внутренняя вакцинация часто вызывала у вакцинируемого мимолетное ощущение, будто он только что проглотил микроскопический, но весьма активный вулканчик, склонный

к извержениям. Правда, длилось это недолго, и никто, кроме самого вакцинируемого, не принимал страданий всерьез. В результате лабораторных манипуляций Гревана кровь Вернет трансформировалась в маленькие розовые таблетки; перед обедом все проглотили по парочке таких пилюль и, таким образом, адаптировались безо всяких затруднений, не считая того, что донор обозвала своих товарищей «вампирами по несчастью».

Альберт Второй под классическим грибным соусом с гарниром из *вернетской* капусты вызвал шумное одобрение и был признан выдающейся кулинарной композицией во всех отношениях. Клем принимала поздравления.

* * *

Наступила ночь. Астронавты разожгли костер на скале, выше самой высокой точки прилива, у самого края шелестящих древесных зарослей. Вскоре все расселись вокруг огня, лениво переговариваясь или просто посматривая на танцующие языки пламени.

Соблюдать какие-то особые меры предосторожности здесь, по-видимому, не требовалось, хотя Вейер сообщил о создавшемся у него прямом

телепатическом восприятии крупных, весьма агрессивных и плотоядных формах жизни, обитающих в непосредственной близости от стоянки. Кроме того, в процессе исследования планеты Группа обнаружила рассеянные следы как минимум двух глубоководных цивилизаций, созданных живыми существами с вызывающе скрытным характером. Тем не менее, в орнаментальных оружейных поясах астронавтов таилось с полдюжины изящных миниатюрных устройств, гарантирующих противнику мгновенную смерть, не говоря уже о том, какой чудовищный переполох мог организовать в случае надобности малогабаритный военный корабль, который доставил их сюда. А если учесть необычайную чувствительность, которая была мгновенной, точной и имела большой радиус действия, то вряд ли можно было застичь Группу врасплох. Так что если местные жители во время первого знакомства с Группой выкажут по отношению к ней враждебные намерения, то это целиком и полностью станет их проблемой.

Посмотришь на молодежь, и кажется, что у них никаких забот, с завистью подумал Греван. Здоровые, крепкие, едва переступившие порог зрелости. Четверо парней и четыре девушки

ведут себя так, словно они — скауты, отправившиеся на межзвездный пикник, а Греван за ними присматривает на манер командира отряда.

На самом деле все обстояло, конечно, не совсем так.

Молодняк не хуже своего командира знал, что даже здесь, на громадном расстоянии от родной планеты, они все еще находятся на длинном и невидимом поводке в виде искусственных ментальных ограничителей, которыми управляли пси-машины Центрального Правительства. Чтобы освободиться от этих ментальных вожжей, им пришлось самостоятельно прибегнуть к практической психологии, но установить, удалось ли их действительно сбросить, не было никакой возможности. В случае, если на каждого члена Группы до сих пор скрытно действуют подобные гипнотические механизмы, наказание за сопротивление Центральному Правительству последует с автоматической неотвратимостью и безжалостностью.

Греван часто вспоминал, как испуганным, но непокорным мальчуганом простаивал в учебном подземелье долгие часы перед пустой, на первый взгляд, стеной, за которой скрывалась на самом деле одна из таких машин под названием

Доминатор. Он помнил все: слышал тусклый, безжизненный голос легендарного электронного чудовища, почти такого же древнего, как само Центральное Правительство; видел, как скользили и мигали на стене слепящие гипнотизирующие рисунки; чувствовал, как тяжкие сети чуждой воли охватывают его разум и мгновенно тают перед мысленным взором, ускользая за пределы сознания.

Таков был его первый опыт взаимодействия с механизмами, которые Центральное Правительство предпочитало именовать эвфемизмами типа «ограничители». Лично ему Доминатор установил три таких ограничителя и дал мальчику понять, что его ожидает, если он вновь попытается ослушаться. Два дня спустя он, обуреваемый скепсисом, решил проверить, насколько сильна над ним власть ограничителей, и едва не умер.

Скоро астронавтам станет все известно. Если завтра они не ответят в условленное время на вызов, все сохранившиеся в них механизмы насилия придут в действие так же неотвратимо, как и в случае открытого сопротивления ЦП. Но поскольку они, наконец, нашли подходящую планету, которая могла бы стать их домом и к тому же находилась за пределами досягаемости пси-

машин, завтра предстояло выбрать один из двух возможных образов действия. Пробегая взглядом по юным лицам, с разлитым на них выражением мягкой задумчивости, Греван даже представить себе не мог, что вместо этого кто-то предложит пойти с ЦП на компромисс. После пяти лет тайной подготовки и разработки планов бегства, эта мысль не могла никому придти в голову.

Усилием воли командир заставил себя расслабиться, позволяя своим чувствам проникнуть в ощущения ребят и девчат. Прохладный ночной ветерок трепетал над головой, принося с собой незнакомые запахи; невидимые ночные твари, причитая тонкими, ноющими голосками, проносились над морем. Океан нашептывал что-то свое прибрежным скалам, и на расстоянии приблизительно с километр к югу от костра кто-то очень большой с шумным плеском начал было выбираться на мелководье, но скоро передумал, вернулся обратно и скрылся в глубине. Казалось, что молодежь, отдыхая, желает слиться с этой ночью, выпустив как можно дальше щупальца своего ментального восприятия, дабы постичь сущность жизни на этой новой для них планете.

Затем их внимание начало концентрироваться вокруг новой проблемы, и Греван позволил себе

и дальше плыть по течению их мыслей.

* * *

Вскоре он почувствовал, что композиция из нескольких впечатлений была воспринята кем-то из астронавтов, другие ее тут же дополнили, образуя все более и более связную и четкую картинку. Она изображала двух лохматых, неотесанных, проголодавшихся созданий местной природы, неуклюже спускавшихся с утесов за спиной у Группы в направлении догорающего костра.

Молодняк не шелохнулся в ожидании, пока незнакомцы не приблизятся, а Греван наблюдал за своими подопечными, забавляясь от души и совершенно позабыв обо всех страхах. Шаркающей походкой эти дети природы достигли подножия и теперь пробирались сквозь заросли. Походка у них тяжеловата, но в целом добытчики они, должно быть, неплохие, подумал Греван. Вероятно, здешние венцы творения, которые знали в охоте толк и сначала долго, осторожно подкрадывались, а затем бросались на свою добычу, причем Греван отметил себе на будущее, что в качестве таковой они явно воспринимали затухающий огонь костра.

Не дойдя до него около двухсот метров, охотники внезапно замерли на скалистом выступе. Греван мысленно очерчивал их огромные, серые, туманные очертания, в верхней части которых светилось по паре красных глаз.

Интересно, подумал он, почему всех представителей наиболее интеллектуально зрелых видов инопланетных хищников всегда охватывает интуитивное беспокойство, стоит им бросить на Группу один-единственный взгляд? Молодые люди даже не пошевелились, но незваные гости почти сразу же пришли к заключению, что вовсе не так голодны, как им казалось до этого. Вслед за этим они перешли к тихому и незаметному отступлению…

Вдруг Элиоль откинула голову и издала резкий, короткий смешок, точно во тьме блеснули ослепительные зубы неотразимого хищника. Вокруг костра прокатилась волна беззаботного веселья, и отступление внезапно перешло в неуклюжее, паническое бегство.

* * *

Это происшествие стряхнуло с астронавтов сон и вызвало желание поболтать. Возможно, сейчас самое подходящее время выяснить, что

они думают о своих шансах вырваться завтра из лап ЦП. Греван привстал и начал дожидаться паузы в жарком споре, разыгравшемся по другую сторону костра.

По-видимому, они потому так стремительно бросились в океанские волны сразу по приземлении, что последний нырнувший должен был взять на себя обязанности завтрашнего дежурного по кухне. Как известно, эта неприятная участь досталась Вернет.

Поразмыслив, все остановились на мнении, что сегодня просто был не ее день. Однако Вернет не желала мириться с судьбой.

— Ты же знаешь, что у меня постоянно заедает пояс, — бросила она тяжкое обвинение Элиоль. — А ты специально сделала так, чтобы я стала последней!

Элиоль, которая предложила злополучное пари и которой, таким образом, удалось отложить свою очередь по выполнению наименее любимой из обязанностей на целый день, позволила себе хихикнуть.

— Ничего, это научит тебя содержать в порядке обмундирование! Ты могла и не соглашаться. Вейер же не согласился.

— Ну ладно, — согласилась Вернет. — Ведь

Ланей поможет бедной девочке пережить эту неприятность, правда, Ланей?

— Угу, — Ланей просиял от радости, — еще бы!

— Ну, надо же, как он тебя любит! — критически заметила Элиоль. — Иногда это становится даже неприятно. Возьмем, например, Кузата, вон он. Валяется, как обычно, кверху пузом. Этот парень ведет себя всегда прилично и сдержанно, никто даже не догадывается, что на самом деле он — раб моих самых мимолетных желаний.

Кузат, распростертый на песке неподалеку, открыл один глаз и одарил свою возлюбленную затуманенным взором.

— Мечтай, мечтай, детка! — пробормотал он, после чего глаз закрылся.

Остальные уже говорили о другом. Насколько Греван понял, во время купания пятеро из пловцов ощутили присутствие инопланетян. Подводные жители не были настроены враждебно, они лишь плавали вокруг, с опаской рассматривая новые и весьма странные, с их точки зрения, формы жизни.

— Они, как бы это сказать, чувствовали себя очень… съедобными! — сказала Элиоль и рассмеялась. — Возможно, они поняли, что пока мы плаваем, то можем проголодаться! Во всяком

случае, они предупреждали друг друга, чтобы никто не смел показываться нам на глаза!

— Питаются планктоном, — лениво добавил Ланей, — но, тем не менее, плавают очень быстро. Еще кто-нибудь что-то уловил?

— Строят пещеры, — откликнулась Веснушка из-за спины Вейера, сидевшего всего в метре от Гревана. Она приподнялась на локте, чтобы вытянуть руку. — Там, на западе, есть такой крутой спуск! Они изрыли его весь туннелями. Не думаю, что они могут флюоресцировать сами, но у них есть какой-то способ поддерживать освещение в пещерах, вероятно, какие-нибудь бактерии. А еще они культивируют там планктон.

— Похоже, что для прямого контакта они созрели достаточно, — заметил Греван, и в то же мгновение, за секунду наступившей тишины, понял, что за целый час не проронил ни слова.

— Вполне достаточно, — согласилась Веснушка. Затем маленькое личико, затененное ее любимой бесформенной панамой, повернулось к Гревану. — Если бы Клем не была так занята готовкой, я позвала бы ее попробовать. Одна я боялась их отпугнуть.

— Завтра я обязательно попробую, — пообещала Клем, считавшаяся среди астронавтов

наиболее способной к тонкой и искусной дипломатии.

* * *

Снова повисла пауза, на этот раз, возможно, оттого, что было произнесено слово «завтра».

— Греван, вы намерены завтра отвечать на вызов? — безмятежно пролепетала Веснушка, словно это только что пришло ей в голову.

— Если только, — кивком ответил Греван, — ни у кого нет идеи получше.

Идеи получше ни у кого не оказалось, только Мускул проворчал:

— Пусть ЦП само ищет идеи получше. Если бы принимал решение я, то грохнул бы передатчик об скалу!

Греван посмотрел на него с интересом.

— Все остальные придерживаются такого же мнения?

Они закачали головами.

— Решайте вы, Греван, — прозвучал спокойный голос Вейера. — Мы просто посмотрим, что получится. Как думаете, можно выбить из них какую-нибудь ценную информацию?

— Только если они ничего не подозревают, — ответил Греван. — Я думаю, безопаснее всего

для нас находиться на связи в тот момент, когда до ЦП дойдет, что Исследовательская Группа в дальнейшем отказывается от выполнения своих обязанностей. Это может подтолкнуть их к некоторым действиям…

— Я все же думаю, — начал Мускул, с беспокойством поглядывая на Клем, — что нам… ладно, молчу!

— Результат голосования восемь против одного, — твердо сказала Клем.

— Знаю, — прорычал Мускул и умолк.

Остальные, казалось, вновь потеряли всякий интерес к затронутой теме — стадо из не вполне человеческого молодняка, почти взрослого и уже отлично приспособленного к тому, чтобы начать жить самостоятельно. Пока они находятся в самой выигрышной позиции для того, чтобы встретить противника, которого никогда раньше не могли одолеть.

Но пока битва не началась, они не желали беспокоиться по этому поводу.

* * *

Некоторые из них поднялись и медленно побрели к берегу. Греван увидел, как Клем помедлила, чтобы что-то сказать Кузату. Тот немедленно

продрал глаза, вскочил на ноги и направился прямиком к командиру, за ним едва поспевала Клем.

— Клем считает, что Альберт снова неважно выглядит, — заявил Кузат. — Вероятно, ничего особенного, но не пойдете ли вы с нами, чтобы помочь поставить диагноз?

Три лучших биолога в Группе вернулись на корабль, к ним также присоединился Мускул, который хоть и предпочитал науке о живом чистую математику, пошел с ними просто за компанию. Альберт безмятежно покоился в своей огромной стеклянной капсуле и выглядел именно так, как должны выглядеть два центнера самовоспроизводящегося мясного филе.

— Он перестал усваивать пищу и даже слегка изменился в цвете, — озабоченно заметила Клем.

Последовала долгая дискуссия о том, что необходимо Альберту. Альберт являлся незаменимым пунктом их меню, но, к сожалению, также был необычайно капризен и привередлив. Химический баланс, температура, радиация, поток стимулирующих и питательных веществ, — все должно было быть как надо, но при этом его индивидуальные представления о том, как надо,

часто менялись безо всякого предупреждения. Если его прихоти не удовлетворялись, он приобретал томный вид, отказывался от пищи и в течение недели медленно угасал в знак протеста. По крайней мере, угасала его часть, жившая на корабле. Как общественный институт он, разумеется, продолжал расти и, таким образом, мог из Центрального Правительства бесконечно питать своих клиентов.

Было бы небесполезно привлечь к тонким вычислениям касательно плохого самочувствия Альберта Мускула, но когда на него вновь обратили внимание, оказалось, что любитель интегралов, не мигая, вглядывается в поток невидимых никому другому математических символов, проносящихся по противоположной стене, и что-то бормочет. Они знали, что его не стоит беспокоить в такую минуту, поскольку Мускул с головой погрузился в импровизированные вычисления, из которых он через некоторое время вынырнет с каким-нибудь только что раздобытым полезным математическим продуктом, правда, не имеющим к Альберту, скорее всего, ни малейшего отношения. Если же его сейчас отвлечь, то Мускул будет ворчать безо всякого толка.

Наконец биологам удалось изменить настройку питания Альберта, после чего, по предложению Кузата, Альберта слегка обтесали по бокам. Обнаружив, что сильно похудел, он вновь стал поглощать предложенное питание вполне удовлетворительными темпами.

— Наверное, обрезание пошло ему на пользу, — радостно сказал Кузат. Посмотрев на небольшую горку отрезанных от Альберта ломтей, он добавил:

— К тому же теперь можно устроить барбекю.

— Беги и все приготовь, — предложил Гревaн. — Я присоединюсь к вам, как только закончу с Альбертом.

Клем задумчиво взглянула на Мускула.

— Толкните моего гения в бок, когда соберетесь выходить, — сказала она Гревану. — Он выглядит таким счастливым, не хочется ему мешать.

* * *

Через несколько минут, когда Гревaн с трудом прилаживал герметичную заслонку, Мускул вдруг зевнул и громко сказал:

— Тридцать семь и двадцать четыре тысячных часа! Можно проверить и по-другому, скажем, применив формулу возвратного дифференциа-

ла… А где Клем?

— На пляже, полагаю, — Греван даже не взглянул на математика. На данный момент он не очень нуждался в результатах его вычислений. — Должно быть, давно утонула, если тебя это хоть сколько-нибудь волнует, конечно! — жестокосердно добавил он.

Мускул поспешно удалился, что было его обычной реакцией на известие о том, что Клем куда-то запропастилась, и Греван продолжил запечатывать Альберта уже не под аккомпанемент безумного математического бормотания. Молодняк окончательно разбился на пары около года назад, и кто с кем сошелся, стало, наконец, ясно. Окончательно и бесповоротно. В свое время он подумывал о том, что со стороны ЦП было бы очень мило увеличить численность Группы, прислав кого-нибудь в пару для Клем, или Элиоль, или Вернет, или Веснушки, в зависимости оттого, на какую из них он засматривался в данный момент, кого-нибудь года на три-четыре старше. Позднее у него созрел и собственный план относительно того, как увеличить численность Группы. Если только будет решен вопрос о том, чтобы Группа могла остаться за пределами досягаемости ЦП…

Командир попытался отделаться от неприятно-

го, но весьма близкого к истине предположения, что какие бы планы он ни вынашивал, все они давно отброшены тем отделением Центрального Правительства, которое создало Группу для своих собственных нужд. Когда он пожелал Альберту сладких снов и более спокойного настроения на будущее, запер отсек и вышел на трап, ему показалось, что всевидящие глаза следят за каждым его движением. Не спустившись и наполовину, он внезапно замер. На какую-то бесконечную секунду ему показалось, что сердце медленно переворачивается в груди и так же медленно возвращается на свое законное место.

Женщина, стоявшая у основания трапа и смотревшая на него снизу вверх, была ему знакома — он знал это так же хорошо, как и то, что она никак не может находиться здесь! Шок узнавания почти мгновенно был затоплен жаркой волной ужаса: стало очевидно, что ее здесь вовсе нет. С расстояния десяти метров ему бы никогда не удалось разглядеть так ясно лицо Прайдрелл цвета слоновой кости; никогда не различить медленные, грациозные телодвижения стройного, гибкого тела танцовщицы под алым одеянием; не заметить алого блеска короткой мантии, которую она носила поверх платья и застегивала у горла

блестящей зеленой каплей драгоценного камня.

* * *

Впоследствии Греван даже не мог вспомнить, как долго он простоял там, пока его мысли с трудом балансировали на краю панического ужаса. На самом деле, вполне могло быть и так, что прошло всего лишь мгновение, прежде чем он осознал, что его зовет какой-то далекий знакомый голос:

— Эй, босс! Греван!

Ему показалось, что голос еле слышен и доносится издалека. Однако затем он словно со стороны услышал свой ответ и вдруг понял, что явившийся ему образ исчез.

— Эгей, так вы будете есть жареного Альберта или нет? — снова крикнула Клем от костра. — Я больше не в силах удерживать этих свинтусов, они хотят слопать вашу порцию!

Он сделал глубокий вдох.

— Сейчас иду!

Однако прошло еще около двух минут, прежде чем он подошел к костру, хорошенько уложив в голове свои мысли. Молодняк не мог догадаться, о чем он думает, если только не позволять им это сознательно, да и в этих случаях они не были точ-

ны в своих догадках, правда, им всегда удавалось быстро определить общее направление и живописно раскрасить эмоциями его размышления.

Но на данный момент его размышления утвердились во мнении, что недолгое появление Прайдрелл означало нечто большее, нежели его персональное психическое расстройство. Это вполне могло явиться началом тщательно подготовленной атаки на психическое здоровье всей Группы, атаки, организованной с применением сил и знаний такого уровня, что над попыткой сбежать от ЦП можно будет только грустно посмеяться.

К счастью, его подопечные прониклись чувством, что барбекю прекрасно завершает этот день. Спустя некоторое время астронавты, завернувшись в одеяла, блаженно растянулись на песке. Насколько мог судить Греван, заснули они достаточно крепко, но не настолько, чтобы при необходимости за долю секунды не выйти из состояния глубокого сна и перейти в состояние активного бодрствования.

Греван же посидел еще немного в сторонке, любуясь морем и звездным небом.

* * *

В небе планеты было на что посмотреть, звезд было много, в том числе и довольно крупных. Все они находились в центре шарового звездного скопления неподалеку от середины Млечного Пути, куда, насколько им было известно, прежде не забредал ни один человеческий корабль. Все небо было занавешено наслаивающимися друг на друга застывшими потоками созвездий странной формы. Где-то посреди всего этого блеска и сияния пробивали себе путь четыре незаметных маленьких спутника планеты, незаметных, по крайней мере, если не знать, где их искать, а Греван не задавал себе такого труда.

Слева от него кто-то тихонько пошевелился.

— Эй, Веснуля, — позвал он громким шепотом, — хочешь помочь мне сплести сеть для ловли ЦП?

Четыре маленьких спутника не могли поднять океанские воды даже на миллиметр, но из-за горизонта за дело принялась большая луна, и волны поползли вверх, вылизывая плоские залысины берега. Теперь они уже подбирались к основанию более высоких скал, которые ограничивали территорию лагеря. Веснушка присела

на скалистый выступ в нескольких метрах от него, любимая панама сдвинута на затылок, ноги болтаются над прибывающей водной рябью.

— Нет, просто я составлю компанию, — ответила она. — Но если вам требуется помощь в плетении сети, выкладывайте! Уж здесь-то ЦП не смогло выставить свои длинные уши.

На какое-то мгновение он поразмыслил над возможностью рассказать ей о галлюцинации. Веснушка была в Группе кем-то вроде неофициального психолога. Самая маленькая по росту и возрасту, она в то же время обладала в некоторых отношениях наиболее проницательным и тонким умом. От секретных экспериментов, которые она ставила на себе и других, у Гревана волосы вставали дыбом, но вознаграждением за этот тяжкий труд познания являлся эффективный метод борьбы с ограничителями ЦП.

Вместо этого он спросил напрямую:

— Какие психологические механизмы может применить ЦП в отношении нас, помимо тех, о которых мы и так знаем?

Веснушка издала довольный смешок.

— Вы неправильно ставите вопрос.

Он немного нахмурился, потому что это была одна из его любимых фраз.

— Хорошо, — сказал он, — давай по-другому. Уж не думаешь ли ты, что на нас продолжают действовать какие-либо управляющие механизмы, которых мы просто не помним?

— Нет, не думаю, — уверенно ответила Веснушка. — Такие вещи можно незаметно встроить в мозг обычных людей, потому что он у них наполовину не используется. Мне и самой такое удавалось провернуть. Однако любого из нас нужно сначала довести почти до полного умопомрачения, чтобы настолько отшибло память. А в таком случае для ЦП толку от нас будет немного.

— Откуда ты знаешь?

Она пожала плечами.

— Когда я была маленькой, Доминатор проработал со мной целую неделю, пытаясь вогнать в меня механизм, который я не смогла бы заметить. И, поверьте, спустя пару дней я просто начала ему помогать. Наш мозг просто не переносит амнезии.

Она помолчала и добавила:

— Разумеется, Доминатор или психолог-человек, если вы на это дадите свое согласие, может удерживать вас в беспамятстве, пока на вас оказывается непосредственное давление, потому что вы верите ему и следуете всему, что скажут. Как

в тот раз, когда вы…

— Я отлично помню тот раз, — коротко признался Греван. Она имела в виду случай, когда он безо всяких оговорок позволил ей произвести над ним какие-то опыты. Спустя некоторое время он вдруг осознал, что вот уже полчаса громко плачет, поскольку мнит себя маленьким, зеленым и очень кислым яблоком, которое никто не хочет кушать.

— Вы тогда выглядели очень глупо, сэр! — предалась воспоминаниям Веснушка.

Греван откашлялся и заметил, что она выглядела бы не менее глупо где-нибудь в районе южного полюса, если бы только он добрался до нее до того, как немного остыл.

— Ага! Но вы же не добрались! — парировала Веснушка. — Хороший исследователь знает, когда в исследованиях наступает момент, который называется «ноги в руки». Сказать по правде, однажды я столкнулась с одним действительно интересным феноменом в области ментальной энергии. Если бы ЦП могло работать на таком уровне, им не понадобилась бы и сотая часть штатного состава. Значит, так работать они не могут.

— Что за феномен? — с опаской спросил он.

— Вот вы меня и поймали на слове! — призналась Веснушка, зачем-то накрыв лицо панамой. — Не имею ни малейшего понятия, в чем он состоит, даже в принципе. Это случилось за четыре года до того, как они собрали нас всех вместе и создали Группу. В Центр, где я находилась, однажды по скорой помощи привезли мужчину. Он был без сознания, и все наши психологи сразу же столпились вокруг. Его забрали в лабораторию, где был один из мобильных Доминаторов, и вдруг люди вокруг стали вскрикивать и падать в обморок один за другим. Я и сама почувствовала, что меня сильно припекло, вот здесь, — она пробарабанила себя по макушке. — Я сразу поняла, что этот мужчина пытается использовать против Доминатора какой-то вид ментальной энергии…

— Неужели это возможно? — недоверчиво протянул Греван.

— Именно так. Кроме того, он еще использовал какой-то пистолет, судя по выстрелам, звуки которых не принадлежали ни к одному из известных в ЦП типов огнестрельного оружия. После этого я выпрыгнула в окно, только меня и видели. Я слышала, что, в конце концов, Доминатор из той лаборатории был вынужден прибегнуть к физическим методам воздействия: разрушительным

акустическим волнам, электрическим разрядам и обычным реактивным пулям. Ощущение жжения в мозгу внезапно прекратилось, и я поняла, что мужчина мертв.

— А я-то думал, — хмуро заметил Греван, — что ты сейчас поведаешь мне историю о том, как человек смог справиться с Доминатором!

Веснушка покачала головой.

— Сомневаюсь, что так могло случиться. Эти гадкие штуковины знают свое дело. Однажды я видела, как подобная машина подавляла мятеж, какой-то культ ритуальных суицидов. В итоге получился суицид что надо! Однако у того человека ментальной силы было достаточно, чтобы заставить Доминатор использовать свои возможности на пределе. Так что определенно существуют уровни и формы энергии, о которых мы ничего не знаем. Кроме того, очевидно, существуют люди, которые знают об этом, и знают, как это использовать. А самое главное, эти люди не работают на ЦП.

Греван как следует взвесил новость, но это не внесло в его душу успокоения.

— Веснуля, — наконец сказал он, — все, кроме Мускула и меня, согласились, что невозможно понять, выиграем мы или проиграем тем, что

ответим по передатчику на вызов ЦП. Если бы ты принимала решение, твой выбор?

Веснушка встала, задрала голову и посмотрела на звезды.

— Лично я, — сказала она, и Греван сразу заметил иронический оттенок в ее голосе, — ничего бы не стала делать! Не стала бы разбивать приемник, как Мускул, не стала бы отвечать на вызов, как вы. Я просто оставила бы все как есть, затаилась и предоставила ЦП сделать следующий шаг, если, конечно, оно в состоянии его сделать!

Греван тихонько выругался.

— Ну, — отреагировала она, — такова ситуация, но мы можем сделать и по-вашему.

Она сладко потянулась и втянула носом воздух.

— Какой огромный и прекрасный океан! Если ЦП завтра нас не съест с потрохами, Греван, я отращу себе жабры и стану рыбой! Буду жить вместе с этими планктоноедами, плавать вместе с ними к ледяной шапке на полюсе и под нею! Я буду…

— Послушай, Веснуля, давай вернемся к нашим делам…

— Я вас слушаю, — заверила его Веснушка.

— Если кто-нибудь, включая Мускула, знает

хоть какую-нибудь стоящую причину, по которой не нужно завтра выходить на связь, я должен ее услышать хотя бы за секунду до того, как включу приемник.

— Услышите! И не беспокойтесь за Мускула. Он сейчас не может думать ни о чем, кроме своей драгоценной Клем, поэтому слегка паникует. Завтра с ним все будет в порядке.

Она помедлила немного, но Гревану больше говорить было нечего.

— Ну, тогда спокойной ночи вам, Греван!

— Спокойной ночи, Веснушка.

Он полюбовался тем, как она, подобно призраку, удаляется навстречу слабым отсветам костра. Молодые люди считали, что уже выиграли эту битву, и все потому, что давно забыли заплесневелый вкус квазижизни на дряхлых как мир планетах Центрального Правительства, потому что вдыхали свежий воздух над океаном, какого прежде не видело ни одно человеческое существо. Чтобы ни случилось теперь, они навсегда покончили служить ЦП.

* * *

Разница между ними состояла в том, как внезапно понял Греван, что он сам еще не оборвал

свою пуповину с ЦП. Ему еще предстояло одержать победу над собой. Мысли его медленно поползли назад, с осторожностью подбираясь к образу женщины, которую звали Прайдрелл и которая стояла у основания трапа корабля, таинственно улыбаясь и блистая раскосыми зелеными глазами. А этого не могло быть в действительности. Он много думал о ней все эти месяцы, и даже если напряженное состояние его ума вследствие нынешних проблем не могло быть ответственно за галлюцинацию, то перспектива будущих проблем вполне могла сработать так, что она появилась. Командир не ставил молодняк в известность, что, убедившись в безопасности их пребывания на этой планете, он намеревался вернуться во владения ЦП, где ему предстояло отправиться прямиком на второразрядную планету Райсгат, похитить там Прайдрелл и привезти ее сюда.

Совершенно невероятно, что ему удастся проделать все это и остаться незамеченным. Когда он пытался проанализировать свои планы, ему казалось довольно странным, что несколько встреч с Прайдрелл впечатлили его настолько, что он почувствовал абсолютную необходимость похитить ее. Ему также представлялось, что будь

на месте зеленоглазой красотки кто-то другая, до кого добраться было бы легче и о ком он тосковал бы не так сильно, впечатлила бы его гораздо меньше.

Однако это была всего лишь одна из множества странностей, произошедших с ним на Райсгате, где Группа последний раз вступила в регулярный контакт с ЦП и откуда за тем пустилась наутек долгим, извилистым путем, который, в конце концов, привел их в незнакомое скопление в районе Млечного Пути. Рассматривая все эти странности вместе, Греван улавливал в них некую закономерность. Однако молодняк не замечал ничего особенного, и командир предпочитал об этом не упоминать.

Но он все же не мог отделаться от мысли, что если ему удастся понять, что произошло тогда на Райсгате, это помогло бы найти ответы на многие вопросы, касающиеся отношений между Центральным Правительством и Группой: их истинное происхождение, например, цель, ради которой они были обучены и экипированы; ради чего были затрачены огромные средства; наконец, откуда этот явный пробел в эмоциональном состоянии, который заставил их сбежать? Оставался еще один любопытный факт: насколько

можно было судить, они являлись единственной Исследовательской Группой ЦП и единственными существующими представителями своего вида.

Ответы на все эти вопросы маячили перед Греваном около четырех недель, проведенных на планете Райсгат, но ему никак не удавалось ухватить их за хвост.

* * *

К утру прилив закончился, но зато поднялся ветер, и с севера, насколько хватало глаз, неслись белопенные волны. Ветер метался и завывал между ними, они размашисто разбивались о западные утесы, вздымая на высоту тридцати метров водяную пыль. Наконец бледно-золотое солнце, похожее на то, что сияло когда-то над самой первой планетой человечества, выкатилось из-за нагромождений бледных туч. Если этому дню суждено было стать последним для Группы, то выбор был совсем неплох.

Греван появился в рубке связи за час до назначенного времени окончательного выяснения отношений с ЦП. Постепенно туда же подтянулся молодняк. Астронавты зачем-то переоделись в парадную белую форму, их лица хранили каменное

выражение, на ремнях поблескивали маленькие приспособления, конструкция которых была разработана отнюдь не в ЦП и которые представляли собой дальнейшее усовершенствование смертоносного оружия. Авторство принадлежало Группе, отдельные детали пришлось держать в памяти долгие годы, лишь изредка тайком создавая рабочие модели для проверки той или иной теории, чтобы после этого немедленно уничтожить.

Теперь астронавты демонстративно надели их поверх своей парадной формы. Они не намерены были отказываться от принятого решения. Рассевшись по низким скамеечкам, обегавшим по периметру три стены рубки, они молча ждали исхода.

Массивный, гладкий ящик передатчика занимал почти всю четвертую стену, оставляя свободным лишь самый верх под низким потолком. Передатчик был одним из самых секретных приборов ЦП, но при этом выглядел анахронизмом, вызванным к жизни намерениями той цивилизации, что когда-то неодолимо устремилась в просторы Вселенной к тысячам и тысячам новых миров. Цивилизация могла погибнуть давно, но созданные ею машины продолжали

осуществлять намеченные в незапамятные времена цели.

Никто не произнес ни слова, пока Греван смотрел, как индикатор хронометра равнодушно отсчитывает последние минуты до начала сеанса. Точно в нужный момент Греван резко нажал на большой черный штырь, торчащий из центральной панели передатчика.

Стразу же, безо всякого вступления, глас ЦП заговорил.

— Командир, — послышался низкий, довольно невыразительный голос, принадлежавший одному из трех спикеров ЦП, с которыми Группа общалась на протяжении всех этих лет обучения, — по-видимому, вы рассматриваете возможность утаить открытие новой планеты колониального типа, которую намереваетесь приберечь для себя.

Молодые люди не пошевелились и не издали ни звука. Греван глубоко вздохнул.

— Это очень симпатичная планета, — признался он. — Можете назвать хоть одну причину, по которой нам не стоит ее приберечь для себя?

— Можно назвать сразу несколько причин, — сухо ответил голос. — Первая из них, разумеется, состоит в том, что вы не можете этого сделать

против нашей воли. Однако нет необходимости применять к членам Исследовательской Группы обычные формы механического насилия.

— Какую же форму намерены вы применить на сей раз? — спросил Греван.

— Информацию, — ответил глас ЦП. — На данный момент уже можно полностью посвятить вас в обстоятельства, которые было нецелесообразно раскрывать ранее.

Это было именно то, чего хотел Греван, но его все же бросило в жар от волнения и страха. На протяжении всей жизни ему внушали это чувство страха пред силой, столь превосходящей человека, что ей достаточно было только начать говорить, чтобы он вновь сложил лапки.

* * *

— Не позволяйте ему говорить, Греван! — раздался голос Элиоль, негромкий, но звенящий от гнева и тревоги.

— Пусть говорит, — а это был голос Веснушки.

Остальные молчали. Греван глубоко вздохнул и обратился к передатчику:

— Группа намерена вас выслушать.

— Отлично, — неспешно откликнулся глас ЦП. — Вы имели возможность познакомиться

приблизительно с сотней подконтрольных нам планет. Можете считать, что это создает верное представление об остальных. Как, по-вашему, командир, население данных планет обладает всеми признаками здорового биологического вида?

— По-моему, нет, — честно признался Греван. — Зачастую мы удивлялись, за счет чего они вообще держатся.

— На данный момент они держатся, разумеется, за счет ЦП.

* * *

Теперь уже не имеет значения, каким образом мы провоцировали любопытство некоторых Групп, если они физически были способны выйти на связь с нами. Вы ответили на вызов, что означает, что неизменный отказ прочих Групп сделать это невозможно приписать тому обстоятельству, что Вселенная настроена к человеку враждебно. Зато очевидным становится факт, что применявшиеся к вам методы ментального контроля и ограничения не всегда эффективно действуют на человеческих существ вашего уровня ментальной организации…

Это сделает Мускул, остальные астронавты

уже поняли, что произошло, рассмотрели свои возможности и теперь лишь дожидались своей очереди подать реплику.

Однако Мускул сидит на скамейке в двух метрах от командира, ему придется сделать все очень быстро.

— Разумеется, мы подозревали такую возможность. Поскольку ни одна из Групп не афишировала свои возможности сопротивляться влиянию ЦП, пока не оказывалась вне пределов нашей досягаемости, это подозрение было трудно подтвердить. Практически у нас остался единственный способ разрешить данную проблему…

Мускул вскочил на ноги, его рука ухватилась за странную полоску на ремне. Но Греван не зря был назначен командиром, он все делал быстрее своих подопечных. Мускул удивленно обернулся, потирая пострадавшее запястье.

— На место, Мускул! — яростно прошептал Греван, в то время как миниатюрная машинка разрушения, вырванная из рук самого крупного представителя молодняка, скользнула в зажим на его собственном ремне. — Я не закончил разговор с ЦП, — взгляд его скользнул по полукругу настороженных глаз остальных членов Группы. — Вы все, уходите немедленно! — это больше

не походило на шепот. — Следующий час мне необходимо провести на корабле в одиночестве. Идите поплавайте, поныряйте, займитесь чем-нибудь! Группа! Я кому сказал, вон отсюда!

За все восемь лет совместных странствий лишь несколько раз случалось боссу рычать и стучать копытом, за чем неизменно следовало стремительное и беспрекословное подчинение.

Однако еще никогда это рычание не было обращено на них самих!

Бунтари тихо поднялись и беспрекословно покинули рубку.

— Пусть молодежь покинет корабль, — приказал Гревану глас ЦП. Тембр его пусть немного, но все же изменился. Исчезли свойственные человеку обертоны, словно в них больше не было необходимости, с чем Греван мысленно был готов согласиться. — Вы продемонстрировали незаурядную проницательность и понимание той сложной ситуации, с которой все мы столкнулись, командир.

Греван, настороженно примостившийся напротив того, что по-прежнему выглядело как обычный передатчик, синтезировал в горле какой-то неопределенный звук, грохот удаляющегося грома, слабый отголосок того мощного

рыка, которым он выгнал из рубки Группу.

— Не стоит недооценивать моих подопечных, — посоветовал он машине. — Все, кроме Мускула, поняли, что мы представляем для ЦП большую ценность, чем сами предполагали. Настолько большую, что даже потребовалось установить на нашем корабле собственный замаскированный Доминатор. А также то, — добавил он не без злорадства, — что вы засекли наше новое вооружение, но скорее с радостью позволите Группе, за исключением одного ее члена, выйти за пределы вашей досягаемости, чем демаскируете себя демонстрацией своих возможностей.

— Ваша правда, — согласился голос, — хотя я отважился бы на демонстрацию возможностей, если б оставшимся оказался кто-нибудь другой, а не вы. Для реализации наших целей, командир, вы подходите лучше прочих членов Группы.

— Что же это за цели такие? — проворчал Греван. — Можете говорить смело, Группа ушла.

— Отчасти, эти цели состоят, разумеется, в том, чтобы вернуть ваш корабль, вместе с информацией относительно Исследовательских Групп, в лоно Центрального Правительства. При этом тот факт, что большинство членов Группы смогло уклониться от нашего контроля на некоторое

время, не имеет особого значения.

— На некоторое время? — невозмутимо приподнял бровь Греван.

— Разумеется, мы, в свою очередь, завладеем этой планетой, если только между вами и ЦП не будет заключено небольшое соглашение.

— Значит, мне предлагается выгодная сделка?

— В известных пределах. Мы уверены, что вы не тешите себя иллюзиями, будто человек, какими бы способностями и вооружением он ни обладал, сможет одержать победу над Доминатором. По собственной воле вы не сможете даже выйти из этой комнаты и, либо полностью и добровольно подчинитесь новым ментальным приказам, которые я установил, либо выйдете отсюда психически разрушенным. Впрочем, даже и таким вы сможете управлять кораблем. Естественно, под нашим чутким руководством.

— Тогда в чем же моя выгода? — невозмутимо развел руками Греван.

— Вы можете надеяться на какую-то выгоду лишь при условии полнейшего и добровольного подчинения, причем помимо любых ментальных приказов. Сделаете все, как я сказал, и уверяю, Центральное Правительство не притронется к вашей планете, предоставив ее целиком в распо-

ряжение ваших юных друзей и их потомков на ближайшие триста лет.

Самое смешное, что Греван готов был в это поверить. Одной колониальной планетой больше, одной меньше — для ЦП не имело особого значения.

— Вам кажется, — добавил Доминатор, — что полное и добровольное подчинение нам означает предательство по отношению к будущим Исследовательским Группам, свобода которых тем самым ставится под угрозу? Однако мы можем предоставить факты, которые убедят вас в том, что ни одна из прежних Исследовательских Групп не смогла получить подобную свободу. Отвергнув защиту Центрального Правительства, они подчинились контролю поистине деспотическому.

— Возможно, я просто тупица, но я не понимаю, о чем это вы говорите?

— Веками, — ответила машина, — ЦП в ходе своих важнейших экспериментов допускало грубейшую ошибку, состоявшую в непонимании того, как человеческий материал реагирует на воздействие извне. А никакого рационального обоснования тому, что члены Группы должны постоянно находиться под действием ментального

внушения, аналогичного тому, что применяется для обычных людей, не существует. Как вы думаете, могло ли подобное заблуждение господствовать чисто случайно столь длительный срок?

Греван так не думал.

— Вероятно, не могло, — осторожно ответил он.

— Вот именно, — согласился с ним Доминатор. — Значит, налицо чье-то вмешательство, причем вмешательство это было сознательным, длительным и весьма искусным. Поскольку ни одна машина не может быть виновной в саботаже, а обычные люди на это не способны, ответственность за это приходится возложить на тех, кого мы называем Свободными Видами.

Повисло столь долгое молчание, что казалось, Доминатор позабыл о присутствии Гревана.

— Так вот, Свободные Виды обосновались в самом Центральном Правительстве! — изрек он, наконец, и Гревану на мгновение почудилось в безжизненном голосе машины нечто вроде страха и ненависти. — Как вы понимаете, этот факт имеет для нас огромное значение, и едва ли не большее значение он имеет для вас! Поскольку именно эти монстры становятся хозяевами бег-

лых Исследовательских Групп.

Греван почувствовал неприятный холодок внутри.

— Но почему, — спросил он, — Свободные Виды стараются завладеть Группами?

— Войдите в их положение, — ответил Доминатор. — Представителей этой субцивилизации необычайно мало, да и те рассеяны по множеству различных планет. А учтите еще тот факт, что обнаружение означает для них верную смерть. В подобных обстоятельствах они не могут позволить себе снаряжать собственные межпланетные экспедиции. Однако если появляется подконтрольная Исследовательская Группа, их возможности для освоения новых территорий становятся поистине безграничными, а стабильная генетика Группы обеспечивает выживание рода.

Доминатор немного помолчал.

— В этот самый момент, в этой самой комнате, командир, присутствует сознание, пока еще дремлющее, но гораздо более мощное и отличающееся в корне от разума любого из членов вашей Группы. Обладая подобной силой, оно, если пробудится, не усомнится использовать ее для того, чтобы получить полный контроль над

Группой. Теперь вы понимаете, почему вам было позволено остаться на корабле одному? Главным образом потому, что это должно было мне помочь избавиться от…

Атака и контратака грянули почти одновременно.

Безумно-белая блестящая нить метнулась вперед из одного из тех миниатюрных устройств, что по привычке носил на поясе Греван. К созданию этого оружия ЦП не имело ни малейшего отношения. Пульсирующая энергетическая игла легко вошла в центр защитного кожуха Доминатора, защищенного желтоватым космическим сплавом, и грациозно застыла в воздухе, яростно вгрызаясь в металлическую поверхность.

И тотчас под ее кончиком проступили странные узоры.

Невообразимо-стремительное чередование иссиня-черных и серебристых линий, их мерцание и переплетение приковали к себе взгляд Гревана, и, казалось, стремились разорвать его мозг на части. Невозможно отвести взгляд, невозможно не следить за этим дьявольским мельтешением… Затем они исчезли.

Между ним и Доминатором проплыла серая туча. Безумно-белая нить все еще тянулась из его

пистолета к той точке, где концентрированная энергия коснулась поверхности, и когда зрение командира вновь прояснилось, кончик иглы неожиданно провалился внутрь кожуха и коснулся чего-то в глубине.

Раздался хрустальный звон, и машина обезумела. Греван катался по полу, а полотнища желтого огня выплескивались из-под верхнего края Доминатора и лизали противоположную стену. Белая нить перескочила на этот участок, быстро прошлась вдоль линии, откуда велся фронтальный огонь. Через секунду с ним было кончено.

Но продолжалось нечто другое, пронизывающее насквозь, разрывающее на части, точно бесчисленное множество крошечных, быстрых, безжалостных стальных когтей. То была акустическая атака, способная заставить биться в конвульсиях полное сил живое тело и в несколько секунд превратить его в безвольный, перекошенный, истекающий кровью кусок умирающей плоти.

Послышался голос:

— Сюда! Ударь сюда!

Невыносимо медленно белое безумие тонкой нити пожирало внутренности Доминатора, деталь за деталью, сверху донизу, одну за другой.

Какофония, давящая на барабанные перепонки, усилилась.

Голос свистящим шепотом посоветовал:

— Теперь оставь машину в покое, она может еще пригодиться…

И все смолкло.

Греван почувствовал, что теряет сознание. Одновременно с этим ощутил, как раздиравшие его на части крошечные стальные коготки неохотно ослабили хватку, и он подумал, что ни один из его подопечных не выдержал бы, не пережил бы эти несколько последних секунд, окажись они на его месте.

Конечно, физическая сила и мощь организма — не самые главные достоинства мыслящего существа, но иногда результат зависит от крепости мускулов.

Нужно было уладить еще кое-что, но со всех сторон к нему подступала тьма, тело настоятельно требовало небольшой передышки.

— Пока что два-ноль в мою пользу! — только и успел сказать командир мертвому Доминатору.

Затем он нехотя отдался во власть мягко обволакивавшей его тьмы. И она приняла командира в свои объятия.

* * *

Поблизости кто-то яростно насвистывал простенькую мелодию из трех чистых мажорных нот, что служило для членов Группы условным знаком, сообщающим о том, что все обстоит замечательно.

Немедленно где-то рядом мелодию повторили. Затем, как ему показалось сквозь пелену, раздался дрожащий голос Веснушки:

— Да сядьте же, Греван! Я не в состоянии вас поднять, человек-гора! Ну и ну, босс, да вы же просто разодрали Доминатор на части! Вы его разрушили!

Тьма медленно отступала, а затем внезапно рассеялась на рвущиеся прочь клубы серого дыма, и Греван почувствовал, что сидит. Оплавленный и кое-где еще глодаемый бледными язычками пламени Доминатор, равно как и стены рубки, неторопливо кружились у него перед глазами. В воздухе витал запах горелого металла и еще какое-то зловоние, и на мгновение у него возникло странное видение, что кто-то сидит на Доминаторе, свесив ножки.

Когда командир встал, и внутри и вокруг него все внезапно встало на свои места. Он строго

спросил у Веснушки, что она тут делает?

— Я же велел вам всем держаться отсюда подальше, — услышал он как бы со стороны собственный голос. — Ну, разумеется, я его разрушил. Ишь как тебя трясет, моя милая! Могла бы догадаться, что эта гадина применит акустику…

— Меня накрыло лишь самым краем, — ощетинилась Веснушка, — когда я стояла у выхода на трап. Это самое дальнее место, откуда я могла попасть вам точнехонько между глаз, если вы выйдете отсюда психически разрушенным и попытаетесь вмешаться в наши дела.

Греван лишь беспомощно хлопал глазами. Думать пока еще было больно.

— Где все остальные? — спросил он.

— Внизу, конечно, в машинном отсеке! Двигатели превратились в кашу, — казалось, она настороженно изучает его. — Ребята спустились по трапу и сразу направились к люку на корме. Вернет осталась снаружи, чтобы контролировать, что происходит наверху. Как вы себя чувствуете, Греван?

— Я чувствую себя отлично! — заявил он, мимолетно подумав, что чувствует себя именно так, как сказал, за исключением того, что каждая молекула его тела, казалось, дрожит мелкой дро-

жью и никак не может состыковаться с другой молекулой. — А что, не похоже?

— Похоже, похоже, — успокаивающе пробормотала Веснушка. — Вы выглядите просто великолепно!

— Что случилось с двигателями? Ах да, понятно…

Так он и думал, что молодняк догадается это сделать! Ведь самым важным на тот момент было не позволить Доминатору переправить полученную им информацию обратно в ЦП.

— Ну, хотя бы отремонтировать сумеем?

— Вернет сказала, что на восстановление потребуется никак не меньше месяца. Все было бы не так уж плохо, если бы кто-то не догадался поджечь на минутку топливо.

Греван выругался от бессилия и ужаса.

— Вы что, невежды, хотели дырку в этой несчастной планетке проделать?

— Да, и дыра бы получилась размером с саму планетку! — с удовлетворением констатировала Веснушка. — У ребят все под контролем. Но я пойду, надо помочь. А вам, босс, лучше всего часик-другой просто подумать о чем-нибудь приятном!

— Постой, Веснуля! — позвал он, когда она уже

повернулась к двери.

— Что?

— Ничего, просто хотелось бы выяснить, хорошо ли ты умеешь врать. Сколько человек в нашей Группе?

Веснушка пристально взглянула ему в лицо, затем вернулась и присела рядом с Греваном. Панама съехала на затылок, что означало полную откровенность.

— Если вы про это, — заметила она нахмурясь, — то никто вас не обманывал. Вы просто никогда не спрашивали. С того момента, как мы вылетели с Райсгата, на борту было десять человек.

Греван снова выругался, на этот раз более мягко.

— Как вам удалось протащить ее через посты наблюдения в космопорте?

— Мы отрядили Клем и Элиоль отвлекать постовых, а Прайдрелл свернулась клубочком и в грузовом контейнере вместе с припасами была пронесена на корабль. Операция была несложной. Куда сложнее было убедиться, что мы в ней не ошиблись. Именно поэтому нам пришлось на Райсгате заняться самую малость саботажем.

— Так вот в чем дело, — прозрел, наконец, Гре-

ван, — а я-то, болван, вкалывал до седьмого пота, чтобы заставить корабль взлететь. Ах вы, хитрое, коварное отродье!

— Мы все признаем, что такие вещи недопустимы, — от души согласилась Веснушка. — Кроме того, пару раз вы нас чуть не поймали. Мы все подумали, что было просто прикольно, когда вы ходили вокруг корабля, озабоченно фыркали, высмотрев очередную поломку. А с другой стороны, вы задурили голову бедной девушке, заставив ждать, покуда Группа не обоснуется где-нибудь в безопасном месте. Но мы все равно не позволили бы вам вернуться за ней в одиночку. А потом Клем сообщила, что Прайдрелл — как раз та, кто вам нужна, вы же знаете, Греван, какая она чувствительная в этих сердечных делах! Да она просто не могла ошибиться!

— Клем действительно весьма проницательна, — осторожно признал Греван. — А как удалось уговорить Прайдрелл?

Веснушка сдвинула шляпу обратно на лоб, что означало некоторую неуверенность.

— Вот этот аспект я как раз хотела с вами обсудить. Когда мы забирали ее с фермы, Прайдрелл глубоко спала. Вейер незаметно подсунул ей снотворное. С тех пор она у нас не просыпалась,

в двадцать третьей каюте, что позади наших комнат, и мы с девочками по очереди о ней заботились.

Пока Греван переваривал полученную информацию, воцарилась недолгая тишина.

— Теперь, полагаю, я должен ее разбудить и сообщить, что она похищена кучкой изгоев, дабы обречь на жизнь в изгнании, так, что ли? — спросил Греван.

— Прайдрелл не станет возражать, — ободряюще проворковала Веснушка. — Вот увидите! Клем говорит, что она влюблена в вас по уши… Кстати, вам очень идет этот румянец, Греван, — с интересом добавила она, — и, кажется, я вижу его впервые.

— У тебя чересчур богатое воображение, Веснушка, — буркнул Греван. — Как ты могла заметить, я взгрел нашего Доминатора! Да так, что он чуть не расплавился. Вон, до сих пор светится. Естественно, что температура в этом помещении повысилась. Поэтому нет ничего странного в том, что на мне это как-то сказалось…

— Да, странного тут действительно нет, — признала Веснушка, — но если подойти к этому вопросу с другой стороны, то вы, командир, самый теплоустойчивый член Группы, а мне сейчас

даже не тепло. Так что не надо лукавить — вы по-настоящему покраснели, Греван. Клем была совершенно права и относительно вас!

— Чувствуется, что сей предмет обсуждался вами со всей основательностью, — заметил Греван.

— Как вам будет угодно, командир, — согласилась с такой формулировкой Веснушка.

— Возразит Прайдрелл или нет против своего похищения, но у нас появятся небольшие биохимические проблемы…

— А вот это и в самом деле интересно! — перебила Веснушка. — Мы планировали, что она пройдет полный стандартный курс терапии ЦП для обычных колонистов еще до того, как проснется. Однако тесты показали, что в ней уже заложено нечто подобное и даже больше! Должно быть, она собиралась поселиться на какой-нибудь колониальной планете с более экстремальными условиями, чем на Райсгате. Но, разумеется, мы будем держаться настороже во избежание неприятных сюрпризов…

— Вероятно, парочки таких сюрпризов нам все равно не миновать! — кивнул Греван. — Говоришь, двадцать третья каюта?

— Прямо через мой кабинет и вверх по тем маленьким ступенечкам!

Она поднялась.

— Полагаю, теперь мне лучше пойти помочь остальным разобраться с топливом.

— Возможно, тебе и в самом деле лучше пойти помочь ребятам с топливом. Я только прослежу, чтобы наш Доминатор окончательно остыл, а потом отправлюсь будить нашу гостью.

Однако он знал, что будить Прайдрелл ему не придется…

* * *

Он сидел, прислушиваясь к тихому потрескиванию, доносившемуся из недр машины ЦП, а Веснушка побежала к трапу. Вскоре раздался глухой шлепок, свидетельствующий о том, что она предпочла спуститься более быстрым способом, и внезапный взрыв хохота. Затем вновь наступила тишина. Прайдрелл так и осталась сидеть там, где провела последние пять минут, на правой части медленно оплавлявшегося Доминатора, не выказывая особого смущения от присутствия Гревана. Отличный трюк, даже для представителя Свободного Вида, которого ЦП не преминуло бы классифицировать как нейромонстра.

— Благодарю за нейтрализацию «ограничителя» или что это еще была за дрянь! — заметил

он, наконец. — Неудивительно, что ЦП вас побаивается.

Прайдрелл со скучающим видом уставилась в коридор за дверью.

— Вам не удалось меня перехитрить до конца, — сообщил он ей, — не будь вы просто призрачным видением, то не просидеть вам и пары секунд без сильнейшего ожога на мягких тканях.

Зеленоглазая надменно обвела взглядом рубку, по-прежнему не обращая на мужчину ни малейшего внимания.

— А ведь совсем нетрудно было догадаться, — упрямо продолжал Греван. — Стоило лишь вспомнить ваш экзотический танец с теми тварями. Никаких зверей на самом деле не было, вы их всем внушили!

Наконец взгляд остановился на Греване, но лишь для того, чтобы глубокомысленно изучить. Он смутился.

Внезапно ему на ум пришли слова, которые он хотел ей сказать, словно на него снизошло вдохновение…

— Разумеется, заманчиво даже думать о том, — печально признался командир, — что Клем могла хоть самую чуточку оказаться права относительно ваших чувств ко мне, как она оказалась права

в отношении меня! Но я все же не могу не задаваться вопросом, возможно ли…

Пауза была преисполнена надежды.

Алые как коралл губы дрогнули в легкой улыбке. Нежный голос негромко произнес:

— Почему бы вам, Греван, не пройти в каюту двадцать три и не выяснить все на месте?

Доминатор продолжал шипеть и потрескивать, остывая без присмотра…

ПРИГЛЯДЫВАЙ ЗА НЕБЕСАМИ

Старый, закаленный в боях бластер Джистов, когда-то принадлежавший дяде Уильяму, производил такое впечатление, словно на каком-то этапе создания его вынули из отливки, а он так и застыл. Двойной ствол, хоть и был весь покрыт многочисленными царапинами и выбоинами, был массивен и короток, а пустой магазин снизу мог подойти и для обычных энергетических зарядов. Но поистине странный вид инопланетному оружию придавала рукоять. Длиной почти в сорок сантиметров, она была резко скошена в одну сторону и имела столько шишек и зазубрин, что никакая рука не смогла бы удобно ее держать. Прошло более полувека с тех пор, как до нее дотрагивалась бескостная перепончатая конечность первоначального владельца, рассеивая смертоносную радиацию по его противникам-людям. В данный момент бластер пылился над камином в гостиной среди прочих экспонатов причудливой коллекции дяди Уильяма.

Но сегодня, спустя более восьми лет после дядиной смерти, подумал Фил Боулз, искоса поглядывая на бластер проницательным взо-

ром, этому старинному сувениру суждено стать ключом к разрешению проблем колониальной планеты. Он пробежался пальцем по тусклой, грубой поверхности, затем нагнулся, чтобы поближе рассмотреть аккуратную надпись: ТРОФЕЙ, ДОБЫТЫЙ В БИТВЕ ПРИ ГАНДЕРЛАНДАХ, 2172 ГОД НОВОЙ ЭРЫ, СЕРЖАНТ УИЛЬЯМ Г. БОУЛЗ. Однако, заслышав знакомые щелчки из холла, он быстро выпрямился и отвернулся. Когда в комнату вкатилось самоходное кресло тети Беллы, Фил уже сидел за низким столиком спиной к камину.

Широкие, гибкие ходули бережно перенесли кресло через три ступени в нижнюю часть гостиной, тетя Белла восседала в нем, изящно выпрямившись, как и подобает девяностошестилетней даме, последней из оставшихся в живых членов первой группы землян — колонистов планеты Рой. Она легко забарабанила по ручкам кресла, ловко его разворачивая, и, наконец, остановила перед чайным столиком.

— Звонила Сьюзан Финней, — сообщила она, — еще одна, кто считает, что я нуждаюсь в неусыпной заботе! Давай, доедай вишневый пирог, Фил. Такому молодцу, как ты, не повредит. У меня еще два в печке, возьмешь их с собой.

— Ради одного этого стоило приехать из Форт-

Роя, — усмехнулся Фил. Он знал, что тете Белле приятно это слышать.

— Я теперь не так уж много могу сделать для своего внучатого племянника, верно?

Подумав немного, Фил спросил:

— Вы не передумали относительно…

— …переезда в Форт-Рой?

Тетя Белла поджала тонкие губы.

— Господи, Фил, мне так жаль снова тебя разочаровывать, но в городской квартире я буду чувствовать себя не в своей тарелке.

— Доктор Фитцсиммонс был бы очень доволен, — заметил Фил.

— Ах, еще один старый перестраховщик! Фитц просто хочет упрятать меня в больницу. Не выйдет!

Фил беспомощно покачал головой и засмеялся.

— В конце концов, управлять фермой по выращиванию тюпы…

— Чушь, самая настоящая ерунда. Ферма отнимает ровно столько сил, чтобы это было мне интересно. Все равно все делают машины, и Сьюзан приходит сюда каждое утро, чтобы поболтать и убедиться, что со мной все в порядке. Она ни за что в этом не признается, конечно, но стоит ей заподозрить, что о чем-то нужно позаботиться,

как час спустя уже все семейство Финней в сборе, чтобы это сделать. Тебе нет никакой необходимости посылать каждые два месяца людей из Форт-Роя для уборки тюпы.

Фил пожал плечами.

— Никто еще пока не изобрел более удобного способа выдергивать из земли эти корни. К тому же КПС рад хоть чем-нибудь занять людей.

— Это потому, что ты являешься его президентом?

— Угу.

— Это и в самом деле ничего тебе не стоит? — с сомнением спросила тетя Белла.

— Ни цента.

— Хм, я все собиралась спросить: что заставило тебя создать Колониальный Профессиональный Союз? Я правильно сказала его название?

Фил кивнул.

— Почему ты первым делом здесь основал данный союз?

— Ответ прост, — ответил Фил. — Как только население планеты достигло отметки в сорок тысяч человек, Рой получил право на собственный профсоюз. Почему же не воспользоваться представившейся возможностью?

— И что это за возможность?

— Больше денег от Земли, это, во-первых. В текущем месяце из двенадцати сотен членов КПС с Форт-Роя сидели без работы семьдесят шесть процентов. Со следующим кораблем мы получим от Территориальной Службы компенсационный чек, — он улыбнулся, глядя на выражение лица пожилой дамы. — Разумеется, ребята могли бы вернуться на фермы, где выращивают тюпу, но далеко не все настолько любят деревенскую жизнь, как ты и семейство Финней.

— И Правительство Земли позволяет вам проделывать подобные штуки? — с любопытством спросила тетушка. — Раньше они отличались известной скаредностью.

— Они и сейчас не меньшие скряги, но таков закон. Кстати говоря, Территориальная Служба еще выплачивает зарплату президенту КПС. Я пока зарабатываю не слишком много, но мой доход будет расти по мере роста количества членов союза и расширения моих обязанностей.

— Каких обязанностей?

— На данный момент мы основали лишь костяк организации, — объяснил Фил. — Теперь, когда правительство Земли, наконец, примет решение построить здесь большую военную базу, они за пару месяцев будут должны привлечь к работам

добрую сотню тысяч человек, а, значит, на Рое найдется место каждому. У землян есть веская причина быть щедрыми.

— Большая база, ну надо же! — проворчала тетушка Белла. — С тех самых пор, как я впервые ступила на эту землю, и полугода не проходило, чтобы кто-нибудь не сказал о том, что Форт-Рой вот-вот переделают в военную базу класса «А». Никогда этого не будет, Фил. Рой всегда был аграрной планетой, и такой останется.

Фил скривил губы в улыбке:

— Ну, не стоит терять надежду.

— Мне не нужны никакие перемены, — заявила тетушка Белла. — Рой мне нравится таким, какой он есть.

Она посмотрела на маленькую кнопочку на подлокотнике кресла, которая начала мигать голубым.

— Пироги готовы, Фил, — объявила она. — Может, ты все же останешься на обед?

Фил посмотрел на часы и сокрушенно покачал головой.

— Я бы с радостью, но мне, правда, пора идти.

— Тогда я заверну тебе пироги с собой.

Тетя Белла лихо развернула кресло, и оно плавно заскользило вверх по ступеням лестницы.

Фил быстро поднялся. Он сделал шаг к камину, распахнул пальто и открепил от подкладки гибкий предмет, похожий на небольшую коробочку. Он положил странный предмет на каминную полку и повернул вправо один из трех маленьких рычажков с переднего края. Коробочка быстро выдвинула по бокам поддерживающие ножки, поднялась над полкой и превратилась в миниатюрный столик. Фил бросил быстрый взгляд на дверь, за которой исчезла тетя Белла, прислушался, затем снял бластер Джистов со стены и осторожно положил на устройство, повернув второй рычажок.

Диковинный бластер начал медленно утопать в поверхности прибора Фила, точно камень в болоте. Через несколько секунд он совершенно исчез, затем, спустя мгновение, появился с нижней стороны коробочки. Фил подставил ладонь под бластер Джистов, вернул его на место на стене и повернул третий рычажок. Коробочка убрала ножки и опустилась на каминную полку. Фил вновь прицепил ее к подкладке, запахнул пальто и не спеша, прошелся по комнате в ожидании пирогов тети Беллы.

* * *

Забавно, что всего лишь несколько смело мыслящих умов, думал Фил Боулз, в то время как его аэрокар плавно пролетал над обрывистой линией скалистого берега, держа курс на север, могут самостоятельно изменить судьбу целой планеты. Да, лишь несколько разумов, у которых довольно воображения, чтобы представить себе, как можно обратить обстоятельства себе на пользу.

Слева от него, далеко внизу вилась плоская лента побережья полуострова, почти не выступавшего из моря; самый кончик ее расширялся и поднимался, постепенно переходя в широкий скалистый выступ, на котором и укоренился Форт-Рой, то место обитания людей на планете, которое было крупнее и значило больше всех остальных поселков, разбросанных там-сям по лесной глуши. Но сам по себе Форт-Рой не был ни велик, ни значителен. Всего-навсего военная база класса «F», вокруг которой разрослись беспорядочные городские кварталы. Форт-Рой представлял собой современный торговый форпост, соединявший колонистов с могущественной планетой-метрополией, а также станцией, с которой время от времени взлетали боевые

звездолеты, чтобы осуществить патрулирование абсолютно пустого и совершенно незначительного 132-ого Сегмента Космических Территорий. Не более того. Каждые две недели в крошечном космопорту садился корабль с Земли, доставляя запасы продовольствия, товары, а также военных и гражданских лиц, назначенных сюда для переселения. Последнюю категорию в основном составляли так называемые нежелательные на Земле элементы. Спустя несколько дней корабль отправлялся обратно, унося с собой продукты местного производства, пользующиеся повышенным спросом в метрополии, самыми важными из которых были высоко ценимые в гомеопатии корни тюпы. После этого Форт-Рой снова затихал и влачил довольно убогое существование до следующего прилета.

Планета как таковая была здесь ни при чем. На ней имелось почти все необходимое, чтобы колония процветала во всех отношениях. Виновата была Джистская Война. Это противостояние людей и негуманоидов испытывало периоды бурных вспышек и периоды, когда казалось, что борьба стихает. Очередной период затишья длился вот уже несколько последних десятилетий. А до этого, во время одной из вспышек, наиболее

яростной, когда война подобралась почти к самой Земле, разыгралась Битва при Гандерландах, в которой дядюшка Уильям Боулз и стал обладателем трофейного бластера. Однако война всегда обходила стороной Рой. Все самые значительные события происходили в противоположной части гигантских Космических Территорий, и за последние годы война медленно, но верно удалялась от Роя.

Но в ту же сторону уходили и несметные богатства Земли — человеческие ресурсы, материалы и деньги. Планеты, у которых не было и десятой доли привлекательности Роя в отношении природных ресурсов, где человеческая жизнь теплилась в условиях, которые едва ли можно было назвать нормальными, имели прекрасное снабжение, туда поставлялось все необходимое, дабы они могли вести независимое существование в качестве гигантских цитаделей, а их население было не слишком опечалено своей судьбой. Когда Правительство Земли не скупилось на расходы, жизнь почти повсюду можно было организовать более чем сносной.

Таковы были обстоятельства, приговорившие Рой к участи задворков. Многих это устраивало. А вот Фила Боулза, уроженца Роя, это не устраивало

совершенно. Он обладал ярко выраженными задатками лидера, но применить их ему соответствующей возможности не представлялось. Посему обстоятельства следовало изменить, и время, когда это станет возможным, приближалось. Фил лично не был осведомлен обо всех существенных факторах, но ему были известны многие из них. Политическая ситуация на Земле сложилась таким образом, что находилась на грани некоторого рода нестабильности. В результате на Рой несколько суток назад сел земной корабль, который вовсе не был очередным грузовиком. Среди его пассажиров находились Сэнфорд, уполномоченный Территориальной Службы, широко известный политик, и мистер Рональд Блэк, популярная личность, предприимчивый владелец второго по величине информационного агентства Земли. Они совершали совместное турне по планетам, разбросанным в одном из отдаленных уголков Территорий, и случайно забрели на самый удаленный из всех: 132-ой Сегмент, планету Рой. Таков был первый фактор.

Внизу, в десяти километрах под Филом, теперь уже почти прямо под ним, поскольку машина в третий раз лениво пересекла центральный залив полуострова, был едва различим второй

фактор. Отсюда он выглядел коричневым кругом неправильной формы на почти белой поверхности полуострова. Если спуститься чуть ниже, он становился необычайно похожим на проломленную и полуразложившуюся спираль ракушки гигантской улитки, с зарытым в песок основанием и раздробленным кончиком, возвышающимся над ее двадцатью завитками. Это сооружение, известное в народе как «Развалины», считалось последней цитаделью полуразумной расы, составлявшей коренное население Роя, которое вымерло, по-видимому, примерно лет за сто до того, как сюда прибыли первые земные колонисты. Дело в том, что ксеноархеология была страстным увлечением лейтенанта Нормана Вогана, научного сотрудника Форт-Роя.

Это и было вторым фактором.

Вдобавок ко всему планета Рой не нуждалась в серьезной военной поддержке, поскольку, по мнению земных стратегов, колоссальное расстояние отделяло его от театра военных действий. Только вследствие безумной ошибки мог забрести сюда какой-нибудь корабль Джистов, чтобы обнаружить, что здесь притаилась еще одна планетка, которая одинаково хорошо подходит как людям, так и их оппонентам.

И, наконец, последний фактор.

Прибор, притороченный к подкладке пальто Фила, был фотокамерой особого рода, которая в данный момент хранила в себе отпечаток сувенирного бластера дяди Уильяма. Сопоставьте все эти факторы, бодро подумал Фил, и вам станет ясно, почему на Рое грядут значительные перемены, причем в самом ближайшем будущем.

Он вновь взглянул на часы, развернул машину и полетел в глубь полуострова. Проплыв над фермой тети Беллы и точно такой же фермой семейства Финней, расположенной на два километра выше по горному склону, он мягко повернул на восток и уже через двадцать минут вновь приближался к просторам побережья. Здесь, в совершенно дикой местности, на невозделанной земле, у края утеса, возвышавшегося на триста метров над бурлящими водами, примостился уютный домик, являвшийся собственностью Селии Адамс, маленькой, хорошенькой леди из Форт-Роя. Селия прибыла с Земли шесть лет назад, почти наверняка как нежелательный элемент, хотя об этом знали лишь Территориальная Служба и сама Селия. Земля, отсылая на такие планеты, как Рой, вынужденных переселенцев, относилась к ним все же с известным тактом.

* * *

Фил приблизился к домику настолько, что смог убедиться — припаркованная перед ним темно-зеленая машина принадлежит его старому знакомому, майору Уэйну Джексону, Административному сотруднику, второму человеку в Форт-Рое и тоже уроженцу планеты. Затем он развернулся, снизился, прошелся над лесом и предпринял вторую попытку незаметно приблизиться к домику под прикрытием деревьев. И хотя сегодняшняя встреча с Джексоном и Селией Адамс не требовала никакой секретности, лучше о ней пусть никто не знает, даже случайные свидетели.

Посадив машину в лесу, он накинул на плечо ружье и направился по узкой тропинке вдоль опушки. В этих местах можно было превосходно поохотиться, и ружье, в случае чего, объяснило бы его присутствие здесь. Когда он подошел к домику, то увидел, что на крытом заднем дворе сидит за столом Селия вместе со своим гостем, с полными бокалами в руках. Джексон был тоже одет по-охотничьему. Еще некоторое время Фил не выходил, оставаясь в тени деревьев, поскольку испытывал сомнения в правильности своих

намерений.

Трое заговорщиков строили далеко идущие планы, в основе которых была заложена мистификация. Последствия могли принять гигантские масштабы даже по галактическим меркам. Однако, если Правительство Земли обнаружит, что стало жертвой мистификаторов, ситуация для последних сложится крайне неприятная. Эти узколобые бюрократы из центра, как правило, даже не пытаются проверять полученные доказательства, подтверждающие их подозрения. Подозрений для них уже вполне достаточно. Тех, кого заподозрили в неблагонадежности, будь то отдельные личности или целые коллективы, обычно задвигались в какой-нибудь медвежий угол, и они пребывали там до конца своих дней. Выпутаться из подобной ситуации считалось делом необычайно сложным.

В глубине души Фил все это осознавал, однако подобная угроза казалась ему ничего не значащей мелочью по сравнению с величием захватывающего бесстыдства грандиозного плана, а также ребячливым удовольствием от возможности кого-то надуть, да еще столь грандиозным образом. То, что заставило его задуматься в последний момент, могло быть лишь присущей любому

человеку осторожностью. Разумеется, ему не хотелось навлечь на себя всю мощь неодобрения Правительства Земли. Но почему непременно неодобрения? И потом, откуда центр узнает, если о планах знают только трое. Каждый из них, Уэйн Джексон, Селия Адамс, да и он сам получат от этого выгоду, и все трое будут равным образом ответственны за эту аферу. Никто из них не предаст, никто не испытает колебаний, поскольку тому порукой послужит их личная заинтересованность в результатах.

Правда, существует небольшая вероятность предательства со стороны еще одного человека, также замешанного в деле. По сравнению с ним, Филом, Уэйн и Селия получат неизмеримо большую выгоду, но им и есть что терять. Конечно, они предпримут все необходимые меры для обеспечения своей защиты, но им придется также позаботиться и о Филе Боулзе.

* * *

— Как вообще удалось провезти подобную штуку на Рой? — спросил Фил. Он уже успел одним глотком отпить полбокала, который подала Селия, и теперь, несколько минут спустя, чувствовал нечто, что при других обстоятельствах

можно было бы назвать приятным воодушевлением, но что все же не совсем стерло из памяти сознание того, что он в преддверии необратимого поступка.

Селия откинула со лба упрямую прядь красновато-каштановых волос и взглянула на собеседника внимательнее. У нее было прелестное личико, которое несколько портила жесткая линия рта — черта, которая сейчас стала заметнее куда больше обычного. Фил решил, что женщина чувствует нечто подобное его нервозности и по аналогичной причине. Сказать то же самое о майоре Уэйне Джексоне, мужчине крупном и свободном с приятной улыбкой и уверенным голосом, он бы не смог. Голос, пожалуй, звучал чересчур сердечно, но больше в майоре не было ничего подозрительного.

— Я этого и не делала, — сказала Селия. — Вещица принадлежала Фрэнку. Как она попала сюда с Земли, вместе с ним или уже позже, я не знаю. Он никогда об этом не рассказывал. Когда пару лет назад он умер, я забрала ее себе.

Фил задумчиво оглядел целый ряд незнакомых инструментов, покрывавших собой половину столешницы. Фотокамера, в которой хранился отпечаток бластера Джистов из гостиной тети

Беллы, была полностью совместима с представленным оборудованием и теперь покоилась внутри самого большого из них.

— Как она называется? — спросил Фил.

Селия ответила взглядом, полным раздражения. Джексон засмеялся:

— Почему бы тебе, Сел, не сказать ему? Фил ощущает то же самое, что и мы, а это — последняя возможность все как следует проверить и убедиться, что никто никого не обманывает и что все пройдет гладко. Верно, Фил?

Фил кивнул.

— Примерно так.

Селия покусывала губы.

— Хорошо, — сказала она. — Полагаю, это не имеет значения по сравнению со всем остальным.

Она тронула один из инструментов.

— Весь набор носит название дупликатор и ему ни много ни мало, а почти шесть десятков лет. Подобные вещи классифицируются, как инструменты для изготовления подделок, и по закону частные лица никоим образом не могут ни производить, ни использовать, ни владеть ими.

— Почему так?

— Потому что все они предназначены для из-

готовления подделок. Фрэнк считался одним из лучших специалистов в этой области, пока не обнаружил, что значится в списке на выселение.

Фил нахмурился.

— Однако если набор может дублировать любой произведенный предмет…

— Запросто. Стоимость копии в среднем в пятьдесят раз выше, чем при обычном копировании. Дупликатор имеет смысл использовать только в том случае, когда требуется копия, которую абсолютно невозможно отличить от оригинала.

— Понятно, — Фил помолчал немного. — И вот, спустя шесть десятков лет…

— Не волнуйся, Фил, — сказал Джексон, — дупликатор в отличном состоянии. Мы уже проверили на нескольких образцах.

— Откуда вы знаете, что копии действительно не отличить?

Селия нетерпеливо ответила:

— Потому что эта штука работает именно так и никак иначе. Когда бластер Джистов проходил сквозь верхнюю панель, он был проанализирован до последней молекулы. Сейчас на основе анализа изготавливается дубликат. Даже мельчайшая частица любого элемента, использованного в оригинале, будет воспроизведена с безукоризнен-

ной точностью. Как вы думаете, почему копия получается такой дорогой?

Фил ухмыльнулся:

— Ладно, убедили. Как вы думаете избавиться от надписи?

— Устройство само позаботится об этом, — ответил Джексон. — Нужно отколоть край и обработать отколотую поверхность так, чтобы она выглядела как все остальное.

Он улыбнулся.

— Похоже, земным фальшивомахерам неплохо живется, верно?

— Верно, — коротко откликнулась Селия, — пока их не сцапают.

Она допила свой бокал и добавила:

— У нас тоже есть к тебе несколько вопросов, Фил.

— Например, оригинал бластера, — вставил Джексон. — Видишь ли, у нас нет ни малейших оснований полагать, что расследование будет проведено. Однако когда колеса закрутятся, наши шеи будут вытянуты прямо до самой плахи, пока мы не избавимся от этого вещественного доказательства.

Фил поджал губы.

— На вашем месте я бы об этом не беспокоился.

Никто кроме тети Беллы, ни разу не глядел на дядюшкину коллекцию, ибо она по большей части — просто хлам. Вероятнее всего, только вы, я и она знаем, что в ней имеется такой экспонат, как бластер Джистов, ведь все дядюшкины приятели отправились на тот свет еще до него. Однако если бластер исчезнет сейчас, тетя Белла может его хватиться, а это может привлечь к нему внимание, поскольку Правительство Земли издало закон, запрещающий хранить у себя любые вещи, принадлежащие Джистам.

Джексон потер подбородок и глубокомысленно сказал:

— Ну, всегда можно сделать так, чтобы тетя Белла не стала поднимать шума.

Фил задумался.

— Доктор Фитцсиммонс утверждает, что жить ей осталось не больше трех месяцев, — сказал он. — Вне больницы она не протянет и восьми недель, а если протянет, то это просто чудо. Думаю, это будет еще до того, как придется позаботиться об уничтожении улики.

— Если бы так, — протянул Джексон. — Однако если расследование начнется до ее кончины…

Фил взглянул на него и невозмутимо сказал:

— Тогда мы сделаем все, что необходимо в та-

ком случае. Конечно, это будет не очень приятно для меня, как ее родственника, но моя шея на плахе так же, как и ваши.

Селия рассмеялась.

— Да, это довод эгоиста в чистом виде, — заметила она. — Каждый из нас — самый настоящий эгоист, а самая надежная черта в человеке, это — эгоизм. Именно поэтому все мы можем чувствовать себя в полной безопасности.

Джексон покраснел, мельком взглянул на Фила и улыбнулся. Фил пожал плечами.

Итак, Майор Уэйн Джексон, второй человек в Форт-Рое, очень хотел стать первым, и цепочка повышений в должности должна была стартовать с нынешнего командира Форт-Роя, полковника Тейера. Друзья на Земле смогут устроить ему перевод в центр, как только будет оглашен приказ о превращении Форт-Роя в военную базу класса «А» и, следовательно, его место освободится. А Фил, если ему будет гарантировано кресло президента КПС с количеством членов, растущим год от года до полумиллионной отметки, а то и выше, сможет жить спокойно. Причем, не просто спокойно, но и очень комфортабельно, в то время как третье заинтересованное в этой афере лицо, Селия Адамс, сможет постепенно, шаг за шагом,

устранять конкурентов, потихоньку легализуя подставные фирмы под вывеской благопристойных заведений.

— Все мы думаем о будущем планеты, Селия, — дружелюбно заметил Фил, — но каждый по-своему. И будущее это выглядит блестяще. Единственное, на чем мы можем споткнуться, причем здесь, на Рое, это честность Силаса Тейера. Если доблестный полковник завтра возьмет и скроет находку бластера Джистов…

Джексон усмехнулся и покачал головой:

— Предоставь это мне, парень, мне и нашим высокопоставленным гостям с Земли. Уполномоченный Сэнфорд завтра должен провести весь день в обществе Тейера, разбирая какие-то дела Территориальной Службы. Научный сотрудник Воган просто светится от радости оттого, что Рональд Блэк вместе со своей информационной сворой начнут осматривать завтра с утра все то, что он нарыл там, в руинах, обещая его теориям об исчезнувших коренных жителях Роя дать самую обширную прессу в метрополии. Блэк непременно предложит мне присоединиться к честной компании. У полковника Силаса Тейера не останется ни малейшего шанса замолчать находку бластера Джистов на Рое в присутствии

Блэка, Сэнфорда, а также вашего покорного слуги, поэтому военным придется досконально его изучить. И единственным человеком, на которого он сможет возложить ответственность за это, будет научный сотрудник Норм Воган, которого мне, признаюсь, даже немного жаль.

* * *

Поначалу лейтенант Норман Воган был просто нервным и усердным молодым человеком, который носил необычайно толстые контактные линзы и был обладателем широкого, растянутого рта, что делало его похожим на лягушку, застигнутую меланхолией. Он справедливо подозревал, что хорошего научного сотрудника не перевели бы с Земли на Рой, который испытывал хроническую нехватку научных проблем приличного уровня, и где все финансировалось скупо и неохотно.

Огромная спиралевидная развалина на полуострове Форт-Рой стала для Вогана единственной отдушиной. На планете было известно еще несколько подобных сооружений, но данное находилось в гораздо лучшем состоянии и, несомненно, было самым свежим. Лейтенант был искренне убежден, даже если никто с ним не со-

глашался, что строительство гигантской улитки производилось сознательно, по заранее разработанному плану. Он собрал целые горы заметок в поддержку своей теории о том, что ее исчезнувшие навеки строители представляли собой расу, интеллектуально близкую человечеству. К сожалению, их тела, по-видимому, целиком состояли из субстанций мягких и непрочных, поскольку не было найдено ничего похожего на костные или хитиновые останки, а то, что лейтенант Воган называл неопровержимыми памятниками культуры на уровне древнейшего человечества, иные представители позднейшего человечества по большей части считали ничего не значащими черепками и глыбами плотного, похожего на известняк, материала, из которых и были выстроены «Развалины».

Именно поэтому Воган, по меткому выражению Джексона, «засветился от радости», когда Рональд Блэк, этот гигант земных СМИ, первым выказал интерес к руинам и теории лейтенанта об их происхождении, но вскоре к этим светлым чувствам стало примешиваться острое беспокойство. Ибо подобный шанс мог никогда более не представиться, если высоких гостей не впечатлить показом неких артефактов, а что ему,

собственно говоря, показывать? Поэтому утром, когда гоп-компания двинулась к руинам, Воган заметно нервничал.

Два часа спустя он ворвался в приемную командира базы Форт-Роя, и дежурный офицер едва смог его узнать. Глаза лейтенанта Вогана метали молнии даже сквозь толстые контактные линзы, цвет лица напоминал вареного рака, безумная улыбка рассекала это лицо от одного уха до другого. Победоносной поступью проследовал он мимо потрясенного офицера, с размаху распахнул дверь кабинета, в котором полковник Тейер беседовал с уполномоченным Территориальной Службы, и ввалился внутрь.

— Сэр, — услышал его дрожащий голос офицер, — у меня есть доказательства, неопровержимые доказательства! Они все же были разумными существами. Они не вымерли. Они погибли на войне! Это были… Лучше посмотрите сами!

Раздался тяжелый стук, с которым он уронил нечто на сверкающую полировку между полковником и уполномоченным.

— Это было найдено во время раскопок прямо сейчас, среди всяких артефактов!

Силас Тейер вскочил на ноги, дыша так тяжело, будто надеялся, что напор его дыхания выдует

этого проклятого научного сотрудника прочь из кабинета. Сдерживало его лишь странное полузадушенное восклицание, которое испустил уполномоченный Сэнфорд. Взгляд полковника скользнул по изменившемуся лицу гостя, затем последовал за его взглядом к лежащему на столе предмету.

На мгновение полковник Тейер окаменел.

Воган продолжал бормотать:

— Представьте, сэр, я…

— Заткнитесь! — оборвал его Тейер. И тут же как ни в чем не бывало продолжил:

— Говорите, это было найдено во время раскопок в руинах?

— Да, сэр! Только что! Он…

Лейтенант Воган слегка опомнился под леденящим взглядом полковника, и на его лице начали проявляться признаки осознания того, что он только что совершил огромную глупость. Он неуверенно облизал пересохшие губы.

— Я ненадолго покину вас, сэр, — сказал полковник, обращаясь к уполномоченному Сэнфорду. Затем осторожно взял бластер Джистов за неподражаемую изогнутую рукоятку, отнес к кабинетному сейфу, положил внутрь и вновь запер сейф. Затем покинул кабинет.

* * *

В соседней комнате Тейер отбарабанил на коммуникаторе кодовый номер майора Уэйна Джексона. Как только включился наручный коммуникатор Джексона, полковник услышал слабый щелчок и быстро проговорил:

— Уэйн, вы сейчас можете говорить?

— Я могу говорить, — предупредительно откликнулся голос Джексона.

— Норм Воган, — сказал полковник, — только что ворвался сюда с чем-то таким, что; как он утверждает, было обнаружено при раскопках. Сэнфорд видел это и без сомнения узнал. Возможно, нам удастся убедить его молчать… А теперь несколько вопросов: этот предмет действительно был вырыт сейчас во время раскопок?

— Очевидно, да, — ответил Джексон. — Я не видел, как это случилось, в тот момент мы разговаривали с Блэком. Однако найдется более полудюжины свидетелей, которые подтвердят, что видели, как это случилось, включая пять-шесть человек из информагентства.

— И они поняли, что это такое?

— Очень многие поняли.

Тейер тихо выругался.

— Не может ли быть так, что кто-то подбросил его среди отрытых вещей для создания сенсации на Земле?

— Боюсь, что нет, — ответил Джексон. — Эта штука осталась лежать в фильтре после того, как оттуда выдули песок и пыль.

— Почему вы сразу мне не позвонили?

— В это время мне пришлось заниматься подавлением чего-то вроде мятежа, Силас. Воган убежал прежде, чем я смог его остановить, но мне удалось посадить остальные машины, пока мы с вами не решим, что делать дальше. Нашим гостям это не понравилось. Им также не нравится и то, что я расставил охрану вокруг места, где был обнаружен предмет, и не позволил им поговорить с поисковой группой Вогана. Рональд Блэк и его команда ведут себя пока довольно спокойно, но зато другие поговаривают об изменениях статуса Базы. Больше я ничего не смог сделать.

— Вы поступили правильно, майор, но сомневаюсь, что это поможет, — сказал Тейер. — Вы можете подозвать Рональда Блэка?

— Да, он рядом…

— Полковник Тейер? — послышался через несколько секунд приятный голос в трубке.

— Мистер Блэк, — осторожно произнес полков-

ник, — то, что произошло сегодня на раскопках, может повлечь за собой события огромной важности.

— Это совершенно очевидно, сэр.

— В таком случае, — продолжал полковник, — как вы полагаете, возможно ли заключение джентльменского соглашения со всеми свидетелями не упоминать об этой находке, пока информация не пройдет надлежащим порядком по инстанциям? Меня интересует ваше мнение.

— Полковник Тейер, — ответил по-прежнему приятный голос Рональда Блэка, — мое мнение таково: единственный способ сохранить это дело в тайне — арестовать всех присутствующих здесь гражданских лиц, включая меня, и лишить нас всякой связи с миром. У вас свои обязанности, у нас свои. В наши обязанности не входит сокрытие от публики информации, которая может означать величайший за последние два десятка лет поворот в ходе войны с Джистами.

— Понимаю вас, — сказал Тейер. Несколько секунд он молчал и, возможно, тоже в это время подумал о будущем Форт-Роя — военная база класса «А» под его командованием, огромные военные корабли Земли, выстроенные вдоль побережья, во всю длину полуострова.

— Мистер Блэк, — сказал он вслух, — будьте так любезны передать своим коллегам мои слова. Я предприму самое тщательное расследование того, что произошло, и вместе с материальными свидетельствами направлю срочный рапорт своему начальству на Земле. Никто из вас не получит более никаких комментариев ни от меня, ни от одного из моих подчиненных. Попытка получить подобные комментарии будет расцениваться как разглашение военной тайны и повлечет за собой арест того или тех, кто таковую попытку предпринял. Вам все ясно?

— Совершенно ясно, полковник Тейер, — мягко откликнулся Рональд Блэк, — и нас это вполне устраивает.

* * *

— За последние восемь недель нам удалось выяснить, — сказал человек по имени Крейнхарт, — что этот предмет — вовсе не то, чем кажется… то есть это не оружие Джистов.

Он подтолкнул предмет, о котором шла речь, поближе к уполномоченному Сэнфорду и Рональду Блэку. Ни один из них не сделал попытки взять его в руки, оба лишь посмотрели на него, затем перевели внимательные взгляды на Крейнхарта.

— Конечно, это великолепная копия, — продолжил Крейнхарт, — ее создали на профессиональном уровне. Полагаю, вы знаете, что в таком виде ее почти невозможно отличить от подлинного образца. Однако… теперь уже не будет вреда, если я вам скажу… технологии Джистов развиваются несколько иначе, чем наши. В своем оружии они используют мельчайшие частицы некоторых элементов, которые мы лишь учимся поддерживать в стабильном состоянии. Данную информацию правительство утаивало до сего момента от общественности, поскольку не хотелось бы, чтобы Джисты узнали от военнопленных, как много нам о них известно. Аппарат, который произвел эту копию, естественно, не имел подобных элементов в своем арсенале. Поэтому ему пришлось применить их низшие гомологи. Копия выглядела почти неотличимо от оригинала. Единственная существенная разница между ними в действительности заключается в том, что подобный бластер, будучи скопирован вроде бы полностью, не сможет стрелять, — тут он коротко улыбнулся, — а это, думаю, вы со мной согласитесь, все же существенное различие. Как только так называемый бластер Джистов был, как следует, исследован, мы поняли, что его могли сделать

только люди.

— В таком случае, — рассудительно проговорил уполномоченный Сэнфорд, — то, что его обнаружили на Рое во время нашего визита, было сознательной мистификацией…

Крейнхарт кивнул.

— Конечно.

— Но я по-прежнему не понимаю, — сказал Рональд Блэк, — почему вы это скрывали? Ведь вам не нужно было раскрывать никаких секретов. Вы же видите, что волна недовольства широкой общественности по поводу кажущейся нерешительности правительства, которое не приняло решительных мер сразу после обнаружения находки, то есть, не стало спешить с усилением защиты Территориальных Сегментов, оказавшихся под угрозой, приняла просто угрожающие размеры. Ведь вы могли остановить ее еще до того, как она началась два месяца назад из-за одного-единственного заявления.

— В общем, да, — ответил Крейнхарт, — но у нас были свои соображения. Кстати, мистер Блэк, мы вовсе не против того, чтобы руководимая вами империя СМИ приостановила процесс раздувания этого дела.

— Особой благодарности за это вы от меня не

дождетесь, — сухо сказал Блэк.

— Что касается остального, — продолжал Крейнхарт, — правительство и раньше переживало периоды серьезной критики своих действий. Это не столь важно. Важно то, что Джистская Война длится уже дольше человеческой жизни… Теперь ни для кого не секрет, что пока она не закончится, любые действия, увеличивающие нашу боеспособность, являются приемлемыми.

Рональд Блэк медленно проговорил:

— Итак, вы откладываете обнародование до тех пор, пока не найдете тех, кто ответственен за эту мистификацию.

— Нам нужны, — ответил Крейнхарт, — только руководители, они — люди опасные. Нам дела нет до того, кто еще и в чем именно виноват. Как вы понимаете, это вопрос целесообразности, а не справедливости.

На секунду его взгляд задержался на вежливо-вопрошающих и несколько озадаченных лицах, затем он продолжил:

— Покинув этот кабинет, каждый из вас будет препровожден в особую комнату, где вам предложат подписать некоторые бумаги. Это и будет наш первый шаг.

Повисло напряженное молчание. Рональд Бл-

эк вынул из платинового портсигара сигарету, интеллигентно постучал ею по столу, сунул в рот и прикурил. А Крейнхарт тем временем продолжал:

— Подобная конспирация стала бы невозможна в случае, если подделка была бы обнаружена немедленно. В то время никто ничего не предпринимал. Затем, через несколько дней, поскольку наше молчание косвенным образом подтверждало подлинность сделанной находки, стали наблюдаться интенсивные изменения в промышленности и финансах. Если бы в военной политике начались серьезные изменения, было бы построено несколько крупных баз в тех Территориальных Сегментах, которые ранее считались бесперспективными для атак Джистов, а это кое-кому на Земле принесло бы большую выгоду.

— Разве так бывает не всегда? — пробормотал Блэк.

— Как правило, всегда. Обычное дело, и правительство этим не интересуется. Всегда можно с достаточной точностью предсказать, какая финансовая группа или группы могут извлечь наибольшую выгоду из создавшейся ситуации. Однако за прошедшие несколько недель стало очевидно, что в выигрыше оказывается кто-то

еще… кто-то, кто мог выиграть только на основе тщательной и масштабной подготовки к данной конкретной афере.

— Это было необычно, а чего-то необычного примерно такого рода мы и ожидали. Было выяснено, что в деле участвовало семь человек, все семеро будут лишены благ, достигнутых в результате этой аферы.

Рональд Блэк покачал головой и сказал:

— Вы совершаете большую ошибку, Крейнхарт. Я не буду ничего подписывать.

— Я тоже, — вяло отозвался Сэнфорд.

Крейнхарт потер нос пальцем и рассеянно сказал:

— Никто не собирается вас принуждать. Открыто принуждать, — он кивнул на окно. — Там на посадочной площадке стоит чья-то машина. Возможно, уже завтра рано утром обломки этой машины будут найдены в горах, примерно в четырехстах километрах к северу отсюда. Естественно, у нас наготове вполне правдоподобная история, так что все будет выглядеть как чистая случайность.

Сэнфорд побледнел.

— Значит, вы готовы пойти на убийство! — воскликнул он.

Крейнхарт помолчал немного.

— Мистер Сэнфорд, — сказал он, наконец, — вам, как сотруднику Территориальной Службы, прекрасно известно, что Джистская Война уже унесла более четырехсот миллионов человеческих жизней. Данное обстоятельство вынуждает правительство настаивать на вашем добровольном сотрудничестве. Искренне советую — не отказываться.

— Но у вас нет никаких доказательств! У вас нет ничего, кроме гипотез…

— Подумайте о том, — заметил Крейнхарт, — что заговор подобного рода в данных обстоятельствах является серьезным преступлением. Вы действительно хотите, чтобы мы продолжали искать доказательства?

— Каков же будет результат, — хриплым голосом проговорил Рональд Блэк, — если мы с Сэнфордом все же предпочтем сотрудничать?

— Даже в этом случае мы не можем позволить подобным типам занимать важные посты, мистер Блэк, — дружелюбно ответил Крейнхарт. — Уверен, вы понимаете, как трудно будет на Земле держать вас под соответствующим контролем…

* * *

Голос Селии Адамс раздался от двери:

— Думаю, это они, Фил. Оба аэрокара кружат над домом.

Фил Боулз подошел к Селии и посмотрел вверх. Вечерело, светило Роя только что закатилось, выкатились на небосклон первые бледные звезды. Небо над морем еще светлело. Чуть погодя высоко над домом он заметил машины, которые медленно описывали широкий полукруг. Он взглянул на часы.

— Опаздывают на двадцать минут, — заметил он. — Но вряд ли это кто-то другой. А раз целых две машины, значит, они прибыли сюда все вместе.

Он немного поразмышлял.

— Мы не знаем, как они примут это, Селия, но вполне может статься, что они уже настроены обойтись без нас.

Он кивнул в сторону утеса.

— Короткая разбежка и долгий-долгий прыжок в воду! Так что не дай им себя удивить.

— Не дам, — холодно ответила она. — Мне приходилось стрелять из пистолета.

— Не сомневаюсь, — Фил наклонился и поднял сигнальный фонарь, который стоял рядом с тя-

желым пулеметом. Направив фонарь в сторону аэрокаров, он трижды быстро нажал на кнопку. Спустя секунду из первой машины сверкнули две ответные вспышки.

— Значит, Уэйн Джексон летит в первом аэрокаре, — сказал Фил. — Посмотрим, что они будут делать.

Он поставил фонарь на место и вернулся к Селии. Летательные машины скрылись из виду, чтобы через несколько минут вновь появиться над верхушками деревьев. Первая из них бесшумно приземлилась между домом и краем утеса, другая последовала за нею, но прошла рядом с утесом и снизилась на сотню метров, чтобы замереть в воздухе. Фил посмотрел на Селию и приветливо сказал:

— Следи за вторым аэрокаром!

Она едва заметно кивнула, одновременно опуская руку в карман куртки.

Боковая дверь севшей машины открылась. Из нее вылез Уэйн Джексон в охотничьей одежде и внимательно посмотрел на встречающих.

— Здесь еще кто-нибудь есть? — спросил он.

— Только мы с Селией, — ответил Фил.

Джексон повернулся и что-то сказал сидящим в машине — из нее выбрались два человека,

одетых так же, как и майор. Фил узнал Рональда Блэка и Сэнфорда. Все трое подошли к дому и остановились.

Джексон язвительно заметил:

— Еще пятеро наших бывших соратников-землян находятся во втором аэрокаре. Несмотря на ваше требование о встрече со всей группой целиком, они изъявили желание скрыть от вас свои лица. Они не хотят быть узнанными, — он дотронулся до лацкана пиджака. — Но будут слышать по этому коммуникатору все, о чем мы говорим, и даже поговорят с вами, но только, если сочтут нужным. Вам придется поверить мне на слово: здесь присутствуют все.

— Вашего слова достаточно, — сказал Фил.

— Отлично, — продолжил Джексон. — Теперь объясните, зачем вам потребовалось вынуждать нас так рисковать? Полковнику Тейеру никто не ставил в вину пособничество в подделке бластера, и, тем не менее, он все равно пострадал. Надеюсь, вы помните, что планета с колониальным статусом по закону считается находящейся на военном положении, включая гражданских лиц. И если Силас Тейер доберется до истинных виновников, то мало им не покажется.

* * *

Фил обратился к Рональду Блэку:

— Вы и себя тоже причисляете к ним? Когда ваши имена появились в списках переселенцев, Тейер должен был догадаться, по какой причине.

Блэк покачал головой.

— Перед вылетом мы оба воспользовались привилегией и изменили имена. Он не в курсе, что мы находимся на Рое. Мы приложим максимум усилий, чтобы он этого и впредь не узнал.

— Вы что-нибудь предприняли для того, — спросил Фил, — чтобы впоследствии бежать с Роя?

— На Земле?! — Блэк оскалил зубы в холодной улыбке. — Боулз, да вы, оказывается, понятия не имеете, насколько молниеносно и безоговорочно правительство лишило нас прежних возможностей! Поверьте, нам не оставили ни малейшего шанса на разработку каких-либо планов побега из этой дыры!

Фил бросил взгляд на Селию.

— В таком случае, — решительно заявил он, — нам немедленно и сообща надо приступить к разработке такого плана.

Джексон удивленно посмотрел на него.

— О чем ты говоришь, Фил? Неужели ты со-

мневаешься, что Силас Тейер не сделает все возможное, чтобы найти того, кто его так подставил. Я вполне допускаю, что он подозревает даже меня. Если он сможет выйти на нас, мы пропали. Если у тебя в голове бродят какие-то безумные идеи насчет немедленного бегства с планеты, то позволь дать себе совет: в ближайшие несколько лет сиди тихо, как и мы все, и не смей делать в этом направлении ни единого шага! Запомни, пока мы не рыпаемся, мы в безопасности.

— Сомнительно, что мы здесь будем в безопасности, — заметил Фил.

Селия Адамс резко добавила:

— Джентльмену во втором аэрокаре, открывающему фонарь, лучше его закрыть! Если у него хорошее зрение, он увидит, что я нацелила на него свой пистолет. Вот так-то намного лучше! Продолжай, Фил.

— Вы что, оба спятили?! — завопил Джексон.

— Пока до этого дело не дошло, — ответила Селия. Внезапно она рассмеялась резко и истерически:

— Хотя я даже не знаю, почему мы не спятили, Уэйн! Уверена, что все остальные предпочли бы, чтоб мы с Филом тихо исчезли.

— Чушь! — ответил Джексон.

— Возможно, и чушь. Как бы то ни было, даже не пытайтесь нас убрать. Даже если у вас получится, вряд ли этим вы окажете себе услугу. Лучше послушайте…

— Послушать что?! — в отчаянном недоумении крикнул Джексон. — Повторяю, все будет в порядке, если мы все не будем делать резких движений. Единственными вескими уликами являются твой дупликатор и оригинал бластера. Если мы от них избавимся…

— Избавляться от них мы не будем, Уэйн, — жестко сказал Фил. — Бластер все еще у меня. Я не осмелился его уничтожить.

— Ты… что ты хочешь этим сказать?

— Когда тетей Белла умирала, я был с ней в больнице Форт-Роя, — сказал Фил. Затем он обратился к Рональду Блэку:

— Это произошло двое суток спустя после вашего прилета сюда.

Блэк кивнул, глаза его тревожно блеснули:

— Майор Джексон сообщил мне об этом.

— Тетушка была очень слаба, но в полном сознании, — продолжал Фил. — Много говорила, кое-что вспоминала и, наконец, затронула очень интересную тему. Она упомянула о бластере Джистов и о том, как мы, я и Уэйн, будучи еще детьми,

приходили в гости к дядюшке и завороженно слушали его рассказы о битве при Гандерландах, и как он заполучил там свой трофей.

— Ну и что теперь… — начал было Джексон.

— А то, что бластер он заполучил не там, — сказал Фил. — Белла сказала, что дядя Уильям прибыл на Рой с первым кораблем переселенцев и с тех пор больше никогда не покидал нашу планету.

— Он… но тогда…

— Все еще не понимаешь? — поинтересовался Фил. — Он нашел этот бластер здесь, на Рое. Белла думала, что все это очень смешно: Уильям был старый дурак, но зато лучший выдумщик, какого она только знала. Он притащил его после долгого пешего похода по пустыне и сказал, что эта штука немного похожа на те, что изображены на плакатах Джистской Войны, и что намеревается сделать на нем гравировку, чтобы как следует повеселиться.

Фил глубоко вздохнул.

— Дядюшка Уильям обнаружил бластер в куче пепла на месте, где еще несколько дней назад кто-то стоял лагерем. Он тогда решил, что это были какие-то богатые туристы с Земли, которых примчал сюда быстроходный корабль, и кото-

рые взяли с собой бластер, чтобы поизображать отважных охотников в неизведанных мирах, и потом кто-то из них просто выбросил за ненадобностью старый, странный, сломанный бластер. Это было тридцать шесть лет назад, тетя Белла запомнила, что это произошло за год до того, как я родился.

Наступила тишина. Затем Рональд Блэк невозмутимо спросил:

— И какие из этого всего следуют выводы, Боулз?

Фил ответил ему раздраженно:

— Выводы такие, что Норм Воган был прав относительно того, что когда-то здесь жили очень даже разумные существа. Джисты наткнулись на них и, как обычно, всех до единого уничтожили. По-видимому, это случилось пару столетий назад. Затем, тридцать шесть лет назад, один из их кораблей-разведчиков проскользнул сюда незамеченным, обнаружил на планете людей, огляделся и убрался восвояси.

Он вынул из кармана бластер Джистов и взвесил на ладони.

— У нас имеется необходимое свидетельство, — тихо сказал он. — Все это время оно у нас было, а мы об этом даже не догадывались.

— Возможно, у нас и есть свидетельство, — сухо вставил Рональд Блэк, — но теперь у нас нет ни малейших доказательств, что оно является таковым.

— Знаю, — ответил Фил. — Беллы больше нет… так что мы даже не можем доказать, что Уильям Боулз никогда не покидал планету. В первые годы здесь не велся никакой учет, следовательно, и говорить не о чем.

Он немного помолчал.

— Предположим, — вдруг сказал он, — а что, если каким-то образом удастся сдвинуть это дело с мертвой точки? Передадим властям бластер, расскажем историю, которую я только что пересказал вам…

Джексон издал резкий смешок.

— Да нас просто прикончат, Фил!

— И больше ничего?

— Ничего, — решительно заявил Блэк. — Какой псих поверит в эту историю? Можно найти сотню гораздо более вероятных объяснений, каким образом бластер Джистов попал на Рой. Этот бластер — вещественное доказательство в деле о мистификации, и больше ничего.

— Возможно, что кто-то, — предположил Фил, — включая предусмотрительных джентль-

менов в аэрокаре, может с этим не согласиться?

Вновь наступила тишина.

Фил пожал плечами, повернулся лицом к обрыву и с размаху бросил бластер в море. Остальные безмолвно наблюдали за его полетом, за тем, как он упал в воду, затем посмотрели на Фила.

— Да я и сам был уверен, что это не поможет, — произнес Фил, нахмурившись, — но надеялся, что кто-то из вас мог придумать, как это можно использовать. Ладно, теперь мы знаем, что Джисты в курсе, что здесь люди. К сожалению, мы не сможем никого в этом убедить. За последние несколько лет эта война, казалось, вновь пошла на убыль. Из прошлого опыта известно, что это всегда означало — Джисты готовят новую масштабную операцию. Так что нам остается лишь одно — убраться с Роя куда подальше. Но это невозможно, если только не были предприняты соответствующие меры кем-то из вас еще на Земле. Будь у меня такая возможность, я убрался бы отсюда еще десять лет назад.

— К сожалению, Боулз, — осторожно проговорил Блэк, — никаких соответствующих мер предпринято не было.

— Тогда вот что, — сказал Фил. — Теперь вам ясно, почему нам следовало собраться всем вместе.

Десяти гениям! Ладно, мы сами себя перехитрили и в результате попали в переплет. Теперь давайте подумаем, нет ли хоть какой-нибудь возможности — пусть самой малюсенькой! — выбраться из этой ямы.

Тоненький голосок пропищал из коммуникатора, притороченного к лацкану пиджака Джексона:

— Майор?

— Да, — откликнулся Джексон.

— Пожалуйста, доведите до сведения мисс Адамс, что целиться в нашу машину ей нет никакой необходимости. Ввиду чрезвычайности ситуации нам лучше сесть, выйти из машины и присоединиться к дискуссии.

ВЫДЕРЖКА ИЗ ХРОНИК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ЗА 2345 ГОД Н. Э.

…Общеизвестно, что военная кампания в 132-м Сегменте стала поворотным пунктом Джистской Войны. Вслед за переводом полковника Силаса Тейера с планеты Рой на Землю, благодаря вдохновенному руководству майора Уэйна Джексона, а также действиям его неутомимых и в высшей степени талантливых помощников, среди которых необходимо особо отметить Президента КПС Боулза, стало возможным за двенадцать лет

преобразовать практически беззащитную и слабо снабжаемую планету Рой в оборонный пункт важнейшего стратегического значения и поистине смертельную ловушку для любого захватчика. Почти половина флота Джистов, неожиданно напавшего на планету, была уничтожена в течение первой недели после приземления, нескольким же кораблям был причинен сравнительно небольшой ущерб, что позволило им якобы незаметно ускользнуть от преследования. Но подкрепление противника, численностью до сорока процентов от общего количества космических сил Джистов, было перехвачено в соседнем, 134-м Сегменте, объединенными силами Земли под командованием бригадного адмирала Мак-Кенна и уничтожено.

В последующие же два года…

ЗЕЛЕНОЛИЦЫЙ

— Чего не люблю, так это змей! — твердо заявил толстячок по имени Фредди и по фамилии, которую никто не знал. — Я видел на тропинке огромную страшную змею! И шагу больше к леднику не сделаю!

Хоган Мастерс, управляющий и владелец кемпинга для рыболовов на Четверговом озере, не пытался скрыть свое возмущение.

— Чего ты не любишь, так это работать! — провозгласил он хрипловатым голосом. — В той змейке было не больше пятнадцати сантиметров. Ты просто хочешь, чтобы я один тащил туда всю эту рыбу, а ты пойдешь в домик и в ус не будешь дуть...

Фредди и в самом деле уже направлялся к своему летнему домику.

— Я в отпуске! — радостно проорал он. — Мне нужно беречь силы! Нужно восстановиться после потрясения!

Хоган проводил его взглядом, открыл было рот, затем захлопнул, молча подобрал дневной улов окуней и лещей и потащил к леднику. Обычно он не пил на работе, но сегодня с самого утреца

пришлось обучать группу рыболовов, снявших один из его маленьких домиков, науке правильно забрасывать блесну и ставить донки. В июньскую жару это была еще та работенка, и сейчас, к трем часам пополудни, Хоган по самые жабры загрузился холодным пивом.

Он положил рыбу на лед, покрытый опилками, накрыл ее рогожкой и направился к двухэтажному бревенчатому срубу, который называл избушкой. Она было предназначена для него, да еще для постояльцев, которым было лень самим готовить пищу.

Подойдя к тому месту, где змейка подала повод Фредди, чтобы смотаться, он увидел, как она извивается вдоль огромных зарослей бурьяна, словно что-то скрытое привлекло ее внимание. Хоган немного понаблюдал за потугами маленького пресмыкающегося, затем осторожно присел на корточки и раздвинул бурьян. Внезапно раздалось какое-то призрачное шипение, похожее на опознавательный сигнал гремучей змеи, и что-то мокрое хлестнуло его по руке, слегка ужалив, точно он коснулся крапивы. В тот же миг змея скрылась в зарослях бурьяна.

Шипение не смолкало. Оно вовсе не походило на реальный звук, скорее на тонкую вибрацию

где-то внутри головы, что было решительно неприятно. Хоган крепко зажмурился и потряс головой, чтобы избавиться от него. Когда же он вновь открыл глаза, перед ним был Зеленолицый.

Ничего, даже отдаленно напоминающего Зеленолицего, никогда не появлялось в хогановских зарослях бурьяна, нов тот момент он этой встрече не удивился особо. Он сразу подумал, что на самом деле никакого лица-то перед ним нет. То, что он увидел, было скорее похоже на блестящее гусиное яйцо темно-зеленого цвета, которое стояло торчком в зарослях бурьяна, ритмично пульсируя, точно человеческое сердце. Яйцо было покрыто сетью тонких темных линий, напоминающих два закрытых глаза и сжатый, слегка улыбающийся рот.

Маленький пузатый идол из нефрита, которого Хоган назвал Зеленолицым…

Под отчуждающим действием алкоголя он заметил про себя, что идола со всех сторон окружают пучки пушистых волокон, похожих не то на волосы, не то на корни. Затем, где-то внизу и неясно, точно сквозь молочное стекло, он увидел змею, она была свита в спираль и все еще слегка извивалась, точно захваченная врасплох студе-

нистой массой.

Хоган протянул руку, чтобы исследовать феномен поближе, и тогда один из корешков приподнялся, словно пытаясь предостеречь его от подобного шага. Но Хоган сделал этот шаг, и корешок тотчас шлепнул его по ладони, оставив еще одну красную полоску, похожую на след от крапивы.

В следующий миг Хоган отскочил. Его обуял вдруг запоздалый испуг, смешанный с гневом. Он быстро набрал полную горсть камешков, которые принялся швырять в невиданное чудище. Один из камешков едва не попал в цель, и шипение в голове Хогана прекратилось.

Зеленолицый медленно двинулся в глубь бурьяна, неловко перебирая всеми своими корешками-лапками, словно ему приходилось двигаться несколько боком, одновременно поглядывая на Хогана через несуществующее плечо. В руке у Хогана оказалось полено, он бросился вдогонку, но маленькое чудище уже исчезло.

Хоган еще пару минут обшаривал бурьян, держа дубинку наготове. Он хотел прикончить затаившееся страшилище, но вместо него он обнаружил и поднял змейку.

Она все еще дергалась, хоть и была уже мертва,

кожа свисала клочьями с дряблого, сморщенного тельца. Хоган посмотрел на нее с удивлением. Он держал беднягу за голову, а когда немного сдавил пальцы, почувствовал, что ее череп стал мягким, точно пластилин. Ощущение было жуткое, и вместе с ним Хоган вдруг осознал всю невероятность произошедшего с ним события.

Он рывком отбросил мертвую змею и пошел прочь от ледника, ибо его охватил краткий, но сильный приступ тошноты.

Когда Хоган вошел в избушку нетвердой походкой, Джулия Аллисон, опираясь на локти, склонилась за кухонным столом над каталогом товаров, продаваемых по почте. У нее были темные волосы, невозмутимые серые глаза и неотразимая фигура. Они с Хоганом были помолвлены уже около полугода. Хоган не хотел жениться, не убедившись, что сможет чего-то добиться от кемпинга для рыболовов, работавшего первый сезон.

Джулия посмотрела на него с улыбкой. Потом улыбка сменилась пристальным взглядом. Она захлопнула каталог.

— Хоган, — заявила она точно таким же тоном, каким ее папаша, Уитни Аллисон, в своем баре в городе отказывался продать клиенту «распо-

следнюю», — да ты никак совершенно пьян! И не тряси так головой, а то из ушей польется.

— Джули, — возбужденно начал Хоган.

Она подошла к нему поближе и фыркнула, сморщив носик:

— Фу, пиво! Я права, милый?

— Джули, я только что видел нечто странное, что-то вроде маленького зеленого привидения…

Джули хлопнула ресницами пару раз.

— Слушай, малыш, — успокаивающе сказала она, — вот так и начинаются всякие пересуды про вполне нормальных людей! Сядь и отдохни, пока я сварю крепкий черный кофе. Утром приехала какая-то парочка, я отправила их в дальний домик. Им нужна керосиновая плита, лед и уголь для барбекю, я уже постелила им белье.

— Джулия, — хрипло перебил Хоган, — ты будешь меня слушать или нет?

Улыбка исчезла.

— Что ты кричишь!

— Я не кричу. И кофе мне не нужен. Я просто пытаюсь тебе рассказать…

— Тогда делай это без крика!

Джулия убрала жестянку с кофе со звучным стуком, наглядно передававшим ее настроение, и одарила Хогана таким взглядом, что у того язык

прилип к гортани.

— Если ты намерен продолжать пререкаться, — продолжила она без малейшей паузы, — то я могу и уйти, нужно помочь папе в баре.

Это означало, что свидания сегодня не будет.

Она ушла еще до того, как Хоган, борясь с охватившим его порывом схватить Джулию за плечи и хорошенько потрясти, словно шейкер с коктейлем, смог придти к определенному решению. Вместо этого он предпочел пойти в дальний домик взглянуть на семейную парочку. Затем с горя лег и уснул.

Когда он проснулся, Зеленолицый показался ему не более чем обрывком кошмарного сна, расплывчатым и весьма туманным воспоминанием. Несомненно, все это из-за жары. А не из-за пива, хотя по этому пункту Хоган и Джулия так и не смогли придти к консенсусу, несмотря даже на то, что совершенно помирились. Но поскольку никто не желал более затрагивать данную тему, это не имело особого значения.

В следующий раз Зеленолицего увидел уже не Хоган.

* * *

В самой середине сезона, двадцать пятого июня, успех кемпинга для рыболовов уже не вызывал никаких сомнений. Уитни Аллисон намекал, что в качестве свадебного подарка мог бы авансировать некоторую сумму на перестройку избушки. Когда Хоган вернулся в кемпинг на ланч, все вокруг дышало спокойствием и тишиной, однако не успел он дойти до порога, как череда пронзительных женских криков, раздававшихся из крайнего домика, заставила его остановиться и броситься туда пулей.

Подлетая к домику вместе с десятком перепуганных постояльцев, Хоган уже издалека услышал взволнованные голоса, доносящиеся из-за двери. Потом на пороге появился мужчина, отдыхавший в нем со своей женой.

— Моей старушке показалось, что она видела призрак или что-то в этом роде, — смущенно объяснил он. — Боюсь, вы ничем не сможете нам помочь. Я… думаю, что смогу ее успокоить…

Хоган повернулся и сделал отмашку собравшимся, затем осторожно подкрался с другой стороны и принялся бессовестно подслушивать. Ропот внезапно возобновился. Ему было слышно

каждое слово.

— Я видела собственными глазами! Оно было такое зеленовато-голубое, мокрое, с зеленым лицом, и он мне у-у-улыбнулся! Потом он п-плавно поднялся на дерево и исчез! О, Джорджи!

Джорджи безостановочно издавал различные успокаивающие звуки. Однако незадолго до полуночи он зашел в избушку, чтобы заплатить за постой.

— Прости, старик, — сказал он, выглядя скорее обескураженным, чем расстроенным, — представить себе не могу, что моя малышка увидела, но она упорно стоит на своем, будто нам нужно отсюда уехать. Знаешь, как это бывает. Сам я ни за что бы не уехал!

Хоган проводил их с кислой миной. Самым приятным из обуревавших его чувств было нечто вроде ошеломляющего оправдания своим собственным наблюдениям. Призрак голубовато-зеленого цвета, мокрый, плавно поднимающийся на деревья и исчезающий, не вполне точно соответствовал тому маленькому чудищу, которое, как Хогану удалось себя убедить, он не видел в бурьяне, но описание все же было слишком похоже, чтобы принять его за случайное совпадение. Джулия, приехав навестить его из города на

следующий день, тоже так решила.

— Ты не мог не рассказывать этой истеричной старой гусыне про ту маленькую зеленую штуковину, которую ты, по-твоему, видел? Вчера вечером, в магазине, она так разошлась, что даже муженек не смог ее угомонить. И все это слышали. Хоган, подобные вещи не принесут кемпингу ничего хорошего!

Хоган был совершенно беспомощен. Скажи он ей о призраке из бурьяна снова, она все равно не поверит. А если даже и поверит, это может нагнать на нее страху.

— Ну, так что же? — спросила она с подозрением.

Хоган вздохнул.

— Чего с нее взять? Она и слова никому вставить не даст…

По-видимому, Джулию обуревали сомнения, и в то же время она была озадачена. Когда он проводил ее до дороги, чтобы полюбоваться, как девушка отчалит в город на своей древней машине, в воздухе разлился странный маслянистый запах. Так могло пахнуть в оранжерее. Прошлая ночь у Хогана была практически бессонная, но он вовсе не чувствовал себя утомленным. Он уже добрался до противоположной стороны луга между

дорогой и кемпингом, когда его вновь поразил разлившийся вокруг необычный запах. Затем он понял, что во второй раз видит Зеленолицего, причем эта тварь стала гораздо крупнее и от этого приятности отнюдь не прибавила.

Находясь примерно в двух десятках метров от Хогана, на другом краю луга, его было почти не видно в березовой листве. Неопределенных очертаний овал сочного темно-зеленого цвета удачно прятался в листве. Полоски на нем маскировались бродячими от ветерка тенями ветвей, а сам Зеленолицый был неподвижен, если не считать вялого пульсирования.

Хоган неотрывно смотрел на него несколько секунд, при этом по спине у него бегали мурашки, а сердце глухо выстукивало тревожные сигналы по всем нервным окончаниям. Больше всего его испугал изменившийся размер: теперь овал сравнялся с мячом для регби! Да, страшно вырос он с тех пор, как Хоган увидел его в первый раз.

Тяжело сглотнув, Мастерс отер пот со лба и направился к избушке, стараясь ступать как можно более твердо и не выказывать никакой спешки. Ему не хотелось спугнуть чудище. Над кухонной дверью висела автоматическая винтовка для особых случаев, и пара выстрелов поможет

превратить данный феномен в безвредный музейный экспонат…

Завернув за угол, он, можно сказать, прямо взлетел на крыльцо, перепрыгивая через четыре ступеньки зараз. Спустя несколько секунд, когда в одной руке у него была винтовка, а другой он тянулся за коробкой с патронами, Хогану пришлось встряхнуть головой, чтобы избавиться от странного беззвучного шипения. Внезапно он вспомнил, что ему уже доводилось испытывать подобное чувство, и повернулся к зашторенному окну кухни. Высокая береза слегка дрожала, словно от ужаса, что по ее стволу плавно сползает огромный нефритовый паук с туманными пучками нитевидных лапок. В четырех метрах от земли эта тварь внезапно отпустила дерево и упала вниз, вытянув длинные лапки. Хоган охнул и одновременно моргнул.

Это произошло прямо у него на глазах: в тот самый момент, когда пушистые кончики коснулись земли, Зеленолицый изменился таким образом, что это нельзя было назвать иначе, чем *новой степенью видимости.* Голова осталась без изменений, а вот ножки вдруг стали плоскими, похожими на бледно-зеленые ленточки, гибкие и полупрозрачные. Каждая была приблизительно

пятнадцати сантиметров в ширину и около двух метров в длину, казалось, что они прикреплены к толстой кайме вокруг нижнего края головы, точно юбка из сухой травы, какую носят танцоры на Гавайях. Ножки на солнце слегка поблескивали голубым, но Зеленолицый не стал дожидаться, пока его подробно исследуют.

Он побежал, слегка виляя и проворно скользя на кончиках своих ножек-ленточек, к лесу, что находился за лугом. Он выглядел именно так, как и полагается выглядеть привидению, ленты на нем красиво блестели и извивались там, где должно было быть тело, но тела не было! Не удивительно, что та бедная женщина перепугалась до смерти…

Хоган вдруг понял, что его трясет от мелкого и полностью не контролируемого им смеха. Он положил винтовку на кухонный стол, затем попытался взять себя в руки настолько, чтобы не выронить сигарету.

* * *

Задолго до середины июля в Рыболовном Кемпинге Мастерса не осталось ни одного туриста. Хоган смутно чувствовал, что тот факт, что две попытки избавиться от Зеленолицего произошли

у всех на виду, в то время как противник остался невидимым, говорил не в его, Хогана, пользу. Конечно, он не был виноват в том, что лукавое создание предпочитало столь легкомысленно использовать свою способность становиться почти невидимым, а если точнее, то превращаться в высокий столп стекловидного мерцания, которое сперва слегка подрагивало среди деревьев, а потом и вовсе исчезало. Но до тех пор, пока он как-то раз не поехал в город, Хоган не сознавал, сколько неприятностей может принести этот невинный трюк лично ему.

В баре Уитни Аллисон поприветствовал его весьма коротко и сухо, а Джулия заставила себя ждать почти полчаса. Но Хоган был терпелив.

— Может, нальете мне немного шотландского? — не выдержал он примерно на двадцать пятой минуте.

Уитни бросил на него многозначительный взгляд.

— Лучше бы тебе это дело бросить, — сурово посоветовал он.

Хоган залился краской.

— Что вы хотите этим сказать?

— О тебе и так уже ходит множество всяких занятных историй, — сообщил Уитни, сердито

помаргивая. Затем он перевел взгляд за Хогана, и тот понял, что за спиной у него появилась Джулия; однако парень был слишком раздражен, чтобы оставить все как есть.

— И что я, по-вашему, должен делать? — резко спросил он.

— Не смей так разговаривать с папой!

Такого резкого тона от Джулии он еще не слышал. Мастерс тяжело сглотнул и размашисто потопал вон, даже не взглянув на невесту. Выпив пару стаканов дальше по улице, он вернулся к своей машине и увидел, что Джулия стоит за стойкой бара, болтая и смеясь с целой толпой заезжих туристов. Ей, по-видимому, было очень весело: серые глаза блистали, на щеках играл румянец.

Хоган прорычал самое грубое ругательство, какое только знал, и отправился домой. Он и вправду в последнее время привык выпивать к ночи изрядную порцию виски, чтобы заснуть. Ночью Зеленолицый никогда не появлялся, и не было смысла лежать и все время нервно думать о нем. Беспокоиться следовало в теплые, ясные дни, около полудня. Хоган уже дважды застукал его греющимся на солнышке в верхушках деревьев, и каждый раз подолгу в него стрелял, что

не имело ни малейшего эффекта, кроме того, что этот паразит вдруг становился полностью видимым. Он падал с дерева, точно подгнивший плод, и улепетывал в кусты, изо всех сил шевеля и хлопая своими ножками-ленточками.

Одно к одному. Не удивительно, ведь у Мастерса теперь постоянно был такой вид, словно он опасается чего-то такого, чего другие не видят. Когда домики кемпинга мало-помалу опустели, Хоган сказал себе, что так даже лучше. Теперь он сможет целиком посвятить себя тому, чтобы выследить проклятое ухмыляющееся привидение и покончить с ним раз и навсегда. Еще не слишком поздно возместить ущерб, нанесенный его доброму имени и банковскому счету.

При этом он старался не примешивать к этим прозаическим расчетам мысли о Джулии. Она не появлялась в кемпинге уже несколько недель, и в подобных обстоятельствах он не видел способа уладить затянувшуюся размолвку.

* * *

После того, как в него выстрелили во второй раз, Зеленолицый не показывался так долго, что Хоган уже почти потерял надежду поохотиться на него. Однажды днем он угрюмо разбирал погреб в

избушке. Вытянув здоровенную коробку с целью пустить ее на растопку, он встряхнул пару раз для проверки и с удивлением обнаружил, что из нее посыпались маленькие странные предметы. Хоган глянул на них внимательно, нахмурился и подобрал с пола.

То были крошечные мумифицированные тельца колибри некоего тропического вида с длинным изогнутым клювом и длинным, ярко окрашенным хвостом. Только и можно было по клюву и хвосту их опознать: кости, кожа и мясо представляли собой съежившиеся комочки сомнительной прочности, напоминающие сухую смолу. Вспомнив о мертвой змейке, от которой он отогнал Зеленолицего возле ледника, Хоган повертел в слегка подрагивающих от волнения пальцах птичьи трупики.

Внезапно ему стало ясно происхождение кемпингового привидения. Как же он раньше не догадался? Два месяца назад он отнес коробку с тельцами колибри в погреб. В то время в ней находилась и огромная гроздь зеленых бананов, полученных им от оптового торговца фруктами…

Зеленолицый, конечно, был существом плотоядным, но питался каким-то особым, странным

способом. За последние недели в окрестностях кемпинга почти не стало мелкой лесной дичи, даже птицы, казалось, облетали владения Мастерса стороной. Когда гроздь бананов погрузили на корабль в Бразилии или на каком-нибудь острове в Карибском море, Зеленолицый, тогда, должно быть, еще в виде семечка прибыл сюда вместе с нею, прилипнув к тельцу одной из убиенных им птичек.

Затем что-то, возможно, просто холодный северный климат, подействовало на него так, что естественные ограничения в росте перестали действовать, поскольку каждый раз, когда Хоган его видел, он становился все крупнее и крупнее. В его строении не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего скелет, который мог бы сопротивляться безостановочному росту. Зеленолицый также не напоминал никого из известных представителей животного или растительного сообщества, ибо существа подобного размера не могут жить по соседству с человеком и не привлекать к себе его внимание. В то время как в обычных условиях Зеленолицые вырастали максимум до полуметра в высоту, им вполне могло бы хватить ума и бдительности, чтобы укрыться от зорких глаз наблюдателей в каких-нибудь

роскошных тропических лесах, даже если не принимать в расчет их непостижимую уловку — в одну секунду становиться прозрачными.

Однако проблема, стоящая перед Хоганом, была исключительно практического свойства. В очередной раз почуяв возле кемпинга едва уловимый запах оранжереи, он понял, что у него созрел план. Его ближайший сосед Пит Джеффрис, который поставлял Хогану почти всю провизию с фермы, что находилась в двух километрах дальше по дороге в город, владел огромным, свирепым псом с ярко выраженными наследственными чертами эрдельтерьера. Эта бестия по имени Старина Батлер имела репутацию лучшего следопыта во всем графстве.

Хоган смог заполучить Батлера под тем предлогом, что неподалеку от болотистой озерной заводи обосновался упитанный олень. Пит не имел ничего против внесезонной охоты, поскольку они с Батлером были известны как пара самых отпетых браконьеров на сто километров вокруг. Он свистнул свою собаку и передал поводок Хогану, предупредив, что лучше все же не попадаться на глаза всевидящему лесному инспектору.

Маслянистый запах раздавался под березами столь отчетливо, что Хогану казалось, будто он

сам готов взять след. К сожалению, этот запах не говорил собаке ровным счетом ничего. Хоган не выпускал из рук ружье, но Батлер, добросовестно пыхтя и стуча когтями, рвался преследовать любую добычу, от кроликов до медведя, но совершенно не желал или не мог понять, что призван сюда, дабы найти тварь, которая источает аромат оранжереи. Опустив нос, он проделал несколько десятков шагов в направлении Зеленолицего, ставшего прозрачным, но затем, игнорируя команды Хогана, вернулся к березе, аккуратно обнюхал подножие и явственно продемонстрировал все, что он думает о происходящем. В конце концов, он присел на задние лапы и воззрился на Хогана недобрым и озадаченным взглядом.

Хогану ничего не оставалось сделать, как отвести пса обратно, сказав Питу Джеффрису, что пришлось прекратить браконьерскую вылазку вследствие внезапного появления лесничего. Когда Хоган вернулся к избушке, то услышал, как звонит телефон, и бросился к нему с поспешностью, удивившей его самого.

— Алло! — крикнул он в трубку. — Алло! Джулия! Это ты?

Ответа не последовало. Хоган прислушался и услышал в трубке несколько голосов, они

смеялись и разговаривали. Затем где-то слабо хлопнула дверь, и кто-то приглушенно сказал:

— Привет, Уитни! Как дела, старина?

Она звонила из магазина, наверное, просто хотела узнать, что он поделывает. Ему показалось, что он чувствует трепет ее дыхания.

— Джулия, — мягко воззвал Хоган, напуганный ее молчанием. — Что случилось, дорогая? Почему ты молчишь?

Он услышал, как девушка отрывисто вздохнула. Затем раздался щелчок опустившейся на рычаг трубки и короткие гудки. Остаток дня он провел, изо всех сил стараясь отвлечься уборкой домиков. Прикинув, сколько дней прошло с тех пор, как опустел последний из них, он решил, что еще одной причиной, по которой никто здесь больше так и не появился, было то, что зловредина Уитни Аллисон, занимая стратегическую позицию у городской автобусной остановки, направляет туристов в другие кемпинги. Однако, сказал себе Хоган в очередной раз, никто ему здесь и не нужен, это только может все усложнить, пока не решена проблема Зеленолицего.

Но для чего звонила Джулия? Что это означает?

* * *

В ту ночь светила полная луна. Около десяти часов, переделав к тому времени всю возможную работу, Хоган устало присел на ступеньках избушки и зажег сигарету. Он намеревался спокойно все обдумать в ночной тиши, но вместо этого продолжал твердить про себя, что должен же быть какой-то способ, чтобы изловить этого хитрого зеленорылого мерзавца.

Медленно поглаживая щеки, он повторял:

— Я должен что-то сделать! Должен что-то сделать! Должен…

Если не сделать, то у него сдадут нервы.

Сварливый лай Старины Батлера с фермы Джеффриса нарушил ночную тишину на востоке, и внезапно Хоган уловил звук характерной маленькой запинки в тарахтенье, которую всегда производил мотор малолитражки Джулии, когда она сворачивала с дороги к кемпингу.

Но радостная дрожь, мигом поднявшая его на ноги, вскоре была умерена новыми опасениями. Даже если Джулия приехала сказать, что простила жениха, придется объяснить, почему он вел себя подобным образом. Но объяснить это было невозможно. Она просто решит, что он лжет

или спятил. Нет, отчаянно подумал Хоган, этого делать нельзя. Придется отослать ее обратно…

Он снял с крючка на двери карманный фонарик и печально потрусил навстречу, представляя, как появится ее машина, подпрыгивая на ухабах проселка. Затем он вдруг понял, что, не доехав до избушки около полукилометра, машина остановилась.

Озадаченный, он принялся ждать. На этом расстоянии было прекрасно слышно, как Джулия со скрипом врубила передачу, затем выключила, и сразу наступила тишина. Старина Батлер тоже затих, подозрительно прислушиваясь, хотя тоже знал звук машины Джулии. Больше во всей округе слушать было некому — Джеффрис с женой накануне днем уехал в город и до завтрашнего утра не вернется.

Хоган нахмурился, размахивая фонарем на фоне освещенной луной стены избушки. В тишине вдоль всего берега озера стайка козодоев наперебой жаловалась друг дружке. Приглушенно стрекотали сверчки, над заводью эхом разносился троекратный клич совы. Хоган пристально всматривался вдоль проселка.

Фары были выключены, иначе их было бы видно. Луна стояла высоко, и дорога, точно узкая

серебряная нить, бежала сквозь сосны прямиком к ферме Джеффриса. Внезапно он сообразил, что машина развернута по направлению к городу. Это точно была машина Джулии, но пустая. Хоган медленно пошел к ней, посматривая по сторонам. Услышав, как кто-то с шумом продирается сквозь сосны примерно в ста метрах от дороги, точно какому-то животному не терпится попасть к озеру, он вздрогнул. Мгновение спустя разгневанный лай Старины Батлера сообщил, что пес бегает на свободе и только что наткнулся на нечто, вызвавшее его крайнее неодобрение.

Хоган все еще прислушивался, пытаясь понять причину всей этой суматохи, когда из тени придорожных сосен далеко впереди тихо выскользнула девушка в темном свитере и темной юбке. Хоган не видел ее, пока она великолепным по точности прыжком не пересекла придорожную канаву. Затем, точно испуганный кролик, припустила к машине.

Он прокричал:

— Джулия!

На мгновение она обернулась — бледное, испуганное лицо осветила луна. Затем за нею захлопнулась дверца, и старая машина с ревом и фырканьем, кренясь на оба бока, покатилась

вперед.

Хоган больше не пытался ее остановить. Сбитый с толку и расстроенный, он проследил, как полосы света фар шарили по дороге, пока не скрылись за поворотом.

Какого черта она тут выискивала?

Хоган вздохнул, тряхнул головой и повернул обратно к кемпингу. Злобное ворчание Старины Батлера прекратилось, в лесу вновь воцарилась тишина. Вдруг со стороны озера донесся порыв холодного ветра, и ноздри Хогана затрепетали. Что-то в этом ветре было неприятное…

Он быстро втянул носом воздух еще раз.

Зеленолицый!

Зеленолицый прятался где-то там, под соснами. Пес наткнулся на него, обнаружил, что это живое существо, выглядящее весьма опасно, но затем вновь потерял его след, и теперь тихонько искал, где оно прячется.

Прыжок через канаву оказался даже лучше того, что проделала Джулия. Хоган на ощупь вошел в лес и успел наклониться как раз вовремя, чтобы спасти глаз от низкой ветви тополя. Далее он двигался более осторожно, поскальзываясь на заплесневелых склонах, покрываясь потом от раздражения, то и дело спотыкаясь о подгнившие

стволы, и это напомнило ему, что в руке у него зажат карманный фонарик. Он медленно пересек залитую лунным светом полянку, прислушался, затем обнаружил у себя на пути плотные заросли папоротника и включил фонарик.

Свет его с расстояния пяти метров уперся в темно-зеленый овал величиной в две человеческие головы.

Хоган изумленно воззрился на свою находку, предполагая, что она вот-вот исчезнет. Однако Зеленолицый лишь медленно пошевелил мягкими ножками-ленточками, на которых держался. Он сильно вымахал с тех пор, как Хоган видел его последний раз, общий рост теперь превышал рост Хогана. Зеленолицый стоял, слегка наклонившись в его сторону. Линии на пульсирующей голове по-прежнему складывались в два плотно закрытых глаза и широкий, тонкогубый, безумно ухмыляющийся рот.

Постепенно у Хогана закралось подозрение, что чудище спит. Или спало… поскольку кое-что в его поведении изменилось. Мастерс понял это по тому странному звуку, похожему на слабое шипение, точно рвется наружу из чайника струйка пара, звуку, который был до того высок, что его почти невозможно было услышать. Затем он

заметил, что Зеленолицый, медленно покачиваясь, тихонько приблизился на полметра, и что кончики его ножек стали мутнеть и становиться прозрачными, пока он скользил к нему поверх лишайников. Это крадущееся приближение повергло Хогана в ужас. Едва понимая, что он делает, он машинально выключил фонарь.

Почти в тот же миг шипение в его голове прекратилось, и, еще не успев отступить к краю лунной полянки, он заметил, что Зеленолицый остановился. Внезапно он все понял.

Нетвердой рукой он вновь вызвал к жизни яркий луч и направил его прямо на ухмыляющееся лицо. Сначала ничего не произошло, но затем слабое шипение возобновилось, и ножки Зеленолицего зашевелились и затуманились, в то время как он сам заскользил вперед. Хоган выключил свет, и его противник замер на месте.

Хогана начал душить истерический смех. Теперь-то он его поймает! Свет оживлял Зеленолицего, позволял ему двигаться и проделывать свой невероятный трюк с исчезновением. Когда солнце стояло в зените, он становился проворным как кошка или ястреб. Но недостаток света делал его тихим и присмиревшим, хотя, возможно, способным на автоматические реакции.

Теперь Зеленолицый был у него в кармане.

Хоган начал с ним играть, то включая, то выключая свет, варварски наслаждаясь своей властью над чудищем. Возможно, теперь даже не придется его убивать. В подобном парализованном состоянии, в темноте, тварь можно будет поймать, без опаски посадить в клетку и явить всей округе как ошеломляющее оправдание того, что происходило здесь последние недели. Он наблюдал, как чудище скользит по направлению к нему, и ему показалось, что почти неслышное шипение приобрело зловещий оттенок. Он уверенно выключил свет, но на этот раз Зеленолицый не остановился.

Хоган мгновенно понял, что позволил ему подойти к самому краю освещенной луной полянки. Заливаемый светом полнолуния, Зеленолицый продолжал приближаться, хотя и медленно. Очертания его начали мутнеть, исчезать начала даже голова.

Хоган отпрыгнул с тем же ощущением инстинктивного ужаса, который впервые обнаружил, когда Зеленолицый приближался к нему. Однако он смог дойти лишь до тени на другой стороне полянки. Призрачные очертания Зеленолицего медленно катились вперед, покачивая из сторо-

ны в сторону мутноватой луковичной головой, точно висящей в воздухе гнилушкой. Она достигла края тени и остановилась, а ножки потемнели, как только ступили в темноту, но тут же отдернулись обратно. Казалось, что Зеленолицый размышляет над создавшейся ситуацией.

Хоган тяжело сглотнул. Он заметил, как нечто бесформенное медленно зашевелилось в желеобразном колпаке под головой, и внезапно ему открылась истинная причина молчания Старины Батлера… Зеленолицый стал опаснее любого тигра!

Однако он не собирался оставлять его в освобождающем свете полной луны. Он снова направил луч на мутную овальную маску, и Зеленолицый, медленно, тупо двинувшись вдоль узкого канатика света, вступил в полосу тени. Свет тут же погас, и Зеленолицый оказался пойман вновь.

* * *

Дрожа и задыхаясь после полукилометровой пробежки, Хоган, спотыкаясь, вскарабкался по ступенькам в избушку и начал поспешно набивать карманы патронами до отказа. Затем взял ружье и отправился обратно в лес, туда, где оставил чудище, едва удерживаясь от того, чтобы

побежать, и заставляя себя идти скорым шагом. Если он не промахнется, проблемы на этом закончатся. Если же промахнется… Хогана пробрала дрожь. До сего момента ему не приходило в голову, что рано или поздно должно было наступить время, когда Зеленолицый вырастет настолько, что начнет охотиться на человека. Желание поймать его живым мгновенно улетучилось, он не хотел перевариваться в его желудке вместе со Стариной Батлером…

Перепрыгнув через канаву, он вошел в лес, той дело светя под ноги фонариком. Через несколько минут он был на том месте, где оставил Зеленолицего. Однако того там не оказалось.

Хоган постоял немного, дико озираясь и раздумывая, то ли это место, но вскоре убедился, что место то самое. Он посмотрел вверх и увидел, как под бледным, молочным небом покачиваются верхушки молодых сосен. Пока он глядел на них, сквозь бреши в качающемся балдахине деревьев прорвался лунный луч, коснулся его руки, да и был таков, и тогда все стало понятно. Зеленолицый уполз под сень деревьев при помощи подобных пульсирующих проблесков.

Вершина одной из сосен показалась ему мутноватой и покачивающейся особенно тяжко. Хоган

присмотрелся к ней повнимательнее, затем снял с предохранителя ружье и задрал ствол, потом направил луч фонарика прямо на это помутнение. На мгновение он почувствовал знакомое уже шипящее раздражение, когда помутнение поплыло по веткам прямо к нему. Помня о том, что Зеленолицему ничем не грозит неожиданное паденье с большой высоты, он выключил фонарик и полюбовался тем, как его противник вновь обретает видимую форму среди деревьев, а затем медленно отступает вверх к верхушкам деревьев и луне.

Хоган сделал глубокий вдох и поднял винтовку.

Пять выстрелов прогремели один за другим, верхушка сосны вздрагивала, трещала и осыпалась. Зеленолицего теперь было отчетливо видно, он все еще цеплялся за макушку и извивался всеми своими ножками, точно перебитая змея. Несколько крупных веток, не выдержав его усилий, обломились и грохнулись на землю прямо под ноги Хогану. Он поспешно отпрянул, вставил пять новых патронов и снова поднял винтовку.

Затем еще и еще…

Зеленолицый вместе с тем, что показалось

Хогану всей макушкой дерева, с грохотом рухнул оземь. Хоган выронил оружие и накрыл руками голову. Он слышал, как Зеленолицый влажно шлепнулся в лесную плесень метрах в двух от него. Затем что-то твердое хлопнуло его по спине и затылку.

Вслед за тем он на мгновение почувствовал, что ныряет в черноту с яркими огненными проблесками. После этого никакие чувства в течение нескольких часов не тревожили более Хогана.

* * *

— Давненько тебя здесь не видел! — раздался голос Пита Джеффриса над широкой полосой воды, отделявшей его лодку от лодки Хогана. Он вытащил шлепающего хвостом сига из браконьерской сети, которую в данный момент опустошал, и кинул его в рыбную кучу у ног. — Что поделываешь? Ходишь ночью по лесу?

— Иногда, — признался Хоган.

— Я тоже любил это дело, когда был помоложе. Все время ходил по лесу с ружьем! — лицо Пита пошло сморщенными скорбными складками. — Теперь радостного мало… с тех пор как проклятые инспекторы поймали Старину Батлера.

Хоган едва заметно вздрогнул, вспомнив полу-

переваренные останки, похороненные им в то июльское утро полтора месяца назад, когда он очнулся с мыслью, что проломил себе череп, и обнаружил, что Зеленолицый все же смог уйти, унеся в себе столько пуль, что хватило бы для того, чтобы уложить половину города. По крайней мере, твари пришлось достаточно туго, поскольку она извергнула из себя то, что оставалось от Старины Батлера, и воздержалась от того, чтобы подкрепиться Хоганом. Возможно, впоследствии она издохла от внутренних повреждений. Но что-то не верилось, что зеленомордая сволочь околела…

— Как думаешь, к вечеру не будет штормить? — спросил он, не отвлекаясь от своих мыслей и чувствуя глубокое безразличие к тому, будет ли сегодня штормить или нет. Однако Пит сидел рядом с ним, и нужно было о чем-то говорить.

— Озеро накроет через полчаса, — уверенно ответил Пит. — И я знаю пару невезучих парней, которые при этом непременно промокнут…

— Да?

Пит мотнул головой в сторону.

— Видишь ту маленькую бухту, где раньше жили индейцы? Два самых отъявленных пьянчуги, каких я только видел этим летом на Четверговом

озере, рыбачат на маленькой парусной лодке… Приплывают сюда откуда-то из-за озера.

— Может быть, нам следует их предупредить?

— Нет уж, я их предупреждать не стану! — воскликнул Джеффрис. — Они отпускали плоские шуточки, когда я проходил мимо. Буду только рад, если их потопит!

Он презрительно фыркнул, затем внимательно, с озадаченным видом посмотрел на Хогана.

— Сдается мне, что надо тебе кое-что сказать… но я думаю, что это неправда.

Пит вздохнул.

— Как клюют лещи?

— Отлично.

Хоган только что вытащил полную сеть с озерной отмели.

— Вспомнил! — воскликнул Пит. — Уитни сказал мне вчера вечером. Джулия помолвлена с одним парнем со своей работы в большом городе. Выходит замуж в следующем месяце.

Хоган перегнулся через край лодки и начал развязывать узел на сети. Он не видел Джулию с той самой ночи, когда последний раз встретился с Зеленолицым. Примерно неделю спустя он узнал, что она переехала в соседний крупный город и нашла там работу.

— Мне казалось, ты должен знать, — по-соседски безжалостно продолжил Пит. — Вы с ней вроде бы встречались?

— Да, вроде бы, — согласился Хоган. Он старался не смотреть на Пита. — Хочешь, отдай это своей старушке, Пит! Я ловил просто так, для забавы.

— Конечно, хочу! — с удовольствием ответил Пит. — Нет ничего вкуснее лещей, кроме разве что сига. Этих я собираюсь закоптить. Слушай, а что если я принесу тебе копченый олений окорок за этих лещей? Идет?

— Идет, — улыбнулся Хоган.

— Только это не сразу выйдет. Ходил на днях на охоту по северному берегу озера и ни одного оленя не видел. Что-то их отсюда спугнуло.

— Хорошо, — сказал Хоган, совершенно его не слушая. Он запустил мотор и отъехал от Пита, помахав ему рукой. — Рад был повидаться, Пит!

Проплыв два километра, он смог, хоть ненадолго, перестать думать о Джулии и сосредоточиться на последних словах Пита.

Сначала переключив мотор на самую низкую скорость, а затем и вовсе выключив его, он попытался привести свои мысли в какой-то порядок. С тех пор, как тот сосновый сучок ударил его по голове, лишив возможности окончательно рас-

квитаться с Зеленолицым, он его больше не видел и не находил никаких подтверждений своему подозрению, что тот все еще жив и, возможно, вырос еще больше. К северу от Четвергового озера до канадской границы протянулись две сотни километров деревьев, кустов и воды, изредка перемежаемые фермами и крошечными городками. Хоган иногда представлял себе, как Зеленолицый возвращается, так никем и не замеченный, хищный пожиратель мелкой лесной живности, лелеющий ненависть к человеку, который был так близок к тому, чтобы стать его убийцей.

Картина была малоприятная. Она заставила его убрать с дороги щиты с надписями, приглашающими посетить Рыболовный Кемпинг Мастерса и отправлять восвояси случайных туристов, иногда забредавших в его владения, несмотря на беспощадную бдительность Уитни Аллисона. Это также сделало невозможным всякую попытку объяснения с Джулией, поскольку ничего объяснить было невозможно.

Ход его размышлений был прерван раскатом грома. На восточной стороне неба нависали тяжелые черные тучи, и лодка мало-помалу придвигалась к берегу, подгоняемая волнами и ветром. Хоган запустил мотор и сделал полу-

круг, чтобы выйти на прямой курс до кемпинга. Проделывая этот несложный маневр, он заметил странный объект, медленно восставший из волны менее чем в ста метрах от него. С испугом он понял, что это было перевернутое дно маленькой лодки, и вспомнил о двух рыбаках, которых собирался предупредить о надвигающемся шторме.

Крошечная бухта, о которой упоминал Пит Джеффрис, располагалась поблизости, и, будучи занят своими мыслями, Хоган миновал ее, даже не заметив этого. Не было никаких особых причин полагать, что пьянчужки потерпели крушение, вероятно, они просто высадились на берег и бросили лодку на берегу, не оттянув достаточно далеко от воды, и потому она от первого же порыва ветра сползла обратно в озеро. Обойдя по кругу брошенное суденышко, чтобы убедиться, что именно так все и было, Хоган повернул обратно, чтобы подобрать незадачливых спортсменов и отвезти в кемпинг, пока гроза не закончится.

Достигнув относительно спокойных вод окруженной деревьями бухты, а так как она была мелководна и вся заросла травой и камышами, он приглушил мотор и медленно поплыл к берегу на веслах. Здесь было удивительно тихо, воздух казался влажным и жарким, особенно

после вольного ветра озера. Хоган заметил, что становится темно.

Он встал в своей лодке во весь рост и стал всматриваться в береговую линию поверх камышей, раздумывая, куда могли деться эти двое, и не могли ли они каким-то образом быть в своей лодке, когда она перевернулась.

— Есть здесь кто-нибудь? — неуверенно прокричал он.

Голос его эхом отозвался в скрипучих береговых соснах. Откуда-то с края бухты раздались всплески, вероятно, крупная рыба копошится среди камышей. Когда плеск прекратился, тишина вокруг стала почти осязаемой, и Хоган коротко вздохнул, словно ему не хватало воздуха.

На мелководье вновь раздался плеск, теперь уже ближе. Хоган обернулся на звук и нахмурился. Затем его брови озадаченно раздвинулись. Это была не рыба, а какое-то крупное животное: олень, медведь или даже лось. Странно, но оно направлялось именно к нему… Вытянув шею, он увидел, как верхушки камышей склоняются и трясутся уже в сотне метров от него, точно их раздвигает огромной воздушной волной, движущейся в его направлении. Больше ничего не было видно.

Затем он вдруг понял, что это, похолодев от внезапного и страшного прозрения. Упав на корму, он одним рывком запустил мотор на всю мощь. Когда лодка рванулась вперед, он пустил ее по кругу, чтобы не столкнуться с непроницаемой стеной камышей и взял курс прямиком на выход из бухты. Даже сквозь рев мотора, плеск и пенное шипение воды он отчетливо ощущал еще кое-что: эту пронзительную вибрацию нервов, слишком высокую, чтобы быть звуком, все лето преследовавшую его в воспоминаниях. Затем позади лодки раздался гигантский всплеск, раздался ужасающе близко, затем другой, третий. Он так никогда и не узнал, насколько близок был Зеленолицый к тому, чтобы поймать свою добычу, пока галопировал сквозь заросшую водорослями бухту. Только оказавшись далеко за ее пределами, он осмелился бросить через плечо перепуганный взгляд.

В этот момент он услышал, как кто-то кричит. Это был хриплый, протяжный предвестник смертельного ужаса. Внезапно он понял, что кричит сам.

В это время он уже был вне опасности. Зеленолицый прекратил преследование. Он стоял в камышах в сотне метров от него, полностью

видимый. Ухмыляющееся нефритовое лицо было обращено к Хогану, странно освещенное грозовым небом и покрытое алыми прожилками и лоскутками, которых раньше на нем Хоган не видел. Блестящая, текучая масса под лицом шевелилась, точно клубок полупрозрачных питонов. Он надменно возвышался надо всей бухтой, заставляя даже прибрежные сосны выглядеть карликами.

Он снова вырос, теперь в нем было никак не меньше десятка метров.

* * *

Шторм начался до того, как Хоган добрался до кемпинга, и бушевал всю ночь и весь следующий день. Поскольку под таким страшным ливнем ему ни за что было не отыскать чудовище, не пришлось ломать голову над тем, стоит ли пытаться убить Зеленолицего или нет. В любом случае, сказал он себе, пристально глядя в окно избушки на адскую смесь воды и ветра, ему не придется его искать. Оно вернулось за ним, и вскоре найдет дорогу к знакомым окрестностям кемпинга.

Ему даже чудилась в этом некая справедливость. Он был врагом чудовища ничуть не меньше, чем чудовище — его врагом. Пришло

время решить это противостояние тем или иным способом.

Кто-то сказал ему, вероятно, это был верный Пит Джеффрис, который с трудом пробрался к нему утром сквозь бурю, чтобы принести припасов, что тех двух считают утонувшими. Была найдена перевернутая лодка, и как только позволит погода, начнутся поиски тел. Хоган лишь кивнул, ничего не сказав в ответ. Пит внимательно изучал его во время разговора, и выражение его широкого, открытого лица становилось все тревожнее.

— Не надо тебе так много пить, Хоган! — неожиданно выпалил он. — К добру это не приведет! Моя жена сказал, что Джулия тебе очень нравилась. Мне надо было держать рот на замке… но ты бы все равно узнал.

— Конечно, узнал, — поспешно согласился Хоган. Он никогда не думал, что Пит считает, будто Хоган заперся здесь один, чтобы скорбеть по потерянной навеки Джулии.

— Я ведь тоже женился не на той девчонке, которая мне нравилась, — доверительно сообщил Пит. — Моя старушка, конечно, ничего не знает. Меня бросили так же, как и тебя. Ты должен просто выкинуть ее из головы, понятно?

Что-то шевельнулось в траве позади гаража. Хоган через окно наблюдал за этим шевелением краем глаза, пока не убедился, что это просто ветер терзает большой куст.

— Что? — переспросил он. — Ну, конечно! Я выброшу это из головы, Пит. Не волнуйся.

— Вот и хорошо, — ответил Пит сердечно, хотя и не совсем уверенно. — Приезжай к нам как-нибудь вечерком. Ничего хорошего не выйдет из того, что такой парень, как ты, сидит тут один как сыч.

Хоган пообещал приехать. Он действительно мог бы довольно много думать о Джулии, но по большей части его мысли были заняты Зеленолицым, и он давно уже не прикладывался к бутылке. Развязка могла наступить в любой момент, и когда это произойдет, он хотел быть готовым к ней как можно лучше. Винтовка и охотничье ружье, из которого он стрелял оленей, были заряжены и все время находились под рукой. Дорога к городу была затоплена, проехать по ней было невозможно, но как только она немного просохнет, он заложит на ней хороший запас динамита.

Тем временем буря бушевала день и ночь, затихая временами лишь ненадолго. Дошло до того, что Хоган уже не мог припомнить, сколько она

уже длится. Он спал урывками по ночам, а дни постепенно затуманивала накапливающаяся усталость. Это определенно была самая долгая череда дождя и ветра, в какую он когда-либо попадал. Вода с озера каждую минуту переливалась через настил главного причала, а другой причал у дальнего края ряда домиков начисто смыло волной. Повсюду вокруг кемпинга были повалены деревья, и земля была усеяна обломанными ветками.

Пока буря продолжалась, он не ждал появления Зеленолицего. Чудовище тоже пережидало непогоду, спрятавшись где-нибудь в густых лесах на берегу озера, насколько существо такого размера могло спрятаться. Он качал своей башкой, медленно пульсировал и ждал.

* * *

На восьмое утро буря начала стихать. Около полудня ветер сменился на южный, незадолго до заката тучи стали редеть, а над поверхностью озера появился туман. За несколько часов до того Хоган выгнал машину на дорогу, чтобы посмотреть, нельзя ли на ней пробраться в город. Спустя триста метров он повернул обратно. Дальше дорога представляла собой сплошное болото,

забаррикадированное упавшими деревьями. Несколько дней никто не сможет пробраться сюда.

На закате он вышел из избушки с топором и втащил на холм к югу от нее несколько поваленных берез. Во время этой операции он весь дрожал, и силы покидали его, но запас дров подходил к концу, а его следовало пополнить. Он вернулся в избушку, волоча охапку березовых поленьев, взглянул на расплывчатое желтое лицо, которое взирало на него с вечернего неба, и его бросило в пот от страха. За ту неделю, что ее не было видно, луна стала почти полной, а Хоган помнил, что при свете полной лупы Зеленолицый может передвигаться.

Он озабоченно посмотрел на небо. Тучи на горизонте таяли, вероятно, ночь будет необычайно ясной. Он стащил в погреб березовые поленья на просушку и сложил те поленья, что были у него в руках, горкой перед камином в большой комнате. Затем сварил остатки кофе и выпил без молока. Ему вновь стало не по себе.

Затем он обошел дом, закрывая ставни повсюду, где только можно, кроме окна, выходившего на луг. Высокие тополя, окружавшие дом с трех остальных сторон, могут послужить защитой от света, но луг сегодня ночью будет залит лун-

ным сиянием. Он попытался прикинуть время захода луны, но вскоре решил, что это не имеет значения, он дождется, пока она сядет, и затем отправится спать.

Он придвинул кресло поближе к открытому окну, из которого, поверх подоконника, ему будет хорошо видно открытое пространство, по которому мог подобраться Зеленолицый. Рядом с ним на столе лежало ружье, винтовку же, на которую было больше надежды, он держал на коленях. Открытая коробка с патронами и фонарь находились тут же, под рукой, на столе.

* * *

С приходом ночи все звезды, кроме самых ярких, померкли в светлом мерцающем небе. Луна стояла высоко, ее не было видно из-за крыши избушки, но зато луг просматривался до самого гаража и ледника.

Он дважды вставал, чтобы поддержать огонь, который распространял тепло и умиротворение. Вот уже во второй раз за ночь он подумал, что неплохо бы заменить кресло чем-то менее удобным. Действие кофе заканчивалось, захотелось спать. Время от времени волна мрачного предчувствия захлестывала Хогана, заставляя

выпрямиться и пуская вскачь пульс, но луг по-прежнему был безмятежен, ночь оживляли лишь хорошо знакомые ему домашние звуки: пение сверчка, жалоба козодоя и изредка — продолжительный вопль гагары, доносившийся с озера.

Страх постепенно слабел вместе с ним, и, наконец, бороться со сном стало невыносимо, даже думая о Джулии. В ту ночь она присутствовала в его мыслях почти физически, сидя напротив, за кухонным столом, откидывая назад непослушные волосы, листая почтовый каталог, ныряя с плота, который он поставил на якорь у причала, когда купальная шапочка туго облегала ее головку, а ремешок на подбородке обрамлял красивое, маленькое, упрямое лицо, словно рамка картину.

Красивая, но ужасно упрямая, подумал Хоган, клюя носом. Как в тот вечер, например, когда они в очередной раз поссорились, и Джулия спряталась среди пустых домиков на северном краю кемпинга. Хоган начал искать, но она долго не отзывалась, и к тому времени, когда ее, наконец, обнаружил, он был рассержен и встревожен. Поэтому направился к ней сквозь полутьму, не говоря ни слова, и тогда, единственный раз, Джулия его чуточку испугалась.

— Постой, Хоган! — прокричала она, задыхаясь. — Хоган, послушай…

Он отрывисто выпрямился, ее голос все еще звенел в ушах.

Залитый лунным светом пустынный луг расстилался перед ним, точно серебряный ковер, и выглядел совершенно безмятежно. Даже трели неутомимых сверчков не доносились оттуда на таком расстоянии. Должно быть, вздремнул немного, поскольку тень от дома чернела прямо под окном огромным квадратом. Луна уже заходила.

Хоган вздохнул, переложил ружье на другое колено и тут же снова замер. Он услышал что-то, сначала смутно, затем совершенно отчетливо: с внешней стороны запертой двери доносилось слабое царапанье, и затем задыхающееся хныканье кого-то, кто слишком ослабел, чтобы крикнуть.

Хоган облизал губы и прислушался. В следующий миг волосы зашевелились у него на голове.

— Хоган… Хоган… ну, пожалуйста, Хоган!

Этот беззвучный вопль мог исходить из затемненной комнаты позади него или же доносился откуда-то издалека, ошибки быть не могло. Хоган попытался что-то сказать, но губы не слушались,

руки неподвижно лежали на винтовке, точно парализованные.

— Хоган… пожалуйста! Хоган!

Он услышал, как кресло с легким стуком опрокинулось. Он словно во сне поспешил к двери и онемевшими пальцами попытался преодолеть упрямое сопротивление замка.

* * *

— Какой ужас! Какой ужас! Он там, на лугу! Я думала, это… дерево! Я ведь не сошла с ума, не сошла, правда, Хоган?

Отрывистый задыхающийся шепот продолжался, пока Хоган не остановил его, приникнув губами к ее рту и, почувствовав, как она расслабляется в мужских объятьях. Он закрыл дверь, взял Джулию на руки и отнес к кушетке у камина. Однако когда он попытался отпустить руки, она прижалась к нему так крепко, что вместо этого ему пришлось присесть на кушетку вместе с девушкой.

— Тише, тише! — пробормотал он. — Нет, ты не сошла с ума… нам лучше не шуметь. Как ты сюда попала? Ведь дороги…

— На лодке. Мне нужно было узнать, — голос ее зазвучал тверже. Она смотрела прямо ему в

глаза, слегка наклонив голову в направлении двери. — Это тот самый, который…

— Да, тот самый. Сейчас он стал намного больше.

Должно быть, Зеленолицый стоял у самого края тополиной рощи, если, когда она шла от причала, ей показалось, что он стоит на лугу. Хоган продолжал тихо говорить, пытаясь все объяснить. Теперь, когда Джулия была здесь, нечего было и думать о том, чтобы попытаться остановить его при помощи ружейных пуль и дроби. Это была совершенно безумная идея, настоящее самоубийство. Но они смогут убежать от него, если будут осторожны и держаться тени.

Выражение ужаса нарастало в глазах Джулии, пока она слушала, пальцы больно впивались ему в плечо.

— Хоган, — вдруг перебила она, — он такой огромный, с дерево, даже выше!

Он непонимающе нахмурился. Затем выражение лица Джулии изменилось. Он знал, что оно всего лишь отражает выражение его собственного лица.

Она прошептала:

— Он, наверное, уже миновал деревья!

Хоган гулко сглотнул.

— Он, наверное, уже рядом с домом! — голос Джулии уже не понижался до шепота, и он закрыл ей рот рукой.

— Разве ты не чувствуешь его запах? — прошептал он прямо ей в ухо.

* * *

Конечно, это был Зеленолицый, собственной персоной. Знакомый дух просачивался внутрь легких, становясь все насыщеннее, пока воздух окончательно не наполнился гниением тропических болот, влажной, отвратительной, трупной сыростью. Хоган спустил Джулию с колен.

— Погреб, — прошептал он. — Там темно, совершенно темно, никакой луны, никакого света, ничего. Понимаешь? Иди туда, только тихо, а я сначала погашу камин.

— Я тебе помогу! — в этих трех словах, казалось, сосредоточилось все своенравие Джулии, и Хоган стиснул зубы, изо всех сил борясь с желанием дать упрямице хорошего тумака. Словно удесятеренное эхо этого импульса, стену избушки прямо над дверью потряс звучный, тяжеловесный удар.

Они оба посмотрели туда, не в силах двинуться с места. Дом затрясло. Стены избушки были крепкими, но продолжительный звон стекла

свидетельствовал о том, что все окна на этой стороне разбились почти одновременно, несмотря на то, что были защищены ставнями. Проклятое чудовище, подумал Хоган. Оно и вправду пришло за мной! Если оно выбьет дверь…

Способность двигаться вернулась к ним почти одновременно. Оба мгновенно и неуклюже скатились с кушетки и рванулись прямо к ступеням погреба. Раздался еще один разрушительный удар, за спиной у Хогана подпрыгнул телефон. Он оглянулся, держась рукой за перила.

Входную дверь отсюда не было видно. Огонь ревел и плясал в камине, словно ему нравилось, когда его так грубо трясли. Голова оленя, на чьих рогах можно было насчитать восемь отростков, упала со стены и лежала у огня; отсвечивающие красным стеклянные глаза зловеще уставились на Хогана. Больше ничего не изменилось.

— Хоган! — крикнула из темноты Джулия, стоявшая у основания лестницы. Он услышал, как она начала подниматься обратно, и повернулся, чтобы велеть ей ждать внизу.

В это время Зеленолицый выбил дверь.

Дерево, стекло и металл влетели внутрь с неописуемым звуком, точно их взорвали. За этим последовали более умеренные шумы, потом

наступила тишина. Хоган услышал, как Джулия внизу задержала дыхание. Больше ничего не произошло.

В лицо Хогану подул холодный ветерок. Затем раздалось тяжелое царапанье, и снова звон разбитого стекла.

— Хоган! — всхлипнула Джулия. — Спускайся скорее! Он сейчас прорвется внутрь.

— Он не сможет! — едва выдохнул Хоган.

Точно в ответ на его слова, фундамент избушки под ним слегка задрожал. От дерева полетели увесистые щепы, послышался скрип расходящихся бревен. Тряска продолжалась и теперь распространилась на все здание. Вдруг из-за угла той самой стены, что закрывала Хогану обзор на входную дверь, что-то тяжело и влажно шлепнуло об пол. Зеленолицый с трудом, точно барахтающийся на суше кит, проникал в дом.

* * *

В самом низу лестницы Хоган зацепился ногой за моток проволоки и едва не свалился прямо на Джулию. Она вцепилась в него, вся дрожа.

— Ты его видел?

— Только голову, немного! — Хоган вел девушку за руку по темному проходу в погреб, затем

за угол.

— Стой здесь… — он начал нащупывать замок на входной двери в погреб.

— Что нам делать? — спросила она.

Деревянные балки взревели и затрещали у них над головой, прервав его ответ. Несколько секунд они всматривались в темноту, замерев в ожидании, думая об одном и том же. Затем Джулия издала нервный смешок.

— Хорошо, что пол двойной!

— Это камин, прямо над нами, — сказал Хоган. — Интересно…

Он приоткрыл дверь и выглянул наружу.

— Посмотри!

Слабый отсвет камина оттенял разрушенную стену избушки. Пока они смотрели, огромная, бесформенная тень загородила собой свет. Они отпрянули назад.

— Хоган! Какой ужас!

— Кошмар, — согласился он, едва шевеля сухими губами. — Ты ничего такого забавного не чувствуешь?

— Что не чувствую?

Он прижал кончики своих пальцев к ее вискам.

— Вот здесь! Такое странное шипение? Его как

бы почти слышишь.

— Ах, да! Слышу! Что это?

— Нечто такое, что делает эта тварь. Однако ощущение обычно бывает сильнее. Он провел под дождем и на холоде целую неделю. Солнца вообще не было. Я должен был подумать об этом. Ему нравится огонь. От тепла он становится активнее, поэтому мы слышим шипение.

— Бежим, Хоган! Я перепугалась до смерти! Мы можем добраться до лодки.

— Может быть, — ответил Хоган. — Но он не даст нам далеко уйти. Как только он услышит шум двигателя, он тут же отрежет нам путь, мы не успеем даже выйти из бухты.

— О, нет! — сказала она испуганно, затем задумалась. — Но что же нам делать?

— Сейчас, — сказал Хоган, — он занят тем, что впитывает в себя тепло. Это позволяет нам выиграть немного времени. У меня есть идея, Джулия, пообещай мне, всего один раз, что ты молча останешься здесь и не станешь ни звать меня, ни делать еще какие-нибудь глупости?

— Зачем? Куда ты идешь?

— Я не уйду из погреба, — успокаивающе сказал Хоган. — Милая, послушай, сейчас не время спорить. Эта тварь наверху в любой момент может

приняться искать нас, и, судя по тому, что произошло с фасадом, он может разнести весь дом… Обещай мне, или я просто не знаю, что делать.

— Обещаю, — с недовольным вздохом произнесла она.

* * *

Хоган несколько минут делал что-то в центре подвала. Когда он вернулся, Джулия все еще стояла у входной двери, где он ее оставил, осторожно поглядывая по сторонам.

— Он почти не двигался, — сообщила она несколько подавленным тоном. Затем девушка прошептала в темноте.

— Что ты делал?

— Откупоривал баки с керосином, чтобы разлить его вокруг.

— Я почувствовала запах керосина, — она помолчала немного. — А где будем мы?

Хоган приоткрыл дверь чуть шире и показал на домик за первым рядом тополей.

— В том домике. Если он знает, что мы здесь, а я думаю, что он это знает, мы успеем туда добежать, пока он развернется, чтобы броситься за нами вдогонку.

Джулия не ответила, и он снова нырнул в тем-

ноту. Внезапно она заметила на оштукатуренной стене прохода отсвет белой вспышки, и поняла, что это Хоган поджигает бумагу. Керосиновые пары вырвались наружу со слабым гулом и языками желтого пламени. Гулкие разрывы приглушенно прогремели в различных частях погреба. Затем Хоган вышел из-за двери прохода, закрыл дверь и повернулся к ней:

— Огонь разрастается! — сказал он. — Думаю, нам лучше потихоньку уйти…

* * *

— Похож на человека, правда, Хоган? На огромного, больного, страшного старика!

Джулия произнесла эти слова шепотом, голос ее дрожал, и Хоган ободряюще обнял девушку за плечи. Шипение, казалось, стало громче, возрастая и убывая, словно энергия производившего его создания набиралась и уходила волнами. Из угла окна домика, из-за деревьев, им был виден фасад избушки. Коробка массивной входной двери была вырвана напрочь, бревна над ней разошлись, так что значительная часть гостиной была видна, освещаемая слабым огнем камина. Зеленолицый заполнял собой почти все пространство внутри, медленно склонясь к огню огромной головой.

В его облике действительно просматривалось нечто напоминающее человека, а точнее, кошмарную карикатуру на человека.

Но внимание Хогана было приковано к окнам погреба, которые были отлично видны. Оба светились мерцающим огнем пожара, который он устроил, дым вился вокруг тополей, поднимаясь над дальней стороной избушки, где окна были предусмотрительно открыты, чтобы создать приток свежего воздуха. Огонь уже подавал голос, низкий, растущий рев, который смешивался в голове Хогана с беззвучным свидетельством того, что Зеленолицый возвращается к жизни.

Это было похоже на гонку между ними: либо огонь, столь искусно разведенный под перекрытием пола избушки, поймает чудовище в ловушку, либо чудовище, согретое его теплом, усилит бдительность, почует опасность и сможет сбежать. И если чудовище сбежит…

Все произошло внезапно, в одно ослепительное мгновение.

Зеленолицый повернул голову в сторону от камина и тяжеловесно отпрянул назад. Почти мгновенно он стал невидимым. При этом Джулия издала придушенный вскрик. Хоган рассказывал ей об этом, но увидеть своими глазами — было

совершенно другое дело.

В тот самый момент, когда очертания Зеленолицего затуманились, дощатый пол в гостиной дома прогнулся, раскололся и рухнул в подвал, и освобожденное пламя с ревом рванулось вверх. На несколько секунд вибрация в голове Хогана превратилась в пронзительный мученический вой, невыносимую, но кратковременную боль.

К тому времени они с Джулией уже выбежали из своего укрытия и, спотыкаясь, бежали к озеру.

* * *

Лодка со спасательной станции на южном берегу Четвергового озера, пыхтя изо всех сил, прибыла на место лишь через сорок минут, прихватив с собой средства тушения. Пит Джеффрис, прошлепав пешком по заболоченному лесу, прибыл примерно в это же время, чтобы узнать, что произошло в кемпинге Хогана. Однако уже ничего нельзя было поделать. Избушка превратилась в ревущий костер, спасти ее было невозможно. Хоган заявил, что она не застрахована, и что он все равно собирался ее снести и построить на этом месте новое здание. Все остальное вокруг было слишком пропитано влагой после недельного ливня, и разлетавшиеся во все стороны искры

опасности не представляли. Пожарные просто постояли вокруг, пока пламя не утихомирилось до мутного багрового мерцания. Они его затушили, а затем лодка отчалила вместе с Питом. Хоган и Джулия не смогли объяснить, почему начался пожар, но при подобных обстоятельствах это уже не имело значения. Если кто-то и был удивлен присутствием Джулии Аллисон здесь, то оставил свое удивление при себе. Однако, без сомнения, это событие будет надлежащим образом прокомментировано в городе.

— Твоему папе это не понравится, — заметил Хоган, когда шум двигателя затих над озером.

— Папе придется с этим смириться, — ответила Джулия и, возможно, она была чересчур категорична.

Несколько секунд она внимательно смотрела на Хогана.

— Я думала, что между нами все кончено, Хоган! — добавила она. — Но затем я решила вернуться и увидеть все собственными глазами.

— Увидеть собственными глазами, не сошел ли я с ума? Знаешь, я не могу тебя в этом упрекнуть. Сам за эти недели не раз задумывался над этим.

Джулия покачала головой.

— Сошел ли ты с ума или нет, это не самое глав-

ное, — сказала она.

— Тогда что для тебя самое главное?

Она улыбнулась, подошла к нему и крепко обняла. Последовало длительное молчание.

— А как же твоя помолвка в городе? — наконец спросил Хоган.

Джулия посмотрела ему в глаза.

— Я разорвала ее, как только поняла, что возвращаюсь.

До рассвета оставалось еще около часа. Они пошли обратно к почерневшей, искореженной груде, которая еще совсем недавно была избушкой, и долго молча смотрели на нее. Погребальный костер Зеленолицего сделал бы честь и верховному предводителю викингов.

— Как думаешь, не могло ли что-нибудь от него остаться? — тихо спросила Джулия.

— После такого пожара? Сомневаюсь. Как бы то ни было, до весны мы не будем здесь ничего строить. К тому времени нам уже ничего не придется объяснять, это уж точно. Мы можем провести зиму в городе, если хочешь.

— Мне отлично подойдет один из этих милых домиков.

Хоган усмехнулся.

— Знаешь, и мне это подходит!

Он вновь посмотрел на пожарище.

— Видишь ли, это чудище вовсе не был таким уж жаропрочным. Просто огромная студенистая масса, медуза из тропиков. Зима все равно убила бы его. Эти красные пятна, которые на нем появились — явные признаки разложения. Здесь у него не было никаких шансов выжить.

Она вопросительно взглянула на него.

— Тебе его, случайно, не жалко?

— Ну, может, и жалко, — Хоган раздавил ногой кусочек угля и нахмурился. — Он был просто непомерно разросшимся уродцем, чужаком, который стремился уничтожить все в мире, который ему не подходил, и в котором он мог лишь передвигаться на ощупь, причинять зло и, в конце концов, погибнуть. Интересно, насколько умен он был на самом деле и насколько осознавал, в каком положении оказался.

— Прекрати думать об этом, — коротко приказала Джулия.

Хоган усмехнулся:

— Ладно.

— И поцелуй меня, — добавила она.

ПСИ-ПРЕСТУПНИК

После полудня из факультетского кафе Кливерского университета через небольшую боковую дверь вышли мужчина и женщина. Они неспешно проследовали по залитому ярким солнечным светом двору к прозрачным дверям, закрывающим вход в туннель под массивной белой стеной, за которой жил своей странной жизнью граничащий с университетом Кливерский космопорт.

Когда они дошли до середины двора, сканирующее устройство, размещенное в стене, сфокусировало на них свое внимание, перебирая одновременно огромное количество зарегистрированных в его памяти человеческих образов, а также соответствующие им данные. Приближающиеся в данный момент к прибору образы принадлежали стройной девушке среднего роста, двадцати шести лет, обладающей копной блестящих волос, цвет которых варьировался от каштанового до медного, и глазами, чей цвет варьировался от голубого до серого при неизменно спокойном выражении лица. Ее звали, как определил сканер среди прочих деталей, Арлен Маргарет Рольф. Род занятий — микромашино-

строитель. Статус доступа — ВХОД РАЗРЕШЕН.

Спутник мисс Рольф, мужчина лет тридцати, рыжеволосый, мощного телосложения, с очень выпуклым лбом над глубоко посаженными глазами и ржавого цвета кустистыми бровями, имел слегка, но, по-видимому, привычно хмурый вид. Его имя также значилось в списках: доктор Фрэнк Дин Хардинг. Род занятий: геолог-океанолог. Статус…

На этом пункте в логических цепях сканера возникло странное замешательство, хотя и не настолько явное, чтобы серьезно встревожить контрольный механизм. Затем он вынес решение: ВХОД ВОСПРЕЩЕН. Крупная красная светящаяся надпись соответствующего содержания тут же проявилась на стеклянной поверхности дверей.

ОСТОРОЖНО — СОМАТИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ!
Вход только для имеющих доступ.

Мужчина посмотрел на надпись и сурово заметил:

— Приветственные флаги уже вывешены! Интересно, сможет ли здешний монитор меня идентифицировать.

— Вероятно, сможет, — откликнулась Арлен. — Ты был здесь уже два раза…

— Три, — поправил Фрэнк Хардинг. — В первый раз я побывал здесь после того, как узнал, что ты удалилась в этот монастырь. С тех пор прошло почти два года, не так ли? — спросил он.

— Почти. Как бы то ни было, ты зарегистрирован в университетских файлах, а именно там в первую очередь справляются об не имеющих доступ индивидах, которые показываются в этом дворе.

Хардинг бросил на девушку быстрый взгляд:

— А в отношении объекта Лоури они так же осторожны?

— Будь спокоен, точно так же, — ответила Арлен. — Если бы меня с тобой не было, уже появился бы охранник и предупредил, что ты приближаешься к зоне, куда доступ ограничен, а затем чрезвычайно вежливо поинтересовался, чего тебе здесь надо.

— Подумаешь, — проворчал Хардинг. — Скажи, за тобой кто-то следит, когда ты выходишь с объекта?

Она пожала плечами.

— Сомневаюсь. Зачем? Я никогда не выхожу за территорию университета, и все мои секреты здесь, со мной, в полной безопасности. Я вовсе не похожа на болтушку. Кроме того, те, кто меня

знает, не задают лишних вопросов о Бене Лоури и обо мне, — она задумалась. — Знаешь, кажется, прошло почти полгода с тех пор, как кто-то зашел так далеко, что в моем присутствии упомянул о диекс-энергии!

— Тебе не кажется, что со временем эта работа начинает выглядеть несколько устаревшей? — спросил Хардинг.

— Ну, не знаю, — ответила Арлен. — Работать с доктором Беном мне никогда не наскучит, но дело, конечно, сильно затянулось. Но скоро оно будет закончено.

Хардинг взглянул на часы:

— Когда это произойдет, Арлен, черкни мне пару строк. Может, к тому времени я смогу позволить себе держать в штате собственного классного микромашиностроителя.

— Под куполом на дне какого-нибудь океана? — рассмеялась Арлен. — Звучит весьма заманчиво, как-то уютно… Однако эта перспектива не намного лучше, чем Кливерский космопорт, верно? Ты возвращаешься на побережье сегодня?

— Если полечу дневным рейсом, — он тронул ее за плечо. — Ну, иди. Я намерен сначала проводить тебя — посмотрю, как ты пройдешь соматический барьер.

— Зачем? Думаешь, он может ошибиться и схлопнуться?

— Такие случаи бывали, — хмуро ответил Хардинг. — И, насколько я знаю, это один из наименее приятных видов смерти.

Арлен безмятежно ответила:

— Последняя авария такого рода произошла более трех или четырех лет назад. С тех пор охранные механизмы были значительно усовершенствованы. Я хожу туда-сюда несколько раз в неделю.

Она достала из сумочки маленький ключик и вставила в замочек на прозрачной двери. Дверь скользнула в сторону на расстояние примерно метра и остановилась. Арлен Рольф сделала шаг внутрь и повернулась к Хардингу.

— Вот и все! — сказала она. — Просто легкий звон! Если бы не хотели пропустить меня, я уже валялась бы на земле, корчась в судорогах. Пока, Фрэнк! Увидимся месяца через два-три, да?

Хардинг кивнул:

— Возможно, даже скорее, если получится. До свидания, Арлен.

Он подождал немного, наблюдая, как стройная фигурка скрылась за дверью. Дверь бесшумно закрылась. Арлен обернулась и помахала ему

рукой из-за стекла, затем исчезла.

Доктор Фрэнк Хардинг сунул руки в карманы и направился обратно, хмурясь безо всякой причины.

Гостиная в апартаментах, отведенных доктору Бенджамену В. Лоури на островке безопасности Кливерского космопорта, была просторной и обставлена почти роскошно. В отличие от примыкающего к ней офиса и рабочим помещениям, в ней всегда царил уютный беспорядок. Между этим комплексом помещений и человеком, занимавшим их вот уже два года, существовало определенное сходство. Доктор Лоури, ведущий авторитет в относительно новой области диекс-энергии, был человеком крупного сложения и беспечных, если не сказать откровенно беспорядочных привычек в быту, будучи в своей работе дьявольски аккуратным.

В данный момент он сидел, развалившись в кресле, теребил пальцем верхнюю губу и уныло пялился в бледно-желтый экран видеофона, который заполнял собой всю южную стену гостиной. Время от времени он переводил взгляд на узкий, длиной около метра, полированный ящик черного дерева, стоящий на столе. Когда экран видеофона совершенно очистился, и на

нем воцарилась незамутненная белизна, доктор Лоури нахлобучил на нос очки в легкой оправе и выжидающе выпрямился в кресле. Затем сурово нахмурил брови.

— А теперь послушай внимательно, Велдон! — начал он.

Мгновенно на экране видеофона заиграли краски, намереваясь изобразить интерьер некоего помещения. Низкорослый, крепко сбитый мужчина в элегантном деловом костюме присел за письменный стол, приятно улыбнулся и спокойно посоветовал:

— Расслабься, Бен! Насколько я знаю, они просто демонстрируют нам свои мускулы. Мистер Грин только что велел предупредить тебя, что я буду присутствовать при вашем с ним видеофонном разговоре.

— Что сделал мистер Грин?!

Человек в деловом костюме затараторил:

— Он уже на связи, Бен!

Его руки скользнули со столешницы, а краски, изображавшие его, равно как и комнату, увяли до обычного бледного цвета видеоэкрана. Вместо него появилось изображение третьей комнаты — на доктора Лоури в упор смотрел человек в темных очках.

Кивнув, он заговорил в оживленной и приятной манере:

— Доктор Лоури, минуту назад я получил ваше сообщение. Как уведомил вас, без сомнения, полковник Велдон, я попросил присутствовать его во время нашей дискуссии. Мне необходимо высказать некоторые аспекты и, надеюсь, это сэкономит нам массу времени. Насколько я понимаю, доктор, ситуация состоит в следующем: ваша работа над проектом продвигалась вполне успешно до того момента, который получил название «Четвертой стадии». Все верно, не так ли?

— Это так, сэр — чопорно ответил Лоури. — Без опытного телепата дальнейшее продвижение вряд ли возможно. Однако полковник Велдон счел необходимым предъявить нам некоторые новые и, я бы сказал, просто удивительные условия. В том виде, в каком они были поставлены, я нахожу их совершенно неприемлемыми и…

— Доктор Лоури, вы имеете полное право протестовать против этого волюнтаристского вмешательства в работу, которую вы столь самоотверженно вели все это время, выполняя распоряжение своего правительства, — одна из наиболее известных особенностей ведения диалога мистером Грином состояла в том, что он

умел перебить собеседника, оставляя при этом впечатление, что вовсе этого не делал. — Далее, вероятно, вам будет приятно узнать, что полковник Велдон действует в рамках данного проекта в качестве моего личного представителя, и что мне было известно о предложенных условиях еще до того, как они были предъявлены вам?

Доктор Лоури подумал и сказал:

— Боюсь, что это не слишком приятное известие. Я достаточно хорошо знаю Велдона, чтобы не сомневаться в том, что он действует по чьей-то указке. Я…

— Вам кажется, — задушевно продолжил мистер Грин, — что здесь замешаны некие сторонние соображения, о которых следовало бы поставить вас в известность?

Лоури помедлил немного, затем сухо сказал:

— Если президент Соединенных Штатов уже принял окончательное решение по этому вопросу, мне придется только подчиниться.

Лицо на экране мягко произнесло:

— Я решения еще не принял.

— Тогда, — откликнулся Лоури, — мне кажется, что желательно было позволить лично мне решать, являются ли подобные соображения столь сторонними, как это может показаться…

— … тем, кто не разрабатывал конструкцию проектора мысленной диекс-энергии, кто не руководил постройкой его модели и не проводил длительные серии предварительных экспериментов, — закончил за него мистер Грин. — Ну что ж, возможно, вы правы, доктор. Вы, естественно, лучше любого информированы о конечном потенциале аппарата, — рот мистера Грина на мгновение искривился в легчайшей улыбке. — Как бы то ни было, мы желаем и далее работать с вами в атмосфере чистосердечного сотрудничества. Поэтому полковник Велдон уполномочен сообщить вам те подробности создавшейся ситуации, какие вы сочтете необходимым узнать. Кроме того, он сделает это прежде, чем будут предприняты какие-либо последующие шаги. Возможно, мне стоит предупредить вас, что информация, с которой вы ознакомитесь, вряд ли добавит вам спокойствия. Итак, доктор Лоури, вас удовлетворяет подобное решение?

Лоури кивнул.

— Да, сэр, удовлетворяет. За исключением одной детали.

— Понятно. Велдон, не будете ли вы так любезны отключиться от нашего разговора. Я перезвоню вам через минуту.

Комната полковника Велдона исчезла с экрана видеофона. Мистер Грин подошел к сейфу, встроенному в стену, открыл массивную дверцу, стоя спиной к доктору Лоури, и повернулся обратно к экрану, держав руке маленький, отполированный до блеска металлический диск.

— В этой связи я был бы весьма вам признателен, — заметил он, — если вы сочтете возможным снабдить меня еще несколькими подобными устройствами.

— Буду очень рад сделать это, сэр, — ответил доктор Лоури. — После того, как закончу свое нынешнее задание.

— Да… а вы не любите рисковать, так же, как и мы, — мистер Грин поднял руку, держа диск параллельно экрану. Спустя мгновение свет в гостиной доктора Лоури померк, обратившись в густое пурпурное марево, затем восстановился постепенно.

Мистер Грин опустил руку:

— Вы уверены, что я тот самый человек, за которого себя выдаю?

Лоури кивнул.

— Да, сэр, уверен. Насколько я могу знать, невозможно дублировать диекс-эффект, это теоретически невозможно.

Арлен Рольф быстро шагала по проходу между внутренней и внешней стенами, окружающими Кливерский космопорт. Вокруг не было ни души, и стаккато ее туфель на высоких каблуках, соприкасаясь с плитами из светло-зеленого стеклмрамора, звенело в полной тишине. То, что она видела вокруг, напоминало пропеченную солнцем и опустевшую крепость. Девушка подошла к невысокой лестнице из двух пролетов и поднялась на широкую, безлюдную платформу, высотой вровень с внутренней стеной.

Кливерский космопорт расстилался слева от нее, абсолютно пустой прямоугольник, два десятка квадратных километров мягко поблескивающего стеклмрамора с единственным исключением в виде узкого белого шпиля контрольной башни у дальнего края. Строительство космопорта началось за год до рождения Арлен в рамках межпланетной Программы Колонизации, осуществление которой впоследствии практически замерло на месте из-за хронического недостатка фондов и прочих многочисленных бедствий. Кливерский космопорт так и остался недостроенным: ни один корабль не поднялся с его отполированной до блеска поверхности, ни один не опустился на нее.

Прямо и направо от Арлен, под платформой, расстилалось полтора квадратных километра зеленой лужайки. По ней медленно передвигались по кругу автоматические охранники, около половины из них излучали вокруг себя радужное сияние, ритмично извергая по сторонам тоненькие струйки из опрыскивателей. Прошло два года с тех пор, как Арлен впервые увидела лужайку, и за это время на нее ни разу не ступила нога человека. У ее дальней границы виднелась группа приземистых рабочих построек. Там были люди, но немного. Именно там находился и тот островок безопасности, где доктор Лоури создавал свой диекс-проектор.

Арлен проследовала по платформе и прошла в здание без единой двери сквозь звон еще одного соматического барьера. В дальнем конце короткого холла виднелась узкая дверь, над которой красовалась надпись МЕЖПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПЕРЕХОД. За дверью находилась маленькая, квадратная, слабо освещенная комнатка. Мисс Рольф вошла внутрь и присела на один из стульев, расставленных вдоль стен. Спустя мгновение дверь беззвучно закрылась, и в комнатке стало темно.

Примерно на десять секунд Арлен Рольф оказалась в полной темноте. Ей пришло в голову, что

она настолько отделена от своего тела, что не в состоянии получать никаких сигналов от органов чувств. Затем в комнатке вновь зажегся свет, и сигналы вернулись. Она встала, поправила юбку и с улыбкой заметила, что снова сдерживала дыхание. Это происходило с ней каждый раз, когда она следовала по переходу, и как бы не убеждала себя Арлен дышать нормально, это никак не могло повлиять на подсознательную реакцию организма. Дверь открылась, девушка подхватила сумочку и прошла в холл, который был просторным, хорошо освещен и вообще во всех отношениях отличался от того, который она миновала при входе.

На экране, занимавшем всю стену, появилось изображение человека в униформе, он улыбнулся и сказал:

— Доктор Лоури попросил вас, мисс Рольф, по возращении сразу зайти прямо к нему в лабораторию.

— Спасибо, Макс, — прозвучал ответ. Она никогда лично не встречалась ни с Максом, ни с другими представителями славной когорты сотрудников, задействованными в проекте, хотя все они должны были располагаться где-то в этом здании. Экран почернел, и она пошла по длинно-

му коридору без окон, и звук ее шагов по толстому ковру вновь едва ли мог нарушить гробовую тишину, царящую вокруг. Все это, подумала она, похоже на безупречно чистую, великолепно ухоженную, но абсолютно пустую гостиницу.

Арлен нажала кнопку звонка на двери апартаментов доктора Лоури и остановилась в ожидании. Когда дверь открылась, она привычно направилась вперед, но затем удивленно замерла на месте.

— Ах, так это вы, полковник Велдон, — сказала она, — ну, здравствуйте! Не знала, что вы пожалуете к нам на объект сегодня.

Ее вопрошающий взгляд остановился на докторе Лоури, который стоял в центре комнаты, глубоко засунув руки в карманы.

Лоури сухо ответил:

— Входите, Арлен. Для меня визит полковника тоже явился сюрпризом, причем не самым приятным. В соответствии с приказами, спущенными нам с самого верха, с которыми мне, кстати, только что пришлось согласиться, наша программа исследований должна быть подвергнута самым радикальным изменениям. Они включают в себя, кроме всего прочего, отстранение нас от управления ходом разработок проекта.

— С какой стати? — в недоумении спросила она.

Доктор Лоури пожал плечами:

— Спросите у Ферриса. Он только что прибыл по своему частному переходу и должен нам все объяснить.

Феррис Велдон, заперев дверь за Арлен, ответил на эту реплику улыбкой:

— Именно так и, пожалуйста, вы оба, позвольте же мне сделать это. Но для начала давайте присядем. Естественно, что вы недовольны… и в том, что произошло, нисколько не виноваты. Но клянусь, что обосную абсолютную необходимость такого шага.

Он подождал, пока они сядут:

— Одна из причин, хотя и далеко не единственная, заставившая прервать вашу работу именно на данной стадии, состоит в том, чтобы уберечь от серьезной опасности, грозящей вам лично.

Доктор Лоури широко раскрыл глаза:

— И что все это значит?

— Бен, как формулировалась цель проекта, когда ты за него взялся? — вместо ответа спросил Феррис Велдон.

Лоури неуверенно ответил:

— Создание прибора, работающего на диекс-

энергии, который обеспечивал бы надежную ментальную связь с любым конкретным индивидом на Земле.

Велдон покачал головой:

— Нет, мой дорогой, вовсе нет.

Арлен Рольф издала короткий смешок:

— Он прав, Бен, — сказал она, посмотрев на Велдона, — гипотетической целью проекта было создание прибора, который позволил бы телепатам вашего департамента, полковник, достаточно надежно идентифицировать социально опасного врага человечества номер один, или, что то же самое, телепата-преступника, обладающего несколькими дополнительными характеристиками.

— Это немного разные вещи, не так ли? — сказал Велдон. — Вы помните эти характеристики, мисс Рольф?

— А разве это так важно? — спросила девушка. — Ну, что ж, хорошо… упомянутая мною гипотетическая личность является также опасным и невероятно одаренным гипнотизером. Если потревожить его обычной телепатической проверкой или приблизиться к нему физически на расстояние около километра, то он способен ментально вывернуть вас наизнанку, причем

сделать это мгновенно, если такова его цель. Он абсолютно беспощаден и совершил бесчисленное количество убийств. Он может оказаться как человеком совершенно неизвестным, так и публичным политиком, который скрывает свои способности… Он способен имитировать других людей… Он в значительной мере ответственен за то, что за истекшую четверть века межпланетная Программа Колонизации буквально так и не оторвалась от земли…

Она добавила:

— Вот и все, что я помню. Подробности записаны в наших файлах. Мне открыть их?

— Нет, — ответил Феррис Велдон, — в вашем ответе содержится почти все.

Доктор Лоури раздраженно перебил его:

— К чему весь этот фарс, Велдон? Уж не думаете ли вы, что кто-то из нас способен принять вашего телепата-преступника всерьез…

— А почему бы нет?

Лоури пожал плечами.

— Да потому, разумеется, что это очередная сказочка, сочиненная правительством. Я ничего против них не имею, если они служат для описания существа проблемы, не раскрывая при этом сути. В этом случае атмосфера секретности,

которой окутан проект, в значительной степени проистекает из опасений по поводу реакции различных слоев населения на то, что проектор легко можно превратить в устройство для контроля над мышлением.

Велдон спросил:

— Вы действительно думаете, что именно в этом состоит цель создания проектора?

— Если бы я так и полагал, то все равно ничего не смог бы с этим поделать. Так уж получилось, что я испытываю стойкое убеждение в честности нашего правительства, хоть не могу сказать того же о его здравом смысле. Однако не все разделяют подобные взгляды.

Феррис Велдон зажег сигарету, резким движением затушил зажигалку и через секунду спросил:

— Однако вы поверили этой сказочке?

— Конечно, нет.

Велдон взглянул на мисс Рольф.

— А вы, Арлен?

Она почувствовала себя неловко.

— Я тоже не поверила, конечно. Возможно, я не столь уверена в этом сейчас, ибо у вас должны были появиться веские причины для того, чтобы вспомнить о ней. Однако есть вещи, совершенно

лишенные смысла. Если…

Доктор Лоури вновь перебил:

— Можно один вопрос, Велдон? Если какой-нибудь этакий, злонамеренный телепат действительно существует, какой ему резон вставлять палки в колеса нашей Программе Колонизации?

Велдон выпустил два великолепных колечка дыма, и проследил за их вознесением к потолку одобрительным взглядом.

— После того, как вы узнаете еще кое-что, сможете сами ответить на свой вопрос, — сказал он. — А ведь именно проблемы, связанные с Программой, и навели нас на след этого преступника. Хотя в те годы мы этого даже не поняли. Четырнадцать лет назад… Тебе доводилось когда-нибудь работать с ДЕДКОМом, Бен?

Лоури фыркнул.

— Доводилось и не раз… причем я после этого зарекся когда-либо еще с ним работать! Если правительство предпочитает в своих заключениях основываться на фантастической мешанине абсолютно нереальных предположений, то тогда дедуцирующий компьютер, эта вычислительная машина, ему сильно поможет…

— Ну, не надо, — неодобрительно заметил Феррис Велдон, — правительство не слишком-то

увлекается рекомендациями ДЕДКОМа, разумеется. Однако факт остается фактом: компьютер мыслит абсолютно логично, обладает энциклопедическими познаниями, и не испорчен здравым смыслом, что в совокупности иногда приводит к поразительным результатам. Ну, будет тебе кипятиться, Бен! Уверяю, я вовсе не шучу. Дело в том, что уже полтора десятка лет назад вопрос о том, что межпланетная колонизация становится жертвой чьего-то саботажа, поднимался довольно часто. Со стороны это выглядело именно так. Все, что только могло пойти плохо, шло хуже некуда. В процессе реализации Программы было допущено несусветное количество ошибок. Тем не менее, все свидетельства указывали на то, что никакого организованного противодействия не было. Имело место лишь шумное неодобрение Программы, иногда глупое и эгоистичное, иногда верное и правильное. Дело заключалось в том, что Программу преследовали бесконечные несчастные случаи по причине забывчивости, неверного расчета времени и обыкновенной человеческой глупости. По прошествии целого ряда фальстартов это по-прежнему выглядело как какое-то кошмарное недоразумение из-за элементарных и, по большей части, непреднамеренных

ошибок. Однако они дорого обходились. Месяц шел за месяцем, и, наконец, сумма нанесенного ущерба достигла невероятной цифры в несколько сотен миллиардов. Затем наступил черед катастроф, уносивших людские жизни сотнями.

Полковник тяжело вздохнул.

— В этот момент даже самые стойкие поборники программы усомнились в правильности курса и начали менять свои приоритеты. Сейчас даже я не могу сказать, какой именно гений из Департамента Особых Поручений высказал идею о том, чтобы обсудить проблему колонизации с ДЕДКОМом. Как бы то ни было, ему скормили эту проблему, и после обычного в таких случаях медлительного переваривания колоссального объема информации ДЕДКОМом было решительно установлено, что мы имеем дело с саботажем. Более того, затем компьютер представил поразительно детальный психологический портрет того, кто это все устраивал…

Арлен Рольф перебила его:

— И это был одиночка?

— Да, одиночка, но хорошо знающий свое дело.

— Телепат-преступник? — спросил доктор Лоури.

— А кто же еще?

— В таком случае, если правительство располагает его портретом…

— …то почему он все еще на свободе? — перехватил инициативу Феррис Велдон с выражением мрачного веселья на лице. — Погодите, вы себе не представляете, как все это выглядело в то время, Бен! Приведу только несколько выдержек по памяти, как и Арлен. Вот и сравните. Фигурант, по выданной ДЕДКОМом рекомендации, являлся, во-первых, гипнотизирующим телепатом. Он мог работать со своими жертвами на расстоянии, понуждать их принимать решения и осуществлять действия по своему выбору, оставляя в неведении, что на их разум было оказано давление. Кроме того, он может имитировать других людей на уровне, превосходящем любое обычное значение этого слова. ДЕДКОМом было выяснено, что фигурант способен копировать внешность другого человека настолько точно, что даже самые близкие ничего не заметят. Последовательно применяя эти два своих дара, он за десять лет сумел практически развалить Программу колонизации. Нисколько не приукрашивая, замечу, что сообщение о подобном злонамеренном супермене, разгуливающем на свободе в нашем свободном обществе, повсюду приподняло бы

завесу официальной секретности…

— А особенно, — вставила мисс Рольф, — над вашим Департаментом Особых Поручений?

— Да, особенно там, — согласился Велдон. — Тем не менее, благодаря деятельности нашего Департамента появление таких аномалий, которые могут кое-кого наверху заставить обеспокоиться, стало крайне маловероятным. Как бы то ни было, дедуцирующий компьютер закрепил свой успех, объявив, что проблемы, «следующие Программу Колонизации, являются не самым первым признаком появления преступника-телепата. Он выдал простирающийся в прошлое более чем на триста лет список сходных ситуаций и недвусмысленно дал понять, что в каждом из этих случаев повинен никто иной, как наш фигурант.

Велдон сделал паузу, чтобы понаблюдать за тем, как изменяются выражение лиц собеседников. Губы полковника тронула сардоническая усмешка.

— Ага, понятно, — буркнул доктор Лоури спустя несколько секунд, — а дабы это выглядело еще невероятнее, вы готовы объявить своего преступника бессмертным.

Велдон покачал головой.

— Я этого не говорил… так же, как этого не было

сказано и ДЕДКОМом. Вопрос о продолжительности жизни этого человека, какова бы она ни была, не являлся предметом его расследования. Он лишь рекомендовал поинтересоваться, кто разными способами вмешивается в прогрессивную деятельность человечества вот уже три столетия подряд. Однако в добавление ко всему вышесказанному, даже этой рекомендации было вполне достаточно.

— Достаточно для чего?

— А вы как думаете? — спросил Велдон. — Рапорт прошел по всем инстанциям, был просмотрен, подшит в папку вместе с прочими шедеврами мысли, которые были ранее выданы ДЕДКОМом, и благополучно забыт. Пытаясь выяснить, отчего буксует Программа Колонизации, Департамент Особых Поручений продолжил расследовать это дело, применяя стандартные, более реалистичные следственные процедуры. Как вам известно, особых лавров на этой ниве они не сыскали, равно как и сама Программа.

— Последнее более чем очевидно, — с озадаченным видом заметил Лоури. — Однако тот факт, что вы провалили это расследование, еще не повод, чтобы вновь вернуться к бредовой теории о телепате-преступнике.

Велдон выдул голубоватый дым и глубокомысленно заметил:

— Да, не очень логично с нашей стороны, не спорю. Однако мы возрождаем высказанную ДЕДКОМом теорию не потому, что потерпели неудачу.

— А почему же? — голос Лоури вновь зазвенел от скрытого раздражения.

— А вы вспомните неожиданную смерть одного из самых известных политиков пять лет назад, — ответил Велдон. — Если я назову вам имя, вы узнаете его мгновенно. Однако вы не знаете обстоятельств его гибели, поскольку официальный рапорт, опубликованный тогда, сплошная фальшивка — оттуда было тщательно вымарано все, что могло показаться хоть чуть-чуть необычным. На самом деле этот человек был убит. Его тело было обнаружено в Атлантическом океане. Удивительно, что его вообще заметили, тем не менее, тело было выловлено и опознано. Уже тогда в деле обнаружились странности, первой из которых стала та, что политик жив и находится в добром здравии в собственном доме в Нью-Йорке. Можно было бы сослаться на ошибку при опознании утопленника, однако никакой ошибки не было. Тело из океана действительно принадлежало

политику. А пока все это выясняли, человек из Нью-Йорка тихо исчез… и с того времени очень многие в Департаменте по-другому взглянули на давным-давно похороненный рапорт ДЕДКОМа о гипнотизирующем телепате, который может принимать облик другого человека, причем настолько убедительно, что имитацию не способны распознать даже близкие. Нельзя сказать, что этот факт говорил в пользу упомянутой гипотезы, но заставил нас срочно попытаться предпринять серьезное расследование в этом направлении.

— Попытаться? — переспросила Арлен Рольф. — Почему же только попытаться?

— Попытаться, — ответил Велдон, — потому, что с тех пор преступник объявил нам настоящую войну. Не Департаменту, а всей человеческой расе. Тихую, скрытую войну с конкретной целью, а именно — заставить нас отказаться от любых попыток расследования, способного навлечь на него опасность или воспрепятствовать его деятельности. Он понял, что выдал себя. Кроме того, он узнал и о рапорте, сделанном ДЕДКОМом. Вот здесь он изменить ничего уже не мог. Однако он весьма ясно дал понять, что его лучше не беспокоить, а также то, что у него имеются средства, чтобы обеспечить наше послушание.

Доктор Лоури рефлекторно моргнул.

— Но что может одиночка…

— Бен, — перебил его Феррис Велдон, — если ты оглянешься назад и посмотришь внимательно, ты вспомнишь, что чуть меньше пяти лет назад у нас в стране… на протяжении всего лишь нескольких месяцев… произошла целая серия страшнейших катастроф. Причиной тому были не явления природы — ураганы, землетрясения, наводнения, или что-либо подобное. Напротив, все они произошли или могли произойти из-за вмешательства так называемого человеческого фактора. Катастрофы эти вовсе не были необъяснимыми. Каждый из случаев в отдельности даже слишком хорошо объяснялся человеческой некомпетентностью, глупостью и корыстными намерениями. Но все же… взрыв гигантского отеля, отравление водопровода целого города, лайнер серии люкс… вижу, ты вспомнил. Обрати особое внимание на то, что фигурант не направлял свои удары непосредственно против следователей. До этого он дошел позже и подстраивал свои трюки совершенно иначе. Это означало, что, несмотря на свои феноменальные природные способности, он отнюдь не считал себя неуязвимым. Кроме того, разумеется, ему

незачем было навлекать на себя опасность. Используя общественные межпространственные и воздушные пути, он мог переместиться в любое место на Земле за считанные часы, и где бы он ни появлялся, любой человек на доступном для его разума расстоянии превращался в его потенциальное орудие. Преступник мог по своей воле сеять смерть в одном месте, а сам, когда его воля начинала претворяться в действие, оставаться в другом месте. Таким образом, за десять недель он сковал наш Департамент по рукам и ногам. Попытки идентифицировать его были прекращены. Чудовищная серия катастроф вскоре закончилась. Мерзавец добился своего.

Арлен посерьезнела:

— Вы сказали, что позднее он напал на некоторых из ваших следователей. Когда это случилось?

— Год спустя, — ответил Велдон. — Ситуация сложилась в некотором роде безвыходная. Как известно, горстка работающих на правительство телепатов является нашим весьма ценным и тщательно оберегаемым достоянием. Никому и в голову не придет ими разбрасываться. Мы понимали, что они уступают по силе суперпреступнику, и потому даже не пытались использовать их

против него. Однако со временем нам удалось составить, правда, больше полагаясь на гипотезы, нежели на факты, значительно более детальный портрет оппонента человечества, чем сделанный ДЕДКОМом. Получившийся портрет обрисовал фигуранта феноменом во всех отношениях. Его способность читать мысли других людей и влиять на их разум, а также сочетание телепатических способностей и мощнейшего гипноза, очевидно, было гораздо сильнее и точнее, чем у любого обычного телепата. Однако попутно выяснилось, что его способности любопытнейшим образом ограничены, и ограничены серьезно. Для любого из наших опытных телепатов расстояние не является значительным фактором, по крайней мере, по эту сторону межпланетного пространства. А для нашего суперпреступника это вопрос вопросов. Да-да, как ни странно. Если оставаться вне радиуса его действия, то он не может причинить никакого вреда. Вот если б его удалось идентифицировать из-за пределов этого радиуса — хороший снайпер покончил бы с ним в один момент, не опасаясь номеров, которые он может выкинуть в последний момент. Для этого и устроили первый островок безопасности, который был защищен от проникновения пси-преступ-

ника атмосферными блоками и хитроумными соматическими барьерами. Туда привезли двух правительственных телепатов и дали им задание ментально обнаружить искомое лицо.

Полковник тяжело вздохнул.

— Это стало нашей очередной ошибкой. Если несчастные парни и собирались нащупать что-то конкретное о негодяе, век их оказался столь недолог, что они просто не успели об этом сообщить. Уже через несколько секунд оба покончили жизнь самоубийством.

— Их заставил сделать это суперпреступник?

— Разумеется.

— И за этим последовала, — спросил доктор Лоури, — еще одна катастрофа?

— Нет, — ответил Велдон. — Должно быть, мерзавец счел, что в этом нет необходимости. В конце концов, он ведь вновь добился своего. Посылать на охоту за ним наших лучших телепатов — все равно, что заставлять спаниелей выслеживать тигра. Он проникает в разум другого телепата, если тот находится, естественно, на доступном ему расстоянии, точно так же, как и любого другого человека. Однако если они вступают с ним в контакт первыми, то немедленно попадают к нему на крючок, как далеко бы он ни находился.

Мы поняли намек. С той поры остальные наши телепаты находятся под защитой островков безопасности, и пока фигурант не выказывал своей заинтересованности добраться до них.

Велдон аккуратно ткнул сигарету в пепельницу и добавил:

— Теперь, полагаю, вы понимаете, почему мы сочли необходимым принять беспрецедентные меры предосторожности при дальнейшей разработке диекс-проектора.

На несколько секунд воцарилась напряженная тишина. Затем доктор Лоури произнес:

— Да, теперь это стало очевидным.

У него был отсутствующий вид, словно просчитывал в уме свои варианты.

— Хорошо, — продолжил он, поджав губы. — Информация довольно тревожная, Феррис. М-да. Однако давайте обратим внимание вот на что. Мы выяснили, что диекс-энергия может быть применена для усиления эффекта в ходе процессов, обычно именуемых телепатическими. На основе разработанной теории был создан проектор. Пользуясь им, простые смертные вроде Арлен или меня, могут добиться результатов, вдвое превосходящих те, которые, по имеющимся данным, получены вашими лучшими телепата-

ми, полковник. Однако при этом мы столкнулись с множеством ограничений. Во-первых, необходимы локационные устройства, чтобы направить пучок энергии в точку земного шара, где должен быть проведен эксперимент. Во-вторых, мы пока еще не научились «читать мысли», если можно так выразиться, тех людей, с кем хотя бы отчасти не знакомы.

Велдон кивнул:

— Мне это известно.

— Отлично, — сказал Лоури. — Еще одно преимущество проектора перед натуральным телепатом состоит в надежности. Прибор работает сегодня, как работал вчера и на прошлой неделе. Пока мы не проверим устройство на натуральном телепате, мы не можем утверждать, что диекс-поле будет ему помогать. Однако предположим, что оно ему помогает, и даем проектор, чтобы он обнаружил суперпреступника. Это несложно устроить. Однако не случится ли так, что вооруженный нашим прибором пси вновь, по вашему выражению, попадет к негодяю на крючок?

Велдон подумал и сказал:

— Мы полагаем, что этого не случится, Бен. Специалист мог бы рассказать тебе более подробно о функциональной организации разума

натуральных телепатов. Главным образом дело состоит в том, что все они поддерживают в себе бессознательные процессы ограждения и сопротивления, которые хоть и ограничивают их телепатические возможности, зато защищают от негативного воздействия. Разница между ними и нами, по-видимому, состоит именно в этом.

— Думаю, что я понимаю, — сказал Лоури. — Теоретически подобные защитные механизмы соответствующим образом усиливаются в случае применения диекс-поля…

— Именно, — подхватил Велдон. — Сохраняя аналогию, которой я воспользовался выше, нам снова приходится посылать спаниеля охотиться на тигра. Однако теперь спаниель, при поддержке проектора, вырастет до размеров тигра… и обретет тигриную силу. Мы не можем не допускать, что преступник может оказаться намного более искусным и поистине смертоносным, когда дело дойдет до настоящей схватки, и наша задача состоит в том, чтобы не допустить этой схватки. Наш телепат должен просто определить местонахождение суперпреступника, идентифицировать его и тут же унести ноги. В течение нескольких секунд, которые потребуются ему для этого, диекс-поле должно помочь выдержать

возможную атаку.

Лоури покачал головой.

— Вы не можете этого гарантировать, Феррис! — сказал он. — Вы ничего не можете гарантировать.

— Верно, не можем, — улыбнулся Велдон печально. — Мы не знаем, что в действительности произойдет, но, видите ли, этого не знает и наш фигурант.

Лоури в сомнении покачал головой:

— Что-то я тебя не совсем понимаю.

— Бен, — пояснил Велдон, — мы и не предполагаем, что твой диекс-проектор, о котором все время упоминаем, будет когда-либо применен на практике. Его предназначение вовсе не в этом.

Лоури выглядел совершенно обескураженным.

— Тогда в чем же его предназначение?

С лица Арлен Рольф стерлись все краски.

— Доктор Бен, — сказала она, — полагаю, полковник Велдон хочет сказать, что суперпреступник знает о существовании диекс-проектора и того, что можно добиться с его помощью.

Велдон кивнул:

— Разумеется, он об этом знает. Как вы думаете, много ли секретов можно утаить от существа, которое может подслушать мысли любого человека,

если подойдет к нему поближе? Нам приходится смириться с тем, что у него есть источники информации в каждом правительственном департаменте с того самого дня, когда мы узнали о его существовании. Он знает, что мы охотимся на него, и не настолько глуп, чтобы позволить охоте зайти настолько далеко, чтобы один из наших телепатов действительно уселся за этим проектором. Он не представляет, каковы будут последствия. В конце концов, они вполне могут… м-м…оказаться фатальными для него.

— Тогда я снова не вполне… — начал Лоури, но сдержался и недоуменно посмотрел на Арлен Рольф. — Вы все еще понимаете, что говорит этот сумасшедший, Арлен?

Губы девушки искривила улыбка.

— Боюсь, что понимаю! Если я права, то ситуация мне не нравится. Полковник Велдон, ваши люди планируют использовать диекс-проектор в качестве ловушки для искомого лица?

— Точнее, в качестве приманки в ловушке, — поправил Велдон. — Бен, поставь себя на место суперпреступника. Он считает всю Землю своей собственностью. Однако теперь человечество узнает о нем и его отвратительной деятельности. Прогресс совершенствуется с каждым десятиле-

тием, а это становится для него опасным. Пока он еще может поставить нас на место и ему удается блокировать массовый выход в солнечную систему, где его способности не работают. Однако может ли так продолжаться дальше? Разве может он по-прежнему наслаждаться своей властью над планетой, когда ему все время приходится держать глухую оборону против попыток избавиться от него? Он успешно отразил первые удары и дал понять, что нам дорого обойдется, если мы побеспокоим его всерьез. Однако создавшееся положение неприемлемо как для него, так и для нас. Теперь, чтобы вновь заставить нас повиноваться себе, ему потребуются более эффективные методы контроля, чем раньше.

— И диекс-проектор… — произнес Лоури.

— Ну, разумеется! — воскликнул Велдон. — Диекс-проектор великолепно разрешит его проблему. Островки безопасности, которые до сего момента являлись главными инструментами нашей защиты, станут бесполезными. С помощью прибора он сможет в любое время вступить в прямой контакт с любым разумом на Земле. А дальнейшие попытки его уничтожить не будут иметь ни малейших шансов на успех. Фигурант пока не выказывал тяготения к наукам, а горстка

ученых, которые в состоянии сконструировать подобный прибор, уже размещена за пределами его воздействия. Поэтому он позволил нам продолжать разрабатывать проектор здесь, хотя, конечно, мог бы в любое время остановить этот процесс различными способами. Однако можно не сомневаться, что он намерен завладеть диекспроектором, прежде чем тот будет использован против него.

— И предполагается, — заметила Арлен, — что ему известно о реализации проектора, несмотря на неполадки, которые до сих пор еще случаются во время испытаний?

— Да, — согласился Велдон.

— Тот факт, — продолжала она, — что мне позволено было покидать объект несколько раз в неделю, практически, когда захочу, как-то связан с этим?

— Мы полагаем, — ответил Велдон, — что искомое лицо довольно регулярно пользовалось представившейся возможностью. В конце концов, у него нет более надежного способа раздобыть точную информацию о том, в каком состоянии находится проект, кроме как…

— Кроме как проникнуть в мой разум?

Подумав, Велдон сказал:

— Мы не отрицаем, что навлекли на вас серьезную опасность, Арлен. В сложившихся обстоятельствах нам остается лишь извиниться перед вами. Но поверьте, эта мера была совершенно необходима.

— Я не принимаю никаких извинений, полковник Велдон, — произнесла Арлен с бледным как мел лицом. — Однако мне сейчас важнее знать, что намерен теперь предпринять суперпреступник?

— Завладеть проектором? — Велдон снова задумался. — Мы в этом не уверены. Думается, что мы предусмотрели все возможные варианты его приближения и готовы схватить, как только он попытается воспользоваться одним из них.

— Но он может заподозрить, — сказал Доктор Лоури, — что вы собираетесь его схватить!

Велдон кивнул:

— Разумеется, он подозревает такую возможность, однако преимущество на нашей стороне, поскольку он не знает, как именно мы это собираемся проделать. Вы себе не представляете, насколько серьезные меры предосторожности мы предприняли.

Велдон жестом указал на маленькую дверь в стене за доктором Лоури.

— Причина, по которой я всегда прихожу сюда с помощью частного межпространственного перехода, состоит в том, что вот уже три года я и шагу не ступил за пределы островков безопасности! Эта мера справедлива в отношении любого человека, владеющего информацией, которую мы скрываем от искомого лица… за исключением мистера Грина, чьи периодические публичные появления в этот критический период были не более чем искусно разыгранными фарсами. Мы общаемся только по видеофону, никто из нас фактически даже не знает, где находятся другие. Мы не оставляем суперпреступнику никаких шансов догадаться о чем-либо помимо существа наших планов.

— И зная все это, — медленно сказал Лоури, — вы все же предполагаете, что он рискнет сунуться в расставленную ловушку за проектором?

— Рискнет, потому что у него нет выбора! — ответил Велдон. — Единственной альтернативой для него в последний момент станет разрушение этого островка безопасности вместе со всеми, кто здесь находится. Но это крайне маловероятно. Его действия наглядно доказывают, что, несмотря на неприятности, которые мы систематически ему доставляем, он питает глубочайшее презрение

не к телепатам, а к обычным людям. Не владей им это чувство, фигурант ни за что не позволил бы нам завершить разработку диекс-проектора. Так что он придет за ним, осторожно, тщательно подготовившись, но рано или поздно это обязательно случится.

— Возможно ли, — спросила Арлен, — что он сделает это в первую очередь?

Возникла легкая пауза, прежде чем Велдон ответил:

— Да, — сказал он, — это возможно. Шанс маленький, почти теоретический. Однако мы отнюдь не всеведущи, и может оказаться, что мы знаем о нем гораздо меньше, чем нам кажется. Такая возможность остается.

— Тогда зачем подвергать себя такому риску? — спросила Арлен. — Не лучше ли просто уничтожить проектор и оставить все как есть, чем предлагать ему оружие, которое превратит нас всех в беспомощных рабов?

Велдон покачал головой.

— Арлен, мы не можем оставить все как есть! Так же, как и суперпреступник. Вы и сами это знаете, хоть пока отказываетесь признаться в этом.

— Я… что вы хотите этим сказать?

— В этом году, — терпеливо объяснил Велдон, —

у нас появился диекс-проектор. Что появится у нас, скажем, через пять или десять лет, когда диекс-энергия будет досконально изучена? Когда не только в пси-биологии, но и в других областях знания пойдут настоящие прорывы? Возможно, нам удалось бы замедлить эти процессы, но остановить их совсем мы не в состоянии. Кроме того, в любой момент может появиться какое-нибудь принципиально непредсказуемое в данный момент оружие, которое мы сможем использовать против фигуранта, так же как он против нас. Нет, время действовать наступило для обеих сторон, если только не ставить на карту свое будущее. Мы бросили ему вызов, и он этот вызов принял. И, по всей вероятности, исход нашего поединка станет известен в ближайшие несколько часов.

Арлен покачала головой, но ничего не сказала. Доктор Лоури спросил:

— Феррис, а что же делать нам в этой ситуации?

— Ближайшие несколько часов вы будете подробно обучать меня, как обращаться с проектором. Конечно, я внимательно изучил ваши рапорты и мог бы попробовать сам, но, как понимаю, этого недостаточно. Поскольку, и это хорошо известно суперпреступнику, мы не блефуем. А это

вынуждает его к активным действиям. Если он этого не сделает, — Велдон кивнул на полированный деревянный ящик, лежащий на столе перед доктором Лоури, — один из наших телепатов немедленно сядет за прибор, и тогда фигурант столкнется с реальной возможностью быть вычисленным. Сейчас на земном шаре нет такого места, куда одна из наших ударных групп не долетит за считанные минуты. Так что он начнет действовать… самое позднее — сразу после того, как будет отдан приказ о перемещении нашего телепата на территорию Кливерского комплекса. Однако когда это случится, вас уже здесь не будет. На этой стадии вы не нужны, и зато время, пока мы с вами беседовали, главный межпространственный переход комплекса был переключен с выхода к университетской площади на один из островков безопасности за ее пределами. Вы отправитесь туда, как только закончите консультировать меня, и останетесь там до тех пор, пока операция «Пси-преступник» не будет завершена.

Он резко хлопнул ладонью по столешнице.

— А теперь займемся делом! Думаю, Бен, лучше всего будет, если я для начала примерю на себя роль Арлен… в качестве второго оператора… ты следуй обычным процедурам, а я буду смотреть.

Что скажешь?

Арлен Рольф отодвинула стул от стола, за которым мужчины сидели за диекс-проектором. Она сознавала, что пытается отстраниться от того, что происходит, как эмоционально, так и физически, причем попытка не выглядела особенно удачной. Присущее ей обычно самообладание, основанное на сознании того, что она всегда сможет эффективно действовать в сложной ситуации, испарилось. История о пси-преступнике застигла их с доктором врасплох. Она уловила общую идею, но ее разум еще не успел ее переварить. Слушать Велдона и относиться к сказанному с разумным скепсисом, но внезапно обнаружить, что все больше и больше она склонна ему верить — ощущение не из приятных. И от этого девушка еще не отошла. Она не могла сосредоточиться на своих мыслях, сознательно направляя их по определенному пути, но они то и дело сворачивали с него в область бессвязного и беспомощно угасали. Впервые за свою жизнь она была по-настоящему напугана, ее преследовал отупляющий страх, который к тому же не могла контролировать.

Взор ее равнодушно скользнул к тускло-голубой вогнутой видеопанели, которая являлась центральной частью диекс-проектора. Вынутый из

чехла, прибор представлял собой рамку, затянутую паучьей сетью, крепившуюся к серебристого цвета плите генератора, рядом с видеопанелью. Мутноватые переливы цвета в центре панели выглядели почти совершенно бессмысленно без специальных диекс-очков, которые доктор Лоури и Велдон приладили на себя. Однако Арлен была достаточно знакома с рабочими процедурами, чтобы наблюдать лишь за их течением, не прислушиваясь к разговору…

Ей хотелось, чтобы это прекратилось. Она чувствовала, что это опасно. Разве Велдон не заявил, что они не вполне уверены, что знакомы с точными границами возможностей пси-преступника? А что, если проектор засветит их присутствие на территории противника и привлечет его внимание к тому, что происходит в этой комнате?

На несколько томительных секунд она испытала зловещую уверенность в том, что ощущает пси-присутствие фигуранта, поскольку тот явно знает об их попытке и лишь выжидает удобный момент, чтобы вмешаться. Такое вполне могло быть и почти наверняка было проявлением охватившего девушку суеверного ужаса, но, тем не менее, убеждало. Настолько убеждало, что она, не переставая, тряслась от страха.

Однако, разумеется, не в ее власти было сделать что-то такое, что могло остановить подготовку к операции. Она могла лишь молчаливо наблюдать.

До определенного момента все шло как обычно. Стандартный разогрев аппаратуры. Они проведали мисс Вандерлин в Мельбурне, узнали, как дела у Мари Фабер из Сиэтла. Цветные волны, пробегавшие по видеопанели, отражали индивидуальные чувственные восприятия, скользящие в диекс-поле. Никаких вербальных или просто сознательных откликов от субъектов контакта не наблюдалось, это случится позднее. На мгновение доктор Лоури обернулся, и девушка увидела лицо своего шефа вполоборота — круглые конические линзы специальных очков выдавались вперед, точно неподвижные глаза огромного богомола.

Она поняла, что он только что сказал Велдону что-то, чего она не расслышала. Велдон кивнул в знак согласия. Доктор Лоури вновь сосредоточился на приборе и произнес:

— Ботукато, Бразилия. Местонахождение определено впервые. Как ему удается прицелиться по таким неопределенным объектам, это, конечно…

Его голос перешел в неясное бормотание, когда доктор вновь переключился на проектор.

Арлен усилием воли вызвала в себе раздражение, отчасти для того, чтобы избавиться от окутывавшего ее тумана страха. Это было похоже на попытку очнуться от глубокого, мучительного сна. Однако вместе с тем она ощущала некоторое облегчение, сменившееся приступом гневного самобичевания, ибо пока она предавалась эмоциональной рефлексии, ничего катастрофического не произошло! Мужчины за столом всего лишь продвинулись в стандартной рабочей процедуре на несколько шагов. А она этого даже не заметила. Ее поведение просто глупо!

Поверхность видеопанели очистилась от сенсорных цветовых отражений, и теперь она видела, как вместо них появляются очертания зеленого узора на белом поле, цвета локационной карты проектора. Она наблюдала, как тренированные пальцы доктора Лоури бегло набирают нужные координаты, и карта становится все более и более подробной, каждое последующее увеличение раскрывается в отмеченной рамкой части предыдущего изображения. Раздался слабый щелчок, Лоури отпустил клавиатуру и вновь что-то пробормотал. На этот раз конец фразы удалось разобрать:

— …в радиусе двадцати километров.

Видеопанель почернела, но Арлен продолжала пристально в нее вглядываться.

Теперь проектор был нацелен на окружность радиусом в двадцать километров на уровне земли где-то в Бразилии. Никаких контактов в этой зоне прежде не устанавливалось. Тем не менее, дело шло вполне определенным порядком. Доктор Лоури не предполагал осмысливать этот процесс, пока за прибор не возьмется опытный телепат, и, возможно, даже тогда не удастся много о нем узнать. Однако диекс-энергия пронизывала этот район, нащупывая человеческие разумы, иногда — одиночные, иногда — скоплениями. Контакты всегда происходили весьма эфемерно. Субъекты исследования — это было совершенно очевидно — оставались в полнейшем неведении о том, что с ними приключилось нечто необычное, а единственное, что оставалось наблюдать экспериментатору, так это уже известное мерцание на экране от их чувственных впечатлений.

Внезапно Арлен Рольф осознала, что находится внутри открытого архива в офисе доктора Лоури с грудой папок в руках. На полу вокруг в беспорядке валялось множество вскрытых папок, бумаги и кассеты с записями были беспорядочно разбросаны. Она уронила свою груду в общую кучу на

полу и повернулась к входной двери. Лишь тогда ее затрясло от нахлынувшей волны жара при мысли: «А что я здесь делаю? И что случилось?»

Она увидела, как в дверях архива появился доктор Лоури с другой грудой папок. Одним небрежным броском он присоединил их к мусору на полу и направился обратно, даже не взглянув на свою помощницу. Арлен почувствовала, что идет за ним, что ноги передвигаются точно во сне и совершенно независимо от ее воли. Лоури уже выворачивал содержимое ящика шефа, но она не смогла издать ни звука. На мгновение она увидела его лицо. Доктор выглядел сосредоточенно, словно был полностью поглощен тем, что делает, и ничего более…

Затем она прошла через гостиную, неся что-то в руках, и в следующее мгновение, как ей показалось, вновь оказалась в офисе Лоури. Кошмар продолжался. Зияющие провалы в сознании чередовались с моментами, когда ее разум сотрясался от дикого страха, в то время как тело двигалось, механически, но вполне целенаправленно, беспорядочно вываливая материалы, взятые из лаборатории и картотеки, в кучу на полу архива. Возможно, это продолжалось всего три-четыре минуты, возможно — несколько часов, обломки

реальности громоздились друг на друга в памяти. Однако присутствовали и моменты, когда мысли прояснялись, и память возвращалась к ней… Широкая спина полковника Велдона, исчезающая за узкой дверью в гостиной, ведущей в частный межпространственный переход. Темная полоса диекс-проектора у него в руке. А до того был момент, когда на видеопанели что-то блеснуло красным, и она еще удивилась, что сидящие за столом мужчины никак это не прокомментировали…

Затем внезапно, в один из моментов просветления, в голове успела промелькнуть ошеломляющая мысль: «А ведь суперпреступник уже поймал нас всех!» Мужество и самообладание Велдона, самоотверженность и мастерство Лоури, ее собственное нежелание заниматься этим делом… ничто из этого не имело ни малейшего значения. В свое время мерзавец тихонечко взломал все защитные системы и завладел их умами. Велдон сейчас направляется к нему и поднесет диекс-проектор на блюдечке.

А как же она с доктором Лоури? Ах да, разумеется, пси-преступник приказал избавиться от любых, даже мельчайших обрывков информации о проекторе! Именно этим они и занимались. Но

что будет, когда они с этим покончат?

Арлен показалось, что ей уже известно, что будет, когда увидела, как доктор Лоури запер архив, затем снял предохранительную пломбу на двери и нажал кнопку уничтожения. Теперь содержимое архивного помещения пожрет ненасытное белое пламя. Однако оставались еще пока их разумы, в которых хранились секреты проектора…

Вероятно, девушка предприняла яростную попытку освободиться, которая чуть было не превозмогла насильственное влияние суперпреступника, поскольку она оказалась в гостиной, менее чем в трех метрах от двери, выходящей в холл, откуда еще можно было попытаться позвать на помощь. Но дальше уйти не смогла, ибо уже повернула прочь от двери и прошлась по комнате механической походкой, с которой ничего не могла поделать. Внутри у нее вновь поднялась волна ужаса.

Приблизившись к дальней стене, она увидела доктора Лоури, который выходил из офиса, улыбаясь с отсутствующим видом и рассеянно глядя в пол сквозь очки. Не поднимая головы, он пошел за девушкой к закрытой двери межпространственного перехода полковника Велдона.

Значит, подумала Арлен, их не смерть ждет, а

рабство. Они еще для чего-то нужны суперпреступнику. Они отправятся вслед за Велдоном…

Она рванула на себя дверь. Дверь не открылась.

Она яростно набросилась на нее, сотрясаясь от приступов безудержной истерики. Спустя мгновение доктор Лоури с усилием что-то пробормотал и вытянул вперед руку, чтобы ей помочь.

Внезапно ей показалось, что комната взорвалась. На мгновение Арлен Рольф ощутила, как ее разум распадается, превращаясь в бурные, неистовые потоки белого света.

Несколько секунд она вяло разглядывала спину долговязого рыжеволосого человека, который стоял посреди комнаты, прежде чем к ней полностью вернулось сознание. Затем неожиданно все встало на свои места. Она похолодела от страха.

Гостиная доктора Лоури… она сидит в кресле, а доктор Лоури распластался на кушетке. Казалось, что он дремлет. А над ним возвышается мощная фигура Фрэнка. Доктора Фрэнка Хардинга, который проводил ее до Кливерского космопорта сегодня и сказал, что собирается лететь на побережье.

Фрэнк Хардинг и оказался иско…

Арлен тихонько выскользнула из кресла и

прошла за спиной у него, следя за каждым его движением. Как только он стал поворачиваться, девушка ринулась к открытой двери холла.

Она услышала, как он издал испуганный возглас и с громким топотом кинулся за ней. На выходе он ее поймал и крепко ухватил за запястья. Его глаза из-под колючих рыжих бровей просто пожирали ее.

— Что ты вытворяешь?!

— Это ты! — в ярости крикнула она. — Ты!

Ее привело в замешательство выражение сперва изумления, затем понимания, отразившееся на лице Хардинга. Запинаясь, она проговорила, чувствуя, как голова у нее пошла кругом от облегчения:

— Я… я думала, что ты и есть…

Хардинг покачал головой и ослабил свою хватку.

— Нет, ну конечно, это не я, — мягко сказал он.

— Да… это не ты! Тебе не пришлось бы… преследовать меня, если бы это был ты, правда?

Она обвела взглядом комнату в новом приступе отчаяния.

— Но я не… теперь у фигуранта есть диекс-проектор!

Хардинг вновь покачал головой и взял ее за

руку.

— Нет, у него нет диекс-проектора. Попробуй немного расслабиться, Арлен. Знаешь, а ведь мы поймали-таки его в ловушку. Это стоило нам еще нескольких смертей, но мы это сделали. Так что давай присядем. Я принес с собой немного виски… подумал, что вам обоим не повредит немного выпить после всего, что вы пережили.

Арлен присела на краешек стула, наблюдая за тем, как он наполняет стакан. Началась обратная реакция: теперь она вся дрожала от слабости, казалось, что она еще не осознала до конца, что суперпреступник уже схвачен.

— Значит, ты тоже принимал участие в операции?

Он оглянулся вокруг:

— Да… купол на дне океана в данных обстоятельствах оказался очень неплохим убежищем. А вас с доктором Лоури усыпил световой шок.

Он протянул ей стакан.

— Световой шок? — переспросила Арлен.

— Новое изобретение, — пояснил Хардинг. — Разработка другого островка безопасности, специально для снятия гипнотического внушения, включая и самый мощный его тип, использованный пси-преступником. По-видимому, он

не знал о проекте, или считал его маловажным начинанием, которое он может позволить себе пока проигнорировать. Как бы то ни было, световой шок прекрасно справляется с задачей и делает это очень аккуратно, хотя в процессе лишает на некоторое время пациента сознания. Побочный эффект, конечно, нежелателен, но пока неизбежен.

— Понятно, — сказала Арлен, осторожно глотнула виски и поставила стакан, в то время как ее глаза начали наполняться слезами.

Фрэнк Хардинг откинулся назад и скрестил руки на груди, глубокомысленно хмурясь.

— Нам удалось вычислить двух человек, которых подозревали в том, что они являются неосознанными осведомителями преступника на островке. Мы попробовали световой шок на них. Это им не повредило, тогда мы решили применить метод здесь. Лоури проснется самое позднее через час и будет чувствовать себя не хуже, чем ты. Разумеется, никто из вас не будет помнить, что происходило, пока пси-негодяй контролировал ваши действия.

— А вот это неправда, — сказала Арлен. — Я кое-что помню, не все, правда, но примерно половину из того, что происходило, хоть уверена,

что предпочла бы забыть. Это было похоже на кошмарный сон.

Хардинг удивился:

— Весьма любопытно! Во всех остальных случаях мы имели полнейшую амнезию. Возможно, ты…

— Ты тоже испытывал сильнейшее напряжение, верно, Фрэнк? — спросила она.

Он задумался.

— Я? Почему ты так считаешь?

— Ты довольно много говоришь. А это на тебя не похоже.

— Думаю, ты права, — проворчал Хардинг. — Да, ждать было нелегко. Пси-негодяю игра, возможно, нравилась. Кроме финала, разумеется. Да, играть в кошки-мышки с целым человечеством! Но, в конце концов, выяснилось, что мышка оказалась для него крупновата. Но до самого последнего момента мы не были уверены ни в чем.

— Потому что никто не мог быть уверен ни в ком другом?

— Да, проблема заключалась главным образом в доверии. Это была единственная в своем роде операция, которой никто не руководил, и никто никому не доверял. Для всех ситуаций были разработаны дополнительные меры предосто-

рожности, и никто в мире не знал всех этих мер. Придя сюда сегодня, Велдон включил микропередатчик, чтобы все, что происходит, пока ему объясняют, как пользоваться диекс-проектором, можно было отслеживать извне. Вне островка у нас также имелся планетарный сканер, который действовал точно так же, как и тот, что встроен в проектор. Таким образом, мы в любой момент могли сказать, какое место на Земле сейчас пронизывает диекс-поле проектора. Одна из дублирующих мер предосторожности. Поначалу все выглядело как обычная проверка. Между Лоури и Велдоном происходило чуть больше разговоров, чем когда ты была вторым оператором, но это можно было предвидеть. Наблюдались паузы, когда проектор отключался и готовился следующий эксперимент. Это тоже нормально. Затем, во время одной из пауз, мы уловили сигнал, что только что в частный межпространственный переход Велдона со стороны объекта кто-то вошел. Это было ненормально, и переход немедленно запечатали с обоих концов. Еще одна мера предосторожности… именно она нас спасла!

Арлен нахмурилась:

— Но что все же…

— Да, — ответил Хардинг, — вопросов возникло

много, и отвечать на них надо было очень быстро, иначе игра могла быть проиграна.

Никто не предполагал, что пси-преступник лично покажется на Кливерском объекте. Островок безопасности можно уничтожить в одно мгновение, и нам было известно, что он тоже это знает. Однако, очевидно, он что-то задумал, и мы предположили, что диекс-проектор сейчас подвешен в переходе. Но кто или что было вместе с ним? Охранников объекта отозвали. Вы оставались на островке лишь втроем. Пси-негодяй должен был найти доступ ко всем троим в то или иное время, ведь его гипноз, пока мы не найдем способ его излечивать, сохраняется на протяжении всей жизни. Любой из вас мог отнести этот проектор в переход, чтобы отдать ему. Или вы действовали втроем, сообща, и тогда переход следовало открыть снова, поскольку игра продолжалась. Нам нужен был сам негодяй, а не его орудия… Но существовала и другая возможность. Ты и доктор Лоури числились среди очень немногих людей, о которых можно с уверенностью сказать, что ни один из вас не является самим преступником или одной из его имитаций. Если бы он был способен создать диекс-проектор, ему не потребовалось бы его красть. Полковник Велдон служит в Департа-

менте Особых Поручений уже много лет. Однако он мог быть имитацией. Другими словами, пси-негодяем.

Арлен почувствовала, как бледнеет.

— Это он! — сказала она.

— Да? Откуда ты знаешь?

— Я не осознавала это, но… нет, продолжай, пожалуйста. Я лучше потом тебе все расскажу.

— Что ты не осознавала? — не отставал Хардинг.

— Я ощутила некоторые из его эмоций… — ответила Арлен, — после того, как он оказался внутри перехода. Он понял, что пойман! — ее руки заходили ходуном. — Я думала, что это мои собственные чувства… что я… — голос ее сорвался.

— Ничего, — сказал Хардинг, внимательно за ней наблюдая. — Это, наверное, было очень неприятно.

Она покачала головой:

— Крайне неприятно, можешь мне поверить!

— Значит, он смог добраться до тебя даже из межпространственного перехода! — задумчиво сказал Хардинг. — Такого мы за ним не замечали. Конечно, мы предполагали, что знаем о нем далеко не все. Однако и он знал не все. Он считал, что

путь к бегству с объекта через переход свободен. Очень смелый шаг. Если бы ему удалось достичь какого-нибудь места на Земле, где нельзя было бы уничтожить его мгновенно, то потребовалась бы всего одна или две минуты, чтобы запустить проектор и одержать окончательную победу. Но этого, к счастью, не случилось, ибо мы быстро поняли, что пси-негодяй угодил в ловушку.

— Как вы это поняли?

— Благодаря планетарному сканеру, о котором я тебе говорил, — ответил Хардинг. — В конце концов, Велдон мог оказаться искомым лицом. Помимо вас двоих, им мог оказаться любой из числа тех, кто участвовал в операции. Он даже мог выступить под маской одного из наших собственных телепатов. Каждая точка земной поверхности, на которую нацеливался проектор во время «объяснения», немедленно исследовалась. Мы искали возможные указания на то, что проектор в руках пси-негодяя. Подобные сведения не поступали с того момента, как имитация Велдона утащила проектор в переход. Зато потом, несколько минут спустя, их было великое множество! Они показывали, что негодяй успел проверить проектор, понял, что может им управлять, порадовался тому, что становится владыкой

мира, и на этот раз навеки! Затем суперпреступник вышел из перехода вместе с украденным супероружием…

— Он пытался заставить нас с Беном, — сказала Арлен, — снова открыть вход на объект. Но мы, разумеется, не могли этого сделать. Я и представить себе не могла, то кто-то может испытывать страх, подобный тому, что испытал он.

— На то были свои причины, — сказал Хардинг. — Физические движения в межпространственном переходе невозможны, поэтому он не мог использовать там проектор. В переходе он стал беспомощным. Кроме того, он знал, что когда его выпустят оттуда, компромисса не будет… — он немного помедлил, прежде чем продолжить: — Мы тайно перенесли выход из перехода в точку, расположенную на высоте четверти километра над поверхностью Кливерского межпланетного космопорта, который он более двадцати лет не давал нам достроить, и открыли переход. Но абсолютной уверенности в том, что пси-негодяй не окажется настоящим суперменом, у нас не было. Вдруг взмахнет отращенными крыльями и в который раз ускользнет, вместо того чтобы грохнуться о стекломрамор покрытия.

Но отрастить крылья он не сумел…

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО ОТ ГАЯ ГОРДОНА (перевод Б. Зеленского, О. Казаянц)

Что же делает рассказы Шмица такими особенными? А что делает их такими увлекательными? Я не собираюсь давать точного ответа, но вот кое-что, что нравится людям в рассказах Шмица.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ СЮЖЕТА

Номер 1 — поворот сюжета. Во всех лучших рассказах писателя есть хотя бы один поворот сюжета в самом конце, которого не ожидает самый искушенный читатель. Читая и переживая за убийцу Хлэт, Кулан обнаруживает, что им оказался… (нет, я не скажу вам кто, читайте рассказ «Львиная доля» в 3-м томе). В рассказе «Сбалансированная экология» (2-й том) вы до самой последней строчки не догадываетесь, кто подлинный герой рассказа. В повести «Дьявольское отродье» (3-й том) Найл Этланд терроризируют парагуанцы; или это вообще не терроризм, а что-то другое?

Шмиц затягивает вас в повествование настоль-

ко быстро, что вы не успеваете заметить, как наступает поворот сюжета. Но он не обманет вас — поворот сюжета в конце не приводит к перевертыванию с ног на голову. Вместо этого поворот дополняет рассказ и расцвечивает его более ярко. Иногда удивительнейшим образом, и «Дьявольское отродье» — тому наглядный пример.

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ ШТАМП

Испытанный литературный прием Шмица — перевернутое с ног на голову клише. Если вы столкнулись с клише в его рассказе, можете быть уверены, автор получает удовольствие оттого, что оправдал ваши ожидания.

Монстры Шмица — хорошие примеры этого. В рассказе «Ветры времени» (2-й том) мы обнаруживаем, что пассажир звездолета везет опасное домашнее животное и теряемся оттого, что обнаруживаем: кто из них на самом деле опасное животное, а кто пассажир.

Персонажи Шмица частенько используют стереотипы в качестве маскировки. В рассказе «В поисках утраченного» (2-й том) Дейнстар Джеймс прячет «жучка» в парике, а парик, в свою очередь, прячет методом конан-дойлевского «похищен-

ного письма» (на виду, но незаметно из-за своей явной очевидности). А если за Триггер охотятся в коридоре, который оканчивается тупиком, то можете быть уверены, что она блестяще выпутается из безвыходного положения.

Джеймс Шмиц писал в жанре космической оперы, но и на территории, заполненной штампами, он всегда найдет повод удивить и развлечь вас. Прекрасным примером тому является рассказ «Звездные гиацинты», в котором пиратский клад помещен на далекую планету. Здесь полное собрание клише: кораблекрушение, пират на мели, сокровище «с проклятием, наложенным на него», никак не меньше. Вместо того чтобы переворачивать все эти клише с ног на голову, автор смеется над ними. Чернобородый пират становится крашеным шатеном, на плече у которого говорящий попугай!

«ПРЕДСКАЗАННОЕ» БУДУЩЕЕ

В рассказах о Ядре Шмиц рисует картинки будущего, как на карикатурах Джетсона. Холати Тэйт садится в свою машину, но она не отъезжает, а взлетает. Тэлзи лишь проходит в портал и тут же обнаруживает себя на другом конце

планеты. Куилан надевает скафандр, включает антигравитацию и улетает вслед за космическим кораблем.

Если бы это было плохой фантастикой, автор этим и ограничился бы, но нет, через своих персонажей он обязательно посередине рассказа расскажет, как работает этот портал или антигравитация. Будущее — это выдумка, но его персонажи живут в нем, для них это не диковинка, а обыденность, потому они его и не замечают. Но мы-то, читатели, замечаем, и оно нас очаровывает. Но все это второстепенно по отношению к сюжету и действию.

Например, возьмем эту выжимку из рассказа «Рай для паразитов»:

> — Хорошо. Я могу добыть тебе эту информацию.
>
> — Когда?
>
> — Не успеешь оглянуться, как только вернешься в свою спальню. А что касается мисс Арджи, то, скорее всего, у нас на нее имеется файл, но вряд ли кто-то нарушит секретность из-за того, чтобы удовлетворить твое любопытство.
>
> — У меня и в мыслях не было нарушать

какую-либо секретность. Все, что мне нужно, ее прошлое. Что она представляет собой как личность, одним словом, самые основные сведения, которые я могу узнать уже завтра в хорошем детективном агентстве.

— Хорошо, — сказал Ангел, — не надо обращаться в агентство, я сам сделаю резюме по ее биографии. Потерпи несколько минут.

Когда Тэлзи вошла в свою комнату, на клавиатуре компа светилась голубая клавиша «прием КомСети». Девушка закрыла дверь, запустила резюме по делу Сирен и уселась в кресло. На экране вспыхнули строчки…

В этом отрывке Шмиц в 1970-м году описывает ведение дел в режиме Интернета и его «КомСеть» (в оригинале «ComWeb»), наиболее точное предсказание Интернета.

ЭКЗОТИКА МЕСТА ДЕЙСТВИЯ

Лучшим путешествующим агентом является сам Джеймс Шмиц… Место действия рассказа

«Дьявольское отродье» — водная планета Нэнди-Клайн, где гигантские леса перемещаются с помощью океанических течений и где полным-полно загадочной флоры и фауны, и каждый представитель растительного и животного мира придуман не для декорации, а необходим для развития сюжета. Автор переносит вас на Нэнди-Клайн и передает ощущение надвигающегося шторма при помощи сырого воздуха, встревоженности животных, порывов ветра. После прочтения рассказа вы с легкостью сможете идентифицировать всех этих придуманных зверей и легко отличите тех, кто полезен, от тех, кого следует остерегаться.

В начале рассказа «Сбалансированная экология» мы неожиданно узнаем о животных и растениях Алмазного Леса, которые служат забавой для двух ребятишек. В рассказе «День Славы» Тэлзи и Триггер посещают планету, население которой придерживается средневековых традиций ради некоторых тайных целей. Ни один читатель не забудет загнивающего региона из рассказа «Забавы «Львиного Народа» или станет заблуждаться относительно парка Мелна на Орадо, даже если вас начнет преследовать что-то большое и ужасное.

МАСТЕРСТВО

Детали рассказов Шмица, сложенные вместе, образуют хорошо отлаженный механизм. В них нет лишних сцен и проходных персонажей, а также излишнего многословия. Его сюжеты компактны, а если в них встречаются противоречия, автор заблаговременно стремится их сгладить. Действие, описание и диалоги хорошо сбалансированы.

В этом отношении Шмиц походит на патриарха научной фантастики Хайнлайна. Он превосходный рассказчик. Его произведения не привлекают внимания сами по себе, он использует обычные для фантастики элементы: звездолеты, нуль-транспортировка, эспер (пси), неизведанные планеты и инопланетяне, но эти базовые величины используются как антураж. Но главное *не* в этом. Более того, фантастическим идеям он не уделяет особого внимания, поскольку можно взять журнал «В мире науки» и почитать там.

ПЕРСОНАЖИ

Еще один пример мастерства Шмица — его персонажи. Шмиц известен благодаря сильным и правдоподобным женским характерам — что крайне трудно сделать в произведениях, в которых акцент сделан на действие. Шмиц пытался избежать предрассудков, связанных с культурными традициями.

Например, имена его персонажей часто нейтральны относительно пола (Найл, Тайкос, Триггер, Тэлзи, Гефти, Дейнстар). В описываемом им будущем равноправие женщин не оспаривается. Просто будущее таково, каково есть.

Главное, что и как делают персонажи, а не их пол. Найл проводит свой корабль сквозь тайфун. Триггер расстраивается из-за того, что вынуждена стрелять по живым существам. Тайкос ломает голову над неразрешимыми вопросами и с этим уходит. Читатель же не может решить, положителен или отрицателен тот или иной персонаж.

Обычно, когда вы встречаетесь с героем произведения Шмица, он или, скорее, она занимается своим делом. Герой не ищет приключений на свою… гм… голову, приключения сами его

находят. Например, Тэлзи прерывает учебу в колледже, Триггер ведет корабль. Или, возможно, это ученый, чья работа требует уединения на лесном плавучем острове. Или молодая особа, поглощающая свой ланч на террасе ресторана. И вот тогда-то и происходит с ними что-то необычное.

Единственное, в чем они схожи, так это если у них возникла проблема, они не бегут в полицию, не кричат: «Караул!», а засучивают рукава и берут быка за рога. Опять же, как и Хайнлайн, Шмиц крупными мазками изображает смелых мужественных героев.

МОНСТРЫ

Больше, чем какой-нибудь другой фантаст, Шмиц обожает вкраплять в свои произведения элементы ужаса, обычно, тем самым, что вводит в них монстров. Монстры Шмица — одни из самых изобретательных в научной фантастике и их отличительная черта, то, что они сохраняют способность *пугать* вас. Не знаю, как вы, но если бы я столкнулся с подслушивающим плавучим лесом, то просто обомлел. И еще, я не смог бы перехитрить гоблина из парка Мелна, но монстры Шмица не только крупные, опасные и глупые.

Если столкнетесь с джанандрой, то вам лучше сразу понять, что ее интеллект значительно превышает *ваш* собственный. Помимо монстров, Шмиц наплодил множество замечательных растений и животных. Например, в «Сбалансированной экологии» перекати-поле (в оригинале tumbleweed) — частично растение, частично — животное.

> «Ильф заметил, как одно из растений, совсем маленькое, подобралось прямо к хищной росянке. Росянка была взрослой, могла выбросить щупальце на четыре-пять метров, и Ильф остановился, чтобы посмотреть, как перекати-поле попадется в ловушку.
>
> Внезапно щупальце метнулось, обвило концом перекати-поле, оторвало от земли и поднесло к отверстию в пне, под которым и скрывалась росянка. Перекати-поле удивленно сказало: «Ах!» — они всегда так говорят, если их поймать, — и исчезло в черной дыре. Через мгновение в отверстии вновь показался кончик щупальца, мерно покачиваясь, поджидая, пока в пределах досягаемости не появит-

ся что-нибудь подходящего размера.

Ильф, которому только что исполнилось одиннадцать, для своего возраста был невелик и являлся как раз подходящим объектом для росянки, но она ему не угрожала. Росянки в рощах алмазных деревьев на планете Урак никогда не нападали на людей. Ильфу вдруг захотелось подразнить росянку. Если взять палку и потыкать ею в пень, росянка рассердится, высунет щупальце и постарается выбить палку из руки».

Заметьте, как умело Шмиц представил парочку обитателей Алмазного Леса. И вы сразу понимаете, что кувыркающиеся сорняки — безобидны и недалеки. И если вы подумаете об этом, то росянки (в оригинале slurps), должно быть, достаточны умны, чтобы понимать концепцию «игры». Почему росянки Рейка *не* нападают на людей?

ТЕМЫ

Хотя Шмиц большинство рассказов писал для развлечения, три темы никогда не оставляли его равнодушным: пси, этика и экология.

Очевидно, что в рассказах о Тэлзи Шмиц описал большинство своих идей касательно пси. Иногда он лишь играет с остроумными придумками, типа как обвести вокруг пальца животное-телепортатора («Не более чем сон», том 1-й) или как спасти человека, спрятанного на морском дне («Не рой яму брату своему», том 2-й). Но также он не оставляет попыток серьезно ответить на вопросы, как общество справится с пси. Ответом Шмица явилось создание такой государственной структуры, как Психологический Сервис.

Рассказы Шмица всегда содержат в себе этические проблемы. Но для него не свойственно ставить этические дилеммы перед своими героями, обычно они и без него знают, как должны поступить, скорее, он поднимает эти вопросы в *вашем* разуме. Каким образом человеческая раса *должна* взаимодействовать с другими мыслящими существами? А что, если они непримиримо враждебны по отношению к нам?

В рассказе «Ветры времени» Гефти, выяснив, что джанандра — разумное существо, вынужден изменить тактику, ведь теперь его уничтожение станет убийством. Каким будет ответ Ядра на вторжение Нэнди-Клайн в рассказе «Дьявольское отродье» или на убийство Малатло в рассказе

«Каждому свое» (том 2-й)? А что, если другие формы жизни не могут говорить, а, следовательно, остается непонятным, разумны ли они «Рай для паразитов» (часть 2-я)?

Его интерес к экологии лучше всего демонстрирует повесть «Дьявольское отродье». Забросив Найл в плавучий лес, имея при себе лишь пистолет и дрессированную выдру, Шмиц вынуждает ее адаптироваться к природным условиям, чтобы добиться своих целей. Найл могла бы разрушить инкубатор, но это привело бы к трагическим последствиям. Гораздо лучше найти выход, имитируя симбиота. Лес использовал все из исследований Тайкоса Кея для того, чтобы противостоять гигантскому тарму. В рассказе «Сбалансированная экология» проблема не в том, как поступить с инопланетянами, а как инопланетяне поступят с нами? Шмиц не только получает удовольствие в том, что создает диковинных зверей и растения, но и находит такое решение, при котором они существуют в благотворном симбиозе между собой.

Рассказ «Дедушка» еще один пример любви автора к экологии. Пятнадцатитилетний Корд узнает, как экология Сутанга влияет на его здоровье и когда Дедушка, огромное плавучее

растение, используемое в качестве транспортного средства, начинает вести себя по-новому, Корд узнает новое правило поведения, игнорируемое взрослыми: и если вы не понимаете этого, то умрете. Когда неприятность случается, Корд использует свои новые знания, чтобы найти решение возникшей перед людьми проблемы.

Как хороший писатель, Шмиц дает нам всю информацию, чтобы предвидеть решение. Если бы он был плохим писателем, разбросанные по повествованию «столбики» выпирали бы из текста. Практически в самом начале рассказа кто-нибудь мог бы объяснить другому персонажу важность симбиотических пар, но Шмиц доставляет вам удовольствие тем, что находите решение вместе с Кордом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Своими попытками анализировать творчество Шмица я не могу сказать, что до конца сумел раскрыть секрет обаяния его произведений. Я сильно сомневаюсь, что вы сможете написать рассказы под Шмица, применяя в качестве рецепта установленные нами приемы. В основном рассказы Шмица просто *приятно читать*.

Исследовательский центр «Альфа»

1

Это произошло у автомата с прохладительными напитками. Распрямляясь, Барбара Эллингтон внезапно почувствовала, как что-то мимолетно коснулось её правого плеча. Это было похоже на легкий щелчок, но необычно холодивший кожу.

Она живо, несколько неловко, обернулась и в замешательстве взглянула на стоявшего сзади в нескольких шагах от неё элегантного, без единого волоска на голове, мужчину. Судя по всему, он ожидал своей очереди.

— Ах, это вы, Барбара! Добрый день! — сердечно приветствовал он её.

Барбара, стушевавшись, довольно бессвязно пролепетала:

— Я... я не знала, что за мной кто-то есть. Но я уже закончила, доктор Глоудж!

Прихватив прислоненный к стене кейс, она двинулась вдоль ярко освещенного коридора. Шатенка, высокая, может быть даже слишком, тонкая в талии, с серьезным, атласной кожи ли-

цом, она была не лишена очарования. Но сейчас, пунцовая от смущения, она двигалась скованно, какой-то деревянной и не свойственной ей походкой. Барбара вполне сознавала это и мучилась вопросом, не смотрит ли ей вслед удивленный её поведением доктор. "И тем не менее что-то меня действительно кольнуло!" — подумала она.

Дойдя до поворота, она искоса, через плечо, посмотрела назад. Доктор Глоудж, утолив жажду, не спеша двигался в противоположном направлении. Никого больше в коридоре не было.

За углом Барбара потрогала то место на плече, куда, как ей показалось, вонзилось тончайшее ледяное жало. Не с доктором ли Глоуджем связано... ну, все то, что произошло? Она раздумывала, насупив брови. Сразу же по поступлении на работу Барбара на две недели попала в его службу. И все это время Генри Глоудж, глава биологической секции Исследовательского центра Альфа, держался неизменно вежливо и даже галантно. Но в то же время он производил впечатление человека холодного, спокойного, замкнутого, целиком ушедшего в науку.

Нет, он решительно был не из тех, кто не прочь позабавиться с какой-то там машинисткой.

И в самом деле, ни о каком розыгрыше речь

и не шла.

Еще несколько недель тому назад доктор Генри Глоудж наметил Барбару в качестве одного из двух "подопытных кроликов" для проведения над ними, в тайне от обоих, эксперимента под названием "Стимуляция. Точка Омега". Доктор тщательно и заранее подготовился к осуществлению своего замысла. Ему удалось, в частности, в отсутствие Барбары установить в её комнате микрофон, который, по его расчетам, должен был оказаться весьма полезным в ходе эксперимента. Только после этого он приступил к поискам контакта с самой девушкой. Заглянув в этих целях в машбюро, он с огорчением узнал, что к тому времени Барбару перевели в другую службу.

Глоудж не рискнул задавать каких-либо вопросов. Он исходил из того, что в случае неудачи никто не должен был даже догадываться о каких бы то ни было его отношениях с ничем не примечательной машинисткой. Биолог считал, что даже при успешном исходе эксперимента его результаты, видимо, разглашать не стоило.

Накладка с переводом Барбары раздражала Глоуджа. И когда после четырех дней бесплодных попыток он неожиданно встретил её в пустынном холле пятого этажа, то расценил это как

счастливый для него случай, подарок судьбы.

Он видел, как девушка остановилась перед автоматом с прохладительными напитками. Глоудж зашел ей за спину. Быстро осмотревшись, нет ли в коридоре посторонних, он выхватил своеобразный шприц-пистолет, "стрелявший" под большим давлением сывороткой "Омега" в газообразном состоянии. Прицелившись в правое плечо Барбары, доктор нажал на спуск. Не успела ещё растаять в воздухе тоненькая дымчатая ниточка от выстрела, как Глоудж уже спрятал свое оружие в специально изготовленный для него кармашек под мышкой и застегнул пиджак.

Тем временем Барбара с кейсом в руках приблизилась к кабинету Джона Хэммонда, специального ассистента директора Исследовательского центра Альфа, расположенного на пятом этаже комплекса лабораторий, который считался самым крупным в мире. Офис Алекса Слоуна, директора Центра, находился на шестом.

Барбара остановилась перед тяжеловесной дверью черного цвета, на которой красовалось имя Джона Хэммонда. Взглядом собственника она посмотрела на табличку с надписью "Служба по связям и научным исследованиям" и, вставив в замочную скважину вытащенный из кейса ключ,

повернула его вправо.

Дверь бесшумно открылась, и Барбара вошла в приемную. С легким щелчком язычок замка встал на место.

В помещении никого не было. На столе Хелен Венделл, секретарши Хэммонда, лежало множество бумаг. Из-за приоткрытой двери в тамбур перед личным кабинетом Хэммонда слышался спокойный голос Хелен.

Прошло всего десять дней, как Барбара поступила в распоряжение Хэммонда, а по существу его секретарши. Помимо повышения в зарплате Барбару прельщали в этом изменении её служебного положения ещё два момента. Во-первых, её заинтриговала загадочная и в чем-то вызывающая беспокойство личность самого Джона Хэммонда. Во-вторых, ей льстило приобщение к секретам Службы, чего — увы! — пока не произошло.

Барбара подошла к столу Хелен Венделл и положила в отдельную корзинку несколько документов из своего кейса. В этот момент ей бросилась в глаза фамилия доктора Глоуджа в сопроводительной записке, приколотой к одной из докладных. Повинуясь порыву — ведь она только что встретила доктора, Барбара подалась вперед и вчиталась.

Хэммонду напоминалось о том, что у него назначена на сегодня на 15 часов 30 минут встреча с доктором Глоуджем для обсуждения проекта "Омега". Машинально посмотрев на часы, она отметила, что до неё оставалось тридцать пять минут.

Сама же докладная в отличие от документов, с которыми ей до сих пор приходилось иметь дело, была ей понятна, во всяком случае частично. В ней упоминался какой-то биологический проект "Стимуляция. Точка Омега", о котором Барбаре во время работы у Глоуджа слышать не приходилось. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, так как биологическая секция была одной из самых крупных в Центре Альфа. Оказалось, прочитала она, что этот проект касался "ускорения эволюционных процессов" у различных видов животных. Единственное, что привлекло её внимание в документе, было упоминание о том, что большое число подопытных погибло.

Неужели великий Джон Хэммонд тратит время на подобную чепуху? Разочарованная Барбара положила докладную обратно в корзинку и прошла в свое собственное бюро.

Пока она отсутствовала, на её столе выросла

целая стопка материалов для печатания с приколотой к ним написанной рукой Хелен запиской: "Барбара, документы появились неожиданно, и их следует отпечатать уже сегодня. Очевидно, потребуется немало часов сверхурочной работы. Если по личным причинам сегодня вечером вы заняты, сообщите мне, чтобы я запросила кого-нибудь из машбюро".

Барбара была уязвлена. В конце концов, это было её бюро и её работа! И она категорически возражала, чтобы кто-то другой выполнял за неё эти обязанности.

К сожалению, именно на сегодняшний вечер у неё было назначено свидание. Но сейчас имело значение лишь одно — не допустить другую машинистку в службу Хэммонда, даже на несколько часов! Решение было принято мгновенно и без колебаний. И все же какое-то время Барбара сидела неподвижно, покусывая губы. В этот момент она была всего лишь женщиной, обдумывающей, каким образом отказаться от встречи с мужчиной, обладающим вспыльчивым характером и полным нетерпения. В конце концов она сняла трубку телефона и набрала номер.

Уже несколько месяцев Барбара связывала свои мечты о будущем с именем Вэнса Стрезера. Он

был одним из техников фотолаборатории. Когда тот подошел к телефону, она рассказала ему о сложившемся положении, сокрушенно заявив в конце: "Я думаю, Вэнс, что мой отказ произвел бы плохое впечатление, учитывая, что я совсем недавно работаю в этой службе".

Она почти физически ощущала, как воспринимает все это Вэнс. Девушка уже давно подметила, что тот пытается установить с ней интимные отношения ещё до свадьбы, но именно этого-то она решила ни в коем случае не допустить.

Когда все же Вэнс внял её доводам, Барбара, с облегчением положив трубку, в порыве нежности к нему подумала: "Я действительно его люблю".

Через мгновение у неё вдруг закружилась голова.

Ощущение было необычным. Оно ни в какое сравнение не шло с привычными ей мигренями. Сначала — ощущение легкого вихря в ней самой и вокруг нее. Затем — необыкновенная легкость и впечатление, что вот-вот она, совсем невесомая, кружась, воспарит ввысь. И почти одновременно с этим — неистовая эйфория и неведомая ей до сих пор глубина чувства комфортности и переполненности силой. Все это длилось не более двадцати секунд и исчезло так же внезапно, как

и появилось.

Смущенная и несколько встревоженная, Барбара тем не менее быстро взяла себя в руки. Подумав, не принять ли таблетку аспирина, она тут же отказалась от этой мысли, так как никаких видимых причин для этого не было. Она прекрасно себя чувствовала: в голове — полная ясность, в теле неуемная энергия.

Она уже приступила к печатанию, когда краем глаза уловила какое-то движение сбоку. Повернув голову, она увидела Джона Хэммонда, неподвижно стоявшего на пороге её небольшого кабинета.

Барбара застыла, как это обычно случалось с ней в присутствии Хэммонда. Затем медленно развернулась к нему лицом.

Хэммонд рассматривал её с задумчивым видом. Это был крупный — под метр восемьдесят, — атлетически сложенный темноволосый мужчина со стальным взглядом серых глаз. Ему было лет под сорок. Но с самого начала работы с ним Барбару поражало не исходившее от него ощущение физической мощи, а сила интеллекта, явственно проступавшая в чертах лица и в глубине глаз. "Вот так, наверное, выглядят настоящие супермены", — уже не в первый раз подумала она.

— С вами все в порядке? — участливо спросил

Хэммонд. — Мне показалось, что вы вот-вот упадете с кресла.

Барбаре стало досадно, что кто-то видел её легкое недомогание. Она робко пробормотала:

— Извините, я, наверное, замечталась.

Его взгляд ещё на некоторое время задержался на ней. Потом, покачав головой, Хэммонд повернулся и вышел.

2

После встречи с Барбарой Глоудж быстро спустился на несколько этажей ниже. Он спрятался за грудой ящиков, скопившихся в проходе перед закрытой дверью в подсобку фотолаборатории. Ровно в пятнадцать часов пятнадцать минут открылась другая дверь. Появился молодой сухопарый, угрюмого вида парень с рыжими волосами. Поверх костюма на нем был надет белый, покрытый пятнами халат. Он катил перед собой груженую тачку, направляясь к подсобке.

Вскоре предстояла пересменка. Как Глоудж выяснил заранее, именно в это время дружок машинистки — Винсент Стрезер — всегда появлялся в кладовке, размещая там материалы фотолаборатории.

Доктор следил за парнем сквозь щели в пирамиде ящиков. Он явно нервничал и волновался

— не то что в момент введения сыворотки Барбаре. Если бы у Генри Глоуджа была возможность выбора, он ни за что бы не сделал его в пользу Винсента Стрезера, поскольку этот лаборантишка слыл слишком раздражительным и агрессивным малым. Однако его дружба с Барбарой и их совместное проведение свободного времени были на пользу эксперименту. Так, во всяком случае, рассуждал Глоудж.

Держа в руке под пиджаком свой шприц-пистолет, Глоудж стремительно выскочил вслед Стрезеру...

Еще только нажимая на спуск, доктор понял, какую злую шутку сыграла с ним нервозность.

Кончик иглы оказался слишком далеко — почти на полметра! — от лаборанта. На таком расстоянии даже молниеносный, порядка полутора тысяч километров в час, выброс сыворотки успевал разойтись веером и терял свою скорость. Заряд попал в верхнюю часть лопатки юноши, разорвав кожу и проникнув в мышцы, но укол явно получился болезненным. Подскочив от неожиданности, Стрезер испустил вопль и задрожал всем телом, как при контузии. Глоудж, воспользовавшись его замешательством, все же успел за это время спрятать свое оружие.

На большее времени уже не хватало. Вэнс Стрезер резко обернулся, схватил Глоуджа за грудки и разъяренно уставился на него.

— Вы что, спятили! — зарычал он. — Чем это вы меня ударили? И вообще, кто вы такой, черт побери?

На мгновение Глоудж впал в панику.

— Не понимаю, чего вы тут городите, — наконец выдавил он из себя, прерывисто дыша и пытаясь выскользнуть из могучих объятий Вэнса.

Внезапно он замолчал. Стрезер, глядевший поверх его плеча, почему-то отпустил доктора. Освободившись, Глоудж обернулся и, не веря себе, оцепенел, охваченный ужасом.

На Стрезера и доктора надвигался Джон Хэммонд, устремив на них вопрошающий взгляд. Глоуджу оставалось лишь надеяться, что специальный помощник вошел в помещение после выстрела и посему не заметил его.

— Что здесь происходит, доктор Глоудж? — спросил Хэммонд естественным для него властным тоном.

— Доктор! — изумленно воскликнул Вэнс.

— Этот молодой человек, видимо, полагает, что я его чем-то ударил, ответил Глоудж, стараясь придать своему голосу оттенок удивления и

возмущения. — Разумеется, ничего подобного я не делал. И вообще не понимаю, как подобная мысль могла взбрести ему в голову.

Нахмурившись, он посмотрел на Стрезера. Тот в явном замешательстве переводил взгляд с одного на другого. Присутствие Джона Хэммонда и титул Глоуджа смущали его, но не погасили негодования.

— И все-таки меня чем-то ударили по спине, — насупившись, произнес он. — Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление. А когда я обернулся, то он стоял рядом. Я, понятно, подумал, что это сделал он.

— Именно в этот момент я как раз намеревался вас обойти, — поправил Стрезера доктор Глоудж. — Но остановился, услышав, как вы вскрикнули. — Он передернул плечами и, улыбнувшись, продолжал: — Это все, что я сделал, старина! Ну скажите, с какой стати я буду вас ударять?

— Должно быть, я ошибся, — нехотя буркнул Стрезер.

— В таком случае будем считать происшествие простым недоразумением и кончим на этом, — поспешил добавить Глоудж. Он протянул руку Вэнсу, которую тот пожал без всякого энтузиазма, взглянув при этом на Хэммонда. Поскольку

специальный ассистент молчал, то Вэнс с явным облегчением повернулся, поднял один из ящиков, лежавших на тачке, и исчез в подсобке.

— Доктор, я как раз шел к вам, — обратился Хэммонд к Глоуджу, — чтобы обсудить проект "Омега". Это займет всего несколько минут. Надеюсь, вы направляетесь к себе?

— Конечно, — поспешил заверить его Глоудж, пристраиваясь за ним. Его все время терзала мысль: "Видел ли что-нибудь Хэммонд?" Однако лицо его спутника было непроницаемым.

Через несколько минут Глоудж сидел за своим столом, повернувшись лицом к Хэммонду, и испытывал неприятное волнение, знакомое преступникам, предстающим перед судом. Он никак не мог понять, почему всегда при контакте с этим дьявольским человеком он чувствовал себя мальчишкой.

Начало разговора тем не менее было спокойным.

— Доктор! Наш разговор носит строго доверительный характер, — заметил Хэммонд. — Я пока не представляю ни Алекса Слоуна, ни тем более Совет управляющих. Так что вы вольны пойти на него или нет. В случае вашего согласия мы могли бы поговорить с полной откровенностью.

— Разве поступили жалобы в отношении моих работ? — осведомился Глоудж.

Хэммонд кивнул:

— Вы не можете не знать этого, доктор. Уже трижды в течение двух месяцев вас просили представить доклад относительно проекта "Омега", причем изложить все подробно и конкретно.

Глоудж с неудовольствием подумал, что придется дать кое-какие уточнения.

— Мое нежелание приводить подробности объясняется строго научными соображениями, — сказал он, стараясь выглядеть искренним. — Эксперименты дали результаты, но их истинное значение я понял совсем недавно.

— Преобладает мнение, что ваш проект терпит крах, — твердо заявил Хэммонд.

— Обвинения, достойные лишь презрения, — сухо возразил Глоудж.

Хэммонд пристально вглядывался в него.

— Против вас лично не было выдвинуто обвинений. Пока не было... Именно поэтому я пришел поговорить с вами неофициально. Вы прекрасно знаете, что вот уже пять месяцев, как от вас не поступило ни одного сообщения об успешном ходе экспериментов.

— Было немало ошибок, господин Хэммонд. В

ограниченных рамках нынешней фазы исследований именно этого и следовало ожидать.

— Ограниченных в каком смысле?

— В том, что опыты ведутся только с самыми примитивными и наименее сложными видами животных.

— Но ведь вы сами ввели проект в эти рамки, — вкрадчиво заметил Хэммонд.

— Да, это так, — признал Глоудж. — Выводы, к которым я пришел, работая с низшими видами животных, никакого интереса не представляют. А тот факт, что эксперименты почти неизменно заканчивались негативными результатами, в том смысле, что достигнутые этими подопытными животными эволюционные формы в целом оказались нежизнеспособными, ни о чем не говорит.

— В целом... — подхватил Хэммонд. — Таким образом, вы хотите сказать, что не все особи погибали быстро.

Глоудж прикусил язык. Он абсолютно не собирался признавать это уже в самом начале разговора.

— Значительный процент подопытных перенес первую инъекцию, — нехотя выдавил он из себя.

— А как обстоит дело со второй?

Глоудж заколебался. Однако отступать уже было трудно.

— На этом уровне процент выживших очень резко падает. Точных цифр я не помню.

— А что происходило после третьего ввода сыворотки?

Теперь уже умолчать было совершенно невозможно.

— На сегодняшний день третью инъекцию перенесли три подопытных животных. Все они относятся к одному и тому же виду "КРИПТОБРАНКУС".

— "МЕНОПОМА" — прошептал Хэммонд. — Хорошо! Но ведь это довольно крупная саламандра. Согласно вашей теории в результате третьей инъекции подопытное животное должно продвинуться в своем эволюционном развитии до того уровня, которого в нормальных условиях оно достигло бы через пятьсот тысяч лет. Не означает ли сказанное вами, что в указанных трех случаях вы добились этого?

— "КРИПТОБРАНКУСЫ" вполне официально считаются видом животных, эволюция которого практически закончилась. Но я бы сказал, что мы добились намного большего.

— И какие же изменения можно было у них

заметить?

По мере того как Глоудж, каплю за каплей, раскрывал результаты своих исследований, в нем росла внутренняя напряженность. Он пытался все время определить тот момент, когда можно было бы избежать ответа на дальнейшие расспросы. Именно сейчас он, как ему представлялось, наступил.

— Господин Хэммонд, — обратился он к собеседнику, стараясь придать своим словам максимум искренности: — Я начинаю понимать, что был не прав, не представив вовремя более позитивных отчетов. Не думаю, что мои теперешние поверхностные ответы вас по-настоящему удовлетворят. Поэтому, может быть, лучше резюмировать для вас результаты моих наблюдений?

Прочитать что-либо в серых глазах Хэммонда было невозможно.

— Хорошо, — ровным голосом согласился он.

И Глоудж начал излагать свои выводы. Вкратце они сводились к следующему. В ходе опытов были получены результаты, которые представляли интерес в двух, возможно одинакового значения, плоскостях.

Во-первых, все исследовавшиеся формы жизни имели перед собой широкий спектр возможных

путей эволюции. По пока ещё неясным причинам сыворотка "Омега" стимулировала только одну из линий потенциального развития. Никакое последующее вмешательство уже не могло изменить этого наметившегося мутационного направления. В большинстве случаев процесс заканчивался угасанием вида.

Во-вторых, шанс на выживание увеличивался по мере того, как изучавшаяся форма жизни находилась на более высокой ступени эволюции.

— Не значит ли это, что когда дело дойдет до работы с млекопитающими, ведущими более активный образ жизни, а возможно и с обезьянами, то вы рассчитываете получить более весомые результаты как с качественной, так и с количественной стороны? — заинтересовался Хэммонд.

Глоудж уверенно заявил:

— У меня на этот счет никаких сомнений нет. В ходе эксперимента выявлен также интересный побочный эффект, — продолжал ученый. — Он состоит в том, что участки мозга, контролирующие торможение простых рефлексов, зачастую давали начало новым нервным образованиям и их сенсорным продолжениям. Судя по всему, сыворотка возбуждала эти активные участки, повышая их гибкость. Однако препятствием

явилось то, что одностороннее приращение возможностей слишком часто заканчивалось смертью подопытных. В то же время в случае с "КРИПТОБРАНКУСАМИ" было отмечено появление небольших функциональных жабер в верхней части нёба. Кожный покров утолщался, превращаясь в сегментированный ороговевший панцирь. Развивались небольшие загнутые клыки, связанные с железой, вырабатывающей слабый гемотоксичный яд. Глаза рассасывались, но соответствующий участок кожи приобретал чувствительность к свету. Есть, конечно, и другие изменения, — закончил Глоудж, пожав плечами, — но я рассказал о самых поразительных.

— Да, они действительно выглядят в достаточной степени таковыми. А что стало с двумя животными, которых не вскрывали?

И тут Глоудж понял, что его отвлекающий маневр не удался.

— Они, естественно, получили четвертую инъекцию, — ответил он, смирившись.

— То есть ту, которая должна была побудить их сделать скачок в эволюцию сразу в миллион лет? — спросил Хэммонд.

— Вот именно, довести их до кульминационной точки в наметившейся линии развития. Экви-

валент, установленный мною между четырьмя стадиями стимуляции и специфическими периодами нормального эволюционного развития в двадцать, пятьдесят, пятьсот тысяч и в миллион лет, конечно, является гипотетическим обобщением. Тем не менее мои расчеты показывают, что многие известные коренные виды примерно отвечают такому соответствию.

Хэммонд покачал головой:

— Я понимаю, доктор. И все же, что произошло с "КРИПТОБРАНКУСОМ" после четвертой инъекции?

— Я не могу дать точного ответа на этот вопрос, господин Хэммонд. Внешне это выглядело как очень быстрый распад всей совокупности органических структур. За два часа подопытные животные буквально растворились на глазах, — Глоудж говорил об этом с напряжением в голосе.

— Говоря другими словами, — оценил Хэммонд, — стимулятор "Точка Омега" заводит "КРИПТОБРАНКУСОВ" — а по сути и все другие виды животных, в отношении которых он применялся, — в один из многочисленных тупиков эволюции?

— До настоящего времени именно это и наблюдалось, — лаконично отозвался Глоудж.

— Расскажите-ка ещё вот о чем, — попросил Хэммонд после непродолжительного молчания. — Мне сказали, что вы хотели бы иметь достаточно квалифицированного в этой области ассистента. Центр, вне всяких сомнений, мог бы добиться того, чтобы сэр Хьюберт Роланд был прикомандирован к столь интересному проекту.

— Я очень уважаю работы сэра Роланда, но тем не менее считаю, что его появление в моей лаборатории было бы нежелательным, — холодно возразил Глоудж. — И я буду препятствовать всем попыткам оказать на меня в этом отношении давление.

— Не будем пока принимать окончательных решений, — примирительно ответил Хэммонд. — Я же сказал, что наш разговор носит абсолютно неофициальный характер. Могли бы вы, доктор, прийти ко мне... скажем, через неделю в десять часов? Я бы хотел поглубже разобраться в этих вопросах, но, к сожалению, все эти дни я буду занят.

Доктор Глоудж с трудом сдерживал ликование. Ведь сегодня была среда. Он выбрал её как время "Х" для своего эксперимента из расчета, что воспользуется уик-эндом, который оба его подопытных проведут вместе, вдали от места

работы.

До воскресенья ему, несомненно, удастся сделать вторые инъекции молодой паре. А в будущую среду они получат и третьи, а может быть, и четвертые. К тому времени либо удастся преодолеть наиболее трудно переносимые реакции, либо эксперимент уже завершится.

Скрывая свое удовлетворение, Глоудж ограничился тем, что тихо сказал:

— Как вам будет угодно, господин Хэммонд. — При этом сделал вид, что идет на уступку.

3

В эту ночь перед очередным этапом операции доктор Генри Глоудж спал крайне тревожно. Его раздирал внутренний конфликт между надеждой и страхом. Какими окажутся первые результаты применения стимулятора "Омега" на людях? В случае провала у него не будет выбора в отношении дальнейших шагов. Даже если его действия могли быть расценены как убийство.

Доктор Глоудж рассматривал такой поворот событий как-то отрешенно, не испытывая особенного волнения. В прошлом ему не раз удавалось тайно ставить довольно смелые опыты, постоянно создавая при этом впечатление, что он строго соблюдает научные принципы. Обога-

щенный знаниями, полученными в ходе этих никому не известных экспериментов, он мог даже позволить себе комбинировать добытые, порой интуитивно, результаты с данными более простых исследований.

Он считал, что по своему научному значению проект "Омега" целиком оправдывает применение подобных тайных методов. Если рассматривать вопрос объективно, рассуждал он, в сопоставлении с намеченной высокой целью, то жизнь двух молодых людей, выбранных им на роль "подопытных кроликов", ровно ничего не значила. Их физическое устранение в случае неудачи эксперимента было бы столь же естественным делом, как и в случаях с любым другим животным.

Конечно, тот факт, что опыт ставился над людьми, а не над животными, повышал степень личного риска для него, Глоуджа. Именно это волновало его теперь, когда он уже сделал им первую инъекцию. Не раз в ту ночь он выныривал из своего полного кошмаров полусна только для того, чтобы снова оказаться перед лицом этой мучительной реальности, и затем, выбившись из сил, весь в поту, заново погружался в забытье.

И когда пробило четыре часа, он вскочил на

ноги почти с облегчением. Для поднятия духа доктор проглотил несколько порошков сильных стимуляторов. В последний раз проверил свое снаряжение. Только после этого Глоудж покинул квартиру, за рулем специально экипированного для его целей фургона черного цвета направляясь к семейному пансионату, где проживала мисс Эллингтон.

К четверти шестого утра он прибыл к месту назначения. Барбара жила на обрамленной деревьями авеню, в старом квартале города, предназначенном для резиденций, в восьмидесяти километрах к западу от комплекса Альфа. Не доезжая двухсот метров до её дома, доктор припарковал фургон к противоположной стороне улицы и выключил мотор.

Готовясь к этой стадии эксперимента, Глоудж ещё на прошлой неделе заложил в тайник под корой одной из смоковниц у дома Барбары миниатюрную записывающую головку, соединенную с микрофоном в её спальне. При этом выступавшая наружу часть этого устройства была умело закамуфлирована им под ржавый гвоздь. Вынув из перчаточника в кабине своего грузовичка магнитофон, Глоудж вставил в ухо телефончик и включил контакт.

Покрутив с полминуты регулятор громкости, он побледнел. На прошлой неделе ночью он дважды проводил проверку своей закладки. Микрофоны оказались настолько чувствительными, что улавливали даже дыхание и биение сердца любого находившегося в помещении человека. Поэтому сейчас у Глоуджа была абсолютная уверенность в том, что ни одного живого человека в комнате Барбары не было.

Он лихорадочно перемотал пленку магнитофона на запись, сделанную час назад, и с облегчением вздохнул.

В тот момент Барбара Эллингтон была у себя. Отчетливо прослушивались её спокойное и ровное дыхание, сильные с замедленными интервалами толчки сердца. Доктор Глоудж слишком часто имел дело с аналогичными записями при экспериментах над животными, чтобы ничуть не сомневаться в том, что эта подопытная первую фазу проекта "Стимуляция. Точка Омега" перенесла успешно и без каких-либо осложнений.

Это радостное известие после тягостных ночных кошмаров чрезвычайно разволновало доктора. Чтобы прийти в себя, ему потребовалось несколько минут. После нескольких попыток он сумел, наконец, выделить в записи тот момент,

когда Барбара, как это было очевидно, проснулась и принялась ходить по комнате. Глоудж слушал эти звуки, как зачарованный. Временами ему казалось, что он и в самом деле видит девушку, точно знает, что она сейчас делает. Так, он ясно различил, что на несколько секунд она как бы замерла, затем радостно и приглушенно рассмеялась. Это заставило ученого вздрогнуть от восторга. Через минуту громко захлопнулась дверь, и в комнате девушки воцарилась та самая пустая мертвящая тишина, которая так неприятно поразила его в начале прослушивания.

В тот четверг Барбара Эллингтон проснулась с мыслью, которая никогда ранее не приходила ей в голову: "К жизни не следует относиться всерьез".

Удивленная Барбара все ещё продолжала раздумывать над этим неожиданным для неё постулатом, как откуда-то вынырнул ещё один абсолютно не типичный для неё вопрос: "Что же это за извращенная сила, которая толкает меня быть рабыней мужчины?"

Эта мысль показалась ей естественной и абсолютно очевидной. Она не означала, что надо вообще порвать с мужчинами. Барбара по-прежнему любила Вэнса, во всяком случае она так

считала, но любила его... по-другому.

Вспомнив о Вэнсе, она улыбнулась. Быстро и цепко оглядев комнату, она поняла, что проснулась сегодня на два часа раньше, чем обычно. Лучи солнца пробивались в окна почти горизонтально. До этого утра она считала, что лишать себя хотя бы малой частицы драгоценного сна — это просто ужасно.

А сейчас ей вдруг подумалось: "Почему бы не позвонить Вэнсу? Мы могли бы чудесно прокатиться на машине ещё до работы..."

Она уже протянула руку к телефону, но, подумав, отказалась от своего намерения. Пусть, бедняжка, поспит ещё немного!

Она оделась быстро, но почему-то более тщательно, чем это делала раньше. Взглянув на себя в зеркало, Барбара отметила, что выглядит привлекательней, чем считала себя до сих пор.

"И даже намного привлекательней", — поправила она себя через секунду. Заинтересованная и несколько смущенная этим открытием, она вернулась к зеркалу и принялась изучать свое отражение. Да, это было её, столь знакомое Барбаре, лицо. Но в то же время оно было и каким-то иным, не свойственным ей, лучезарным. И снова в её голове промелькнула свежая мысль. От неё

устремленные на Барбару из глубины зеркала сиявшие глаза, казалось, расширились.

"Но я же выгляжу раза в два жизнерадостнее, чем прежде!"

Это её поразило... доставило удовольствие... а затем заставило задуматься: "Интересно, с какой это стати?"

Ее изображение в зеркале слегка нахмурилось, но затем беззаботно расхохоталось.

В Барбаре произошли изменения. Чудесные, ещё не закончившиеся. В глубине её существа что-то трепетало от накатывавшихся на окраины сознания могучих и неведомых сил. Пробудилось любопытство — что же все-таки происходит? Но оно оказалось легким и игривым, а не навязчивым и вызывающим беспокойство.

"Когда захочу, тогда и УЗНАЮ", — сказала она самой себе, и любопытство сразу же улетучилось.

"Ну а теперь..." — девушка ещё раз оглядела свою комнатку. Уже больше года она служила ей приютом, пристанищем, убежищем. Но сейчас Барбара в этом не нуждалась. Сегодня её не удержать в четырех стенах!

Улыбнувшись, она приняла решение: "Пойду разбужу Вэнса".

Ей пришлось пять раз нажать на кнопку звонка,

прежде чем она услышала, как Вэнс задвигался.

— Кто там? — наконец хрипло, еле ворочая языком, спросил он.

Барбара смешливо крикнула:

— Это я!

— Боже мой!

Послышался звук отодвигаемого засова, и дверь открылась. Вэнс уставился на свою гостью заспанными глазами. Поверх пижамы на нем был накинут домашний халат. Его угловатое лицо было багровым, а рыжие волосы торчали в разные стороны.

— И что это ты заявилась в такую рань? — изумился он, впуская Барбару. — Ведь всего лишь половина шестого!

— Какое сегодня чудесное утро! Я не могла позволить себе и дальше валяться в постели. Мне захотелось зайти за тобой, чтобы прогуляться вдвоем до работы.

Вэнс прикрыл дверь и, помаргивая, окинул Барбару недоверчивым взглядом.

— Прогуляться! — повторил он.

— Вэнс! Ты что, плохо себя чувствуешь? Судя по виду, ты температуришь.

Вэнс отрицательно покачал головой:

— Нет, не думаю. Хотя, с другой стороны, я не

совсем в форме. Садись. Хочешь кофе?

— Не так чтобы очень. Но если хочешь, мигом приготовлю.

— Не стоит. Меня подташнивает.

Он сел на диван в небольшой гостиной, вытащил сигарету из кармана халата, зажег её и, затянувшись, скорчил гримасу.

— Фу! Какая мерзость! — Нахмурив лоб, он в упор посмотрел на Барбару. — Ты знаешь, вчера произошла какая-то чертовщина. И я не уверен, что...

Он явно колебался.

— Так в чем же ты не уверен, Вэнс?

— ...чувствую себя сегодня развалиной не по причине того, что приключилось вчера. — Он помолчал, снова покачал головой и прошептал: — От всего этого можно спятить. Ты же знаешь этого доктора Глоуджа? Ты работала у него вначале.

В голове у Барбары неожиданно высветился целый участок. Выслушивая историю Вэнса, она наперед знала её конец, за исключением лишь факта вмешательства Джона Хэммонда.

Этот инцидент вписывался во что-то, носящее гораздо более глобальный характер...

"До чего же смел этот прохвост Глоудж, — по-

думалось ей. — То, что он делает, это безумие, сенсация, это вызывает ужас!"

Ее охватило сильнейшее возбуждение.

В памяти сразу же всплыл текст документа, лежавшего вчера на столе Хелен Венделл, отчетливо припомнилось каждое слово. Но разве дело было только в словах!

Теперь она все ПОНЯЛА, разгадала их смысл, увидела последствия и те возможности, которые открывались перед... ней и Вэнсом.

Неожиданно возникло другое чувство — острой недоверчивости...

Где-то тут притаилась опасность! Джон Хэммонд... Хелен... Сотни мелких, незаметно откладывавшихся ранее в памяти деталей, внезапно свелись в единую картину. Все стало на место, но одновременно возникла и тревога. "В этом есть что-то сверхъестественное", — подумала она в замешательстве.

Кто такие вообще Хэммонд и Хелен? Чем они занимаются? По многим параметрам они совершенно не вписывались в рамки такой организации, как Исследовательский центр Альфа. Но, судя по всему, они полностью его контролировали.

И дело было даже не в том, что это имело ка-

кое-то значение в ближайшем будущем. Теперь Барбара была твердо уверена в том, что как Хэммонд, так и Хелен выступают против той цели, которую поставил перед собой доктор Глоудж, предпринимая эксперимент "Стимуляция. Точка Омега". И если это им будет по силам, то оба непременно попытаются сорвать его.

"Нет, они не посмеют сделать этого", — подумала она про себя.

Глоудж занимался правым делом. Каждая клеточка её тела звучала победной песней, утверждавшей эту истину. Необходимо было принять меры к тому, чтобы план Глоуджа удался.

Но ей следовало проявлять осторожность и действовать быстро! Как же невероятно не повезло доктору, что Джон Хэммонд появился как раз в тот же момент, когда Глоудж делал Вэнсу первую инъекцию.

— Как ты считаешь, может быть, мне следует сообщить об этом инциденте? — спросил Вэнс.

— А не кажется ли тебе, что ты будешь глупо выглядеть, если окажется, что ты подхватил банальный грипп? — с легкостью отозвалась Барбара.

— Да-а-а, пожалуй... — Вэнс, видимо, колебался.

— Что ты чувствуешь, помимо дурноты?

Он описал ей симптомы, которые не так уж отличались от тех, которые испытывала она сама. Ведь Барбара тоже неважно себя чувствовала вчера перед сном. Просто начальный период реакции на сыворотку у Вэнса оказался более продолжительным и сопровождался более неприятными ощущениями, чем у нее.

Барбаре захотелось его успокоить. Но она посчитала неосторожным сообщить ему то, что ей открылось. Пока он не преодолеет это физическое недомогание, подобная информация может серьезно его разволновать.

— Послушай, Вэнс, — настойчиво обратилась к нему Барбара. — Сегодня до вечера ты не работаешь. Поэтому лучше тебе поспать ещё несколько часов. Если дела ухудшатся и ты захочешь, чтобы я отвезла тебя к врачу, позвони мне. Я тут же приеду. В противном случае я позвоню тебе в десять часов.

Вэнс сразу же согласился с этим:

— Да, я действительно здорово выбит из колеи. Именно в этом все дело. Сейчас же лягу, но не в кровать, а на диван.

Чуть позже, покинув Вэнса, Барбара быстро переключилась в своих мыслях на другое. Она уже обдумывала способ увидеть доктора Глоуджа

сегодня же.

Глоудж искал место для парковки машины, когда неожиданно заметил Барбару, выходившую из дома Вэнса Стрезера и намеревавшуюся пересечь улицу в сотне метров от него. Он резко затормозил и вклинился между двумя стоявшими вдоль тротуара автомашинами. Он застыл за рулем, прерывисто дыша при мысли о том, что его едва не засекли.

Барбара остановилась, взглянула было в сторону совершавшего маневр фургона, но затем спокойно продолжила свой путь. Наблюдая, как она, гордо выпрямившись, легко и раскованно шагает, Глоудж вспомнил, насколько его поразила вчера напряженная и нескладная походка Барбары. Он почувствовал, что его последние сомнения улетучились.

Именно испытанием на людях докажет свою эффективность проект "Стимуляция. Точка Омега".

Глоудж сожалел сейчас только об одном: почему он не прибыл десятью минутами раньше. Было очевидно, что Барбара приходила навестить Вэнса и была вместе с ним вплоть до настоящего момента. Если бы доктор застал их вместе, он смог бы провести сравнительное изучение реак-

ции на сыворотку сразу у обоих...

Но эти мысли ни в чем, однако, не умеряли возбуждения, от которого доктора бросало в дрожь. Он проследил, как удалялось коричневого цвета авто Барбары. Когда машина исчезла из виду, доктор завел мотор, припарковал фургон в тупике за домом Вэнса, а затем проник в него. Доктор намеревался тщательно ознакомиться с физическим состоянием Стрезера.

Через несколько минут Глоудж уже наблюдал, как стрелка индикатора в небольшом приборе в его руке продвигается к нулю. Как только она его достигла, доктор снял маску, закрывавшую ему нос и рот, и наклонился над Вэнсом, растянувшимся на диване в гостиной.

Внешне молодой человек выглядел намного хуже, чем он ожидал. Конечно, воспаленное лицо и налитые кровью глаза можно было отнести за счет паралитического газа, который Глоудж запустил в квартиру через полуоткрытую заднюю дверь. Но имелись и другие вызывавшие беспокойство симптомы: высокое давление, расширенные кровеносные сосуды, бледность покровов. По сравнению с бьющей через край энергией Барбары и её жизнерадостностью Вэнс выглядел удручающе.

И тем не менее он выжил после первой инъекции.

Глоудж выпрямился, в последний раз взглянул на неподвижно лежащего Вэнса и пошел закрывать окно, которое он распахнул через минуту после того, как заполнил комнату газом мгновенного действия. К этому времени тот уже выветрился. Его действие на Вэнса продлится ещё примерно с час, и, когда подопытный проснется, ничто не даст ему оснований считать, что после ухода Барбары Эллингтон в комнате что-то происходило.

Завтра Глоудж вернется и сделает Стрезеру вторую инъекцию.

По пути к своему фургончику он пришел к решению о необходимости проследить за действием сыворотки на обоих подопытных вечером этого же дня.

Его переполняла уверенность в себе. По мнению доктора, прежде чем кто-либо заметит, что эксперимент ведется над людьми, тот уже подойдет к своему завершению.

4

Когда раздался сигнал, Хэммонд брился в ванной своей квартиры, расположенной сразу же за его рабочим кабинетом. Он застыл на мгновение,

медленно положил бритву и нажал на кнопку скрытого в стене интерфона.

— Слушаю вас, Джон, — раздался голос Хелен.

— Кто сейчас вошел?

— Это... была Барбара, — ответила удивленная Хелен. — Чем вызван ваш вопрос?

— Биоиндикатор только что зафиксировал уровень выше шести.

— В отношении БАРБАРЫ! — с недоверием воскликнула Хелен.

— В отношении кого-то. Попросите прислать кого-нибудь из секции спецтехники проверить состояние аппаратуры. Входил ли в помещение ещё кто-нибудь, кроме Барбары?

— Нет.

— Ладно. Пусть посмотрят биоиндикатор. — Хэммонд выключил интерфон и продолжал бриться.

Чуть позже в кабинете Барбары раздался звонок вызова к шефу. Это означало, что ей предстояло стенографировать. Направляясь к Хэммонду с блокнотом в руках, Барбара с любопытством подумала, заметит ли тот перемену в ней. Однако гораздо более важной ей представлялась возможность ближе приглядеться к этому странному и всемогущему человеку.

Когда она вошла в кабинет, Хэммонд указал ей на кресло, приглашая сесть. Но что-то в его поведении насторожило девушку.

— Простите, господин Хэммонд, — сказала Барбара, сделав извиняющийся жест. — Я сейчас вернусь.

Она выскочила из кабинета и ринулась в дамскую комнату, выходившую в холл. Как только за ней захлопнулась дверь, Барбара закрыла глаза и попыталась точно воспроизвести то ощущение, которое охватило её в момент, когда она почувствовала наличие... какого-то неизвестного ей феномена.

"Это исходило не от Хэммонда", — пришла она к выводу. Он указал ей на кресло, и именно от последнего исходило нечто вроде мощного потока энергии.

По-прежнему стоя с закрытыми глазами, она подвергла анализу саму себя, стремясь установить, на что в ней подействовало это излучение. Судя по всему, это был вполне определенный участок её мозга, который реагировал всякий раз одинаково при воспоминании о том, как она готовилась занять место в кресле.

Она не понимала характера этого явления, но твердо сказала себе: "Теперь, когда мне стало

об этом известно, я в состоянии ему воспротивиться".

Успокоившись, она вернулась в кабинет Хэммонда, спокойно уселась в кресло и улыбнулась шефу, который восседал за громадным столом из сверкавшего черного дерева.

— Извините меня, пожалуйста. Я готова.

В течение последующего получаса лишь малая часть её мозга была занята тем, что она стенографировала. Одновременно шло яростное противостояние остальной части её разума потокам энергии, которые ритмично, волнами, исходили из кресла. Барбара постепенно все более отчетливо осознавала, что это была настоящая баталия.

Теперь она твердо убедилась в том, что какой-то нервный центр в её мозгу реагирует на гипнотическое внушение. Поэтому, когда Хэммонд внезапно приказал: "Закройте глаза, Барбара", она немедленно повиновалась.

— Поднимите правую руку, — скомандовал Хэммонд.

Рука машинистки, державшая карандаш, тут же вздернулась в воздух.

Затем Хэммонд распорядился положить руку на колени и в быстрой последовательности под-

верг девушку испытанию на различные тесты. Барбара поняла, что они-то и были самым важным элементом проверки.

Но гораздо больше её занимал тот факт, что она могла позволять той части мозга, которая подвергалась воздействию гипноза, выполнять команды Хэммонда, заставляя двигаться по его указанию те или иные части своего тела, сохраняя при этом контроль за собой. Так, когда тот приказал её руке стать нечувствительной и, внезапно нагнувшись, уколол иголкой, Барбара не испытала никакой боли, то есть была к ней невосприимчива.

Хэммонд, видимо, был удовлетворен. Вернув ей обычную чувствительность, он произнес:

— А теперь я прикажу вам забыть о тех тестах, которые я применял. В то же время вы остаетесь полностью подчиненной моей воле и будете откровенно отвечать на все те вопросы, которые я задам. Понятно?

— Да, господин Хэммонд.

— Отлично. А теперь выбросьте из головы все, о чем мы говорили и что делали с того момента, как я приказал закрыть глаза. Откроете их только тогда, когда ваши воспоминания полностью сотрутся из памяти.

Барбара выждала десять секунд. "Что так скоро вызвало у него подозрения? — терзалась она. — И почему это так его беспокоит?" Она отбросила пришедшую было ей в голову мысль о том, что, сама того не ведая, едва не раскрыла какую-то часть секретной деятельности, нити которой сходились в этом кабинете. До этого она никогда не слышала о гипнотических креслах.

Барбара открыла глаза, притворно покачнулась и сделала вид, что быстро справилась с недомоганием.

— Извините, господин Хэммонд.

В серых глазах Хэммонда застыла обманчивая сердечность.

— Такое впечатление, что сегодня утром у вас возникли какие-то проблемы, Барбара.

— Я чувствую себя превосходно, — возразила она.

Хэммонд продолжал вкрадчивым голосом:

— Если что-нибудь недавно изменилось в вашей жизни, Барбара, я хочу, чтобы вы мне об этом рассказали.

За этой фразой последовал целый букет вопросов, касавшихся всей прошлой жизни Барбары. Девушка непринужденно отвечала. Без сомнения, ей в конце концов удалось убедить Хэммонда,

так как вскоре тот вежливо её поблагодарил и отослал печатать надиктованное.

Устроившись через некоторое время за пишущей машинкой, Барбара через стеклянную дверь заметила, как в кабинет Хэммонда направилась Хелен.

— В течение всего разговора, — сообщил Хэммонд вошедшей Хелен, биоиндикатор прочно указывал на восемь и четыре. Это выше гипнотического уровня. Но мне она ничего не сказала.

— Интересно, а какой уровень у меня?

Хэммонд посмотрел на прибор в правом от него выдвижном ящике стола.

— Как обычно: одиннадцать и три.

— А ваш индекс?

— Тоже нормальный — двенадцать и семь.

— Может быть, неполадки лишь в той части аппаратуры, которая сориентирована на определение среднего уровня, — заметила Хелен. Затем добавила: — Сотрудник секции спецтехники придет с проверкой после окончания рабочего дня. Это вас устраивает?

Хэммонд явно колебался, но вынужден был согласиться с тем, что у него, в сущности, не было оснований нарушать действующие правила безопасности.

Во время обеденного перерыва Барбара опять на короткое время почувствовала себя неважно, но на сей раз она была настороже. Вместо того, чтобы дожидаться, когда недомогание пройдет само собой, она принялась анализировать все нюансы его проявления.

Она чувствовала, что в ней бушует какое-то внутреннее движение. Между различными частями её тела происходил обмен частицами энергии. При этом особая область в её мозгу, видимо, координировала эти перемещения.

Как только внутренние импульсы прекратились — а они исчезли столь же внезапно, как и появились, — Барбара подумала: "Это было не просто какое-то изменение. За эту минуту я определенным образом продвинулась в своей эволюции".

Застыв над тарелкой, она попыталась разобраться в характере этих перемен. Но безуспешно.

Тем не менее она чувствовала себя удовлетворенной. Сначала у Барбары возникло стремление уже в течение этого дня попытаться разыскать доктора Глоуджа в надежде на вторую инъекцию. Но, подумав, она решила, что пока этого делать не следует, так как было очевидно, что изменения,

происходившие в результате первой инъекции, ещё полностью не завершились.

И Барбара вновь направилась в свою "Службу по связям и научным исследованиям".

Когда раздался звонок, извещавший о её возвращении, Хэммонд наклонился и посмотрел на показания биоиндикатора. Какое-то время он продолжал задумчиво созерцать его, затем вызвал Хелен Венделл.

— Барбара достигла коэффициента девять и две, — спокойно заявил он ей.

— Вы хотите сказать, что он возрос? — Она улыбнулась: — Ну теперь-то уж ясно: дело явно в самом приборе.

— Что дает вам основание так считать? — спросил Хэммонд необычно неуверенным для него голосом.

— При всем моем опыте я никогда не встречалась со случаями возрастания показателя у кого бы то ни было. Наоборот, по мере старения организма коэффициент у людей медленно уменьшается. Но...

Она смолкла. Лицо её шефа вновь обрело былое спокойствие. После небольшой паузы Хэммонд прошептал:

— И все же риск недопустим. Хочу побыть с ней

сегодня вечером. Вы не возражаете?

— Как это ни досадно, но вы совершенно правы!

— Я подвергну её внушению на уровне двенадцать и выше. Причем она никогда и не узнает, что с ней случилось.

5

С наступлением ночи доктор Генри Глоудж был уже у дома Барбары. Не теряя времени, он включил "шпиончика", заделанного в дерево, и отрегулировал силу звука.

После того как в течение тридцати секунд аппарат не издал ни единого звука, доктор нахмурился. "Неужто повторится то же самое, что сегодня утром, — проворчал он про себя. — Может быть, она отправилась навестить своего дружка?" Доктор устало вздохнул, завел мотор и повел фургон к улице, где проживал Вэнс.

Остановившись у тротуара напротив дома, он быстро установил, что Вэнс у себя. Но один.

Молодой человек не спал и находился в прескверном настроении. Глоудж слышал, как тот сорвал трубку телефона и набрал номер, несомненно Барбары, поскольку вскоре в сердцах бросил трубку на рычаг и пробормотал:

— Она ведь знает, что я работаю сегодня в ночь!

Куда же она запропастилась?

Тот же самый вопрос все сильнее беспокоил и Глоуджа по мере того, как проходило время. Он вернулся в квартал, где в семейном пансионате проживала Барбара. В её квартире до одиннадцати часов периодически тренькал телефон, что говорило о настойчивости Вэнса.

После того как в течение часа звонки не возобновлялись, Глоудж сделал вывод, что Стрезер отправился на работу. Но это нужно было проверить, и он проделал на машине прежний путь, но в обратном направлении. В комнате рыжеволосого стояла тишина. Успокоившись на его счет, доктор развернулся и снова заступил на дежурство напротив дома Барбары.

Только теперь Глоудж почувствовал, как устал. Он поставил аппарат в режим, при котором после возвращения девушки должен был раздаться предупреждающий его сигнал, проскользнул в заднюю часть фургона и, растянувшись на узкой лавке, медленно забылся глубоким сном.

За несколько часов до этих событий Барбара находилась в своем кабинете.

Незадолго до окончания рабочего дня с ней опять сделалось дурно, и она чуть не упала в обморок.

Разволновавшись, она направилась к Хелен Венделл, чтобы сообщить ей о своем недомогании. При этом она даже не подумала о том, насколько логично было просить помощи у секретарши Хэммонда.

Хелен проявила участие и поспешила провести Барбару к Джону Хэммонду. Девушка, которая к этому времени вновь несколько раз ненадолго "отключалась", была признательна шефу за то, что тот предложил ей отдохнуть в роскошном салоне, примыкавшем к его кабинету. Он назвал его "комнатой для моих друзей".

Она разделась, скользнула под простыни и быстро заснула. Хитроумная ловушка захлопнулась.

Весь вечер Хэммонд и Хелен Венделл по очереди сменялись у её изголовья.

В полночь сотрудник службы спецтехники установил, что биоиндикатор работает исправно. Он прозондировал спящую девушку и сообщил:

— Получился коэффициент девять и две. Кто это? Из вновь прибывших?

Молчание в ответ на его вопрос привело техника в изумление.

— В чем дело? Неужели это жительница Земли? — прошептал он.

— По крайней мере, она не поднялась ещё на одну ступень, — заметила Хелен Венделл после того, как сотрудник отдела спецтехники удалился.

— Жаль, что её коэффициент выше гипнотического уровня, — сказал Хэммонд. — Подвергать её сейчас простому внушению, в сущности, бесполезно.

— Что будем делать?

Незадолго до наступления утра Хэммонд наконец принял решение.

— Коэффициент девять и две не представляет для нас реальной опасности. Поэтому ограничимся пока самыми рутинными мерами. Не будем, однако, забывать о том, что кто-то, возможно, предпринимает действия, о которых нам ничего не известно. Не исключено, что придется при необходимости применить к ней и некоторые методы сверхчувствительного воздействия.

— Здесь? В Центре Альфа?

Хэммонд задумчиво посмотрел на свою очаровательную секретаршу-помощника. Обычно он доверял реакции Хелен в этой области.

Она, очевидно, догадалась, о чем он подумал, поскольку поспешила добавить:

— В последний раз, когда мы прибегали к сверхчувствительным методам, около тысячи

восьмисот землян оказались в одной с нами фазе. Конечно, они посчитали тогда, что у них просто разыгралось воображение, но некоторые обменялись своими наблюдениями. В течение нескольких недель над этим все потешались, но нам едва-едва удалось избежать разглашения исключительно важных сведений.

— Да-а-а... справедливое замечание. В таком случае ограничимся тем, что будем продолжать за ней наблюдение.

— Согласна. Тогда я сейчас разбужу её.

Вернувшись к себе в кабинет, Барбара тут же позвонила Вэнсу. Никто не отвечал. Ничего удивительного в этом не было, так как если он проработал всю ночь, то должен был спать сейчас, как сурок. Барбара положила трубку и позвонила в фотолабораторию. Когда ей сказали, что Вэнс отметился в списке ночной смены, а сейчас ушел с работы, у неё полегчало на душе.

К Хэммонду и Хелен Венделл она испытывала чувство большой благодарности за проявленную ими доброжелательность. В то же время она в чем-то и винила себя. Она подозревала, что эти нелады с самочувствием также были связаны с инъекцией, сделанной ей Глоуджем.

Беспокоило то, что все это проявлялось столь

БУРНО. "Но сейчас-то мне уже совсем хорошо", — успокаивала она себя, печатая груду бумаг, которые Хелен Венделл набросала в её корзину. В голове Барбары бродило множество планов и проектов. В десять часов Хелен вызвала её и, как обычно, вручила кейс, набитый разными документами.

В это время...

Глоудж проснулся чуть позже семи часов. Барбары все ещё не было дома. Полный недоумения, он побрился электрической бритвой и позавтракал в соседнем баре. Подкрепившись, доктор поехал к дому Стрезера. Убедившись, что молодой человек у себя, Глоудж зарядил свой шприц-пистолет и пробрался в помещение.

Вэнс, как и в прошлый раз, валялся в пижаме на диване в гостиной. Выражение его лица было ещё более угрюмым, чем накануне, если таковое вообще было возможным.

Стоя со шприцем в руках, Глоудж колебался. Этот подопытный его явно беспокоил. Но в том положении, в котором биолог оказался, отступать уже было нельзя. Успокоившись, он привел в действие механизм выброса газообразной сыворотки. На этот раз игла почти коснулась тела молодого человека.

Сколько-нибудь заметной реакции со стороны Вэнса не последовало.

Глоудж вышел на улицу. Направляясь в Исследовательский центр, он думал о Барбаре. Жаль, что она отсутствовала. Он так надеялся сделать инъекцию своим обоим подопытным практически одновременно. Очевидно, этого не получится.

6

Доктор Глоудж находился в своем кабинете всего несколько минут, когда раздался телефонный звонок. Дверь не была закрыта, и он услышал разговор своей секретарши. Та взглянула в его сторону:

— Вас кто-то спрашивает, доктор Глоудж. Это машинистка, которая некоторое время работала у нас... Барбара Эллингтон.

Секретарша, видимо, расценила изумленное выражение на лице Глоуджа как отказ, поскольку тут же торопливо добавила:

— Следует ли ей ответить, что вас нет?

Глоудж весь дрожал от неуверенности.

— Нет, не стоит, — сказал он. Затем, чуть помолчав, добавил: Соедините меня с ней.

Когда доктор услышал в телефонной трубке ясный, серебристый голос Барбары, он почувство-

вал, что готов на все.

— Что случилось, Барбара?

— Мне нужно занести вам документы. — Голос буквально звенел от избытка энергии. — Поскольку полагается их вручить лично, я хотела удостовериться, что вы на месте.

Случай предоставлялся сам собой...

Более благоприятного поворота событий Глоуджу было трудно даже желать. Его второй подопытный вот-вот придет, он сможет сделать вторую инъекцию и непосредственно наблюдать за реакцией.

На самом деле никакой реакции ему заметить не удалось. Передав ему документы, Барбара повернулась спиной, и именно в этот момент Глоудж "выстрелил" в неё сывороткой во второй раз. Девушка не подскочила от неожиданности, не зашаталась. Она спокойно продолжила свой путь, открыла дверь и удалилась.

Но в кабинет Хэммонда она не вернулась. Ожидая резкой физической реакции на вторую инъекцию, она предпочла в момент криза находиться в одиночестве, в своей квартире. Ей стоило большого труда сохранить невозмутимость перед Глоуджем.

Поэтому, выждав столько времени, сколько

требовали соображения осторожности, она позвонила Хелен Венделл и передала ей, что не очень хорошо себя чувствует.

— Этого и следовало ожидать после столь тяжкой ночи, — любезно ответила ей Хелен.

— У меня начались головокружения, и к тому же подташнивает, — быстро подхватила Барбара. — Я испугалась и помчалась домой.

— Так вы сейчас у себя?

— Да.

— Я предупрежу господина Хэммонда.

Барбара положила трубку. Последняя фраза Хелен её насторожила. Но она ничем не могла помешать секретарше Хэммонда сообщить тому о её состоянии. Тем не менее это создавало реальную угрозу потери места работы. Слишком ещё рано. Позднее, когда эксперимент подойдет к концу, все это уже не будет иметь значения. Но сейчас...

Может быть, стоило принять кое-какие "страховочные" меры, как это обычно делают служащие. "В конце концов, — подумала она, — ведь должны же быть у меня какие-то симптомы болезненного состояния". Она позвонила врачу и условилась с ним о консультации на завтра. Кладя трубку, она почувствовала, как её захлестнула непривычная ей веселость: "Завтра, после этой второй

инъекции, наверняка я буду чувствовать себя прескверно".

Хэммонд появился к концу дня, и Хелен сообщила ему о звонке Барбары. Некоторое время он молчал, погруженный в свои мысли.

— Что-то здесь не так, Хелен, — вымолвил он наконец. — Наверное, я должен был спросить об этом у вас раньше: вы хорошо изучили её личное дело?

Блондинка самоуверенно улыбнулась:

— Я в состоянии наизусть повторить все, чем оно напичкано. Ведь проверкой на безопасность при поступлении на работу занималась я сама. Что именно вам хотелось бы знать?

— Вы хотите сказать, что в личном деле нет ничего особенного?

— Во всяком случае, ничего необычного я в нем не обнаружила.

Хэммонд больше не колебался. Уже давно Хелен пользовалась его полным доверием.

— Очень хорошо, — неожиданно сказал он, поднимая, как бы сдаваясь, руки вверх. — Пусть она воспользуется этим уик-эндом для того, чтобы подлечиться. Предупредите меня, когда она снова выйдет на работу. Прислали ли уже доклад из Новой Бразилии?

— Я его переслала в наш Центр в Милане.

— Серьезно? Тогда соедините меня с Рамоном. Для этого несомненно есть какая-то причина!

Вскоре новые заботы целиком завладели вниманием Хэммонда.

Барбара спала.

И проснулась, когда часы показывали семь часов двенадцать минут.

В этот утренний час было совсем светло. Но узнала она об этом совершенно необычным способом. Девушка вышла из комнаты, чтобы полюбоваться пейзажем... не покидая постели!

Она одновременно была и в постели, и вне дома.

В одно и то же время...

Машинально она затаила дыхание. Понемногу образ улицы стерся, и она вновь очутилась в комнате.

Пораженная тем, что произошло, Барбара вновь задышала полной грудью. Методом осторожного поиска она выяснила, что порог её чувствительности достигал примерно сотни метров.

И это было все, что ей удалось узнать.

Что-то в её мозгу действовало наподобие невидимого зрительного шупальца, способного проникать сквозь стены и передавать оптиче-

ские изображения предметов в тот участок мозга, который интерпретирует световые ощущения. И эта способность носила вполне устойчивый характер.

Вскоре Барбара заметила черный фургон, припаркованный на углу, и доктора Глоуджа внутри. Она увидела, что тот держал в руках прибор, от которого к его уху тянулся проводок. Казалось, он тайно следит за ней. Вид у доктора был самоуглубленный, маленькие глазки полузакрыты. Она сумела воспринять и степень решимости этого маленького лысого доктора в отношении эксперимента. То, что ей открылось, внезапно испугало ее: Барбара обнаружила беспощадную и безличностную волю, которая никак не совпадала с её собственным радостным и искренним участием в эксперименте Глоуджа.

Для доктора — остро почувствовала она — все живые формы, над которыми он работал, были всего лишь неодушевленными объектами для опытов.

С общечеловеческой точки зрения, его деятельность, безусловно, носила характер безграничной извращенности.

Барбара увидела, что Глоудж отложил аппарат в сторону, завел мотор и уехал.

"Раз Вэнс работал в ночную смену, — подумала она, — то доктор, скорее всего, направляется к нему".

Желая удостовериться в этом, Барбара набрала номер телефона Вэнса. Никто не ответил. Тогда она позвонила в лабораторию. Административный помощник сообщил, что сегодня ночью Стрезер на работу не выходил.

Она забеспокоилась, вспомнив, как мучительно реагировал Вэнс на первую инъекцию. Она подозревала, что доктор уже сделал ему и второй укол, и опасалась, что Вэнс отреагировал на него не лучшим, чем в первый раз, образом.

Барбара быстро оделась и отправилась на машине к своему дружку. Приближаясь к дому Вэнса, она разглядела через стену, что тот был дома. Но на её звонок никто не ответил. Тогда она вошла, воспользовавшись своим ключом. Тот лежал на диване в гостиной и беспокойно метался во сне. Судя по его внешнему виду, у него поднялась температура. Она потрогала лоб: он был сухой и буквально обжигал руку.

Вэнс повернулся и открыл глаза. Его взгляд был затуманен. "А я так хорошо себя чувствую, — печально подумала Барбара. — Почему же он так плох? Что могло произойти?"

— Вэнс, нужно немедленно вызвать врача, — встревоженно сказала она. Как зовут того доктора, который лечил тебя в прошлом году?

— Ничего, все пройдет, — пробормотал Вэнс. И снова заснул.

Барбара села рядом с ним на диван. Внезапно она принюхалась, и ошеломляющая мысль промелькнула у неё в голове: "Ведь это газ!" Но времени действовать у неё уже не было.

Барбара, должно быть, потеряла сознание сразу, потому что уже в следующее мгновение Глоудж склонился над ней, распростертой на полу.

Ученый был спокоен, действовал уверенно и, казалось, был доволен ходом событий. Она уловила его мысль: "С ней все будет в порядке".

Глоудж подошел к Вэнсу. На сей раз он проявил обеспокоенность: "Да... по-прежнему ничего хорошего... Посмотрим, может быть, ему будет лучше от транквилизатора".

Доктор сделал укол. Когда он выпрямился, в голове у Глоуджа она прочитала странную и свирепую мысль: "В понедельник вечером наступит очередь третьей инъекции. Пора решаться".

Барбара все это воспринимала так отчетливо, как если бы доктор говорил в полный голос. Ей стало ясно, что он намерен умертвить их обоих,

если один из двух его экспериментов не пойдет по намеченному им руслу.

Вне себя от ужаса, Барбара старалась тем не менее сохранять полную неподвижность. И в этот момент с ней произошел эволюционный скачок, совершенно отличный от тех, что имели место до сих пор.

Началось с того, что внезапно в её мозг хлынул поток такой, обычно тщательно скрываемой, информации, который позволил ей увидеть людей в их истинном свете. С одной стороны — глупцы, симулянты, люди-тряпки. С другой — одержимые и развращенные, ловкачи и циники. Барбара видела, что в мире есть и сильные личности, движимые добрыми намерениями. Но в этот момент она была особо восприимчива к лицам разрушительного типа... множеству жуликов и клятвопреступников, которых — и теперь она это отчетливо сознавала совесть совершенно не мучила. Но она поняла также и то, что они ошибались насчет своего собственного горького жизненного опыта. Потому что они действительно были алчными и чувственными людьми, потому что перестали бояться наказания как в этом, так и в потустороннем мире, потому что считали недопустимым, чтобы кто-то выступал

против их мелких капризов, потому что...

Промелькнуло и одно личное воспоминание, которое она уже давно забыла, — о мелком начальничке, который выставил её за дверь — а ведь это было её первое место работы! — только за то, что она отказалась пойти к нему домой.

Всю жизнь её приучали не замечать подобных вещей, и она старалась придерживаться этих советов. Но сейчас Барбара предоставила полную свободу своеобразному компьютеру, действовавшему где-то у неё в подсознании, для накопления всех сведений ТАКОГО ХАРАКТЕРА в обширной кладовой своих знаний ради трезвой оценки действительности.

Этот процесс все ещё продолжался в ней и после того, как Глоудж ушел так же бесшумно, как и вошел.

Когда Барбара захотела подняться, то с удивлением обнаружила, что не может даже открыть глаза. Вскоре она изумилась очевидному факту: её тело по-прежнему оставалось в бессознательном состоянии.

Что за удивительная способность!

Но постепенно это обстоятельство стало её тревожить. "Я же совсем беззащитна", — подумала она. И только в первые послеобеденные часы она

смогла наконец пошевелиться. Барбара поднялась, подавленная и задумчивая. Подогрела суп для себя и для Вэнса.

Но, съев, по её настоянию, тарелку супа, Вэнс опять улегся на диван и заснул. Тогда Барбара покинула его квартиру, направившись к врачу, с которым условилась о приеме.

Сидя за рулем, она почувствовала, как внутри у неё все затрепетало. Неужели новые изменения? Она ответила сама себе утвердительно. А до понедельника, возможно, произойдут и другие. В то же время интуиция подсказывала, что ей не справиться со складывавшейся ситуацией, если дело ограничится только теми изменениями, которые вызвали в ней два первых укола.

"Необходимо изыскать возможность сделать третью инъекцию", — решила она про себя.

7

В понедельник, продиктовав несколько писем машинистке, присланной из машбюро, Хэммонд в полдень покинул свой кабинет.

— Какие новости в отношении девять и две?

Хелен вскинула голову и одарила его ослепительной улыбкой:

— Вы имеете в виду Барбару?

— Конечно.

— Утром по её просьбе звонил врач. Он осмотрел её в субботу. У неё несколько повышенная температура, головокружения, различные болячки, в которых обычно не признаются, например расстройство желудка. В то же время, как считает этот врач, и это, естественно, его личное мнение, обнаружилось и кое-что неожиданное. Вас это интересует?

— Еще бы!

— Так вот, у него сложилось впечатление, что с тех пор, как он осматривал девушку в последний раз примерно с год назад, в её личности произошли серьезные перемены.

Хэммонд кивнул:

— Это лишь подтверждает наши собственные наблюдения. Хорошо... Держите меня в курсе.

Но к шестнадцати часам, когда наконец померкли экраны дальней связи, он вызвал Хелен Венделл.

— Я все время думаю об этой девушке. Это на уровне предчувствия, поэтому не могу им пренебречь. Позвоните-ка Барбаре.

Спустя минуту Хелен сообщила:

— Сожалею, но на звонки никто не отвечает.

— Пришлите её личное дело. Мы столкнулись с чем-то необычным, и я хочу удостовериться, что

ничего не упустил.

Через несколько минут, листая страницы личного дела Барбары, он натолкнулся на фотографию Вэнса Стрезера. От неожиданности он вскрикнул.

— Что такое? — поинтересовалась Хелен.

Хэммонд рассказал ей о перепалке между Глоуджем и Стрезером, свидетелем которой он оказался на прошлой неделе.

— Конечно, — закончил он свой рассказ, — тогда я не усмотрел никакой связи между Барбарой и этим молодым человеком. Но в её досье есть его фотография. Принесите-ка мне личное дело Глоуджа.

— Судя по всему, — сказала Хелен, — изменения в характере доктора стали проявляться два месяца тому назад, когда умерла его сестра. Это один из типичных случаев внезапных и опасных перемен, основанных на личной мотивации. — Она мрачно добавила: — Мне следовало бы обратить внимание на этот момент. Ведь нередко потеря близкого человека очень сильно влияет на людей.

Хелен сидела в салоне квартиры, которой располагал Хэммонд в Исследовательском центре Альфа. Дверь, ведущая в кабинет, была закрыта.

В зияющем чреве огромного сейфа, вделанного в противоположную стену, виднелись два ряда личных дел сотрудников, расставленных в металлических секциях в строгом порядке. На столе у Хелен лежали два таких досье — на Генри Глоуджа и Барбару Эллингтон. Хэммонд стоял рядом со своей сотрудницей.

— А что вы скажете об этой поездке на восток страны, которую он совершил в начале месяца? — спросил он.

— Доктор провел три дня в имеющемся у него там доме, занимаясь, так сказать, продажей имущества как своей сестры, так и собственного. У них была загородная резиденция — старая заброшенная ферма, переоборудованная под частную лабораторию. Это идеальное место для проведения тайных опытов. Но на ком? Может быть, на приматах? Маловероятно. Не так-то просто достать их нелегально, за исключением мелких гиббонов. Подопытные животные такого рода представляли бы серьезную потенциальную опасность для проекта Глоуджа. Поэтому не остается сомнений в том, что он намеревался работать над людьми.

Хэммонд согласился с ней. На его лице застыло почти страдальческое выражение.

Хелен взглянула на шефа:

— Вы, кажется, обеспокоены. Можно предполагать, что до настоящего времени Барбара и Вэнс получили каждый по две инъекции. Это продвинет их на уровень эволюции, который они достигли бы нормальным путем через пятьдесят тысяч лет. Я не вижу в этом ничего катастрофического.

На лице Хэммонда появилась вымученная улыбка:

— Не забывайте, что мы имеем дело с одним из "осемененных" видов животного мира Земли.

— Конечно, но пока что дело не пошло далее скачка в развитии на пятьдесят тысяч лет!

Хэммонд с симпатией посмотрел на Хелен.

— Мы с вами, — сказал он, — находимся всего лишь на низших ступенях лестницы эволюции, и нам трудно представить эволюционный потенциал генов вида "ХОМО ГАЛАКТИКУС".

— Мой небольшой коэффициент меня вполне устраивает, — рассмеялась Хелен.

— Хорошо её запрограммировали, — еле слышно прошептал Хэммонд.

— Но я согласна с вашим анализом. Что вы намереваетесь делать с Глоуджем?

Хэммонд решительно повел плечами:

— Необходимо немедленно остановить эксперименты на людях. Передайте Эмису: пусть он блокирует сотрудниками службы безопасности все выходы. Нельзя допустить, чтобы Глоудж покинул здание. А если Вэнс и Барбара попытаются сюда проникнуть, пусть их задержат. Когда передадите Эмису это распоряжение, отмените все мои встречи на сегодня.

После этих слов Хэммонд ушел в свою комнату и вернулся переодетый для выхода в город.

— Я позвонила Эмису, — сообщила Хелен. — Связалась и с кабинетом Глоуджа. Его секретарша сказала, что с час тому назад тот вышел из здания.

— Объявите общую тревогу, — поспешно распорядился Хэммонд. — И пусть Эмис поставит двух своих людей перед домами, где проживают Вэнс и Барбара.

— Куда вы сейчас направляетесь?

— Сначала к Барбаре, затем к Вэнсу. Лишь бы вовремя мне удалось прийти!

По лицу Хелен, видно, пробежала тень, поскольку он добавил с натянутой улыбкой:

— Судя по вашему выражению, вы считаете, что я чрезмерно втягиваюсь в это дело!

Красавица-блондинка в ответ понимающе

улыбнулась:

— Каждый день на этой планете убивают тысячи людей. Грабят сотни тысяч, совершают немыслимое количество актов насилия меньшего значения. Людей избивают, душат, оскорбляют, унижают, надувают... И я могла бы ещё долго продолжать в таком духе. Если мы ввяжемся в этот цирк, с нами будет покончено.

— Я симпатизирую Барбаре, — признался Хэммонд.

— Я тоже, — спокойно ответила Хелен. — Но все же, что, по-вашему, происходит?

— Думаю, что Глоудж сумел ввести им первую инъекцию в ту среду, а вторую — в пятницу. Это значит, что третью он должен сделать сегодня. Именно этому я и должен помешать.

И он поспешно вышел.

8

Глоудж начал нервничать. День истекал, и он ни о чем другом, как о своих двух подопытных, уже думать не мог. Его раздражало, что он не может держать их обоих под рукой и наблюдать за действием сыворотки. Понедельник был для него последним днем.

"Смешная, однако, сложилась ситуация! — подумал он про себя. — Идет самый крупный за всю

историю человечества эксперимент, а никого нет, кто бы мог с научных позиций наблюдать за результатами второй инъекции, которая имеет решающее значение!"

К этим заботам примешивалось и другое чувство. Глоудж БОЯЛСЯ!

Он не мог забыть молодого человека. У слишком многих подопытных животных он отмечал точно такие же симптомы, чтобы обманываться на счет Стрезера. Негативная реакция на сыворотку, появление расстройства в работе внутренних органов, болезненный вид, борьба, которую развернули клетки тела, — все это было доказательством того, что организм и его химия терпят поражение.

Глоудж должен был признать, что у него есть и дополнительное основание для тревоги. У многих подопытных животных в лаборатории развивалась на этой стадии агрессивность, и было бы разумно подготовиться также и к такому повороту событий.

"Не стоит убаюкивать себя, — разъяренно думал он. — Лучше бросить все дела и пойти посмотреть, что происходит с этой парой".

Именно тогда он и ушел с работы.

Исходя из постулата, что с Барбарой все в по-

рядке, доктор в первую очередь направился к квартире Вэнса. Прежде чем войти в дом, он провел контрольное прослушивание, чтобы выяснить, находится ли тот в помещении и нет ли у него кого-нибудь еще.

Признаки жизни он засек сразу: прерывистое дыхание, скрип кровати. Эти звуки резали ухо — настолько чувствителен был микрофон. Глоудж уменьшил уровень громкости, чтобы не резало слух.

Настроение доктора упало ещё на несколько пунктов, так как услышанное лишь подтвердило его опасения.

И как-то разом все, что до настоящего времени служило ему научным прикрытием, чтобы оправдать свое поведение, столкнулось с грубой действительностью: неудача была явной, и это следовало признать.

В соответствии с разработанной им ранее линией поведения теперь надлежало убрать Вэнса.

Это со всей очевидностью предполагало также и устранение Барбары.

Прошло некоторое время, и первоначально обуявшая Глоуджа паника уступила место строго научному подходу: услышанные им звуки ещё не давали достаточной информации для принятия

окончательного решения.

Глоудж был глубоко уязвлен в своих надеждах.

Чтобы определиться, нужно было обязательно увидеть Вэнса. Было бы некорректным, считал он, устранить обоих подопытных, без того чтобы переговорить с ними лицом к лицу.

В тот самый момент, когда биолог, выйдя из фургона, направлялся к квартире Вэнса, тот видел сон.

Ему представлялось, что человек — как же его зовут? Кажется, Глоудж, с которым он поссорился несколько дней тому назад в коридоре Исследовательского центра Альфа, приближается к дому с намерением его убить. Откуда-то из глубин существа Вэнса поднялась темная ярость. Но он так и не проснулся.

Зато сон — продукт странного и хаотического эволюционного процесса, который он переживал, — продолжался.

Он наблюдал с какой-то невидимой ему точки, как Глоудж подходит к служебной двери его квартиры. Вэнс ничуть не удивился тому, что лысый человек выудил из своего кармана ключ. Дрожа от страха, Вэнс наблюдал, как тот осторожно вставил его в замочную скважину, повернул и неслышно открыл дверь.

В этот момент охвативший Вэнса ужас вынудил его тело перейти к действиям. Его нервная система как бы исторгла миллионы мельчайших энерголучей, похожих на сверкающие перламутровые ниточки. Они пронзили стену, отделявшую столовую от кухни, и обрушились на Глоуджа.

Эти энергоединицы большой мощности безошибочно отыскали окончания нервных волокон в организме Глоуджа и через них молниеносно рванулись к нему в мозг.

Их породили не какая-то оформившаяся мысль или трезвый анализ ситуации. Энергия материализовалась в этих частицах лишь под воздействием страха, и сами они несли стимуляционный заряд. Они атаковали Глоуджа на психическом уровне, приказывая ему удалиться, повернуть назад...

Доктор Глоудж пришел в себя лишь в фургоне. Он вспомнил, как со всех ног умчался прочь от дверей. Где-то в сознании смутно забрезжила мысль, что в какой-то момент его охватила всепроникающая паника.

Дрожа всем телом, тяжело дыша, он попытался успокоиться. Никогда ещё в жизни он не испытывал такого постыдного испуга.

Но он твердо знал, что должен вернуться к

Вэнсу.

Еще дважды спящий молодой человек сумел произвести достаточно мощный выброс энерголучей и вынуждал Глоуджа отступать. Но с каждым разом выделяемая им энергия слабела, и Глоудж соответственно отбегал от двери на все меньшее и меньшее расстояние, чтобы, переведя дух, снова вернуться.

При четвертой попытке агонизирующие механизмы мозга Вэнса смогли высвободить совсем ничтожный заряд. Глоудж почувствовал, как в нем начал зарождаться ужас, но на сей раз он сумел успешно ему воспротивиться.

Доктор неслышно пересек кухню, направляясь к двери, ведущей в гостиную.

Биолог пока ещё не осознал, что он только что схватился в смертельной схватке со спящим юношей и что вышел из неё победителем.

Несколько мгновений спустя Глоудж уже стоял у кровати, наклонившись над потерявшим сознание подопытным мужского пола. Тот буквально исходил потом. Он вздрагивал и жалобно стонал. По телу прокатывались судороги.

Да, никаких сомнений: опыт не удался.

Глоудж не стал терять времени. Он принес с собой все, что было необходимо для исполне-

ния задуманного. Из кармана он вынул пару наручников и закрепил их на запястьях молодого человека. Затем связал ему руки и ноги по отдельности и стянул их вместе. Его жертва по-прежнему не приходила в себя.

Как и предполагал Глоудж, труднее оказалось засунуть Вэнсу в рот кляп. Пришлось применить силу, чтобы разжать зубы. Доктор почувствовал, как деревенеет под его руками тело Вэнса. Внезапно молодой человек открыл глаза и вперил в него безумный взгляд.

Конвульсивными движениями Стрезер попытался освободиться от пут как на ногах, так и на руках.

Но Глоудж принял все необходимые меры, и его жертва вскоре отказалась от борьбы. Понимая, что он надежно контролирует ситуацию, доктор вытащил кляп и начал опрос:

— Я хочу знать, что вы ощущаете в данный момент?

Буйный огонь запылал в полных ярости глазах Вэнса, устремленных на Глоуджа. Пронзительным голосом он выдал набор ругательств. Так прошло несколько минут. Затем его, видимо, поразила какая-то мысль.

— Вы... так это вы на прошлой неделе что-то со

мной сделали?

Глоудж утвердительно кивнул головой:

— Я дважды ввел вам сыворотку, которая должна была вызвать процесс ускорения эволюции клеток. А сейчас я пришел, чтобы выяснить ваше состояние.

Его серые глаза были абсолютно пусты, а на лысом черепе поигрывали блики от зажженной им лампы. С важным видом он заявил:

— Почему бы подробно не рассказать, что вы испытываете в этот момент?

На этот раз поток ругательств иссяк уже через минуту. Спеленутый путами, Вэнс разглядывал своего победителя. Что-то в бледном и напряженном лице биолога, должно быть, убедило его.

— Я чувствую себя отвратительно, — сказал он с беспокойством.

Глоудж настаивал:

— Поточнее, пожалуйста.

Методично, вопрос за вопросом, он выудил у отчаянно сопротивлявшегося Вэнса признание в том, что тот слаб, доведен до изнеможения и окоченел.

Это и было фатальным комплексом тех симптомов, которые биолог столько раз наблюдал у животных, и Глоудж знал, к чему они ведут.

Не говоря больше ни слова, он наклонился над юношей и стал снова засовывать ему в рот кляп. Молодой человек извивался всем телом, бился, вертел головой, неоднократно пытался укусить ученого, но кляп неуклонно вдавливался все глубже и глубже. В конце концов Глоудж сделал свое дело, а концы закрывавшей рот повязки затянул на затылке у своей жертвы.

После этого он спустился и подогнал фургон в тупик, куда выходила задняя дверь квартиры Вэнса. Он поднялся в помещение, завернул Вэнса в одеяло и хладнокровно отнес его в машину.

Через несколько мгновений он уже сидел за рулем и катил к дому одного из своих сотрудников, который в настоящее время проходил стажировку в лаборатории одного из восточных штатов и дом которого поэтому пустовал.

Если бы Глоудж позволил себе передохнуть, на минутку остановиться или даже сбросить ногу с педали акселератора, он, наверное, сломался бы и заколебался, стоит ли доводить свои зловещие планы до конца. Но он затормозил только тогда, когда прибыл на место. В сущности это являлось продолжением его замысла. Его финальным аккордом.

Доктор с трудом дотащил связанного Вэнса

с кляпом во рту до двери и открыл её. Затем доволок его до края бассейна и с ходу сбросил окоченевшее тело юноши в воду.

После этого чудовищного поступка он какое-то мгновение постоял, выбившись из сил и вглядываясь в цепочку пузырьков воздуха, взбаламутивших темный покой воды в бассейне. Внезапно испугавшись, что кто-то мог увидеть его, Глоудж развернулся и, пошатываясь, пошел к выходу.

Проскользнув в кабину фургона, он почти упал в изнеможении на сиденье. И тут в первый раз за все это время он утратил свою невозмутимость, причем это проявилось скорее в движениях, чем в мыслях: "Боже! Что я наделал!"

Но на этом его реакция на случившееся и кончилась. Своего решения Глоудж менять не стал. Он сидел, корчась от мысли, что всего в нескольких шагах от него тонул человек.

Когда не оставалось больше ни малейшего сомнения в том, что по всем законам жизни подопытный должен был уже перестать дышать, доктор громко вздохнул. Он встряхнулся. Все, пути назад больше нет. Первая из двух намеченных жертв устранена. Дело за второй.

Теперь следовало заняться девушкой.

Из расположенной неподалеку кабины телефона-автомата Глоудж позвонил в пансионат Барбары Эллингтон. Судя по голосу, ему ответила дама в возрасте, заявившая, что Барбара вышла.

Она добавила:

— Что-то частенько ей сегодня звонят.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил неприятно пораженный её сообщением Глоудж.

— А то, что совсем недавно к ней приходили несколько человек. Естественно, я и им ответила, что её нет.

Глоудж испуганно вздрогнул:

— Они назвали себя?

— Среди них был некий господин Хэммонд.

Хэммонд! Ученого прошиб холодный пот, он оцепенел.

— Благодарю вас, — сдавленным голосом сказал он и повесил трубку.

Он буквально трясся от страха, когда садился в свой фургон. Возникла мучительная дилемма: что теперь делать? Сначала ему пришло в голову, что следовало бы с наступлением темноты вернуться к бассейну, выловить труп Вэнса, освободить его от пут, а затем уничтожить тело. Но инстинкт подсказывал ему, что лучше сделать это сейчас. В то же время Глоуджу отчаянно хо-

телось вернуться в Центр и уничтожить остатки сыворотки, хранившейся в сейфе.

Внезапно он решил, что самое главное и наименее рискованное в этот момент — уничтожить сыворотку. Солнце уже скрылось за холмами на западе, но небосвод ещё голубел. Было слишком светло для выполнения мрачной и опасной задачи — освободиться от трупа.

9

В девятнадцать часов десять минут доктор Глоудж открыл дверь своего кабинета в секции биологии Исследовательского центра Альфа. Прикрыв её за собой, он быстро обошел вокруг широкого стола, занимавшего весь центр кабинета, и наклонился, чтобы выдвинуть ящик, в котором лежал ключ от одного из сейфов.

— Добрый день, доктор Глоудж, — произнес чей-то женский голос позади него.

На какую-то долю секунды Глоуджа словно парализовало. Эти слова и интонация произвели на него такой же эффект, как если бы через него пропустили электрический ток, возрождая прежние надежды. В такое везение он просто не мог поверить, а именно в то, что второй человек, от которого он решил избавиться, сам пришел сюда, где доктор наилучшим образом мог бы свести с

ним счеты.

Он медленно выпрямился и обернулся.

На пороге примыкавшей к кабинету библиотеки стояла Барбара Эллингтон. Она рассматривала его с серьезным и настороженным выражением на лице.

Но в течение всех последующих минут Глоуджни на миг НЕ ОСОЗНАВАЛ, что эта женщина была именно Барбарой Эллингтон.

Как только он взглянул на нее, сразу же где-то в глубинах его естества произошли миллионы таинственных упорядочений в нервной системе. И на уровне подсознания он стал воспринимать Барбару как свою недавно умершую сестру. Причем теперь для него она уже не была мертвой. Напротив, в лице Барбары она дышала успокоительной силой жизни.

Доктор и девушка обменялись полными взаимопонимания взглядами. Глоуджу вдруг подумалось, что с научной точки зрения было бы нелогично убивать существо, которое олицетворяло успех его эксперимента. Ему даже казалось, что Барбара всецело на его стороне и готова к сотрудничеству. Он отогнал от себя мелькнувшее было искушение сделать вид, что его не интересует, почему она пришла в его кабинет.

— Как вы вошли сюда? — естественным голосом спросил он.

— Через зал, где выставлены образцы.

— И никто из ночной смены вас не заметил?

Барбара чуть улыбнулась:

— Нет.

Глоудж жадно всматривался в нее. Он отметил манеру Барбары держаться почти не шевелясь, но сохраняя в то же время великолепное равновесие всего тела, что свидетельствовало о сдерживаемой, но готовой в любую минуту выплеснуться энергии. Его поразили ум и живость в глазах девушки.

Мозг Глоуджа пронзила мысль: ещё никогда ничего идентичного этому Земля не видела!

— Вы здорово рисковали, работая с нами, — неожиданно бросила Барбара.

— Так было нужно.

Собственные слова удивили доктора Глоуджа.

— Да, я знаю, — безмятежным тоном ответила Барбара. Когда она шагнула к нему, ученый заволновался и по его спине пробежали мурашки. Но она обошла биолога, села в приставленное к стене кресло, положив на подлокотник свою коричневую сумочку. Глоудж молча наблюдал за ней. Она заговорила первой:

— Необходимо, чтобы вы сейчас же сделали мне третью инъекцию. Затем я сама пойду к Вэнсу с вашим прибором и с дозой сыворотки. Он...

Она запнулась, вгляделась в лицо Глоуджа и внезапно в её глазах зажегся огонек понимания:

— Итак, вы его утопили! — Какое-то время она оставалась в задумчивости, затем заговорила снова: — Но он не погиб. Я чувствую, что он ещё жив. Хорошо... Каким инструментом вы пользуетесь для инъекций? Он наверняка должен быть ещё при вас.

— Да, — хрипло признался Глоудж. — Но, — живо добавил он, предпочтительнее дождаться завтрашнего дня для введения сыворотки в третий раз. Это повысит шансы на благоприятное развитие процесса. И вам следует оставаться здесь. Никто не должен вас видеть. Желательно провести ряд тестов... Хотелось бы узнать от вас...

Он замолчал, заметив, что заикается. Барбара не сводила с него глаз. Тот факт, что она узнала об участи Вэнса, никак не взволновал ученого, так как он считал само собой разумеющимся, что она понимала и ценила причины и способы реализации его планов. В выражении лица девушки он находил сейчас что-то такое, что успокаивало его.

— Вы многого не знаете, доктор Глоудж. Я совершенно уверена, что смогу перенести третью инъекцию. Поэтому немедленно сделайте её и отдайте мне остатки сыворотки.

Барбара Эллингтон встала и подошла к нему. Она ничего не сказала, её лицо оставалось бесстрастным, но уже в следующее мгновение Глоудж осознал, что сам протягивает ей шприц.

— Осталась всего одна доза.

Барбара, не дотрагиваясь до руки биолога, взяла шприц, внимательно его осмотрела и вернула доктору:

— Где хранятся ваши запасы сыворотки?

Глоудж подбородком кивнул на библиотеку, прилегавшую к рабочему кабинету. Барбара стояла к ней спиной.

— В самом большом из двух сейфов.

Она повернула голову в указанном им направлении. Несколько секунд Барбара стояла неподвижно, с опустошенным взглядом и полуоткрытым ртом, как если бы она внимательно к чему-то прислушивалась. Но в конце концов её взгляд снова уперся в Глоуджа.

— Быстро сделайте мне инъекцию. Сюда идут люди.

Глоудж поднял шприц, коснулся кончиком

иглы плеча Барбары и нажал на спусковой механизм. Девушка прерывисто задышала. Она вырвала из рук доктора шприц, сунула его в сумочку и закрыла её. Затем повернулась к двери.

— Вслушайтесь! — приказала она.

Глоудж вскоре услышал звук шагов в тесном коридоре, который соединял его кабинет с главной лабораторией. Шаги приближались.

— Кто это? — обеспокоенно спросил он.

— Хэммонд и с ним ещё три человека.

Глоудж издал приглушенный жалобный стон.

— Надо бежать! — сказал он в отчаянии. — Они не должны обнаружить ни вас, ни меня. Быстро... Сюда... — Он показал рукой на библиотеку.

Барбара отрицательно покачала головой:

— Они нас окружают. Все выходы контролируются. — Она нахмурилась. Хэммонд, должно быть, считает, что у него все необходимые улики против вас, но не облегчайте ему задачу. Отрицайте все! Посмотрим, что же я смогу сделать с моим... — Продолжая говорить, она вновь села в кресло, которое недавно покинула. Ее лицо ничего не выражало.

— Мне, возможно, удастся обмануть его, — сказала она уверенным тоном.

Шаги достигли двери. Постучали. Глоудж

бросил взгляд на Барбару. В его голове вихрем проносились самые различные мысли. Но Барбара, покачав головой, улыбнулась.

— Входите! — сказал Глоудж. Но он взял неверный тон: слишком громко закричал.

Вошел Хэммонд.

— О! Господин Хэммонд... — воскликнула Барбара. Ее щеки заалели, она казалась смущенной и сконфуженной.

Хэммонд, увидев её, встал как вкопанный. Он внезапно почувствовал, как кто-то зондирует его мозг, и незамедлительно возвел защитный барьер. Зондаж прекратился.

Хэммонд перехватил взгляд Барбары. В глазах девушки тенью проскользнуло неподдельное изумление. Хэммонд не без иронии улыбнулся, затем отчеканил голосом, в котором звучал металл:

— Оставайтесь на месте, Барбара. С вами я поговорю позже. Войдите, Эмис, — добавил он, повысив голос.

В его интонации сквозило что-то угрожающее. Глоудж вновь умоляюще взглянул на Барбару, которая нерешительно ему улыбнулась. Выражение искренности и бесхитростности на её лице, с которым она встретила Хэммонда, уступило

теперь место смиренности, но одновременно и настороженности.

Хэммонд сделал вид, что не заметил этой перемены.

— Эмис, — обратился он к одному из трех сотрудников, которые прошли через зал с образцами и в котором Глоудж узнал главу безопасности Центра Альфа.

— Эмис, перед вами Барбара Эллингтон. Отберите у неё сумочку. Никого в этот кабинет не пускать. Мисс Эллингтон запрещается выходить отсюда и касаться чего бы то ни было. Я хочу, чтобы она оставалась в этом кресле до тех пор, пока я не вернусь обратно с доктором Глоуджем.

— Слушаюсь, господин Хэммонд. — Эмис сделал знак одному из своих людей, который запер на ключ дверь кабинета. Сам он подошел к Барбаре, которая, не говоря ни слова, вручила ему сумочку.

— Следуйте за мной, доктор Глоудж, — сухо сказал Хэммонд.

Хэммонд прикрыл дверь библиотеки и повелительным тоном спросил у Глоуджа:

— Где Вэнс?

— Вы знаете, господин Хэммонд, я не...

Хэммонд резко шагнул к нему. Ученый, ис-

пугавшись, что с ним будут грубо обращаться, отступил. Но Хэммонд ограничился тем, что схватил доктора за руку и прижал к его запястью миниатюрный стальной предмет.

— Так скажите все же, где Вэнс? — повторил он.

Глоудж открыл было рот, чтобы поклясться, что не имеет ни малейшего понятия о судьбе молодого человека, но вместо этого вдруг сразу все выложил. Биолог, понимая, что тем самым он признает свое преступление, отчаянно пытался бороться с самим собой. Он уже понял, что приставленный к его запястью металлический предмет вводил его в состояние, подобное гипнозу, и попытался вырваться из рук Хэммонда.

Безуспешно.

— Когда вы бросили его в воду?

— Примерно час тому назад, — изнемогая, ответил Глоудж.

В этот момент в соседнем кабинете раздались крики. Распахнув дверь, в библиотеку ворвался бледный, как воск, Эмис.

— ГОСПОДИН ХЭММОНД...ОНА ИСЧЕЗЛА!

Хэммонд рванулся в кабинет. Доктор Глоудж, которого бил колотун, поспешил вслед за ним. Пока он добрался до двери, Хэммонд уже выны-

ривал из холла вместе с одним из сотрудников службы безопасности. Ошалевший Эмис и третий сотрудник стояли посреди комнаты.

Хэммонд, закрыв дверь, обратился к Эмису:

— Быстро... Что произошло?

Эмис поднял руки в бессильном гневе:

— Не знаю, господин Хэммонд. За ней неотступно наблюдали. Они тихо сидела здесь, в кресле... а затем внезапно исчезла, вот и все. Он, — Эмис указал на одного из своих подчиненных, — стоял, прислонившись спиной к косяку двери. Когда мы обнаружили, что её в кресле уже нет, он сидел на полу рядом с дверью! А она была настежь распахнута. Мы бросились в холл, но там никого не было. И тогда я позвал вас.

— Сколько времени вы за ней наблюдали? — сухо осведомился Хэммонд.

— Сколько времени? — взглянул на него оторопевший Эмис. — Я только проводил свою матушку до лифта в холле...

Он вдруг смолк и быстро-быстро заморгал:

— Чего это я вам говорю? Ведь матушка уже восемь лет как померла!

— Так вот что за трюк она применила, — тихо прошептал Хэммонд. — Она проникает в глубину души, туда, где хранятся самые святые воспоми-

нания об усопших. А я-то думал, что она хотела всего лишь прочесть мои мысли!

Хэммонд замолчал, затем четко и ясно приказал:

— Эмис, проснитесь! Все трое, вы на пару минут потеряли сознание. Не ломайте голову над тем, чтобы понять, каким образом мисс Эллингтон удалось это сделать. Сообщите её приметы охранникам на выходах из здания. Если кто-то из них заметит её, то пусть держит под прицелом.

Сотрудники службы безопасности выскочили из кабинета, а Хэммонд знаком показал полностью потерявшему над собой контроль доктору Глоуджу, чтобы тот сел. Хэммонд вытащил из кармана похожий на карандаш предмет и, нажав на него, какое-то время выждал.

На пятом этаже здания Центра Хелен Венделл сняла трубку личного телефона, стоявшего у неё на столе.

— Слушаю вас, Джон!

— Выключите все защитные экраны, а также экраны-ловушки, распорядился Хэммонд. — Глоудж утопил Стрезера, так как опыт над ним не удался. Но вторая особа начеку. Трудно предугадать, что именно она может вытворить, но, возможно, сочтет необходимым побывать у меня

в кабинете, чтобы затем быстро исчезнуть.

Хелен нажала на кнопку:

— Ничего делать не надо. Все экраны уже выключены.

10

Снаружи сгущались сумерки.

В двадцать часов восемнадцать минут небольшой телефон на столе секретарши Хэммонда на пятом этаже снова зазвонил. Хелен взглядом проверила, закрыта ли дверь, и сняла трубку.

— Слушаю, Джон.

— Я в бассейне, — сообщил ей шеф. — Его только что выловили из воды. Но он жив, Хелен! Сработал какой-то рефлекс, помешавший ему наглотаться воды. Тем не менее нам нужна кислородная палатка.

Хелен левой рукой взялась за другой телефон.

— Может, выслать "скорую"? — спросила она, набирая номер.

— Конечно. Вы знаете адрес. Пусть та остановится рядом с дверью. Надо действовать быстро.

— Хотите, чтобы были также и люди в военной форме?

— Естественно, но передайте им, чтобы они оставались в машине до тех пор, пока их не позовут. Высокий палисадник нас скрывает, к тому

же стемнело. Я вернусь вместе с ними. Удалось ли поймать Барбару?

— Нет.

— Я так и знал. По возвращении я сам расспрошу всех охранников.

Барбара позволила Эмису сопроводить её до ближайшего лифта, все время внушая ему, что является его матушкой.

Войдя в кабину, она нажала кнопку подъема. Вскоре Барбара очутилась на крыше. Точно в соответствии с тем, что она уже обозрела внутренним взором благодаря своим новым способностям, на крыше стоял приготовившийся к взлету вертолет. Хотя её не было в списке пассажиров, пилот, искренне уверовав в то, что перед ним его подружка, лично проводил её на борт. Неожиданное её появление казалось ему вполне естественным.

Чуть позже Барбара приземлилась на крыше другого здания. И опять пилот счел вполне естественным, что его подружка покинула его. Он поднялся в водух, и этот эпизод тут же стерся у него из памяти.

Столь поспешное приземление было для Барбары вынужденным, потому что она почувствовала, что начала действовать новая инъекция. Поэтому

она зондировала проносившиеся под вертолетом здания до тех пор, пока не нашла небоскреб с незанятыми верхними этажами. "Попробую пробраться в один из пустых кабинетов", — решила она.

Но дальше крыши она пройти не смогла. Как только она ступила на первую ступеньку лестницы, уходившей в глубины небоскреба, как почувствовала, что её шатает. Стало ясно, что она уже не властна над своим телом. Слева виднелась дверь, выводившая в помещение, похожее на чердак и служившее кладовкой. Она проникла туда, закрыв за собой дверь на засов. И только тогда она расслабилась, рухнув на пол.

В течение всей ночи она ни разу полностью не теряла сознания: отныне это стало для неё невозможным. Но Барбара отдавала себе отчет в том, что все её существо беспрерывно менялось, менялось, менялось...

Потоки энергии, пронизывавшие её тело, приобрели новое значение. Теперь они отделились от неё самой. Вскоре ей удалось взять их под свой контроль, но и сам этот контроль был по своему характеру каким-то другим.

Определенная часть её существа, как ей показалось, стушевалась, вытесненная новым

сознанием, овладевшим ею.

"Я все ещё я, — подумало то новое существо, которое лежало теперь на полу кладовки. — Остались тело, чувства, желания..."

Но она уже четко осознавала, что даже в этой начальной фазе скачка на пятьсот тысяч лет вперед её "Я" уже стало "Я плюс ещё что-то".

Тем не менее ей ещё не удавалось четко понять, как это её существо становилось этим чем-то "Я плюс ещё что-то".

Ночь для неё затянулась надолго.

11

Наступил вторник.

Сразу после полудня Хелен Венделл пересекла коридор, связывавший штаб Хэммонда с его основным кабинетом. Хэммонд сидел за столом. При появлении Хелен он поднял на неё глаза.

— Как обстоят дела с нашими пациентами? — спросил он.

— Глоудж превосходно играет свою роль. Я даже позволила ему утром немного поболтать с его ассистентом. Через Телстар он уже дважды беседовал с сэром Хьюбертом относительно своих обязанностей на новом месте работы за рубежом. Я снова погрузила его в сон, но он в нашем полном распоряжении. Вы когда вернулись?

— Только что. А как дела со Стрезером?

Хелен похлопала рукой по магнитофону.

— Двадцать минут назад я запросила сведения у медицинской машины. Она представила мне подробный диагноз. Все записано на пленку. Хотите послушать?

— Нет, дайте выжимку.

Хелен поджала губы и начала:

— Машина подтверждает, что воды он не наглотался, что какой-то недавно появившийся в его мозгу механизм заблокировал дыхание и поддерживал его в жизнеспособном состоянии. Вэнс ничего осознанно об этом эксперименте не помнит; следовательно, весь механизм выживания в этих условиях был запущен на уровне подсознания. Медицинская машина сообщает также и о других происходящих в его организме изменениях, которые она расценивает как чудовищные. Пока ещё рано говорить, сможет ли Вэнс вынести третью инъекцию или нет... В настоящее время он находится под воздействием транквилизаторов.

Хэммонд, казалось, не был удовлетворен этими сведениями.

— Хорошо, — сказал он после непродолжительного раздумья. — Больше ничего интересного?

— Есть. Очень много сообщений в ваш адрес.

— По поводу доктора Глоуджа?

— Да. Новая Бразилиа и Манила согласны с вами в том, что риск утечки слишком велик в случае, если доктор Глоудж останется в Центре Альфа дольше, чем это абсолютно необходимо.

— Вы только что говорили, что он прекрасно справляется со своей ролью?

Хелен кивнула:

— Пока. Но это очень строптивый тип, и у нас, в Центре, я, конечно, не в состоянии основательно запрограммировать его так полно и окончательно, как это сделают в Париже. Они настаивают, чтобы его отправили в Париж. Этим займется курьер Арнольд. Он вылетает завтра утром рейсом в пять десять.

— Нет! — воскликнул Хэммонд. — Это преждевременно! Глоудж для нас — та приманка, на которую я надеюсь подцепить Барбару. Из опытов Глоуджа следует, что она обретет свободу действия только сегодня вечером. По моим подсчетам, в девять часов создадутся благоприятные условия для того, чтобы выпустить на сцену Глоуджа и выключить экраны защиты.

Хелен, помолчав несколько секунд, заявила:

— Джон, преобладает мнение, что вы преуве-

личиваете возможность эволюции Барбары Эллингтон в действительно опасном для нас направлении.

Хэммонд слегка улыбнулся:

— Я видел её. Другие нет. Насколько можно судить, она, возможно, уже погибла или погибает сейчас после третьей инъекции. Но если она будет в силах прийти, то, думаю, обязательно явится. Она в любой момент может начать искать человека, способного дать ей сыворотку.

Но в этот же вторник с личностью Барбары случилось что-то новое.

Она обрела мыслительные механизмы, способные оперировать в космическом масштабе. Они действовали автоматически, за пределами сознания, так что их природа и способ действия были Барбаре совершенно неясны. Но они могли совершать немыслимое...

Пока она лежала на чердаке, один из новых образовавшихся в её мозгу центров исследовал космическое пространство в диаметре пятисот световых лет. Он вскользь прошел облака нейтрального водорода, пронизал молодые, ярко сверкающие звезды типа О, измерил колебания двойных звезд, учел кометы и ледовые астероиды. Очень далеко, в созвездии Змееносца, гигантская

бело-голубая звезда превратилась в "новую", и необычайный мыслительный механизм Барбары воспринял необузданное извержение потоков лучистого газа. Черный карлик последний раз полыхнул инфракрасными лучами и затаился в сумрачных глубинах погасших звезд.

Разум Барбары охватывал всю эту беспредельность и без всяких усилий мчался все дальше и дальше... до того момента, пока не натолкнулся на специфическое "НЕЧТО". И тогда он отключился.

"Что же это я встретила?" — молча взывала Барбара в состоянии полнейшего экстаза.

Она знала, что возникший у неё в мозгу новый механизм в соответствии со встроенной в нем самом внутренней программой как раз и должен был разыскать и встретить именно это "НЕЧТО". В то же время это не выразилось в осознанном понимании случившегося. Она была уверена лишь в одном: новый нервный центр, казалось, был удовлетворен и прекратил дальнейшее зондирование.

Но она чувствовала — и это вызвало в ней невыразимое ликование, — что он помнит об этом "НЕЧТО", с которым вступил в контакт.

Барбара все ещё смаковала эту радость, когда чуть позже отметила, что где-то в самой глубине

её сути происходят новые энергообмены.

И тогда она предоставила телу и разуму самим постепенно воспринять их.

Час за часом город все больше охватывала летняя жара. Солнце поднялось высоко, и его беспощадные лучи обрушились на закрытое помещение, возвышавшееся на крыше многоэтажного здания в пяти километрах от Исследовательского центра Альфа. Барбара, свернувшись калачиком в пыли кладовки, лежала совершенно неподвижно. Время от времени с её губ слетал жалобный стон. Подскочила температура, градом катился пот. Это длилось долго, очень долго. Потом её кожа ссохлась, а лицо приняло синеватый оттенок. Стоны прекратились. Если бы кто-нибудь оказался вблизи от Барбары, он не смог бы даже сказать, дышит ли она.

К четырем часам дня зной пошел на убыль, и в комнате с окнами без ставен стало прохладнее. Но истек ещё час, прежде чем царившая в помещении адская жара начала спадать. Примерно в шесть часов свернувшаяся человеческая фигура впервые шевельнулась.

Барбара медленно вытянула ноги, затем рывками перевернулась и снова затихла, распластавшись на спине с вытянутыми вдоль тела руками.

Ее правая щека была покрыта грязной коростой из пыли и высохшего пота. Она глубоко вздохнула и опять затихла. Через несколько минут приоткрылись веки. Ее темно-синие лучистые глаза непонятным образом ожили и наполнились внутренним огнем, хотя продолжали смотреть в одну точку.

Вечерело. В городе стали зажигаться огни. Все в каморке дышало тишиной. Тем не менее прошел ещё час, прежде чем раскинувшийся на полу силуэт человека снова подал признаки жизни...

На этот раз это были движения другого характера. Барбара внезапно стремительно вскочила на ноги и подошла к ближайшему окну, прислонившись лицом к грязному стеклу.

На западе высилась величественная груда комплекса Альфа в ореоле яркого света. Барбара повернула голову в этом направлении...

Через секунду разум Барбары, обуздывая её взгляд, стал осваиваться с обстановкой на совершенно ином, безмерно более глубоком уровне восприятия.

Ночью работа Центра мало чем отличалась от дневной. Но Барбара, пробегая своей мыслью по знакомым ей и освещенным как днем коридорам, ведущим в секцию биологии, отметила, что пер-

сонала все же было поменьше. Так же мысленно она пересекла Центральную лабораторию, прошла по узкому коридору и остановилась перед дверью кабинета доктора Глоуджа.

Переступив порог, она замерла в темной, заполненной тишиной комнате. Затем прошла в библиотеку. Две-три минуты её мысль витала над солидным сейфом, стоявшим в углу. Она все поняла.

Сейф был пуст... и представлял собой ловушку.

Барбара мысленно перенеслась на пятый этаж и поплыла к большой черной двери, на которой было написано: "Служба по контактам и научным исследованиям".

Снова остановилась...

В течение нескольких минут Барбара неспешно и скрупулезно зондировала своей мыслью стены кабинетов и личных апартаментов Джона Хэммонда. Что-то в них было необычным и, как представлялось, таило в себе очень большую опасность. В этой секции Центра всюду между стенками и дверьми, над потолками и под полами пульсировали, извиваясь подобно струе дыма из печной трубы, странные силовые поля.

Преодолеть этот барьер было невозможно.

Но это касалось Барбары во плоти, а её мыслен-

ное воплощение в определенной степени было способно на это...

Нужно было лишь избегать большой двери и потайного лифта, который вел непосредственно в квартиру Хэммонда. Защита этих участков, наиболее привлекательных для любого нежелательного лица, стремящегося проникнуть в секцию, была мощнейшей.

Она отодвинулась от этой массивной двери и застыла в ожидании, достаточно далеко от стены, которая воздвигалась между ней и основным кабинетом. Понемногу стала возникать картинка...

Она очутилась в неизвестной ей доселе комнате, совершенно пустой и не представлявшей никакого интереса, за исключением закрытой двери, параллельной другой двери, выходившей в коридор.

Образ внутренней комнаты в мозгу Барбары внезапно померк. Вместо него она ощутила присутствие какой-то всепоглощающей, грозной, грубо повелевающей силы.

Обескураженная и напуганная, Барбара уже чувствовала воздействие этой силы, её готовность отбросить девушку назад, к смертоносному барьеру, окружавшему всю секцию. Поисковая мысль Барбары тут же прервала передачу по ка-

налу зрительного восприятия и ради обретения стабильности покорно притихла.

И все же теперь Барбара точно знала, где находилась сыворотка: в большом сейфе квартиры Хэммонда, под мощной и, на первый взгляд, непреодолимой защитой.

Механизм дальнего восприятия стал крайне осторожно восстанавливаться. Выявилась другая часть секции, погруженная в туман враждебных энергополей. В ней находился мужской аналог Барбары. Он был жив.

Но совершенно беспомощен и ничего не осознавал. К тому же был заперт в мрачную клетку с энергетическими решетками, через которые с трудом удалось произвести лишь самую общую идентификацию. И все же Барбара была счастлива, что ему удалось спастись.

Через несколько минут она была абсолютно уверена в том, что в запертых апартаментах Хэммонда никого больше не было. Тогда она сняла поле визуального зондирования этого места и переключила его на главный офис. Появился расплывчатый образ женщины. Это была Хелен Венделл, которая, судя по всему, говорила в аппарат, связанный с лежащим перед ней прибором.

Вступил в действие новый уровень дальнего

восприятия. Барбара услышала голоса говоривших.

Отчитывался Гэнин Арнольд, курьер из города Новая Бразилиа. Он находился в городском аэропорту в пятнадцати километрах к югу от Центра Альфа.

— Уже закрывают двери, — говорил курьер в микрофон, замаскированный под один из тех ингаляторов успокоительного действия, которыми в последнее время так часто пользовались многие пассажиры перед взлетом самолета. Если бы кто-нибудь находился сейчас даже в нескольких сантиметрах от курьера, он бы ничего не услышал. Но из прибора на столе Хелен Венделл голос Арнольда звучал громко и отчетливо.

— Взлетаем через... (Арнольд посмотрел на ручные часы) две минуты тридцать секунд. До Парижа посадок не будет. Все пассажиры и члены экипажа, хотя бы по разу, прошли в зоне действия биоиндикатора, который ни разу не показал уровня выше стандартного среднеземного, то есть не достигал шести. Короче, мы оба, биолог и я, абсолютно уверены в том, что ни одна ненормально эволюционированная человеческая форма нас до Парижа не сопровождает. Доктор Глоудж ведет себя превосходно. Транквилизатор уже начал

оказывать свое действие, и доктора явно клонит ко сну. Нет сомнений, что до самого Парижа он будет сладко спать.

Арнольд сделал паузу, видимо ожидая комментариев. Поскольку их не последовало, он продолжал:

— Очевидно, что после взлета поддерживать связь этим способом будет невозможно. Посему, учитывая, что в оставшееся время каких-либо неприятностей не предвидится, и если господин Хэммонд не возражает, я свое сообщение заканчиваю.

Мелодичный голос Хелен, исходивший, казалось, откуда-то слева от головы курьера, ответил:

— Господин Хэммонд предпочитает, чтобы вы оставались в режиме приема до самого взлета на тот случай, если нам придется дать вам другие инструкции.

12

В закрытой наглухо каморке последнего этажа здания, в нескольких километрах от Центра, женская фигура у окна внезапно вышла из состояния транса, в котором пребывала, стоя совершенно неподвижно несколько минут. Подняв голову, она обвела взглядом слабо подсвеченное

городскими огнями небо. Ее рука поднялась и дотронулась до толстого стекла. Оно расплавилось, как лед под воздействием высокой температуры.

Ворвавшийся в помещение холодный ветер взвихрил пыль.

Барбара немного выждала, потом подошла к провалу, зияющему на месте окна.

Ее взгляд был направлен на запад. Она вслушивалась. Все многоголосье города теперь отчетливо звучало в ней. Каждые тридцать секунд раздавался покрывавший все шумы города грохот. Это вертикально взлетали, набирали скорость и со свистом устремлялись в ночь реактивные самолеты. Барбара быстро повернула голову и проанализировала меняющуюся структуру этого звука. Она медленно развернулась к северу, следя за перемещавшейся вдали точкой. От напряженного внимания её глаза прищурились.

Между тем в самолете, взявшем несколько минут назад курс на Париж, с доктором Глоуджем происходили странные вещи. Поклевывая носом, он с удовлетворением думал о предстоящей новой работе над парижским проектом, которым руководил Хьюберт Роланд. Неожиданно он почувствовал, что какая-то часть его мозга проснулась.

Внезапно забеспокоившись, он осмотрелся. В первую очередь Глоудж взглянул на сидящего рядом соседа.

Это был дородный, налитый силой мужчина. Он напоминал частного детектива, и Глоудж точно знал, что это был его телохранитель. Но странным было то, что этот человек сидел в своем кресле совершенно безвольно, опустив голову на грудь и закрыв глаза, — все признаки воздействия транквилизатора.

"Чего это он заснул?" — мысленно спросил себя Глоудж, глубоко убежденный в том, что это он, а не его телохранитель должен был находиться в состоянии сна. Доктор отчетливо вспомнил совершенно незнакомый ему прибор, с помощью которого эта Венделл заполнила его голову целым комплектом убедительных иллюзий. Он по доброй воле поднялся на борт лайнера и по настоянию своего ангела-хранителя в достаточной степени надышался успокоительным газом из респиратора, вмонтированного в его кресло, чтобы беспробудно спать до самого Парижа.

И тем не менее спустя всего несколько минут после взлета он уже бодрствовал. Те внушения, которыми его пичкали в течение всего дня, стали рассеиваться.

Эти факты явно противоречили друг другу и должны были иметь какое-то логическое объяснение.

Внезапно Глоудж совсем перестал думать. У него создалось впечатление, что в какой-то миг в голове просто образовался вакуум. Затем его охватил сводящий с ума ужас.

— Да, доктор Глоудж, — произнес кто-то рядом, — действительно всему ЕСТЬ объяснение!

Медленно, нехотя, но совершенно не в силах побороть направляющий его действия импульс, он обернулся.

Кто-то сидел сзади.

Сначала он подумал, что речь идет о совершенно незнакомом ему человеке. Но тут сидевшая за ним женщина открыла глаза. Их взгляды встретились. Даже в приглушенном свете салона лайнера её взор отсвечивал демоническим огнем.

Женщина заговорила, и он узнал голос Барбары Эллингтон.

— У нас с вами возникла общая проблема, доктор Глоудж. Есть основания полагать, что на этой планете орудует группа космических пришельцев. Мне ещё неясны мотивы их присутствия. Поэтому наша ближайшая задача прояснить их.

— Вы ГДЕ находитесь? — сухо осведомилась

Хелен Венделл.

Она повернула рычажок, и справа от неё засветился небольшой экран.

— Джон! Быстро!

Находившийся у себя в апартаментах Джон Хэммонд обернулся и бросил взгляд на оживший позади него экран. Спустя пару секунд он уже слушал хриплые, рубленые фразы, раздававшиеся в лежавших слева от Хэммонда наушниках.

— Где он? — спросил Хэммонд у Хелен. Ее лицо на экране было бледным и напряженным.

— На аэродроме в Де Муан! Парижский лайнер сделал вынужденную посадку из-за технических неполадок. Никто толком не знает, что это были за неполадки и почему потребовалось их срочно устранять. Но всех пассажиров высадили и перевели в другой самолет. Арнольд в полном душевном смятении. Послушайте-ка его!

— ...с ним была женщина, — раздался невнятный голос курьера. — Я сначала подумал, что это пассажирка, поднявшаяся в самолет перед вылетом. Сейчас я в этом уже не уверен. Но я был не в состоянии даже шевельнуть пальцем и смотрел, как они удалялись вдвоем и покинули аэропорт. Ни на секунду я не подумал ни о том, почему эта женщина оказалась с Глоуджем, ни о том, чтобы

их остановить, ни даже о том, чтобы разузнать, куда это они направились...

Хэммонд повернул регулятор, и звук стал тише.

— Когда приземлился лайнер? — спросил он у Хелен Венделл.

— Должно быть, уже более получаса тому назад, как сказал Арнольд! Он заявил, что только сейчас подумал о том, чтобы нас предупредить.

— ЦЕЛЫХ ПОЛЧАСА! — Хэммонд рывком вскочил на ноги. — Хелен, бросайте все дела! Мне нужен наблюдатель на внеземной орбите, и обеспечьте это, если сможете, в течение ближайших минут.

Она посмотрела на него с удивлением:

— Каких действий вы ожидаете?

— Понятия не имею.

Она поколебалась, затем заговорила вновь:

— Охранители...

— Все, что возможно предпринять здесь, я в состоянии сделать сам и ни в ком ради этого не нуждаюсь. Защитные экраны с северной стороны будут отключены ровно на сорок секунд. А теперь уходите... — он отключил связь и повернул один из рычажков под своим столом.

Сидя в основном офисе, Хелен Венделл какое-то

время смотрела на погасший экран. Наконец она вскочила, подбежала к двери и устремилась в холл.

Чуть позже Джон Хэммонд вошел в комнату, где в своей энергетической клетке лежал Винсент Стрезер. Хэммонд, подойдя к стене, снизил мощность защитного экрана наполовину.

Тот посветлел и превратился в почти неразличимую дымку. Хэммонд внимательно всмотрелся в силуэт человека, лежавшего на койке.

— Произошли ли другие изменения внутренних органов? — спросил он громким голосом.

— За последние два часа нет, — ответила медицинская машина.

— Эта форма жизнеспособна?

— Да.

— Проснется ли он, если я нейтрализую экран полностью?

— Да, немедленно.

Подумав, Хэммонд задал ещё один вопрос:

— Просчитан ли эффект в случае введения четвертой инъекции?

— Да, — ответила скрытая в стене машина.

— Коротко сформулируйте, что именно произойдет.

— Серьезная перестройка пойдет ещё быстрее.

Направление эволюционного толчка останется прежним, но его амплитуда намного расширится. Окончательная стабилизация формы произойдет через двадцать минут. И она все ещё будет жизнеспособна.

Хэммонд передвинул рычажок в положение максимального режима. Энергетический экран затянулся дымкой, потеряв прозрачность.

Было ещё слишком рано принимать решение о четвертой инъекции. Может быть, вообще удастся обойтись без этой крайней меры.

13

В десять с половиной часов раздался сигнал с экрана дальней связи. Взглянув на пульт управления, Хэммонд одним движением нажал сразу на кнопки приема и блокировки своего изображения на тот случай, если вызывавший пользовался видеотелефоном.

— Слушаю, — произнес он.

Экран оставался темным, но из приемника раздался вздох облегчения.

— ГОСПОДИН ХЭММОНД! — Голос гнусавил и дребезжал, но, несомненно, принадлежал доктору Глоуджу.

В одном из приборов на столе Хэммонда раздались два металлических щелчка, означавших,

что к разговору подключилась Хелен, которая записывала его с борта космического корабля, курсировавшего вдали от Земли.

— Где вы находитесь, доктор Глоудж?

— Господин Хэммонд... это ужасно... эта тварь... Барбара Эллингтон...

— Она заставила вас покинуть самолет. Я знаю. Где вы сейчас?

— Я у себя дома, в Пенсильвании.

— Она вас сопровождала туда?

— Да. И я ничего не мог поделать, чтобы помешать ей.

— Конечно. Она ушла?

— Не знаю, где она сейчас. Я рискую, звоня вам. Было кое-что такое, о чем я совсем позабыл, господин Хэммонд, но она, она была в курсе. Я...

— Имелся ли запас сыворотки "Омега" в лаборатории на вашей ферме?

— Я и думать о нем забыл. Это был один из первых экспериментальных образцов. Сыворотка содержит примеси, которые вызывают опасные и чудовищные отклонения в развитии. Я полагал, что все её запасы уничтожены. Но эта тварь знала обо всем больше, чем я сам! Она привезла меня сюда и заставила отдать ей всю оставшуюся сыворотку, которой было совсем немного...

— Но достаточно для четвертой дозы?

— Да, да, вполне.

— И она её себе ввела?

Доктор Глоудж, поколебавшись, ответил:

— Да. Тем не менее есть надежда, что вместо того, чтобы подстегнуть эволюционный процесс у этого существа, которое я теперь рассматриваю как монстра, эта несовершенная сыворотка не позволит ей подняться на следующий уровень развития, а, наоборот, быстро её уничтожит.

— Вполне возможно. Но с самого или почти с самого начала эксперимента по эволюционному стимулированию Барбара Эллингтон действовала с пониманием тех возможностей, которые перед ней открывались. И я с трудом верю в то, что теперь-то она совершит ошибку.

— Я... — голос Глоуджа сломался. — Господин Хэммонд, я вполне отдаю себе отчет в гнусности того, что я сделал. Если я в той или иной степени могу способствовать предотвращению самых пагубных последствий моих действий, вы можете рассчитывать на полное сотрудничество с моей стороны. Я...

Раздался щелчок, означавший, что разговор прерван. Последовала пауза и после неё шепот Хелен:

— Не считаете ли вы, что Барбара сознательно дала ему возможность позвонить вам, а затем прекратила разговор?

— Это очевидно.

Хелен воздержалась от каких-либо комментариев. Хэммонд тихо произнес:

— Я думаю, она хочет предупредить нас о своем предстоящем визите.

— Полагаю, что она уже пришла, Джон. Всего хорошего.

14

Хэммонд посмотрел на пульт управления. Стрелки приборов безумно метались из стороны в сторону. Он отметил также и ещё одно, совершенно непредвиденное обстоятельство: появление поля отрицательной энергии, нейтрализовавшего его защитное энергетическое поле.

— Хелен... Эта женщина частично вне нашей досягаемости. То, что вы сейчас видите, — это наше силовое поле, которое пытается устоять перед антиполем. Я слышал о существовании подобного феномена, но никогда с ним не сталкивался.

Хелен Венделл ничего не ответила, продолжая пристально наблюдать за контрольным пультом управления на далеком космическом корабле, где она в настоящее время находилась. От разбу-

шевавшейся электронной бури взбесились все индикаторы, показывая, что поле, защищавшее кабинет и апартаменты Хэммонда, подвергалось воздействию другого поля с быстро меняющейся частотой. Вскоре потенциал защитного барьера упал до критического уровня.

Противостояние длилось больше минуты. Приборы показывали невероятные нагрузки.

— Джон Хэммонд, — тихо произнес стол. Хэммонд подскочил от неожиданности и отступил.

— Джон Хэммонд, — прошептало соседнее кресло.

— Джон Хэммонд! Джон Хэммонд! Джон Хэммонд! Джон Хэммонд!

Его имя звучало из всех углов комнаты, окружая, обволакивая его. Занимая ответственный пост, он знал, что означает эта вихревая атака, и понимал связанные с нею опасные последствия. Вероятность такого поворота событий никогда не рассматривалась. Тем не менее ОНИ учитывали подобную возможность. И Хэммонд располагал необходимыми средствами, чтобы достойно встретить возникшую новую ситуацию.

Его взгляд лихорадочно метался по кабинету в поисках специального прибора, который он разместил где-то среди других. Был момент, когда он,

не находя его, чуть не запаниковал. Оказалось, однако, что он у него в руке. Большим пальцем он быстро провел по его поверхности, нащупал нужный выступ и привел его в действие. После этого Хэммонд положил прибор на стол.

Возник скрежещущий звук. Это был не только звук, но вибрация, взвинчивающая нервы до предела. Голоса-фантомы тут же сникли до шепота. Далекий и тонкий голос Хелен Венделл вонзился в ухо Хэммонда словно игла.

— Контрольный экран! Она уходит! — с надеждой вскричала Хелен.

— Вы уверены в этом?

— Не совсем, — в голосе Хелен послышалась обеспокоенность. — Что видно на ВАШЕМ экране?

— Пока только субъективные помехи. Но они постепенно исчезают.

— Что все-таки произошло?

— Думаю, что она прозондировала нас и пришла к выводу, что сможет одержать легкую победу. Посему она, должно быть, получила самый большой сюрприз в своей короткой жизни сверхженщины предгалактического уровня. Она не поняла, что мы являемся представителями Великих.

— Она пострадала?

— О! На это я не претендую! Она слишком многое узнала. Но... детали я вам сообщу позднее.

Хэммонд прищурился при взгляде на контрольный экран и бросился к двери в соседнюю комнату.

— Сделать последнюю инъекцию, — приказал он, войдя в это помещение.

— Четвертая и последняя в этой серии инъекция сыворотки "Омега" будет сделана этому существу, — отметила машина.

— Немедленно!

— Немедленно.

Вернувшись в кабинет, Хэммонд вновь услышал голос Хелен:

— Временами поток антиэнергии доходит по напряженности до индекса девяносто шесть. Это всего лишь на четыре пункта ниже теоретического предела. Удалось ли ей сравняться с вашим энергетическим уровнем?

— Почти. Она применила прием с псевдогипнозом высочайшего потенциала, но у неё ничего не вышло. И все же она вернется. У меня в руках находится нечто такое, чего она упорно добивается.

Ожил экран телефона. Включив аппарат, Хэм-

монд услышал голос доктора Глоуджа.

— Нас недавно прервали, господин Хэммонд. — Биолог говорил спокойно и уверенно.

— Что случилось? — устало спросил Хэммонд.

— Господин Хэммонд! В конце концов я все-таки проанализировал истинную природу эволюции. Получается, что Вселенная — это иерархия различных уровней. И ей нужна свободная энергия на всех ступенях. Поэтому те, кто находятся на более высоких уровнях, прямо не вмешиваются в дела нижестоящих. Но по этой же причине если в распоряжении последних оказываются могущественные силы, то вышестоящие полагают, что это их прямо касается.

— Барбара! — спокойно парировал Хэммонд. — Барбара, если вы мне звоните, чтобы выяснить, впущу ли я вас к себе, то я отвечу утвердительно.

Воцарилось молчание, затем последовал щелчок, означавший конец связи. Буквально в то же мгновение почти незаметно качнулась стрелка одного из приборов.

— Что у вас там происходит? — запросила Хелен сдавленным голосом.

— Сейчас с моего разрешения она пройдет сквозь экраны.

— Не думаете ли вы, что это какая-то уловка с

её стороны?

— В некотором смысле да. Не знаю, по каким причинам, но она не захотела дойти до крайнего теоретического предела на шкале эволюции, установленного Глоуджем, до точки, отстоящей от нас на миллион лет. Возможно, это случится чуть позже.

— И тем не менее вы её впускаете к себе?

— Конечно.

Хелен замолчала.

Беззвучно протекла минута. Хэммонд немного отошел от пульта управления, встал лицом к двери и стал терпеливо ждать.

В уголке экрана засветился красный огонек. Что-то постороннее вошло в основной кабинет.

Гнетущая тишина длилась ещё несколько секунд. Затем в коридоре послышались звонкие шаги.

Хэммонд не смог бы ответить, чего точно он ожидал... но только не банального перестука каблучков-шпилек женских туфелек.

Она возникла в дверном проеме личного кабинета Хэммонда и остановилась, глядя на него. Хэммонд молчал. Внешне эта женщина была Барбарой Эллингтон, которая ещё накануне сидела в кресле в кабинете у Глоуджа. В ней ничего не

изменилось — ни в поведении, ни в одежде. Даже сумочка, которую она держала в руках, казалась той же самой. Если абстрагироваться от бьющей из неё через край энергии, живости осанки, остроты умных глаз, накладывавших на весь её облик свой отпечаток, то это была та же самая девушка, худощавая, неуклюжая, неуверенная в себе, которая работала во внешнем бюро менее двух недель тому назад.

"Значит, это фантом, — подумал Хэммонд. — Но пусть она не заблуждается: сейчас я надежно защищен от любых её попыток манипулировать моими мыслями. И этот защитный экран исчезнет только в том случае, если умру я сам". Стоящий в дверях человеческий силуэт был реальностью. Это фиксировали приборы. И тем не менее это была всего лишь форма, специально созданная ради этой встречи. Она не была той новой Барбарой, в которую превратилась прежняя.

Хэммонд точно не знал, зачем она приняла этот облик. Может быть, в надежде усыпить его бдительность?

Она шагнула вперед с легкой улыбкой на губах и огляделась вокруг. Вот тогда-то Хэммонд понял, что не ошибся. Вместе с ней в комнату проскользнуло что-то еще... Нечто подавляющее вас, от чего

по спине пробегает дрожь. Но одновременно это нечто вызывало чувство теплоты и мощи.

Она взглянула на Хэммонда голубыми глазами, в которых скакал бесенок любопытства, и приветливо улыбнулась.

— Хочу разобраться, почему вы все ещё здесь, — беззаботно произнесла она. — Защищайтесь!

Все произошло беззвучно. Но между ними проскочила ослепительно белая паутина огней, обволокла обоих, затем стихла, снова запылала — и опять исчезла. Они стояли неподвижно и следили друг за другом. В комнате ничего не изменилось.

— Прекрасно! — сказала женщина. — Окружающая вас тайна начинает проясняться. В настоящее время я знаю, к какому виду живых существ вы относитесь, Джон Хэммонд. ВАША наука никогда не смогла бы подчинить себе те энергии, которые сейчас оберегают ваши тело и разум. Таким образом, в чрезвычайных ситуациях вам, видимо, разрешено пользоваться средствами, которые изобретены другими, превосходящими вас существами, суть которых вы не можете постигнуть. И где же могут быть размещены подобные средства сейчас?... Думаю, что здесь.

Она повернулась и в три шага достигла двери

соседней комнаты. Остановилась. Тут же перед этой дверью и стеной заклубился розоватый с блестками туман, застелился по полу.

— Да, — возобновила она свой монолог. — Все из одного источника! И здесь...

Она опять повернулась и, широко ступая, подошла к пульту управления на столе, который мгновенно обволок тот же розовый туман.

— Таким образом, вот те три точки, которые вы должны считать жизненно важными! — промолвила она, покачав головой. — Вы сами, существо в соседней комнате и пульт управления секцией. Ради их сохранения вы готовы раскрыть секрет, о котором иначе бы умолчали. Думаю, самое время нам обменяться информацией.

Она двинулась к Хэммонду и остановилась перед ним.

— Я нечаянно обнаружила, что вы, Джон Хэммонд, не являетесь уроженцем Земли. По уровню развития вы выше землян, однако не настолько, чтобы объяснить им, почему вы здесь находитесь. В этом мире у вас действует организация. Весьма, кстати, любопытная. Она вроде бы не имеет своей целью ни завоевать Землю, ни эксплуатировать ее... Но не будем об этом. Не пытайтесь мне объяснять. Это не имеет никакого значения. Вы сейчас

освободите существо мужского пола, которое должно получить те же самые инъекции сыворотки, что и я. Затем вы и представители вашего биологического вида быстренько покинете эту планету. Вы нам больше не нужны.

Хэммонд покачал головой.

— Вполне возможно, что мы будем вынуждены эвакуировать отсюда нашу экспедицию, — ответил он. — Но тем самым Земля превратится в большую угрозу. Мы представляем здесь Великих Галактиан, у которых на службе находится немало зависимых видов живых существ, ведущих в их интересах военные операции. Не вижу никакой выгоды для Земли, если кто-нибудь из них оккупирует её или введет карантин для того, чтобы "посеянный" здесь вид находился под постоянным наблюдением.

— Мне абсолютно безразлично, Джон Хэммонд, пошлют ли Великие Галактиане свои корабли на Землю или явятся сюда сами. В обоих случаях для них это было бы проявлением большой неосторожности. Через несколько часов в нашем распоряжении будет находиться в неограниченном количестве сыворотка "Омега". Через несколько дней каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок на Земле пройдет до

конца цикл своей эволюции. Неужели вы думаете, что это совершенно новое человечество можно будет поставить под чье-то наблюдение?

— Сыворотка "Омега" никогда больше применяться не будет. И я вам покажу почему...

Хэммонд повернулся и направился к пульту управления. Розовый туман расступился перед ним и снова замкнулся за его спиной. Он исчез совсем, как только Хэммонд опустил один из рычажков. И тогда Хэммонд отступил назад.

— Я выключил энергетические поля, мешавшие вам войти в эту комнату, заявил он. — Идите и убедитесь сами в справедливости моих слов. Барьера больше не существует.

Лицо Барбары напоминало застывшую маску, на которой полыхал лишь голубой костер её глаз. Хэммонд подумал, что она уже знает, что сейчас увидит. Тем не менее она шагнула к двери. Хэммонд также подошел, чтобы заглянуть через её плечо.

Клетка с решетками из энергополей, скрывавшая кровать, исчезла. Лежащая на кровати фигура приподнялась, ошеломленно покачала головой, кувыркнулась и опустилась на четвереньки.

Огромные, полные муки глаза на секунду за-

держались на лицах Хэммонда и Барбары. Затем существо встало во весь свой рост...

Да, да, во весь свой рост — целых пятьдесят пять сантиметров! Оно покачнулось, еле удерживаясь нетвердыми ногами на своей лежанке, маленькое волосатое существо с несоразмерной шаровидной головой с прорезью большого рта.

Оно моргнуло, что-то смутно припоминая, открыло рот и тонким голоском проблеяло:

— Бар-ба-ра!

15

Женщина резко развернулась, отведя глаза от этого ничтожного и потешного силуэта, но легкая улыбка тронула её губы, когда она посмотрела на Хэммонда.

— Очень хорошо, — произнесла она. — Тем самым порвалась моя последняя связь с Землей. Принимаю то, что вы мне сказали. Полагаю, что сыворотка "Омега" — единственное в своем роде изобретение, неизвестное в других частях Галактики.

— Это не совсем так, — отозвался Хэммонд.

Она указала подбородком на соседнюю комнату.

— Может, вы объясните, почему в этом случае все пошло наперекосяк?

И Хэммонд поведал ей содержание теории Глоуджа, согласно которой ускорение эволюции — это палка о двух концах. На нынешнем этапе эволюции человека перед ним открыто множество векторов его возможного развития. Судя по всему, сыворотка стимулирует только один из них, и в дальнейшем естественные силы доводят до логического конца только одну эту линию.

Излагая эти мысли, он неотступно наблюдал за ней, напряженно думая: "Проблема-то не решена. Как мы освободимся от НЕЕ?"

Он ощущал присутствие почти невероятной мощи, реальной и устойчивой силы, исходящей от неё в виде постоянного потока энергии.

Весь в напряжении, он продолжал:

— Когда Великие Галактиане "осеменяют" жизнью новую планету, они никогда не трогают базовые характеристики различных местных жителей. Они внедряют селекционированные группы своих собственных генов в тысячи мужчин и женщин на всех континентах. По мере того как поколения сменяют друг друга, этот генофонд смешивается в случайном порядке с генофондом местных жителей. Сыворотка "Омега", вероятно, стимулирует одну из этих генетических смесей и доводит до предела её эволюционный потен-

циал. Обычно это заводит в тупик из-за действия "фактора сингулярности".

— "Фактора сингулярности"... — это было сказано с вопросительной интонацией.

— Человек, — объяснил Хэммонд, — явился результатом слияния двух существ различного пола. Каждый из людей нес в себе лишь частички всего генофонда человечества. Со временем все эти гены перемешивались, вступали между собой в различные комбинации. И вид прогрессирует именно потому, что составлялись эти миллиарды случайных комбинаций. В случае с Вэнсом одна из таких комбинаций была активизирована и доведена в своем развитии до финальной точки в результате повторного воздействия сыворотки "Омега". Но у этого набора генов, естественно, имелся ограниченный спектр возможностей развития, подобно тому, как это обязательно случилось бы в том случае, когда лицо, так сказать, совокуплялось бы с самим собой. Именно в этом и заключается "фактор сингулярности". Это и произошло с Вэнсом, а также и с вами. Вы оба оказались результатом эксперимента по самому фантастическому из когда-либо предпринимавшихся опытов одноканальной передачи эстафеты жизни. Это что-то вроде кровосмесительства,

ведущего к полной, необычайно увлекательной и чудовищной стерилизации...

— Вы ошибаетесь, — тихо произнесла псевдоженщина. — Я же не монстр. Все, что произошло здесь, ещё более невероятно, чем я думала. Во мне оказался стимулированным запас имевшихся у меня галактических генов. Теперь я знаю, кем был этот "НЕКТО", с которым я вступила в контакт в Космосе. Это был один из Галактиан. Он дал мне возможность добраться до него. Он все сразу же понял... Джон Хэммонд, ещё один вопрос. "Омега" — это необычный термин. Что он означает?

— Когда человек растворяется в самом предельном — это и есть Точка Омега.

Произнося эти слова, Хэммонд почувствовал, как она стала удаляться от него. Или же это он удалялся от нее? И не только от неё — от всего. Он плыл, но не в пространственном значении этого слова, а как-то странно, будто отрываясь от действительности самой Вселенной. Он ещё успел подумать, что это, должно быть, необычный и вызывающий беспокойство феномен, но эта мысль тут же угасла.

— Сейчас что-то происходит, — прозвучал женский голос. — Эволюционный процесс у существа по ту сторону двери закончился на свой лад. У

меня ещё нет... состоялся пока не полностью. Но сейчас он подходит к своему концу.

Он был нигде и он был ничем. Внезапно возникли новые словесные и мыслительные впечатления. Словно шуршащий дождь, который целиком поглотил его.

Позднее они обрели конкретную форму. Он почувствовал, что стоит в небольшой, примыкавшей к его кабинету комнате и смотрит на худого рыжего молодого человека, который, сидя на краю кровати и держась руками за голову, раскачивался из стороны в сторону.

Хэммонд спросил:

— Ну как, Вэнс? Вы пришли в себя?

Вэнс Стрезер нерешительно взглянул на него и дотронулся до разорванного рукава пиджака.

— Кажется, да, господин Хэммонд, — прошептал он. — Я... Что со мной произошло?

— Вы поехали прокатиться на машине с некоей Барбарой Эллингтон. Оба выпили лишнего. За рулем была она и вела машину... слишком быстро. Та сорвалась с шоссе и несколько раз перевернулась. Люди, присутствовавшие при этом, сумели вытащить вас из-под обломков буквально перед тем, как машина загорелась. Девушка была мертва, и они даже не пытались спасти её тело.

Когда полиция сообщила мне о происшествии, я попросил доставить вас в Центр Альфа.

Рассказывая эту историю юноше, Хэммонд с удивлением обнаружил, что так было и на самом деле и что каждое его слово было сущей правдой. В тот вечер действительно произошла автомобильная катастрофа и именно так, как он описал её.

— Неужто... — вздохнул, не закончив фразу, Вэнс. Он дернул головой, потом заметил: — Барбара была странной девушкой. Настоящая фурия! Одно время я к ней сильно привязался, господин Хэммонд, но в последние дни я стремился порвать с ней.

У Хэммонда, однако, было впечатление, что произошло и немало других событий. Машинально он повернул голову в сторону своего кабинета, заслышав стрекотание телефона.

— Извините, — бросил он Вэнсу.

Опустив рычажок, он увидел на засветившемся экране лицо Хелен Венделл. Та коротко улыбнулась ему и поинтересовалась:

— Как поживает Стрезер?

Хэммонд ответил не сразу. Он вгляделся в Хелен, и его волосы встали дыбом. Она была не на космическом корабле, курсирующем вдалеке от

Земли, как это должно было бы быть, а преспокойно сидела за своим столом.

— С ним все в полном порядке, — услышал он свой голос как бы со стороны. — Эмоциональный шок был не очень глубоким... А как у вас?

— Смерть Барбары потрясла меня, — призналась Хелен. — Но вам звонит доктор Глоудж и настойчиво просит дать возможность поговорить с вами.

— Хорошо. Переключите его на мою линию.

— Господин Хэммонд, — раздался спустя несколько мгновений голос Глоуджа. — Звоню вам по поводу проекта "Стимуляция. Точка Омега". Я только что перечитал свои заметки и ещё раз просмотрел отчеты о лабораторных испытаниях. И я убедился, что, когда вы отдадите себе отчет в том, какие многочисленные опасные последствия может иметь опубликование реультатов моего эксперимента, вы сами согласитесь прекратить работы над этим проектом, а также немедленно уничтожить все касающиеся его документы.

Повесив трубку, Хэммонд на некоторое время замер в молчании.

Итак, и эта часть проблемы была урегулирована! Последние следы существования сыворотки

"Омега" вот-вот сотрутся. Вскоре о ней вообще будет помнить он один.

И надолго ли? Несомненно, не более двух-трех часов. Осевшие в его памяти образы уже поблекли и частично стерлись. А то, что осталось, было каким-то смутным и неопределенным... этакая тонюсенькая ниточка мысли, которая колышется на ветру, но непременно вскоре порвется под его порывами.

Хэммонд не возражал против подобного поворота событий. Он лицом к лицу столкнулся с Великим Галактианином, а это не идет на пользу существу, стоящему на более низкой ступени развития.

И все же как тяжело было убедиться в своем полном ничтожестве!

Он, наверное, задремал, так как, очнувшись, вздрогнул. Без видимых на то причин он чувствовал себя слегка дезориентированным.

В кабинет с улыбкой вошла Хелен:

— Не кажется ли вам, что пора уходить домой? Вы опять начали засиживаться на работе.

— Да, вы правы, — ответил Хэммонд.

Он поднялся и прошел в соседнюю комнату сказать Вэнсу, что тот может отправляться к себе домой.

Ведьмы Карреса

Посвящается прекрасной ведьмочке по имени Сильвия Энн Томас

Глава первая

Эта история началась в тот вечер, когда прибывший на планету Порлумма из Республики Никкелдепейн капитан торгового космического корабля Посерт встретил первую из ведьм Карреса. Видимо, то была просто шутка судьбы.

Настроение у капитана было прекрасное, он только что вышел из дорогого бара на булыжную мостовую одной из улочек, прилегавших к космопорту, и намеревался сразу возвратиться на свой корабль. И дело вовсе не в том, что он с кем-то поспорил, хотя несколько человек как всегда насмешливо заулыбались, стоило ему произнести вслух название своей планетной системы. Разумеется, капитан не удержался и заметил — весьма остроумно, кстати, — что куда более странным, чем Никкелдепейн, ему кажется название Порлумма.

После этих его слов уже многие в баре стали посматривать на него оскорбленно, а он все не унимался и продолжал вслух сравнивать ту блестящую и необычайно интересную роль, которую сыграл в истории человечества Никкелдепейн, с явно третьестепенной и весьма унылой ролью

Порлуммы, планеты провинциальной и полузабытой.

В заключение он высказал самое искреннее нежелание, ежели что случится, оставлять свой труп на Порлумме.

Тут кто-то громко заметил — на имперском универсальном, — что в таком случае капитану лучше вообще не слишком задерживаться на этой планете. Но Посерт в ответ лишь вежливо улыбнулся, заплатил за выпивку и вышел.

Он совершенно не собирался ввязываться в сомнительные истории на столь отдаленной, практически маргинальной планете, жители которой до сих пор пребывали в наивной уверенности, что обязаны «стоять на страже» и действовать в соответствии с Уставом пограничных областей. Так что представители правоохранительных органов здесь всегда появлялись незамедлительно.

Итак, настроение у капитана Посерта было превосходное. Если не считать последних четырех месяцев его не такой уж долгой жизни, он никогда не чувствовал себя завзятым патриотом. Однако, в сравнении с большинством планет, входивших в состав Империи, Никкелдепейн теперь представлялся ему куда более привлекательным, несмотря на старомодность и консерватизм. Но

самое главное — капитан возвращался домой вполне платежеспособным. То-то все удивятся!

Дома его ждала любящая и нежная Иллайла, юная мисс Онсвуд, прелестная дочь могущественного советника Онсвуда (уже год она была тайной невестой капитана).

Капитан улыбнулся и всмотрелся в темноту — по той ли улице идет. Осталось совсем немного, и он решительно двинулся дальше. Примерно через шесть часов полета он окажется за пределами Империи, на пути к Иллайле.

Да, она одна еще верила в него! После быстрого краха первого коммерческого предприятия капитана — фермы по выращиванию пушных миффелей, созданной благодаря занятой у советника Онсвуда крупной сумме, — будущее представлялось Посерту в весьма мрачном свете. Он вполне мог схлопотать десять лет принудительных работ за «умышленно халатное отношение к доверенным деньгам». Законы Никкелдепейна весьма строги в отношении несостоятельных должников.

— Но ты же всегда хотел, чтобы кто-нибудь снова вышел на нашей старой «Удаче» в космос и занялся межпланетной торговлей! — со слезами на глазах твердила отцу Иллайла.

— Э-э-э, милая! Да, я этого хотел, но авантюризм у Посерта в крови! Его двоюродный дед Требус, между прочим, кончил очень плохо! По-моему, лучше нам обратиться к служителям закона. — Советник Онсвуд сердито посмотрел на Посерта, хранившего мрачное молчание. Капитан, конечно, пытался что-то лепетать насчет таинственной эпидемии, уничтожившей почти всех миффелей на ферме, но, если честно, не без оснований подозревал, что к «эпидемии» приложил свою шкодливую руку молодой советник Раппорт, последние года два безуспешно увивавшийся за Иллайлой...

— «Удача».., хм, ну что ж! — словно размышляя вслух, изрек советник Онсвуд. — По крайней мере, водить космические корабли Посерт умеет...

Так все и решилось. И теперь его знакомые здорово удивятся! Капитан прекрасно понимал, что, снаряжая «Удачу», Онсвуд выгреб со складов все залежалое старье, за последние полсотни лет успевшее покрыться толстым слоем пыли; советник очень надеялся получить хоть что-нибудь в возмещение некогда потраченной суммы. Груз был оценен в восемьдесят две тысячи маэлей, и если Посерту удастся сбыть хотя бы три четверти этого барахла, все будет просто прекрасно...

Однако... Сказать по правде, все началось с того, что Посерт прямо в столице Империи весьма удачно побился об заклад с неким имперским чиновником по поводу одной юридической закавыки. Потом он осмелился поучаствовать в шестичасовой гонке — тоже на спор — с небольшим быстроходным частным судном и одержал блестящую победу: старая «Удача-7333» была создана еще в прошлом веке как крейсер для преследования космических пиратов и сейчас по-прежнему могла развивать скорость вдвое большую, чем можно было предположить по ее внешнему виду. После этого выигрыша капитана Посерта в любом обществе воспринимали как истинного спортсмена, что дало повод для целой череды веселых пирушек.

Не только, впрочем, веселых, но и весьма выгодных, поскольку имперские богачи не могли не поддаться соблазну любой азартной игры, а капитан Посерт всегда обязывал проигравшего что-нибудь у него купить.

Он быстро избавлялся от своего груза, распродавая его направо и налево. Не прошло и трех месяцев, как в трюмах осталось всего сорок связок страшно дорогих, но совершенно бесполезных удилищ из тин-клового дерева, с десяток гроссов

свернутых в тюки абсолютно нелепых всепогодных плащей и ящик крайне сложных обучающих игрушек, которые обладали весьма неприятной способностью взрываться при падении. Даже проспорив пари, никто не соглашался взять у него эти товары. Посерт сильно подозревал, что это барахло было добавлено к основному грузу «Удачи» по инициативе советника Раппорта, так что капитан особенно и не рассчитывал все это продать. И ничуть, надо сказать, не грустил, поскольку и так заработал неплохо.

Он получил уже двадцать процентов прибыли, когда ему неожиданно предложили срочно перевезти на Порлумму какие-то лекарства. Это оказалось по пути, а стоимость фрахта троекратно окупала то, что он потерял на разведении миффелей.

Капитан широко улыбнулся. Да, они, несомненно, удивятся... Но куда же его занесло?

Он заглянул в соседний переулок, такой же темный, надеясь увидеть в небе маяк космопорта. И действительно обнаружил его — но почему-то слева от себя и чуть позади.

Капитан свернул на мрачноватую боковую улочку. В этом городе все парадные двери запирались на ночь, и жизнь обитателей домов

продолжалась в хорошо освещенных внутренних двориках. Из-за высоких глухих стен доносились голоса, звон посуды, иногда взрывы смеха и пение, но на улочку свет почти не попадал.

Внезапно улица уперлась в стену. Поколебавшись, капитан снова свернул налево. Впереди, метрах в ста, из двора лился поток света и все отчетливее доносилось хлопанье дверей и громкие голоса.

— О-И-И-И-И-Й! — вопил кто-то высоким голосом, причем в равной степени это мог быть крик боли, или смертельного ужаса, или просто истерический смех. Капитан Посерт бросился вперед.

— Я тебя прекрасно вижу, и нечего прятаться! — сердито заорал на имперском универсальном какой-то мужчина. — Ну все, теперь ты попалась! Немедленно слезай с ящиков, не то шкуру спущу! Пятьдесят два покупателя из-за тебя животом маются!

Последовал грохот — точно рухнул плохо сколоченный деревянный дом, — раздался жуткий, жалобный и пронзительный визг, а затем последовали злобные крики мужчины.

— Эй вы там! — негодующе закричал капитан, останавливаясь у ворот.

Грохот прекратился. Воцарилась тишина. Уз-

кий дворик, ярко освещенный фонарем, был завален обломками пустых деревянных ящиков, среди которых стоял огромного роста толстяк, одетый во все белое. Нога его застряла в одном из ящиков, и он гневно размахивал палкой. За двумя ящиками, практически прижатая ими к стене, суетилась, пытаясь выбраться, светловолосая девчонка лет четырнадцати в белом комбинезончике. Совсем еще ребенок, решил капитан.

— Что вам надо? — рявкнул толстяк, важно ткнув палкой в сторону Посерта.

— Оставьте ребенка в покое! — Капитан и не думал отступать.

— Занимайтесь лучше своими делами! — огрызнулся мужчина в белом и замахнулся на Посерта палкой. — Я уж как-нибудь сам с ней разберусь! Она…

— Ничего я не сделала! — пропищала белобрысая пигалица и ударилась в слезы.

— Вот только тронь ее, жирная уродина! — пригрозил капитан. — Я тебе твою палку в глотку запихну!

Он был уже рядом с толстяком. Тот, издав злобное ворчание, рывком высвободил ногу, замахнулся и опустил свое оружие капитану на голову. Тот ответил свирепым ударом под ребра.

Последовала короткая схватка среди обломков тары. Капитан, тяжело дыша и хмурясь, поднялся первым. Толстяк остался сидеть на земле, хватая воздух ртом и пытаясь что-то сообщить Посерту насчет соблюдения законов.

Капитан несколько удивился, заметив вдруг, что девочка, как ни в чем не бывало, стоит у него за спиной. Она перехватила взгляд, улыбнулась и сообщила:

— Меня зовут Малин. — Потом подумала и спросила, указывая на толстяка: — Сильно ему досталось?

— Да нет, по-моему, — отдуваясь, успокоил ее капитан. — Но нам, видимо, лучше было бы...

Увы, поздно. Громкий, уверенный голос произнес с другого конца улицы что-то вроде «Эй, что здесь происходит?» — капитану всегда казалось, что на любой планете и на любом языке эти слова звучат одинаково.

— Вам придется пройти со мной! — тут же сообщил голос.

Полицейский суд на Порлумме работал круглосуточно и весьма эффективно, так что никакой задержки не произошло.

Судья все время улыбался — не правда ли, какое забавное название: Никкелдепейн? — однако

внимательно выслушал все обвинения, аргументы и доводы.

Брутх-булочник был обвинен в том, что ударил гражданина иностранного государства по голове, каковой удар вполне мог повлечь гибель жертвы. Палка была представлена в качестве вещественного доказательства. Следовало, однако, отметить, что гражданин Посерт незаконно пытался вмешаться в частную жизнь Брутха, когда тот хотел наказать свою рабыню Малин, также доставленную в суд, за то, что она, по его подозрению, подложила в тесто для пирожных какую-то отраву, и в результате пятьдесят два клиента Брутха серьезно заболели. С их стороны были зафиксированы соответствующие жалобы.

К тому же указанный гражданин Посерт оскорбил Брутха, обозвав его «жирной уродиной», в чем — под давлением — и признался.

Итак, капитан Посерт, гражданин Республики Никкелдепейн, обвинялся: 1) в попытке вмешаться в чужую частную жизнь; 2) в словесном оскорблении и 3) в нанесении многочисленных и серьезных побоев Брутху-булочнику в ходе последовавшей драки.

Удар по голове был сочтен провокационным (см. пункт 3 обвинения).

Никто, похоже, и не собирался ни в чем обвинять рабыню Малин. Судья лишь с любопытством поглядел на нее и покачал головой.

— Рассмотрев сей прискорбный инцидент, — заявил он наконец, — суд счел необходимым назначить вам, Брутх, и вам, капитан, следующее наказание: два года тюремного заключения первому и три года второму. Искренне сожалею!

Капитан почувствовал холод под ложечкой. Вот так влип...

— Суд желает также отметить, — продолжил судья, — что незаконные действия капитана Посерта были вызваны вполне естественным для человека чувством сострадания к рабыне Малин. Если стороны сочтут возможным решить дело полюбовно, все обвинения будут сняты. Итак, Брутху-булочнику предлагается перепродать за разумную сумму рабыню Малин с планеты Каррес (услугами рабыни он, видимо, совершенно не удовлетворен) капитану Посерту, гражданину Республики Никкелдепейн.

Брутх громко вздохнул от облегчения. Капитан же пребывал в смятении. На Никкелдепейне приобретение рабыни частным лицом рассматривалось как серьезное преступление. Однако можно ведь покупку не регистрировать. И если с

него не запросят слишком много...

И тут рабыня Малин чуть слышно всхлипнула.

— Сколько вы хотите за девочку? — осведомился капитан, с ненавистью глянув на Брутха.

Брутх зыркнул глазами и быстро сказал:

— Сто пятьдесят...

Но полицейский резко ткнул его в бок, и он замолк.

— Итак, семьсот маэлей, — как ни в чем не бывало сообщил судья. — Плюс судебные издержки, сбор за регистрацию сделки... — Он быстро подсчитал. — Тысяча пятьсот сорок два маэля. Вы проверили финансовое положение гостя? — повернулся он к секретарю. Тот кивнул:

— Вполне платежеспособен.

— Если хотите, можете заплатить чеком, — предложил судья, дружески улыбаясь капитану. — Следующее дело!

Капитан Посерт совершенно ошалел.

Дело в том, что с тех пор, как Империя перестала вести завоевательные войны, молодые здоровые рабы стали весьма дорогостоящим товаром. Но Посерт слышал, что Брутх готов был продать девчонку вообще за формальную сумму! Откуда такое расточительство?..

Капитан подписал многочисленные доку-

менты, подсунутые ему услужливым клерком, поставил, где требовалось, собственную печать и даже оставил свои отпечатки пальцев, затем выписал чек.

— Полагаю, — обратился он к Малин с Карреса, — нам лучше всего сразу же отправиться на корабль.

Что же мне все-таки делать с этой девчонкой, думал Посерт, бредя с нею рядом по темным улицам. Малин послушно трусила следом. Если он покажется на родной планете в сопровождении рабыни, даже такой маленькой, собственные друзья-приятели немедленно сошлют его лет на десять в исправительную колонию, но прежде Иллайла собственноручно снимет с него скальп. Они же там все жутко моральные! Кстати, а где находится этот Каррес?

— Малин, твоя планета далеко отсюда? — спросил он.

— Около двух недель пути, — плаксивым тоном ответила Малин. Ничего себе! Капитан опять ощутил холод в желудке.

— Чего же ты хнычешь? — с неудовольствием осведомился он. Малин громко всхлипнула и зарыдала уже во весь голос.

— У меня еще две сестренки есть! — с трудом

выговорила она.

— Но это же прекрасно! — постарался ободрить ее капитан. — Скоро ты их снова увидишь — ведь я собираюсь отвезти тебя домой.

Великий Патам! Он все-таки произнес эти слова! Что ж, в конце концов...

Однако это сообщение не вызвало у юной рабыни никакого энтузиазма. Напротив, она зарыдала еще горше.

— Никого я не увижу! — выкрикнула она. — Они здесь!

Капитану стало совсем не по себе. Он безучастно ждал, когда судьба нанесет завершающий удар.

— Вы могли бы их купить! И очень задешево! — Малин явно болела родственным синдромом.

Видимо, в минуты опасности юные жительницы планеты Каррес старались забраться повыше, ибо Ливит капитан заметил на верхней полке антикварной лавки, где с флангов ее прикрывали две большие вазы. Она казалась уменьшенной копией Малин, только глаза у нее были серые и холодные, а не синие и печальные. Лет пять-шесть, не больше, прикинул капитан. Он не очень-то умел определять возраст маленьких детей.

— Добрый вечер! — сказал он и вошел.

— Добрый вечер, сэр! — откликнулся, не оборачиваясь, хозяин. Ом сидел в кресле, стоявшем спинкой ко входу примерно посреди комнаты, и неотрывно смотрел на Ливит. Потом забормотал заунывно-напряженным голосом человека, с огромным трудом удерживавшего себя в руках: — ...И будешь сидеть на этой полке без пищи и воды, пока утром не придет Божий Человек.

— Между прочим, ваш первый Божий Человек недолго здесь пробыл! — с вызовом пискнула кроха, совершенно не обращая внимания на капитана. Малин она, видимо, попросту не заметила.

— Ничего, теперь другой придет, посильнее! — отвечал владелец лавки дрогнувшим голосом. — Уж он-то изгонит из тебя нечистого, ох, изгонит, маленькая ты дьяволица! И уж у него тебе пуговиц не стибрить, можешь не стараться! Все! Теперь ты про свои штучки забудешь! И можешь свистеть сколько угодно, но любая ваза в моей лавке...

Ливит похлопала своими серыми глазищами и задумчиво уставилась на него.

— А что, могу и посвистеть, — сказала она.

— Только попробуй оттуда спуститься! — по-

грозил ей кулаком хозяин. — Да я тебя на куски разрублю! На кусочки!

И он взмахнул неким предметом, в котором капитан с ужасом узнал роскошно изукрашенный, но, видимо, вполне пригодный для дела старинный боевой топор.

— Ха! — презрительно воскликнула Ливит.

— Прошу прощения, сэр! — Капитан прочистил горло.

— Добрый вечер, сэр! — снова поздоровался с ним хозяин лавки, по-прежнему не оборачиваясь. — Что вам угодно?

— Я хотел узнать об одной девочке... — нерешительно пробормотал капитан.

Хозяин резко обернулся и, чуть прищурив покрасневшие глаза, посмотрел на капитана.

— Но вы явно не Божий Человек! — сурово заявил он.

— Привет, Малин! — заорала Ливит. — Это что, он и есть?

— Мы пришли тебя выкупить, — сказала Малин. — Так что заткнись, а?

Ливит послушно умолкла.

— Выкупить эту дрянь? Да вы что, сэр, смеетесь надо мной? — Хозяин был потрясен.

— Помолчи-ка, Мунел! — Из задней комнаты

появилась тощая темноволосая женщина, весьма решительная на вид. Стоило ей оказаться под полкой, на которой упрямо сидела Ливит, как девочка наклонилась и отвратительно зашипела. Женщина поспешно вернулась на прежнее место.

— Но я не могу продать ее подданному Империи, — обреченно заметил хозяин.

— Я вовсе не подданный Империи, — рявкнул капитан. Ему совершенно не хотелось объяснять, откуда он прибыл.

— Он с Никкел... — начала было Малин.

— Тихо, Малин! — успел сказать Посерт.

— Никогда не слыхал о планете Никкел, — с сомнением пробормотал хозяин.

— Малин! — взвизгнула темноволосая женщина. — Именно так звали одну из этих чертовок! Ее еще Брутх-булочник забрал. А этот тип и впрямь хочет ее купить?

— Ну да, за сто пятьдесят маэлей! — схитрил капитан, вспомнив цену, названную Брутхом. — Наличными!

Хозяин лавки был потрясен.

— Маловато, — снова вмешалась женщина. — Ведь сколько она всего разбила! Пятьсот маэлей, не меньше!

Тут раздался тонкий-претонкий звук — капитан с трудом его расслышал, однако звук проникал в уши, точно две иглы пронзали барабанные перепонки. И тотчас два покрытых глазурью кувшина, стоявшие справа и слева от него, тоже тоненько зазвенели — дзинь-дзинь! — покрылись паутиной трещин и рассыпались на кусочки.

В лавке воцарилось молчание. Оглядевшись по сторонам, капитан обнаружил множество подозрительно пестрых черепков и осколков, поспешно заметенных в угол и собранных в кучки, а также следы разноцветной стеклянной пыли.

Хозяин осторожно опустил топор, встал и, чуть покачиваясь, подошел к капитану.

— Вы сказали: сто пятьдесят маэлей? — быстро переспросил он. — Я принимаю ваше предложение! — Он обеими руками поднял правую руку капитана и потряс ею в воздухе. — Продано! — провозгласил он, радостно подпрыгнул и ткнул дрожащим пальцем в сторону Ливит: — Ну все! Теперь только попробуй здесь что-нибудь разбить! Теперь ты принадлежишь этому человеку, а я его за твои проделки до последнего маэля выжму!

— Ох, Малин, пожалуйста, помоги мне слезть отсюда, — вежливо попросила Ливит.

В отличие от предыдущей лавки, магазин Вансинга был едва освещен, обстановка казалась тихой и спокойной, как и должно быть в роскошном модном магазине недалеко от космопорта. Хозяин перемещался вдоль огромного стеклянного прилавка и открытых полок и что-то тихонько бормотал себе под нос. Внутри прилавка и на обтянутых белым атласом полках все сияло и сверкало. Вансинг явно был не трус и не скряга.

— Добрый вечер, сэр! — сказал капитан.

— Уже утро, — заметила Ливит, стоявшая рядом с Малин.

— Малин! — рявкнул капитан.

— Нам не следует вмешиваться, — скачала Малин сестре.

— Ладно, — ответила Ливит.

Вансинг, услышав их голоса, резко повернулся, однако остался на месте. И у этого рабовладельца, подумал капитан, вид исключительно несчастный. Вансинг был крупным, холеного вида мужчиной, темноволосым, с золотыми серьгами в ушах. От него пахло дорогими духами.

— Магазин находится под постоянным наблюдением охраны, — тихонько сообщил он капитану. — Так что бояться мне нечего. Но почему и чего в таком случае я боюсь?

— Надеюсь, не меня? — Капитан попытался изобразить сочувствие. — Хорошо, что у вас все еще открыто, — продолжал он уже вполне деловым тоном. — Вы мне очень нужны.

— Ну разумеется, у нас открыто! — Вансинг слабо улыбнулся. — Дело в том, что у меня инвентаризация — со вчерашнего утра. Я уже семь раз все пересчитывал.

— Вы, видимо, очень аккуратны, — сказал капитан.

— Очень! Очень! — Вансинг мотнул головой в сторону полок. — В последний раз я заработал миллион маэлей. Но оказалось, что я дважды перед этим на такую же сумму проторговался. Наверное, еще раз придется пересчитывать. — Он закрыл и отставил один из ящиков. — Уверен, что эти я уже считал. Но они все время перемещаются! Непрерывно! Это какой-то кошмар!

— Мне известно, что у вас есть рабыня по имени Гот, — заявил капитан, сразу переходя к сути дела.

— Да, есть, — кивнул Вансинг. — И, надеюсь, теперь она понимает, что я абсолютно ничего против нее не имею. Возможно, прежде я несколько... Но я уверен, что она уже все поняла! Или скоро поймет.

— Где она? — спросил капитан. Его начинало охватывать беспокойство.

— В своей комнате, вероятно, — пожал плечами Вансинг. — Все не так уж плохо, пока она остается в своей комнате за запертой дверью. Но уж больно она любит сидеть в темноте и смотреть, как ты проходишь мимо, а потом... — Он взял еще какую-то коробку, заглянул в нее и убрал назад. — Да, они действительно перемещаются! — Он словно подтверждал некие давно возникшие подозрения. — Перемещаются и перемещаются...

— Слушайте, Вансинг, — громко и твердо произнес капитан. — Я хочу купить у вас эту Гот и заплачу сто пятьдесят маэлей. Наличными.

Вансинг повернулся к нему и растерянно спросил:

— Правда?.. — Он отошел на несколько шагов от прилавка, присел возле небольшого столика и закрыл лицо руками.

— Я богатый человек, — бормотал он. — Влиятельный! Имя Вансинга на Порлумме знают многие! Конечно, когда имперские чиновники велят покупать, приходится покупать, но почему *она* досталась именно мне?! Я думал, она мне как-то пригодится... Она здесь уже целую неделю! — Ошалело улыбаясь, он посмотрел на капита-

на. — Сто пятьдесят маэлей! Конечно, продам! — воскликнул он. — Сейчас все оформим... — Он достал несколько бланков и начал быстро заполнять их.

— Гот, ты где? — спросила вдруг Малин.

— Здесь, — ответил тихий голосок. Рука Вансинга конвульсивно дернулась, но он не обернулся, продолжая торопливо писать.

Маленькое, тощее и удивительно гибкое, словно совсем без костей, существо, одетое в темную куртку и леггинсы, скользнуло по коврам на полу магазина и остановилось чуть поодаль, у капитана за спиной. Этой, наверное, лет десять, решил он.

— Я приму от вас чек, капитан, — вежливо сообщил Вансинг. — Мне кажется, вы честный человек. Кроме того, этот чек я хочу вставить в рамку...

— А теперь, полагаю, мы отправимся на корабль. — Капитан удивился звукам собственного голоса: наверное, так говорят во сне.

Небо было затянуто серыми облаками, но уже наступил рассвет. Гот, как оказалось, была совсем не похожа на сестер: короткая стрижка, каштановые волосы, карие глаза с длинными черными ресницами, остренький подбородок и маленький

изящный носик. Она напоминала капитану маленького гибкого зверька, например, ласку.

— Спасибо! — Она с улыбкой смотрела на него.

— Ты чего этому типу сделала? — тоненьким голоском спросила Ливит, которая так и шла спиной вперед, не в силах оторвать взгляд от магазина Вансинга.

— Гнусный жулик! — пробормотала Гот. Ливит захихикала.

— А ты здорово *премонировала*, Малин, — заявила она вдруг.

— Заткнись, — велела ей Малин.

— Ладно уж, — тут же послушалась Ливит и с кротким видом обратилась к капитану: — Значит, вы дрались и победили?

— Ну разумеется, он победил! — сказала Малин.

— Это здорово! — Ливит была явно довольна.

— А мы сразу взлетим? — обеспокоенно спросила Гот.

— Вряд ли нам что-нибудь помешает. — Капитан говорил бодро, не давая себе труда задуматься, откуда девчонке известно, что взлет — это единственный маневр, при выполнении которого он не находит общего языка с кораблем. — Разрешение на взлет мы уже получили. Сигнал подадут в

любой момент.

— Это хорошо, — сказала Гот. И медленно пошла по коридору в сторону центральной части корабля.

Взлет прошел отвратительно, но «Удача» все-таки сумела выйти на орбиту, и полчаса спустя, когда Порлумма стала уменьшаться за кормой, капитан включил автопилот и выбрался из кресла. После некоторых мучений он все же заставил электронного буфетчика приготовить четыре горячих завтрака и дымящийся кофе. Все это сопровождалось огромным количеством советов и попыток вмешаться со стороны Ливит. Малин тоже стремилась помочь, но не столь активно. Только Гот никуда не лезла.

— Через несколько минут все будет готово! — сказал капитан. Откуда ему было знать, сколь пророческими окажутся его слова.

— Если бы вы послушались меня, — Ливит вся вспотела от возбуждения и сознания собственной правоты, — мы бы полчаса назад уже позавтракали!

— Слушай Малин, — спросила она вдруг, — ты опять премонируешь?

Что же это за слово такое «премонируешь»? Капитан посмотрел на Малин. Та была бледна и

казалась чем-то встревоженной.

— Космическая болезнь? — всполошился он. — У меня есть таблетки...

— У нас все готово, — сказала Гот.

— Что это у вас готово? — спросил капитан.

Он смотрел на них с подозрением — серые, карие и синие глаза уставились на него. Девочки сидели кружком на полу рубки, а рядом с ними устроился электронный буфетчик.

— Ну, хорошо, — сказал он громко. — Стало быть, оттого, что Малин «премонирует», у людей животы болят?

Малин туманно улыбнулась и пригладила свои светлые волосы.

— Это им просто показалось, — пробормотала она.

— Массовая истерия, — небрежно пояснила Ливит.

— Я это заметил, — кивнул капитан. — А маленькая Ливит, значит, умеет свистом разбивать всякие вещи?

— Меня зовут не «маленькая Ливит», а просто Ливит. Единственная в своем роде Ливит. — Девочка нахмурилась.

— Понятно, — согласился капитан. — Единственная и неповторимая. В общем, как капитан

на корабле, верно?

— Верно. — Ливит улыбнулась.

— А чем занимается маленькая Гот? — спросил капитан у третьей ведьмочки.

«Маленькая Гот», казалось, была оскорблена. За нее ответила Малин.

— Гот у нас по части телепортации.

— Да неужели? — вежливо удивился капитан.

— На самом деле я умею телепортировать только небольшие предметы. — Гот достала из-под куртки сверток, обмотанный куском тряпки, концы которой были стянуты узлом. Развязала узел и высыпала содержимое свертка на ковер. — Вот, например, такие, — сказала она.

— Великий Патам! — воскликнул капитан; перед ним было драгоценных камней не меньше, чем на четверть миллиона!

Малин и Ливит тут же выбежали из рубки. Капитан, не обращая на них внимания, пристально посмотрел на Гот.

— Деточка, — спросил он, — неужели ты не понимаешь, что на таких планетах, как Порлумма, тебя повесят без суда и следствия, если поймают с краденым товаром?

— Мы уже не на Порлумме, — раздраженно ответила Гот. — А это — вам. Вы же за нас запла-

тили, верно?

— Но не столько, — возразил капитан. — А что если Вансинг уже заметил пропажу? Это ведь из его магазина, надо полагать?

— Конечно, — Гот ничуть не смутилась.

— Если он сообщил в полицию, то у нас на хвосте в любой момент появится...

— Гот! — пронзительно крикнула Малин. Гот моментально вскочила.

— Иду! Извините, — вежливо сказала она капитану и бросилась вон из рубки.

Капитан подбежал к панели управления и, исполненный самых мрачных предчувствий, включил все экраны.

Да, они уже висели у него на хвосте. Два темных остроносых корабля быстро догоняли их. Они были уже почти па расстоянии выстрела! Это не обычные полицейские катера, догадался капитан, а вспомогательные корабли имперского пограничного космофлота. Капитан врубил двигатели «Удачи» на полную мощность. И тут же за кормой корабля появились красно-черные вспышки. Одно из таких огненных щупальцев протянулось вперед и скользнуло всего в сотне ярдов справа от «Удачи».

А коммуникатор молчал. Видимо, власти Пор-

луммы решили пожертвовать драгоценностями Вансинга и ни в коем случае не дать капитану Посерту и его сомнительным подопечным уйти или сдаться...

И вдруг корабли преследователей исчезли. Все экраны одновременно потемнели, и вокруг «Удачи» заклубилась тьма, из которой прямо в лицо капитану ударил свет — холодный, жуткий; потом свет каким-то неестественным образом «свернулся» и погас. Двигатели «Удачи» молчали.

Через некоторое время старый корабль дернулся, задрожал, агрессивно взревел и устремился вперед, влекомый собственной тягой.

Но солнца Порлуммы больше видно не было. Вокруг сверкали иные созвездия; некоторые из них казались капитану знакомыми, но он не был полностью в этом уверен.

Он вдруг почувствовал озноб и дикую усталость. И тут электрический буфетчик с развеселым кудахтаньем выдал целых четыре горячих завтрака.

Вокруг капитана зазвучали голоса, первый спросил:

— А может, так ее и оставить?..

Второй, более тихий, ответил:

— Ладно, давайте оставим. Вдруг опять понадобится? Третий голос восторженно воскликнул:

— Ух ты!

Озираясь в полном недоумении, капитан вдруг понял, что голоса доносятся из динамика бортового интеркома.

Он прислушался. Но теперь из динамика доносилось лишь неразборчивое бормотание, затем смолкло и оно. Капитан вышел было в коридор, потом вернулся и выключил интерком. Когда он подошел к двери капитанской каюты, она оказалась закрыта.

Он с минуту прислушивался, затем резко отворил дверь.

Его встретил тройной вопль:

— Нельзя! Вы же все испортите!

Капитан замер па пороге. Ему удалось разглядеть лишь нечто вроде связки черных проволочек, едва скрепленных между собой и образовывавших некую геометрическую фигуру, напоминающую усеченный конус, который то ли стоял на столе, то ли парил над ним. Там, где должна была находиться его вершина, горело и крутилось оранжевое пламя. А вокруг, освещенные этим пламенем, стояли все три ведьмочки.

Затем пламя исчезло. Проволочки упали на

стол. Сестры смотрели на Посерта, но по-разному: Малин с улыбкой сожаления, Ливит с откровенным раздражением, а Гот совершенно равнодушно.

— Именем Седьмого Ада Великого Патама я требую, чтобы мне объяснили, что это такое! — Капитан чувствовал, как волосы у него встают дыбом.

Сестры переглянулись. Малин с сомнением в голосе произнесла:

— Мы можем только сказать, как это называется...

— Это *вжжик-тяга*, — объяснила Гот.

— Что? — переспросил капитан.

— Ну, ее можно запустить только вместе с самим собой, — попыталась помочь Ливит.

— Заткнись, — велела Малин.

Воцарилось молчание. Капитан смотрел на кучку тонких черных проволочек дюймов двенадцать длиной, потом коснулся одной из них. Она была абсолютно холодной.

— Понятно, — сказал он. — Полагаю, нам надо поговорить. — Он помолчал. — Где мы сейчас находимся?

— Примерно в двух световых неделях по тому же курсу, — ответила Гот. — Мы ее запустили

всего на тридцать секунд.

— На двадцать восемь, — важно поправила ее Малин. — Ливит начала уставать.

— Понятно, — пробормотал капитан Посерт. — Ладно, пошли завтракать.

Ели они молча и одинаково жадно — и изящная Малин, и маленькая, как кукла, Ливит, и спокойная гибкая Гот. Капитан мгновенно покончил со своей порцией и теперь наблюдал за ними — с любопытством, изумлением и даже некоторым благоговением.

— Это была всего лишь вжжик-тяга, — объяснила Малин, перехватив его взгляд.

— Она берет силу в нас, — добавила Гот.

Ливит лишь одобрительно крякнула и продолжала насыщаться.

— Ею нельзя часто пользоваться, — продолжала Малин. — И слишком долго тоже нельзя. Иначе можно погибнуть.

— А что она из себя представляет, — спросил капитан, — эта вжжик-тяга?

Они тут же умолкли и надулись.

— Жители Карреса пользуются этим, — объяснила более вежливая Малин, — когда хотят куда-нибудь побыстрее добраться. На Карресе все это умеют.

— Но мы, конечно, еще малы, чтобы все сделать как следует, — добавила она.

— Ничего подобного! У нас все здорово сработало! — заявила Ливит, которая наконец покончила с едой.

— Но как у вас это получилось? — спросил капитан. Они еще больше надулись.

— Вы такую не сделаете, — сказала ему Малин. — И понять, как это устроено, тоже не сможете.

Капитан сдался. Пока, во всяком случае.

— Нужно определить, где мы находимся и как вас доставить домой, — сказал он. Сестры с ним вполне согласились.

Каррес, как выяснилось, был спутником звезды Ивердаль. Капитан, правда, так и не смог обнаружить такой звезды на своих космических картах, но это ничего не значило. Карты не всегда точны, да и местные названия вечно меняются.

Если не учитывать возможностей этой странной и чудесной вжжик-тяги, подобный крюк в сторону обойдется в месяц полета, так что приличная сумма из полученных доходов уйдет на топливо. Драгоценности, которые Гот незаконно телепортировала из магазина Вансинга, конечно же, следует вернуть владельцу. На пути к Карресу придется остановиться на одной из планет Им-

перии, где есть межзвездная банковская связь, которая может взять на себя пересылку драгоценностей. Желательно, чтобы это была достаточно удаленная от Порлуммы планета, иначе они вызовут интерес у тамошней полиции.

Все это он сообщил девицам. Программа действий была встречена гробовым молчанием.

— Хорошо, — вздохнула наконец Малин. — Тогда мы постараемся вернуть вам деньги другим путем.

Младшие сестры холодно кивнули в знак согласия.

— А как случилось, что вас продали в рабство? — спросил капитан, желая переменить тему.

Оказалось, что все трое решили махнуть на прогулку по окрестностям планеты Каррес. Нет, они вовсе не собирались убегать — подобные развлечения разрешаются даже маленьким детям. Однако, когда они оказались на другой планете, достаточно цивилизованной и далекой от границ Империи, на нее внезапно напало несколько кораблей работорговцев, и большую часть местной молодежи — а в том числе и сестер с Карреса — захватили в плен.

— Вот что мне представляется странным, — задумчиво проговорил капитан: — Неужели вы не

пробовали захватить их корабль?

— Ой, нет! — воскликнула Ливит.

— Такой корабль не захватишь, — возразила Гот.

— Это же был корабль имперских работорговцев, — пояснила Малин. — На таких развалюхах лучше вообще ни к чему не прикасаться!

Ну что ж, думал капитан, укладываясь на кушетку, которую он перенес в ходовую рубку, теперь, по крайней мере, понятно, почему хозяева с таким облегчением избавились от рабынь. Очень странные дети... Впрочем, пусть-ка их родственники возместят ему все расходы. Вполне возможно, он еще окажется в выигрыше...

Надо только быть очень осторожным, особенно с записями в бортовом журнале. Законы Никкелдепейна чрезвычайно суровы, тем более если тебя заподозрят в покупке или продаже рабов.

Он намеренно оставил интерком включенным, надеясь подслушать разговоры ведьмочек, разместившихся в его собственной каюте. Однако оттуда пока что не доносилось ничего, кроме взрывов смеха и пронзительных воплей Ливит — видимо, Малин заставляла ее перед сном вымыть уши и почистить зубы.

Они договорились, что он не будет входить к

ним в каюту. Причины при этом не объяснялись — просто, сказали они, невозможно в его присутствии поддерживать вжжик-тягу в рабочем состоянии. А это было бы полезно, поскольку за пределами Империи процветало пиратство, и к тому же капитану «Удачи» хотелось избежать новой встречи с полицией. Капитан сообщил сестрам о потенциальной мощи пушек «Нова», которыми была оснащена «Удача», но девочки, похоже, ничего не поняли. Во всяком случае, это не произвело на них никакого впечатления.

Вжжик-тяга... Великий Патам, если б только можно было понять принцип ее действия! Впрочем, он надеялся, что когда-нибудь это ему удастся.

Внезапно из динамика донесся голосок Ливит:

— ... а этот старый кретин ничего, неплохой мужик.

Капитан оскорбленно заморгал и сел.

— Не такой уж он и старый! — возразила Малин. — И не такой уж кретин.

Капитан улыбнулся. Хорошая девочка, эта Малин.

— Ага! Ага! — заверещала Ливит. — А Малин влюби... Ой!

Некоторое время там явно происходила по-

тасовка, потом стало тихо. Слабо надеясь, что кое-кого попросту придушили подушкой, он снова улегся и не заметил, как заснул.

Если не думать о том, что они уже успели натворить, то спутницы порой казались ему вполне нормальными детьми. С самого начала они демонстрировали весьма лестный интерес к нему, и он с удовольствием рассказывал им обо всех своих приключениях. Даже показал хранимую как зеницу ока фотографию Иллайлы.

И почти сразу понял, что это было ошибкой. Сестры молча разглядывали фотографию, тесно сдвинув головы.

— Ой, не могу! — воскликнула наконец Ливит.

— И что ты хочешь этим сказать? — холодно осведомился капитан.

— Что она красивая, — пробормотала Гот с таким видом, будто ее тошнит.

— Перестань, Гот! — резко сказала Малин. — По-моему, очень милая девушка. На вид.

Капитан был рассержен. Он молча отнял у них фотографию поруганной Иллайлы и спрятал в нагрудный карман. И удалился.

Однако, оставшись один, он вновь принялся обеспокоенно изучать фотографию.

Его Иллайла! Он так и сяк вертел фотографию,

меняя угол освещения, и пришел к выводу, что снимок действительно неважный. Даже просто плохой. На нем Иллайла казалась по меньшей мере неинтересной, пресной какой-то...

Что за мысли приходят мне в голову, встревоженно подумал он, что все это значит?

Он немного поупражнялся в стрельбе из пушек «Нова». Когда капитан вступил на борт «Удачи», орудийные башни были заперты и опечатаны. Никто и не предполагал, что в них возникнет нужда. Это было не слишком надежное оружие, хотя и весьма эффективное. На Никкелдепейпе уже несколько десятилетий назад перешли на другие виды вооружения. Однако уже на третий день после отлета с Никкелдепейна капитан сделал в бортовом журнале следующую запись:

«Подвергся нападению двух пиратских кораблей. Выдвинул орудийные башни, расчехлил пушки «Нова». Уничтожил один корабль, второму удалось скрыться...»

Ему понравилось это краткое и энергичное описание той отчаянной битвы в космосе, и он с удовольствием время от времени перечитывал его. Правда, запись несколько не соответствовала истине. Он весьма увлекательно провел часа четыре, уничтожая здоровенные обломки

астероидов.

Три дня спустя «Удача» вновь приблизилась к границам Империи. Дважды на пути к столице одной из провинциальных планет к ним подходили полицейские катера. И Посерт был весьма доволен, что его пассажирки каждый раз предусмотрительно прятались в каюте. Они больше ни слова не сказали о намерении вновь воспользоваться вжжик-тягой, но он знал, что странное оранжевое пламя постоянно горит над усеченным конусом из гнутых черных проволочек.

Космическая полиция пропустила его, вполне удовлетворившись рутинной проверкой документов. По-видимому, «Удача» еще не стала повсеместно известна как корабль преступников. Пока что.

Малин составила ему компанию, когда он отправился в местное отделение банка, чтобы вернуть драгоценности Вансинга на Порлумму. Младшие сестры — по настоятельной просьбе капитана — остались на корабле.

Пересылка прошла без каких-либо осложнений. Камушки должны были возвратиться на Порлумму в течение месяца. Однако Посерту пришлось отстегнуть изрядную сумму за страховку. И, разумеется, его попросили указать имя,

название корабля, планету приписки и все такое прочее. Но поскольку на Порлумме вся эта информация уже имелась, капитан не особенно волновался.

Заодно он сообщил по субрадио несчастному ограбленному ювелиру о том, что камни отправлены, и выразил свое сожаление по поводу столь печального недоразумения.

После этого ему стало несколько легче, хотя страховка отнюдь не входила в его финансовые планы. Если не удастся как-нибудь заработать на Карресе, оставшихся денег вряд ли хватит на покрытие убытков от погоревшей зверофермы...

Тут он заметил, что Малин нервничает.

— Нам лучше поспешить, — кратко объяснила она. Лицо ее было бледно.

Капитан все понял. Она опять что-то «премонировала» — то есть, видимо, получила информацию о заварившейся где-то каше, однако домысливать подробности вынуждена была сама. Они схватили воздушное такси и помчались в космопорт.

Не успели беглецы получить разрешение на взлет, как заметили группу людей в мундирах, быстро приближавшихся к кораблю и явно собиравшихся подняться на борт. Но тут «Удача»,

будто пьяная, неуклюже прыгнула вбок и вверх. Все, кто был поблизости, бросились врассыпную...

Взлет получился отвратительный. Просто хуже некуда. Однако потом капитану удалось быстро увести корабль на теневую сторону планеты и развернуть его носом к границе. Некогда «Удача» была грозой пиратов, да и теперь она все еще могла выдать хорошую скорость, особенно если отпустить поводья. И капитан предоставил ей такую возможность.

Вжжик-тяга на сей раз не понадобилась.

На следующий день у него состоялась продолжительная беседа с Гот. Он говорил ей о Законе, особым образом подчеркнув право частной собственности. Если бы Советник Онсвуд мог его услышать, то наверняка бы не удержался от удивленного, но одобрительного ворчания. Однако эта малолетняя преступница слушала капитана с непроницаемым выражением лица, хотя, возможно, его речь все же произвела на нее некоторое впечатление.

Двое суток спустя, когда они снова оказались вдали от границ Империи, им пришлось сделать незапланированную остановку на одном из заправочных спутников. Капитан обнаружил,

что здорово просчитался насчет имевшегося на борту запаса топлива. Продолжительный полет, да еще на пределе мощности двигателей, почти опустошил топливные баки.

На заправочной станции рядом с ними висел огромный и очень красивый грузовой корабль из системы Сириуса. Правда, это был, скорее, не грузовой, а боевой звездолет, осуществлявший регулярные рейсы за пределами Империи. Им пришлось довольно долго ждать, пока он заправлялся. Его команда оказалась настолько же неприятной, насколько красив был сам корабль. Волосатые, высокомерные, самодовольные сирианцы говорили исключительно на своем диалекте и делали вид, что совершенно не понимают имперского универсального.

Капитан особенно остро почувствовал, насколько его бесят их скверные манеры, когда понял, что они над ним смеются — он поспорил с начальником заправочной станции по поводу платы за топливо.

— Вы же в глубоком космосе, капитан, — заявил начальник станции. — И у вас не хватит «горючки», даже чтобы долететь до границы! Неужели вы думали, что имперские цены здесь действительны?

— Но с них-то вы взяли значительно дешевле! — Капитан сердито указал пальцем на сирианский корабль.

— Они постоянные клиенты, — пожал плечами начальник станции. — Если вы тоже будете у меня заправляться каждые три месяца, я и для вас с удовольствием сделаю скидку.

Просто возмутительно! К тому же, капитан Посерт снова оказался в минусе.

Очередной неуклюжий взлет настроение капитану отнюдь не улучшил, а потом еще пришлось наблюдать, как плавно уплывает в пространство корабль с Сириуса — как лебедь, черт возьми!

Глава вторая

Спустя час, когда Посерт мрачно обдумывал, как ему закрыть свои финансовые прорехи до возвращения на Никкелдепейн, в рубку стремительно ворвались Малин и Ливит и уставились на экран левого борта.

— Ну конечно, вон он! — воскликнула Ливит. Сейчас девочки выглядели младше своих лет — от возбуждения.

— Кто? — рассеянно осведомился капитан.

— Сирианский корабль, капитан Посерт! — возмущенно ответила Малин. — Нас преследуют!

Капитан ошеломленно уставился на экран. Действительно, сирианский грузовик явно преследовал «Удачу».

— Интересно, что им надо? — удивился капитан. — Они, конечно, гнусные вонючки, но ведь не пираты же!

Малин ничего не ответила. Ливит же сообщила:

— Они выдвинули бортовые пушки.

Рубку тут же заполнило рычание сирианцев. Больше всего это смахивало на череду страшных проклятий. Единственное слово, которое можно

было понять, — «Удача». Оно повторялось достаточно часто.

— Сирианский язык, — сказал капитан. — Ты что-нибудь понимаешь, Малин?

— Нет, но Ливит понимает.

Ливит утвердительно кивнула. Глаза ее поблескивали.

— Что они говорят?

— Они говорят, «вы — остановиться», — быстро перевела Ливит, по всей видимости, сохраняя грамматический строй «оригинала». — Они говорят, «вас — живьем сдирать кожу»... Ха! Они говорят, «вас — остановиться и только повесить». Они говорят...

Малин выскочила из рубки. Ливит забарабанила по динамику коммуникатора своим маленьким кулачком и заорала:

— Бик-вок! — Во всяком случае, капитану показалось, что это прозвучало именно так. Рычание прекратилось, и относительно нормальный голос удивленно переспросил:

— Бик-вок?

— Бик-вок! — подтвердила Ливит с явным удовольствием и выдала еще серию аналогичных словечек.

В ответ вновь раздалось яростное рычание.

Капитан, охваченный самыми противоречивыми чувствами, велел Ливит заткнуться и рявкнул, обращаясь к сирианцам, чтобы те убирались во Второй — самый страшный! — Ад Великого Патама. Он лихорадочно нащупывал кнопки управления орудийными башнями. Все, с него хватит! Сейчас он...

С-с-с-с-ж-ж-ж-ж-вжжжжжжик!

Это включилась вжжик-тяга.

— Ну, и где же мы теперь? — спросил капитан неестественно спокойно.

— Да тут где-то, неподалеку, — беспечно ответила Ливит. — Их корабль еще виден на экране. Отстал, правда. Им понадобится не меньше часа, чтоб нас догнать. — Она казалась разочарованной. Но потом лицо ее прояснилось. — Зато теперь вы успеете приготовить пушки!..

Капитан не ответил и двинулся в хвостовой отсек «Удачи». Дверь в капитанскую каюту была закрыта. Но он не остановился. Капитан был в бешенстве — он уже понял, что произошло!

Опять эта девчонка принялась за свою телепортацию!

Да, все было так, как он думал, — товар уже лежал в грузовом отсеке. Небольшие предметы, не более фунта весом — видимо, более тяжелые она

телепортировать не могла. Бутылки и флаконы, наполненные то ли духами, то ли напитками, то ли наркотиками; ткани разнообразных цветов и оттенков; коробочки, баночки, скляночки... И, разумеется, ювелирные изделия!

Он потратил не менее получаса, чтобы сложить все это в стальной контейнер, отвез его к грузовому люку, затолкал в шлюзовую камеру, задраил внутреннюю дверцу и включил автоматический пуск.

Потом побрел обратно в ходовую рубку. Ливит по-прежнему сидела у панели управления, забавляясь клавишами коммуникатора.

— Я могу попробовать обсвистеть их, — предложила она, поднимая на него глаза. — Но тогда они точно куда-нибудь врежутся.

— Включи с ними связь! — приказал капитан.

— Есть, сэр! — Ливит была удивлена.

В динамиках вновь раздалось рычание, правда, более отдаленное.

— Эй, а ну-ка заткнись! — заорал в ответ капитан на имперском универсальном.

Голос умолк.

— Скажи им, что они могут забрать контейнер со своим барахлом, — приказал капитан. — А если попробуют гоняться за мной — хоть одну

световую минуту! — я развернусь и разнесу им сперва нос, потом задницу, а на закуску врежу посередке!

— Есть, сэр!!! — вспыхнув от удовольствия, ответила Ливит. И они спокойно продолжили полет своим курсом.

— А теперь мне необходимо поговорить с Гот, — объявил капитан, все еще кипя от злости. — Один на один! В грузовом отсеке!

Гот покорно последовала за ним в хвост корабля. Он закрыл люк и отломил от верхнего конца одного из безумно дорогих тинкловых удилищ, подсунутых советником Раппортом, кусок длиной фута в два. Получилась вполне приличная розга.

Но Гот выглядела такой маленькой, такой беззащитной! Посерт прочистил горло. И пожалел, что они сейчас не на Никкелдепейне.

— Я ведь тебя предупреждал, — сказал он.

Гот не пошевелилась. Но в одно мгновение, казалось, стала значительно выше ростом. Взгляд ее карих глаз уперся прямо в кадык капитана, губы чуть раздвинулись, на лице появилось какое-то голодное выражение.

— Только попробуй! — тихо сказала она.

Взбешенный капитан схватил ее за одежду,

по тут перед глазами его что-то промелькнуло, очень похожее на беззвучный взрыв, и больно ударило его по левой коленке. Он охнул и упал навзничь, на кипу всепогодных плащей (опять же подсунутых советником Раппортом). При этом он не выпускал края одежды Гот, так что она в итоге свалилась прямо на него. Впрочем, радовался своим преимуществам он недолго: голова Гот поднялась на вытянувшейся, как у змеи, шее, и она вцепилась зубами в кисть его руки.

Ласки всегда больно кусаются и долго не отпускают свою жертву...

— ...Вот уж не думала, что у него пороху хватит! — услышал он некоторое время спустя голосок Гот, доносившийся из интеркома. В голосе ее звучало невольное восхищение. Видимо, и она занималась изучением понесенного ею ущерба. Капитан, занятый перевязкой раненой руки, сильно кровоточившей, мог лишь надеяться, что нанес девице значительный ущерб. Колено у него распухло, как подушка, и ужасно болело.

— Капитан — смелый человек, — с укоризной возразила Малин. — Это тебе надо запомнить!

— Но не очень-то умный! — заметила Ливит.

— Сейчас же прекратите! Обе! И оставьте его в покое! — рассердилась Малин. — Если не хотите

возвращаться на Каррес Путем Эггера! — добавила она со значением.

— Только чур не я! — быстро сказала Ливит.

— Да уж, что от тебя еще ожидать, — сказала Гот. Она, казалось, раздумывала. — Ну, хорошо. Мы оставим его в покое. А все равно, это была честная драка!

Они смогли установить связь с Карресом лишь на шестнадцатый день после отлета с Порлуммы. За это время никаких инцидентов не произошло; впрочем, они больше нигде не останавливались. Малин состряпала какую-то мазь, чудесным образом исцелившую колено. Близился конец их полета, и напряжение несколько спало. Зато Малин стала проявлять явное сожаление по поводу предстоящей разлуки.

После краткого изучения особенностей планеты Каррес капитан пришел к выводу, что она не совсем обычна. Кроме всего прочего, планета вращалась вокруг местного солнца в обратном направлении — то есть против часовой стрелки.

Вот именно! — мрачно подумал капитан Посерт.

Они с ревом ворвались в атмосферу на дневной стороне планеты, не вызвав сколько-нибудь заметной реакции. Никто не подавал им сигналов

по коммуникатору, не было видно сторожевых кораблей, желающих осмотреть «Удачу». Каррес вообще казался необитаемым. Здесь было множество морей, слишком больших, чтобы называться озерами, но слишком маленьких для приличного океана. Моря были разбросаны по всей поверхности планеты, которую рассекал надвое чудовищный горный хребет, протянувшийся от одного полюса до другого. Имелись и горные цепи поменьше. На полюсах белели пышные снеговые шапки, да и вся южная часть планеты была запятнана белыми снегами и покрыта дремучими лесами.

Красивая планета, хоть и дикая.

Они парили над ее поверхностью, летя навстречу заре. Капитан сидел за пультом управления, Гот и Ливит — у боковых экранов, а Малин давала им указания сзади. Вдруг Ливит завопила от восторга, а потом как-то странно умолкла. И капитан Посерт догадался, что она плачет.

Он был потрясен: неужели возвращение домой так тронуло эту юную бандитку? Он заметил, как Гот тихонько обняла сестренку за плечи. Ливит счастливо всхлипнула:

— Как к-к-расиво!

Капитан почувствовал необычайное распо-

ложение, чуть ли не любовь к этим маленьким ведьмам. Почти те же чувства они пробудили в нем в самом начале их знакомства, при первой встрече. Все-таки им здорово досталось...

— Где прячутся жители? — Капитан решил прервать затянувшееся молчание.

— Нас на Карресе не так уж много, — сказала Малин у него за спиной. — Вот сейчас прилетим в город — там ты познакомишься с доброй половиной нашего населения.

— А это что внизу? — На дне широкой долины виднелась, словно врезанная в почву, огромная белоснежная чаша.

— Это Театр, в котором... Ой! — Ливит обиженно посмотрела на Малин.

— Понятно. Этого чужакам знать не следует, верно? — Капитан говорил почти весело, и обе сестрицы поглядели на него.

— Некоторые правила надо выполнять, — сказала Малин.

Они спустились пониже. «Театр, в котором...» представлял собой огромную круглую арену, окруженную амфитеатром со множеством рядов, круто поднимавшихся вверх. Все места были пусты.

Следуя указаниям Малин, капитан повернул

направо и опустился еще ниже. И наконец увидел первых представителей животного мира планеты Каррес. Стая огромных бело-кремовых птиц пролетела под ними, совершенно не обращая внимания на корабль. Лес внизу сменился открытым пространством: живописные луга пересекали небольшие ручьи, прихотливо переплетавшиеся и сходившиеся в центре долины. У водоема паслось стадо в несколько сотен голов — это были жвачные животные размером с мастодонта, абсолютно лишенные шерсти, с блестящими черными спинами. Головы у них были тяжелые, вытянутые, пасти, очень похожие на крокодильи, раскрыты в сардонической усмешке. Животные, хлопая глазами, смотрели на пролетавшую над ними «Удачу».

— Черные боллемы, — сообщила Гот, явно наслаждаясь растерянным видом капитана. — Их тут много. Они ручные. А еще есть серые, горные. На них охотиться — одно удовольствие!

— И мясо у них вкусное! — сказала Ливит и облизнулась. — Эх, позавтракать бы!.. — вздохнула она и вдруг оживилась: — А ведь мы должны поспеть как раз к завтраку!

— Вон на том поле — сказала Малин, — вполне можно посадить «Удачу».

Они сели. Вокруг был довольно плоский луг с короткой, будто подстриженной травой; слева высились горные отроги. На лугу уже стоял небольшой космический корабль ярко-синего цвета. Его окружали высокие иссиня-черные деревья.

Больше ничего на лугу не было. Капитан только головой покачал.

Город Каррес вызвал у него удивление не только потому, что оказался гораздо больше, чем можно было предположить, пролетая над этим, казалось бы, безлюдным районом. Город протянулся на многие мили по лесам и склонам гор, через всю долину; дома располагались небольшими группками или поодиночке и были отгорожены от остальных огромными, до неба, деревьями.

Здесь любили яркие краски. Но при этом прятали свои дома за деревьями. Дома напоминали цветы: красно-белые, яблочно-зеленые, золотисто-коричневые — всех оттенков; они были чистенькими и опрятными, наполненными ароматами леса и свежей зелени. Несколько раз в день в них замечательно пахло всякими вкусными вещами. В городе оказалось полно ручьев, прудов и обнесенных зелеными изгородями огородов. Высоко на деревьях были устроены — что

показалось капитану довольно рискованным — игровые площадки, иногда соединенные переходами и галереями. По земле вилась настоящая паутина чрезвычайно запутанных тропок и дорожек — между огромными коричневыми корнями деревьев и серыми обломками скал, наполовину скрытых опавшими игольчатыми листьями. В первые дни, отправляясь на прогулку один, капитан тут же терял всякую ориентацию, и из леса его выводил кто-нибудь из местных жителей.

Невозможно было представить себе более скрытных существ. В городе проживало около четырех тысяч человек и еще столько же расселилось по всей планете, но увидеть более трех-четырех человек одновременно капитану не удавалось — за исключением тех случаев, когда очередная банда сорванцов возраста Ливит выскакивала вдруг из кустов у него перед носом и столь же стремительно исчезала.

Иногда вдалеке слышалось чье-то пение или даже целый концерт; порой кто-то играл на одном из множества деревянных музыкальных инструментов — местные жители очень любили музыку.

Да нет, это не настоящий город, думал капитан. Нормальные люди так не живут! Эти ведьмы с

планеты Каррес скорее напоминали ему стаю загадочных лесных птиц, случайно свивших гнезда на поляне. И они все время были чем-то заняты — но он никак не мог понять, чем!

Задавать без конца вопросы Толл он стеснялся. Толл была матерью трех сестричек. Она вполне откровенно отвечала на все вопросы капитана, однако ему так и не удалось получить полной информации о том, что его интересовало.

И это было весьма странно! Он проводил в ее обществе несколько часов в день или, пока она занималась домашними делами, находился в соседней комнате, принадлежавшей хозяину дома. Сестры привели его в этот дом сразу после посадки корабля. Отца дома не было, он уехал куда-то по делам, связанным, как выяснилось позже, с геологическими исследованиями в одном из отдаленных районов планеты. Вначале Посерта несколько беспокоило это обстоятельство, особенно когда они с Толл оставались в доме одни. Малин училась в какой-то школе, уходила рано утром и возвращалась лишь к вечеру. Гот и Ливит пользовались полной свободой, домой возвращались поздно, когда капитан уже спал, и снова исчезали еще до завтрака.

Вряд ли Толл правильно их воспитывала. Од-

нажды после обеда капитан обнаружил Ливит, свернувшуюся калачиком в его любимом кресле на веранде и крепко спящую. Она проспала четыре часа подряд, а капитан сидел рядом, листая толстую книгу с роскошными иллюстрациями, называвшуюся «Истории древнего Яртхе», и время от времени делал из стакана глоток холодного, слегка пьянящего, зеленоватого напитка, который Толл тихонько поставила возле него, или затягивался ароматным дымом из громадной трубки, чубук которой стоял на полу. Это была, как он понял, любимая трубка мужа Толл.

Потом Ливит внезапно проснулась, потянулась, бросила на него какой-то странный взгляд — то ли злобно оскалившись, то ли дружески улыбнувшись, — спрыгнула с веранды в траву и исчезла среди деревьев.

Он так и не понял, что же означал этот взгляд. Мог, конечно, ничего не означать, однако...

Капитан отложил книгу и некоторое время беспокойно размышлял. Вроде бы, никого здесь особенно не заботило его присутствие. Все о нем знали, и сам он уже со многими познакомился. Но никто не заходил к нему — ни с расспросами, ни просто из вежливости. Да и муж Толл вот-вот должен был вернуться...

Сколько же он здесь пробыл, интересно?

Великий Патам! Он вдруг понял, что потерял счет дням!

Или, может, неделям?

— Мне у вас очень хорошо, — сказал он Толл. — Но, по-моему, я слишком задержался... Завтра, с утра пораньше...

Толл отложила шитье, скрестила свои сильные тонкие руки на коленях и улыбнулась Посерту.

— Мы так и предполагали, — сказала она. — А потому... Знаете, капитан, нам было довольно трудно решить, как отблагодарить вас за то, что вы сделали.

— Ну что вы! — Посерт вдруг вспомнил, что совершенно разорен и впереди его ждет неукротимый гнев советника Онсвуда.

— Однако, — продолжала Толл, — мы посоветовались и решили погрузить в трюм вашего корабля самые различные товары, которые, как мы полагаем, вы сможете продать с немалой выгодой.

— Что ж, это очень любезно с вашей стороны, — поблагодарил капитан.

— Там, например, есть меха, — сказала Толл. — Самые лучшие. Две тысячи шкурок!

— Ох! Зачем же столько?

— И еще душистые эссенции «келл-пик», — не умолкала Толл. — Каждый принес по флакону — так что в вашем распоряжении восемь тысяч триста двадцать три флакона замечательных душистых эссенций!

— Прекрасно! — воскликнул капитан. — Однако не следовало...

— А еще мы положили туда зеленый ликер «Лепти», который так вам поправился, и желе из ягод винтерберри. Я уже не помню, сколько банок, по много. — Она улыбнулась. — Как вы думаете, это можно продать?

— Еще бы! — Капитан готов был расплакаться. — Это прекрасные товары! У меня таких никогда не было.

Последнее — истинная правда. Ведьмы Карреса не могли выбрать ничего более неподходящего! Дорогие меха, парфюмерия, пищевые продукты и спиртные напитки — да его корабль расстреляют из тяжелых пушек, как только он приблизится к границам Империи! Все это было запрещено ко ввозу. Рассчитывать можно было только на советника Онсвуда, который обдерет его, как липку.

Утром он завтракал в одиночестве. Толл оставила возле его тарелки записку: ей срочно нужно разыскать Ливит, и если он отбудет до ее воз-

вращения, то она желает ему счастливого пути и удачи.

Он съел еще пару булочек с желе из ягод винтерберри, выпил большую кружку местного кофе (имевшего зерна конической формы), прикончил омлет из яиц ястреба-лебедятника, закусил куском жареной печени боллема... Великий Патам, как здесь кормят! Он, должно быть, за это время успел набрать фунтов пятнадцать!

Интересно, как это Толл удается сохранять такую фигуру?

Он с большим сожалением отодвинулся от стола, положил в карман записку (на память) и вышел на веранду. И тут ему на шею бросилась заплаканная Малин.

— Ох, капитан! — причитала она. — Вы нас покидаете...

— Ну, ладно, ладно, — пробормотал Посерт, тронутый и удивленный непритворным горем девочки. Он ласково погладил ее по плечу и, не подумав, ляпнул: — Я ведь еще вернусь.

— Да-да, непременно возвращайтесь! — сквозь слезы воскликнула Малин. — Я через два года как раз достигну брачного возраста — по каррескому времени, конечно.

— Да? Это хорошо, — рассеянно пробормотал

капитан. — Ну-ну, не плачь...

Он шел по тропинке в сторону посадочной площадки, и в голове у него все время звучала какая-то странная мелодия. Возле первого поворота этот тихий напев вдруг сменился жуткими причитаниями — как по покойнику. За следующим поворотом тропинки он вышел на небольшую, окруженную скалами поляну, залитую бледным утренним светом; в легкой дымке перед ним медленно плавали какие-то переливающиеся шары. Оказалось, это целые гроздья огромных, разноцветных мыльных пузырей, непрерывной цепочкой поднимавшихся из деревянного корыта, полного горячей воды. В корыте сидела Ливит, а Толл старательно терла ее. Ливит отчаянно орала и сопротивлялась, делая перерывы в воплях лишь для того, чтобы набрать побольше воздуха в легкие.

Капитан нерешительно остановился, и тут над корытом появилось красное сердитое личико Ливит.

— Чего уставился, старый дурак? — злобно завопила она. Потом на лице ее появилось выражение внезапной решимости. Она вытянула губы и...

Толл быстро перевернула ее животом вниз и звонко шлепнула по попке.

— Она собиралась вас обсвистеть, — объяснила она Посерту. — Вам, наверное, лучше поскорее удалиться, пока я ее держу... Счастливого пути, капитан.

Каррес в это утро казался еще более безлюдным, чем всегда. Конечно, было еще раннее утро, и повсюду, зацепившись за гигантские темные деревья и маленькие яркие домики, висели огромные облака тумана, а в кронах деревьев грустно вздыхал ветерок. С высоты доносились еле слышные похоронные крики птиц — должно быть, ястребы-лебедятники выказывали капитану свое неодобрение по поводу съеденного им омлета.

Где-то в отдалении слышался тихий наигрыш.

На полпути к посадочной площадке у самой щеки капитана что-то прожужжало-просвистело, словно гигантская оса, и с тупым звуком воткнулось в ствол дерева впереди.

Оказалось, что это длинная, тонкая и очень неприятная на вид стрела. На стрелу была надета белая карточка со словами, написанными красными печатными буквами:

«Остановись, человек с Никкелдепейна!»

Капитан остановился и осторожно оглянулся вокруг. Никого не было видно. Что это должно

означать?

Ему вдруг показалось, что весь Каррес против него, что эта милая планета превратилась в холодную, заполненную туманом гигантскую западню. По коже у него поползли мурашки.

— Ха-ха-ха! — На скале слева внезапно появилась Гот. — Значит, все-таки остановился!

Капитан медленно перевел дыхание.

— А что я, по-твоему, должен был сделать? — осведомился он. У него немного кружилась голова.

Она соскользнула со скалы, как ящерица, и оказалась прямо перед ним.

— Хочу с тобой попрощаться, — сообщила она.

Тощая, дочерна загорелая, в мальчишеской курточке, штанах и сапожках, в серо-зеленом колпачке, цветом напоминающем лишайник, она смотрела на него в упор, и на лице ее играла слабая улыбка. Но сказать что-либо определенное о ее настроении было невозможно. За плечом у нее болтался колчан, полный длиннющих стрел, в руках она держала какое-то оружие, но не лук.

Проследив за его взглядом, она пояснила:

— Охотилась на боллемов. На диких. У них мясо вкуснее.

Капитан на минуту задумался. Ага, правильно!

Они ведь держат целые стада боллемов, чтобы получать молоко, из которого делают масло и сыр.

— Ну, что же, — сказал он. — До свиданья, Гот!

Они пожали друг другу руки. Настоящая маленькая ведьма, эта Гот, думал капитан. В ней гораздо больше ведьминского, чем в ее сестрах, больше даже, чем в Толл. Впрочем, он почти ничего не узнал о ведьмах Карреса.

Странные создания!

Капитан двинулся дальше, погруженный в довольно мрачные размышления, и тут его снова окликнула Гот. Он обернулся.

— Поосторожней на взлете! — крикнула она. — Еще разобьешься!

Весь путь до корабля капитан Посерт тихо шипел от злости.

А взлет прошел просто чудовищно! За ним наблюдали несколько ястребов-лебедятников, но больше, кажется, никто. Во всяком случае, капитан очень на это надеялся.

У него была, конечно, возможность попробовать продать все эти товары напрямую, но чем больше он об этом думал, тем менее надежным ему виделось это предприятие. С другой стороны, советник Онсвуд вряд ли откажется от столь блестящей возможности сделать большие, про-

сто огромные деньги из-за каких-то запретов и эмбарго. На Никкелдепейне прекрасно разбирались во всех тонкостях межзвездной торговли, и советник, несомненно, был одним из наиболее выдающихся проныр в этом деле и не слишком боялся неповоротливого закона. А вдруг удастся установить постоянные торговые отношения непосредственно между Карресом и Никкелдепейном?

Кроме того, капитану не давала покоя мысль о том, что Малин через два года достигнет брачного возраста. По карресскому времени, конечно.

По календрическому хронометру он определил, что провел на Карресе три недели. Он, правда, никак не мог припомнить, как здешний год соотносится со стандартным временем.

Потом он обнаружил, что чем ближе к дому, тем больше его снедает нетерпение. В корабле было как-то неестественно тихо. Видимо, в этом-то все и дело! Капитанская каюта и коридор производили гнетущее впечатление — тишина, как в могиле. Он попытался вновь вести беседы с Иллайлой — то есть с ее фотографией — однако невеста с фотографии смотрела отчужденно.

Он никак не мог понять, в чем дело. Конечно, грустно было покидать Каррес, но нельзя же оста-

ваться на этой планете до бесконечности. Тем более среди таких таинственных обитателей. Он же чужой в этом мире, а Никкелдепейн...

Его одолевало смутное беспокойство — словно он должен и хочет что-то такое сделать, но вот что именно, вспомнить не может, как ни старается. На память приходили лишь какие-то мимолетные обрывки мыслей. Однако будущее существование на Никкелдепейне так или иначе представлялось ему теперь как возвращение в знакомую узкую и затхлую клетку, где он и без того уже провел значительную часть своей жизни...

Ну что ж, думал он, хочешь — не хочешь, а возвращаться придется, хотя бы ненадолго. Но как только он выполнит все свои обязательства по долгам, они с Иллайлой непременно постараются что-нибудь придумать.

Дни шли за днями, и впервые ему показалось, что космический полет — это просто очень скучный и пустой затянувшийся период безделья. Наконец на экранах корабля показался Никкелдепейн, и капитан вывел «Удачу-7333» на околопланетную орбиту, передав по коммуникатору идентификационный номер корабля. Через полчаса его вызвала Служба наведения. Он вновь

сообщил им свой номер, добавив название корабля, имя его владельца, собственное имя, порт приписки и перечень грузов.

Виды груза пришлось перечислить подробно. Конечно, это можно было бы сделать и потом, но он решил пока перебросить мячик советнику Онсвуду — пусть использует все свои связи.

— Выходите на орбиту 21,203, — кратко проинструктировала его Служба наведения. — К вам вылетает таможенный катер.

Он вывел корабль на указанную орбиту, с неудовольствием рассматривая в иллюминатор плоские скучные континенты и серые океаны Никкелдепейна, проплывавшего под ним. Его вдруг охватила такая же плоская и серая тоска. Он постарался стряхнуть ее и стал думать об Иллайле.

Три часа спустя таможенный катер пришвартовался к борту «Удачи», и Посерт выключил орбитальные двигатели. Запищал сигнал коммуникатора.

— Включите экран! — строго скомандовал чей-то голос. Капитан нахмурился и нащупал кнопку включения.

На экране возникли четыре лица; таможенники смотрели прямо на него.

— Иллайла! — воскликнул капитан.

— По крайней мере, — послышался противный голос советника Раппорта, — он привел корабль назад, папаша Онсвуд!

— Иллайла! — тщетно взывал капитан.

Советник Онсвуд молчал. Иллайла тоже. Оба упорно смотрели прямо на Посерта, но экран был слишком мал, чтобы хорошенько разглядеть выражение их лиц.

Четвертое лицо, совершенно капитану не знакомое, возвышалось над воротником полицейского мундира. Именно этому человеку и принадлежал строго звучавший голос.

— Предлагаю вам открыть носовой шлюз, капитан Посерт, — произнес полицейский. — Мы должны произвести официальный досмотр.

Только теперь капитан понял, что у его борта отшвартовался вовсе не таможенный катер, а полицейский крейсер Республики Никкелдепейн.

Колебался он не более секунды. Затем наружный люк распахнулся.

Конечно, он пытался все объяснить, но его не желали слушать — все четверо уже надели защитные костюмы, опасаясь инфекции. Они оживленно обсуждали его корабль и груз, словно самого капитана вообще не было. Иллайла

показалась ему бледной, расстроенной и очень красивой. Однако она избегала даже смотреть в его сторону.

Впрочем, разговаривать с нею в присутствии остальных ему не хотелось.

Они прошли в грузовой отсек, едва взглянув на грузы с Карреса.

— И спасательную шлюпку повредил! — отметил советник Раппорт.

Потом все вернулись в рубку, чуть не толкнув Посерта, и полицейский потребовал бортовой журнал и бухгалтерские книги. Капитан подчинился.

Трое мужчин быстро пролистали документы. Иллайла с каменным лицом смотрела в иллюминатор.

— А вы не слишком аккуратны, — сказал полицейский.

— Странно, что он вел хоть какой-то учет! — ядовито заметил советник Раппорт.

— Да, все ясно! — подвел итог советник Онсвуд.

Они выстроились, точно на параде, и дружно уставились на него. Советник Онсвуд сложил руки на груди, выставив вперед костистый подбородок. Советник Раппорт стоял более вольно, чуть

улыбаясь. Полицейский имел официальный вид.

— Капитан Посерт, — начал он, — против вас выдвинуты следующие обвинения, которые отчасти подкрепил произведенный нами предварительный осмотр...

— Обвинения? — переспросил капитан.

— Да помолчите вы! — рявкнул советник Онсвуд.

— Во-первых: кража драгоценностей и ювелирных изделий на сумму четверть миллиона маэлей у гражданина имперской планеты Порлумма...

— Ему же все возвратили! — возмутился капитан.

— Реституция краденого, в частности, инспирированная страхом возмездия, не влияет на действенность исходного обвинения, — процитировал советник Раппорт, глядя в потолок.

— Во-вторых, — продолжал полицейский, — приобретение рабов, разрешенное имперским законом, однако запрещенное — под страхом исправительных работ сроком от десяти до пятнадцати лет — по законам Республики Никкелдепейн...

— Да я этих детишек просто домой отвез! — сказал капитан.

— Сейчас перейдем и к этому пункту, — кивнул полицейский. — Итак, в-третьих: кража различных товаров стоимостью сто восемьдесят тысяч маэлей с корабля, приписанного к имперской планете Леппер, сопровождавшаяся угрозами насилия и оскорблениями в адрес экипажа указанного корабля...

— Я хотел бы сделать кое-какие добавления и пояснения, — вклинился советник Раппорт. — Регентство Сириус, которому принадлежит планета Леппер, является союзником Республики Никкелдепейн и связана с последней торговыми и военными соглашениями, представляющими для нас значительную политическую ценность. Регентство в своей ноте указало, что подобные враждебные действия со стороны гражданина Республики против подданного Регентства способны оказать негативное влияние на отношения между государствами. Вина обвиняемого, таким образом, отягощается еще и попыткой государственной измены — по отношению к Республике, разумеется. — Он выразительно посмотрел на капитана. — Я полагаю, можно также сразу отмести возражение обвиняемого, что все указанные товары якобы возвращены владельцам. Да, возвращены — но под угрозой силы!

— В-четвертых, — терпеливо продолжал полицейский, — порочное и безнравственное поведение при выполнении функций торгового представителя Республики, что нанесло как материальный, так и моральный ущерб вашему работодателю...

— Что-о-о?! — взревел капитан.

— ... а также использование в качестве соучастниц трех ведьм с печально известной планеты Каррес...

— Ну в точности как его двоюродный дед Требус! — Советник Онсвуд был мрачен. — Это у них в крови, уж мне ли не знать!

— ... и подозрительно долгое пребывание на указанной планете Каррес, посещение которой запрещено...

— Да я до недавнего времени о ней слыхом не слыхивал! — возмутился капитан.

— А надо было внимательнее читать Инструкции! — снова вылез советник Раппорт.

— Замолчите вы! — рявкнул советник Онсвуд.

— В-пятых, — спокойно продолжал полицейский, — небрежное и халатное обращение с чужим имуществом, повлекшее за собой материальный ущерб на сумму восемьдесят две тысячи маэлей...

— У меня есть пятьдесят пять тысяч наличными. И груз, который стоит по меньшей мере четверть миллиона.

— Это контрабандный груз, а следовательно, с юридической точки зрения, он не существует, — возразил полицейский. Советник Онсвуд громко откашлялся и сказал:

— Груз, несомненно, будет арестован. Если же возникнет возможность реализовать его, то прибыль от реализации пойдет на погашение нынешних задолженностей обвиняемого. В какой-то степени, конечно, это сможет повлиять на приговор...

— В-шестых, — снова стал читать полицейский, — участие в разработке и демонстрации нового типа двигателя, каковой должен быть незамедлительно и с соблюдением всех норм секретности представлен руководству Республики Никкелдепейн.

Все с какой-то особой жадностью уставились на Посерта. Ага, догадался капитан, вот в чем дело! Вжжик-тяга понадобилась!

— Ваш приговор может быть значительно смягчен, Посерт, — вкрадчивым голосом заметил советник Онсвуд, — если вы проявите благоразумие. Что это за двигатель?

— Папа! Осторожнее! — вскрикнула Иллайла.

— Посерт! — Советник Онсвуд перешел на шепот. — Это что такое, Посерт?

— Бластер, — кипя от злости, ответил капитан.

На секунду все замерли. Затем полицейский конвульсивно дернул рукой.

— Ну-ну? Что же вы? — спросил капитан с издевкой. Советник Раппорт медленно отступил.

— Стоять! — рявкнул капитан.

— Посерт! Ты с ума сошел! — вскрикнули в один голос советник Онсвуд и его дочь.

— Молчать!

В рубке воцарилась полная тишина.

— Если бы вы были повнимательнее, — капитан говорил почти спокойно, — то заметили бы, что у меня выдвинуты все орудийные башни, а пушки «Нова» нацелены на ваше корыто, так что лучше ему даже не двигаться. И вам тоже. — Он повернулся к полицейскому: — Немедленно откройте люк, натягивайте скафандр и выметайтесь отсюда!

Люк со скрежетом отворился. Теплый воздух тут же улетучился с корабля, лишь прошелестели страницы бортового журнала и бухгалтерских книг, полетевших на пол. В рубку хлынул разреженный, холодный воздух верхних слоев

атмосферы Никкелдепейна.

— Теперь вы, Онсвуд! — велел капитан, с минуту подождал и мотнул головой в сторону советника Раппорта: — А вы просто повернитесь!

Советник Раппорт вылетел с корабля с несколько большей скоростью, чем можно было ожидать от малосильной тяги скафандра.

— Посерт, — встревоженно спросила Иллайла, — ты спятил?

— Нисколько, радость моя, — радостно ответил ей капитан. — Сейчас мы с тобой рванем отсюда как можно дальше и вместе начнем новую, замечательную, преступную жизнь!

— Но, Посерт!..

— Ты привыкнешь, — успокоил ее капитан. — Я же привык. Такая жизнь куда лучше жалкого прозябания на Никкелдепейне!

— Тебе не уйти, — сказала Иллайла. Лицо ее было бледно. — Мы предупредили, чтобы сюда на всякий случай были выдвинуты крейсеры и истребители противокосмической обороны...

— Ничего, справимся! — заявил капитан и протянул руку к панели управления. — Да они и не станут стрелять, пока ты у меня на борту.

— Ты ничего не понимаешь! — Иллайла, казалось, была в отчаянии. — Ты не сможешь

оставить меня здесь!

— И кто же мне помешает? — осведомился капитан.

— Посерт, послушай: теперь я мадам советница Раппорт!

— Вон оно что... — Они помолчали. Совершенно подавленный, он спросил: — И давно?

— Уже пять месяцев.

— Великий Патам! — воскликнул капитан. — Значит, сразу после моего отлета... Вы что же, были обручены?

— Да, были. Тайно, — призналась Иллайла. — И я считаю, что имела на это право.

— Полагаю, что да. — Теперь капитану было уже все равно. — Ну хорошо. Люк открыт, твой муж ждет тебя, так что проваливай, радость моя!

Оставшись в одиночестве, капитан запер наружный и внутренний люки шлюза, включил подачу кислорода и от души выругался. Заверещал сигнал коммуникатора.

— Посерт! — раздался из динамика голос советника Онсвуда. Голос звучал вполне дружелюбно, но трусовато. — Мы можем лететь? Или ваши пушки по-прежнему нацелены на нас?

— А да-да, пушки!.. — Капитан чуть сместил прицел. — Можете убираться восвояси, да по-

скорее!

Полицейский крейсер тут же исчез.

Но со всех сторон к «Удаче» приближались боевые корабли, а далеко внизу виднелись истребители противокосмической обороны. Вот они развернулись и вышли на новый виток спирали, поднимаясь все выше. Скоро они начнут стрельбу, оставаясь между ним и поверхностью планеты, а крейсеры обойдут его с флангов, возьмут в клещи и поведут вниз, в сети парамагнитных захватов. И если он не выкинет белый флаг...

С минуту капитан размышлял. Истребители сделали новый виток. Он врубил вспомогательные двигатели, развернул корабль носом к планете и дал ему шпоры. Проносясь сквозь строй истребителей, он успел заметить несколько разрозненных вспышек и разрывов. Оказавшись ниже противника, он резко вывел «Удачу» из пике. Корабль протестующе застонал. Истребители развернулись и устремились в погоню. Капитан выбрал ближайший и повернул пушки в его сторону.

— ...а на закуску врежу посередке! — пробормотал он сквозь сжатые зубы.

С-с-с-с-вжжик!

Вжжик-тяга! Что за чушь? Откуда?..

— Малин! — ревел капитан, барабаня в запертую дверь капитанской каюты. — Я знаю, что это ты, Малин! Немедленно отключи ее! Ты же убьешь себя!

«Удача» вдруг вздрогнула всем корпусом, подпрыгнула, кашлянула и продолжила полет на собственных двигателях.

— Малин! — не унимался капитан, прикидывая, на сколько световых лет их унесло от Никкелдепейна. — Что с тобой, Малин?

Посерт бросился в грузовой отсек, надеясь найти там подходящий инструмент, чтобы вскрыть дверь. Несколько секунд — и часть стальной двери ухнула внутрь; Посерт ввалился следом. Он успел еще заметить краткий отсвет оранжевого пламени, полыхавшего над конусом из скрученных проволочек, потом пламя погасло и проволочки с легким стуком упали на крышку стола.

За столом на полу он не сразу заметил маленькую скрюченную фигурку. Колени у него сразу стали ватными.

Огромные карие глаза открылись и посмотрели на него.

— Ничего себе! — пробормотала Гот. — Сил ни капельки не осталось... А как есть хочется!..

Вот я тебя сейчас так выпорю, — заорал капитан, — что неделю сидеть не сможешь! И если ты еще хоть раз посмеешь...

— Не кричи! — потребовала Гот. — Я есть хочу!

Минут пятнадцать она без перерыва что-то жевала и глотала. Потом отвалилась на спинку стула и вздохнула.

— Возьми еще ягодного желе, — предложил капитан. Гот все еще была бледна.

— Больше не могу... — Она помотала головой. — Между прочим, это первые разумные слова, которые я от тебя слышу с тех пор, как ты сломал дверь и влетел сюда, ругая Малин на все лады... Кстати, у Малин есть дружок!

— Помолчи. — Капитан задумался. — А что, настоящий друг?

— Ну да. В прошлом году познакомились. Хороший парень, из города. Они поженятся, как только Малин достигнет брачного возраста. Она тебя просила вернуться на Каррес только потому, что у нее было предчувствие: тебя ждет ужасная беда.

— И предчувствие, надо сказать, ее не обмануло.

— Ну так о чем ты подумал? — сменила тему Гот.

— А вот о чем: раз с тобой все в порядке, я немедленно разворачиваюсь и везу тебя на Каррес.

— Со мной-то все в порядке, — странным тоном сказала Гот. — Но отвезти меня на Каррес совершенно невозможно.

— Это почему же? — осведомился капитан.

— Карреса больше нет, — сообщила Гот.

— Как это — нет? — Капитан почувствовал, как в животе у него все леденеет от непонятного ужаса.

— Не беспокойся, с ним самим все в порядке, — успокоила его Гот, — просто его переместили. Этим идиотам, подданным Империи, опять неймется!.. Они выслали против Карреса целый флот, поэтому планету решили убрать подальше.

— Куда?

— Откуда же мне знать? На свете столько разных мест...

Да, разных мест на свете много! Внезапно перед глазами капитана промелькнуло видение — белоснежная, похожая на чашу, арена с крутыми рядами сидений... Тот самый «Театр, в котором...»

— А тебя не хватятся? — спросил капитан.

— Не думаю.

— А с планетой — это опять вжжик-тяга? —

спросил он.

— Да вроде бы... — Гот поморщилась и честно призналась: — Я не могу тебе этого сказать. Пока ты не станешь таким, как мы. У нас есть определенные правила — ничего сразу не дается. Наверное, пару лет займет, не меньше. По карресскому времени.

— Пару лет? — Капитан задумался. — И ты намерена все это время оставаться здесь, со мной?

Гот нахмурилась, разглядывая банку с ягодным желе, потом придвинула ее к себе.

— Ну да, даже больше, — призналась она наконец. — А потом достигну брачного возраста...

— А когда это произойдет?.. — насторожился капитан, но Гот его не слышала, все свое внимание обратив на желе.

— Я уже все продумала, — она говорила, точно обращаясь к содержимому банки. — Когда они стали говорить, что, мол, хорошо бы подыскать тебе жену на Карресе, я сразу сообщила: твоей женой буду я. И все согласились, даже Малин, потому что у нее-то уже есть жених...

— Ты хочешь сказать, — сказал капитан, — что родители знали о твоем плане? О том, что ты хочешь попасть на «Удачу»?

— Естественно. — Гот наконец отодвинула бан-

ку с желе и посмотрела ему прямо в глаза. — Отец сказал, что ты все равно порвешь с Никкелдепейном, и очень скоро. А еще он сказал, что это у тебя в крови.

— Что именно у меня в крови?

— Что ты непременно порвешь с этими... Это не я, это Требус сказал, мой отец! Ты его раза два в городе видел. Большой такой, борода светлая. Малин и Ливит — обе в него. И ты на него тоже здорово похож. Ведь вы родственники.

— Неужели этот Требус и есть мой пресловутый двоюродный дед? — Капитан старался уже ничему особенно не удивляться.

— Ну да, — подтвердила Гот.

— Тесен мир! — философски заметил капитан. — Значит, вот он где, Требус этот! Хорошо бы с ним увидеться.

— Непременно увидишься, — заверила его Гот. — Но, видимо, нескоро. — Она помолчала. — По-моему, там заваривается серьезная каша. Иначе они бы не стали перемещать планету. Так что придется ждать, пока это все не закончится.

Значит, это какие-то межзвездные политические интриги, затрагивающие и Каррес, и Империю... Капитан подумал немного и решил плюнуть на это. Он же все равно ничего не узнает,

нет смысла и беспокоиться заранее.

Гот изучающе смотрела на него.

— Ты все еще хочешь расплатиться со своими долгами?

Капитан кивнул.

— Ну, что же, — сказала Гот, — у меня на этот счет есть некоторые идеи.

— Только без ведьминских штучек! — предупредил капитан. — Мы заработаем деньги честным путем!

Гот сделала невинные глаза и зевнула.

— Конечно, честным. Но разбогатеем непременно! — она снова зевнула. — До чего ж я устала! Пожалуй, пора спать.

— Не забудь вымыть уши! — Капитан попытался припомнить остальные указания Малин.

— Вымою, — сонным голосом сказала Гот и исчезла за дверью. Но минуту спустя дверь снова резко распахнулась. Капитан оторвал глаза от многотомного «Свода общих инструкций и космических правил Республики Никкелдепейн», обнаруженного в одном из ящиков под пультом управления, и с удивлением уставился на Гот, представшую на пороге. Сна у нее не было ни в одном глазу. Она весело ухмылялась.

— Ты тоже вымой на ночь уши! — велела она.

— Ладно, — сказал капитан, минуту подумав. — Вымоем уши оба. Капитан начал просматривать длиннющее оглавление на букву К. Каррес? Или надо было начинать с буквы В — Ведьмы?

Глава третья

Ключевым оказалось слово «Запрещенная»...

Под этим заголовком в Инструкции имелась целая страница, напечатанная достаточно мелким шрифтом. Здесь говорилось о запрещенной планете Каррес — главным образом в форме гипотез и догадок. На Никкелдепейне, видимо, так и не сумели разобраться, то ли ведьмы разработали новые технологии угрожающе высокого уровня, то ли их успехи связаны с чем-то абсолютно сверхъестественным. Но что было сказано совершенно четко, так это следующее: власти Республики НЕ ЖЕЛАЛИ, чтобы ее граждане имели какие-либо дела с планетой Каррес, опасаясь «духовного осквернения». А посему подобные контакты рассматривались как измена родине и были строжайше запрещены.

Далее следовала целая подборка цитат из высказываний на сей счет различных именитостей. Например:

«...эти женщины обладают зловредным даром очаровывать и завлекать... Прикрываясь так называемой клатха-магией...»

Клатха? Слово казалось капитану знакомым.

Он нахмурился и порылся в памяти. Клатха — некая метафизическая концепция, нечто вроде «космической энергии», нечто не совсем понятное... Считалось, что некоторые люди способны на нее «настраиваться», как бы притягивать ее и использовать в самых различных целях...

Капитан крякнул. Возможно, этим словом просто некогда обозначили действия ведьм. Но какие? Вот ведь что неясно!

Вжжик-тяга в Инструкции не упоминалась вообще. Возможно, это одно из недавних достижений ведьм. И годится только для отдельных разновидностей космических кораблей. То, как вел себя советник Онсвуд и его спутники, заставляло предполагать, что полученные ими сведения о «нестандартном» поведении «Удачи» были вообще первой информацией о ведьминской супер-тяге.

Ничего удивительного, что у них сразу руки зачесались. Как и у правительства Империи, впрочем. Вот «Удача» и попала в «черный список»...

...Экраны, масс-детекторы и коммуникаторы были включены, но из последних доносился лишь монотонный непрерывный шум — это должно было означать, что на расстоянии, по

крайней мере, светового дня нет ни одного цивилизованного мира. Какой-нибудь космический корабль мог, конечно, пройти и на более близком расстоянии, но межзвездные перелеты обычно совершаются на очень высоких скоростях, иначе коммуникатор наверняка засек бы шумы, сопровождающие корабль.

Впереди по курсу виднелось странной формы облако пурпурного цвета чуть меньше девяти световых лет. Пурпурное облако могло бы служить отличным маяком, если бы капитан хоть что-нибудь слыхал о нем. В космическом мраке ярко сверкали или тускло поблескивали мириады звезд. Кое-где виднелись облака космической пыли. Справа сиял весьма знакомый с виду звездный пейзаж, который, впрочем, тоже не способен был помочь им сориентироваться — то был Млечный Путь, сверкавшие, точно замерзший водопад, каскады звездного огня. Известно, что он выглядит почти одинаково, с какой точки пространства на него ни смотри. Все пути в этой бездне казались совершенно однообразными. Оставался, конечно, обычный, стандартный способ определить свое местонахождение.

Капитан включил электронную карту навигационных радиомаяков и настроил коммуни-

каторы на их обычную частоту. Если удастся засечь три или четыре самых сильных сигнала, нетрудно будет определить и местонахождение «Удачи».

Первый сигнал он поймал уже через минуту. Очень слабый, но все же характерный для радиомаяков Империи. Видимо, они были очень далеко от ее границ. Капитан нажал на кнопку идентификации сигнала, извлек из пеленгатора карточку с позывными и сунул ее в приемную щель электронной навигационной карты.

Прибор немедленно выплюнул карточку обратно: позывные не известны.

Капитан немного подумал, потом снова нажал на кнопку идентификации, вынул новую карточку и опять сунул ее в приемную щель. Позывные на обеих карточках были одинаковые, так что пеленгатор, по всей видимости, работал нормально. Просто по какой-то причине эти позывные не были зарегистрированы в его карте.

Он нахмурился, откорректировал пеленгатор и поймал еще один сигнал. Тоже очень похожий на имперские позывные.

И опять электронная карта отвергла карточку.

Минуту спустя то же самое произошло и с третьей карточкой. Последний сигнал был самым

слабым, едва различимым. Других не последовало...

Капитан в задумчивости откинулся на спинку кресла. Несомненно, карты маяков, которые Никкелдепейн предоставлял в распоряжение своих торговых кораблей, охватывали далеко не все владения Империи. Торговые фирмы Республики вели дела с центральными областями Империи и некоторыми из ее западных и северных провинций. Это было вполне практическое ограничение. Длительность космических перелетов к планетам, находившимся за пределами этой и без того весьма обширной зоны, тем более с обычными грузами, попросту сводила на нет любую коммерческую выгоду.

Гот запустила вжжик-тягу минуты за две до того, как потеряла сознание. Но и этого, видимо, хватило, чтобы угнать «Удачу» далеко за пределы зон действия космических маяков.

Посерт хмыкнул, покачал головой и вылез из кресла. В грузовом отсеке корабля имелся шкаф со старыми бумагами и картами, сохранившимися с тех времен, когда «Удача» была еще новеньким исследовательским кораблем дальнего поиска. Как-то однажды он уже пытался разобрать этот шкаф. Он тогда с большим любопытством

просматривал толстые связки звездных карт, на которых были изображены разнообразные и самые неожиданные области космического пространства. Были там, кажется, и карты радиомаяков. Может быть, с их помощью...

А что, хорошая идея! Он, правда, привык к электронным картам, но и этими все же можно было пользоваться. Третья карта, которую он вытащил наугад, дала положительный ответ на все три его запроса о сигналах радиомаяков, и, когда он наложил полученные пеленги на соответствующую звездную карту, она с точностью до одного светового дня указала нынешнее местонахождение «Удачи».

Несмотря на все свои невероятные приключения, он сначала просто не поверил своим глазам!

На старых картах были отмечены цивилизованные миры, о которых капитану даже слышать не доводилось. Были там, впрочем, и знакомые названия — планет, некогда игравших значительную роль в истории галактики. Древние названия миров, невероятно удаленных от нынешней сферы коммерческих интересов Никкелдепейна, звучали, как туманная легенда. Включенная Гот вжжик-тяга не просто увлекла их корабль вдоль

границ Империи за ее пределы. Она протащила «Удачу» сквозь всю Империю к ее противоположному концу, на самый восток галактики. Сюда, насколько капитан мог припомнить, уже в течение сотни лет не залетал ни один корабль с Никкелдепейна.

Некоторое время капитан смотрел на экраны, пытаясь разобраться в незнакомых скоплениях звезд. Кровь стучала у него в висках от возбуждения. Так вот куда они забрались! Их корабль словно провалился сквозь темные века в прошлое, в забытые миры, где капитан остался один — с ним только маленькая таинственная ведьма с планеты Каррес. И сейчас она спит как убитая в капитанской каюте...

А вокруг — капитан почти физически ощущал это — лишь неведомые звездные пути, по которым его старый корабль летал когда-то, в дни своей юности. Корабль явно радовался возврату в прошлое, пробуждался, встряхивался и был готов к любым приключениям, которые могут ждать его впереди.

Для него это было подобно возвращению домой, к чему-то давно утраченному, но отнюдь не позабытому.

Впереди лежала неведомая жизнь — яркая,

многообещающая и непредсказуемая!

Капитан вздохнул, отвернулся от экранов. Взгляд его случайно упал на небольшую переносную лампу, стоявшую на коммуникаторе и освещавшую рабочий столик под ним.

Посерт нахмурился и подошел поближе. Волосы у него встали дыбом, шея вытянулась, как у терьера, столкнувшегося нос к носу с новой дичью, которая может оказаться весьма опасной.

В самой лампе ничего странного или опасного не было. Обыкновенный осветительный прибор на атомной батарейке, с гибкой стойкой, дающей возможность направлять луч куда нужно, с подставкой, прочно «прилипавшей» к чему угодно — переборке, палубе, столу. Капитан не раз пользовался этой лампой. Он привык к ней, точно к услугам незаметного и дружелюбного маленького домового. Лампа стала для него едва ли не самостоятельной личностью.

В данный момент ее луч был направлен именно туда, куда было нужно капитану — на столик, где он изучал звездные карты. Но именно это-то и показалось Посерту неестественным! Потому что он был абсолютно уверен, что НЕ СТАВИЛ лампу над этим столиком! Когда он ее видел в последний раз — перед тем, как отправиться в

грузовой отсек, — она стояла на своем обычном месте, на панели управления, сбоку. А с тех пор он к панели не подходил.

Может, это Гот пробует на нем свои штучки? Нет, на нее не похоже... Тут он вспомнил: минут двадцать назад он сидел за столом, пытаясь разобрать наполовину выцветшую запись на полях одной из старых карт. И у него возникла мысль воспользоваться лампой — чтобы свет был поярче. Но капитан тут же забыл об этом.

А потом — через какой-то промежуток времени — яркий свет появился именно там, где был нужен, причем появился так ненавязчиво, что он, сидя за столом, не заметил, как это произошло.

Он еще некоторое время тупо смотрел на лампу. Потом взял ее и пошел по коридору в капитанскую каюту.

Гот лежала, свернувшись калачиком на широкой койке. Одеяло она натянула до самых ушей. Дыхание девочки было тихим и спокойным, но лоб морщился, словно ей снилось что-то неприятное. Изучив ее лицо в свете лампы, капитан убедился, что она и в самом деле спит, а не притворяется. Впрочем, подобный мелкий обман был бы не в ее духе. Эта девчонка всегда предпочитала действовать напролом...

Капитан огляделся по сторонам. Одежда Гот была аккуратно повешена на спинку кресла, сапожки стояли рядом. Он уменьшил яркость освещения и вышел из каюты, не потревожив ее. Вернувшись в рубку, капитан выключил лампу, поставил ее на стол и остановился в задумчивости, потирая кулаком подбородок.

Нет, это не провал памяти; и если это все же сделала Гот, то не нарочно. Весьма возможно, клатха может действовать совершенно независимо от контролирующего и направляющего ее человека — например, когда он спит. В таких случаях, наверное, могут возникнуть и неприятные последствия. Когда Гот проснется, надо будет спросить ее, каким образом...

Резкий неприятный сигнал, донесшийся вдруг с панели управления, заставил капитана подскочить. Рука сама метнулась к рычагам управления и отключила подачу топлива к двигателям. Сигнал замолк, но целая группа контрольных ламп продолжала мигать красным светом.

В возникшей проблеме, как он понял уже через несколько минут, не было ничего сверхъестественного. Однако это действительно проблема и довольно серьезная. Показания индикаторов на панели свидетельствовали о неполадках в

главных двигателях. И неудивительно: когда он полгода назад покидал Никкелдепейн, его шансы вернуться домой были пятьдесят на пятьдесят. Однако до сих пор двигатели работали безупречно.

Лучше бы они, конечно, вышли из строя где-нибудь в другом месте и в более удобное время. Но пока что у капитана не было оснований считать случившееся крупной неприятностью.

Он достал инструменты, прошел в хвостовую часть корабля и, спустившись в машинное отделение, принялся за работу. Через полчаса он уже знал, что поломка не так уж страшна. Выход из строя одного из ходовых двигателей привел к перераспределению нагрузки между остальными, в результате чего тут же выявились и другие мелкие беды. Однако двигатели еще могли поработать, так что вопрос о том, чтобы много месяцев тащиться до ближайшего космопорта на вспомогательных двигателях, отнюдь не стоял. Если покопаться, можно привести в порядок и основную тягу: она вполне способна поработать еще недели две-три минимум. Но общий износ двигателей явно превышал все их ресурсы, и восстановлению они уже не подлежали. Это старье нужно было менять как можно скорее, а

пока необходимо как следует отрегулировать, установив режим работы в половину обычной мощности, чтобы уменьшить дополнительные нагрузки. Если к кораблю кто-либо приблизится с враждебными намерениями, у них все еще будет возможность включить ненадолго полную мощность — для этого на панели управления имелись соответствующие кнопки. Из того, что капитан уже слышал о побочных эффектах вжжик-тяги, было ясно, что в подобной ситуации Гот, видимо, мало чем сможет помочь...

В любом космическом порту, где имеются ремонтные службы и где можно снять двигатели с корабля, такая регулировка заняла бы всего несколько минут. Но для одного человека, которому к тому же приходится все время лазить в руководство по ремонту, да еще в тесном пространстве машинного отделения, это было трудновато. Работа предстояла длительная и напряженная. Наконец, вытянувшись в весьма опасном положении и повиснув в шахте двигателя, капитан устало вперил глаза в регулировочные клапаны, которые ему нужно было выставить заново. Под ним было темное пространство шахты, и он едва мог дотянуться до двигателя со своими инструментами.

Неплохо бы иметь здесь освещение получше, подумал он.

И чуть не поперхнулся: Вселенная будто на мгновение остановилась и лукаво подмигнула. Волосы на затылке зашевелились, словно в спину ему дунул несильный ледяной ветерок...

Почему-то он уже точно знал, что сейчас произойдет, и поэтому не имеет ни малейшего смысла пытаться отменить свое невысказанное вслух желание... Механизм клатхи уже включился, и ничто не могло его остановить...

Прошла секунда или две. Затем над шахтой появилось пятно света. Капитан понял, что свет исходит откуда-то сверху, из-за его плеча. Он осторожно глянул вверх.

Да, там оно и сидело, это маленькое чудовище, прицепившись своей подставкой к переборке! Тонкая стойка выдвинулась вниз, изогнувшись, как змея, чтобы луч попадал как раз туда, куда нужно капитану. По коже у него побежали мурашки. Это было словно в кошмарном сне...

Ну и что, это же всего лишь клатха! — сказал он себе. После знакомства с вжжик-тягой и прочими ведьминскими штучками лампа, таинственным образом передвигающаяся сама по себе, не должна вызывать особых эмоций. Не обращай

внимания, сказал он себе, продолжай работать...

Он тщательно отрегулировал двигатель и дважды его проверил, чтобы полностью убедиться, что все сделал правильно. На этом работа в машинном отделении была закончена. На лампу он больше не смотрел, но она по-прежнему освещала шахту. Капитан сложил инструменты, рассовал их по карманам, повернулся, стараясь не потерять при этом равновесия, и сиял лампу с переборки.

Выбираясь из шахты, он держал лампу за стойку на некотором отдалении от себя, словно это был василиск, который в любой момент мог превратить его в статую. Вернувшись в рубку, он поставил лампу обратно на стол и в течение следующих двадцати минут не обращал на нее никакого внимания — занимался полной проверкой двигателей на всех режимах работы. Приборы показывали вполне удовлетворительные результаты. Потом он вновь включил главную тягу и дал форсаж. Все как будто функционировало нормально. «Удача» снова была в рабочем состоянии. В определенных пределах, конечно. Он развернул корабль и положил его на новый курс, почти параллельно восточной границе Империи; потом включил автопилот и направился

к электронному буфетчику за чашкой кофе.

Вернувшись, он встал, держа в руках чашку, перед лампой и уставился на нее. С тех пор, как он поставил ее на привычное место, она не двигалась и прилежно освещала стол.

Капитан отставил чашку в сторону, чуть отступил назад и громко обратился к лампе:

— А ну-ка, давай посмотрим, что ты еще умеешь!

Когда эхо его голоса смолкло в коридорах «Удачи», он ткнул пальцем сперва в лампу, затем в сторону рабочего стола возле коммуникатора.

— Переместись-ка вон туда! — приказал он лампе.

Весь корабль, казалось, замер. Даже отдаленный гул двигателей вроде бы стал тише. У капитана опять зашевелились волосы на затылке. Секунды текли одна за другой, но лампа не двинулась с места.

И вдруг взяла и погасла.

— Нет, — сказала Гот. — Это не я. И ты тут, по-моему, тоже ни при чем. Вернее, не ты это сделал.

Капитан посмотрел на нее. Он успел несколько часов поспать на кушетке в рубке, а когда проснулся, Гот уже явно отдохнула и восстановила силы.

Она сразу пожелала выяснить, почему «Удача» идет на половинной тяге. Капитан объяснил.

— А ты, в случае чего, сможешь снова включить вжжик-тягу? — спросил он.

— Только очень ненадолго.

— Ладно, тоже неплохо...

Капитан рассказал ей о своих экспериментах с настольной лампой. Она слушала с видимым интересом, но без малейших признаков удивления.

— Почему же ты сказала, что не во мне дело?

Гот наморщила носик, поколебалась и вдруг выдала:

— В тебе просто ЭТО есть, капитан! Я же говорила! И подобной силы в тебе очень много. В том-то вся и беда.

— Какая беда? — Капитан откинулся в кресле. Гот о чем-то думала, явно встревоженная.

— Мне надо сейчас быть очень осторожной, — сказала она. — Людям не следует знать о клатхе больше, чем нужно. Такова ее сущность. Иначе она ни за что не будет на них работать, а может и навредить. Вот почему у нас такие строгие правила. Понял?

— Не совсем, — хмуро покачал головой капитан. Гот нетерпеливо тряхнула головой.

— Ясно, что это не я переносила лампу. Стало

быть, это клатха; а если бы ты не мог управлять клатхой, лампа никуда бы не переместилась.

— Но ты же сказала...

— Я пыталась объяснить попроще... Но, видимо, пришло время иных слов... На Карресе все сразу поняли: ты очень способный. Великий Патам! Да у тебя такие способности, что взрослые просто диву давались! А ведь этому полагается долго учиться! В общем, это довольно сложно... Я и сама-то пока не слишком много знаю.

— Ты хочешь сказать, что это я генерирую клатха-энергию?

Она объяснила: человек сам генерировать клатху не может. Но если у него есть определенные способности — врожденные и достаточно сильные — то он может ее притягивать. Этот процесс усиливается в присутствии других одаренных людей. Способности капитана не имели возможности развиваться, пока он не попал на Каррес, где очень быстро, помимо собственной воли, превратился в точку притяжения клатха-энергии, которой все вокруг оперировали; причем многие были очень недовольны его присутствием, потому что сложный и четко отлаженный механизм использования клатхи совершенно разладился.

Тут до капитана дошло:

— Так вот почему они ждали моего отлета, чтобы переместить Каррес!

— Правильно, — кивнула Гот. — Они не могли рисковать планетой, пока ты находился на ней.

Оказывается, капитан Посерт служил предметом бесконечных споров и дискуссий все время его пребывания на Карресе. Чтобы не повредить пробуждавшимся талантам, ведьмы не могли даже объяснить ему, что с ним происходит. Только дети, которые пользуются клатхой почти инстинктивно, никак не реагировали на его присутствие. Подростков вроде Малин оно уже беспокоило, но далеко не так, как взрослых.

— Ты просто еще не умеешь всем этим пользоваться! — заявила Гот. — Но непременно научишься! И очень скоро.

— Ты уверена?

Ее ресницы дрогнули.

— Говорят, и у Требуса так было, он тоже поздно начал. Ему года два понадобилось, чтобы догнать остальных. Зато теперь куда им до него!

Капитан был настроен скептически.

— Ну, ладно, посмотрим... Ты, между прочим, тоже молодец!

— Наверное... Вообще-то, у нас немногие взрос-

лые сумели бы так далеко угнать корабль...

— Но давай все же разберемся с этой лампой! Насколько я понял, после включения тобой вжжик-тяги вокруг «Удачи» собралось много клатхи, верно? Но ты утверждаешь, что управлять ею я не умею, значит...

— Похоже, ты притянул сюда *ватча*, — сказала Гот.

И пояснила, что ватч — одно из проявлений клатхи, точнее, одна из ее сущностей. Ватчи редко посещают здешнюю Вселенную, но иногда их случайно притягивают люди, оперирующие клатхой. Ватчи могут здесь остаться, если им будет интересно, и тогда сами начинают выдавать разные неожиданные штуки, связанные с клатхой. Они вроде бы считают, что их приключения в нашей Вселенной — всего лишь сны. Они могут помогать человеку, который сумел привлечь их внимание, однако склонны вести себя довольно безответственно и порой даже приносить вред. Ведьмы предпочитают вообще не иметь с ними никаких дел.

— Значит, сейчас нечто в этом роде находится у нас на борту! — нервно заметил капитан.

Гот помотала головой.

— Нет — с тех пор, как я проснулась. Я бы его

релировала, если б он еще был здесь.

— Релировала?

Она лишь улыбнулась в ответ.

— Еще что-то, чего мне до поры до времени не понять, пока я сам этому не научусь? — спросил капитан.

— Правильно. Да ладно, все равно ты уже от этого ватча избавился. И, по-моему, навсегда.

— Я избавился? Каким образом?

— Когда приказал лампе переместиться. Ватч, видно, решил, что ты приказываешь ему, а они приказаний терпеть не могут. Наверное, он разозлился и исчез.

— Ты думаешь, он не вернется?

— Обычно они не возвращаются. Но в любом случае я его тут же обнаружу.

— Так... — Капитан поскреб подбородок. — А теперь скажи, почему ты решила угнать корабль именно к востоку от Империи?

У Гот, как выяснилось, была на то масса причин. И некоторые из них на первый взгляд выглядели совершенно неправдоподобно.

— Во-первых, здесь находится планета Ульдуна! — Пальчик Гот скользнул по звездной карте. — На половинной тяге мы дойдем туда примерно за неделю.

Капитан изумленно воззрился на нее. Ульдуна упоминалась в исторических хрониках Никкелдепейна, однако отнюдь не в положительном смысле. Во главе со своим верховным вождем, именовавшимся даалом по имени Седмон Мрачный, и его наследниками, также носившими это имя, население планеты превратило ее в столицу жестокой пиратской конфедерации, которая не раз подчиняла себе чуть ли не половину Империи и осуществляла грабительские рейды далеко за ее пределами. И этот период истории еще не совсем канул в Лету.

— Но что в этом хорошего? И зачем нам Ульдуна? По-моему, там живут самые настоящие головорезы!

— Да, раньше так и было, — признала Гот. — Но это все в прошлом. Они теперь вроде как исправились.

— Вроде как?

Она пожала плечами.

— Ну, они по-прежнему мошенники и негодяи, но с ними иметь можно дело.

— Да неужели?

Но она, кажется, знала, о чем говорит. Ведьмы были хорошо осведомлены о том, что творится в этом районе пространства. Ведь Каррес, до того,

как переместиться в систему звезды Ивердаль, находился именно здесь, к востоку от Империи.

Реформы, начатые предыдущим даалом Ульдуны, Седмоном Пятым, и продолженные его наследником, были делом необходимости и простой целесообразности: растущая мощь Империи превращала широкомасштабное пиратство в бесприбыльное и рискованное предприятие. Седмон Шестой был талантливым политиком, который поддерживал взаимовыгодные отношения с Империей и другими соседями по космосу, одновременно получая большую часть доходов за счет обслуживания и удовлетворения потребностей тех, кто предпочитал действовать вне рамок закона, установленного любыми правительствами. Ульдуна сегодня выступала в роли банкира, убежища, притона, торгового центра, поставщика снаряжения, подрядчика, брокера и посредника для всех, кому по карману ее услуги.

— Значит, продаем груз на Ульдуне, — задумчиво проговорил капитан. — Они берут за это свой процент и, наверное, весьма солидный...

— Ага. Процентов сорок.

Серьезно?.. Впрочем, их можно понять. Ведь если они пропускают все товары, которые затем контрабандой ввозятся в Империю или еще куда,

то это огромный риск. Ладно. Даже если учесть, во что нам обойдутся новые ходовые двигатели, то все равно после продажи товаров на Ульдуне денег у нас останется порядочно...

Первая половина полета до Ульдуны, продолжавшегося неделю, прошла спокойно. Они обсудили планы, которые долго вынашивала Гот, внесли в них некоторые добавления и изменения. Но, по сути дела, капитан не смог обнаружить в них сколько-нибудь существенных изъянов. Он не стал ей об этом говорить, но про себя решил, что если бы Гот не случилось родиться ведьмой, она могла бы неплохо устроиться на Никкелдепейне. У нее был природный дар планировать самые хитроумные деловые операции. Перво-наперво на планете бывших пиратов они решили взять себе другие имена. У даала был специальный департамент, который занимался именно этим — изготовлял и выдавал любые документы, причем делал это столь безупречно, что бумаги могли успешно выдержать самую тщательную проверку. Стоило это недешево, но поступления от продажи груза должны были с лихвой покрыть все расходы. А если охота за «Удачей» и ее экипажем переместится в восточные районы Империи, новые имена окажутся очень кстати.

К тому же, у них имелась вжжик-тяга. Если ею пользоваться с умом, она могла бы стать солидным преимуществом для независимого космического торгового корабля, в который они намеревались превратить «Удачу». В этой совершенно дикой, нецивилизованной области космоса имелись такие районы, куда даже тяжело вооруженные боевые корабли Империи осмеливались заходить только эскадрами. А некоторые зоны вообще никто не решался патрулировать...

— Например, Море Огня, — сказала Гот, кивнув в сторону пурпурного космического облака, которое капитан уже видел на экранах. Оно за это время сместилось на левые экраны корабля. — Вот уж действительно жуткое место! Подойдешь слишком близко, тут же получишь!

Она сама толком не знала, что, собственно, «получишь». Да и никто не знал. Прошло уже много времени с тех пор, как это пытались выяснить в последний раз.

Вжжик-тяга не давала им полной возможности лететь туда, куда захочется, даже если бы Гот была в состоянии регулярно и неограниченно ею пользоваться. Однако эта тяга в случае чрезвычайной ситуации позволяла им браться за такие рискованные предприятия, о которых другие не

могли и помыслить.

Это может принести деньги, думал капитан. Много денег. Как только они переоборудуют корабль, им больше не придется беспокоиться на этот счет. Однако с «Удачей» предстояло поработать капитально. И заново оснастить, прежде чем снова выходить в космос.

Перспективы на ближайшее будущее выглядели прекрасно. Гот явно не беспокоил тот факт, что пройдет, видимо, несколько лет, прежде чем она вновь увидит своих родных. Ведьмы, похоже, смотрели на такие вещи гораздо проще. Ну что ж, думал капитан, им предстоит немало увидеть и узнать, прежде чем они сделают себе состояние на торговле. А уж он постарается позаботиться о Гот. Хотя, подумалось ему, ей-то, наверное, кажется, что это она все время заботится о нем.

Он никак не мог представить себе, каким образом у него вдруг разовьются магические способности. Он пытался выяснить это у Гот, но в ответ она посоветовала ему не особенно беспокоиться: он сам все узнает, когда это начнется, а ускорить процесс все равно нет никакой возможности. Что и как начнется, она объяснить не сумела. И не могла предсказать, какие именно таланты разовьются у него — как и у всех тех, кто

способен активизировать клатху, — ибо спектр этих возможностей был очень широк. Гот специализировалась в области телепортации и, надо полагать, именно поэтому очень быстро овладела искусством управления вжжик-тягой. Остальные ее ведьминские способности пока что проявились мало. Ливит, помимо того, что владела широким набором разнообразных разрушительных свистов, была также клатха-лингвистом. Узнав всего несколько слов из любого языка, она сразу «включалась» и вскоре уже весело болтала на нем.

Малин была просто хорошо и разносторонне одаренной юной ведьмой, которая недавно начала курс расширенной подготовки, причем остальные приступали к нему обычно года на три-четыре позже.

Гот явно считала, что лишняя информация может только повредить капитану, да он и не настаивал. Чем меньше будет он притягивать всяких ватчей или тому подобного в этом роде, тем лучше.

Да и не до того ему было сейчас — он с головой погрузился в другие проблемы. Капитан обучил Гот основам управления «Удачей», а она подробно рассказала ему о том, что происходит в

районах к востоку от Империи, дополнив знания, почерпнутые им из курса истории. Эта информация подтвердила его первое впечатление, что жизнь в здешних краях весьма разнообразна и интересна...

Одно из проявлений этого разнообразия возникло на их пути вскоре после того, как календрический хронометр показал начало четвертого дня с того момента, как они легли на курс к Ульдуне. Это случилось, когда капитан спал. Он проснулся от того, что Гот сильно трясла его за плечо.

— М-м-м, что стряслось? — промычал капитан.

— Проснулся? — Голос Гот звучал резко, почти как шипение. — Тогда быстро в рубку!

На заднем экране, в верхней его части был ясно виден очень странный космический корабль. Расстояние — несколько световых минут. Его увеличенное изображение напоминало расплющенного уродливого черного жука, ползущего в пространстве, перебирая дюжиной шипастых ног, торчащих по краям корпуса. Детекторы показывали, что его масса в два раза больше массы «Удачи». Преследование со стороны подобного объекта кого угодно могло выбить из колеи.

— Что это? — спросил он.

Гот не знала. Корабль появился на экранах ми-

нут десять назад; сперва он держал дистанцию, затем приблизился и начал их нагонять. Она несколько раз запрашивала корабль по коммуникатору, но не получила ответа.

— Как насчет вжжик-тяги? — спросил он.

— Все готово!

— Отлично. Но пока подождем. — Он не хотел демонстрировать вжжик-тягу в этих местах, если можно было обойтись без нее. — Попробуй еще раз связаться с ними. Может, на другой частоте.

— Он пока еще не включал форсаж. Весьма вероятно, именно медленное продвижение «Удачи» в пространстве и привлекло к ней внимание этого странного корабля; его экипаж, кто бы они там ни были, наверное, решил, что впереди легкая добыча. Если капитан сейчас врубит форсаж и чужой корабль последует за ними, это может обернуться длительной погоней... А длительная погоня может окончательно угробить его двигатели.

— А если они не ускорят ход, эта штука может подойти на выстрел через пять минут.

— Капитан!

Он обернулся. Гот указывала на экран коммуникатора.

— Кажется, я их поймала!

Он смотрел, вперившись глазами в экран, пока она медленно увеличивала четкость изображения двумя верньерами. Из динамика раздался громкий взрыв карканья и свиста. Потом на экране на секунду-другую возникло изображение.

Волосы у капитана не то чтобы встали дыбом, но явно сделали такую попытку. Экран осветился мрачным зеленым светом, и по нему задвигались длинные серые тени. Потом внезапно возникло лицо, обращенное прямо к ним. Красные глаза расширились. Секунду спустя экран очистился, и карканье в коммуникаторе пропало.

— Он увидел нас и отключил связь! — сказала Гот. Губы ее скривились в гримасе отвращения.

Капитан прочистил горло.

— Знаешь, кто это такие?

Она кивнула.

— Кажется, да.

— Они... э-э-э... недружественно настроены?

— Если поймают — съедят, — сказала Гот. — Это каннибалы с Метай ра.

Звучало это не менее неприятно, чем возникшая на экране физиономия одного из преследователей. Капитан с бьющимся сердцем лихорадочно обдумывал ситуацию, не сводя глаз с уродливого

изображения на заднем экране. Корабль преследователей был теперь гораздо ближе. Видимо, они прибавили скорости.

— Посмотрим, может, получиться их отпугнуть, — сказал капитан. — Если не удастся, тогда лучше воспользоваться вжжик-тягой.

Гот согласно кивнула. Капитан повернулся, сел за пульт управления, врубил форсаж и резко бросил корабль вверх. Рев двигателей перешел в истошный вой. Рука скользнула к кнопкам управления орудийными башнями. Изображение вражеского корабля промелькнуло на верхних экранах и возникло на передних, сместилось вправо, затем четко установилось в центре, прямо по курсу. И начало приближаться. Орудийные башни закончили подъем и со щелчком встали в боевое положение. Загорелся маленький экран наводки на цель; перекрестье прицела, погуляв из стороны в сторону, замерло на ползущем уродливом «жуке».

Капитан включил систему ручного управления огнем. Кораблю противника еще предстояло пройти немалое расстояние, прежде чем он окажется на расстоянии выстрела от «Удачи»; впрочем, капитан не собирался подпускать его так близко. Он всегда показывал неплохие ре-

зультаты на тренировочных стрельбах во время своих дежурных полетов на истребителе в составе охраны Никкелдепейна, однако каннибалы Мегайра могли оказаться гораздо более опытными в подобных «играх». Возможно, впрочем, что ему удастся отогнать их, просто блефуя. Он увеличил скорость «Удачи» до максимума, отметил про себя неровную работу двигателей, положил палец на кнопку и нажал.

Пушки «Нова» сработали одновременно. Снаряды понеслись прямо на приближающийся корабль и взорвались с небольшим недолетом. Синяя вспышка осветила космическое пространство.

Это было впечатляющее зрелище. Но мегайрский корабль продолжал приближаться. Капитана охватил азарт. Он отсчитал тридцать секунд и вновь нажал кнопку. И снова синяя молния с грохотом взрезала тьму, но «жук» продолжал ползти. Внезапно ответный огонь вспыхнул впереди красно-черными взрывами.

— А-а-а-ах! — выдохнул капитан, вытянув шею и не отрывая глаз от перекрестья прицела. — Какие странные взрывы!..

Вот в чем дело! Они уже вошли в зону поражения!

Он включил автоматическое управление огнем, проверил прицел и подправил курс «Удачи», чтобы она неслась точно вперед. Красно-черные вспышки стали возникать все ближе...

И — исчезли.

До капитана донеслось нечто весьма похожее на завывания дикого кота в джунглях. Маленький твердый кулачок Гот дубасил его по плечу.

— Драпают! — вопила она в восторге.

Капитан выключил пушки. Ходовые экраны были пусты. Гот указала ему на другой экран: далеко под ними, описывая крутую спираль и проваливаясь во тьму, виднелся корабль каннибалов Мегайра, удирающий явно на такой скорости, что его болтало из стороны в сторону...

По мере приближения к Ульдуне детекторы «Удачи» все чаще стали засекать другие корабли. Но те, по-видимому, были заняты собственными делами и предпочитали обходить стороной неизвестный звездолет. Ни один не подошел достаточно близко, чтобы появиться на экранах.

В полусутках пути от бывшей пиратской планеты коммуникаторы «Удачи» поймали четкий сигнал — Ульдуна обращалась ко всем кораблям, заходящим в этот район космического пространства.

Им предлагалось войти в радиоконтакт с внепланетной посадочной станцией. Власти Ульдуны намеревались сделать все от них зависящее, чтобы визит гостей был как можно более приятным и выгодным. Более подробная информация была обещана после установления прямой связи с посадочной станцией.

Это было самое сердечное приветствие, какое капитан когда-либо получал, приближаясь к чужой планете. Они тут же переключились на указанную частоту, им пожелали мягкой посадки на Ульдуну и тотчас же начали деловые переговоры. Не прошло и часа, как Ульдуне стало известно, что от нее нужно «Удаче» и что она сама может ей предложить. Капитану моментально представили целый список квалифицированных ремонтных фирм, организовали встречу со специалистами и налоговыми инспекторами, каковые должны были произвести оценку груза и назначить цены, предложили пообщаться с представителем «Банка Даала», который поможет им решить, что следует предпринять, дабы выполнить максимум поставленных задач.

Пиратская планета оказалась весьма гостеприимной и была готова во всем помочь своим клиентам. Очевидно также, что она не намерена

рисковать. Гости планеты должны либо оставить корабли у причалов внепланетных посадочных станций, а потом перегружать товары на челночные корабли для доставки в космопорт, либо позволить местным властям опломбировать свое боевое снаряжение и вооружение на весь период пребывания корабля на Ульдуне. Краткая, но весьма эффективная санитарная инспекция внутренних помещений корабля и его грузов также производилась на посадочной станции. Вскоре лоцманский катер отвел корабль в космопорт, где капитана и Гот уже ждали специалисты.

Глава четвертая

Поздно вечером капитан Арон с весьма отдаленной планеты Мульм и ею юная племянница Дани разместились в арендованном ими доме, расположенном в старом квартале портового города Зергандола. Прошедший день оказался чрезвычайно утомительным, но принес весьма неплохие результаты. Большая часть дел уже сдвинулась с места.

Гот, которая в последние полчаса прилагала заметные усилия, чтобы не уснуть, пробормотала «спокойной ночи» и исчезла за дверью своей спальни на третьем этаже. Капитан тоже чувствовал себя совершенно вымотанным, по мозг все еще тасовал события минувшего дня, и вряд ли в ближайшее время ему удалось бы спокойно уснуть. Он сварил себе кофе на кухне, поднялся на четвертый этаж и вышел на темный узкий балкон, охватывавший дом со всех сторон. Там он уселся, попивая кофе и любуясь раскинувшимся внизу городом.

Зергандол, насколько можно было судить, оказался довольно запущенным городом, хотя были здесь и чистые современные кварталы. Дом, ко-

торый они сняли, выглядел как давно засохший слоеный торт: четыре круглые секции по две комнаты в каждой, поставленные одна на другую и соединенные узкой винтовой лестницей. Здание серьезно обветшало, однако арендная плата показалась низкой, а капитан еще не был вполне уверен, каковы будут его финансовые возможности на тот момент, когда они закончат свои дела на Ульдуне — или Ульдуна закончит свои дела с ними. Дом располагался очень удобно — всего в миле от космопорта и верфей фирмы «Суннат, Базим и Филиш», где в течение нескольких последующих недель должна была переоснащаться «Удача».

Налоговый инспектор, который явился на корабль сразу после обретения ими новых имен, как будто не верил собственным глазам, обследуя груз «Удачи».

— Желе из ягод винтерберри да еще и ликер «Лепти»? — переспросил он изумленно, когда капитан назвал ему первые два вида товаров загруженных в трюм на Карресе. — Неужели настоящие?

Капитан глянул на Гот. Та кивнула.

— Конечно, настоящие, — ответил он.

— Очень странно! — заинтересованно заявил

инспектор. — И в каком количестве?

Капитан сообщил. Чиновник был потрясен.

— Что-нибудь не так? — осведомился капитан.

Инспектор замотал головой, прокашлялся и поспешил заверить его в обратном:

— О, нет-нет! — Он снова прокашлялся. — А вы уверены... Ну, конечно, вы должны быть уверены! — Он что-то пометил у себя в регистрационной книге и снова прокашлялся. — Вот тут... вы указали, что у вас на борту меха для продажи?..

— Да, — подтвердил капитан. — Товар высшего качества!

— Сто двадцать пять тоццами! — с удовольствием заметила Гот. — И пятьдесят золотохвостых лелаунделей — все взрослые особи!

Инспектор глянул на нее, потом на капитана.

— Это так, сэр? — У него уже не было сил удивляться.

Капитан подтвердил, хотя абсолютно не представлял, о чем идет речь.

— Я, правда, не уверен, что вы когда-либо слыхали об эссенциях «келл-пик», — осторожно заметил капитан. — Это парфюмерия...

Инспектор вымученно улыбнулся.

— Ну как же, сэр, слышал! Однако за все двадцать три года моей профессиональной дея-

тельности, капитан Арон, у меня не было случая оценивать подобные грузы в таком количестве. Не знаю, как вам это удалось, но... примите мои поздравления!

Он покинул корабль, взяв с собой образцы товаров, чтобы получить подтверждение касательно их качества и оценочной стоимости. Капитан и Гот пошли пообедать в одном из ресторанов космопорта.

— С чего это он так разволновался? — осведомился капитан, весьма заинтригованный поведением инспектора.

Гот пожала плечами:

— Он, наверное, думает, что мы их украли.

— Почему?

— А купить их почти невозможно.

За едой она объяснила ему, в чем дело. Тоццами и лелаундели являлись эндемиками Карреса, представляя его горную фауну. Очень немногие в галактике знали, откуда берется столь красивый и дорогой мех. Время от времени, когда жителям были нужны деньги, они потихоньку распродавали партию таких мехов через тайных агентов.

С другими видами грузов дело обстояло несколько иначе, но результат был тот же самый. Ряд важных ингредиентов ликера, ягодного желе

и эссенции произрастал лишь на трех небольших и весьма удаленных друг от друга планетах Империи и добывался в таких ограниченных количествах, что готовые продукты крайне редко появлялись на рынке. А ведьмы не собирались хвастаться тем, что сумели разработать методы выращивания необходимых составляющих ликера и желе на Карресе. По всей видимости, и здесь не обошлось без клатхи...

— Стало быть, наш груз может стоить гораздо больше, чем мы полагали? — с надеждой спросил капитан.

— Вполне возможно, — согласилась Гот.

Цену они узнали во время своей следующей встречи — на сей раз с высокопоставленным представителем «Банка Даала». Этот джентльмен уже получил доклад налогового инспектора и открыл счет на имя капитана Арона с планеты Мульм. Они обсудили планы всех предстоящих им на Ульдуне торговых операций, определили размер всех налогов, выплат и сборов, прибавили к ним некоторую сумму в покрытие общих расходов, связанных с оформлением «Удачи» в качестве торгового корабля (переименованного в «Ночную птицу» под командованием гражданина планеты Мульм) и вычли итог из ожидаемой при-

были с учетом обычных для Ульдуны страховых сумм в размере сорока процентов от оценочной стоимости товара. Разумеется, реальные поступления могли превысить оценочную стоимость. Но в любом случае, у них должно было остаться где-то около полумиллиона имперских маэлей, и они теперь имели право брать в Банке любые кредиты в пределах этой суммы.

Капитан рассчитывал сразу возместить убытки советнику Онсвуду, а затем потратить сто пятьдесят тысяч на переоборудование «Удачи».

...Глаза капитана скользнули по небосклону. На западе, низко над горизонтом, висело уже ставшее для Посерта привычным пурпурное сияние Моря Огня. Несколько минут он смотрел на него — в нем, казалось, чувствовался некий вызов, некая холодная угроза, и что-то у капитана в душе отвечало на этот вызов...

Недалеко от Моря Огня находился Чаладур. Еще одно название из древней истории, из легенд и старинных преданий, вызывающее мрачные ассоциации... Чаладур — это огромная зона, начинавшаяся в двух световых днях пути от Ульдуны и имевшая весьма скверную репутацию. Немногие корабли осмеливались летать в этом направлении, хотя всего в полумесяце пути от

Ульдуны, по ту сторону Чаладура, существовало несколько процветающих миров, открытых для выгодной торговли. До них, конечно, можно было добраться и кружным путем, в обход Чаладура, но такой полет занимал добрую часть года. С другой стороны, полет напрямую был связан с целой чередой навигационных препятствий, почти непреодолимых для обычного корабля и отвращавших всех, кроме самых стойких и упорных.

Различные мерзавцы, вроде банды мегайрских разбойников, преследовавших «Удачу» на пути к Ульдуне, встречались здесь повсеместно. Действовали в этих краях и другие, разрушительные и зачастую смертельно опасные силы, понять и объяснить которые было никому не под силу. Даже универсальное субрадио в этом секторе космического пространства отказывалось работать.

И несмотря на все это, существовал постоянный спрос на коммерческие рейсы сквозь Чаладур. Время, сэкономленное таким образом, оправдывало любой риск. И сквозные полеты отнюдь не были так уж невозможны. Некоторые маршруты считались даже относительно безопасными. Маленький, быстроходный и хорошо вооруженный корабль имел неплохие шансы успешно пройти весь Чаладур насквозь, а два-три таких рейса

могли принести владельцу корабля столько же, сколько несколько лет обычной торговли.

Еще более важным Посерту и Гот представлялось то, что корабли с Карреса, хотя и избегали посещения некоторых районов Чаладура, легко пересекали его в любых направлениях, если он попадался им на пути. Правда, даже им требовалось поддерживать в таких случаях постоянную боевую готовность. Но в случае необходимости вжжик-тяга тотчас же уносила их прочь от любой встреченной на пути опасности...

А значит, модернизированная и обновленная «Удача» тоже может пуститься в такой полет!

Капитан поудобнее уселся в кресле, сонными глазами глядя на огоньки космопорта, который казался единственным местом в Зергандоле, где еще не спали. Впоследствии он так и не мог припомнить, когда погрузился в сон, смешанный с явью, размытый и неясный.

Сперва он испытывал лишь сладостное чувство покоя, затем каким-то неощутимым образом в сон прокрались странное беспокойство и мрачные смутные предчувствия, которые то становились сильнее, то почти исчезали. Позднее он не мог вспомнить ничего более определенного, но ему показалось, что в таком состоянии он находился

довольно долго.

Потом неясные и смутные видения сделались более отчетливыми, обрели конкретную форму и стали излучать явную опасность. Он хорошо запомнил размытое желтое сияние, которое сперва возникло где-то в отдалении, а потом стало приближаться и превратилось в туман желтого цвета, упорно подбиравшийся к нему и издававший какое-то гудение.

Капитана охватил страх. Он не понимал его причин, пока не догадался, что внутри тумана не пустота! В нем виднелись яркие вспышки огня, странные отблески, словно там перемещались сгустки энергии, — нечто вроде связанных цепочек, где в местах пересечений связующих нитей виднелись некие загадочные тела. Казалось, они также были сотканы из света: в желтом мареве туманного облака виднелись их неяркие огнистые силуэты, похожие на жирных, медленно извивавшихся червей — не только живых, но и способных все отлично воспринимать и чувствовать, к тому же находившихся в состоянии сильного возбуждения. И еще ему показалось, что эти «черви» каким-то образом управляют сияющим облаком тумана и энергетическими нитями в нем.

Страшнее всего было то, что таинственное облако неуклонно двигалось по направлению к нему. И, если не принять мер, готово было его поглотить.

И он принял меры. Хотя и сам не очень-то понял, какие именно. Но внезапно оказался совсем в другом месте — в полнейшем мраке и ледяном холоде. Сияющий туман и его обитатели исчезли. Капитан обнаружил, что его бьет дрожь, а по лицу, несмотря на окружающий холод, ручьем льется пот. Лишь через несколько секунд он осознал, что по-прежнему сидит на балконе старого дома в городе Зергандол.

Стояла абсолютная тишь. Она окутывала темные здания старой части города; а слева, низко над горизонтом, виднелся красноватый и какой-то распухший диск луны. Зергандол показался капитану похожим на город мертвых.

Промерзнув до костей в холодном ночном воздухе и весь дрожа, он огляделся по сторонам. Потом посмотрел вверх.

Два узких шпиля темнели на фоне ночного неба. А над ними, мрачно оттеняя их концы, висело чуть желтоватое марево, тонкая, почти бесцветная пленка, легкое сияние, как бы размазанное на фоне звезд, блиставших сквозь него.

Чем больше капитан смотрел на него, тем сильнее оно расплывалось, становясь все тоньше и светлее. Но оно напомнило Посерту то живое облако из сна, и сердце капитана вновь тревожно забилось.

Сияние наконец совсем растворилось и исчезло вдали. От него не осталось и следа. Все еще размышляя о том, что бы это могло быть, капитан услышал внизу, на улице, какие-то голоса.

Двое или трое человек быстро и негромко переговаривались прямо под балконом. Говорили они на языке Ульдуны, так что капитан ничего не понял. Он с трудом встал, подошел к ограде балкона и всмотрелся вниз. На улице он заметил автомобиль, а возле него — две темные человеческие фигуры. Через некоторое время отчаянно жестикулировавшие спорщики смолкли и забрались в машину. Неярко вспыхнули фары, и машина медленно поехала по улице. Капитан успел различить какую-то надпись на ее борту, а может, узор из прямоугольников — опознавательный знак полиции даала.

Понемногу начинали загораться огни. Но пока что город оставался сонным и тихим. Может быть, вдруг подумал капитан, это загадочный пират Агандар пытался напасть на Зергандол? И

эту попытку удалось отразить? Но если в городе была поднята тревога и введено затемнение, то он благополучно проспал все сигналы. Гот, видимо, тоже.

Он никогда не слыхал об оружии, с помощью которого можно обесцветить столь значительную часть ночного неба. Все это выглядело очень странно... Мысли его путались, он чувствовал себя совершенно измученным, усталым, как собака и, тщательно заперев за собой дверь, прошел в дом, отыскал свою спальню и вскоре погрузился в сон.

Он ничего не сказал Гот о ночном происшествии. Хотя проснулся он поздно, и у них осталось время лишь на то, чтобы быстро позавтракать и сразу мчаться на свидание с Суннат, Базимом и Филишем. Совладельцы фирмы ни словом не обмолвились о чем-либо необычном, как, впрочем, и все остальные из множества встреченных ими за долгий и весьма насыщенный день. И капитан совсем уже было уверился, что все это ему просто приснилось.

А через несколько дней, занятый переоборудованием «Удачи» и другими делами и планами, он совершенно забыл об этом случае. Прошло около месяца, когда ему пришлось снова вспомнить о

нем. Толчком послужил случайно подслушанный разговор между Веццарном, старым космическим волком с Ульдуны, которого они наняли в качестве казначея и бухгалтера, и одним его старинным приятелем, зашедшим к нему поболтать. Говорили они о чем-то загадочном, что называлось то ли Червивая Погода, то ли Червивая Гроза.

А между тем дела неплохо продвигались, работы по переоснащению «Удачи» шли по графику, и капитан не мог пожаловаться на вполне квалифицированных кораблестроителей. То Базим, то Филиш постоянно находились на верфи, вникая во все детали. Это были честные трудяги, люди еще не старые. Базим — огромный, тяжелый, вечно потный; Филиш, наоборот, — тощий, потасканный и словно высушенный. Казалось, нет такого вопроса, которой был им незнаком в области строительства и оснащения космических кораблей. Суннат, третий партнер-совладелец фирмы, была женщиной. Поразительно красивая, высокая, рыжеволосая; видимо, именно она заправляла здесь всеми делами. Она вряд ли была старше Посерта, однако у него сложилось впечатление, что и Базим, и Филиш ее серьезно побаивались.

Его собственное отношение к Суннат было смешанным. В ходе первых встреч с ним она держалась вежливо и заинтересованно, понимая, что этот заказ должен принести фирме значительную прибыль, однако выглядела несколько надменной и отчужденно-холодной. Она вообще редко улыбалась, а ее серо-зеленые глаза, казалось, были готовы вспыхнуть гневным огнем — причем, по неизвестной причине. Она предоставила Базиму и Филишу договариваться обо всех практических аспектах, а за собой оставила решение финансовых вопросов.

Но потом вдруг она совершенно переменилась, по крайней мере, по отношению к капитану. День ото дня Суннат становилась все любезнее и, стоило ему появиться на верфи или в офисе фирмы, оказывалась рядом — улыбающаяся, разговорчивая, обходительная.

Сначала это льстило самолюбию Посерта. Красота Суннат, ее прелестная фигура и бархатистая кожа возбуждающе действовали на любого мужчину, и капитан вовсе не был в этом отношении исключением. Выходя на улицу, Суннат с головы до ног куталась в серый плащ, но под плащом каждый день был новый соблазнительный наряд, подчеркивавший ее прелести — скульптурно

вылепленные плечи и спину, плоский, тренированный живот или изящные изгибы бедер. Духи и прически она меняла столь же часто, как одежду. В итоге капитану стало казаться, что она его просто преследует; интенсивность ее чарующего внимания все нарастала, и это начало действовать Посерту на нервы. Иногда он почти терял голову. Особенно когда Суннат невзначай клала ему руку на плечо во время разговора или якобы случайно задевала ею, взбираясь на леса, воздвигнутые вокруг «Удачи».

Однако была в этом какая-то фальшь. И кроме того, когда поблизости появлялась Гот, капитан чувствовал, что Суннат вся как бы внутренне замирает. Она всегда разговаривала с Гот мягко и вежливо, и Гот отвечала ей тем же, как и должна была вести себя хорошо воспитанная девочка, что, впрочем, было ей совершенно несвойственно. Их голоса сливались в нежный дуэт. Но за этой дивной музыкой капитан улавливал нечто вроде приближающейся грозы или жуткого ора дерущихся диких кошек.

В конце концов это стало ему надоедать. К тому же он чувствовал, что ему становятся неприятны встречи с Суннат, и старался избегать их по мере возможности. Заметив, как она в своем сером

плаще изящной и решительной походкой направляется через площадь к его офису, он чаще всего просто тихонько выскальзывал через заднюю дверь, предупредив Веццарна.

Веццарн уже лет двадцать назад перевалил через средний, допустимый для космонавта возраст, но по-прежнему оставался жилистым и подвижным. Он был небольшого роста, с острыми, все подмечавшими серыми глазками, всегда жизнерадостный, вежливый и отлично управляющийся с цифрами. Помимо всего прочего, он имел в своем активе шесть рейсов сквозь Чаладур и был не прочь совершить еще несколько — при обычных, хотя и весьма значительных, наградных за риск и при наличии, как он выразился, «подходящего корабля и подходящего капитана».

В тот день, когда капитан впервые вспомнил свой сон, который приснился ему в первую ночь в Зергандоле, к ним в офис забрел некто Тобул, желавший просто поболтать с Веццарном. Тобул был коммивояжер и ездил по всей Ульдуне. В юные годы он, как и Веццарн, немало скитался по космосу, так что оба бывших космонавта в беседах друг с другом предпочитали ульдунскому языку имперский универсальный. И капитан порой улавливал обрывки их разговора.

Он не обращал на беседу особого внимания, пока не услышал, как Тобул спрашивает, безопасно ли здесь говорить о Червивой Грозе.

Удивившись, капитан поднял глаза от своих бумаг.

— Достаточно безопасно, — отвечал Веццарн. — Ее уже с месяц как не было. А ты что, попадал в Червивую Погоду?

— Чаще, чем хотелось бы! Был тут недавно совершенно жуткий случай... — И он назвал какую-то местность Ульдуны, которая была капитану неизвестна. — Заявился я туда, а куда ни сунешься, всюду люди валяются в приступе и визжат! Ну я и не стал там задерживаться.

— Немудрено!

— А тем же вечером, как я оттуда убрался, гляжу: небо опять желтеет. Ох, я и дунул оттуда!.. Их, бедняг, наверное, снова здорово припекло... Может, даже хуже, чем в предыдущую ночь! Вы тут, небось, ничего об этом и не слышали?

— Нет. — Возникла пауза.

Капитан по-прежнему внимательно прислушивался. Небо пожелтело? И он внезапно во всех подробностях вспомнил то зловещее сияние, сперва приближавшееся к нему, а потом растаявшее и превратившееся в желтоватую пелену над

Зергандолом...

— Она вроде как продвигается все дальше на запад и на юг, — услышал он голос Веццарна. — Лет десять назад никто и не думал, что она доберется до Ульдуны.

— Ну, теперь-то она захватила все пространство вокруг планеты! — уверенно заявил Тобул. — И держалась дольше обычного. А если...

Дальше капитан не слышал. Случайно выглянув в окно, он заметил Суннат, направлявшуюся в их сторону. Секунду он колебался, пока не удостоверился, что она идет к ним.

Капитан схватил свою фуражку и на секунду задержался в крохотном кабинетике Веццарна.

— Я ухожу, — сказал он. — Скорее всего, часа на два, но возможно, не вернусь до вечера.

— Есть, капитан! — понимающе отвечал Веццарн.

Очутившись на улице, капитан и в самом деле припомнил, что у него есть ряд дел в городе, которыми вполне можно заняться. Так что в офис он действительно вернулся уже ближе к вечеру. Тобул ушел, Суннат не было видно. Зато появилась Гот, которую Веццарн развлекал, рассказывая в темноте страшные истории о своих похождениях в Чаладуре и других местах. Он был отличным

рассказчиком и, видимо, не слишком привирал, так что Гот, которая, несомненно, и сама могла наплести ему с три короба, возникни у нее такое желание, слушала его с удовольствием.

Капитан велел ему продолжать и сам сел послушать. Когда Веццарн добрался до конца своей истории, капитан спросил:

— Кстати, что это за штука — Червивая Гроза?

Гот и Веццарн быстро посмотрели на него. Веццарн, как видно, был поражен.

— Как-как? — переспросил он. — Я, кажется, не совсем понял, сэр... Она уже месяца два крутится вокруг Ульдуны, и это совершенно необычно для таких широт... Однако...

— Да нет, — перебил его капитан, — я вообще не знаю, что это.

Веццарн ошалело глянул на Гот, потом на капитана.

— Вы это серьезно? Да, далековато забрались вы от дома! — воскликнул он и спохватился: — Извините, сэр, я не хотел... Извините, маленькая леди! Откуда вы прилетели, меня, дурака, совершенно не интересует, честно!.. Но неужели вы никогда не слыхали про Червивую Погоду? И про Грозу? Неужели вы не знаете о нури? И о Манарете. Мире Червей? И о Моандере, Вещающем На

Тысяче Языков?

— Я ничего об этом не знаю, — признался капитан. Гот, вероятно, знала, но помалкивала.

— М-да! — Веццарн поскреб остатки седых волос на черепе, и лицо его скривилось. — Ну, ладно... — Он встал из-за стола, подошел к окну и выглянул наружу. Потом осмотрел ясное вечернее небо и сел на подоконник. — Я, вообще-то, не слишком суеверен, — сказал он, — но если вы не возражаете, я посижу здесь, чтобы видеть, что делается снаружи, пока я вам про это рассказываю. Вы сами потом поймете, почему...

Итак, где же он находится, этот Червивый Мир, этот ужасный Манарет? Этого не знал никто. Одни полагали, что он прячется где-то в центре Чаладура, в Море Огня. Другие верили, что он расположен далеко на галактическом Востоке и его никогда не достигал ни один исследовательский корабль, а если и достиг, то был тотчас же уничтожен, не успев послать весть о своем ужасном открытии. Кое-кто был уверен, что он скрывается в толстом слое концентрированного ядовитого газа. Любая из этих догадок могла оказаться правдой, поскольку почти все, что было известно о Манарете, ограничивалось его видом изнутри, напоминающим бесконечный тоннель.

Веццарн больше склонялся к тому, что его можно обнаружить — если кто-то, конечно, осмелится полететь на его поиски — далеко от Ульдуны, среди звезд галактического Востока. Год за годом, десятилетие за десятилетием, с тех пор, как цивилизованное человечество начало осваивать дальние миры, чума Червивой Погоды продвигалась все дальше на запад, грозной опасностью нависая над освоенными планетами.

Так что же такое Червивая Гроза? Это, согласно пояснениям Веццарна, был флот нури, их огненные сферические корабли! Их неоднократно видели в сетях-паутинах горящего желтым огнем тумана, что бросает желтоватый отсвет на верхние слои атмосферы той планеты, которой достигли нури. Веццарн и сам встречался с Червивой Грозой в глубоком космосе — и выжил, чтобы рассказать о ней. Это случилось в двух световых месяцах пути на восток от Ульдуны. Там, в пространстве, желтые облака перемещались так же быстро, как самые скоростные корабли.

— Мы собственными глазами видели на экранах этих нури, жутких червей! — хрипло сказал Веццарн, скорчившись, словно гном, на подоконнике на фоне темнеющего неба. — А кто знает, может, и они нас видели! Да только мы разверну-

лись и рванули прочь. Они нас не преследовали. У нас на корабле были смелые ребята, но из двенадцати человек почти сразу трое сошли с ума...

Капитан ладонью вытер пот со лба и спросил:

— И что же им надо?

— Откуда я знаю... — Веццарн покачал головой. — По-моему, сюда идет Червивая Гроза! Впрочем, может, я и ошибаюсь. Может, это просто какие-то проблески огня? Может, ничего и не произойдет?.. — Он помолчал. — Но когда они насылают на тебя свои мысли — вот тут, сэр, может произойти все что угодно! Самое худшее!

Люди просыпаются с диким криком. Или бродят, боясь того, чему нет названия. Или видят великолепные и ужасные пещеры Манарета, и те как будто открываются перед ними при свете дня... Некоторые считают, что побывали там и каким-то образом сумели вернуться...

А может, даже и не мысли нури заполняют обитаемую человеком Вселенную, а мысли Моандера? Моандер — чудовище, божество, которое ползает, как змея, по поверхности Манарета и вещает на тысяче языков... Некоторые утверждают, что сами нури — это мысли Моандера, выплывающие с Манарета и дрейфующие в космическом пространстве...

В прежние времена, видимо, было еще хуже. Существуют старинные легенды о мирах, чье население было охвачено волной жуткой паники и такого разрушительного безумия, что позднее здесь находили лишь немногих сумасшедших, что все еще бродили по развалинам сожженных городов. А были, говорят, и такие миры, где сотни тысяч людей бесследно исчезали в одну ночь. Но все эти события происходили в эпоху Великих Восточных Войн, когда многие планеты погибли во всеразрушающих битвах между людьми. Какую роль во всем этом играл Манарет, никто сказать не мог.

— Одно несомненно, сэр, — завершил свой рассказ Веццарн. — Я вам все это поведал исключительно по вашей просьбе. Да вы и должны знать об этой опасности. А вообще-то не полагается слишком много говорить о Червивой Грозе и о том, что эта Погода из себя представляет. Даже много думать о ней опасно. Это давно известно. Там, где начинают обсуждать эти дела, она и появляется. Словно умеет улавливать мысли или подслушивать чужие разговоры. Куда безопаснее вообще не интересоваться этой дрянью. — Веццарн помолчал. — А теперь я пожелаю вам спокойной ночи, да и мне, старику, давно

пора ужинать, а потом и стаканчик на ночь пропустить. И вообще, что-то я сегодня слишком разболтался!

— А я и не знала, что эти проклятые черви сюда добрались, — задумчиво заметила Гот, когда они вышли из автомобиля, который доставил их домой.

— Стало быть, тебе и раньше было об этом известно? — сказал капитан. — Я так и думал. Мне надо кое-что тебе рассказать.

Гот кивнула и поднялась по винтовой лестнице в гостиную, а капитан понес на кухню продукты, купленные в торговом центре при космопорте. Входя в гостиную, он увидел мутную пелену на фоне дверного проема. Значит, Гот уже успела включить противоподслушивающее устройство. Капитан шагнул как бы сквозь пленку и увидел, что Гот греет руки у камина.

— Ну вот, — сказал капитан, — теперь можно и поговорить. Вещцарн все правильно рассказал?

— Да, почти все правильно. — кивнула Гот. — Только этот Мир Червей — и не мир вовсе. То есть не планета.

— Не планета? А что же?

— Корабль. Огромный космический корабль! Почти такого же размера, как Ульдуна или Кар-

рес... Но сперва лучше ты сам расскажи, что собирался.

— Ну... — капитан заколебался. — Когда Веццарн стал описывать этих нури... — И он рассказал о своем страшном сне и о том, что с ним произошло после пробуждения. — По всей видимости, в ту ночь над Зергандолом действительно пролетела Червивая Гроза, — заключил он

— Скорее всего. — Гот прикусила губу. Глаза ее задумчиво смотрели на капитана.

— У меня нет никаких собственных объяснений тому кошмару, — сказал капитан. — Только то, о чем рассказывал Веццарн.

— Это был не кошмар, капитан. Нури обладают чем-то вроде клатхи. И ты их увидел именно благодаря этому.

— Почему ты так считаешь? — удивился капитан.

— Нури всегда охотятся за ведьмами, — пожала плечами Гот.

— Охотятся? Но почему?

— На Карресе слишком много знают о Манарете... Есть и другие причины.

— Так значит, на Ульдуне тебе угрожает опасность? — встревожился Посерт.

— *Мне* ничего не угрожает, — сказала Гот. —

Это *тебе* угрожает опасность. И будет угрожать, если Червивая Гроза опять пролетит близко от Зергандола.

— Но...

— Дело в том, что ты способен управлять клатхой! И нури думают, что ты — колдун. Ладно, сейчас мы с этим разберемся.

Она подошла ближе, продолжая смотреть ему прямо в глаза, потом подняла палец на уровень его носа. Лицо у нее было серьезное, напряженное.

— Следи за пальцем!

Он послушался. Она изобразила в воздухе волнистую линию и замерла, резко ее оборвав.

— А теперь сделай так же, — сказала она. — Мысленно.

— Ты хочешь сказать, мысленно начертить такую же линию?

— Да.

Она терпеливо ждала, пока капитан в уме старался повторить ее движения.

— Готово! — удовлетворенно заявил он. Гот снова подняла палец:

— А теперь вот так...

И начертила в воздухе еще три знака, совершенно отличных друг от друга. Пытаясь мысленно их

повторить, капитан почувствовал, как ему стало жарко. На лбу выступил пот. С чего бы это, смутно подумалось ему. Когда он наконец сказал, что ему удалось воспроизвести все знаки, Гот, весьма довольная, кивнула.

— А теперь все вместе, капитан, один за другим. Так же, как я тебе показала, и как можно быстрее!

— Быстрее? — Капитан расстегнул воротничок. Он уже не просто вспотел, с него буквально текло. Да еще это ощущение растущего внутреннего жара... Ничего себе ведьминский трюк!.. Он, может, и отнесся бы к ее штучкам скептически, если бы не этот жар.

— Это что, способ против нури?

— Да. Это как бы особый замок. — Гот не улыбалась и совершенно не обращала внимания на измученный вид Посерта; ее тонкое смуглое личико было напряжено. — Скорее! Пока что-нибудь не забыл!

Капитан закрыл глаза и сосредоточился.

Знак первый — ну, это легко... Второй... Третий...

Мозг его на мгновение дрогнул в поисках продолжения... Внутренний жар поднялся новой волной. Пораженный, он вспомнил и четвертый

знак!

В мозгу точно вспыхнуло размазанное огненно-синее кольцо, повернулось, свернулось в сияющую огненную точку и исчезло. При этом в голове у него будто что-то захлопнулось с почти неслышным щелчком. Потом все успокоилось, улеглось. Жар исчез. Он перевел дыхание. И, потрясенный, открыл глаза.

Гот улыбалась:

— Я знала, что ты сумеешь!

— И что это я сумел?

— Ты создал прочный замок, охраняющий от воздействия нури! Тебе, правда, нужно еще немножко попрактиковаться. Но это уже легко. Как только нури появятся поблизости, сразу запирай свои мысли. Они и не узнают о твоем присутствии!

За обедом она подробнее рассказала ему о Мире Червей и его малоприятных обитателях. Манарет и ведьмы враждовали уже почти сто пятьдесят лет по карресскому времени. Негативное воздействие Мира Червей на цивилизации людей было куда более всеобъемлющим и тонким, чем мог предполагать, скажем, Веццарн, и отнюдь не ограничивалось рейдами нури по космическому пространству. Среди них имелись особенно мощ-

ные и зловредные особи, способные действовать на огромном расстоянии и приносить людям колоссальный вред и несчастья.

Телепаты Карреса решили определить источник этих многочисленных бед и выяснили кое-какие факты из жизни Манарета, о которых ранее никто и не подозревал. Они, например, узнали, что это вовсе не планета, а космический корабль неслыханных размеров, явившийся сюда из чуждой человечеству Вселенной другого измерения. Несколько столетий назад в результате чудовищного катаклизма гигантский корабль проник в наш мир. В итоге на его борту произошел мятеж, которым руководил Моандер, тот самый, «Вещающий На Тысяче Языков». Моандер, как узнали ведьмы, на самом деле являлся гигантским электронным мозгом, захватившим контроль над кораблем и заставившим расу, которая, собственно, и построила Манарет, отступить в дальние, хорошо защищенные внутренние отсеки звездолета, где сторонники Моандера не могли до них добраться.

Телепаты Карреса связались с этим народом, называвшим себя «лирд-харьер», и получили от него всю необходимую информацию, но не обещание помощи против Моандера. Моандер же

продолжал оставаться вместе со своим кораблем в этой Вселенной, явно намереваясь захватить власть над всеми здешними цивилизациями. Нури, из-за, безобразной внешности которых Манарет и стал называться Миром Червей, были, так сказать, служебной расой, техническим персоналом, который во время мятежа переметнулся на сторону Моандера.

— А потом, — сообщила Гот, — Моандер узнал, что Каррес за ним шпионит, и нури устроили охоту на ведьм...

Видимо, это открытие и помешало Моандеру быстро осуществить свои захватнические планы. Чудовищный маньяк, одержимый к тому же манией величия, решил сперва найти и уничтожить Каррес, чтобы получить полную свободу действий. Ведьмы же в то время еще не имели реальной защиты от нури и не были знакомы с их способами нападения. Так что лет восемьдесят тому назад им пришлось переместить свою планету в отдаленные области, к западным границам Империи. Нури были опасным противником не только благодаря своему устрашающему виду. У них имелось также некое оружие неизвестного типа, способное почти мгновенно уничтожить жизнь на любой планете. Ведьмам предстояло

еще во многом разобраться и проделать огромную работу, прежде чем решиться на прямую конфронтацию с нури.

— Они, конечно, уже успели очень неплохо подготовиться, — сказала Гот. — Манарет и без того принес много бед, а теперь положение становится хуже с каждым днем.

— В каком смысле? — Капитана очень заинтересовала вся эта история.

Оказывается, в последнее время Мир Червей разработал новую тактику нападения, превращая кое-кого из людей с помощью полной промывки мозгов в свое бездумное орудие. Многие подозревали, что даже правящий ныне император и другие лица, входящие в его Высший Совет, находятся под непосредственным влиянием телепатов из окружения Моандера.

— В этом одна из причин, по которой мы никак не можем установить с Империей нормальных отношений, — отметила Гот, — видимо, император получил указание найти способ уничтожения планеты Каррес.

— Ты думаешь, твой народ вновь переместил Каррес из-за Манарета? — задумчиво спросил Посерт.

— Необязательно, — пожала плечами Гот. — По-

литику Империи понять трудно. Но мы помогаем императрице Хайли — она лучшая из всех.

Капитан вновь задумался.

— А на Карресе известно, где находится Мир Червей? Вот Веццарн считает...

— Это уже вопрос стратегии, капитан.

— Не понял?

— Ну, если кто-то на Карресе это и знает, то другим об этом не скажет. Что если нас с тобой, например, поймают нури?

— Понятно, — согласно покивал головой капитан.

Было похоже, что ведьмы Карреса активно участвовали в самых различных политических интригах и на самых различных уровнях. Но ни Гот, ни капитан об этом не ведали.

Их собственные дела на Ульдуне продолжали идти вполне удовлетворительно. Они уже опубликовали объявление: «По завершении переоборудования, проводимого фирмой «Суннат, Базим и Филиш», модернизированный торговый корабль «Ночная птица» под управлением капитана Арона с Мульма отправится в прямой полет сквозь Чаладур к независимой планете Эмрис. Предполагаемая длительность полета — шестнадцать дней. Заказ на пассажирские билеты и

перевозку груза можно сделать немедленно; цена включает в себя стандартную премию за риск; стоимость билетов и провозки грузов оплачивается сразу по оформлении заказа и возврату не подлежит».

Принимая во внимание все опасности предстоящего полета, отклик на объявление был просто поразительный. По всей видимости, в настоящее время больше никто на Ульдуне не предлагал подобных рискованных предприятий. Правда, записалось в рейс всего три пассажира, хотя бывший кубрик «Удачи» был полностью переделан в шесть комфортабельных отдельных кают-люкс, столовую и кают-компанию. Однако через неделю капитан был вынужден прекратить принимать заказы на перевозку грузов: сперва нужно было определить, останется ли место в грузовых отсеках после того, как они распихают уже оплаченные к перевозке товары.

Итак, они вошли в бизнес. И чудовищно высокие цены с учетом риска весьма способствовали крупной игре.

Среди будущих пассажиров была одна женщина — прелестная темноглазая красотка, назвавшая себя Гулик до Эдель. Она желала как можно скорее попасть на Эмрис, однако причин своей

спешки не объяснила, заявив, что полностью уверена в капитане Ароне, его юной помощнице и в том, что ее благополучно доставят до места. Вторым пассажиром был толстый и суетливый финансист по имени Камбин, которого прошибал пот при малейшем упоминании о Чаладуре. Однако у него алчно загорались глазки, стоило ему заговорить о целом состоянии, которое он должен заработать (незаконным образом, разумеется), если попадет по некоему адресу на Эмрисе не позднее, чем через восемь недель. Последним в списке был некто по имени Лаэс Янго, бизнесмен, крупный широкоплечий мужчина с суровым и непреклонным выражением лица. Он был на голову выше капитана и отличался замкнутостью. Бизнесмен погрузил на борт несколько ящиков с чрезвычайно ценным гиперэлектронным оборудованием; на Эмрисе у него была пересадка, и дорогостоящее оборудование следовало везти дальше, на некую планету, до которой от Эмриса было еще несколько недель пути. Капитан решил, что с Янго на борту проблем не будет. Относительно двоих других он пребывал в сомнении.

У капитана было еще немало проблем, связанных с Ульдуной, но все это были вопросы бизнеса, поддающиеся решению. Суннат, видно,

поняла, что стала надоедать капитану своей назойливостью, и теперь вела себя более разумно. Она по-прежнему была вежлива и мила с ним, а он искренне надеялся, что никоим образом не обидел рыжеволосую красавицу.

Глава пятая

Седмон Шестой, даал Ульдуны, был худым темноволосым мужчиной, довольно высоким (по ульдунским стандартам), с заостренной полисьи физиономией и умными задумчивыми глазами. Как утверждали, он не слишком любил развлечений. Тем не менее он всегда находил время, чтобы дать аудиенцию Гулик до Эдель, если она об этом просила. Гулик была прелестной женщиной, которая, хоть и родилась на Ульдуне, большую часть жизни провела в Империи. Она уже несколько лет служила тайным агентом в имперской разведке. И столько же времени была знакома с даалом. Иногда они работали вместе, иногда соперничали, добиваясь противоположных целей, однако в любой ситуации считали полезным обмениваться информацией — в разумных пределах, конечно.

Гулик в то утро явилась в Дом Грома рано; древний величественный замок даалов был расположен в горах, к югу от Зергандола. Седмон ждал ее в своих личных покоях на верхнем этаже замка.

— Мне хотелось бы знать, — начала Гулик,

которая любила сразу брать быка за рога, — существует ли на самом деле та космическая супер-тяга, созданная ведьмами Карреса, о которой ходит столько слухов?

— У меня нет тому доказательств, — признался даал. — Но я не слишком удивлюсь, если она действительно существует.

— А если это так, то насколько вы заинтересованы в том, чтобы заполучить ее?

Седмон пожал плечами.

— Ну, не настолько, чтобы предпринять шаги, способные вызвать враждебную реакцию Карреса.

— Или Империи?

— Это будет зависеть от обстоятельств, — осторожно сказал даал. — Я мог бы даже рискнуть. И пойти на обострение отношений с Империей.

Гулик с минуту молчала.

— Империя, — сказала она затем, — очень хочет иметь эту тягу. И ее совершенно не заботит, вызовет ли это враждебную реакцию Карреса или нет.

Седмон снова пожал плечами.

— Каждый действует так, как полагает нужным, — сухо произнес он.

— Согласна, — улыбнулась Гулик. — Давайте

теперь по порядку... Во-первых, этот корабль, которым мы оба заинтересовались еще несколько недель назад. Как вы считаете, он оснащен чудо-тягой?

Даал нервно передернул плечами.

— Я склонен думать, что это так, — признался он. — Что вы намерены по этому поводу предпринять?

— Либо заполучить тягу сама, либо следить за кораблем, наведя на него других агентов, — быстро ответила Гулик.

— Цель немалая, — заметил даал. — Давайте-ка посмотрим на наших гостей...

Он подошел к столу и нажал какую-то кнопку. Настенный экран осветился, и на нем появились изображения капитана и Гот. Они шли по одной из извилистых и горбатых улиц Зергандола. Когда их фигуры заполнили весь экран, даал нажал кнопку стоп-кадра. Некоторое время он стоял и смотрел на их лица.

— Этот человек — гражданин Никкелдепейна. Однако существует ряд вопросов, с ним связанных, на которые у меня пока нет ответов. Должен признаться, это меня беспокоит.

— Что за вопросы? — спросила Гулик.

— Он вполне может быть гражданином Ник-

келдепейна, который ныне маскируется — не без помощи моих чиновников — под капитана Арона с Мульма. Но он может одновременно быть и агентом Карреса. Таким, как все тамошние жители. Или даже колдуном с Карреса, принявшим облик капитана Посерта с Никкелдепейна.

Он умолк, раздраженно качая головой, и Гулик спросила:

— Именно это вас и беспокоит?

— Да, больше всего это, — признался Седмон. — Если капитан Посерт, он же капитан Арон, на самом деле колдун, я не желаю ничего предпринимать по отношению к нему или его кораблю.

— А если нет?

— Девочка почти наверняка из ведьм, — сказал даал. — Я могу, конечно, рискнуть, если речь пойдет только о ней, однако и это слишком опасно. Каррес имеет возможность сразу узнавать обо всем, что его касается.

— Позвольте заметить, — сказала Гулик, — что, согласно достоверным данным, планета Каррес неожиданно исчезла. В Империи официально считается, что планета была случайно уничтожена при испытании некоего супер-оружия, изобретенного ведьмами специально для отражения карательной акции имперского кос-

мического флота.

— Я слышал об этом, — сказал даал. — Более того, мои люди доложили, что Каррес исчез также из системы Ивердаль. Возможно, ваше предположение справедливо, но я не верю, что он был уничтожен.

— Почему?

— Я имел дело с разными ведьмами, Гулик. И много лет изучал Каррес и его историю. Не впервые приходят сообщения об исчезновении этой планеты. И не раз уже она появлялась вновь довольно далеко от своего прежнего местонахождения.

— Неужели эта супер-тяга способна переместить целую планету? Да полно вам, даал!

— Мне нечего к этому добавить, — пожал плечами даал. — Есть, разумеется, и другие возможные объяснения. Но, насколько я могу судить, Каррес по-прежнему находится в системе Ивердаль, только теперь невидим и его невозможно засечь никакими приборами. А кроме того...

— Он умолк, явно не решаясь продолжать.

— Да? Что вы хотели сказать? — подбодрила его Гулик. Даал ткнул пальцем в экран.

— Мне почему-то кажется, что я уже встречал этого человека. И девочку тоже... Но я никак не

могу вспомнить...

Гулик с любопытством посмотрела на него.

— У вас просто разыгралось воображение, — сказала она. — Ваша озабоченность действиями ведьм вполне понятна; ведь именно поэтому вы с такой осторожностью, окольными путями пытались раскрыть тайну капитана Посерта, верно?

— Я весьма полагаюсь на фирму, которая ремонтирует его корабль,— улыбнулся даал. — Они славятся полной неразборчивостью в средствах.

— И занимаются активными поисками супертяги, верно? — сказала Гулик. — Суннат также пыталась пленить капитана Арона своей красотой... А вы тем временем как бы заняли место над схваткой, надеясь вскоре получить нужную информацию.

Седмон перевел взгляд с экрана на Гулик и медленно произнес:

— Если мне удастся заполучить эту тягу и некоторое время поработать с нею без помех, я сумею восстановить величие Ульдуны и ее заслуженно высокое положение в галактической иерархии, которое она занимала прежде!

— Империя прекрасно осведомлена о вашем устремлении, — холодно заметила Гулик, но он глаз не отвел. — Мы могли бы действовать раз-

ными методами. — Гулик улыбнулась. — Если я добьюсь своей цели, это принесет мне огромные почести и богатство в Империи. Или же, при ином раскладе, кончится моей быстрой смертью. Это уж как решат имперские власти. — Она снова коварно улыбнулась. — Или власти Ульдуны... Видите ли, я бы тоже не прочь хотя бы частично восстановить былую славу и высокое положение старинного семейства до Эдель.

— Весьма благородное желание! — Даал одобрительно кивнул. — Что же касается меня, то я с удовольствием буду работать с партнером, обладающим такими преимуществами, как молодость, смелость и ум. А также способным помочь мне править Ульдуной. Тем более Великой Ульдуной!

— Мечты, мечты! — рассмеялась Гулик. — Ну что ж, я готова... Но мы должны быть очень осторожны. Я еще никому не сообщала, что корабль, некогда называвшийся «Удача», находится на Ульдуне, однако буду действовать так, словно уже отправила такое сообщение. А если — несмотря на все усилия — «Ночная птица» все же взлетит, я отправлюсь на ней в качестве пассажира... Кстати, этот Веццарн, которого они наняли на корабль, он ведь ваш человек, не так ли?

— Мой, — сказал Седмон. — Он, естественно, не знает, на кого работает.

— Разумеется. Про Камбина я информирована. Он ничего из себя не представляет. А Лаэс Янго?

— С ним следует считаться, он специалист.

— А чем конкретно он занимается? Мне удалось узнать о нем очень мало.

— Дилер. Занимается только тем, что способно принести высокие прибыли. У него есть собственный корабль, и он часто уходит в космос. Однако в особых случаях пользуется услугами других перевозчиков. Он всегда держит в банке свободные значительные суммы и осуществляет по субрадио крупные платежи с использованием счетов, которые невозможно отследить. Какая-то часть его деловых операций, видимо, вполне законна.

— Стало быть, от него можно не ждать осложнений?

— Вряд ли следует быть полностью уверенным... — Даал остро глянул на нее. — Должен ли я понимать ваши слова так, что вы намерены непременно продолжить попытки завладеть супер-тягой, даже если выяснится, что капитан Арон, как я подозреваю, имеет непосредственное отношение к ведьмам?

— Непременно. — кивнула Гулик. — У меня

есть своя теория относительно ведьм Карреса.

— И в чем она заключается?

— Они, помимо всего прочего, великолепно умеют блефовать. Взять хотя бы эту историю с исчезновением целого небесного тела. Мне описывали Каррес как примитивную, заросшую лесами планету. В космосе множество таких практически необитаемых миров. Некоторые даже не отмечены на обычных картах. Мне представляется весьма вероятным, что ведьмы вовсе не перемещают Каррес через пространство, а просто переселяются сами — с помощью самых современных средств — с одной планеты на другую, а затем уже распускают слух о переносе своей планеты в другой сектор галактики! Видимо, им хочется напугать всех, включая Империю. Вероятно, они действительно способны на всякие удивительные штучки; вполне возможно даже, что они все-таки создали эту супер-тягу и оснащают ею обычные космические корабли. Но переместить целую планету?.. — Она с сомнением покачала головой. — Посерт, возможно, колдун с Карреса, однако даже его «таинственные» способности не помогли ему узнать, что Веццарн — обыкновенный соглядатай! Нет, не боюсь я таких ведьм и колдунов!

— И Чаладура тоже не боитесь? — спросил даал.

— Немного, — призналась Гулик. — Но гораздо больше меня тревожит вопрос о супер-тяге, если она действительно существует. Ставки слишком высоки!

Странный, разноцветный и бесшумный вихрь медленно завивался вокруг них. Капитан некоторое время с изумлением наблюдал за ним, затем вдруг понял, что сидит, выпрямив спину, в исключительно неудобной позе на каменном полу, а спиной касается каменной стены. И еще он понял, что сидит зажмурившись, поэтому неплохо было бы открыть глаза.

Когда он их открыл, цветной вихрь тут же поблек и пропал, мир вокруг перестал вертеться. Но где это он? И как сюда попал?

Он огляделся. Помещение напоминало огромный погреб, широкий и низкий, а в длину — шагов сто пятьдесят. Толстые каменные колонны поддерживали сводчатый потолок. Несколько тусклых светильников — мерцающие шары в железных клетках — свисали на цепях с потолка. В другом конце подвала была узкая лестница, ведущая наверх сквозь проем в стене. Кажется, это единственный выход отсюда... Справа, футах

в тридцати от него, располагался камин.

Он задумчиво рассмотрел его. Камин был встроен в стену, в нем пылал жаркий огонь. Отдельные головни ярко светились, по куче углей пробегали огненные искры. Из камина торчала кочерга, напоминавшая скорее тонкую пику; один ее конец был погружен в пылающие угли, а рукоять покоилась на бронзовой каминной решетке. В нескольких шагах от камина стоял стол с мраморной столешницей, а возле него — огромная деревянная ванна.

Все это выглядело весьма странно. С какой стати кому-то пришло в голову разводить в камине огонь в такой теплый весенний вечер? Волны жара разливались по всему подвалу.

Теплый весенний вечер?.. Тут капитан вдруг вспомнил. Сегодня они произвели полную наземную проверку всех систем «Ночной птицы». Все было в полном порядке. Они с Гот остались очень довольны. Потом Гот отправилась домой, а Суннат, которая вместе с Филишем присутствовала при испытаниях, в шутку предложила капитану угостить их за хорошо сделанную работу. Правда, Филиш, извинившись, отказался в этом участвовать.

Капитан не усмотрел в предложении Суннат

ничего дурного, и они зашли в дорогой бар с низкими потолками, рядом с космопортом. Кто-то провел их в дальний зал и усадил за столик в полутемной нише. Тотчас же принесли напитки — и вскоре радужный вихрь подхватил капитана. Дальше он ничего не помнил.

Что ж, нет смысла сидеть здесь и гадать на кофейной гуще. Надо подняться наверх и выяснить, где он находится и что случилось с Суннат. Он попытался встать, но тут же сделал еще одно поразительное открытие: на правой лодыжке у него красовалось узкое металлическое кольцо с тонкой цепью длиной футов восемь, прикрепленной к другому кольцу, вделанному в стену. В ярости и недоумении капитан уставился на кандалы.

Капитан все же сумел подняться на ноги. Цепь при этом издевательски зазвенела.

— Эй! — крикнул он. — Есть здесь кто-нибудь?

На секунду ему показалось, что он услышал где-то приглушенный смех. Но никто не появился.

— Эй!

— В чем дело, капитан Арон?

Он повернулся и увидел Суннат, всего в двадцати шагах от него, слева. Она стояла возле одной из толстых колонн. Видимо, за ней она и скрывалась все это время.

Капитан уставился на нее. Одета она была потрясающе — алые брюки, изящные туфельки, узенький «топ» из сверкающей зеленой материи и алый тюрбан, украшенный огромным зеленым камнем. Она стояла неподвижно в полосе темной тени и смотрела прямо на него.

Яркий костюм отнюдь не делал ее ни более привлекательной, ни более соблазнительной: в этом мрачном подвале она была похожа на грозный призрак. Суннат чуть повернула голову, глаза ее зловеще блеснули. Она пробормотала что-то неразборчивое, подошла к камину, посмотрела на раскаленную кочергу, взяла ее за рукоять и вернулась к капитану, покачивая у него перед носом раскаленным железом. Капитан молча смотрел на нее. Глаза ее теперь были широко раскрыты, длинная шея вытянута, гибкая высокая фигура чуть наклонилась при ходьбе — очень похоже на готовую ужалить змею.

— Капитан Арон, — сказала Суннат. — Мне нужно от вас кое-что получить, и вы мне это отдадите.

Посерт услышал шум, шаркающие шаги, и в подвал спустились Базим и Филиш. Они несли кресло. В кресле сидела Гот с кляпом во рту. Руки ее были привязаны к подлокотникам.

— Сюда! — приказала Суннат и сунула кочергу в пылающие уголья. Когда тюремщики подошли ближе, она резко выдернула кляп изо рта Гот, та вздрогнула и откинулась на спинку кресла. Мужчины поставили кресло возле стола лицом к камину. Суннат швырнула кляп в огонь.

— Здесь это не потребуется, — объяснила она капитану. — Знаете, капитан Арон, в этом старом доме время от времени раздаются странные звуки, но они никого не беспокоят — ведь снаружи ничего не слышно. Видите, мы захватили и это бесовское отродье. Вы ведь ее очень любите? Через пару минут кочерга раскалится, так что лучше вам уже начать говорить.

Капитан почувствовал, как в груди у него все превращается в огромный ледяной ком. Гот быстро глянула на него — как всегда без всякого выражения — и снова уставилась на Суннат. Оба партнера Суннат явно чувствовали себя не в своей тарелке — Базим весь вспотел, а Филиш нервно кривил рот. Эти вмешиваться не станут, можно и не надеяться. Здесь парадом командовала Суннат, как у них в офисе, впрочем. Но, возможно, удастся все же выиграть немного времени...

— Минутку, Суннат, — сказал он вдруг. — К чему заставлять Дани страдать? Я и так скажу

вам, где двигатель.

— Вот как? — Суннат уже размахивала кочергой, глядя на ее раскаленный конец. — Ну и где?

— Он частично разобран, — начал быстро импровизировать капитан. — Часть находится на корабле, но вы, разумеется, не найдете...

— Разумеется, — кивнула Суннат. — А остальное?

— Одна деталь у меня дома. А все остальное заперто в двух разных банковских сейфах. Пришлось соблюдать осторожность...

— Еще бы! — сказала Суннат. — Понятно. Но боюсь, капитан Арон, вы по-прежнему врете. Базим, приготовь воду. Сперва опробуем кочергу на этом отродье.

Базим набрал в ковш воды из стоявшей возле стола ванны. С ковша капало. Он встал возле кресла, к которому была привязана Гот, держа ковш в руках. Ковш заметно дрожал.

— Успокойся ты! — рассмеялась Суннат. — Я же только рукав прижгу, а ее пока трогать не стану. Готов?

Базим крякнул. Кончик кочерги коснулся рукава куртки Гот. У капитана перехватило дыхание. Повалил дым. Внезапно вспыхнуло пламя.

Базим торопливо сунулся вперед, но руки у

него так дрожали, что вся вода пролилась Гот на колени. Суннат засмеялась и отступила. Базим торопливо зачерпнул еще воды и, не глядя, плеснул на Гот.

Вода, к счастью, попала туда, куда нужно. Послышалось шипение, огонь погас. И тут вдруг Суннат вскрикнула...

Капитан встрепенулся. Он напряженно следил за их мучительницей, которая вдруг повела себя очень странно. Вцепившись в рукоять кочерги обеими руками, она отскочила от Гот и метнулась вдоль стены, держа кочергу прямо перед собой. Партнеры смотрели на нее, раскрыв рты. Капитан видел, как напряглись мускулы Суннат — ей, видимо, требовались все силы, чтобы удерживать кочергу в таком положении. Лицо ее побелело.

— Скорее! — кричала она. — Базим! Филиш! Тащите бластеры! Убейте его! Немедленно! Это он отнимает у меня кочергу! О-о-о, нет!

Это был уже вопль отчаяния. Кочерга вырвалась из рук Суннат, развернулась на полу и нацелилась своим раскаленным концом на Суннат. Та завизжала, высоко подпрыгнула, бросилась в сторону, оглянулась... Кочерга следовала за ней. Суннат опять метнулась в сторону с криком: «Стреляйте же! Стреляйте!»

Одновременно с этим происходили и другие интересные вещи. Базим вдруг дико взревел, неуклюже подпрыгнул и закрутился, хватая себя за задницу обеими руками. Филиш резко повернулся к капитану, рука его скользнула под пиджак, и капитан тотчас почувствовал, как что-то тяжело шлепнулось ему прямо в ладонь. Безо всякого удивления он увидел, что это бластер, поднял оружие и выстрелил над головой Филиша. Но нужды в этом особой не было: Филиш тоже принялся прыгать и вертеться, как Базим. А Суннат бросилась вверх по лестнице, преследуемая дымящейся кочергой.

У ног капитана что-то звякнуло. Это оказался еще один бластер и ключ. Потом до него донесся шумный всплеск, и он увидел, что Базим и Филиш сидят рядком в ванне. Суннат исчезла. Кочерги тоже не было видно.

Капитан опустился на колено, вставил ключ в замок на кандалах и повернул. Кольцо расстегнулось. Он сунул второй бластер в карман, поднялся на ноги и подошел к Гот. Партнеры смотрели на него с ужасом и старались поглубже залезть в ванну.

— Спасибо, капитан! — ясным голосом сказала Гот. — Я все ждала, когда же ты наконец прищу-

чишь этих макак!

Капитан сразу не нашелся, что ответить. Он-то прекрасно знал, что это не ватч случайно залетел сюда, а действует сама Гот. Он хмыкнул и стал распутывать веревки у нее на запястьях. Потом коснулся прожженного рукава ее куртки:

— Не обожгло?

— Не-а. — Гот улыбнулась ему. — Даже горячо не было. — Она поглядела на Филиша и Базима. — А вот этим здорово досталось — я им полные карманы раскаленных углей насыпала!

— Я так и понял, — сказал капитан.

— Капитан, кто-то идет! — встревоженно воскликнула Гот.

Это оказалась довольно большая группа людей. На лестнице застучали сапоги, и с десяток полицейских в мундирах заполнили подвал, вытащили бластеры и взяли всех на прицел. Их командир, заметив капитана и Гот, направился к ним.

— Ах, ваша мудрость, надеюсь, вы не пострадали? — осведомился офицер. — Примите от имени нашего даала самые глубокие и искренние извинения в связи с этим происшествием. Мы, к сожалению, слишком поздно узнали о планах этих негодяев и не смогли вмешаться вовремя и

избавить вас от необходимости их наказывать. — Он бросил на несчастных партнеров взгляд, полный презрения. — А теперь, с вашего разрешения, я хотел бы побеседовать с вами наедине. А мои люди пока уберут отсюда эту шваль.

Добирались они долго по извилистым горным дорогам, и каким бы впечатляющим ни казался Дом Грома издали, по мере приближения к нему становилось ясно, что он сильно запущен и разваливается, подобно многим старым домам в Зергандоле. Скупость даала давно вошла на Ульдуне в поговорку. Очевидно, она распространялась даже на содержание столь важных правительственных учреждений, как суд.

Здание Малого Суда было совсем ветхим, однако кишело не слишком таившимися шпионами и охранниками. В холлах и коридорах поблескивало металлом различное тяжелое вооружение, по всей видимости, находившееся в превосходном состоянии. Офицеры эскорта остановились перед открытой дверью, с поклонами пригласили посетителей войти и тихонько притворили за ними дверь.

Это была комната без окон, хорошо обставленная, стены увешаны тяжелыми шпалерами, явно оставшимися от былых времен. Седмон встал им

навстречу. Одет он был в длинную черную хламиду; на голове возвышалась похожая на шлем шапка из зеленого бархата, закрывавшая половину лба и спускавшаяся до самого основания шеи.

Седмон весьма сердечно приветствовал гостей, называя их по именам (разумеется, новым, полученным в его же департаменте), и извинился за неприятности, которые причинили им Суннат, Базим и Филиш.

— Моим первым побуждением, — заявил он, — было немедленно предать негодяев смерти!

Капитан сразу почувствовал себя крайне неуютно, тщетно пытаясь избавиться от мысли о том, как палач сдирает кожу с «этой мерзавки Суннат», а та корчится от боли.

— Может быть, нет необходимости расправляться с ними столь жестоко, ваше величество? — сказал он.

— Вы очень великодушны! — благосклонно заметил Седмон. — Впрочем, этого и следовало ожидать. Ведь вы, в сущности, уже наказали Базима и Филиша, как мне представляется...

— Да, они получили по заслугам, — подтвердил капитан. Даал прокашлялся и продолжал:

— Я считаю, что Базим и Филиш являются весьма ценными работниками, когда не берут на себя

слишком много. И они сознались, что действовали так исключительно из страха перед Суннат. Если вы пожелаете, я могу освободить их — пусть закончат переоборудование вашего корабля. Но с одним условием: они не имеют права требовать с вас платы! Ни одного маэля! Все работы будут выполнены за их счет! Удовлетворяет ли вас такое решение, ваша мудрость?

Капитан поспешил заверить даала, что это так.

— Открытым остается вопрос о Суннат, — продолжал даал. — Приглашаю вас в зал Малого Суда.

В зале вдоль зеркальных стен сидело несколько чиновников. Седмон тоже уселся и предложил своим гостям занять кресла рядом с ним. Минуту спустя двое солдат ввели через боковую дверь Суннат. Она вздрогнула, заметив капитана и Гот, и отвела взгляд в сторону. Ночь она явно провела очень скверно. Лицо было в пятнах, осунулось, и она нервно моргала покрасневшими веками.

Ни одна из сторон даже не упомянула о таинственной супер-тяге, которую Суннат пыталась заполучить. Видимо, ее предупредили, чтобы ничего не говорила об этом в суде.

Седмон бросил взгляд на капитана и обратился к Гот:

— Поскольку самые гнусные намерения преступницы были направлены против вас, ваша юная мудрость, — сказал он, — представляется целесообразным, чтобы вы сами решили, каким должно быть ее наказание.

Суд замер. Гот встала.

— Было бы еще более целесообразным, Седмон, — произнес чей-то незнакомый голос рядом с капитаном, — если бы я сама привела приговор в исполнение...

Капитан вздрогнул. Говорила вроде бы Гот, но голос! Это был вовсе не ее голос! Весь состав суда безмолвно уставился на Гот. Даал кивнул.

— Хорошо. Пусть будет так, как сказала ваша мудрость...

Гот прошла вперед и остановилась в нескольких шагах от Суннат. Капитан не видел ее лица, но чувствовал, что воздух вокруг буквально пронизан волшебством, и сразу догадался, что сюда устремилась клатха. Мельком он заметил, что лицо даала напряжено до предела, а взгляд чрезвычайно внимательный; Суннат вся побелела от страха.

— Посмотри в зеркало, Суннат с Ульдуны!

И снова это сказала не Гот! Что же происходит? По спине у капитана поползли мурашки,

перед глазами поплыл туман, потом он снова стал видеть все отчетливо, а странный голос между тем продолжал вещать. Голос был низкий, мягкий и как будто заполнял собою весь зал. Да, это говорила не Гот, но капитан был уверен, что уже где-то слышал этот голос. Вот только где? Он должен был его помнить! Каким-то странным образом смысл сказанного все время ускользал от него, он словно опаздывал на какую-то долю секунды, и слова превращались в бессмысленную кашу. Суннат посмотрела в одно из огромных зеркал, которыми были отделаны стены зала, и капитан заметил, как напряглась ее спина, как вся она замерла, точно не в силах сойти с места. Седмон, стиснув пальцы, смотрел на нее и явно нервничал.

Голос стал громче; теперь он звучал грозным предостережением. Затем послышался резкий приказ. На мгновение в зале воцарилась тишина. Потом Суннат дико вскрикнула, однако винить ее было бы трудно: одновременно с нею все находившиеся в зале увидели в зеркале, как на плечах Суннат вместо ее собственной головы появилась кабанья щетинистая морда с мерзкими красными глазками. Уродливая пасть то открывалась, то закрывалась, и из нее продолжали нестись дикие

вопли. В зале испуганно зашумели. Даал что-то громко приказал побледневшим конвоирам Суннат, те схватили извивавшуюся преступницу за руки и поволокли прочь. Когда они проходили в боковую дверь, капитану показалось, что и вопли Суннат уже больше похожи на визг испуганной свиньи...

— Это был голос Толл! — сказал капитан не совсем уверенно. — Ты вещала голосом Толл! Голосом своей матери!

— Ну, не совсем... — уклончиво ответила Гот.

Они ненадолго остались наедине в небольшой комнате в Доме Грома, куда их провел совершенно ошалевший чиновник. Даал поспешно завершил судебную процедуру после приведения в исполнение приговора, вынесенного «юной мудростью», и сказал, что вскоре присоединится к своим гостям. Капитан подозревал, что Седмону просто хотелось немного прийти в себя. Как только чиновник, который явно был рад поскорее смыться, исчез за дверью, они тут же включили защитное устройство.

— Но это действительно очень похоже на ее голос, — согласилась Гот. — Это как бы моя копия Толл.

— Твоя — *что*?

Гот почесала кончик носа и решительно тряхнула головой:

— Наверное, тебе уже можно об этом сказать, хотя ты сразу наверняка всего не поймешь.

Оказалось, что ее «копия Толл» — это некое клатха-устройство для обучения молодой ведьмы. А точнее, частичная нематериальная копия личности взрослой ведьмы. В данном случае — личности Толл.

— Она словно всегда здесь, — Гот постучала пальцем по виску. — Ее и не замечаешь, пока не понадобится. Седмону очень хотелось проверить, на что я способна, вот я и решила устроить им небольшое представление. И копия Толл сама сработала — уж она-то знала, что нужно делать. Понимаешь?

— Н-не совсем.

Гот уселась на край полированного стола, болтая в воздухе ногами и внимательно глядя на капитана.

— Да, наверное, не понимаешь... — Она немного подумала. — Копия не все может делать. Только то, что я уже почти научилась творить сама; ей остается лишь показать мне.

— Я и не представлял, что ты знаешь такие заклинания. Выглядело очень впечатляюще!

— Закли..? А, это... Да нет, они вовсе и не нужны. Копия Толл сама все сделала — просто чтобы всех припугнуть. Особенно Седмона.

В дверь постучали. Гот обернулась, сунула руку в карман и отключила охрану. Потом спрыгнула со стола, а капитан подошел к двери и впустил в комнату даала Ульдуны.

— Есть целый ряд вопросов, потенциально имеющих столь серьезное значение, — начал даал, — что мне весьма трудно решить, кому я мог бы задать их...

На мгновение голос его прервался. Это случалось с ним уже не первый раз. Взгляд даала скользнул по сияющей синей поверхности стола, остановился на капитане, на Гот, снова на капитане; он тряхнул головой и молча прикусил пальцы. Лицо его было озабоченным и сердитым.

Капитан смотрел на него с некоторым удивлением. Седмон, казалось, просто сгорал от желания что-то им рассказать, но никак не мог решиться. Интересно, что у него за проблема? Даал как-то намекал, что обладает информацией, представляющей огромную важность для Карреса. Тогда им действительно необходимо узнать об этом.

Даал вновь задумчиво посмотрел на Гот.

— Может быть, ваша мудрость понимает... — пробормотал он.

— Конечно, — ответила Гот голосом умненькой девочки.

Может быть, даал все расскажет Гот, если оставить их наедине? После заседания суда капитана не слишком часто называли «ваша мудрость». Вероятно, Седмон уже произвел некоторую переоценку событий. Для того, что произошло в подвале, вполне достаточно и одной настоящей ведьмы. Так, собственно, и было на самом деле. Но, может быть, не совсем хорошо...

— Я полагаю, — услышал вдруг капитан собственный голос, — что вам все же лучше рассказать нам об этом, Седмон Шестиликий...

Глаза даала блеснули.

— Вот как! — произнес он, резко выдохнув воздух. — Я давно подозревал... Но мне было трудно поверить. Даже вы... Конечно, у всех есть свои секреты... — Он встал. — Идемте со мной, капитан Арон и Дани! Вы, по-видимому, лучше меня разберетесь, как поступить с тем, что у меня хранится...

Капитан очень надеялся, что они действительно сумеют разобраться. А сейчас он ровным счетом ничего не понимал из слов Седмона Ше-

стого Шестиликого. Но сказал, кажется, именно то, что нужно. И в нужный момент...

Седмон быстро вел их по узким коридорам. Подол черной хламиды бился о каблуки его туфель. Поднявшись и спустившись по нескольким лестницам, они очутились в другой части Дома Грома. По пути им никто не встретился. Три раза даал останавливался, доставал из складок своего одеяния ключ и отпирал тяжелую дверь, а потом снова запирал ее за ними. Он не произнес ни слова, пока они не свернули в глухой коридор, в самом конце которого виднелась только одна дверь. Здесь даал замедлил шаг и сказал:

— За этой дверью — половина проблемы. Когда вы все увидите собственными глазами, я расскажу вам и то немногое, что знаю сам. А потом в другом месте покажу вам кое-что еще.

Он отпер дверь. За ней оказалось длинное с низким потолком помещение, совершенно пустое, только дальний его конец был словно занавешен тяжелым серо-стальным занавесом, который слабо пульсировал.

— Это защитный экран, — с кислым выражением буркнул даал. — Я предпринял все возможные меры... Полагаю, никто ничего не узнал... А больше мне ничего не удалось, ибо пока что я не сумел

наладить контакт с представителями вашего народа. — Он искоса поглядел на капитана и Гот. — У вас, несомненно, хватает и своих проблем, но я уже много недель мечтаю узнать, где можно найти кого-то, способного выступать от имени планеты Каррес.

Теперь он вел себя совершенно иначе: отбросил всю официальность и обращался к ним как к равным. Даже к Гот. И не скрывал того, что у него были причины раздражаться и жаловаться, хотя обеспокоенным вовсе не выглядел. Откуда-то из складок одежды даал извлек небольшое устройство и нажал на кнопку.

Защитный экран исчез, и они увидели, что в дальнем конце комнаты стоит кушетка, а на ней сидит человек, точно остановленный посреди некоего движения и застывший в этой позе. На нем был космический скафандр. Это был крупный мощный мужчина, лет на десять старше капитана. Гот тихонько охнула.

— Вы его знаете? — спросил даал.

— Да, — ответила Гот. — Это Олими!

Она прошла вперед, капитан за нею. Даал держался чуть позади. Олими глядел в пространство немигающими черными глазами... Он сидел на краю кушетки, вытянув ноги и приподняв руки

со скрюченными пальцами, словно пытался что-то схватить. На лице застыло выражение настороженности и крайней сосредоточенности.

— Его нашли в таком состоянии полтора месяца назад. Он сидел за пультом управления своего корабля, — сказал даал. — Я понятия не имею, что с ним. Он словно «завернут» в некое силовое поле, характер которого мне неизвестен.

— Он отключил свой разум. — Лицо и голос Гот ровным счетом ничего не выражали. Она посмотрела на капитана. — Наверное, нам следует взять его с собой на Эмрис. Там ему помогут.

— Наверное. — Стало быть, Гот тоже не знает, как связаться с ведьмами по эту сторону Чаладура, решил капитан и повернулся к даалу: — Вы что-то говорили о его корабле.

— Да. Он находится в трех часах полета от нашей планеты. Единственный человек на борту. Как он сумел подойти к Ульдуне и остаться незамеченным ни одной станцией слежения, никто не знает. — Седмон нахмурился. — На корабле также имелся некий предмет, который я приказал там и оставить. Не хочу даже пытаться описать его — сами увидите... Как по-вашему, стоит ли что-нибудь предпринимать в отношении этого человека прямо сейчас?

Гот помотала головой. Капитан сказал:

— В данный момент мы ничего для него сделать не можем. Так что оставим его, как есть, а потом заберем с собой.

Оказалось, что корабль Олими сел в почти необитаемом районе на южном континенте Ульдуны, в самом центре продуваемой всеми ветрами равнины, которую окружали туманные горы с голыми скалистыми вершинами и языками снега на склонах. С воздуха корабля видно не было, но его местонахождение было отмечено неким сгустком серого тумана, словно стекавшего в низину. Это тоже оказался силовой экран, установленный для охраны корабля. Примерно в миле от него над небольшой возвышенностью висело еще одно, более крупное облако такого же серого тумана.

Капитан, сидевший с Гот в задней части салона флаера, увидел в иллюминатор смутные очертания четырех палаток. Из них быстро выскочили и построились два взвода солдат. Один из людей, сопровождавших длила, подошел к офицеру и коротко переговорил с ним. Потом вернулся, кивнул даалу и влез в салон. Флаер поднялся, развернулся и полетел в сторону корабля Олими.

У капитана не было возможности что-либо

спросить у Гот наедине. Возможно, она знала, в чем тут дело: что означает это происшествие с Олими, колдуном Карреса, который отключил свой разум. А любой вопрос, заданный даалу, мог вызвать у того подозрения и навлечь на них опасность, так что Посерт сидел с равнодушным видом и ни о чем не спрашивал.

Флаер опустился ярдах в пятидесяти от защитного экрана, окружавшего корабль Олими, и сам тут же включил такую же защиту. Капитан и Гот надели теплые плащи и выбрались вместе с даалом из машины. Даал тоже закутался в длинный меховой плащ. Остальные члены его свиты остались внутри. Даал и его спутники приблизились к силовому экрану, прошли сквозь него и увидели стоявший на земле звездолет.

Корабль был небольшой, но изящных очертаний, и явно предназначался для скоростных перелетов. Даал вытащил из-под плаща какой-то прибор.

— Это электронный ключ к замку корабля, — объяснил он. — Оставляю его вам. Тот предмет, о котором я вам говорил, находится возле пульта управления. А я возвращаюсь и буду ждать вас в машине.

Входя в шлюз, капитан обернулся: даал уже

исчез за пеленой силового экрана.

— На всякий случай, — сказал капитан, — давай лучше включим и наш собственный экран. А ты хоть что-нибудь во всем этом понимаешь?

Гот отрицательно покачала головой.

— Олими у нас один из самых лучших! Я его уже с год не видела. Он добывал информацию для Карреса. Не знаю, чем он занимался в этом полете.

— А что это за «отключение разума»?

— Это чтоб никто не совался к тебе в мозги. Никто и ничто. Такое особое состояние. Не очень удобное, правда. Ты как бы выпускаешь свой ум на волю, и назад вернуться он сам не может. Требуется посторонняя помощь. — Она посерьезнела.

— Житель Карреса летит на высокоскоростном корабле, — вслух размышлял капитан, — и ему что-то встречается в космосе — причем такое, из-за чего он пугается и отключает свой разум, желая спастись? Звучит не очень убедительно. Интересно, а сам он мог направить корабль на Ульдуну?

— Наверное... Не знаю, — пожала плечами Гот.

— Ну, ладно, давай сперва осмотрим корабль, а уж потом займемся таинственным предметом.

Может, станут понятны причины, по которым даал не хочет о нем говорить...

Они увидели загадочный предмет, стоило им войти в рубку. Он был довольно объемистый, похожий на неровный обломок астероида и весил, должно быть, фунтов четыреста. Находился непонятный объект возле пульта управления, но они не стали и пытаться сдвинуть его с места. Капитан включил обзорные экраны корабля, обнаружил, что они работают в режиме слежения в условиях космоса, и переключил их на наземное наблюдение. На экранах появились четкие изображения продуваемой всеми ветрами ульдунской равнины. Небольшое облако серого марева возникло на экране левого борта.

Они быстро осмотрели другие отсеки и выяснили только одно: Олими содержал свой корабль в чистоте и порядке.

— Ну теперь можно и на эту штуку поглядеть, — сказал капитан. — Как ты думаешь, наверное, это что-то важное для Карреса, правда?

— Должно быть, — отвечала Гот. — Олими никогда не давали мелких поручений.

Капитан осторожно, даже почти опасливо коснулся пластика, в который был завернут предмет. То, что находилось внутри, на ощупь

было твердым и тяжелым, как обломок скалы. Капитан осторожно отогнул кусок пластика и увидел нечто похожее на лежалый лед — такими бывают старые ледники, источенные временем, с вкраплениями камней и вулканических пород. Капитан потрогал «лед» пальцем. Он оказался довольно теплым и скользким. Может быть, это какая-то горная порода?

Он вопросительно посмотрел на Гот. Та лишь пожала плечами.

— Ни на что не похоже! — заметил капитан. И, отогнув пластик, открыл еще фута два поверхности таинственного предмета. Да, больше всего он напоминал кусок какой-то древней горной породы, бесформенный, покрытый буграми...

Бесформенный?

Теперь капитан начинал в этом сомневаться. На поверхности кристалла виднелись мелкие округлые завитки и узловатые выпуклости, и чем больше он смотрел на них, тем сильнее чувствовал, что это вполне конкретный узор. Какая-то загадочная скульптура?..

Внутри «камня», в сердцевине мутного серого вещества, из которого он состоял, время от времени вспыхивали огоньки, точнее, дрожащие нити пламени, которые, казалось, находились где-то

очень далеко. Вот они вспыхнули вновь — и опять у капитана возникло ощущение немыслимых глубин пространства. Потом ему показалось, что поверхность кристалла изменяется — плывет, расползается, и сам он вот-вот провалится куда-то внутрь и утонет в туманной, мерцающей огнями бездне. Ужас охватил его. На секунду он замер, словно парализованный. Потом вдруг почувствовал, что руки сами собой суетливо спешат закутать в пластик приоткрытую часть «камня», а Гот ему помогает. Они тщательно натянули пластик и закрепили его концы, как было раньше.

Неведомый страх немного отпустил капитана. Ему казалось, что угрожавшее им нечто сейчас удаляется, однако по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке.

— Вот это да! — сказал он Гот, с трудом переводя дыхание и совершенно потрясенный. — Что это было? Клатха?

— Не клатха! — твердо сказала Гот. Она побледнела, глаза смотрели тревожно. — Но я не знаю, что это! Никогда ничего подобного не видела... — Она умолкла.

В голове у капитана вдруг что-то легонько, но отчетливо щелкнуло. Будто замок.

— Господи, Червивая Погода в гости пожа-

ловала! — прошипела Гот. Они одновременно повернулись к экранам.

Бледно-желтое пятно расползалось по восточному краю неба над безрадостной равниной, уже исчезая, растворяясь, улетая вдаль...

— А если б мы не успели закрыть «камень»?.. — вырвалось у капитана.

Они ждали несколько минут. Червивая Гроза больше не появилась. А потом Гот сообщила капитану, что клатха-замки, блокировавшие их разум от проникновения проклятых нури, оказались вполне надежными. Желтого тумана уже не было видно.

— Она прямо сюда нацелилась! — сказала Гот. Лицо ее уже слегка порозовело. А вот капитана все еще бил нервный озноб. Наверное, этот особый пластик, который Олими использовал для защиты от воздействия «камня», способен был уберечь и то, что таилось внутри загадочного предмета, от сенсорных устройств нури...

Теперь было совершенно очевидно, что Манарет вовсю охотится за этим артефактом. И Каррес, по всей видимости, тоже. Пока Олими вез найденный предмет на родную планету, его постоянно преследовали нури, и это они вынудили Олими отключить свой разум. Вот почему с тех

пор Червивая Гроза так и висит над Ульдуной, появляясь то там, то здесь в поисках «камня»! Они подозревают, что артефакт здесь, но не в состоянии определить, где он находится.

— Эта штука должна служить оружием против Манарета?

— Похоже, на Манарете именно так и считают.

Для них обоих это было важное открытие!

Туманный экран, скрывавший флаер даала, не сдвинулся с места. Те, кто сидел внутри, тоже, конечно, видели Червивую Грозу и явно решили переждать. Они, должно быть, задраили все люки и закрыли иллюминаторы броневыми плитами... И все же, несмотря на все страхи и опасения, Седмон решился прилететь с ними сюда! Уж больно ему хотелось, чтобы ведьмы Карреса забрали «камень» с собой...

— Если мы сумеем довезти его хотя бы до Эмриса, — проговорил капитан.

Гот поддержала его:

— Может, мы его и довезем... — Голос Гот звучал не слишком уверенно.

— Даал считает, что нам это по силам, — заметил капитан. — Иначе он бы не стал нам его показывать. А Седмон, как ты сама сказала, старикашка неглупый и слишком много знает!

На ее губах промелькнула лукавая улыбка.

— Сейчас ты ведешь себя совсем иначе, капитан!

— Вот как?

— Да! И сейчас ты очень похож на Требуса, только помоложе. А я, как говорят, точная копия Толл в молодости. Седмон их когда-то знавал, и, по-моему, ему теперь кажется, что мы — это Толл и Требус! Он думает, что мы просто переменили возраст.

— Как это переменили?

— Ну, просто стали моложе. Некоторые ведьмы и колдуны умеют менять возраст...

На одно лишь короткое мгновение, впервые со дня их знакомства, Гот вдруг показалась капитану совсем маленькой, очень одинокой и совершенно беспомощной в этой огромной и угрожающей Вселенной.

Ну, допустим, она не так уж одинока! — тут же решил он.

— Что ж, — тряхнул он головой, — значит, нам с тобой придется теперь стать Требусом и Толл!

— Вот именно! — Гот улыбнулась. — Думаю, это было бы очень неплохо, капитан!

Глава шестая

Веццарн оказался свободен от вахты и должен был спать, но вот уже два часа сидел в запертой каюте и размышлял. Заканчивался третий день полета «Ночной птицы», и Веццарну было о чем подумать.

Ему многое очень не нравилось в самой идее полета через Чаладур. Да и кому она могла понравиться? Но гарантированная премия — если Веццарн найдет то, что спрятано на корабле капитана Арона, — была в высшей степени соблазнительной. Раньше ему приходилось рисковать, в том числе и в Чаладуре, за куда более скромные деньги...

И вдруг, за десять дней до отлета, бесцветный голос, часто беспокоивший Веццарна, сообщил ему, что задание отменяется. Правда, только частично. Веццарну приказали полностью забыть о том, будто ему что-то нужно отыскать на корабле, однако он по-прежнему должен лететь с капитаном Ароном сквозь Чаладур и, используя опыт, накопленный в предыдущих полетах, всемерно способствовать тому, чтобы «Ночная птица» благополучно прибыла на Эмрис.

И что он за это получит?

Веццарн просто кипел от бессильной ярости. Но потом ему в голову пришла мысль, что он вполне может поработать и на самого себя. У обладателя голоса явно были связи и по ту сторону Чаладура, однако тамошние осведомители не сразу сумеют что-либо сообщить ему о действиях Веццарна в тех краях, а если Веццарну удастся заполучить секретную супер-тягу, которой, как подозревали, частенько пользовался капитан Арон, он к тому времени будет уже далеко-далеко и станет очень и очень богатым человеком.

Интересно, какая все-таки задача у этого корабля. Похоже, он готовится к опасному предприятию, значение которого выходит далеко за рамки обычного рискованного полета сквозь Чаладур! Веццарн просто терялся в догадках и места себе не находил от беспокойства. Но выходить из игры было уже поздно. Если он это сделает, долго ему на Ульдуне не протянуть. Уж об этом-то обладатель бесцветного голоса позаботится.

Один из их пассажиров, правда, из игры все — так вышел. Это был Камбин, толстый финансист. Он заявился в их офис и что-то проныл насчет своего здоровья, не позволяющего ему отправиться в такой перелет.

Остальные двое сейчас были на борту, сидели в своих каютах, а «Ночная птица», покинув космопорт Зергандола, летела в космическом пространстве, направив свой иглообразный нос в сторону Чаладура...

Веццарн был замечательным взломщиком. Это, в частности, сделало его одним из наиболее ценных агентов неблагодарного обладателя бесцветного голоса. Теперь, когда они оказались в открытом космосе, его обязанности стали незначительными, рутинными, и свободного времени у него хватало. Чем он и воспользовался.

Однако Веццарна ожидала целая серия небольших сюрпризов. Он выяснил, например, что, за исключением центрального пассажирского отсека и ходовой рубки, все остальные помещения буквально напичканы электронными «жучками». Правда, против «жучков» у Веццарна были свои приемы, так что электронная защита его не пугала. Примерно через сутки он почти убедился в том, что секретная тяга установлена в одном из трех возможных мест — либо в запертой камере грузового отсека, либо в отсеке рядом с машинным отделением, тоже запертом, либо в специально отгороженном помещении на верхней палубе корабля, за пассажирскими каютами.

Самым логичным было бы разместить тягу рядом с машинным отделением. И на следующий день Веццарн проник за запертую дверь. Он был свободен от вахты, так что в ближайшие два-три часа вряд ли кто-нибудь стал бы его разыскивать. Он без помех добрался до машинного отделения. Правда, замок в двери запертого отсека потребовал некоторого времени для изучения и осторожных экспериментов. На первый взгляд, отсек выглядел как обыкновенная кладовка для инструментов и прочих технических приспособлений. Но почему он тогда заперт?

Веццарн не стал спешить. Он произвел некоторые предварительные изыскания с помощью своих средств и понял, что где-то рядом работает множество других приборов! Почти все сигналы поступали из огромного контейнера, стоявшего у переборки напротив двери. Он продолжил свои исследования, пытаясь обезвредить возможные ловушки, и в итоге обнаружил монитор системы внутреннего слежения.

Ну, с монитором-то справиться нетрудно! Веццарн осторожно приблизился к нему, стараясь не попасть в его поле зрения, открыл заднюю панель и отключил питание. Затем разместил свои приборы возле таинственного контейнера

и оставил их записывать исходившие из него сигналы минут на десять.

Ему пришлось дожидаться следующей вахты, после которой он был совершенно свободен и мог спокойно изучить результаты расшифровки. Веццарн добрался до своей каюты и заперся в ней. Он достал из шкафа дешифратор, поставил его на маленький столик, включил, еще раз подошел к двери и проверил, заперта ли она, и вперился в окуляры. Перед ним было объемное изображение того, что сумели «увидеть» его приборы.

Это было нечто очень странное! Оно двигалось, издавая еле слышные звуки, позвякивало, жужжало, гудело, поблескивало и вращалось. И при этом посылало слабые импульсы разных видов энергии, которые, казалось, пронизывали его насквозь. Короче, оно все время напряженно работало, хотя Веццарну эта работа представлялась довольно хаотичной и совершенно непонятной. Через пять минут он был уже почти убежден, что все это не имеет и не может иметь никакого практического применения.

Во всяком случае, это была явно не супер-тяга! Даже самый необычный тип тягового двигателя не может быть таким!

Но что же это тогда? И тут Веццарн догадался:

его просто провели! Загадочный контейнер в запертом отсеке сыграл свою роль! Все это было придумано лишь для того, чтобы привлечь внимание любого, кто станет обшаривать корабль в поисках спрятанной тяговой установки.

Это был сильный удар! Капитан производил на Веццарна впечатление человека открытого, прямого и на подобную низкопробную хитрость не способного. Веццарн даже почувствовал себя оскорбленным. Но быстро утешился. Он ведь все-таки обнаружил монитор, и никто его не поймал...

В тот день еще лишь одно событие омрачило настроение Веццарна. Поскольку все меры предосторожности, предпринятые капитаном, были, по всей видимости, направлены против пассажиров, а не против него, Веццарна, то он разместил в разных местах свою собственную систему «жучков», значительно более эффективных. Даже первоклассный профессионал вряд ли способен обнаружить их все. Если на борту корабля у Веццарна и были соперники, тоже заинтересованные в секретной тяге, он о них узнает!

Видимо, соперники имелись. Проверяя жучки, он обнаружил, что они включались в работу,

фиксируя чье-то присутствие в нескольких запертых помещениях корабля в те моменты, когда капитан, юная Дани и сам Веццарн находились в ходовой рубке.

Кто бы это мог быть? Гулик до Эдель или этот роскошно одетый бизнесмен, Лаэс Янго?

Может быть, даже оба. Причем независимо друг от друга. Веццарн встревожился. Только этого ему не хватало!

А капитан Арон между тем тоже забил тревогу. Ах, если бы на борту «Удачи», то есть «Ночной птицы», не было вообще никаких пассажиров! Взятый ими груз делал коммерческий аспект полета к Эмрису абсолютно мизерным. Да и не только в этом дело — история с Суннат, Базимом и Филишем заставляла подумать о том, сколько еще на Ульдуне людей, подозревающих о наличии на его корабле нового типа невероятно мощной тяги. Субрадио уже распространило по галактике информацию об «Удаче», причем гораздо быстрее, чем можно было предполагать. Теперь почти любой встречный мог вынашивать тайные замыслы в отношении загадочной тяги!

Одним из способов борьбы с подобными замыслами было осторожное распространение слухов, что капитан и Гот — каррессские жите-

ли. По всей вероятности, немногие смельчаки решатся перейти дорогу ведьмам и колдунам. Однако поскольку на корабле находился Олими и его «камень», капитан решил лишь в самую последнюю очередь прибегнуть к этому способу. Мир Червей, судя по всему, имел свою агентуру и среди людей, которым нури выхолостили мозги, превратив в абсолютно послушных рабов. Так что слух о том, что «Ночной птицей» управляют жители Карреса, несомненно привлечет к кораблю внимание нури. А капитану хотелось сделать отлет с Ульдуны как можно более незаметным.

Вот поэтому он и не смог избавиться от Гулик до Эдель и Лаэса Янго. Если бы он в последний момент отказался брать их, это наверняка вызвало бы толки и пересуды. После того, как Камбин добровольно отказался от полета, капитан пригласил оставшихся пассажиров в свой офис. За день до этого в космопорте Зергандола приземлился корабль, сильно покалеченный после полета сквозь Чаладур. Экипаж его был в очень плохом состоянии. Капитан сразу заявил своим будущим пассажирам, что опасности, которые обычно таит в себе Чаладур, ныне, по-видимому, достигли своего апогея, и если пассажиры по этой причине откажутся от полета, он готов полно-

стью возместить им затраты.

Предложение не встретило должного отклика. Гулик до Эдель, вся в слезах, кричала, что она просто обязана как можно скорее попасть к старикам-родителям на Эмрис. А Янго вежливо, но твердо пообещал добиться судебного запрета на вылет «Ночной птицы» с Ульдуны, если корабль вздумает стартовать без него. Капитан сдался.

— Видимо, кто-то из них охотится за вжжиктягой, — сказал он Гот. — Нам бы не мешало принять некоторые меры.

— Какие именно? — спросила Гот. Жаль, что среди ее талантов не было умения читать чужие мысли — это бы сейчас очень пригодилось.

— Пожалуй, мы установим фальшивый супердвигатель.

Гот идея понравилась. Посерт почти забыл о том дурацком грузе, который остался у него на борту, когда он впервые отправился в торговый рейс с Никкелдепейна — ему казалось, что с тех пор прошло много лет. Он разыскал старый груз в одном из складов космопорта. Среди прочей ерунды там оказались сложные, дорогие и весьма взрывоопасные обучающие игрушки — видимо, собственность советника Раппорта. Их, помнится, капитану никак не удавалось никому всучить

ни на одной из планет Империи.

— Там есть одна забавная штука, которая способна нам помочь, — рассказывал он Гот о своей находке. — По-моему, на ней написано «Мультисистемная игра».

Он продемонстрировал ее Гот. Игра являлась средством обучения: как пользоваться различными видами энергии, известными на Никкелдепейне. Однако что-то в ней, видимо, сломалось, и когда ее включали, все обучающие системы начинали работать одновременно, а на экране возникало нечто совершенно немыслимое — некая постоянно менявшаяся мешанина изображений. Игра могла сработать как «крючок».

Итак, они спрятали «Мультисистемную игру» в машинном отделении, тщательно — но не слишком — замаскировав ее, чтобы интересующийся мог достаточно легко ее обнаружить. Рядом они установили монитор слежения. Фирма, торгующая всяким шпионским снаряжением, с удовольствием продала им монитор и прислала специалиста, который установил по всему кораблю «жучки» — в тех местах, где указал капитан. Специалист, правда, признался, что все эти устройства не самого высокого класса, но

капитану не так уж много было нужно — хотя бы на один шаг опережать противника.

Ночью накануне отлета люди даала привезли два бронированных куба, которые под руководством капитана погрузили в трюм «Ночной птицы». Один отправили в только что законченный сейф, занимавший немало места в особой камере грузового отсека, снабженной кодовым замком. Капитан сразу же собственноручно установил на замке время: две недели. Второй поставили в каюту, недавно отгороженную от остального пассажирского отсека. В первом хранилище был «камень», доставленный с корабля Олими, во втором — сам Олими.

Примерно через 12 часов после начала полета Гот отправилась в машинное отделение проверить, как обстоят дела в запертом отсеке. Монитор, как она убедилась, никто не включал. Ни один из дорогостоящих «жучков» ничего тревожного не отметил. Значит тот, кто забрался в машинное отделение, был опытным шпионом и взломщиком.

Они ничего не могли придумать. Оставалось только заковать всех пассажиров в цепи. И чем ближе они подходили к Чаладуру, тем более опасным становилось любому из них находиться

где-либо, кроме ходовой рубки и собственных кают, которые соединялись непосредственно с нею. Шпионы, сколько бы их ни было, в конце концов могут просто отказаться от своей затеи отыскать волшебную супер-тягу. Да и что они могут найти? Связку погнутых проволочек, валявшуюся в ящике тумбочки возле кровати Гот? Ну еще и саму Гот, конечно.

Но на четвертые корабельные сутки случилось непредвиденное...

Капитан сидел в ходовой рубке — было время его вахты, — а Гот спала у себя в каюте. На экранах раскрывались пугающие глубины Чаладура, и «Удача» погружалась в них с предельной скоростью, на которую только были способны ее новые двигатели. Суперсложная система масс-детекторов регистрировала порой некие случайные объекты, но все они были так далеко от корабля, что лишь на мгновение изображения вспыхивали на экранах и тут же исчезали. Глаза капитана беспрестанно вглядывались в экраны. Вдали, прямо перед ним, висела в пространстве разноцветная гроздь звезд, окутанная красновато-коричневым облаком пыли. Это был первый естественный маяк на пути «Удачи», однако его разумнее было бы облететь стороной, ибо это

скопление планет служило прибежищем знаменитым людоедам Мегайра.

Капитан ввел в автопилот поправку, слегка изменил курс, и звездная гроздь медленно сместилась влево. Вдруг небольшой экран засветился, издавая звонкие сигналы. Капитан включил изображение, и на экране появилось лицо Веццарна.

— В чем дело? — спросил капитан.

Голова Веццарна сместилась — он оглянулся назад, хотя за спиной у него был пустой коридор.

— Тут что-то неладно, капитан! — хрипло прошептал он.

Посерт открыл запертую дверь рубки, чтобы впустить Веццарна, и, нажав на кнопку, разбудил Гот. Вытащил из ящика стола бластер, сунул его в карман и поднялся навстречу Веццарну, торопливо входившему в рубку.

— Ну что там? — спросил он.

— Знаете дверь с надписью «Вход воспрещен», позади пассажирского отсека? Так вот, капитан, похоже, кто-то из пассажиров туда забрался!

— Кто именно? — спросил Посерт. В этот момент за спиной у Веццарна он увидел Гот.

— Не знаю, — Веццарн пожал плечами. — В кают-компании сейчас никого. Я проходил мимо

и увидел: дверь чуть-чуть приоткрыта.

— Внутрь не заглядывали?

— Нет, сэр! — Веццарн изобразил оскорбленную добродетель. — Как же без вашего разрешения? Просто я решил сразу же вам сообщить...

— Пошли, — скомандовал капитан.

Капитан и Веццарн осторожно подошли к двери, ведущей в закрытый отсек, где в своей темной каюте находился Олими, все такой же неподвижный и безжизненный.

— А теперь заперто! — воскликнул Веццарн.

Капитан быстро глянул на него и достал из кармана ключ.

— Ты уверен, что дверь была открыта? — спросил он. Веццарн оскорбился:

— Как и в том, что стою перед вами, капитан! Чуть-чуть, но совершенно точно открыта!

— Хорошо.

Кто бы ни был этот любопытный пассажир, он, скорее всего, успел обследовать и коридор, и каюту, потом обнаружил Олими — что должно было изрядно его напугать — и быстренько убрался прочь.

— Вы с Дани подождите меня в кают-компании, — приказал капитан. — А я пока все проверю.

Ключ легко повернулся в замке, капитан нажал

на ручку двери, и она тут же распахнулась сама, ударив его в плечо. Он едва успел схватить за руку Гулик до Эдель, когда та весьма резво выскочила из запертого отсека наружу. Лицо ее было мертвенно-бледным, рот раскрыт. Она сперва жадно хватала им воздух, а потом пронзительно закричала.

На крик тут же прибежал Веццарн. За ним следом явился Лаэс Янго. Гулик бормотала что-то непонятное. Капитан быстро захлопнул дверь и коротко приказал:

— Давайте отведем ее в кают-компанию...

Положение складывалось неприятное, но пока они добрались до кают-компании, капитан успел придумать легенду. «Мертвец», которого обнаружила любознательная госпожа, просто один из пассажиров, и его вовсе не следует бояться. Этот человек, чье имя капитан называть не имеет права, страдает некоей формой паралича, которую вроде бы умеют лечить на Эмрисе. С этим делом связаны несколько весьма важных персон с Ульдуны, и по причинам политическим присутствие этого пассажира на борту «Ночной птицы» должно сохраняться в строжайшей тайне.

Лаэс Янго, Веццарн и Гулик усердно кивали на его объяснения.

— Не могли бы вы пройти со мной в рубку, госпожа до Эдель? — попросил он. — Веццарн, посидите, пожалуйста, у экранов...

В рубке он предложил Гулик сесть, а Гот тут же пристроилась к пульту управления, но детекторы молчали. Мегайр они уже миновали; он потихоньку уходил за корму. Капитан включил внутреннюю связь и освободил Веццарна, следившего за экранами из кают-компании. Потом он повернулся к своей пассажирке.

— Я виновата, виновата, капитан Арон! — поспешно заверещала Гулик. — Не знаю, что на меня нашло! Уверяю вас, я вовсе не имею привычки совать нос в чужие дела!

— Меня интересует только то, как вам удалось открыть замки в коридоре и в каюте, — прервал ее Посерт.

— Но я их вовсе не открывала! — удивилась Гулик. — Обе двери были открыты, а та, что в коридоре, вообще распахнута настежь. Потому-то я и решила заглянуть внутрь... Может, это Веццарн... хотя нет, он ведь тоже ничего не знал, верно?

— Верно.

— Только у вас есть ключи от этих дверей?

— Предположим, — сказал капитан.

— Тогда я ничего не понимаю! Клянусь, я говорю правду! — Темные глаза Гулик смотрели сперва изумленно, потом испуганно: — А вдруг... этот несчастный... пришел в себя и сам открыл двери? Изнутри? — Она вся побелела от страха.

Капитан ответил, что сильно сомневается в возможности этого. Гот говорила ему, что, когда человек отключает свой разум, он вообще не может передвигаться. В остальном же данный инцидент ровным счетом ничего не прибавил к уже имевшейся у него информации относительно наличия на борту нескольких «любопытных». Гулик до Эдель. похоже, говорила правду. Впрочем, если она опытная шпионка, так и должно казаться. Особенно, когда она лжет...

Перед отлетом капитан установил в рубке индикатор охранной сигнализации, который должен был включиться, если бы кто-то полез в сейф, где хранился «камень» Олими. Теперь он был доволен собственной предусмотрительностью, хотя прежде она казалась ему излишней: дело в том, что замок с часовым механизмом, вставленный в сейф, должен был бы устоять против любого взломщика, однако и грузовой отсек, и секретная камера были оборудованы дверями особой прочности, которые поставила им та же

фирма, что оборудовала сейфы «Банка Даала».

Следующий день на корабле прошел относительно спокойно, хотя именно в этот день имела место первая настоящая атака на их корабль. Но все это было настолько несерьезно, что особого внимания не заслуживало. Дюжина черных иглообразных кораблей возникла вдруг на экранах, освещенная красным солнцем. До того нападавшие были не видны, ибо обозначавшие их светящиеся точки на экранах затмевало излучение звезд, находившихся позади них. Это была широко распространенная тактика нападения, и экипаж «Удачи» все время был начеку, особенно когда курс корабля пролегал поблизости от очередного солнца. Черные корабли сразу же легли на курс перехвата, двигаясь с исключительно высокой скоростью. Выглядели они довольно зловеще.

Сигнал тревоги поднял Гот с постели. Через тридцать секунд загорелся один из экранов, и с него на капитана глянуло ее лицо.

— Все готово! — доложила она, откидывая со лба спутанные волосы. — Запускать?

— Нет еще, — отвечал капитан. Проходя сквозь эту звездную систему, он не торопил «Удачу», так что у них был в запасе некоторый резерв мощно-

сти. — Может, мы и так уйдем... Ну-ка, переключи свой экран на правый борт.

Из кают-компании зазвучал сигнал интеркома. Капитан включил связь.

— Известно ли вам, — осведомился динамик голосом Лаэса Янго, — что нас хотят перехватить?

Капитан поблагодарил его, сказав, что вполне справится со сложившейся ситуацией. Торговец отключил связь. У него были отличные нервы: голос звучал ровно, сдержанно, и в нем лишь капельку чувствовалось любопытство. И еще, подумал капитан, надо признать, что глаз у Янго острый: на экранах в кают-компании иглообразные корабли стали видимы всего за пару секунд до того, как он позвонил в рубку.

Капитан следил за приборами, определявшими вероятную точку встречи с перехватчиками. Остроносые корабли пока что шли с прежней скоростью. Затем перехватчики свернули, чтобы зайти «Удаче» в хвост. Капитан медленно отвел регулятор тяги до предела назад. Ходовые двигатели дико взревели, и полторы минуты спустя они проскочили вероятную точку встречи, имея в запасе еще добрых секунд шестьдесят. Черные корабли в последний момент тоже включили форсаж, но «Удача» шла явно быстрее.

Вахта капитана закончилась, его сменила Гот, и он с чувством выполненного долга отправился спать. Потом снова встал, поел и заступил на вахту...

Глава седьмая

Пора было будить Гот. Но капитан решил дать ей еще немного времени. Эта бесконечная череда вахт здорово их истощила и вполне могла сказаться еще до того, как они пройдут через Чаладур. Вот если бы он мог доверять еще хоть кому-нибудь...

Капитан раздраженно фыркнул. На секунду ему показалось, что он чувствует запах духов. Видно, воображение разыгралось. Гулик до Эдель всегда пользуется духами, но ее в рубке уже целые сутки не было. Да и духи у нее вроде бы другие... Интересно, кто же это? Какой-то очень знакомый запах... Может быть?...

— Может быть, уделите мне пару минут, капитан Арон? — раздался у него за спиной тихий грудной голос. Капитан вздрогнул и резко обернулся.

У противоположной стены рубки стояла, чуть прищурившись и улыбаясь, рыжеволосая Сунната. Одета она была в тот самый наряд, который всегда вызывал у капитана усиленное сердцебиение. Она, как когда-то в Зергандоле, не стесняясь демонстрировала все свои прелести...

— Неплохо! — Капитан постарался сразу взять себя в руки. — Вот только голос не очень похож, а духи, по-моему, и совсем не те.

Суннат некоторое время изумленно смотрела на него. Улыбка медленно сползала с ее лица.

— Вот как? — произнесла она холодно, повернулась к нему спиной и уплыла в каюту Гот. Через секунду Гот собственной персоной уже стояла на пороге, не то хмурясь, не то улыбаясь.

— А я думала, у меня хорошо получилось! — разочарованно сказала она. — И голос, мне казалось, похож!

— Да нет, в самом деле очень неплохо! — заверил ее капитан. — Можно узнать, зачем это тебе понадобилось?

Гот взгромоздилась на столик перед коммуникатором и принялась, как всегда, качать в воздухе ногой.

— Хотелось потренироваться, — объяснила она. — Я еще не все умею. Тем более имитировать. Это, между прочим, не такая простая штука... А хочешь, я сейчас Гулик изображу? Уж ее-то я точно сымитирую!

— В другой раз, — сказал капитан, выбрался из кресла и подрегулировал его под ее рост. — Пойду-ка я посплю. А ты будь добра, оставь свои

тренировки и внимательно следи за экранами! Там опять что-то неладное...

— Можешь не беспокоиться! — Она спрыгнула на пол, подошла к нему — и оба замерли на месте.

Рубка наполнилась короткими, резким свистками; на одном из экранов пульсировала красная линия. Тревога!

— Сейф! — прошипела Гот.

Они бросились по коридору к грузовому отсеку. Весь корабль спал. В кают-компании никого не было, свет там горел неярко. По корабельному времени уже два часа, как наступила ночь.

Огромная дверь грузового отсека была плотно закрыта и даже как будто заперта, но стоило коснуться, как она распахнулась настежь. Освещение было включено — здесь явно кто-то побывал! Капитан достал бластер, и они быстро пошли по узкому проходу к дальнему концу отсека, где слева была запертая дверь в потайную камеру — массивная, способная выдержать любой напор. Дверь оказалась приоткрытой.

На пороге лицом вниз лежал Веццарн. Ноги его так и остались за порогом, словно он споткнулся и упал, выходя из камеры. Он не пошевелился, когда они переступили через него. Внутри ка-

меры слышалось странное громкое жужжание, словно там орудовал потревоженный рой каких-то гигантских насекомых. Сейф стоял у стены; его верхнее отделение, где помещался куб, было открыто. Перед сейфом на полу лежало несколько непонятных приборов. Но жужжание исходило именно из сейфа.

... Это напоминало переход через болото, до колен наполненное густой, липучей жижей. Капитана шатало от бесконечных приступов головокружения. Жужжание угрожающе нарастало. Он еще успел услышать, как Гот что-то предупреждающе крикнула. Впрочем, к этому моменту он уже достиг сейфа. Из него хлынул поток сероватого света, и капитана будто опалило холодным огнем. Ему показалось, что он падает в холодную, серую пустоту, хотя руки его лихорадочно искали край прочного и эластичного пластика, в который был ранее завернут «камень», потом наконец нащупали, потянули и принялись заворачивать, закрывать, закутывать бугристую поверхность страшного «камня»...

Через несколько секунд «камень» снова был тщательно завернут, а концы пластика надежно закреплены. Капитан и Гот стояли, тяжело дыша и глядя друг на друга. Жужжание понемногу сти-

хало; у них было ощущение, что некто ужасный собрался было проснуться, но потом передумал и решил продолжить свой сон.

— Кажется, вовремя успели! — отдышавшись, сказал капитан. — Давай быстрее!

Они не сумели как следует закрыть сейф — так и бросили его, с открытым верхним отделением. Они оттащили Веццарна от порога, захлопнули дверь камеры, заперли ее на три поворота ключа. Потом капитан взгромоздил Веццарна себе на плечи и потащил. Он был очень тяжел и то ли мертв, то ли просто без сознания; во всяком случае, тело его было неповоротливым, точно мешок с песком.

Заперев грузовой отсек, Гот бегом бросилась назад, в рубку, а капитан потащился следом, шатаясь под тяжестью тела. Пассажиров по-прежнему видно не было, но это вовсе не означало, что они спокойно спят.

В рубке капитан опустил Веццарна на пол и вдвоем с Гот занял место у приборной панели. Черный мрак Чаладура по-прежнему висел перед ними, но никаких признаков непосредственной опасности пока не было видно. Как и свидетельств того, что далекий Мир Червей знает о корабле, несущемся сквозь пространство с таин-

ственным «камнем» на борту, который к тому же только что кто-то пытался рассмотреть поближе. Гот и капитан переглянулись.

— Может, и обошлось, — вздохнул капитан. — Если поблизости не было этих нури... — Он оглянулся на Веццарна. — Давай-ка попробуем привести этого типа в чувство.

Через несколько минут Веццарн, кашляя и отплевываясь, очнулся, и капитан убрал фляжку с бренди.

— Вы меня слышите, Веццарн? — громко спросил он.

— Да, — прошептал Веццарн и огляделся. — А что это?..

— Дани сейчас немного позабавится с детектором лжи.

— Я все скажу, капитан, всю правду! — завопил Веццарн.

— Ладно, увидим. Но если только детектор покажет, что вы солгали, вы тут же вылетите наружу. Прямо в Чаладур!

Веццарн поспешно вывалил все, что мог вспомнить — о таинственной тяге, о тихом «голосе», который нанял его, а потом изменил задание, о своих собственных планах и о последних событиях на борту.

— Вот теперь я знаю, какой супердвигатель их интересует, сэр, — закончил он свой рассказ, дрожа от страха при одном воспоминании об этом. — Что до меня, так я даже близко никогда к этой дьявольской штуке не подойду! Хоть озолотите! Честно говорю! Я теперь ваш, со всеми потрохами, пока не пройдем Чаладур и не сядем на Эмрисе! Вы уж поверьте!

Капитан отошел к пульту управления, нажал на кнопку, и внутренняя дверь шлюза с резким хлопком закрылась. Веццарн вздрогнул и вздохнул с облегчением.

— Мне кажется, кто-то из наших пассажиров тоже интересуется супердвигателем, — заметил капитан. Пусть Веццарн считает, что «камень» и есть тот самый двигатель, подумал он. — Не знаете, кто именно?

— По-моему, оба, — ответил Веццарн, явно почувствовав себя увереннее.

Капитан с минуту молча смотрел на него.

— Меня уверяли, — произнес он наконец, — что, кроме боевого луча, который плавит любую броню, ничто и никто не может проникнуть в запертую камеру грузового отсека и открыть замок сейфа...

Веццарн закашлялся и со слабой улыбкой про-

изнес:

— Знаете, сэр, может, на Ульдуне и найдется еще пара-тройка более опытных медвежатников, чем я, да только не больше. Это я вам гарантирую. Надеюсь, вы все поняли, сэр?

Капитан кивнул.

...А через семь часов экраны предупредили, что идет Червивая Гроза. Она была еще далеко, но уже явственно были видны смутные желтые проблески среди звезд. Приборы почти одновременно зарегистрировали пять или шесть таких проблесков — причем не кучно, а по всему сектору. На первый взгляд, нури двигались хаотично и не в сторону «Удачи».

Еще через полчаса количество вспышек на экранах возросло до полусотни; нури уже окружали корабль со всех сторон, хотя двигались по-прежнему довольно беспорядочно, то уменьшаясь в размерах и словно пропадая вдали, то появляясь вновь... Гот приготовила вжжик-тягу и вернулась в рубку. Капитан отключил экраны в кают-компании. Лаэс Янго тут же позвонил по интеркому и поинтересовался причиной. Капитан сослался на небольшую поломку, уже почти устраненную.

Сферические переплетения нури к самому ко-

раблю пока что не приближались. Встреча с ними вообще-то могла быть чистым совпадением, но все-таки оставалась значительная вероятность того, что в этот сектор пространства их привлекло именно то, что Веццарн активизировал «камень».

— Боишься? — Гот уже не в первый раз спрашивала его об этом своим тихим и как бы придушенным голосом.

— В общем, да... А ты?

— И я. Немножко.

Через некоторое время число желтых шаров как будто уменьшилось. Капитан подождал еще несколько минут, окончательно убедился в этом, и спросил Гот, что она видит. Оказалось, что Гот тоже заметила: Червивая Гроза вроде бы проходила стороной. Затем остались всего два шара, видимо, самые недоверчивые. Они плыли далеко позади корабля, но с экранов исчезать не желали.

— А быть ведьмой все-таки здорово! — вздохнул капитан.

— Иногда, — кивнула Гот, и капитан не сразу ее понял.

— Ну, хорошо, теперь, видимо, некоторое время на борту будет спокойно, — сказал он. — Все, что

могло случиться, уже случилось. — Он засмеялся. — Если, конечно, кто-нибудь из ватчей не решит составить нам компанию!

Гот осторожно кашлянула.

— Знаешь что...

Капитан изумленно уставился на нее.

— Может, конечно, его тут и нет, — сказала Гот, — но я бы этого утверждать не стала...

— А я думал, ты это знаешь!

— Знаю — когда они близко. Но этот близко не подходит. Если это, конечно, ватч... Мне почему-то иногда кажется, что за нами наблюдают... — Она махнула рукой куда-то в сторону экранов, где светился Чаладур. — Издалека, оттуда...

А еще через две вахты им стало ясно, что не все еще успело случиться на борту «Удачи». И в том, что произошло на этот раз, ватч виноват не был, хотя некоторое время капитан еще сомневался. По сути дела, объяснения этому происшествию никто на корабле так и не нашел.

Тревогу подняла Гулик до Эдель. Капитан оставался на вахте, когда заверещал сигнал интеркома и раздался странно спокойный голос Гулик:

— Капитан Арон, я у себя в каюте. Мне срочно нужна помощь! Но постучите, прежде чем вхо-

дить, и непременно назовите свое имя, иначе я буду стрелять сквозь дверь!

— И почему же это вы будете стрелять сквозь дверь? — осведомился он, нажимая кнопку сигнала, чтобы разбудить Гот.

— А потому, — отвечала Гулик, — что по кораблю кто-то разгуливает!

— И кто же это?

— Зверь! Животное! Чудовище! — Гулик, видно, говорила с трудом, стискивая зубы, чтобы не сорваться на крик. — Я его видела собственными глазами. Только что. В коридоре возле кают-компании. Будьте осторожны!

— Сейчас приду, — сказал капитан.

В рубку вбежала Гот, на ходу застегивая куртку.

— Это ватч? — спросил капитан.

— Ничего подобного! — помотала головой Гот. — Да разве Гулик заметила бы присутствие ватча?

— Надеюсь, это всего лишь игра ее воображения. Пошли!

Они быстро и осторожно прошли по коридору. Никого. Свет в кают-компании был притушен. Они повернули в другой коридор и остановились у закрытой двери каюты Гулик.

— Отойди в сторону, — прошептал капитан. — Судя по ее тону, она запросто может начать палить сквозь дверь.

Он осторожно постучался и нажал кнопку переговорного устройства.

— Кто там? — резко осведомилась Гулик.

— Капитан Арон. И Дани тоже со мной.

Раздалось два щелчка. Дверь чуть приоткрылась, и Гулик опасливо выглянула наружу, не отводя от щели небольшого, но вполне убедительно выглядевшего бластера. Ее нежное лицо казалось серым и было искажено от страха, темные глаза нервно поблескивали. Капитан забеспокоился.

— Заходите! Быстро! — скомандовала Гулик, пропуская их в каюту.

— ...Я не успела его как следует рассмотреть, — рассказывала она, по-прежнему не выпуская из рук бластер. — Оно было в коридоре, который ведет в хвост корабля, шагах в тридцати от меня и в тени. Такая огромная темная туша. Б-р-р! — Гулик поежилась. — Это какое-то животное, и очень большое!

— Насколько большое? — спросил капитан.

— Не знаю... Туша не меньше, чем у лошади. Округлая и вся бугристая. А лапы, по-моему, ко-

роткие — во всяком случае, посадка у него низкая. А может, оно просто присело перед прыжком... Голова огромная, круглая, с бивнями или клыками! А глаза! Пять штук, и все в ряд в верхней части головы. Маленькие такие и ярко-желтые!

Все — исключая, конечно, Олими — собрались в ходовой рубке. И все, за исключением Гот, были при оружии. Веццарн, очевидно, поверил Гулик сразу. Лаэс Янго был настроен более скептически.

— Я слышал истории о том, как на корабли вторгались некие существа из Чаладура, — сообщил он. — Но никогда не считал, что им следует верить. Нервное перенапряжение...

— Мои нервы в полном порядке! — перебила его Гулик. Янго пожал плечами и кивнул в сторону экранов.

— Мы все прекрасно знаем, что здесь существуют вполне реальные опасности, — сказал он. — Самые различные. И никто не может предсказать, когда одна из них проявит себя. А вы предлагаете, чтобы девочка оставалась одна в рубке и охраняла нас, хотя на пути может встретиться все что угодно, а мы все займемся бессмысленными поисками по кораблю того, что вам привиделось?

— Дани, конечно же, нельзя одной здесь оставаться, — резко ответила Гулик. — Следует держаться вместе. Но я действительно считаю, что корабль необходимо осмотреть. И опять-таки всем вместе. Мы должны найти эту тварь и убить ее. — Она посмотрела на капитана. — Насколько я понимаю, вашему несчастному паралитику грозит сейчас самая серьезная опасность!

Капитан колебался. Покидать рубку на длительное время было бы неосмотрительно. С другой стороны, Чаладур выглядел спокойным и путь впереди был свободен. Никаких звезд, скоплений космической пыли, никаких других небесных тел или астероидов, способных скрывать засаду. Масс-детекторы уже несколько часов молчали...

Он сказал, что вряд ли на поиски им потребуется целый час — на корабле не так уж много мест, где могло бы спрятаться животное такого размера. А если это существо агрессивное, то нет оснований предполагать, что оно станет прятаться. Сейчас он включит автоматическую систему охранной сигнализации, которая сразу подаст сигнал тревоги, если что-либо подозрительное появится в зоне действия детекторов в любом отсеке. Всем держаться вместе, велел капитан. Передвигаться только группой.

Сперва они осмотрели пассажирский отсек, затем перешли в хвост корабля, осмотрели грузовой трюм и нижнюю палубу. Никто им не попался; не обнаружили они ни малейших следов столь огромного существа и в коридоре, где, согласно заявлению Гулик, она его видела собственными глазами. Однако Гулик стояла на своем.

— Что будут делать остальные, меня не касается! — заявила она. — Я лично спать больше не намерена и оставшиеся несколько суток из каюты не выйду. Если за это время ничего не случится, я поверю, что животного на борту больше нет: может, оно вернулось туда, откуда пришло. А пока советую всем позаботиться о собственной безопасности...

Капитан полагал, что Гулик несколько преувеличивает остроту ситуации. Животное, способное проникнуть сквозь корпус торгового корабля, надо полагать, способно проникнуть и в любую каюту. Может быть, Гулик просто не хочет в этом себе признаться... Но об этой возможности почему-то вслух не упомянул никто.

Когда капитан наконец снова уселся у пульта управления, предвкушая скорый конец своей вахты, он внезапно услышал взволнованный шепот Гот:

— Капитан!

Он вздрогнул. Последние дни были довольно напряженными — то одно, то другое, и сейчас он не расслышал ее шагов. Он резко повернул голову:

— В чем дело?

— Интерком выключен? — осведомилась Гот по-прежнему шепотом.

Она казалась встревоженной.

— Выключен. Что случилось?

— Капитан, я знаю, где прячется это создание, которое видела Гулик!

— Не может быть! — Капитан вскочил с кресла и бросился к ящику, где лежал бластер. — Так это чудовище все-таки на корабле?

Гот кивнула. Глаза ее блестели.

— В каюте Янго!

— Великий Патам! А Янго?..

— О нем можешь не беспокоиться. Он там с ним разговаривает. Я под дверью подслушивала. Беседуют на непонятном языке, я такого не знаю. Зато Янго знает.

Капитан недоверчиво уставился на нее.

— Гот, ты совершенно уверена, что он держит этого зверя у себя в каюте?

— Конечно, уверена! Он на минутку дверь при-

открыл и в коридор выглянул, а оно стояло у него за спиной, совсем близко!

— А что, если бы оно тебя учуяло?

— Но я же была без формы, без звука, без запаха! — уверенной скороговоркой заявила Гот. — Я это все умею выключать, капитан! Меня там словно и не было. Зато я успела немного разглядеть это чудище! Здоровое, мех коричневый. И лапу видела, не всю, правда. Странная лапа, вроде ножки жука. Только вся косматым мехом поросла. Но я, конечно, не очень хорошо успела рассмотреть... — Она поглядела на него. — Что будем делать?

— Раз Лаэс Янго с ним разговаривает, значит, он может его контролировать. Давай-ка займемся этим прямо сейчас, пока чудовище у него.

— Он и сам оттуда пока что выбраться не может, — сообщила Гот.

— Это почему?

— А у него без нашей помощи замок не откроется. Я в него железку засунула. И его заклинило.

Когда контейнеры с невероятным электронным оборудованием Лаэса Янго прибыли на борт, торговец настоял, чтобы один из самых больших был помещен к нему в каюту, а не в грузовой отсек.

— Помнишь, у него такой здоровый ящик был? — спросил капитан Гот.

— Вряд ли такое чудище в нем поместится, — с сомнением сказала Гот.

— Ну, если размером с лошадь... тогда да, пожалуй, не поместится. Впрочем, это всего лишь предположение... — Капитан сунул бластер в карман. — Пошли. Попробуем выяснить, что там такое. Гот понимающе кивнула и улыбнулась.

— Тогда я изменю свою форму, да?

— И все остальное тоже.

— Ладно, — сказала Гот и исчезла. Капитан навострил уши, пытаясь хоть как-то определить ее присутствие, но она исчезла без следа. «Вот бы и мне так», — подумал он. Когда Посерт подошел к двери каюты Янго, пальчики Гот легонько сжали его руку.

Некоторое время он прислушивался. Голосов из-за двери слышно не было, но раздавались другие звуки, хотя и очень слабые. Дважды по каюте кто-то прошел — но это были быстрые шаги человека, а не звериный топот. Затем послышался несильный удар, что-то лязгнуло, и снова раздались удары. Еще два... Потом все стихло.

Капитан подождал еще с минуту и включил переговорное устройство на двери.

Он ожидал услышать в ответ либо молчание, либо возню, однако Лаэс Янго спокойно осведо-

мился:

— Кто там?

— Капитан Арон. Могу я войти, господин Янго?

— Конечно, сэр... Одну минуту, дверь, кажется, заперта.

Шаги послышались у самой двери. Янго вел себя совершенно нормально и ничуть не подозрительно. А эти тяжелые удары? Капитан отступил в сторону, сунул руку в карман и нащупал бластер.

Дверь распахнулась — сразу стало ясно, что никакого чудовища в каюте нет. Торговец холодно и скупо улыбнулся.

— Входите, сэр.

Капитан вошел. На столике у стены слева горела лампа и валялись какие-то бумаги. Огромный контейнер загромождал почти всю дальнюю часть каюты, но лошадь упрятать в него было явно невозможно.

— Надеюсь, я не очень вас обеспокоил? — сказал капитан.

— Вовсе нет, капитан Арон, — Лаэс Янго широко улыбнулся. — Чем могу служить?

— Речь идет о безопасности корабля. — Капитан достал бластер. Янго посмотрел на бластер, затем снова на капитана, скорее удивленно, чем

встревоженно.

— Неужели все так серьезно? — спросил он.

— Да, — сказал капитан, чуть приподнял ствол бластера и указал на контейнер. — Вы сообщили мне, насколько я помню, что здесь находится некое весьма ценное и хрупкое гиперэлектронное оборудование?

— Совершенно верно.

— Я вижу, контейнер заперт, — продолжал капитан, — однако мне придется попросить вас открыть его.

Лаэс Янго задумчиво пожевал губу.

— Вы настаиваете на этом? — спросил он.

— Боюсь, что да.

— Хорошо, сэр. Я знаю законы — в рискованном полете вопрос безопасности корабля автоматически получает приоритет над всеми остальными соображениями.

Торговец достал два здоровенных ключа, вставил их по очереди в замок, несколько раз повернул каким-то сложным образом, вынул и отступил в сторону. Крышка контейнера начала медленно открываться, затем щелкнула и застыла. Капитан придвинулся ближе, не спуская глаз с торговца, и заглянул внутрь...

Больше всего это было похоже на огромный

меховой плащ, сложенный в несколько раз. Мех был коричневатый, длинный и жесткий, кое-где украшенный черными полосами, как у тигра. Капитан осторожно протянул руку, потрогал мех пальцем, затем приподнял шкуру — казалось, она сопротивляется этому, и капитан опустил ее.

— Так это и есть ценное гиперэлектронное оборудование?

Янго кивнул.

— Да, сэр! Можно сказать, бесценное! Очень древнее и в прекрасном состоянии. Это робот Шима — в разобранном виде, конечно... Великий мастер, создавший его, умер более трехсот лет назад.

— Робот Шима? — повторил капитан. — Понятно... Но вы его недавно собирали, не так ли?

— Ну и что? — Янго напрягся.

Капитан потянул за одну из складок мохнатой шкуры...

Голову, утонувшую в коричневом мехе, он увидел почти сразу. Она, пожалуй, больше походила на страшную маску, сплющенную, покрытую колючей щетиной. Но глаза смотрели как живые. Гулик до Эдель описала их совершенно точно — пять маленьких, круглых, огненно-желтых глазок, расположенных в один ряд. Сейчас

глаза уставились в потолок каюты. Чуть ниже виднелась огромная темная пасть. По обеим ее сторонам торчали две пары закрученных черных бивней. Голова была огромная, слишком большая даже для туши «размером с лошадь».

Капитан сложил все обратно, прикрыв голову шкурой.

— Его называют еще Паук Шима! — сказал Лаэс Янго. — Это уникальное изделие, капитан Арон. Роботы Шима изготавливались по образу животных, обитающих в разных мирах, и Паук, как принято считать, был самым совершенным из них. Это последний сохранившийся экземпляр. Вы спросили, не собирал ли я его недавно... Да, собирал. Это совсем нетрудно. С вашего разрешения...

Капитан поднял бластер, направив его в грудь Янго.

— Что это вы прячете в левой руке? — спросил он.

— Да это же пульт управления роботом! — нахмурился Янго. — Насколько я понял, вы желали увидеть его в собранном виде? Понимаете, роботы Шима воссоздают себя сами, стоит активировать их.

Сложенная шкура зашевелилась, поползла в

сторону и стала приподниматься.

— Даю вам две секунды, — сказал капитан очень ровным голосом, — Немедленно выключите его, иначе стреляю!

Шевелящаяся масса медленно осела и успокоилась.

— Я выключил его, сэр! — Янго не сводил глаз с бластера.

— А я забираю у вас это устройство! — сказал капитан. — После того, как вы запрете контейнер, заберу и ключи. А затем вы мне расскажете, для чего создан этот робот, куда вы его везете и ради чего собрали его и пустили разгуливать по кораблю, никого не предупредив.

На лице Янго была написана с трудом сдерживаемая ярость, однако он более не протестовал. Бизнесмен запер ящик и передал капитану ключи и пульт управления. Потом рассказал, что ему было дано поручение от имени принца-консорта планеты Сванси, расположенной на галактическом севере от Эмриса, непременно заполучить этого робота. Принц Вуэсселен, как известно, является обладателем замечательного механического зоопарка, и цена, которую он обещал заплатить за Паука Шима, была просто фантастической. Как и где Лаэс Янго приобрел

робота, он сообщить отказался. Помимо платы за самого робота, ему была обещана огромная премия, если он сумеет доставить Паука вовремя, ибо принц Вуэсселен намеревался выставить его во время летних празднеств в северном Сванси; премия была такова, что Янго решил лететь сквозь Чаладур.

— Вот причины, из-за которых я, помимо всего прочего, совсем не желал, чтобы кто-нибудь узнал о том, что я везу знаменитого Паука Шима. Мне совсем не хочется прилететь на Сванси без Паука и с перерезанным горлом!

— Но зачем же вы собирали его здесь, на корабле? — удивился капитан.

— Я обещал, что доставлю его в рабочем состоянии. А этих роботов нужно время от времени проверять — можно сказать, прогуливать. Я весьма сожалею, что мои действия вызвали тревогу, но опасности-то никакой не было. Роботы Шима совершенно безвредны. Это просто чрезвычайно дорогие игрушки!

Капитан с неудовольствием крякнул.

— Как же вы умудрились засунуть такую огромную штуку в контейнер?

— Подобные роботы созданы на основе гиперэлектроники и в собранном виде в значительной

степени состоят из взаимодействующих энергетических полей различных видов. Когда же робот разобран, поля исчезают, а материальные детали занимают относительно мало места.

— Понятно, — кивнул капитан. — Теперь, я полагаю, вы должны извиниться перед госпожой до Эдель — уж вы нагнали на нее страху! Затем я доставлю сюда корабельный кран, мы перетащим контейнер с роботом в отдельное помещение и оставим там под замком. Мне кажется, ваш робот уже всласть нагулялся по кораблю, так что посидит пока взаперти.

Гулик до Эдель сперва захотела увидеть Паука собственными глазами, прежде чем поверила рассказу капитана и Янго. Однако одного взгляда на огромную клыкастую морду оказалось вполне достаточно. Гулик задрожала и воскликнула:

— Пожалуйста, закройте немедленно ящик!

Контейнер был заперт, Лаэс Янго принес Гулик свои извинения, и она с отвращением уставилась на него.

— Я горжусь своим благородным происхождением! — заявила она. — Только поэтому на сей раз я принимаю ваши извинения, однако, если вы попробуете выкинуть что-нибудь еще в этом роде, я просто разнесу вам голову из бластера!

Скверные отношения между пассажирами обычно серьезно влияют на общую атмосферу на корабле. В нынешнем положении, однако, как считал капитан, вражда между Лаэсом Янго и до Эдель была, пожалуй, даже полезна, Капитан некоторое время ломал голову над тем, способна ли Гулик осуществить свою угрозу и разнести голову Лаэсу Янго, и решил, что вполне способна. Янго же, если судить по тому, что сообщала о нем Гот, не спускавшая с него глаз, большую часть времени честно сидел у себя в каюте.

Ни Гот, ни Веццарн никогда не слыхали о древних роботах Шима. Вполне возможно, что гиперэлектронный Паук и в самом деле был вполне безобиден, но пока что его накрепко заперли в отдельном отсеке — до прибытия на Эмрис. Случалось ведь, что даже самые кроткие роботы оказывались отнюдь не безвредными...

И все же полет до Эмриса не будет длиться вечно! Они прошли уже половину пути через Чаладур...

— МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК, — услышал вдруг капитан громкий и внятный голос ватча, — МНЕ С ТОБОЙ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО! Я УЖАСНО РАД, ЧТО ОБНАРУЖИЛ ТЕБЯ В СВОИХ МЫСЛЯХ!

Чрезвычайно удивленный, капитан огляделся,

но ничего не обнаружил. А голос вновь возник как бы ниоткуда и пронизал его насквозь, словно мощный порыв ветра.

— КАКИЕ ТУТ У ВАС ПРОИСШЕСТВИЯ! КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ!
— воскликнул ватч. — И КАК СМЕШНО ВЫ ДРУГ С ДРУГОМ БОРЕТЕСЬ, ФАНТОМЫ! О, ЧЕЛОВЕЧЕК, СОЗДАНИЕ МОЕГО РАЗУМА, ЗАСЛУЖИВАЕШЬ ЛИ ТЫ БОЛЕЕ ПРИСТАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ?

Капитану на мгновение показалось, что перед ним возникла некая колеблющаяся тьма. Чуть ниже ее верхнего края он разглядел два зеленых глаза, напоминавших узкие щели. Глаза смотрели на него.

— МОЖЕТ БЫТЬ, НАМ СДЕЛАТЬ ЭТУ БОРЬБУ ЕЩЕ ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧЕЛОВЕЧЕК? ДАВАЙ ПРОВЕРИМ, СПОСОБЕН ЛИ ТЫ ИГРАТЬ БОЛЕЕ СЛОЖНУЮ РОЛЬ?

Капитан резко выпрямился и увидел, что по-прежнему сидит в кресле у пульта управления. Вокруг были все те же знакомые приборы. Чаладур глядел на него с экранов.

Заснул, подумал он. Заснул и увидел во сне этого ватча, который, видите ли, считает, что и сам капитан, и весь его корабль с пассажирами и командой ему снится! Глаза капитана скользну-

ли к хронометру на панели приборов. Видимо, он отключился всего на пару минут. Скверно! Вахта ведь только началась!

Глава восьмая

Некоторое время все на корабле вели себя пристойно. Зато Чаладур расшалился — несколько раз поднималась тревога, а однажды пришлось спешно включить форсаж, чтобы побыстрее убраться от какого-то облака коричневой пыли. Для обычной космической пыли это «нечто» было чересчур прытким. Вокруг «Удачи» замелькали синие электрические разряды, которые трещали и рвались все то время, что они уходили от неведомой погони; потом облако постепенно отстало. Была и еще одна неприятная встреча — огромный бледный сферический корабль, который внезапно появился у них прямо по курсу. Они отогнали его рычанием пушек «Нова», некоторое время он шел параллельным курсом за пределами действенного огня, затем свернул и растворился в пространстве.

И еще то там, то здесь экраны засекали Червивую Погоду.

Это не было похоже на обычную Червивую Грозу: обнаружить признаки появления нури удавалось лишь благодаря крайнему напряжению и постоянной боевой готовности. Экраны

часами оставались пусты, потом вдруг на них возникало желтоватое свечение, минуту-другую мелькало в отдалении и исчезало в непредсказуемом направлении. Экраны в кают-компании были по-прежнему отключены — капитан оповестил всех, что временное отключение (в связи с «поломкой») превратилось в постоянное: ему не хотелось, чтобы Веццарн и пассажиры знали о том, что творится вокруг них. Однако им двоим, возложившим теперь на себя всю ответственность за безопасность «Удачи» и за исход этого рискованного путешествия, пришлось нелегко. Нервы были измотаны до предела. Время, отведенное для сна, пришлось сократить.

Поэтому капитан не особенно удивился тому, что снова заснул во время вахты. И, проснувшись, некоторое время даже был не в состоянии испытывать озабоченность по этому поводу. Он, правда, соорудил себе нечто вроде будильника, который с гарантией мог вывести любого из самого глубокого сна, и теперь, заступая на вахту, сразу ставил его на стол перед собой. Стрелки будильника следовало через каждые три минуты переставлять, отключая его, иначе он производил невероятный шум, а за три минуты даже при полете сквозь Чаладур вряд ли успело бы

произойти что-то уж очень серьезное. Так что при первых же признаках сонливости капитан включал свой будильник и каждые три минуты вздрагивал от его сигнала.

Однако на этот раз, очнувшись от краткого забытья, капитан вдруг ощутил тревогу: в этот раз поставить будильник он забыл! Он еще помнил, как на него внезапно накатила тяжелая волна сонливости, накрыла с головой и в одно мгновение отключила от действительности. А перед этим ему все время казалось, что на борту все переменилось, все вокруг не так, как надо...

Очнувшись, он вздрогнул, словно от удара: было совершенно ясно, что «выключился» он довольно давно. Капитан машинально скользнул глазами по индикаторам детекторов. Ничего нового. Тогда он перевел взгляд на ходовые экраны и обомлел: там творилось нечто совершенно необычное!

Картина изменилась кардинально. В нескольких градусах слева висел бело-голубой диск неведомого солнца размером с ноготь большого пальца. От него исходило интенсивное свечение. Ничего подобного прежде на экранах и в помине не было! Сколько же времени он проспал?..

Три с лишним часа, хладнокровно подсказал

ему хронометр на пульте управления. Целых три часа и двадцать минут! Он нажал кнопку звонка в каюте Гот. Да за эти три с лишним часа любой пират Чаладура мог не раз расстрелять корабль из своего бортового оружия!

— Гот, где ты?

Экран интеркома оставался пустым. Ответа не было.

Капитана охватила паника. Он хотел было вскочить, но вдруг почувствовал ужасную боль в левой ноге и свинцовую тяжесть. Он рухнул обратно в кресло, и тут у него из-за спины раздался насмешливый голос Лаэса Янго:

— Не волнуйтесь так, капитан! С девочкой ничего не случилось. Она здесь, в рубке.

Гулик до Эдель и Веццарн тоже оказались в рубке. Гот сидела на кушетке между ними, странным образом прислонясь к Гулик и уронив голову. Все трое выглядели так, словно внезапно заснули.

— Что вы с ними сделали? — спросил капитан.

— Запустил немного усыпляющего газа в систему вентиляции, — пожал плечами Янго. — Вполне безопасное средство, но, если не знать противоядия, оно действует не меньше двенадцати — четырнадцати часов. В два раза больше того, что мне требовалось.

— Требовалось для чего?

Янго поудобнее устроил руку на подлокотнике кресла. В руке он держал нечто, напоминающее пистолет. Парализатор!

— Ну что же, начнем по порядку. — Торговец был совершенно спокоен. — Хотя я вряд ли могу рассчитывать на ваше полное внимание, пока вы не придете к разумному выводу о том, что ничего изменить не в силах. Для начала сообщаю: ваш бластер у меня, равно как и оружие, принадлежавшее всем остальным. Вы живы исключительно благодаря моей снисходительности. Если мне покажется, что вы представляете для меня хотя бы малейшую опасность, ваша смерть последует немедленно. С кораблем я отлично справлюсь и сам.

А теперь кое-что объясню. Видите ли, я коллекционер и собираю ценные вещи. Это могут быть космические корабли, или люди, или... — Янго сделал широкий жест левой рукой. — А потому деньги я, естественно, добываю везде, где только возможно. Информацию тоже. Я всегда был очень жаден до информации. И даже создал самую, по-моему, эффективную и действенную систему ее селекции. Благодаря этой системе некоторое время назад я получил одно интересное

сообщение; оно касалось некоего капитана Посерта, до недавнего времени являвшегося вполне добропорядочным гражданином независимой трансимперской Республики Никкелдепейн. Этот капитан Посерт, судя по всему, купил на планете Порлумма трех рабынь и увез их с собой. Три девочки — по всей видимости, сестры — были родом со знаменитой планеты Каррес. Затем последовали сообщения о том, что корабль капитана Посерта мгновенно скрылся из глаз, как только его попытался догнать полицейский катер. Из этого был сделан следующий вывод: купив юных ведьм с планеты Каррес, капитан получил в распоряжение некий космический двигатель неизвестного типа.

Сами видите, история весьма занимательная, особенно если рассматривать ее в свете тех слухов, которые давно циркулируют по Вселенной и имеют самое непосредственное отношение к загадочной планете Каррес. Мне стало еще интереснее, когда некоторое время спустя я узнал, что упомянутый капитан Посерт вместе со своим кораблем и одной из трех девочек-ведьм, купленных им на Порлумме, находится на Ульдуне, которая ныне является моей оперативной базой. И тогда я немедленно предпринял весьма энер-

гичные меры.

Чуть позже мне стало ясно, что я не единственный, кого заинтересовала эта история. До Ульдуны дошло несколько ее версий, все достаточно искаженные. Согласно одной из них, капитан Посерт не является гражданином Никкелдепейна, а имеет самое непосредственное отношение к обитателям Карреса. Согласно другому сообщению, в котором ни словом не упоминалось о Карресе или его ведьмах, он заполучил или изобрел новый супердвигатель — что было блестящим достижением с точки зрения технологии! — и этот двигатель дает ему возможность мгновенно перемещать корабль на огромные расстояния.

Я очень осторожно наводил справки. Если вы и есть тот самый капитан Посерт, то у вас, видимо, все-таки имеется такая супер-тяга. Иначе невозможно объяснить ваше появление на Ульдуне почти сразу после того, как вас видели у западных границ Империи. Вопрос о тяге исключительно важен. Однако за ней охотятся слишком многие, и мне пришлось повозиться, чтобы при любом исходе дела я остался единственным ее обладателем. Пока вы находились на Ульдуне, половина всех пиратских кораблей, составляющих космический флот Агандара, была стянута к этой

планете. Все они получили приказ при первом же моем сигнале начать хорошо спланированную всеобщую атаку. Не самая простая операция, однако я решил, что если даал все-таки заполучит эту тягу — а у меня некоторое время были серьезные основания предполагать, что именно так оно и случится, — я ее у него просто отберу.

— Так вы действуете заодно с пиратами Агандара? — спросил капитан.

— Не совсем так. Дело в том, — отвечал Лаэс Янго, — что Агандар — это я и есть, и все пираты работают на меня. И не только пираты. И вы будете работать на меня — если, конечно, примете разумное решение. Хотя у вас практически нет выбора.

Это было слишком важное предприятие, чтобы доверить его кому-нибудь другому. И вот я стал вашим пассажиром. Я наблюдал и слушал, используя, разумеется, не только собственные глаза и уши. И теперь я почти уверен, что вы ни разу не пользовались супер-тягой после моего появления на борту. Стало быть, ее использование действительно ограничено? Видимо, просто так ее не включают, решил я, понимая, однако, что она находится в постоянной готовности и может быть задействована в любой момент. Вы,

капитан, превосходный навигатор, но отнюдь не колдун. Сообщение о вашей причастности к миру ведьм оказалось необоснованным. Как только возникает ситуация, чреватая угрозой, вы зовете на помощь девочку. Не вы управляете знаменитой супер-тягой. Вы этого просто не можете. Все делает ваша ведьмочка, то есть, точнее, она и есть «супер-тяга»! Это, так сказать, основополагающий факт. Для меня же он означает следующее: чтобы использовать супер-тягу, нужно научиться использовать ведьму и контролировать ее действия. А ведьма еще маленькая, неопытная и относительно беззащитная. Стало быть, ее действия контролировать можно.

— Учтите, у нее огромное количество друзей, не столь неопытных, как она сама, — осторожно заметил капитан.

— Возможно. Однако Каррес, что бы там с ним ни произошло, сейчас находится очень далеко отсюда. Ваш корабль не выйдет за пределы Чаладура. И даже если друзья этой ведьмочки о чем-то в конечном итоге узнают, они не будут иметь ни малейшего понятия, где начинать поиски. А здесь ее к этому времени не будет.

— И где же она окажется? — спросил капитан.

— На моем флагманском корабле! Который в

связи с этим приобретет одно чрезвычайно ценное качество! Особенно ценное, если никому о нем не рассказывать.

— Понимаю. А пока я бы очень советовал вам дать этой ведьмочке то же противоядие, какое вы дали мне.

— С какой стати?

— Да с такой, — капитан мотнул головой в сторону пульта управления. — Детекторы зарегистрировали пару любопытных сигналов... Так что ее помощь может потребоваться уже через несколько минут.

— Блеф! — Агандар поднял свой парализатор, встал и подошел к пульту. Остановился он, правда, шагах в пяти от него и некоторое время смотрел только на экраны. — Да, вижу. Садитесь в кресло, капитан Посерт. Корабль на некоторое время в вашем полном распоряжении. Прибавьте скорость, но курса не меняйте, если, конечно, не возникнет веских причин.

Капитан чувствовал, что нога уже отошла, но если Агандар не подойдет ближе, толку от этого все равно никакого. Что еще можно предпринять? Этот человек сумел выяснить практически все относительно вжжик-тяги, и очень не похоже, что он даст заманить себя в ловушку. Если бы Гот

проснулась, вдвоем они смогли бы справиться с Агандаром. Но пират не желал давать им ни малейшего шанса.

— Видите ли, я взял на себя смелость проложить новый курс, — вкрадчиво сказал Агандар. — Сейчас объясню... — Он снова уставился на экраны. — О, да, наше присутствие, кажется, заметили!

Синие вспышки изменили свое направление и теперь двигались в их сторону — явно включилась в работу детекторная система неизвестных кораблей, однако на таком расстоянии невозможно было определить, что эти корабли из себя представляют. Стоит ли сообщать пиратскому вожаку о существовании Олими, думал капитан, и о запертом в сейфе «камне»? Нет, этого делать не следует...

— В Чаладуре иной раз возникают чрезвычайно опасные ситуации, — заметил Агандар, не сводя глаз с экрана. — Но такое случается редко. Многое зависит от собственного здравого смысла. И от везения. Чтобы удрать от подобных хищников — а это именно хищники, можете быть уверены, — нужны смелость и надежный корабль.

Вспышки на экране опять сместились и двигались параллельным курсом.

— Некоторое время они будут следовать за

нами, а потом, уразумев, что на них не обращают внимания, решат, что на этот раз рисковать не стоит. — Агандар вернулся к своему креслу и уселся поудобнее. — Следуйте тем же курсом, капитан. Нет нужды беспокоить нашу юную ведьмочку из-за таких пустяков.

— Возможно. Но часа четыре назад на экранах мелькнула Червивая Гроза.

Агандар задумался.

— Давненько ее не было видно в этих краях, — заметил он. — Не уверен, правда, что вы не лжете, капитан.

— Гроза прошла не очень близко. — Капитан сделал вид, что не слышит слов Агандара. — Но все же мы приготовили супер-тягу. Вы уверены, что сможете разбудить девочку, если нури появятся опять и заметят нас?

— С нури никогда ничего нельзя знать заранее, — сказал Янго-Агандар. — А ведьму можно разбудить очень быстро. Но я не стану ее будить без крайней нужды. Во всяком случае, пока мы не достигнем точки рандеву. То есть, часов через шесть. Что ж, следите за экранами, капитан.

— А с кем у нас рандеву? — осведомился Посерт.

— С моим флагманским кораблем. Я устано-

вил с ним контакт с помощью экранированного передатчика. На борту сейчас ведутся приготовления к такой встрече, которая заставит вашу ведьмочку отказаться от любых шалостей. А уж мы постараемся переубедить ее и склонить к сотрудничеству. — Янго говорил ровным тоном, однако Посерта охватил леденящий ужас. — Что же касается лично вас и всех остальных, то вам подберут занятия в соответствии со способностями. Не люблю попусту тратить добротный человеческий материал. Вы знаете, что Эдель — тайный агент Империи?

— Никто мне, разумеется, об этом не сообщал... — Капитан тянул время, он как раз раздумывал, стоит ли сообщать Агандару, что отнюдь, видимо, неслучайное наличие в этой зоне Чаладура Червивой Погоды может в любой момент изменить ситуацию к худшему. Но решил пока умолчать об этом.

— По моим сведениям, она очень способный агент, — сказал Янго. — Надеюсь, как только она познакомится с моей организацией, то очень быстро решит, что имеет смысл сменить кое-какие привязанности. Что же касается Веццарна, он долгое время выполнял разнообразные поручения секретной службы даала, поэтому его вполне

можно использовать для работы вместе с Эдель. Ну а вы по-прежнему останетесь капитаном космического корабля — хорошие навигаторы мне нужны... — Янго улыбнулся. — Итак, особого выбора, как видите, у вас нет, хотя будущее, по-моему, несет вам даже определенную выгоду. Мой флагманский корабль — великолепный образец звездолетов. Он вам понравится, уверяю вас. Кроме того, за службу я плачу очень хорошо.

Капитан хотел было ответить, но тут заверещал детектор, подавая сигнал о непосредственной угрозе нападения.

— Скорее будите Гот! Может быть, она еще успеет!

Он выключил звуковой сигнал детекторов, развернул кресло, увидел лицо Янго и замер. Янго, весь ощетинившись, держал его на мушке парализатора!

— Не пытайтесь провести меня! — Голос Янго-Агандара звучал подозрительно спокойно.

— Провести вас! Великий Патам! — взорвался капитан. — Вы что, сами не видите?!

— Что именно? — презрительно спросил Агандар, быстро глянув на экраны.

Капитан был потрясен:

— Неужели вы не слышали писка детекторов?

— Детекторов? — Лицо Янго переменилось, он словно пытался что-то вспомнить и никак не мог. — Нет, я ничего не слышал. — Изумленное выражение медленно сползло с его лица. — Потому что никаких сигналов не было! И на экранах ничего нет! Ничего! А если вы пытаетесь симулировать психоз, капитан Посерт, то это у вас плохо получается.

Капитан снова посмотрел на экраны. Все пространство вокруг корабля было заполнено огромными светящимися «шарами» Манарета! У него перехватило дыхание.

— Я ошибся! — заявил он, поднимаясь с кресла. — Там действительно ничего нет... — Все экраны левого борта теперь были заполнены нестерпимым желтым сиянием, его блики метались по переборкам рубки, оттеняя неподвижную фигуру Агандара с парализатором в поднятой руке. — Я не могу больше вести корабль, я отказываюсь! — отчаянно завопил Посерт. — Смените меня!

— Сидеть! — чуть более напряженным голосом велел ему Янго. — Оставайтесь на своем посту! И немедленно успокойтесь! Молчите! Не двигайтесь! Если вы пошевелитесь, я сразу нажму на спусковой крючок и поражу вас прямо в сердце. Так что сидите спокойно. Мне надо подумать.

Капитан замер. Парализатор по-прежнему был направлен ему прямо в грудь. Янго в лучах все более интенсивного желтого света тоже сперва сидел неподвижно и молча, потом сказал:

— Нет, вы не ошиблись. Вы были правы, капитан. Действительно идет Червивая Гроза. Но это ничего не меняет.

Дуло парализатора по-прежнему смотрело на капитана.

— Но если вы разбудите Гот или хотя бы дадите мне противоядие, тогда...

— Нет. Вы ничего не понимаете, — сказал Янго. — Мы все погибнем, если минут через пятнадцать вы не придумаете, как нам отсюда выбраться. Даже если при этом я буду пытаться остановить вас... — Он кивнул в сторону экранов. — У меня нет выбора! Я только сейчас понял, что они полностью овладели мною! Я более не властен над своими поступками. Они пытались подчинить себе вас, но что-то им мешает... Впрочем, и это тоже неважно... На корабле имеется некий предмет, которого они безумно боятся и который стремятся во что бы то ни стало уничтожить. Я не знаю, что это за предмет, но вы, по всей видимости, знаете. Нури не могут ничего сделать с этим предметом сами, над ними довлеет запрет. Не

могут и подойти к кораблю достаточно близко...

Это они заставили меня взять курс вон на ту звезду! На голубой гигант. Мы летим прямо к нему и в итоге врежемся в него на полной скорости и сгорим! Они ни на миг не решаются ослабить контроль над нашим кораблем, опасаясь, что мы способны уйти от них. Если вы сейчас откажетесь выполнять мои приказания, я должен буду вас убить и сам вести корабль к этой звезде. И я это сделаю! — Лицо Янго исказила гримаса ужаса. — У меня нет желания умирать, капитан Посерт. Вряд ли оно есть и у вас. Но я не могу ослушаться! И мы все погибнем, если вы не найдете способа немедленно вырваться из-под власти нури! Должен же быть хоть какой-нибудь способ!

— ОГО! — услышал капитан голос ватча. — КАКИЕ ПОТРЯСАЮЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ! КАКИЕ ПОВОРОТЫ! ЗАЧЕМ ЖЕ ТАК БЫСТРО ЗАКАНЧИВАТЬ СТОЛЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ ИГРУ? ДАВАЙТЕ-КА СНОВА ПЕРЕМЕШАЕМ ВСЕ ФИШКИ...

Буря закрутила корабль, как щепку. В рубке стало темно, пол заходил ходуном. Капитан почувствовал, как его выбросило из кресла, ударило об стол и отбросило назад. Свет в отсеке погас. Казалось, весь корабль погрузился во мрак. Затем

корабль как будто повернулся и снова ровно пошел вперед. Экраны вдруг снова вспыхнули — приглушенным красно-коричневым светом...

Больше капитан ничего разглядеть не успел. Он пытался встать на ноги, отчаянно цепляясь за что-то руками, а что-то отпихивая от себя ногами. Но тут это «что-то» вдруг больно ударило его по бедру, где-то над ним грязно выругался Лаэс Янго, и капитан быстро «нырнул» вперед, чтобы избежать второго пинка тяжелым башмаком. Янго лишь чуть задел его по голове. Капитан схватил пирата за вторую ногу и сильно дернул. Янго рухнул на него, как мешок с камнями.

Они покатились по полу, ударяясь о какие-то предметы. Капитан колошматил Янго кулаками куда придется, но тот по-прежнему сопротивлялся. Наконец Посерту удалось схватить противника за руку и вывернуть ее, но Янго другой рукой сдавил ему горло. Рука была мощная, мускулистая. Капитан понял, что сейчас задохнется, замотал головой, выпустил пирата и откатился в сторону, ударившись при этом о какой-то тяжелый металлический предмет. Он, не глядя, схватил этот предмет и врезал по тому месту, где, как ему казалось, должна была находиться голова Янго.

Голова оказалась там, где он и рассчитывал. Янго вскрикнул и обмяк. Капитан вылез из-под его тяжелого тела и сразу уставился на экраны. Червивая Гроза по-прежнему окружала их со всех сторон!

— Гот! — хрипло окликнул капитан. Помятое горло сильно болело. Он вспомнил, что Гот его слышать не может.

Он нашел ее на полу; кушетку снесло и перевернуло во время бури. Капитан поставил кушетку на ножки, придвинул к переборке, уложил на нее Гот. Девочка что-то пробормотала во сне. Гулик и Вещцарн лежали рядом с кушеткой на полу. Капитан бросился к пульту управления. Вдруг в рубке загорелся свет. Видимо, включилась система аварийного освещения.

Посерт завернул Агандару руки назад и надел на запястья единственную пару наручников, имевшуюся на корабле на случай чрезвычайных обстоятельств. Затем быстро вывернул пирату карманы. В одном из них он обнаружил похожий на бумажник кожаный футляр, где в гнездах еще оставалось три шприца. Всего гнезд было пять. Видимо, это противоядие. Капитан колебался, но лишь секунду. Разбудить Гот было необходимо, однако он боялся того, что могло содержаться в

трех маленьких шприцах. А что если там яд?

Ничего более интересного он в карманах пирата не обнаружил. Капитан посмотрел на экраны и увидел, что «Удача», видимо, автоматически переключилась на маневровые орбитальные двигатели, как только перестала действовать та необъяснимая сила, которая перенесла их в этот район космического пространства. Причина была проста: детекторы подавали сигнал о наличии вблизи корабля какой-то планеты.

На первый взгляд, планета не казалась особо привлекательной, но это могло быть результатом странного освещения, исходившего от вздутого темно-красного, как гаснущие угли, солнца, которое сейчас заполняло почти весь экран правого борта. Капитан включил увеличение, чтобы рассмотреть планету получше. Сквозь туманный красноватый сумрак, который в этом мире означал, вероятно, яркий полдень, капитан сумел разглядеть местный пейзаж — пустыни и невысокие зубчатые горные цепи. Он проверил, как действуют приборы и двигатели, и включил коммуникаторы. Все системы «Удачи» работали нормально; масс-детекторы не регистрировали никакой угрозы, а молчание коммуникаторов свидетельствовало, видимо, о том, что никто

в данном районе и в данный момент никакою желания общаться с ними не имел. Ну что ж, это совсем неплохо.

Теперь другая проблема — как они здесь оказались?

На сей раз вовсе не усилиями Гот. Не с помощью вжжик-тяги. Ну что же, подумал капитан, им повезло, здорово повезло! Значит, ватч решил им помочь? Уж как умел: грубовато, зато эффективно.

Капитан прокашлялся и громко поблагодарил ватча:

— Спасибо, приятель!

Больше ему пока сказать было нечего. У него возникло ощущение, что произнесенные им слова волнами улетают куда-то далеко-далеко... Он с минуту подождал, ожидая ответа и немного опасаясь этого, но в рубке было тихо.

Капитан распечатал бутылку бренди, сунул ее в карман и поволок безжизненное тело Янго через весь корабль в грузовой отсек. Янго уже чуть постанывал и начинал шевелиться, поэтому капитан на всякий случай связал ему щиколотки проводом.

Он перевернул Агандара на спину, открыл бутылку и влил ему в рот несколько капель бренди.

Пират закашлялся, брызгая слюной, и налитыми кровью глазами молча уставился на Посерта.

Тот достал кожаный футляр с оставшимися тремя шприцами и показал ему:

— Это противоядие?

Янго прорычал в ответ какое-то ругательство и, не отвечая, спросил:

— Как ведьма ухитрилась включить свою тягу?

— Не знаю, — ответил капитан. — Хорошо, что она ее включила. Так это противоядие?

— Да. Где мы сейчас находимся?

Капитан сказал, что попробует определить, и ушел, щелкнув замком. Свет в грузовом отсеке он оставил включенным: все-таки этому типу веселее будет. Череп у негодяя, кажется, цел, хотя голова, наверное, некоторое время будет болеть. Насчет противоядия он, видимо, сказал правду. А капитану было просто необходимо разбудить Гот! Посерт мысленно попросил прощения у Веццарна — на ком-то ведь надо было попробовать содержимое шприцев! — и решительно сделал тому укол в руку. Полуприкрытые веки Веццарна дрогнули, глазные яблоки под ними начали вращаться, руки задрожали, он закашлялся и сел, испуганно озираясь.

— Что стряслось? — шепотом спросил он, обнаружив, что находится в рубке, а Гот и Гулик без сознания лежат рядом.

Капитан ответил, что причиной сложившейся опасной ситуации послужило поведение Лаэса Янго, но теперь они, вроде бы, в безопасности. Что касается девочки и Эдель, то они скоро придут в себя.

Гулик до Эдель получила свою дозу из второго шприца. Ее реакция была иной, чем у Веццарна. Прошло минуты две-три, прежде чем она спокойно открыла глаза.

Теперь капитан уже уверенной рукой сделал инъекцию Гот. Ожидая, пока подействует лекарство, он вкратце и почти правдиво рассказал Веццарну и до Эдель о последних событиях. Они и сами все еще могли быть для него опасны, однако сразу поняли, что ситуация чрезвычайно серьезна и действовать лучше сообща. О предмете, заключенном в сейф, и его воздействии на Червивую Погоду, капитан, естественно, не упоминал. Не сообщил он и о ватче и не стал объяснять как корабль занесло так далеко от прежнего курса. Если Гулик или Веццарну захочется самим поразмышлять о таинственной тяге, пусть себе размышляют на здоровье.

Прошло полных шесть минут, а Гот все еще спала!

Вот это уже вполне могло служить причиной для тревоги. Дыхание и пульс у девочки были нормальными, а когда он потряс ее за плечо, она что-то недовольно и сонно пробормотала в ответ, однако не проснулась. Из слов Янго следовало, что снотворное перестанет действовать часов через восемь-девять. Однако капитану очень не нравилось то, что показывали ходовые экраны. Гулик и Веццарну это тоже очень не нравилось. Болтаться здесь было совершенно ни к чему, а менять курс вслепую и лететь через неизвестную область пространства, не имея возможности воспользоваться талантами Гот, представлялось еще более опасным.

Капитан включил интерком в грузовом отсеке, увеличил громкость и окликнул Янго. В ответ раздался какой-то неприятный звук, потом послышался голос самого пирата, чересчур поспешно предложившего:

— Говорите, я вас слушаю.

— Я ввел всем противоядие, — сообщил ему капитан. — Госпожа до Эдель и Веццарн проснулись. Дани — нет.

— У меня были особые соображения в отно-

шении вашей племянницы, капитан. И вам это прекрасно известно. — Лаэс Янго, очень довольный собой, продолжал: — Когда она вместе с остальными потеряла сознание, я ввел ей еще одно средство, желая обеспечить себе полный покой до тех пор, пока не пожелаю привести ее в чувство.

— Значит, у вас есть и второе противоядие?

— Есть. Но его не так-то просто отыскать.

— Что вы хотите?

— Возможно, мы могли бы договориться... Мне здесь не слишком удобно.

— Может быть, и договоримся, — сказал капитан, выключил интерком и посмотрел на Гулик и Вещцарна. Они внимательно следили за его действиями.

— Вероятно, это средство при нем, — сказал капитан. — Я его обыскал, но в ваших профессиональных хитростях я слаб. Он мог его где-нибудь спрятать. Логично было бы притащить пирата сюда и обыскать еще раз.

— Мне кажется, — задумчиво сказал Вещцарн, — что именно к этому он и стремится, капитан.

— Перед тем как он заговорил, — сказала Гулик, — я слышала какой-то шум...

— И я слышал, — кивнул Посерт.

Очень похоже, подумал капитан, на злобное рычание крупного зверя. Оно прозвучало как раз в тот момент, когда из динамика вдруг раздался его голос... А ведь Гот тогда упоминала о страшном рычании... Однако теперь ящик с Пауком Шима находится в запертом отсеке, за неприступной дверью. Практически неприступной...

Испуганные глаза Гулик до Эдель подсказали капитану, что и ее мысли движутся в том же направлении.

— Придется посмотреть, что делается в грузовом отсеке, — сказал капитан.

На пульте управления имелся еще один экран, специально предназначенный для того, чтобы следить за погрузочно-разгрузочными работами в грузовом отсеке, не выходя из рубки. Капитан поспешно включил его.

— А что если этот робот пробрался в грузовой отсек? — спросил он, обращаясь к Веццарну.

Тот отрицательно помотал головой:

— Никак он не мог туда попасть, капитан! Ведь Янго не может проникнуть в запертое помещение, а ключ у вас!

Экран вспыхнул — всего на пару секунд — и снова погас.

Но за те секунды, пока свет еще горел, они успе-

ли разглядеть огромный, темный, паукообразный силуэт робота! Паук скорчился возле входа в грузовой отсек, а его хозяин стоял в нескольких шагах от него совершенно свободный. Контейнеры с грузом были сдвинуты с мест и теперь в беспорядке загромождали все пространство, словно неуклюжий робот нечаянно раскидал их, прокладывая себе дорогу...

Но это было еще не самое худшее.

— Вы видели, что произошло с переборкой? — нетвердым голосом спросил капитан.

Да, они видели.

— Он ее прожег! Насквозь! — сказал Веццарн. Лицо его было мертвенно-бледным. — Лазерным лучом! Значит, у Янго тот самый древний боевой робот, капитан... Такую штуку нам не остановить...

Лаэс Янго включил интерком и сообщил из грузового отсека, что самое разумное для них — сдаться.

— Может быть, вы еще не поняли, что из себя представляет моя игрушка? — спросил он. — Мы с ней неразлучны уже пятнадцать лет. Она убила восемьдесят моих людей, когда мы брали корабль, который она охраняла. Она бы и меня убила, если б я случайно не вышиб пульт управления из руки

того жалкого ублюдка, что был ее хозяином до меня. Это робот-убийца, капитан! Убийца Шима. Ваше оружие не может причинить ему вреда. К тому же этот паучок уже давно научился повиноваться моему голосу, а не только пульту.

Капитан не отвечал. Последние боевые роботы были уничтожены несколько столетий назад, а искусство их конструирования навсегда утрачено. Веццарн прав: с этой машиной им не справиться.

У них еще оставалось немного времени, пока робот прожигает очередную переборку и дверь грузового отсека. К тому же после включения аварийных систем толстые плиты броневой тугоплавкой стали заняли свои места, разделив внутреннее пространство «Удачи» на воздухонепроницаемые отсеки. По крайней мере, четыре такие плиты стояли теперь на пути из грузового отсека в ходовую рубку, преграждая Янго и его роботу путь. Заслонки, вероятно, тоже долго не выдержат, но и не расплавятся при первом прикосновении боевого луча. Тем временем капитан включил всю систему внутренней связи корабля, чтобы знать о продвижении робота.

Никаких других мер они предпринять не могли. Пульта дистанционного управления роботом на

месте не оказалось, хотя капитан отнял его у Янго и запер в свой сейф. Значит, Агандар обнаружил его, когда обшаривал рубку, а они все валялись без сознания.

— ЧЕЛОВЕЧЕК, — вдруг напомнил о себе ватч, — ЭТО ЕЩЕ ОДНА ПРОВЕРКА! ОНА И ОПРЕДЕЛИТ, НА ЧТО ТЫ СПОСОБЕН! У ТЕБЯ ЕЩЕ ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБРАТЬСЯ. НО ЕСЛИ ТЫ НЕ НАЙДЕШЬ РЕШЕНИЯ, МОЙ ИНТЕРЕС К ТЕБЕ ПРОПАДЕТ, А ВМЕСТЕ С НИМ УГАСНЕТ И ТВОЕ ПРИЗРАЧНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ — ПЛОД МОЕГО ВООБРАЖЕНИЯ...

Капитан быстро оглянулся на Веццарна и Гулик. Но на их лицах не было ни малейших признаков того, что они слышали громыхающий голос призрака, похожий на рев ветра. Ну, конечно, речь ватча предназначалась исключительно для него одного...

Перед этим он как раз отключил интерком, соединяющий рубку с грузовым отсеком.

— Ну что? Есть у вас какие-нибудь идеи? — осведомился он.

— Мне кажется, капитан, — сказал Веццарн, клацая зубами от ужаса, — нам лучше сдаться. Пока не поздно!

Гулик отрицательно покачала головой.

— Это же Агандар! — сказала она. — Если мы сдадимся, нам не жить. Он нас выпотрошит и выкинет за борт. Всех, за исключением Дани.

— Но тогда у нас будет хоть какой-то шанс! — дрожащим голосом воскликнул Веццарн. — А что мы еще можем сделать? Робота нам не остановить. И бежать некуда...

— А вот это — вопрос, — сказал капитан и включил атмосферную тягу.

«Удача», покинув свою орбиту около неизвестной планеты, нырнула вниз, в красноватый сумрак.

Все свое внимание капитан сосредоточил на управлении кораблем. Веццарн, сидя у анализаторов, молчал, — значит, планета, по крайней мере, не похожа на яму с жидким ядом, хотя ее поверхность казалась исключительно непривлекательной. Спасательная шлюпка, разумеется, находилась в грузовом отсеке; там же хранился и тяжелый скафандр для работы в открытом космосе. До них сейчас не добраться... Атмосфера под ними была совершенно лишена облаков. Красный полумрак, черные тени, отбрасываемые горными хребтами, тянувшимися вдоль меридианов — вот и весь пейзаж.

Интересно, насколько можно доверять ватчу?

Лучше действовать так, словно Посерт никогда не слышал его замогильного голоса. Но ватч — пусть капризный и непредсказуемый — обладал огромными возможностями и мог в значительной степени влиять на ситуацию. Он способен и помочь, и погубить их.

Если плиты не выдержат, «команде» придется покинуть корабль. Если устоят, все останутся на борту, пока не проснется Гот. Тогда бессильная ярость Агандора будет представлять для них не большую опасность, чем его чудовище. Если, конечно, Янго не обратит свое внимание на сейф в запертой камере грузового отсека. Вот тогда уж все что угодно может случиться!..

Капитан выдвинул ящик стола и сказал:

— Вещцарн, заберите бластер. И вы тоже, госпожа до Эдель. Я отобрал их у Янго.

Оба тут же схватили оружие. Гулик немедленно открыла бластер и недовольно заворчала:

— Пустой! Этот дьявол его полностью разрядил! Капитан как раз доставал из ящика коробку патронов.

— Это стандартные имперские боевые патроны — полагаю, вы умеете ими пользоваться?

Они быстренько зарядили бластеры. Капитан глянул на хронометр. Прошло всего девять ми-

нут, как он отключил внутреннюю связь с Янго. Полное отсутствие информации о том, что сейчас делает пират, отнюдь не способствовало восстановлению душевного равновесия; по крайней мере, было понятно, что он еще не выбрался из грузового отсека. Капитан велел Веццарну отсоединить и собрать разнообразное оборудование — ключи от гашеток пушек «Нова», реле включения спасательной шлюпки, ключи от главной и орбитальной тяги...

Внизу уже виднелись горы и неглубокие долины. Мрачный красноватый отсвет гигантского солнца пронизывал сумрак, окутавший всю планету. «Удача» продолжала спускаться по спирали к калейдоскопу узких долин и горных хребтов, сливавшихся в мощные массивы.

Все вздрогнули, когда из интеркома вдруг послышался ужасный металлический скрежет. Через несколько секунд звук повторился.

— Блок Д! — прошептала Гулик, кивнув на динамик интеркома. — Они прошли сквозь первую переборку...

Послышалось жуткое рычание, затем приглушенный и невнятный голос Янго, потом все затихло.

— Отключите их, — спокойно сказал капитан.

— Уже ясно, где они находятся. — Прошло одиннадцать с половиной минут...

Корабль снижался, направляясь ко входу в узкую долину, окруженную крутыми склонами гор, которую приборы всего минуту назад выбрали как наиболее подходящее место для посадки.

— Минут через тридцать Янго будет здесь, — сказал капитан. — Мы вполне можем успеть убраться отсюда, если не будем попусту терять время. Вы закончили, Веццарн?

— Да, капитан.

Красное солнце уже скрылось за горами, когда «Удача» наконец совершила посадку в выбранной ранее долине. Справа от корабля виднелся высокий скалистый утес, который стеной поднимался к небесам и, следуя за изгибом долины, примыкал к остальной горной цепи. Капитан аккуратно, без малейшего толчка посадил корабль на припланетной тяге, как можно ближе к утесам. Гулик, сидевшая рядом с ним, тихо охнула, когда раздался металлический щелчок открывающейся двери шлюза.

— Все вон отсюда и поскорее! — Капитан вскочил, выдернул ключи из замков тяговых двигателей, сунул их в карман и пошел к кушетке, на которой спала Гот. — Да двигайтесь же вы!

Лица Гулик и Веццарна были белы, как смерть. У него и самого, наверное, видок не лучше. Они дружно двинулись к выходу…

Глава девятая

Пока Гулик изучала окрестности, держа бластер наготове, он взвалил Гот на спину, а Веццарн ловко привязал девочку к нему, закрепив ее ноги на поясе, а руки вокруг шеи. Особых неудобств такая ноша капитану не доставляла. Гот вовсе не висела мешком, временами даже казалось, что она наполовину проснулась; она что-то сонно бормотала и даже обхватила Посерта за шею.

— Я вот что думаю, капитан, — тихо сказал Веццарн. — Ведь этот гад увидит нас на экранах...

— Непременно. Если достигнет рубки. Но я не думаю, что он станет тратить на это время.

— Вы думаете, что робот — еще и отличная ищейка? — мрачно предположил Веццарн. — И вы хотите заманить Янго подальше от корабля, а самим сделать крюк и вернуться?

— Да, примерно так.

— Безнадежно! — буркнул Веццарн.

Он отступил в сторону, и тут Гулик тихо окликнула Посерта. Оба тут же повернулись к ней. Она смотрела в дальний конец долины, туда, где сходились горные кряжи.

— Мне показалось, там что-то движется, — ска-

зала она. — Я, правда, не совсем уверена...

— Животное? — спросил Веццарн.

— Не знаю... Очень большое. И дальше еще что-то... Вроде тени. Или облака пыли. — Она покачала головой.

Стояла абсолютная тишь. Никаких теней, да еще движущихся, не было видно. Впрочем, планета оказалась не такой уж безжизненной, какой представлялась с высоты в несколько миль. Сухая песчаная почва была усыпана обломками камней; между валунами пробивались угрюмые деревца — шипастые, сучковатые, они были собраны в рощицы, разбросанные по всей долине, и не достигали даже пятнадцати — двадцати футов в высоту.

— Пошли! — скомандовал капитан. — Здесь, возможно, есть опасные животные. Всем — внимание!

Стоило им направиться в сторону острозубых утесов, местная фауна тут же дала о себе знать. Что это были за животные, экипаж определить не сумел, ибо те выскакивали у путешественников из-под ног и исчезали с быстротой тени. Потом из рощи, сквозь которую они пробирались, послышались звуки, напоминавшие шипение тысячи змей; это было так страшно, что люди сбились

в кучу и выставили бластеры. Шипение не прекращалось; потом оно несколько удалилось от них, переместившись в другой конец рощицы. Странно было то, что они отчетливо слышали, как перемещается звук в относительно открытом пространстве, однако не видели существ, которые могли бы этот звук издавать.

Они поспешно двинулись вперед, потрясенные столь загадочным явлением. Но прошло еще несколько минут, и Гулик проговорила дрожащим голосом:

— Кто-то следит за нами!

Видны были только глаза. Два ярких, светящихся, желтых глаза уставились на них из-за большого валуна. Впрочем, камень был не так уж велик, так что создание, спрятавшееся за ним, вряд ли могло достать человеку до плеча. Когда они миновали валун, у них за спиной раздался звонкий хохот, и с разных сторон над обломками скал стали появляться такие же светящиеся глаза. Видимо, вокруг было целое стадо этих созданий. Они просто пялили глаза на вторгшихся в их жизнь людей и ничего не предпринимали, только заливисто хихикали.

Подъем становился все круче. Гот весила не слишком много, капитан носил рюкзаки и по-

тяжелее, когда занимался альпинизмом, но все равно уже начал слегка задыхаться, но через некоторое время почувствовал, что у него открылось второе дыхание. Теперь он знал, что по-настоящему устанет еще нескоро. Веццарн и Гулик держались рядом, не прилагая особых к тому усилий. Гулик, несмотря на внешнюю хрупкость, шагала легко и уверенно, демонстрируя завидную выносливость, да и Веццарн не отставал, напоминая своими движениями медведя.

Преодолев подъем, они вышли на довольно ровное пространство, заросшее низким, густым кустарником, спутанные ветви которого цеплялись за лодыжки. Потом перед ними внезапно открылся овраг с обрывистыми краями, расположенный параллельно стене утесов. За ним виднелся крутой каменистый склон горы.

— Надо найти удобное место, чтоб перебраться на ту сторону, — тяжело дыша, сказал капитан.

Веццарн оглянулся: «Удача» темнела внизу, в противоположном конце долины.

— Если мы спустимся в овраг, — сказал он, — то не увидим, когда они выйдут из корабля.

— Это будет еще нескоро, — возразила Гулик. — Мы идем только минут десять.

Они свернули налево и пошли по самому

краю оврага. Примерно через полмили попалась огромная трещина в скалистой стене. Сквозь нее пробивался мрачноватый свет красного солнца. Успеть бы пересечь несколько таких щелей, думал капитан, и отыскать подходящую для наблюдения точку на высоте, откуда было бы видно, как Янго вместе со своим роботом пустится за ним в погоню. А когда преследователи углубятся в эту путаницу трещин, оврагов и скал, можно быстро повернуть назад, к кораблю...

Они отыскали относительно удобный спуск в овраг и стали спускаться, держась за прочные, пружинящие ветви, похожие на дикий виноград. Потом сделали сотни две-три шагов по каменистому дну, пока не нашли относительно пологое место для подъема на противоположный склон оврага. Потом опять началось нечто вроде горного плато, нависавшего над долиной; они все время оглядывались на темневший в отдалении силуэт корабля. Некоторое время их кто-то преследовал, коротко и резко гукая в темноте, но держался поодаль, скрываясь за валунами. Потом опять попался овраг, и, когда они остановились на краю, озираясь по сторонам в поисках спуска, Веццарн вдруг воскликнул:

— Они открыли шлюз!

Беглецы обернулись. Маленький яркий круг света появился на корме «Удачи». Он был хорошо виден в туманном сумраке долины около двух минут, потом погас.

— А вдруг он нашел способ запереть шлюз и закрыть нам доступ в корабль? — испуганно спросила Гулик.

— Нет. Снаружи это невозможно, — сказал капитан. — Единственный ключ от шлюза у меня. Думаю, он просто выключил свет в рубке, прежде чем покинуть корабль. Видимо, не хочет привлекать к кораблю внимание чужаков...

Гулик все еще глядела вниз, на «Удачу». На уровне земли по эту сторону корабля мелькнула чуть заметная зеленая искорка. Она, похоже, двигалась в том же направлении, что и путники.

— Это, наверное, робот! — В голосе Веццарна звучал ужас. Скорее всего, он был прав. А может быть, это луч фонаря, которым Янго освещает дорогу? Так или иначе, стало ясно, что за ними началась погоня. Вдруг Гулик воскликнула:

— А это еще что такое?

Они остановились и прислушались. Казалось, что где-то далеко, на другом конце долины, гудит низким басом гонг. Этот звук казался совершенно неуместным среди диких гор. Гудение постепен-

но затихло, а через несколько секунд от дальних гор донеслось слабое эхо.

Они спустились в очередной овраг и поспешили к огромной трещине в скале, освещенной тусклыми лучами красного солнца. Потом снова поднялись на относительно ровную площадку, с которой была видна раскинувшаяся внизу долина, однако ничего особенного не заметили. Пришлось вернуться немного назад, в тень скалы, и затем подняться на другую площадку, чуть выше первой. Ноги у всех болели, дыхание было прерывистым, однако они спешили вперед — им казалось, что Янго и его робот-убийца уже добрались до горного склона, который отделял их сейчас от долины, и идут по их следу.

Потом вдруг над одной из скалистых вершин и гораздо ближе, чем они могли ожидать, появилась зеленая искра: Паук Шима! Капитан увидел его первым. Все замерли на месте. Робот находился пока еще довольно далеко от них и значительно ниже, но все равно — не более чем в пяти сотнях шагов.

Робот также остановился, чуть повернувшись в их сторону; некоторое время они не могли понять, обнаружил он их или нет. Зеленый свет исходил у него из боков, а вся его тяжелая туша

состояла как бы из множества сегментов; казалось, чудовище плывет в собственном сиянии. Из-за спины робота внезапно появился Янго. Робот на несколько секунд как-то странно присел, потом снова встал, повернулся и пошел вперед вдоль скалистого хребта. Огромные суставчатые ноги несли его легко и плавно, несмотря на внушительный вес. Еще до того, как Паук скрылся за выступом скалы, беглецы успели разглядеть, что Янго едет на нем верхом.

Вот почему он так быстро сумел их догнать! Однако...

— Капитан! — раздался вдруг хриплый голос Веццарна где-то неподалеку. — Не шевелитесь, капитан! Вы у меня на прицеле! Если двинетесь, я выстрелю! И вы тоже стойте смирно, госпожа. Я это делаю для нашей же пользы, только вы пока не вмешивайтесь, пожалуйста. Дело в том, капитан, что Агандару нужны только вы и маленькая ведьма. А до нас с госпожой Эдель ему дела нет... Госпожа, я сейчас брошу вам нож. Вы разрежьте, пожалуйста, веревки и снимите Дани со спины капитана, а ему самому свяжите руки за спиной. А вы, капитан, если сделаете хоть одно движение, будете уничтожены па месте, клянусь!

— И чего вы этим добьетесь? — сдавленным

голосом спросила Гулик, стоявшая у Посерта за спиной.

— Вы же сами их видели, — нож Веццарна со стуком упал на землю у ее ног, — как быстро они нас догоняют! Они будут здесь минут через пять-шесть. И если Агандар увидит, что капитан и Дани лежат здесь связанные, а нас нигде нет, он не станет за нами гоняться. Зачем мы ему? Заберет этих двоих и уберется отсюда...

Капитан резко повернулся, присел и выхватил из кармана бластер. Он и не надеялся, что этим чего-то добьется. Разве что Веццарн разрядит свой бластер. А может, и Гулик тоже. Но тут откуда-то сверху, прямо из воздуха, послышался громкий и странный крик, и в лицо капитану ударил порыв ветра. Они успели увидеть падающую тень какой-то летучей твари — круглая рогатая голова на длинной шее нацелилась прямо на Веццарна — и все три бластера выстрелили одновременно. Тварь резко рванулась вверх, прочь от них, и мгновенно исчезла из виду. Ее дикий вопль еще раз донесся издали, отразившись от скал в туманной долине, и стало тихо. Веццарн резко повернулся, увидел два направленные на него бластера, сдавленно квакнул, прыгнул куда-то вбок и покатился вниз по каменистому склону.

Они увидели, как Веццарн, пригнувшись, нырнул в заросли и скрылся из виду — только сучья затрещали.

— Ну, что же, — произнесла Гулик, опуская бластер. — Мятеж подавлен. И не без помощи рогатого летуна. Что теперь будем делать, капитан? У вас есть какие-нибудь идеи или мы так и будем бежать, пока робот нас не догонит? А вообще-то, благодаря глупости Веццарна робот может свернуть в сторону... Если Паук погонится за Веццарном, мы спасены!

— Вряд ли, — покачал головой капитан. — Янго все время направляет его. Уж он-то сразу поймет, за кем следовать... — Гот вдруг завозилась у него за спиной. Посерт приподнял ее, и она вновь крепко вцепилась в него, точно детеныш обезьянки.

Веццарн, похоже, переоценил скорость робота. Капитан и Гулик, наблюдая за Пауком, пришли к выводу, что тому понадобится не меньше четверти часа, чтобы добраться сюда. Но даже если это так, робот все же догонит их, прежде чем они успеют добраться до «Удачи».

— Мы можем поступить иначе, — сказал капитан. — Полагаю, именно это нам и следует попробовать. Я, правда, надеялся, что рисковать не придется...

— Мы и так рискуем, чего же бояться? — рассудительно ответила Гулик. — Лучше уж что-то предпринять, чем просто бежать, все время ожидая, что эта тварь цапнет тебя за плечо!

— Тогда пошли, я все объясню по дороге, — сказал капитан. — Вещцарн, конечно, прав: Агандара вы оба и впрямь не интересуете. Ему нужна Дани. И еще ему нужно то, что у меня здесь. — Он похлопал себя по карману с ключами и теми частями приборов, без которых «Удача» никогда не взлетит. — И он прекрасно знает, что так просто я это ему не отдам.

Гулик согласно кивнула.

— Нам нужно разойтись, — сказал капитан. — Паук непременно последует за мной.

— А мне что тогда делать? — спросила Гулик.

— Вам нужно вернуться на корабль. Вот тут несколько разных ключей, все они понадобятся, чтобы открыть замки и поднять корабль в воздух. Тогда Янго не будет страшен, а пушки «Нова»... Кстати, вы умеете ими пользоваться?

— К сожалению, нет, — ответила Гулик. — И вряд ли смогу поднять корабль, а тем более не сумею маневрировать в атмосфере. Сомневаюсь, что мне удастся даже просто вставить все эти ключи куда следует.

— Скажите, Гулик, а вы могли бы, по крайней мере, добраться до корабля и запереться там изнутри, пока...

— Пока вернувшийся робот не продырявит дверь шлюза? Нет уж, спасибо! Да дело теперь не только в них. Вы обратили внимание, что за нами шел кто-то еще?

Капитан только с неудовольствием крякнул. Конечно же, он заметил, что на склонах гор было неспокойно. Если сперва они встречали в темноте каких-то животных, то теперь в непосредственной близости от них уже никто не появлялся и ничто не шевелилось, хотя последние полторы сотни шагов капитан все время чувствовал тайную и весьма активную жизнь. То кто-то приглушенно рычал, то коротко стучали осыпавшиеся камни, то мелькали какие-то тени... Капитан не был уверен, что его спутники это заметили, а потому предпочитал молчать. Им хватало и грозного Паука Шима.

— Вы имеете в виду звуки в кустарнике? — спросил он Гулик.

— Именно. За нами следят, нас преследуют! И Янго тоже идет по нашему следу. Я полагаю, у него нашлось немало причин, чтобы почти все время ехать верхом на Пауке, а не идти пешком.

— Однако эти животные пока что держатся от нас на расстоянии, — возразил капитан. — Да и Янго они вроде бы не очень беспокоят.

— Да от этого Паука кто угодно будет держаться на расстоянии! — воскликнула Гулик. — А может быть, это ваша маленькая ведьма заставляет их соблюдать дистанцию? Что до меня, то я стараюсь держаться поближе к ней... Так какие у вас соображения насчет Янго?

— Учтите, если это не сработает. Паук нас поймает... — Капитан явно пребывал в неуверенности.

— Да уж, надо полагать!

— Ладно. Тогда давайте поворачивать назад. Вернемся шагов на триста. Я там приметил одно подходящее местечко... Перед тем, как мы увидели робота. — Он указал на утес, возвышавшийся над ними. — Подъем тут, правда, очень крутой...

— Забраться туда? Вы что же, хотите перещеголять Паука в умении лазать по скалам?

— Нет.

— Значит, вы придумали, как его остановить?

— Не совсем... Но мы можем попробовать заставить Янго сделать это. Или остановить самого Янго.

В какие-то стародавние времена на утесе, ви-

димо, было гнездо или логово — здесь имелась удобная каменная площадка, выступавшая из стены утеса и нависавшая над тропой. Поверхность ее была чуть вогнутой, чашеобразной, и на ней еще сохранились остатки засохших растений, раздробленные старые кости и окаменевший помет. Узкая тропка, вьющаяся по крутому утесу, явно была когда-то вытоптана обитателями этого логова.

Ветер продувал насквозь. Капитан весь дрожал от холода. Никаким иным способом спуститься отсюда было невозможно — исключая, конечно, крепкие конечности Паука Шима. Повиснув над краем площадки, капитан осмотрел тропу. Отсюда она казалась почти отвесной, и он удивился, как это они сумели преодолеть такой подъем. Видимо, страх подгонял, решил он. Конечно, они цеплялись руками и ногами за малейший выступ, все время поддерживая и страхуя друг друга и не осмеливаясь остановиться, передохнуть и подумать — в частности, о том, как высоко они уже забрались. Наконец он в последний раз подтолкнул Гулик и вслед за ней перевалился через край каменной площадки и без сил упал в кучу трухи, скопившейся здесь за долгие годы.

Они отвязали Гот и уложили под стеной утеса.

Девочка что-то сердито пробормотала во сне, повернулась на бочок, подтянула коленки к подбородку и опять провалилась в сон. Детское личико ее было мирным, спокойным. Глубокий сон, навеянный наркотиками Янго, не выпускал ее из своих объятий. Капитан и Гулик улеглись, каждый в своем углу огромной каменной площадки, держа бластеры наготове и внимательно наблюдая за подступами к утесу сквозь заслон из высохшего мусора, оставленного прежним обитателем логова.

Вон по тому уступу они прошли всего несколько минут назад, еще вместе с Веццарном, стараясь обнаружить признаки погони. Как раз там и должен был вскоре появиться Янго со своим роботом. Робот, наверное, сразу определит, что они вернулись по собственному следу, и помчится вместе со своим наездником прямо к утесу... Или сперва пройдет немного вперед, а потом вернется... В любом случае проклятый пират скоро поймет, что те, за кем он охотится, полезли вверх.

Они позволят ему взобраться повыше и, хотя их бластеры не смогут причинить вреда роботу Шима, с четырех ярдов разнесут голову Агандара вдребезги. Только нужно быть очень осторожными и не высовываться; пусть над краем уступа

торчат только стволы бластеров. Боевой луч робота тогда ударит как раз в скалистый край чаши, а сам Агандар окажется перед ними, как на ладони.

Под прицелом двух бластеров, наставленных на него с обоих углов выступа, и имея в перспективе падение с высоты в сотню ярдов, пират вряд ли станет спорить. Вероятнее всего, он сам отдаст им пульт управления роботом. Тогда они позволят Пауку вместе с его хозяином спуститься с утеса, а затем отключат его...

— А что если он не станет взбираться сюда верхом на роботе? — спросила Гулик. — У него ведь могут возникнуть всякие подозрения, и тогда он останется внизу, а Паука пошлет на утес, чтобы тот выяснил, прячемся мы здесь или пошли дальше.

— Тогда мы будем стрелять по Янго.

— Вот это было бы истинным наслаждением! — заметила до Эдель. — А что будем делать с роботом?

Этого капитан не знал, но у него были основания предполагать, что стоит им обезвредить Агандара, робот Шима не будет представлять никакой опасности.

Что-то похожее на выстрел из тяжелого орудия

прогремело высоко над долиной. Они испуганно подняли головы и переглянулись.

— Это гром. — спокойно сказал капитан. — Я уже слышал его раскаты. — Гром прогремел еще раз, но несколько дальше, в горах.

— Нет, — сказала Гулик. — Это они. Они ищут нас. — Она кивком указала в сторону долины. — Это они издают такой грохот и еще всякие разные звуки, когда движутся. Они все время ходят кругами недалеко от нас.

— Кто — они?

— Хозяева этого мира. Мы нарушили их покой, а они явно не любят посторонних. Те животные, что следовали за нами по пятам, — это их шпионы, соглядатаи. И тот рогатый летун тоже. Некоторое время назад, если вы помните, я заметила на той стороне долины какую-то огромную тень. Они уже тогда нас обнаружили, хотя тень и исчезла. Наверное, мы слишком маленькие. Они не знают, что именно следует искать, поэтому до сих пор нас и не нашли. Но они приближаются. — Гулик говорила очень тихо, лицо ее казалось почти спокойным. — Мы, может быть, и сумеем остановить Янго, но вряд ли нам удастся улететь с этой планеты. Слишком поздно! И теперь уже не имеет значения, справимся ли мы с Пауком.

— Она поглядела направо. — Ого, они уже близко, капитан!

Посерт пригнулся, спрятавшись за кучей сухого мусора. Внизу, в зарослях, мелькнул зеленоватый свет, потом он исчез, снова мелькнул и снова исчез за камнями. До них по-прежнему было не меньше трехсот шагов. Странно! Он быстро посмотрел на Гулик. Та лежала, распластавшись на камнях и выставив перед собой бластер; только голова у нее была чуть приподнята, чтобы можно было видеть левую сторону утеса. Какие бы страшные мысли по поводу этого неведомого мира красного света и сумрачных теней ни роились у нее в голове, она явно не собиралась отказываться от намерения покончить с Агандаром.

Зеленый свет вновь появился, теперь уже на каменной осыпи, и прямо под собой они увидели Паука, плавно переставлявшего свои огромные суставчатые ноги. Янго сидел на нем, ухватившись за какой-то нарост. Голова Паука поворачивалась из стороны в сторону в такт его шагам; он внимательно осматривал все вокруг; страшные челюсти его то сжимались, то разжимались. Глядя на него с такого близкого расстояния, трудно было поверить, что это просто машина, а не живой и страшный хищник,

некогда послуживший моделью для ее создания. Впрочем, машина была, видимо, куда опаснее, чем само животное...

Слева донесся негромкий скрип и скрежет. Капитан повернул голову — очень осторожно, потому что робот Шима и его наездник находились теперь прямо перед ними и продолжали приближаться, — и с неудовольствием увидел, как Гулик подняла бластер и просовывает его сквозь барьер из мусора и костей, упрямо наклонив голову и прицеливаясь. Если она нажмет на спуск прямо сейчас...

Но она не выстрелила. То ли сочла, что расстояние еще слишком велико, то ли вовремя вспомнила, что они решили стрелять по Янго только в том случае, если им не удастся заманить его вместе с роботом в ловушку. Робот продолжал продвигаться вперед на своих длинных паучьих ногах, а затем снова пропал из виду вместе с Агандаром. Гулик неторопливо убрала бластер и застыла неподвижно, по-прежнему глядя вниз.

С минуту царила тишина. Нет, кое-что все-таки было слышно — что-то шелестело там, где только что прошел робот, мелькали какие-то тени... Агандар явно привел за собой из долины целый эскорт.

Вдруг слева донеслось рычание Паука Шима.

Гулик быстро повернулась к капитану и беззвучно, одними губами прошептала: «Вещцарн». Он кивнул. Погоня, вроде бы, приостановилась: робот пытался разобраться со следом Вещцарна, уходившим в сторону.

Рычание смолкло. Снова воцарилась тишина. А еще через несколько секунд капитан понял, что Янго все-таки повел робота по их следу, потому что шелест внизу стих. Окружавший капитана и Гулик невидимый декорт по мере приближения робота рассредоточился. Прошла, наверное, еще минута. Он глянул в сторону Гулик и увидел, что она опять вся подобралась. Однако с его позиции пока что ничего видно не было — обзор закрывала левая часть выступа.

Потом, примерно в сотне ярдах от них, внизу и слева, у самого подножия утеса, вновь показался Шима — сперва две шипастые ноги, затем голова и передняя часть туловища. Он прошел немного вперед, снова остановился и замер на месте, подняв голову вверх. Челюсти продолжали словно что-то размеренно жевать. Капитан видел его ярко-желтые глаза, расположенные рядком в верхней части головы, но туша Паука еще скрывалась во мраке, так что невозможно было

определить, по-прежнему ли Янго едет верхом на своем «скакуне».

Он очень осторожно — Паук, как ему казалось, взирал прямо на него — отодвинулся от своей хлипкой баррикады и посмотрел, чем занята Гулик. Она, держа бластер наготове, лежала неподвижно и целилась вниз, но явно не в Паука! Угол наклона был совсем иной... Может быть, она целится в Янго? — подумал в смятении капитан.

В зарослях за спиной робота что-то шевельнулось, переместилось и снова замерло. Очень похоже на пригнувшегося к земле человека... Понятно, это Агандар! Решил спрятаться в зарослях, опасаясь, что за ним следят сверху...

Паук по-прежнему не двигался. Капитан медленно выдвинул бластер вперед и навел его на скорчившегося в зарослях человека. Не слишком приметная цель, если дело все же дойдет до стрельбы. Но, может быть, и не дойдет. Если сенсоры робота не смогут их здесь обнаружить и если они сами не будут делать неосторожных движений, Янго решит, что их поблизости уже нет, и снова оседлает своего Паука, прежде чем тот успеет все-таки почуять их след...

Он так и не успел додумать эту мысль до конца.

Робот вдруг сдал назад, раздвинув передние ноги, и снова вышел из поля зрения капитана, так что тот уже не видел, как вытянулись вверх когтистые конечности, выискивая на каменной поверхности утеса выступы и трещины. Но слышал он все хорошо. Потом ему стала видна косматая спина робота-убийцы: Паук начал подъем.

С сильно бьющимся сердцем капитан прицелился в присевшего за валуном Янго и положил палец на спусковой крючок. Он решил стрелять без промедления, как только услышит первый выстрел Гулик. Еще несколько секунд...

Его оглушил внезапный грохот камней. Часть спины робота, видимая капитану, резко дернулась. Вероятно, Паук потерял опору, но почти сразу нашел другую — теперь он снова поднимался и был уже пугающе близко! Похоже, он преодолел больше половины подъема!

А внизу, в зарослях, Янго, заметив, как робот чуть не сорвался со стены, вскочил было, но тут же снова присел, осознав свою ошибку, ибо в этот самый момент Гулик выстрелила. Капитан тоже выстрелил, но Агандар успел упасть на землю, потом метнулся вбок, в густые заросли, и исчез. Капитан тут же прекратил стрельбу.

Снизу, из-за края выступа, донеслись странные звуки — то ли рычание робота, то ли клокотание пара. Гулик продолжала стрелять, методично выжигая заросли вокруг того места, где прятался Агандар. Капитан привстал, опираясь на руки и колени, наклонился вперед и посмотрел, что происходит с роботом.

Паук, повиснув на стене утеса, вытянул голову и повернул ее под каким-то странным углом, глядя на горящие заросли. Рычание перешло в резкий пронзительный крик. Паук опять развернулся, занял прежнее положение, и из его пасти между страшных челюстей выдвинулась толстая серая труба. Труба уперлась в край выступа, и капитан, метнувшись вбок, схватил Гулик за щиколотку и потащил через всю площадку к стене, где лежала Гот.

Выступ содрогнулся, как от землетрясения, когда боевой луч Шима ударил в него снизу. Каменная глыба держалась, наверное, секунды две, потом большая часть ее рухнула и, развалившись на четыре огромных куска, поползла по склону вниз, сметая все на своем пути. В том числе и робота. Сквозь громовые раскаты обвала до них донеслись звуки взрывов. Видимо, «схлопнулись» силовые поля Паука. А когда капитан и Гулик, вы-

тянув шеи, осторожно заглянули за край того, что еще осталось от выступа, то увидели среди обломков камней клочья мохнатой коричневой шкуры. Падение со скалы дорого обошлось Пауку...

Капитан с трудом перевел дыхание и посмотрел на Гот. Девочка улыбалась, словно спала в собственной постели. Ничего себе наркотик!

— По-моему, нужно поскорей убраться отсюда, — нетвердым голосом сказал Посерт. Потом достал веревку и сунул бластер в карман. — Так вы попали в Янго, Гулик?

Гулик не ответила. Она сидела на корточках, лицом к красному солнцу, висевшему над долиной. Губы приоткрыты, взгляд отсутствующий. Она словно к чему-то прислушивалась.

— Гулик! — громко окликнул ее капитан.

Она вздрогнула и повернулась к нему.

— Что? Да... Я два раза в него попала... Надеюсь, он мертв. — Она отвечала ему совершенно машинально, явно думая о чем-то другом.

— Помогите мне поднять Дани! Нам надо...

И тут снова грянул гром. Чудовищно громкий. Капитану даже показалось, что гром прогремел буквально у них над головой. Затем последовала целая серия таких же оглушительных разрядов, которые постепенно становились тише, словно

смещаясь к противоположному концу долины. Молний видно не было. Но едва стихли раскаты грома, как со склона горы, от самой ее подошвы, стали доноситься другие звуки — кто-то завывал, блеял, сопел, хлопал крыльями... В воздухе замелькали непонятные тени, потом все быстро исчезло, словно растворившись в воздухе.

— Забегали, залетали! — усмехнулась Гулик. — Мы, кажется, их здорово растревожили... — Она взяла у Посерта веревку. — Поднимайте ведьмочку, капитан, а я ее к вам привяжу. Но только до корабля нам все равно не добраться!..

Однако до корабля они добрались. Хотя потом капитан никак не мог толком припомнить, как они спускались по склонам гор и оврагов. Помнил только, что путь казался ему бесконечным, ноги подкашивались, а маленькое легкое тело Гот словно было сделано из свинца. Гулик шла, точнее, тащилась рядом с ним или чуть позади. И то и дело начинала смеяться. Потом вдруг стала напевать какую-то диковатую мелодию в ритме там-тамов. И вдруг умолкла. Может, это он велел ей заткнуться?

А еще он хорошо помнил, что все время боялся — но не тех, кто мог их преследовать по земле, и не летающих рогатых монстров. Насколько

он мог определить, преследователи от погони отказались и отстали: ущелья, овраги, покрытые кустарником склоны — все было пусто. Ни шороха, ни звука. Складывалось впечатление, что теперь на них не только не обращали внимания, но и старательно избегали.

Его страх не имел никакой реальной формы, но подавлял волю. Это было ощущение чего-то громадного и угрожающего, собиравшегося с силами где-то рядом. Временами капитану казалось, что красноватое небо меркнет, словно его закрывают гигантские тени, которые и тенями-то трудно назвать... Над горами по-прежнему громким стаккато трещал гром, но молний не было. Впрочем, источник громовых раскатов больше к ним не приближался. Достигнув одного из оврагов, они опять услышали далеко в долине нечто напоминавшее низкий звон колокола. Ладно, это уже неважно, решил про себя капитан. Главное, что «Удача» по-прежнему стоит там, где ее оставили, и никто ее не трогал, а идти до нее всего несколько минут...

— Они нас как раз там и поджидают. У корабля, — послышался голос Гулик. И она опять засмеялась.

Капитан не ответил. Гулик очень мужественно

вела себя и немало помогла ему во время схватки с Агандаром и его роботом-убийцей. Просто этот неведомый странный мир теней оказался ей не по силам.

На последнем отрезке пути Гулик совсем сдала, стала спотыкаться и падать. Капитан дважды помогал ей встать, потом обхватил рукой за плечи, и они побрели дальше. Он и сам тоже начал спотыкаться и вдруг понял, что земля под ними колышется, точно волны неспокойного моря. Он брел, потупясь, а когда в очередной раз поднял глаза, чтобы посмотреть, сколько им еще осталось до корабля, то резко остановился: борт «Удачи» нависал прямо над ними, а трап был всего в десятке шагов. Он посмотрел на темный зев открытого шлюза и потряс Гулик за плечо.

— Мы добрались! — громко сказал он, и Гулик посмотрела на него затуманенным взором. — Теперь давайте наверх — вперед, по трапу! Да проснитесь же вы, наконец!

— Там же они, — усмехнулась Гулик. — Разве вы не чувствуете? Но все же начала подниматься по трапу. Капитан последовал за ней, держась поближе на тот случай, если она опять упадет.

И тут он действительно кое-что почувствовал. Холодные, точно электрические уколы по всему

телу. Он словно вступил в поток энергии. Капитан оглянулся: еще несколько минут там не было ничего, однако теперь на том конце долины над утесами крутилась темная мгла, очень похожая на грозовую тучу.

Неужели гроза все-таки разразится?

Капитан втащил Гулик через шлюз внутрь корабля и захлопнул за собой дверь; затем включил свет в ходовой рубке, достал нож и на ходу разрезал веревки, удерживавшие Гот у него на спине. Он уложил девочку на кушетку и оглянулся: Гулик опустилась на пол, прямо посреди рубки.

Капитан оставил ее лежать там, а сам извлек из кармана ключи, бросил их на стол у панели приборов и торопливо принялся за дело. Подготовка «Удачи» ко взлету обычно требовала довольно много времени, но сейчас это ему удалось буквально минуты за три. Электрические покалывания становились все более ощутимыми. Наконец он сел в пилотское кресло, запустил вспомогательные двигатели, проверил системы управления боем и включил экраны.

Черные тучи продолжали сгущаться над утесами с обеих сторон; на экранах было видно, как они будто сползают с отдаленных горных склонов... Бешено крутящиеся, вздымающиеся

горы мрака окутывали все небо. Да, самое время уносить ноги!

Кто это?

На экране правого борта показалась маленькая фигурка; человек бежал к кораблю, бешено размахивая руками. Капитан включил увеличение. Ну, конечно! Веццарн...

Он выругался, открыл дверь переднего шлюза, услышал щелчок, вслед за которым в корабль снова ворвался рокочущий гром. Веццарну, правда, оставалось пробежать сотни две шагов, и он торопился изо всех сил. На экране было видно, как он, на секунду подняв голову, радостно замахал руками, заметив свет из открывшегося шлюза.

Капитан ждал, до боли прикусив губу. Каждую секунду вздымающиеся черные громады облаков меняли свой облик, поднимаясь все выше... Теперь ему казалось, что вершины туч закручиваются гребешкам, точно морские волны перед штормом, готовые со всей своей силой обрушиться на корабль. Веццарн уже пропал с экранов, оказавшись в мертвой зоне обзора. Еще несколько секунд... Раскаты грома за бортом стали еще громче. Тучи, точно двинувшиеся в атаку войска, устремились к «Удаче»... Послышался топот ног по трапу, капитан обернулся и увидел, как Вец-

царн влетел внутрь и рухнул на пол, хватая ртом воздух. Капитан тут же врубил форсаж, корабль подпрыгнул футов на пятьсот с еще незакрытой до конца дверью шлюза и ринулся прочь от этой кошмарной планеты. Небо над ними было похоже на густую черную взбаламученную массу. Капитан чуть развернул «Удачу» и, как только это стало возможно, включил основную тягу.

Корабль рванулся вверх, оставляя позади грозовую стихию и весь этот мир красного солнца. Он был подобен метеориту, несущемуся в противоположном — по отношению к движению самой планеты — направлении, весь раскалился и светился от носа до кормы. Впрочем, холод космического пространства через несколько секунд остудил его. Мрачное, словно закопченное, красное солнце и все его спутники в последний раз мелькнули на задних экранах «Удачи», и она, остывая, понеслась вперед.

— Боже мой! — выдохнул капитан, откидываясь на спинку кресла. Он закрыл глаза, но тут же снова открыл их...

Это было все равно, что почувствовать «запах ворчания» или «услышать темно-зеленый цвет»... Как сказала бы Гот, это невозможно выразить словами, имеющими смысл! Но ощущение было

несомненно знакомым. Капитан прекрасно понимал, что с ним происходит — он *релировал*!

— ПОЗДРАВЛЯЮ! — возник ватч. — ИСПЫТАНИЕ ЗАКОНЧЕНО! И ОПЯТЬ ТЫ МЕНЯ УДИВИЛ И ПОРАДОВАЛ, МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК! А ТЕПЕРЬ НАЧНЕТСЯ ДРУГАЯ, ЕЩЕ БОЛЕЕ ИНТЕРЕСНАЯ ЧАСТЬ ИГРЫ! НАСТАЛО ВРЕМЯ ПОГОВОРИТЬ СО ВТОРЫМ ЕЕ УЧАСТНИКОМ...

И тут ходовая рубка вся как-то смазалась, исчезла, и сам он тоже расплылся и словно исчез. А под ним зависло некое бледное, постоянно меняющее свои очертания и движущееся свечение, своими формами напоминавшее его собственное тело. Сам же он, казалось, быстро перемещался вместе с этим свечением сквозь море нематериального сероватого тумана...

— ТЕРПЕНИЕ, МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК, ТЕРПЕНИЕ! — успокоил его своим громовым голосом ватч, а может, и сам серый туман. — ЭТО ТАКАЯ ИГРА, В КОТОРОЙ ТЫ САМ ВЕСЬМА ЗАИНТЕРЕСОВАН. А ДРУГИЕ ФАНТОМЫ, ТВОИ ТОВАРИЩИ, БУДУТ ПРЕБЫВАТЬ В ПОЛНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ПОКА ТЫ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ.

Ну, хоть что-то ободряющее... Игра, в которой он сам заинтересован?

— МИР ЧЕРВЕЙ! — проорал ватч с явным насла-

ждением. Чудовищный голос гремел, вибрировал где-то рядом. — МИР ЧЕРВЕЙ... МИР ЧЕРВЕЙ... МИР ЧЕРВЕЙ...

Глава десятая

А ведь, если честно, он действительно здорово заинтересован в этой игре с Миром Червей! Вот только где он находится, этот мир?

На секунду у капитана возникло ощущение, что ватч озадачен этим его незаданным вопросом.

— ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ? ДА ТАМ, ГДЕ И ДОЛЖЕН НАХОДИТЬСЯ, МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК! ГДЕ ЖЕ ЕЩЕ?

И капитан понял, что инструменты, вроде электронной звездной карты, не имеют для ватча ни малейшего смысла. Да и зачем они ему? Вселенная, в которой обитает человечество, представляется ватчу плодом его собственного воображения, и он легко переносится в ней с места на место — как человек порой уносится в неведомые дали своих мечтаний. Если ватчу надо куда-то попасть, он просто попадает туда — и все.

Однако даже ему попасть в Мир Червей удается не всегда. Мир Червей, объяснил Посерту ватч, — это загадка. Чудовищная загадка. Во время своих странствий он немало узнал об ужасном Манарете и решил сам посмотреть на него.

И обнаружил, что не может даже приблизиться к Манарету. Что-то мешало ему, перекрывало дорогу, держало на расстоянии от Мира Червей.

Это означало одно: вызов. И тогда ватч принялся сводить воедино все, что ему было известно о Манарете, о чудовищном монстре Моандере, повелевавшем сферами нури. Ватч узнал, что Манарет — это, по сути дела, огромный корабль размером с целую планету, в котором запертое в одном из его отсеков, точнее в тюрьме, томится племя гордых и некогда могущественных существ, построивших этот корабль и прежде бывших его хозяевами. Теперь они пленники Моандера. Народ этот носил имя лирд-харьер и был известен людям, которые установили с ним связь, надеясь отыскать способ как-то противостоять Моандеру и нури. Если бы можно было свергнуть Моандера и восстановить власть лирд-харьер над Манаретом, то это одновременно ликвидировало бы и страшную угрозу для человечества.

Ватч был заинтригован создавшимся положением и с интересом наблюдал, как капитан все больше втягивается в игру против Мира Червей. Теперь он уже считал Посерта вполне достойным партнером.

Что я должен делать? — мысленно спросил

капитан.

Нужна информация, сообщил ему голос ватча. Средства борьбы против этого монстра могут оказаться под рукой, нужно лишь понять, как ими пользоваться. А информацию лучше получить от тех, у кого больше всего сведений о Моандере — от народа лирд-харьер, запертого в недрах Манарета. Ватч к ним попасть не мог; и ничто материальное тоже не могло проникнуть сквозь энергетические барьеры, установленные Моандером. Однако в своем нынешнем виде капитан не представлял собой никакой материальной субстанции, и его можно было заслать прямо в Манарет, туда, где все еще, словно в осажденной крепости, обитали лирд-харьер. А там уже, следуя инструкциям ватча, капитан сможет узнать все, что нужно...

Существование в виде бестелесного духа, хотя и временное, все же имеет свои преимущества, думал капитан.

Например, плотный орудийный огонь и бесконечные разрывы снарядов, заполнившие все пространство вокруг, никак ему не повредили, и он сумел проникнуть сквозь линии обороны, оказавшись прямо в личных покоях лорда Чила, принца великого народа лирд-харьер. Покои

находились в центральной части Манарета. Когда орудийный огонь прекратился, капитан уже стоял в покоях принца — по-прежнему нематериальный, но вполне целый. Столь враждебная встреча его нисколько не удивила. Ничего не зная о способностях и возможностях ватчей, лирд-харьер воспринимали любое вторжение на их территорию как агрессию со стороны Моандера.

Принц Чил сидел в уютном гнезде из роскошных покрывал, устроенном на широком ложе в самом центре зала, и следил своими огромными, немигающими, золотисто-зелеными глазами за приближением странного призрака, нарушившего его покой и уединение. Те части длинного, вытянутого тела принца Чила, которые было можно разглядеть среди богатых одежд, сильно напоминали рептилию с красной чешуей, а шея более всего походила на змеиную. Однако венчавшая шею огромная круглая голова говорила о наличии развитого мозга, а чрезвычайное спокойствие Чила, которое в данный момент могло показаться даже пугающим, свидетельствовало о его безоглядной смелости, гордости и уверенности в себе.

Длинная красная конечность высунулась из-под роскошного одеяла, и капитан «услышал»

мысли принца:

«Внутренние барьеры сняты. Мне кажется, ты не из подданных Моандера? Значит, ты посланец дружественного нам народа ведьм?»

Капитан заявил в ответ, что он действительно связан с народом ведьм и, поскольку они являются врагами Моандера, желает помочь в борьбе с этим монстром. Для этого ему нужна некоторая информация, ибо он не очень представляет, что именно ему нужно сделать. Чил как будто хорошо его понял. «Задавай свои вопросы! — мысленно ответил он. — Без помощи извне наше положение скоро станет безнадежным...»

Обмен мыслями продолжался без особых затруднений. Манарет, как узнал капитан, находился под управлением суперкомпьютера, который назывался Синергайзер. Та же катастрофа, которая некогда выбросила Манарет и народ лирд-харьер из их собственного пространства и переместила в эту Вселенную, на время вывела из строя и Синергайзер. Моандер, который был лишь автономным аварийным блоком, включился в работу, подменив Синергайзер. Вообще же Манарет являлся экспериментальным боевым кораблем, изобретенным и сконструированным народом лирд-харьер. У них не было возможно-

сти ранее проверить, как работает Моандер в аварийных условиях.

И тут вдруг выяснилось, что при разработке этого устройства были допущены ошибки. Включившись в работу, чтобы заменить Синергайзер, Моандер предпринял меры, направленные на то, чтобы увековечить аварийное положение, при котором все управление кораблем находится в его власти. Уничтожить Синергайзер практически невозможно, однако Моандер заключил его в ракету-контейнер и направил по курсу, который должен был привести соперника прямиком в раскаленные недра огромной звезды. Обретя свободу, Моандер стал недоступен для каких бы то ни было средств контроля, имевшихся в распоряжении лирд-харьер.

«Нам известно, что Синергайзер не был уничтожен, — сообщил капитану принц Чил. — По всей видимости, ракета-контейнер отклонилась от заданного курса: возможно, в результате действий самого Синергайзера. Но сюда она не вернулась. Недавно, правда, было сообщение...»

Мысль прервалась. Капитан вдруг вспомнил Олими и его таинственный «камень»...

— «Да, да, это он! — мысль Чила прозвучала, как вскрик. — Где ты его видел?»

Он пришел в такое возбуждение, что обмениваться мыслями стало невозможно. Понемногу успокоившись, он продолжил свой рассказ. Народ лирд-харьер получил от своих агентов, имевшихся практически во всех секциях Манарета, сообщения, что нури Моандера сумели обнаружить следы пропавшего Синергайзера. Всего несколько часов назад пришло известие, что карресский корабль, на котором находится это устройство, избежал коварной попытки направить его вместе с грузом в недра одного из солнц, после чего исчез.

Капитан признал, что это его корабль, и заверил Чила, что пока Синергайзер в полной безопасности.

Странные золотисто-зеленые глаза затуманились от волнения. Капитан мысленно увидел огромный зал, стены которого были сплошь заняты приборами и экранами. «Это центральный командный пост, — сообщил Чил. — Он все еще под нашим контролем. Как только Синергайзер окажется здесь, он обретет былое могущество. Вдали отсюда он мало на что способен...» Изображение исчезло. А мысли Чила устремились дальше. Довольно давно лирд-харьер получили отрывочную информацию, посланную на Мана-

рет иными, но подобными им существами, о том, что в тех пространствах и измерениях, куда их некогда забросила Великая Катастрофа, создается гигантское устройство, которое будет способно извлечь корабль из чуждой Вселенной и вернуть назад, но для этого надо восстановить власть Синергайзера.

Однако народу лирд-харьер не был известен способ проникновения материального объекта сквозь силовые поля внешней оборонительной системы Манарета, установленной Моандером. Синергайзер таил в себе значительно больше возможностей, чем представлялось на первый взгляд, но тем не менее оставался все же материальным предметом. А оборонительные системы Манарета постоянно совершенствовались и укреплялись. «Нури по-прежнему устанавливают новые энергетические барьеры между мертвыми солнцами, которые окружают нас здесь со всех сторон... — услышал капитан. — А недавно Моандер, видимо, нашел способ пресекать мысленный обмен информацией между лирд-харьер и ведьмами с Карреса. Так мы потеряли контакт с Карресом...»

«А существует ли какая-нибудь возможность того, что ваши друзья все-таки смогут послать

в наше измерение нечто вроде спасательного корабля, способного справиться с Моандером?» — осведомился капитан.

«Нет, это невозможно!» — был ответ. И тут же перед мысленным взором капитана возникли безумно закрученные потоки энергии, впивавшиеся в узлы и непрерывно взрывавшиеся... «Между нашими измерениями нет общей границы. Переход из одного в другое — это извилистый путь сквозь хаос! Мы только что находились там — и вот мы уже здесь! Даже за миллионы жизненных циклов такой момент точного совпадения положений не повторяется дважды и не может быть создан искусственно. Так что они сюда попасть не могут. Они способны лишь вытащить наш корабль отсюда... Но при условии, что структура силовых полей корабля будет полностью восстановлена и совпадает с природой полей, созданных ими...».

Но для этого нужен Синергайзер! Ах, если б только капитану удалось доставить его на Каррес!...

«Насколько Моандер уязвим при атаке извне?» — спросил капитан.

«Почти неуязвим! Вся оборонительная система Манарета к его услугам. А кроме того...»

И вновь перед мысленным взором капитана возникли массивные укрепления, мощные бастионы с крутыми скатами. «А сам Моандер находится глубоко внутри. Любые активные системы управления кораблем действуют только через структуры обороны, и только через них и через своих нури Моандер получает информацию о вашей Вселенной. Моандер держит нас буквально за горло и готовится такой же мертвой хваткой вцепиться и в вас. Время не терпит! Потому что нури уже создали новые инкубаторы...»

«Инкубаторы?» — прервал его капитан.

Оказалось, что нури — покорные рабы того, кто в состоянии ими управлять, рабы абсолютно послушные, которых при необходимости можно не беречь и не щадить. Их воспроизводство, правда, требует немало времени, зато количество при этом не ограничено, и хозяин может иметь их столько, сколько ему нужно. Сейчас как раз начался период воспроизводства, и, разумеется, Моандер стремится вывести как можно больше нури, целые орды, увеличив их число в сотни раз.

«Сами по себе нури не страшны, — сообщил Чил. — Но сейчас они выступают как орудия Моандера. По мере роста численности растет и

могущество нашего врага. И если МЫ не победим Моандера до того, как нури размножатся, нашим оборонительным системам не устоять... И вашим мирам тоже. Все мы погибнем в эпидемии этой чумы. Есть только два пути спасения: вернуть Синергайзер на место — в центральный пост управления — или пробить оборону Моандера и сломить его сопротивление. Но мы не знаем, как это сделать...»

Мысль принца Чила внезапно оборвалась. Перед глазами капитана все вдруг помутнело, заколебалось, и Чил вместе с огромным залом исчез, а призрачная, нематериальная сущность самого Посерта вновь поплыла куда-то в сером безликом тумане. Теперь капитан довольно явственно релировал ватча.

— ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ПРОБЛЕМА! ПОДОЖДИ ЗДЕСЬ НЕМНОГО, МАЛЕНЬКИЙ УЧАСТНИК ЗАБАВНОЙ ИГРЫ!

И ватч исчез. Во всяком случае, его присутствие больше не ощущалось. Капитан продолжал куда-то плыть, и вместе с ним плыл серый туман.

«Забавная игра!» Ха! Но для прочих «игроков» — проблема страшная! Если, конечно, принц Чил говорил правду.

Итак, что может предпринять он, капитан По-

серт? Ничего! Пока не вернется ватч, не вытащит его из этого тумана и не вернет его обратно — в его тело, на его корабль, в общество ему подобных.

Как же освободиться от влияния клатха-сущности, которая способна не только вывернуть тебя наизнанку, но и постоянно сует нос в твои мысли? И тут капитан вспомнил о замке, которому научила его Гот. Если бы удалось «закрыться» на такой замок против ватча...

Тут его размышления прервались. В сером тумане мелькнула яркая искра, потом она проплыла слева направо, оставляя за собой след — кривоватую огненную линию, такую же яркую, как она сама. Да это же...

«Стоп!» — мысленно приказал он.

Искра остановилась. Огненная линия тоже застыла, трепеща, на месте. Она была очень похожа на те линейные части «узоров», из которых состоял волшебный замок против нури...

Но эта линия была намного толще, мощнее — настоящий поток живого огня! Огонь клатхи! — догадался капитан... И этот огненный поток остановился только потому, что он ему приказал!..

Капитан колебался. Если огненная линия — составляющая некоего «замка», то речь должна

идти о куда более мощном засове, чем тот, что преграждал нури доступ к его мыслям. И этот новый замок, видимо, будет создан благодаря клатха-энергии!

Ну, что ж...

«А ты уверен, что хочешь попробовать создать такой засов?» — Капитан отчетливо услышал внутри себя голос, задавший этот вопрос.

Да, он уверен. Более того, это представлялось ему крайне необходимым.

И тогда капитан сделал нечто, чего не смог бы описать или объяснить даже самому себе. Искра клатха-энергии вновь поплыла, оставляя за собой огненный след, а чуть выше возникла вторая такая же искра и двинулась вниз, к первой. Затем вспыхнула третья, и третий огненный поток зигзагом устремился вверх, к месту слияния с первыми двумя...

От этого узора исходил невыносимый жар! Был момент, когда вся Вселенная напряженно вытянулась в одну линию и чудовищно напряглась. Но тут огненные потоки наконец пересеклись и замерли. Сверкнула неслышная вспышка — и все кончилось. Узор, точно фотография, зафиксировался в пространстве и тут же исчез. Исчезло и чудовищное напряжение.

Вряд ли, подумал капитан, такие эксперименты можно повторять часто. Скорее всего, это можно сделать только один раз. Или лучше вообще никогда не делать.

Капитан немного подождал и через некоторое время вновь начал релировать ватча. Его присутствие сперва ощущалось сильно, потом ватч куда-то пропал, а затем оказался рядом.

— ХМ? ЭТО ЕЩЕ ЧТО ТАКОЕ?.. СОВЕРШЕННО НЕОБЪЯСНИМО!.. ВРОДЕ БЫ ОН СОВЕРШЕННО ЦЕЛ... ОДНАКО... ЭЙ, ЧЕЛОВЕЧЕК! — голос ватча зазвучал в полную силу, — ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

— Слышу, — ответил капитан.

— ВОТ КАК? НЕУЖЕЛИ ПОЛНАЯ БЛОКИРОВКА? НУ И ПУСКАЙ! — решил вдруг ватч. — ЕРУНДА! МЕЛКИЕ НЕПОЛАДКИ! ИГРА-ТО ВСЕ РАВНО ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

У капитана вдруг возникло такое ощущение, будто он провалился в ледяную черноту. Потом он понял, что лежит на чем-то холодном, твердом и колючем, открыл глаза и приподнялся. Пришлось зажмуриться, помотать головой и снова открыть глаза: сомнений быть не могло — он вернулся назад! Он лежал на каменистой земле! Капитан сел и огляделся. Вокруг торчала высохшая коричневатая трава. Светило яркое солнце. Осенние,

поросшие лесом холмы, холодный ветер... Вдали виднелись снеговые вершины гор, а неподалеку, в нескольких сотнях метров, стояла «Удача» с распахнутой дверью переднего шлюза и опущенным трапом. Капитан встал и пошел к кораблю.

— Капита-а-а-ан!!!

Он резко обернулся и увидел Гот, бегущую ему навстречу от корабля. Он что-то заорал и понесся ей навстречу. Чувство облегчения, которое он испытал, было столь огромным, что буквально несло его над землей. Гот бросилась ему на грудь, чуть не рыча от восторга. Капитан обнял ее, поцеловал, растрепал ей волосы, поставил на землю и на радостях шлепнул.

— Патам! — вскричала она. — Как же я рада тебя видеть! Но где ты пропадал?

— Встречался с Червивой Грозой, — сказал капитан, счастливо улыбаясь.

— Да что ты!

— Честное слово. Я побывал в Мире Червей. Скажи-ка, этот «камень», что вез Олими, по-прежнему у нас на корабле?

— Откуда же мне знать? Ничего себе — побывал в Мире Червей! — Гот была совершенно потрясена. Потом пояснила: — Между прочим, и корабль тоже только что появился здесь, одновременно

с тобой.

— Вот как?

— Ну да, буквально минуту назад! Я как раз собиралась возвращаться в лагерь...

— В какой лагерь? Ладно, это потом. Гулик и Веццарн с тобой?

— Да. Они оба здесь. Кстати, я недавно релировала ватча. Огромного! Впрочем, ты, кажется, с мелкими и не знаешься... А потом оглянулась случайно — и «Удача» уже стояла рядом. И ты тоже наконец объявился...

— Так. — Капитан был настроен решительно. — Пошли к кораблю. Надо проверить, на месте ли «камень». Я теперь знаю, что он из себя представляет. Ты когда-нибудь слыхала о Синергайзере и его значении для Манарета?

— Синер... Нет, ничего не слыхала! — Гот, подскакивая на ходу от нетерпения, старалась идти с ним рядом. — Что-то очень важное, да?

— Самое важное! Я тебе потом все расскажу.

Они торопливо взобрались по трапу. В ходовой рубке горел свет, отопление работало на полную мощность. Но переборки на ощупь были ледяными. Капитан и Гот на минуту задержались у панели управления, проверяя, все ли в порядке. Все системы, кроме аварийной, были отключе-

ны, и они, оставив все как есть, направились в кормовую часть корабля. У первой блокирующей переборки они немного задержались. Робот Шима не то чтобы прожег ее — нет, он вырубил значительную ее часть, пролез в эту брешь вместе с хозяином, а выбитый кусок плиты просто вколотил в пол, сильно изуродовав при этом палубу.

Синергайзер, пропавший с Манарета, по-прежнему находился в сейфе, завернутый в пластик. Они осторожно пробрались по заваленному обломками переборок отсеку к запертой каюте Олими и обнаружили, что он все еще там — в полной безопасности и по-прежнему без сознания. Они снова заперли дверь каюты, вышли из корабля и спустились по трапу.

— Давай присядем на минутку, — предложила Гот и первой плюхнулась прямо на траву. — Можешь быть уверен — с остальными все в порядке. Но что все-таки произошло с тобой? И как ты попал в Мир Червей? И что такое Синергайзер?

Она слушала, не перебивая, с напряженным вниманием, пока он рассказывал ей о своих приключениях. Однако о своих экспериментах по созданию замка от чересчур любопытного и надоедливого ватча он пока что решил умолчать.

— Ватч сказал, что игра продолжается, — закон-

чил капитан свой рассказ, — и уже в следующий момент я оказался здесь. Слушай, а ты представляешь, где мы находимся?

— Между прочим, это Каррес!..

— Что?! — Капитан ушам своим не верил. — Но тогда...

— Нет, — ответила Гот. — Все далеко не так просто. Это не настоящий Каррес, это Каррес прошлого! На всей планете сейчас никого нет, кроме нас.

— Ты считаешь, что это проделки ватча?

— А кого же еще?.. Представь, никакой Империи нет и в помине, и пиратской Ульдуны тоже еще не существует. Великий Патам! Даже космические корабли еще не изобрели! — Она вдруг склонила голову набок и чуть прищурилась. — Ну вот, опять!

Капитан тоже почувствовал присутствие ватча. Назойливый спутник ошивался где-то поблизости... А потом ощущение исчезло.

— Гигантский ватч! — заметила Гот. — Ну ты даешь, капитан! Самого здоровенного выбрал!

— Они ведь могут читать наши мысли, верно? — спросил капитан.

— Многие могут.

— А способны они это делать на расстоянии? Ко-

гда мы не можем их засечь? То есть релировать?

— Вроде бы, нет. — сказала Гот. — Но точно я не знаю.

— Интересно! А не существует ли такой штуки, вроде клатха-замка, чтобы не позволять им совать нос в наши мысли?

— Есть такая штука! Только подобный замок очень трудно сотворить. Я вот. например, не умею. И знаю всего четырех, не больше, которые на это способны.

— Всего-то? — удивился капитан.

Гот поглядела на него вопросительно, затем с явным подозрением.

— Знаешь что, — медленно проговорила она, точно колеблясь и раздумывая, — я кое-что умею, и это может сработать как замок против ватчей... Просто нужна клатха-энергия слабого напряжения, совсем немного... И ее как бы накладываешь на что-то конкретное — на те мысли, которые желаешь защитить от постороннего вмешательства. Вот и все. И тогда, кто бы ни сунулся в мои мысли, он просто ничего прочитать не сможет!

Она снова склонила голову набок и внимательно поглядела на капитана:

— А ты что, сделал себе замок против ватчей?

— Думаю, да. — И он вкратце описал ей свое

изобретение. Гот слушала, сперва округлив глаза от изумления, а потом просияв от радости.

— Да, ты будешь самым лучшим колдуном на Карресе, капитан! Вот увидишь!

— Ты так думаешь? — Ему эта мысль была необычайно приятна, но оставалось еще слишком много нерешенных проблем, чтобы долго ею наслаждаться. — Ну что ж, будем считать, что когда мы ватча не релируем, то можем разговаривать совершенно спокойно, — подвел итоги капитан. — И что же мы будем делать дальше? Нет ли какого-нибудь способа вернуться в наше время? Например, с помощью клатхи?

Гот помотала головой. Ведьмы Карреса иногда экспериментировали с перемещением в прошлое, но никто, насколько она знала, не проникал туда далее дня собственного появления на свет.

Оставалось полагаться только на то, что сам ватч и вернет их обратно. Это был не слишком обнадеживающий вывод. Ватч, будучи воплощением клатха-энергии, играл в свои собственные игры и явно рассматривал людей как пешки в этих забавах. Вот он, например, услышал, что вроде бы невозможно преодолеть сопротивление Моандера, укрывшегося в своей неприступной крепости, и теперь решил доказать, что это не

так.

Ситуация не самая приятная. Но пока что ее изменить невозможно.

— Олими нашел Синергайзер и вез его на Карресе, когда на него напали нури, — задумчиво заметил капитан. — Примерно в тот же момент ведьмы узнали, что Империя собирается напасть на них, и Каррес исчез. И более никакой информации о нем не поступало — во всяком случае до того, как мы покинули Ульдуну.

Гот кивнула:

— Наверное, они знали, что Олими везет эту штуку, и отправились ему навстречу.

— Вполне возможно. Теперь вот что. Ты мне как-то говорила, что на Карресе начали разработку нового вида клатха-оружия для борьбы с нури, и дела шли довольно успешно, так?

— Да. Я думаю, они почти закончили его, когда мы улетали с Карреса, — сказала Гот.

— Тогда, вполне возможно, что Синергайзер мог быть единственной недостающей составляющей, которой не хватало, чтобы начать атаку на Мир Червей. Они, конечно же, знали — благодаря постоянному контакту с лирд-харьер, — что Моандер в самом ближайшем будущем сумеет вывести такое количество нури, что победить его

будет практически невозможно...

Гот снова кивнула и решительно заявила:

— По-моему, они все равно атакуют Манарет — получат ли Синергайзер или нет! Похоже, они будут просто вынуждены это сделать.

Капитан заскрежетал зубами от бессилия.

— Даже если бы мы вернулись обратно в наше время, — сказал он, — то самое лучшее, что мы могли бы тогда сделать, — это доставить Синергайзер на Эмрис! Мы же не знаем, где сейчас находится Каррес. И где находится Манарет, тоже не знаем... хотя я там, кажется, только что побывал.

— Возможно, нам известно, где находится Манарет...

— Как это? Что ты хочешь сказать?

— Чил сообщил тебе, что нури строят новые заграждения вокруг Манарета где-то среди множества мертвых солнц, верно?

— Да, — кивнул капитан.

— Известно только об одном районе космоса, где вокруг сплошные мертвые солнца. Это Чаладур! А само скопление мертвых звезд называется Тарк-Немби. Его все избегают, потому что оттуда не возвращаются. Стало быть, Мир Червей вполне мог находиться все это время именно там. А если

это так, то мы довольно легко можем обнаружить и Каррес — причем не более чем в одном перелете от Тарк-Немби!

Капитан даже крякнул от удовольствия.

— Клянусь, ты молодец! Может быть, нам даже удастся решить все проблемы, особенно если мы сумеем вернуться в свое время и прорваться к этому скоплению мертвых звезд на вжжик-тяге. Если нам не помешает ватч...

— Он все равно сделает свой ход первым.

— Ну что ж, — вздохнул капитан. — Ладно. Ты, по-моему, говорила о каком-то лагере?

Гот вскочила:

— Да, за холмом. Примерно с четверть мили отсюда. Пошли, заберем все оттуда — это проще, чем перегонять корабль.

По дороге Гот успела рассказать ему о том, что произошло. Ни Гулик, ни Веццарн не помнили ровным счетом ничего с тех пор, как «Удача» покинула планету красного солнца, и до того момента, когда они очнулись, освещенные лучами зари, на холодном, туманном Карресе. Гот пришла в себя первой, на полчаса раньше остальных. Она ничего не сказала своим спутникам ни об этой планете, ни о ее местонахождении в пространстве и во времени: оба и без того были

совершенно обескуражены и испуганы. Гулик, например, придя в себя и обнаружив рядом распростертое тело Веццарна, сразу решила разнести ему из бластера голову, уверяя Гот, что он гнусный предатель.

— Она, правда, так свой бластер и не нашла. Да и бластер Веццарна тоже, — ухмыльнулась Гот. — Ну а потом Гулик немного остыла, а Веццарн стал ныть, как обиженный младенец. Целый час ныл, наверное... Ты, мол, специально задержал взлет и подождал его, а он вел себя как подлый предатель, и теперь ему остается только застрелиться, потому что он даже представить себе не может, как посмотрит тебе в глаза.

— Похоже, тебе пришлось с ними обоими здорово повозиться?

— Да нет, они довольно быстро успокоились. Гулик теперь даже разговаривает с Веццарном. Она не такая уж плохая, эта Гулик.

— Да, ничего, — согласился капитан, припомнив тяжелые минуты, пережитые вместе с Гулик на краю утеса.

По словам Гот, они устроились совсем неплохо. Веццарн, изо всех сил стараясь загладить былые прегрешения, уже к вечеру первого дня умудрился оборудовать прекрасный лагерь на берегу

ручейка и содержал его в чистоте и порядке. Пытался даже кухарить, добывая пищу с помощью самодельного лука. Гулик первые сутки вела себя настороженно, нервно поглядывая на окрестные горные склоны, словно в любой момент ожидала нападения опасного противника. Но к концу второго дня горячее осеннее солнце Талсоу как будто растопило владевшее Гулик напряжение.

Прибытие в лагерь оказалось малоприятным, поскольку Веццарн при виде капитана завыл и застонал, потом рухнул на колени и попытался поцеловать капитану руку. И не желал подниматься, пока Посерт не провозгласил, что на сей раз Веццарн прощен.

Они покинули лагерь, оставив все как есть, и вместе вернулись к «Удаче». Гот и Веццарн отправились осматривать корабль, надеясь, что можно будет хотя бы немного привести все в порядок и ликвидировать страшные следы робота Шима. Капитан, закрыв шлюз, уселся у пульта управления и начал обычную проверку всех систем корабля.

Проверка выявила нечто необычное. Никаких указаний на неисправности не было, однако силовая установка не подавала мощность ни на один из двигателей.

Капитан задумчиво закусил губу. Опять ватч! Стало быть, он постарался, чтобы команда осталась здесь, а сам куда-то улетел. С кораблем все было в порядке, однако они не могли им воспользоваться. Капитан решил, что это в конце концов особого значения не имеет: в том времени, куда они попали, лететь некуда.

Он оглянулся и увидел, что у входа в рубку стоит Гулик и наблюдает за ним.

— Входите, — пригласил ее капитан. — Боюсь, я не успел поблагодарить вас за помощь во время схватки с Агандаром.

Гулик улыбнулась и подошла ближе. За восемь дней, проведенных в лагере на Карресе, она совершенно пришла в себя и теперь была еще более хороша, чем прежде — утонченная, элегантная! Трудно было поверить, что столь очаровательные кроткие глаза могли, хладнокровно щурясь, высматривать легендарного Агандара, в которого их обладательница собиралась выпалить из бластера.

— Я ведь прежде всего себя спасала, капитан, — заметила она. И добавила: — Я услышала рев двигателей и решила узнать, куда это мы летим.

— Никуда мы пока что не летим, — сказал капитан. Поколебавшись, он объяснил: — Дело в

том, что я не имею понятия, куда лететь.

Гулик с минуту молчала. Потом спросила:

— Вы знали, что я агент Империи?

— Янго говорил об этом.

— Ну что ж, это правда. Я полетела с вами сквозь Чаладур, чтобы выкрасть секретную супер-тягу, которая, как все полагают, имеется на вашем корабле.

— Я так и думал... Только эта штука никак не может быть использована ни вами, ни теми, на кого вы работаете.

— Я и сама пришла к такому выводу, — призналась Гулик, — еще за два дня до того, как началась заваруха с Янго. В любом случае, если я вляпалась в эту историю вместе с вами и вашей маленькой ведьмочкой, то исключительно по собственной вине. Боюсь, от меня будет мало толку, когда вы попытаетесь выбраться отсюда. Но если я все-таки смогу чем-то помочь, только скажите. Я все сделаю! А пока просто постараюсь не мешать. Меня всегда считали довольно способным человеком, однако все эти карресские дела выше моего понимания!

Капитан не стал говорить ей о собственных страхах и сомнениях.

В тот вечер они по предложению Гулик по-

ужинали на траве недалеко от корабля. Гулик все время говорила о том, как ей нравится эта планета; после проведенной здесь недели она чувствовала себя здесь гораздо комфортнее, чем в каком-либо другом месте. Гот, видимо, это льстило как хозяйке. Каррес был действительно очень привлекателен в сиянии двойного солнца, освещавшего западные горные хребты своими закатными лучами. Ветер постепенно стих, и люди некоторое время сидели, негромко переговариваясь, но тщательно избегая любых тем, связанных с их нынешним положением. Небо почти очистилось от облаков. Капитан видел, как над горизонтом всплыл маленький четкий круг луны. Он думал о том, что можно было бы предпринять, чтобы не сидеть сложа руки и не томиться в ожидании, пока ватч первым проявит себя. Однако факт оставался фактом: приходилось ждать следующего хода ватча. Гот могла бы, конечно, перенести их вместе с «Удачей» на сотни световых лет отсюда, но это ничего бы не дало.

Гот предложила ночевать на свежем воздухе, возле корабля.

Капитан быстро глянул на нее. Остальным идея явно понравилась. Действительно, после всех приключений каюты «Удачи» могли казаться

слишком тесными. Однако самому капитану очень не хотелось оставлять корабль на всю ночь. Ведь если ватчу еще что-нибудь взбредет на ум, они, проснувшись, могут обнаружить, что корабль исчез.

Гот заметила его взгляд; ресницы ее чуть шевельнулись, и он сразу понял, что у нее есть некий план. Только вот какой?..

И вдруг капитан почувствовал, как зашевелились волосы у него на затылке: ватч вернулся!

Нет, он был не рядом — капитан едва релировал его. Но приближаться явно не желал. Гот, разумеется, обнаружила ватча раньше, чем капитан, который все никак не мог понять, зачем ей понадобилось ночевать под открытым небом.

Пока «команда» вытаскивала из корабля спальные мешки, ватч приблизился, недолго поболтался совсем рядом и снова удалился...

Вдруг капитан заметил, как потемнело небо. Где-то в вышине загрохотал гром. Посерт изумленно поднял глаза к небу, и на него обрушился ливень — словно опрокинули гигантское ведро воды.

Он заметался вокруг корабля, собирая промокшие насквозь постельные принадлежности и непрерывно ругаясь. Нет, это совершенно невы-

носимо! Вода уже ручьями бежала по каменистой земле, образуя грязные лужи и стремительные потоки. Гром раскатывался в небесах, сверкали молнии, освещая колдовским сиянием мощные, крутившиеся в стремительном водовороте угрюмые тучи. Веццарн, оскальзываясь, скатился по трапу, чтобы помочь капитану. Сквозь гром Посерт слышал раскатистый хохот ватча, который был прямо-таки вне себя от восторга, наблюдая, как люди, скользя и падая в грязь, потащили назад свое промокшее барахло и с грохотом закрыли шлюз. А ливень продолжал яростно барабанить по корпусу «Удачи».

Глава одиннадцатая

— Ну что ж, теперь мы твердо знаем одно, — мрачно подвел итоги капитан. — Ватч явно желает, чтобы мы оставались в корабле.

Гот, с восхищением глядя на капитана, сказала:

— Никогда бы не подумала, что на свете существует столько ругательств и проклятий!

Хронометр показывал, что прошел уже час с тех пор, как начался ливень, однако дождь и не думал прекращаться, хотя лил уже с меньшей яростью. Территория в непосредственной близости от «Удачи» превратилась в неглубокое озеро. Капитан потянул носом, словно пытаясь уловить некий запах.

— Ты уверена, что не релируешь его? — спросил он у Гот. Та покачала головой:

— Насколько я понимаю, он убрался отсюда почти час назад. А ты что-нибудь релируешь?

Капитан помедлил с ответом.

— Нет, — сказал он в конце концов. — Однако... У меня какое-то странное чувство... Слушай, ты что-то засиделась — давным-давно пора спать! Отправляйся-ка в каюту и ложись, утром тебе

надо быть в наилучшей форме. А я еще немного посижу, покурю. Если этот надутый космический клоун опять появится, я дам тебе знать.

— Надутый космический клоун... Неплохо сказано! — и Гот выскочила из рубки.

Капитан достал сигарету и отсутствующим взглядом скользнул по экранам. Дверь между рубкой и остальными помещениями была закрыта: Гулик и Веццарн решили спать в носовой части корабля, прямо на полу. Принимая во внимание затеянную ватчем мощную грозу — не говоря уж обо всех других приключениях, выпавших на их долю, — капитан просто не решился предложить им спать в каютах. С другой стороны, ночь все еще могла преподнести такие сюрпризы, которых ни Гулик, ни Веццарну лучше не видеть вовсе. Веццарн и без того помогал капитану перетаскивать сейф из грузового отсека с помощью корабельного крана и устанавливать его у переборки. Это тоже не способствовало восстановлению у Веццарна душевного равновесия.

Вокруг царила какая-то «ватчевая» атмосфера. Не присутствие самого ватча, но что-то с ним связанное. Сейчас капитан никого не релировал. Гот выдвинула гипотезу, что его частые контакты с ватчем вызвали у него способность

воспринимать и какие-то иные сигналы либо проявления клатха-сущностей. Вот и сейчас он явно воспринимал некие подобные сигналы, и эти ощущения все усиливались. Самый лучший способ описать их — сказать, что перед глазам у него мелькает некий проблеск черного света или сгусток блестящей тьмы, который находится в постоянном движении, все время меняет форму, и потому изображение представляется несколько смазанным.

Из динамиков снова донесся раскат грома, и капитан отключил их, а экраны переключил на более широкий обзор. За исключением нескольких кудрявых тучек на востоке, небеса совершенно очистились. Правда, только на расстоянии пяти-шести миль от «Удачи», ибо рой дождевых туч, собранных ватчем, продолжал висеть прямо над кораблем...

Видимо, тот сгусток тьмы был связан именно с грозовыми тучами. Капитан отложил сигарету и попытался с помощью верхнего экрана рассмотреть слой, находившийся чуть выше облаков. Может быть, здесь?..

Да, здесь оно и находилось! Нечто очень странное — невидимое, неощутимое, однако вполне реальное. Более того, оно напоминало имен-

но сгусток черноты неправильной формы и постоянно менявшийся, ибо внутренность его представляла собой как бы сплетение различных движений и потоков.

Это, видимо, был след ватча, который тот оставил на Карресе после своего отлета. Недостаточно четкий след, чтобы его можно было релировать, однако вполне способный удерживать грозовые тучи прямо над «Удачей»... И вдруг капитан почувствовал, что пытается «дотянуться» до этого сгустка черноты!

Он почти достал до пятна, и тут его опалило жаром. Испепеляющий жар исходил из самой сердцевины постоянно менявшего свои очертания сгустка тьмы. То была энергия ватча, живая клатха!..

Капитан мысленно приказал пятну: «Двигайся!»

И оно действительно стало сдвигаться вбок!

Капитан удвоил усилия. След, оставленный ватчем, продолжал сдвигаться к югу. Минут через десять дождь внезапно ослабел, потом прекратился вовсе. Ночное небо над кораблем очистилось от облаков. Но буквально в четверти мили к югу дождь продолжал лить с прежней силой.

«Стой здесь!» — мысленно приказал капитан следу ватча.

Пока пятно отодвигалось от корабля, капитан почувствовал наличие поблизости второго, гораздо меньше и слабее первого. Посерту хватило нескольких минут, чтобы определить, где расположился второй след. Оказалось — прямо в машинном отделении «Удачи»! Точно такой же сгусток тьмы, внутри которого бесшумно и безостановочно крутились потоки энергии. След был оставлен над силовой установкой и в любой момент мог свести на нет попытку поднять корабль с земли.

Чуть погодя на фоне чистого ночного неба повис кусок скалы; он медленно вращался, чуть покачиваясь. «Камешек» был немаленький: «Удача» вполне поместилась бы в дыре, которая осталась после него в поверхности планеты, когда минуту-две назад он неожиданно устремился вверх. И висел он на весьма приличном расстоянии от земли. Мили полторы, прикинул капитан, наблюдая за экраном.

Он заставил глыбу дважды перевернуться в воздухе, поднял ее повыше, потом вновь опустил, а потом велел ей подскочить еще на полмили вверх.

Тут у него за спиной кто-то изумленно присвистнул.

— Чем это ты занимаешься? — шепотом спросила Гот.

— Использую некоторую часть свободной энергии ватча, которую обнаружил поблизости. Этот паршивец нарочно оставил здесь свой след, чтобы держать нас под дождем.

— А ты что угодно можешь с ним сделать?

— Не знаю. Предложи что-нибудь покруче!

— Тогда запусти этот обломок прямо в космос! — И глыба просто исчезла.

— Надо полагать, камешек улетел и продолжает лететь, — задумчиво проговорил капитан некоторое время спустя. — А теперь попробуем кое-что еще...

Гот не стала спрашивать, что именно. Она лишь напряженно следила за тем, как Посерт перемещает видимое на экране черное пятно на землю, вблизи корабля. К северу от «Удачи» на склоне холма высилось огромное дерево. Капитан сфокусировал на нем изображение и почувствовал, как энергетическое пятно вплотную приблизилось к дереву. И остановилось, ожидая приказа и готовое к действию.

Он отдал мысленный приказ и стал ждать ре-

зультата.

Но ничего не произошло. Тогда он переместил пятно на небольшой куст и повторил свой приказ. Куст исчез.

Гот издала слабый вопль. Затем неуверенно спросила:

— Это ты его во времени переместил?

— Да, — ответил капитан, совсем не удивившись тому, что она все поняла правильно. Он прокашлялся. — Боюсь только, что нам это все равно не поможет.

— Почему? Великий Патам! Да если...

— Я пробовал переместить в будущее вон то большое дерево, но оно и с места не двинулось. Для такой массы, видимо, энергии в этом пятнышке маловато... Давай-ка попробуем другое дерево, поменьше и поближе к нам...

Но и для этого дерева энергии оказалось недостаточно. Капитан сформулировал другой мысленный приказ, и дерево выскочило из земли. Когда же оно упало обратно, они увидели, что верхняя треть его кроны исчезла. Вот и все, к чему привели усилия капитана.

По всей видимости, для перемещения объектов во времени требовалось гораздо больше энергии, чем для перемещения в пространстве. И было

невообразимо трудно представить себе то количество энергии, которое потребовалось бы для того, чтобы перенести в нужное время «Удачу» со всем ее экипажем...

— Что-то тут не так, — сказал капитан, не в силах скрыть разочарование. — Ладно, больше пока не будем экспериментировать. Надо все привести в прежнее состояние, пока не появился ватч.

Он перенес сгусток энергии как можно ближе к кораблю, насколько это позволяли обзорные экраны. На таком расстоянии и он, и Гот четко его релировали. Лицо Гот стало вдруг очень напряженным, и капитан решил, что юная ведьма привела в действие все свои «антенны» для приема клатха-энергии, стараясь уловить любые возможные ее проявления. Примерно через минуту она отрицательно помотала головой.

— Больше ничего не могу обнаружить, — сообщила она. — Знаю, что пятно здесь, потому что релирую его, но это все.

Она пока что не умела направлять энергию по своему усмотрению. Видимо, для этого требовалась способность четко воспринимать и ощущать присутствие любого вида клатхи. Гот не слыхала о ведьмах, которые обладали бы подобной способностью, что, впрочем, отнюдь не означало,

что таких ведьм не существует вовсе.

Капитан подробно описал Гот, как именно он ощущает присутствие разных видов клатха-энергии, и она ответила, что, согласно распространенному среди ведьм мнению, ватчи тоже могут проявляться как иные виды энергии.

— Как бы это использовать? Идей нет?

— Пока нет, — ответил капитан. Они помолчали.

— Может, в будущем эта штука нам и пригодится, раз уж мы поняли, что ею можно управлять, — заметил капитан. Он еще больше сместил изображение пятна, направляя его к кораблю. — Видимо, нам лучше вернуть грозу на прежнее место, пока тучи совсем не рассеялись.

Гроза, предоставленная самой себе, между тем постепенно уходила на восток; но энергия ватча сумела перехватить ее и притянуть обратно к «Удаче». Через несколько минут они снова увидели на экранах стену дождя; водяные струи опять забарабанили но обшивке.

До заката оставался примерно час, когда капитана, прикорнувшею прямо в рубке на кушетке, разбудила Гот, подав сигнал тревоги. Он тут же релировал присутствие ватча. Капитан откинулся на подушку и попытался расслабиться. Это

оказалось непросто. Присутствие ватча ощущалось не слишком сильно, однако в любой момент ситуация могла измениться самым непредсказуемым образом.

Пока же ничего особенного не происходило. Ощущение оставалось довольно слабым, затем как будто чуть усилилось, потом снова ослабело настолько, что почти пропало. Гот сидела тихо. Капитан начал уже сомневаться в том, что ватч все еще здесь. И тут внезапно почувствовал его совсем рядом. Ватч некоторое время кружил вокруг, потом снова удалился, и до капитана донеслись раскаты его громового голоса.

Так продолжалось некоторое время. Могучее клатха-существо продолжало то удаляться от них, то приближаться. Капитан терпеливо ждал, гадая, что случится дальше. Что-то в поведении ватча выдавало его нерешительность. А в его голосе можно было уловить нотки неудовольствия, разочарования и даже ворчливой жалобы.

Капитан осторожно покашлял. Ватч больше не обращался к нему напрямую — видимо, понял, что уже не может читать его мысли. Вероятно, он даже подозревал, что сам виноват в этом, нечаянно что-то нарушив, или же считал, что на его пути возникла некая преграда неизвестного ему типа.

Поэтому капитану следовало соблюдать осторожность, чтобы ненароком не обидеть ватча, что, по всей видимости, сделать совсем нетрудно. Ссора с ватчем при сложившихся обстоятельствах означала бы для них полную катастрофу.

Капитан еще раз осторожно покашлял. Ватч был совсем рядом.

— Ватч! — громко окликнул он, и ему показалось, что ватч замер. — Ты меня слышишь?

В ответ раздалось неразборчивое ворчание. То ли удивленное, то ли подозрительное. Но прямого ответа так и не последовало. Затем ватч медленно приблизился к нему...

Он подошел совсем близко, казалось, ватч возвышается, словно бесформенная черная гора на фоне ночного неба. Сквозь него лил дождь. И опять у капитана возникло ощущение, что с самой вершины этой горы на него смотрят два огромных зеленых прищуренных глаза. И еще он вдруг ощутил нечто совсем иное... Видимо, замечание Гот о том, что ватчи могут появляться в самом неожиданном виде, было справедливым. Гигантская гора тьмы, казалось, вся состояла из бесчисленных клубящихся потоков энергии, следовавших непредсказуемыми и бесконечно меняющимися путями. Энергетические следы,

которые ватч оставил на Карресе, чтобы держать «Удачу» и ее экипаж на месте, пока он отсутствует, могли быть просто крошечными частицами его «тела».

— Я знаю, как уничтожить Моандера, — сказал капитан, обращаясь к нависшей над ним горе мрака.

Грохочущий голос снова что-то забормотал — то ли ватч выражал свое неудовольствие, то ли задавал вопрос.

— Тебе нужно всего лишь перенести «Удачу» вместе с нами и с Синергайзером на Каррес, в его настоящее, — продолжал капитан. — Во времена Моандера...

Ватч молчал, зеленые глаза взирали с высоты на капитана. Ведьмы Карреса, сообщил Посерт, знают способ, которым можно разрушить власть и могущество Моандера, но для этого им необходим Синергайзер. Они обладают знаниями и возможностями, которых нет ни у самого капитана, ни у кого-либо из экипажа его корабля, — но именно эти знания необходимы, чтобы победить Червивую Грозу. Прибытие корабля будет решающим ходом в этой игре...

Черная гора зашевелилась, и раздался оглушительный хохот. Корабль закачался, задрожал от

мощного порыва ветра, который быстро умчался прочь. Ватч тоже исчез...

Гот показалась из своей каюты. Капитан поднялся ей навстречу.

— Не знаю, хорошо это или плохо, — сказал он, — но теперь можно ожидать от ватча хоть каких-то действий!

Гот кивнула. Глаза ее расширились и были сейчас, как два темных колодца.

— Да, теперь он непременно что-нибудь предпримет, — сказала она. — Хотела бы я знать, что именно!

— Я тоже, — заметил капитан. Он уже проверил, в порядке ли сейф с Синергайзером. Сейф по-прежнему стоял у переборки.

Гот предположила:

— Наверное, он отправился в будущее, чтобы узнать, что ведьмы сделают с этой штуковиной, если ее получат.

— Возможно. — Капитан почесал затылок. Он все еще не мог забыть жуткий хохот ватча. Мало ли какая идея могла у него возникнуть, пока капитан втолковывал ему свой план. Капитан глянул на хронометр: — Ладно, подождем. Ночь почти на исходе...

Они сидели у экранов, следя за тем, как светле-

ет небо, залитое потоками дождя, и ждали, когда вернется ватч. Интересно, что он еще может выкинуть?

— За последнее время мне не раз пришлось пожалеть, что я не оставил тебя на Карресе — в безопасности, с родителями, с Малин и Ливит, — проговорил вдруг капитан.

— Ну уж нет! — заявила она. — Если бы я за тобой не присматривала, ты бы такого наворотил!..

— Возможно. — согласился капитан. Потом снова посмотрел на хронометр. — Есть не хочешь? — спросил он. — Сидеть здесь совершенно бессмысленно — это ничего не изменит и не ускорит. А между тем пора бы позавтракать.

— Это можно, — сказала Гот и выбралась из своего кресла.

Они обнаружили Гулик и Веццарна на полу в соседнем помещении. Оба крепко спали, завернувшись в одеяла. Капитан вспомнил, что Гулик принимала снотворное, а Веццарн тоже попросил у нее таблетку. Решено было оставить спящих в покое, однако, пока он готовил еду, они проснулись сами и тут же с удовольствием приняли приглашение позавтракать.

Когда они заканчивали завтрак, на борту «Удачи» появилась Ливит.

Раздалось гудение, искра ледяного мрака мгновенно проскочила через рубку и исчезла. Не более секунды капитан отчетливо релировал присутствие ватча, но это ощущение тоже исчезло. И тут Гот окликнула его.

Тонко и коротко вскрикнула Гулик. Резко повернувшись в кресле и едва не вылетев из него, капитан вздрогнул и замер: перед ним на полу лежала Ливит.

Да, это была младшая дочь Толл. Вот она перевернулась на живот, встала на четвереньки, постояла так немного, посверкивая глазами из-под гривы спутанных светлых волос, точно сердитый маленький зверек... Но Гот уже спешила к ней.

— Быстро! Контакт-речь! — Эти слова Ливит произнесла своим высоким детским голоском как приказ, и Гот тут же упала на колени рядом с сестрой. Капитан услышал скрип кресел и быстрые шаги. Он оглянулся: Гулик и Веццарн поспешно покидали рубку. Гот обняла Ливит и привлекла к себе, прижав свою правую ладонь к виску Ливит, а ладонь Ливит к своему виску. Они оставались в таком положении с минуту. Потом маленькое тельце Ливит осело, и Гот опустила сестру на пол. Она перевела дыхание и поднялась на ноги.

— С ней все в порядке? — хрипло спросил капитан.

— Конечно! Это Толл ее прислала, — ответила чуть растерянно Гот.

— Толл?

— Ну да. Она со мной сейчас говорила через Ливит. Контакт-речь. Толл сообщила много интересного... — Она оглянулась вокруг, схватила в охапку одеяла, которыми укрывались ночью Гулик и Вещцарн, и попросила: — Помоги-ка мне завернуть Ливит. Ее нужно поскорее закрутить в пять-шесть одеял, пока она не пришла в себя!

Капитан стал помогать ей. Ливит лежала на боку, закрыв глаза и подтянув колени к подбородку.

— А зачем ее заворачивать? — спросил он.

— Быстрее!.. Ватч принес ее по Пути Эггера. Жуткая вещь! У нее сейчас будет три приступа подряд. Приступы долго не продлятся, но удержать ее будет трудно.

Они буквально закатали Ливит в несколько одеял, и Гот велела капитану:

— Голову поплотнее закрой!

— Она ж дышать не сможет!

— А она сейчас и не дышит, — сказала Гот, явно ничуть не обеспокоенная. — Давай, давай, вот

как нужно!

Когда спеленутая Ливит превратилась в нечто вроде кокона, они опустились на колени по обе стороны от нее, и Гот прижала к полу плечи сестры, а капитан — ее спеленутые щиколотки.

— Вот-вот начнется! — предупредила его Гот.

— А пока расскажи, что произошло, — попросил капитан.

— Нет, сперва о том, что должно произойти, — возразила Гот. — Ливит нельзя этого слышать, потому что она еще не умеет ставить замок, тем более от ватча. Они скоро придут за нами. Не знаю точно, когда они это сумеют, но доберутся непременно!

— Кто доберется?

— Толл и остальные. Все, кого можно отпустить. Их будет немного, потому что война с Моандером уже идет. Манарет сейчас в Тарк-Немби, как я и думала. А наши пытаются к нему пробиться. В настоящий момент Каррес как раз прорывается сквозь сеть окружающих Манарет силовых полей, и там столько нури, что звезд не видно...

Положение, видимо, было отчаянное. Но Гот успокоила его, сказав, что ведьмы уже пустили в ход свое новое оружие. Ведьмы пытались осуществить свой давнишний план с использованием

Синергайзера, однако времени не оставалось, и они решили не ждать прибытия Олими. Им пришлось смириться с мыслью о том, что Олими либо попал в засаду, либо погиб. Но теперь, узнав, что произошло, ведьмы бросили все свои силы на решение одной проблемы: отследить ту часть Пути Эггера, которой воспользовался ватч, чтобы отправиться в отдаленное прошлое. Толл все еще поддерживала связь через Ливит, хотя и очень слабую, так что ведьмы будут точно знать, в какую точку прошлого направляться поисковому отряду. А прибыв сюда, сразу возвратятся обратно, прихватив с собой «Удачу» с экипажем.

— Они способны переправить целый корабль по Пути Эггера?

— Конечно! Об этом не беспокойся. По Пути Эггера можно переместить хоть целое солнце, правда оно еще до прибытия в пункт назначения превратится в сверхновую.

— А ватч?

— Кажется, он все сделал наоборот. Ты сказал ему, чтобы он перенес Синергайзер к ведьмам, а он вместо этого переместил ведьму к Синергайзеру.

— Ты имеешь в виду Ливит? — спросил пораженный капитан. — Может быть, Толл сама

заставила его сделать это?

— Нет, — сказала Гот, — никто и не подозревал, что гигантский ватч крутится возле Карреса, пока ватч не подхватил Ливит. Вокруг планеты сейчас такое скопление бурных пересекающихся потоков клатха-энергии, что туда собралось множество более мелких ватчей, привлеченные происходящим, так что даже ватч-гигант остался среди них незамеченным. Но, заметив исчезновение Ливит, Толл все поняла и тут же бросилась вдогонку. Она сотворила клатха-крюк, которым зацепила ватча и тут же установила линию телепатической связи с похищенной дочерью. Ей даже удалось догнать ватча, но, почувствовав присутствие ведьмы, ватч сразу же оторвался от нее.

— Теперь понятно, — кивнул капитан, ничему уже больше не удивляясь. Он был бы не против разобраться, что за эзотерические процессы нужны для изготовления клатха-крюка, способного зацепить гигантского ватча, и что это за линия связи, которую можно протянуть сквозь время, но пока воздержался от лишних вопросов.

Тут маленькое тельце, укутанное в одеяла и лежавшее между ними, исторгло жуткий вопль, от которого у капитана волосы встали дыбом, и

он чуть не ударился носом об пол, так сильно его бросило вперед. Ливит резко сложилась пополам, и капитан едва не выпустил из рук ее лодыжки. Потом обнаружил, что лежит на полу и судорожно пытается удержать нечто дергающееся и яростно брыкающееся. Все это Ливит делала с необычайной быстротой и силой. Вокальное сопровождение всех ее телодвижений, доносившееся из-под одеял, было столь же невероятным. Гот, упав на Ливит и обхватив ее руками, моталась по полу из стороны в сторону вместе с нею.

Потом Ливит внезапно затихла. Из-под одеял по-прежнему неслись гневные звуки, но то были уже обычные вопли Ливит, страшно чем-то недовольной, несколько приглушенные одеялами.

— У-у-ух ты! — выдохнула Гот, ослабляя свою хватку. — Вот это приступы! Теперь-то все в порядке, можешь ее отпустить...

— Надеюсь, она ничего себе не сломала! — Капитан все еще слегка задыхался, но, скорее, от удивления.

Гот широко улыбнулась.

— Да ей все нипочем, капитан! — Она хорошенько шлепнула сверток, наклонилась над ним и прокричала:

— Кончай свои вопли! Это я, Гот! Сейчас тебя

выпущу!

Вещцарна и Гулик капитан обнаружил в кают-компании. Он быстро успокоил их, кратко и довольно туманно рассказав о последних событиях, которые, возможно, ускорят их спасение, и вернулся в рубку, лелея надежду, что ему удалось внушить обоим, что способ прибытия сюда Ливит, а также ее вопли и весь этот шум — вещи вполне обычные и отнюдь не повод для беспокойства. Они с большой готовностью согласились пока оставаться в кают-компании.

Гот и Ливит между тем с невероятной скоростью обменивались информацией о последних событиях — трещали как сороки, сидя на полу среди разбросанных одеял.

— У них теперь скопилось столько клатха-энергии, что тебе и не снилось! — захлебывалась от возбуждения Ливит. — Они... — Заметив капитана, она сразу же смолкла.

— Можешь его не стесняться, — успокоила ее Гот. — Капитан теперь и сам все знает.

— Да ну!

Когда они распутали одеяла и Ливит наконец выбралась, извиваясь, как угорь, наружу, то первым ее побуждением, видимо, было обвинить именно капитана во всех выпавших на ее

долю злоключениях, ведь она ничего не знала о контакт-речи и переговорах Толл и Гот: Толл просто использовала младшую дочь для передачи информации, «включив» ее, как включают корабельный интерком. Так, во всяком случае, понял капитан. По сути дела, Ливит ничего не помнила о своем полете с того момента, как релировала гигантского ватча и одновременно почувствовала, что это могущественное чудище уносит ее куда-то прочь от Карреса. Содрогаясь, она вспомнила только, как ее повлекло по Пути Эггера и началось жуткое путешествие во времени и пространстве. Однако подробности полета в ее памяти были как бы смазаны, как и у всех, кто пользовался Путем.

Взгляд, который она бросила на капитана, когда он опустился возле нее на корточки, был не слишком приветливым, однако она все же снисходительно похвалила его:

— Говорят, ты быстро во всем разобрался.

— Ну, далеко не во всем! — заметил капитан. — Хотя я действительно начал кое-что понимать. Но одного уразуметь не могу — как этот ватч...

— А что — ватч? — быстро спросила Гот.

— Ну, у меня было такое ощущение, что когда он сбросил Ливит, то рванул отсюда так, словно

опасался, будто Толл его догонит.

Тут Ливит бросила на него удивленный взгляд.

— Но он и впрямь боялся, что Толл его догонит! — сказала она.

— Но это же был гигантский ватч! — заметил капитан.

Ливит по-прежнему пребывала в недоумении. Гот задумчиво почесала кончик носа и пояснила:

— Капитан, если бы я, например, была гигантским ватчем и Толл вдруг на меня за что-нибудь разозлилась, я бы тоже улепетывала так, что только пятки сверкали!

— Вот именно! — с суровым видом поддакнула ей Ливит. — Она бы его наизнанку вывернула!

— Вот как? — Капитан был потрясен. — Я и не предполагал, что ватча можно одолеть...

— Ну, это по силам немногим, — признала Гот.

— А Толл быстренько с ватчами расправляется, когда не в духе! — сообщила Ливит.

— Интересно! — сказал капитан. Потом, подумав, спросил: — Тогда, может, мы от него избавились?

Гот с сомнением покачала головой.

— Не уверена. Они ведь страшно упрямые. Скорее всего, ватч скоро вернется и станет

потихоньку вынюхивать, нет ли поблизости Толл. Хотя, конечно, некоторое время он ничего предпринимать не станет... — Она критически посмотрела на растрепанную Ливит. — Пойдемка, дорогая, причешемся! — сказала она ей. — У тебя не голова, а помело!

Они ушли, а капитан походил у экранов, уселся в кресло у пульта управления, задумчиво почесал подбородок и начал в порядке эксперимента релировать ватча. Нет, никого. Капитан вспомнил, с какой жуткой скоростью ватч промчался сквозь корабль, спасаясь от преследования одной-единственной ведьмы, хоть и разъяренной. Вывернуть ватча наизнанку... Ничего себе! Капитан покачал головой. Ну что же, Толл — признанный мастер своего дела, великая колдунья, если судить по тому, что о ней говорят.

Капитан подпер щеку кулаком и еще больше задумался. Никто не знает, когда Путь Эггера вновь загудит и принесет сюда полчища ведьм, способных перебросить Синергайзер, «Удачу» и экипаж на воюющий Каррес — и более чем на триста тысяч лет вперед. Может, через минуту, а может, через час. Возможно, и через несколько дней. Никто также не знает, когда нетерпеливый и любопытный ватч обнаружит, что поблизости

нет ни одной разъяренной матери-ведьмы...

Мысленно капитан перенесся в машинное отделение «Удачи», на загадочно-неисправную силовую установку, и почти сразу ощутил присутствие там маленького и уже знакомого ему сгустка тьмы с сердцевиной в виде крутящихся энергетических потоков, который невозможно обнаружить простым взглядом. То был один из самых мелких следов папа, в котором энергии оказалось вполне достаточно, чтобы полностью парализовать двигатели корабля.

Что же в таком случае представляет собой столь нематериальная штуковина, как клатха-крюк, способный прочно «зацепить» такую же нематериальную сущность — ватча?

Пахнуло невыносимым жаром... Перед мысленным взором капитана мелькнула искорка, подскочила, мотом замерла на месте, кипя от напряжения... Капитан сфокусировал изображение и ощутил нечто вроде туго натянутой тончайшей нити, соединявшей его и этот сгусток клатха-энергии, причем напряжение в «нити» продолжало усиливаться...

Вот, значит, что такое клатха-крюк! Он шумно, с облегчением вздохнул и мысленно потянул за нить, приближая к себе искру черного огня,

пока та не повисла, кипя и крутясь, над пультом управления метрах в полутора от него.

«Оставайся здесь!» — приказал искорке капитан и освободил крюк. Она послушно продолжала висеть над пультом. Теперь он явственно релировал ее ватчевую сущность, хотя и довольно слабую. Потом вновь зацепил ее клатха-крюком и снова отпустил...

Стало быть, и он теперь может делать такие крюки? А вдруг он и сам способен «вывернуть ватча наизнанку»? Пока, правда, в этом не было никакой необходимости. Искра клатха-энергии могла послужить удобным рабочим инструментом, имеющим вполне определенную, хотя и ограниченную мощность, стать миниатюрным дубликатом управляемого им ватча. Он уже обнаружил несколько способов, как заставить этот инструмент работать. Интересно, что еще он может делать?

Капитан продолжал рассматривать черную искру, рассеянно слушая разговор Гот и Ливит за переборкой. Они вели беседу тихими, напряженными голосами... Вывернуть ее наизнанку? Расколоть на части? Но так ее можно разрушить. Впрочем, поскольку это нематериальная сущность, с ней не должно ничего произойти.

У него в каюте в одном из ящиков стола валялась старинная курительная трубка. Он не брал ее в руки с начала полета сквозь Чаладур. Капитан мысленно представил себе эту трубку, мысленно же перенес ее изображение на столик перед пультом управления и снова сфокусировал свое внимание на искре энергии ватча.

«На это у тебя вполне хватит сил! Принеси мне трубку!» Эта мысль еще не погасла в его мозгу, как из черной искры выскочила еще более миниатюрная искорка, такая маленькая, что ее практически невозможно было заметить, исчезла и тут же вернулась. А на столике появилась трубка.

Стало быть, их можно разбивать на части! И эти части способны выполнять работу по отдельности! Так, а теперь...

— ... вовсе не уверена в этом! — нарушил вдруг работу его мыслей тонкий голосок Ливит. — Да, я его чувствую, только очень слабо... Гнусная тварь!

Капитан поспешно оглянулся на распахнутую дверь. Они что там, релируют ватча? Ничего страшного, конечно, если Гот узнает о новом направлении его экспериментов, но вот Ливит...

«Слейтесь воедино! — мысленно приказал он

черным искрам, и меньшая тут же влилась в более крупную. — Вернитесь назад, откуда вы...» Но он даже приказ отдать не успел — искра уже снова повисла, крутясь, над силовой установкой в машинном отделении. Так что он оставил ее в покое.

— Капитан! — окликнула его Гот из-за двери.

— Да-да, я тоже его чувствую, Гот! — несколько неуверенно ответил он.

Пока что присутствие гигантского ватча едва ощущалось; мешало, видимо, большое расстояние и наложившиеся эманации той искорки энергии, что находилась в непосредственной близости от них. Итак, большой ватч вернулся! Как и предполагала Гот, он осторожно бродит вокруг, опасаясь новой встречи с Толл и ее клатха-крюками, способными обуздать даже его.

Ватч постепенно приближался. Сестры-ведьмочки сидели молча. Капитан тоже молчал. Вскоре он уже начал различать знакомое бормотание ватча, пока еще невнятное и прерывистое. Ватч явно пытался разобраться в сложившейся на корабле ситуации. Если он удостоверится, что его больше никто не преследует, то снова осмелеет...

Зачем он перенес Ливит сквозь время? Она, конечно, весьма способная ведьмочка, когда речь

идет о свисте и битье посуды. Кроме того, если верить Гот, у Ливит в арсенале имелись и более мощные акустические приемы, по эффективности вполне сопоставимые с нокаутирующим ударом крепкого кулака. Но эти ее способности явно не могли пригодиться для того, чтобы вернуть Синергайзер на Манарет — даже в обход Моандера, нури и мощных силовых барьеров, оберегающих Мир Червей.

Ливит, правда, обладала еще одним талантом — лингвистическим. Ведьмы вообще способны к языкам, а у Ливит была врожденная клатха-способность понимать любую речь. А Моандер, чудовище, божество из легенд о Мире Червей, на самом деле — всего лишь компьютер, который «говорит на тысяче языков». Хотя никто вроде бы толком не понимал, что это означает, но ватч явно это знал. Так что, видимо, именно лингвистические способности Ливит и послужили причиной того, что ватч решил включить ее в свои планы уничтожения Моандера с помощью капитана Посерта и его корабля.

Но разве он способен в одиночку просчитать все планы ватча и понять их суть, а также конкретную роль Ливит в их осуществлении? Нет, капитану такое не под силу. Манера, в которой

ватч разыгрывал свои игры, видимо, подразумевала, что он будет манипулировать своими игроками до тех пор, пока ситуация не станет критической — только тогда люди сами смогут сделать удачный ход... если им повезет. Но даже это не давало капитану никакого ключа к разгадке планов ватча. Если они проиграют, то безусловно погибнут, и тогда ватч наберет себе новых игроков. А поскольку это существо весьма капризное, никогда нельзя с уверенностью сказать, что ему не придет в голову нарочно завести своих игроков в безвыходное положение, а потом наслаждаться зрелищем их отчаянных попыток избежать гибели...

Капитан вдруг понял, что уже не релирует ватча, зато рубка вдруг начала медленно вращаться, очертания предметов расплылись, стали серыми, смазанными... Он сделал попытку выбраться из кресла и предупредить Гот, но и кресло, и рубка уже исчезли, и его понес куда-то крутящийся поток серого тумана — все быстрее, быстрее, сквозь бесконечное пространство, где вдали слышался, точно гром, развеселый хохот ватча...

Потом не стало слышно и хохота. Все исчезло...

— Попытайся сосредоточиться и слушать внимательно! — произнесло одно из двух существ,

то, которое стояло ближе и было крупнее. Голос его звучал очень настойчиво. — Мы все вместе оказались здесь благодаря петле времени. Сейчас я расскажу тебе, кто ты и кто мы — и ты все снова вспомнишь.

Капитан захлопал глазами — он действительно ощущал полное замешательство, но исключительно потому, что куда-то перенесся вдруг без всякого предупреждения и теперь находился вместе с двумя загадочными существами в некоем замкнутом пространстве, похожем на сферическую полость, зависшую как бы внутри плотного, постоянно движущегося тумана. То, на чем он стоял, казалось достаточно прочным, но ничего материального у себя под ногами он не видел. На некотором расстоянии от него, в тумане, раздавались какие-то громкие звуки, странный шум, все это тоже постоянно перемещалось, но никаких слов или мыслей он разобрать не мог.

Впрочем, его замешательство вовсе не было настолько сильным, чтобы забыть свое имя. Более того, капитан отлично помнил, как всего несколько мгновений назад в результате очередной выходки ватча его выдернуло из-за пульта управления кораблем, который, видимо, по-прежнему стоит на залитом дождем каменистом

склоне планеты Каррес и отдален от настоящего на триста тысяч лет.

Затем, поскольку странное создание говорило голосом Гот, капитан без особого труда сделал вывод, что это и есть сама Гот, просто изменившая свой облик. Что касается второго существа, более субтильного и похожего, скорее, на собаку, то оно молча стояло на четвереньках рядом с Гот, и, в общем, нетрудно было догадаться, что это Ливит.

Однако, подумал капитан, Гот, видимо, не случайно говорила о полном замешательстве... Что ж, сделаем вид, что так оно и есть. Значит, у Гот имеются на то веские причины.

— Да, — сказал капитан, прижимая ладонь ко лбу, — я действительно как-то странно себя чувствую... Кто вы?.. Что это?.. Где я оказался? И кто меня сюда... — Тут он заметил, что его собственная рука покоится в рукаве из богато изукрашенной синей материи, отделанной каймой из множества мелких сверкающих драгоценных камней. Капитан опустил глаза, чтобы получше рассмотреть свое новое одеяние, и заметил, что на грудь ему спускается длинная черная борода. Значит, он тоже полностью сменил обличье! Или форму.

— Тебя зовут, — торопливо продолжало первое существо, — капитан Мунг; ты гвардеец импера-

тора Колотха Великого. А меня зовут Хантис. Я из племени натерби-спрайт. Мы с тобой давние знакомые. А это грик-пес. Его зовут Пул. Он...

— Грики, — перебило ее второе создание голосом Ливит, — прекрасно могут и сами о себе рассказать!

— Помолчи-ка, Пул! Этого грик-пса ты купил для императрицы по приказу императора, и мы везем его в столицу. Но в пути...

Капитан не сводил с нее глаз. Гот, видимо, упорно тренировалась, так что теперешние результаты были просто блестящи! Первоклассная работа! Даже на столь малом расстоянии он ни за что не сказал бы, что эта представительница народа натерби-спрайт — не настоящая. Он смутно припомнил галактическую легенду об этом племени. Сейчас Гот казалась маленькой, не выше самой Гот, хрупкой женщиной с очень смуглой кожей, одетой весьма скромно — тело ее было едва прикрыто какими-то зелеными лоскутками. Скулы у нее были высокие, а остренький подбородок выдавался вперед гораздо сильнее, чем у любой обыкновенной женщины. Рот был почти нормальным, но все лицо все-таки казалось совершенно нечеловеческим; впрочем, форма головы тоже. Тонкий нос был

едва обозначен, зато сильно заострен. Глаза были травянисто-зеленого цвета. Лицо обрамляла пушистая взъерошенная рыжая грива, а из нее торчали острые и подвижные, как у лисы, уши. Грик-пес тоже выглядел впечатляюще. Это был довольно мощный, во всяком случае, крепко скроенный зверь со светло-желтой шкурой и примерно такого же веса, как прежняя Ливит. Голова у него была огромная, круглая, как бы утопленная в плечи; морда темная, довольно свирепая; пасть клыкастая. Серые глаза очень напоминали глаза Ливит — они смотрели на капитана с той же холодной расчетливостью.

— А что, собственно, произошло, э-э-э, Хантис? — осведомился капитан. — Я как будто припоминаю, что я...

Представительница народа натерби-спрайт пожала плечами.

— Мы сами толком не знаем, капитан Мунг. Только что мы были у себя на борту, а потом вдруг оказались здесь! Это дворец великого Моандера! Он очень расстроен, потому что раньше был уверен, что никто и ничто не в состоянии сюда проникнуть. Ну а мы почему-то оказались здесь, должно быть, затерялись в петле времени. Но Моандер почему-то считает, что мы шпио-

ны, засланные его врагами. Он сейчас как раз занят дополнительным укреплением своего дворца-крепости, чтобы сделать его совершенно недоступным ни для кого, а особенно для тех, кто может воспользоваться тем же путем, что и мы. Но он обещал в ближайшее время пригласить нас в свою лабораторию и побеседовать с нами. Он...

— ГРРАЗИИМ! — оглушительно прогремело из тумана у них над головами. — Грразиим! Грразиим! Грразиим...

— Что это? — спросил капитан с видом раздраженным и надменным, как, по его представлениям, и должен был говорить капитан Мунг.

— Это Моандер общается со своими машинами, — объяснил грик-пес. — Для каждой машины существует отдельный язык; не знаю почему, но это так. «Гразим» означает «всем подразделениям». Моандер сейчас говорит со всеми своими машинами сразу. Так что его соглядатай, который к нам приставлен, сейчас нас не слышит. Если хочешь что-нибудь сообщить, говори!

— Кажется, она права, капитан! — торопливо сказала Гот-Хантис. — Ватч перенес нас прямо во дворец Моандера, да еще на триста тысяч лет вперед, то есть в нормальное время. Я его сейчас не релирую, значит его тут нет. Что будем делать?

— Пока не знаю. А ты?

— Кое-какие идеи у меня имеются. Но довольно смутные. Мы ведь здесь всего несколько минут.

— Ватч, видимо, решил, что мы и сами в состоянии разобраться, что можно здесь сделать, — сказал капитан. — Так что давайте, шевелите извилинами! Если кто-то почувствует, что нас подслушивают, пусть произнесет, например, слово...

— Старкл! — предложил грик-пес.

— Как? Ну, ладно, пусть будет «старкл».

— Старкл! — рявкнул грик-пес.

Поскольку капитан не мог сам разобраться в этом оглушительном шуме, видимо, следовало полностью положиться на Ливит. Робот-шпион, приставленный к ним, теперь опять подслушивал. Гот-Хантис все время напряженно озиралась; ее длинные острые уши стояли торчком и весьма реалистично шевелились.

— Кажется, нас куда-то переносят, — сообщила она. — Наверное, в лабораторию Моандера…

Туман по-прежнему обволакивал сферическое пространство, в котором они находились. Должно быть, эта сфера была сформирована силовыми полями и теперь устремилась куда-то со все возрастающей скоростью. Создавалось впечат-

ление, что сфера стремительно несется вверх по склону какого-то гигантского сооружения на поверхности Манарета. Видимо, это было что-то вроде крепостной стены в замке Моандера, который капитан мельком видел на экране, когда беседовал с Чилом, принцем народа лирд-харьер. Туман вокруг них то темнел, то светлел, точно они передвигались из одного помещения в другое. До них доносились разные звуки — видимо, шум работающих машин, а на фоне этого грохота то вдалеке, то где-то рядом слышались команды самого Моандера.

Внезапно наступила полная тишина. Бескрайняя, мертвая, леденящая душу. В тумане время от времени проносились неведомые разноцветные промельки; сам туман, словно успокоившись, толстым слоем обволакивал теперь их сферу и едва колыхался. По всей вероятности, они вылетели за пределы крепости и находились теперь над Манаретом. И если бы Моандер, подумал капитан, сейчас решил отключить силовое поле, которое создавало и держало эту туманную сферу, никакой ватч, никакие ведьминские трюки не смогли бы спасти их от неминуемой гибели в безвоздушном пространстве.

Момент был неподходящий как для разгово-

ров, так и для каких-либо действий. Гот и Ливит, видимо, чувствовали то же самое. Они застыли в неподвижном ожидании, а время текло — прошли минута, две, три... Неясные разноцветные промельки в тумане — видимо, под влиянием силового поля — все время сдвигались и изменялись. Что они означали, капитан не представлял. Они не могли даже понять, движется ли по-прежнему их сфера или нет.

Затем впереди вдруг разверзлась черная дыра, и сфера направилась прямо в нее. Мрак окутал их со всех сторон, наверное, с минуту не было видно ни зги, а потом сфера вновь вынырнула на свет, и буквально через мгновение капитан заметил, что туман вокруг быстро редеет. Сквозь него уже можно было различить какие-то предметы, а вслед за этим капитан понял, что сфера наконец перестала двигаться.

Они находились внутри чего-то, возможно, внутри огромного космического корабля, висевшего в пространстве над поверхностью Манарета. Созданная силовыми полями сфера оказалась совершенно прозрачной, и, как только последние клочья тумана рассеялись, капитан и сестры поняли, что их сфера зависла почти в самом центре просторного высокого зала — они именно парили

в воздухе, а не стояли на полу, который был виден сквозь прозрачные стенки сферы на некотором расстоянии от их ног.

Но стоило капитану понять это, как силовое поле исчезло, сферу слегка тряхнуло, и они опустились на пол.

Кроме него самого, представительницы народа натерби-спрай и грик-пса в зале, который был поистине огромен, оказались и другие гости, точнее, судя по их внешнему виду и полной неподвижности, золотые статуи, моделями для которых явно послужили самые разнообразные живые существа. Однако капитана не отпускала мысль, что это не просто статуи, а нечто совсем иное. Самая крупная из фигур сидела на чем-то, напоминающем огромный трон; капитан, Гот и Ливит стояли к этому трону лицом. Лицо божка, широкое, жестокое, напоминало своими чертами человеческое; пустые белесые диски, вставленные вместо глаз, казалось, смотрели прямо на непрошеных гостей. Статуя была огромная, она возвышалась почти до самою потолка и выглядела древней.

Круглый черный стол футов шесть высотой стоял почти в центре зала, шагах в десяти от капитана. На нем, скрестив ноги, восседала

еще одна золотая фигура. Эта была не слишком велика, примерно в половину человеческого роста. Статуя была сделана довольно грубо и представляла собой нечто вроде безглазой обезьяны. В поднятой правой руке обезьяна держала связку каких-то трубок, весьма напоминавших примитивные музыкальные инструменты типа флейты Пана. Слепая голова была повернута к ним лицом.

Остальные фигуры — их в зале было порядка тридцати или сорока, все абсолютно разные, — стояли или сидели в два ряда вдоль стен на расстоянии нескольких футов друг от друга и по обе стороны от капитана и ведьмочек. Почти все они были выше человеческого роста и почти все золотые. Белыми были только их глаза. Образцами для некоторых, в том числе и для фигуры воина с суровым, грозным лицом и с ружьем в руках, явно послужили представители человеческой расы; а напротив воина стояло золотое чешуйчатое создание, которое вполне могло оказаться статуей принца Чила из племени лирд-харьер, прежнего владыки Манарета. Остальные статуи не были похожи ни на одно из знакомых капитану существ. Большинство из них нормальному человеку показалось бы просто воплощениями

кошмаров.

Значит, это и есть лаборатория Моандера? Но кроме этих чудовищных статуй, в зале вроде бы больше ничего не было. Капитан посмотрел вверх. Потолок представлял собой большое окно или некий экран, сквозь который было видно космическое пространство, заполненное цветными бликами. Эти же блики они смутно различали, когда сфера, окутанная серым туманом, несла их сюда. Сейчас блики сияли жутковато и ярко, и капитан догадался, что это отражения силовых линий тех барьеров, которые создали Моандер и нури вокруг Мира Червей, между мертвыми солнцами Тарк-Немби. Наверху, в «окне», вдруг появилось нечто черное, закрыв собой цветной калейдоскоп силовых линий. Оказалось, что это металлическая поверхность самого Манарета. Видимо, сооружение, частью которого был этот зал, вращалось, поворачивая экран то в сторону космоса, то в сторону Мира Червей.

Ведьмочки застыли рядом с капитаном в своих «маскарадных» обличьях и осторожно озирались по сторонам. Потом он услышал шепот: «Старкл!»

Голова огромного воина у стены справа медленно повернулась, и теперь его мрачное лицо было

обращено к ним. Рука, сжимавшая ружье, поднялась и наставила ствол оружия на нежданных гостей Манарета. Затем статуя снова замерла. У капитана и сомнений не возникло в том, что оружие настоящее, а сам воин — часть какого-то боевого устройства, возможно не менее опасного, чем робот Шима. И не только воин был настроен враждебно: возле золотой статуи представителя племени лирд-харьер высилось нечто, напоминавшее птицу с длинной шеей, огромным клювом и множеством паучьих ножек. Птица тоже зашевелилась, подняла голову и нацелилась своим клювом в сторону капитана и девочек.

— Старкл! — тихо проговорил грик-пес. — Дважды старкл!

Ливит имела в виду явно не воина и не птицу-насекомое: она не сводила глаз с золотой фигуры обезьяны на высоченном черном столе. Сперва капитан ничего не заметил, но потом увидел, что рот обезьяны понемногу приоткрывается и оттуда доносятся слабые звуки!.. Но почему «дважды старкл»? Может быть, эти звуки что-то напоминают Ливит?

Да, — внезапно понял он, — это же голос самого Моандера! А обезьяна лишь воспроизводящее устройство! Теперь и он расслышал, что тем

же голосом, только гораздо громче, отдавались команды, сопровождавшие полет их сферы по крепости. Значит, компьютер и здесь продолжает подавать команды на разных языках, управляя своими машинами...

— Я — Моандер! — прогремело над ними.

Все трое одновременно вскинули головы. Голос исходил из гигантского идола, сидевшего на троне. Стоило им посмотреть в ту сторону, как глаза идола покраснели.

— Я — Моандер! — Это была уже другая статуя, стоявшая у правой стены в дальнем конце зала.

— Я — Моандер! — заявила статуя рядом с нею.

— Я — Моандер... Я — Моандер... Я — Моандер... — Эту фразу по очереди повторили все статуи у правой стены, потом ее принялись повторять статуи слева, пока очередь не дошла до самой последней золотой фигуры. Тогда обезьяна на столе, которая сидела все это время молча, повернула свою безглазую башку в сторону капитана.

— Я — Моандер, я — весть Моандера! — пропищала она тоненьким голоском, и безглазая ее голова повернулась к связке странных трубок, зажатых в руке.

— Да, — снова прогремел голос идола, — я — Моандер, и каждый из них — тоже Моандер. Но все

совсем не так, как вам представляется, ведьмы! Смотрите вверх! Вверх!

Они подняли головы. На экране вновь возникла поверхность Манарета, где сейчас были видны укрепления Моандера, казавшиеся чрезвычайно внушительными. Чуть наклонные поверхности стен создавали впечатление, что это часть наружной обшивки корабля-планеты.

— Перед вами царство Моандера! Священное царство! — провозгласил идол. — И сам Моандер находится глубоко в его чреве. Он думает сейчас о вас, для вас звучит его голос! А в этом зале — изображения богов, которые Моандер в свое время разместит на множестве планет, чтобы тысячи тысяч смертных поклонялись великому Моандеру... Но самого Моандера вы здесь не увидите!

А теперь не двигайтесь и не произносите ни слова! Я знаю, кто вы. Я сразу почувствовал враждебную мне клатху, стоило вам возникнуть из глубин времен, и понял, что ваш нынешний облик — не настоящий. У вас иное обличье, ведьмы! И я знаю, что ваши мысли заблокированы от воздействия извне. И от меня, Моандера! Одного этого было более чем достаточно, чтобы понять, кто вы!

Я выслушал нашу легенду. Будь вы действи-

тельно теми невинными существами, обличье которых приняли, вас бы сюда не допустили, а сразу отправили бы в инкубатор и скормили моим рабам нури, ибо они вечно голодны и жаждут живой плоти смертных.

Мои враги не раз проникали сюда. Многие стояли там, где сейчас стоите вы, пред ликами Моандера. Некоторые пытались оказать сопротивление. Однако в итоге им приходилось сдаться на мою милость. Для этих все кончилось хорошо — они стали частью великого Моандера, и то, что знали они, теперь знаю я...

Голос внезапно умолк. Обезьяна на черном столе, молчавшая, пока говорил идол, опять что-то тоненько заговорила. Теперь капитан понял, что трубки у нее в руке — просто передатчик, через который приказы Моандера транслируются в крепость, где усиливаются до оглушительной громкости, превращаясь в окрики-команды, с помощью которых он и управляет своими машинами. Обезьяна продолжала бормотать еще секунд сорок, затем замолчала, и снова заговорил идол:

— Сейчас я не могу уделить вам должного внимания, ибо ведьмы, ослепленные безумием, собрав огромные силы, вторглись в Тарк-Немби.

Однако я уверен: вас специально послали сквозь время, чтобы отвлечь меня. Нури нуждаются в моем руководстве, и они завершат уничтожение проклятого мной мира!

Голос вновь прервался. Обезьяна что-то пробормотала и тоже умолкла.

— ... в бой! — эхом прозвучало от гигантского трона. — Откройте же мне свои мысли и влейтесь в великий Моандер. Разделите его славу! Если же вы откажетесь, то умрете на месте ужасной смертью!..

Голос прервался в третий раз. Обезьяна заверещала: «Гразим! Гразим! Гразим!» — сигнал внимания для всех машин. Стараясь не дышать, капитан скосил глаза в сторону ведьмочек — те напряженно смотрели прямо на него. Гот чуть заметно кивнула. Ливит в образе грик-пса вся подобралась. Капитан протянул руки, собака прыгнула, и он ее поймал, еще успев заметить, как во время прыжка она превратилась в Ливит. С Ливит на руках он стремительно метнулся к черному столу, на котором восседала болтливая обезьяна. Справа и слева тотчас же зазвенел металл, загрохотали взрывы...

Обезьяна умолкла еще до того, как он достиг стола, и застыла, скрестив ноги, с отвисшей че-

люстью. Потом ее рука, державшая передатчик, вдруг отделилась от тела и упала на столешницу. Звуки падающих металлических предметов слышались теперь со всех сторон — это продолжала действовать Гот. Капитан поставил Ливит на стол, схватил отвалившуюся золотую руку с передатчиком и сунул ее девочке. Юная ведьма схватила передатчик обеими руками и со всхлипом перевела дыхание.

И тут раздался... нет, это невозможно назвать звуком! Словно острый ледяной кинжал вонзился им в барабанные перепонки и застрял где-то в мозгу, чуть дрожа от напряжения! Потом болезненное ощущение усилилось и вскоре завершилось дробью бьющегося стекла. Жуткая боль в голове прекратилась. Капитан увидел, что Ливит сидит на столе рядом с обезьяной, и та по-прежнему отвесив челюсть, мрачно смотрит на вдребезги разбитый передатчик.

— Так я и знала! — воскликнула Ливит.

Капитан огляделся. Голова кружилась и гудела. Гот в своем нормальном обличье подбежала к нему. Статуи по обе стороны зала пришли в полную негодность: золотой воин сурово взирал на них из груды лома, в которую превратилась его фигура; голова птицы-насекомого поникла

на сломанной шее, а с клюва ее на пол стекали, как слезы, капли жидкого огня; дисковидные глаза огромного идола вообще исчезли, а из зиявших на их месте дыр валил дым, закручиваясь кольцами.

Потолочный экран показывал не укрепления Моандера, но часть поверхности Манарета. Видимо, скоро должна была появиться и крепость. Капитан поглядел на Ливит. Она, видимо, «обсвистывала» передатчик добрые десять секунд, прежде чем он рассыпался в прах! И все эти десять секунд ее разрушительный свист, чудовищно усиленный трансляторами, гремел во всех уголках крепости, где все машины и устройства были настроены на прием сигналов передатчика...

— Вон она, смотрите! — сказала Гот, указывая пальцем. Они подняли глаза и увидели, как крепость постепенно заполняет экран. Только это была уже не крепость, а развалины, сплошь покрытые трещинами, из которых вылетали языки огня. Чуть дальше очертания бывших укреплений расплывались, исчезали, медленно перемещаясь по экрану. Титаническая конструкция на глазах превращалась в гигантскую гору обломков...

Ливит захихикала.

— Здорово мы его отделали! Тоже мне, «священное царство»! — Она вдруг склонила голову набок и повела носом. — А вот и ваш знакомый.

Да, это был старина ватч! Как всегда, возникший ниоткуда, стоило пасть силовым барьерам вокруг Манарета. Сгусток тьмы, облако невидимой энергии, источник грохочущего смеха...

— АХ, КАКОЙ ИГРОК МНЕ ПОПАЛСЯ! МОГУЧИЙ ПРОТИВНИК ПОВЕРЖЕН В ПРАХ! НУ А ТЕПЕРЬ ВАМ, ДРУЗЬЯ-ФАНТОМЫ, ПОРА УВИДЕТЬ, КАКУЮ НАГРАДУ ВЫ ЗАСЛУЖИЛИ!

На сей раз не было ни размазанных силуэтов, ни полета сквозь серое ничто. Капитан увидел, что находится в знакомом полутемном зале, а справа стоят Гот и Ливит. Перенос произошел мгновенно. Стены по обе стороны зала были сплошь заняты рядами приборов — от гладкого черного пола до едва видимого в вышине сводчатого потолка. Капитан был здесь всего один раз, да и то лишь как изображение, мысленно переданное ему принцем Чилом. Центральный пост управления Манарета, где и должен находиться Синергайзер.

И еще капитану сразу стало ясно, что на центральном посту царил полный хаос, все смешалось и перепуталось, ибо все системы управления

Манаретом Моандер сосредоточил в своей крепости, и, как только крепость пала, управление было полностью нарушено. Однако лирд-харьер, видимо, были давно готовы к этому...

Сияющая холодным серым светом сфера внезапно появилась в воздухе, на высоте футов тридцати. От нее исходило ощущение ужаса, казавшееся почти материальным; и лишь благодаря этому ощущению капитан догадался: сияющая сфера и есть тот огромный «камень», — Синергайзер, возвратившийся наконец на свое место и полностью изменивший свой облик. Секунду спустя, вспыхнув, включился огромный экран в центре зала, и на нем появилось чудовищно увеличенное изображение покрытой красной чешуей головы. Золотисто-зеленые глаза некоторое время неотрывно смотрели на Синергайзер, потом их взгляд переместился на три человеческие фигурки, стоявшие рядом с ним. Капитан был уверен, что это сам принц Чил; и действительно, вскоре услышал знакомый мысленный голос:

«Не двигайтесь, союзники! Ради вашей же безопасности!» Что-то изменилось вокруг них; воздух словно сгустился, потяжелел, стал вязким. Даже поднять руку стало почти невозможно. А

неведомая тяжесть все больше и больше давила на них сверху, хотя воздух оставался абсолютно прозрачным. Краем глаза капитан заметил мгновенную вспышку — Синергайзер поднялся к сводчатому потолку, по всей верхней части зала разлилось бледное сияние, и безумный треск взбесившихся приборов сменился ровным спокойным гулом.

Теперь ватч, не скрывая любопытства, тоже переместился поближе, повис над залом.

Гигантский ватч прямо-таки ходуном ходил от хохота, так он был доволен!..

Глава двенадцатая

— Слушайте же, посланцы ведьм! — читал капитан мысли Чила. — Вы и ваши помощники выполнили свое предназначение — и теперь вам никогда не выбраться отсюда! Синергайзер вернулся на прежнее место, а нури вновь принадлежат нам! Манарет снова стал кораблем, предназначенным для завоеваний! Он оснащен таким оружием, какого ваша Вселенная никогда не видела и не знала. Моандер не был посвящен в эту тайну. Только Синергайзер может воспользоваться им.

Но мы вовсе не намерены переносить Манарет обратно в свое измерение. Мы великое племя завоевателей — таков наш удел! — так что мы взяли на вооружение основные пункты плана Моандера, рассчитанного на завоевание вашего мира. И в данный момент нури как раз заняты войной с планетой Каррес, которая отбила их первую атаку, и они вынуждены были вернуться сюда, к погасшим солнцам. Однако Манарет намерен собрать всех своих нури вокруг Карреса и уничтожить его. И тогда...

Это была даже не мысль — скорее, мгновенный

импульс. Капитан «защелкнул» телепатический замок, и мысленная связь с Чилом исчезла, словно ее обрубили. Что еще хотел сообщить им принц, теперь уже не имело никакого значения. Нужно было немедленно что-то предпринять. Капитан не сомневался, что парализующая тяжесть, сковавшая их, в итоге принесет смерть.

— Я ЭТО ПРЕДВИДЕЛ! — голос ватча прямо-таки вибрировал от удовольствия. — АХ, КАКОЙ УМНИЦА ЭТОТ ПРИНЦ ВЕЛИКОГО НАРОДА ЛИРД-ХАРЬЕР! КАКОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХОД ОН ТОЛЬКО ЧТО СДЕЛАЛ, ПОИСТИНЕ РЕШАЮЩИЙ ХОД!.. НУ, ЧТО ТЕПЕРЬ, ЧЕЛОВЕЧЕК?

Капитан постарался как можно точнее представить себе сетку звездной карты — видимо, это была клатха-карта, а маленькая точка на ней изображала обитаемую планету Эмрис, находившуюся у северных границ Чаладура. Другая такая же точка обнаружилась примерно в двух часах полета от Эмрис. Он мысленно воспроизвел «Удачу» целиком, затем ходовую рубку. Это было уже значительно легче.

А затем мысленно представил себе Гот и Ливит. У него уже не хватило сил повернуть голову, чтобы взглянуть на ватча, на бешеные, чудовищные потоки энергии, стремительно несущиеся

внутри него, но это и не нужно: прищуренные зеленые глаза пристально следили за ним из переливающейся черноты. В ушах вновь загремел голос ватча:

— ОТЛИЧНО ПРОДЕЛАНО, ЧЕЛОВЕЧЕК! ТЫ ПРОСТО ПРЕВОСХОДНО ИСПОЛНИЛ СВОЮ ПАРТИЮ, НО НИ ОДИН ИГРОК НЕ МОЖЕТ БОРОТЬСЯ ВЕЧНО. А СЕЙЧАС ТЕБЯ ЗДОРОВО ПРОВЕЛИ, И СКОРО МЫ УВИДИМ КОНЕЦ ИГРЫ!

Интересно, какого размера должен быть клатха-крюк, осторожно подумал капитан, чтобы зацепить гигантского ватча? Ватч вдруг взвыл от ужаса. И в его черном нутре закрутились чудовищные вихри.

Тут одного крюка мало, решил капитан, нужно три, даже четыре! Гигантские линии мощнейших силовых полей обхватили черную гору, точно клещами.

Капитан снова представил себе все три подготовленных им энергетических петли и перевел взгляд на ватча. Наверное, этой клатхи нам хватит, подумал он и отдал приказ: «Сведи все три воедино!»

— А-А-А-АХ!

Крутящаяся грозовая туча клатха-энергии как бы вылетела из ватча, мгновение повисела возле

него и исчезла. И тут же исчезли две ведьмочки, стоявшие справа от капитана.

Так, хорошо. Теперь займемся Манаретом, этим гигантским скопищем зла... Он нам здесь не нужен!

Черные шаровые молнии, извлеченные им из грозовой тучи, обрушились на Манарет. Ватч что-то в ужасе вопил. Корабль-планета задрожал, завибрировал и стал вращаться, как бы размазываясь по пространству и удаляясь от капитана — перетекая в нечто, чему нет названия. Капитан успел увидеть это лишь мельком, частично (там крутились жуткие вихри энергии, занимавшие, казалось, все пространство вокруг), но он хорошо помнил ту картину, которую ему когда-то мысленно рисовал Чил — страшный хаос, находящийся словно между различными измерениями, — и понимал, что Синергайзер выбрал единственный путь, оставшийся свободным, чтобы спасти Манарет от чудовищного внутреннего взрыва, которым угрожала ему энергия ватча. Еще мгновение — и Мир Червей снова канул в хаос, из которого возник несколько столетий назад. Манарет исчез!

А капитан обнаружил, что куда-то плывет, окруженный бесформенной серой массой или

облаком — видимо, некоей субстанцией ватча, — что казалось ему почему-то вполне естественным. Сам ватч тоже был рядом, но не потому, что хотел этого, а потому, что его по-прежнему прочно удерживали клатха-крюки. Теперь он значительно уменьшился в размерах. Более половины его энергетической массы исчезло, она была истрачена на разрушение Манарета. Капитан отметил, что прищуренные зеленые глаза ватча теперь смотрят на него со страхом.

— ЧУДОВИЩЕ! — причитал ватч дрожащим голосом, в котором, правда, еще звучали отголоски былой мощи. — ОТПУСТИ МЕНЯ! АХ, КАКОЙ УЖАСНЫЙ СОН! РАЗБУДИ МЕНЯ!

— Сделаешь еще одно дело, — сказал капитан, — и можешь лететь, куда угодно. Кстати, вполне возможно, что за это время тебе удастся вновь обрести то, что ты потерял.

— КАКОЕ ЖЕ ДЕЛО?

— Верни меня на мой корабль!

Не успел он отдать этот приказ, как с громким стуком шлепнулся на пол посреди ходовой рубки «Удачи».

— Капитан! — раздался рядом с ним голос Гот.

Откуда-то издалека послышались радостные вопли Ливит, топот ее ног, и раскатистый бас

снова проныл:

— ЧУДОВИЩЕ! ТЫ ЖЕ ОБЕЩАЛ...

Капитан с трудом сел и, едва дождавшись, когда стены перестанут плясать перед глазами, освободил ватча от клатха-крюков. За стенами корабля послышались дикие завывания, которые быстро удалялись и вскоре смолкли.

Когда он наконец с помощью Гот сумел подняться на ноги, появилась Ливит, а за ней в дверях возникли Гулик до Эдель и Веццарн. Все они дружно уставились на него, ожидая объяснений.

— Все в порядке! — сказал он, предупреждая вопросы, на которые пока отвечать не хотел. — Дело было непростое, но теперь, мне кажется, можно и расслабиться... Давайте-ка сперва определим свое местонахождение. Должно быть, мы где-то к северу от Чаладура...

— К северу от Чаладура?.. — дружно воскликнули изумленные Веццарн и Гулик.

— Ну да, примерно в двух часах лета от Эмриса. — Капитан сел в кресло у пульта управления и переключил экраны на дальний обзор. Из черноты выступили звезды, близкие и далекие. Он включил масс-детекторы, и тут же на экранах замерцали сигналы — космические корабли, находившиеся в радиусе дальности детекторов. Это

был район, чрезвычайно насыщенный космическим транспортом. — Веццарн, постарайтесь побыстрее отыскать какие-нибудь маяки! Мне нужно определиться поточнее!

Старый космический волк поспешил к приборам, Гулик последовала за ним. Капитан врубил силовую установку и тяговые двигатели, которые тут же ответили мощным ревом, и «Удача» рванулась вперед.

Прежде чем их покинуть, ватч, видимо, втянул в себя и ту искру энергии, что висела в машинном отделении и блокировала тягу...

— А что с Миром Червей? — требовательным шепотом осведомилась Гот. Ливит втиснулась между нею и креслом, и обе напряженно ждали ответа.

— Фьють! — присвистнул капитан. Глаза Ливит засияли.

Капитан быстро глянул на ведьмочек:

— Помните номер, который нужно вызвать, чтобы связаться с Эмрисом? — тихо спросил он.

— Конечно! — ответила Гот.

— Попытайтесь связаться с ними, как только мы определимся...

Две минуты спустя они уже говорили с Толл, что показалось капитану чрезвычайно стран-

ным. Особенно то, что разговор велся без помощи каких-либо ведьминских ухищрений, а просто через коммуникатор. Гулик и Веццарн быстренько убрались в пассажирский отсек, стоило капитану сообщить им, что сейчас он будет обсуждать с ведьмами карресские дела. Разговор был коротким. Толл прибыла на Эмрис на вжжик-тяге из района мертвых солнц. Каррес все еще продолжал сражаться с нури, но ведьмы явно одерживали победу; они уже поняли, что с Манаретом, базой нури, что-то произошло, но не знали, что именно.

Капитан рассказал, как сумел. Глаза Толл сияли в точности, как у маленькой Ливит; она даже послала капитану воздушный поцелуй.

— Теперь слушайте, — сказала она. — В последнее время вокруг нашей «Удачи» скопилось столько клатха-энергии, сколько не бывает и вокруг всего Карреса. Так что лучше дать кораблю немного остыть... Мы, конечно, хотели бы увидеть вас как можно скорее, но прошу вас не пользоваться вжжик-тягой, чтобы добраться сюда. Ничего не предпринимайте, просто следуйте прежним курсом... Капитан, примерно через час два эскортных корабля встретят вас и приведут на посадку. Дети, мы ждем нас на личном кос-

модроме губернатора Грин-Гален. И кстати: не забудьте рассказать капитану, как на Эмрисе все обставлено... А теперь пора кончать разговор, пока кто-нибудь его не подслушал!..

Капитан отключил коммуникатор и повернулся к Гот и Ливит.

— Мне кажется, — сказал он, — что надо бы проверить, как там Олими. Давайте сперва на него посмотрим, а потом вы расскажете мне про Эмрис.

Олими пребывал все в той же позе. На него, видимо, совершенно не повлияли происходившие вокруг события. Возвращаясь в рубку, они зашли к Гулик и Веццарну и сообщили, что корабль часа через два сядет на Эмрисе.

Корабли эскорта, встретившие их через час, оказались патрульными судами военно-космического флота планеты Эмрис. Капитана это ничуть не удивило. Из того, что сообщили ему Гот и Ливит, он заключил, что ведьмы Карреса пребывают в прекрасных отношениях с властями этой планеты; а губернатор Грин-Гален — старинный друг родителей маленьких ведьмочек. Патрульные корабли кратчайшим путем провели «Удачу» к месту назначения, достигли атмосферы и замедлили ход. Внизу виднелся огромный город,

раскинувшийся на склонах холмов. Капитан выровнял «Удачу», следуя за военными судами по направлению к небольшому космопорту, окруженному потрясающе красивыми зданиями цвета слоновой кости.

— Ну, надо думать, места нам хватит!

— Еще бы! — подтвердила Ливит.

— Наши тесты, — говорил Требус, — полностью подтвердили первоначальные выводы. Разумеется, как я уже сказал, они демонстрируют только нынешний уровень твоих возможностей по управлению клатхой. И мы ни в коей мере не можем пока предугадать, на что ты будешь способен через полгода или год.

— Понимаю, — кивнул капитан.

— Я, конечно, еще раз все проверю, чтобы быть в полной уверенности. И после подведения окончательных итогов сообщу тебе.

Капитан рассматривал своего двоюродного деда. Требусу, должно быть, уже за шестьдесят, если вспомнить семейные предания, думал капитан, однако ему нельзя дать больше сорока, и он в отличной форме. Видимо, это тоже результат воздействия клатхи. Еще во время своего первого визита на Каррес капитан несколько раз сталкивался с Требусом и даже беседовал с ним, не

подозревая, что этот приветливый бородатый человек, отец Гот и ее сестер, приходится ему двоюродным дедом, который давно уже числится пропавшим без вести. С тех пор Требус успел расстаться со своей бородой, и теперь капитан сам мог убедиться, что между ним и Требусом есть несомненное сходство.

Прошло уже три дня с тех пор, как «Удача» села на Эмрис. Прошлой ночью Требус предложил Посерту отправиться в космическое пространство и проверить, как капитан справляется со стандартными клатха-тестами — такие тесты предлагаются ведьмам на разных этапах их развития и совершенствования. В космос же нужно было выбраться потому, что, как знал теперь и сам капитан, любые виды работы с клатха-энергией оказывают слишком сильное воздействие на окружающих.

— Я получил кое-какие весьма позитивные показатели, — сообщил Требус, — хотя в целом они мало влияют на то, что мы уже знаем. Тебе хорошо удаются клатха-замки. Ценное качество при некоторых обстоятельствах. Теоретически, ты можешь заблокировать свой разум от любого, кто хочет прочесть твои мысли. Кроме того, ты, безусловно, являешься повелителем ватчей.

Тоже, кстати, природный дар, хотя и редко встречающийся. При сложившихся чрезвычайных обстоятельствах ты, видимо, развил эту свою способность почти до предела, причем за очень короткое время. Настоящее достижение в плане управления клатхой, друг мой!

Однако, способность управлять ватчами имеет достаточно ограниченное применение, поскольку всегда существует риск столкнуться с таким ватчем, которым управлять невозможно. Так что эту способность лучше всего держать про запас, только для чрезвычайных ситуаций.

— Откровенно говоря, — заметил капитан, — я был бы просто счастлив никогда больше не встречаться ни с одним ватчем!

— Что ж, вполне понятное желание!

Требус отключил автоматическое управление и развернул корабль в сторону Эмриса.

— Пора возвращаться, — сказал он. — Я случайно узнал от Гот, что вы еще не решили, куда теперь отправится «Удача»?

Капитан быстро на него посмотрел. Впервые кто-то из родителей Гот давал ему понять, что они ничего не имеют против дальнейших странствий Гот в его обществе.

— Нет, не решили, — ответил он. — Полет

сквозь Чаладур принес нам немалый доход, так что мы можем и подождать, пока не подвернется что-нибудь подходящее. — Он смущенно покашлял и признался: — Если честно, мне все время хотелось узнать, что вы с Толл думаете по поводу решения Гот и впредь путешествовать со мной.

— Мы не возражаем, — сказал Требус. — По крайней мере, по двум основным причинам, не говоря уже о твоих чисто человеческих качествах. Во-первых, теперь уже чрезвычайно трудно удержать Гот от того, чего она действительно хочет.

— Да, — кивнул капитан. — Это я понимаю. А во-вторых?

— А во-вторых, — продолжал Требус, — лучшие наши предсказатели пришли к единодушному мнению, что в настоящее время Гот вряд ли может выбрать для себя более благоприятный путь, нежели оставаться в твоем обществе.

— В настоящее время? — переспросил капитан.

— Скажем, примерно год. Более точно они сказать не могут. Всегда сложно определить чью-то конкретную судьбу на длительный период времени, особенно если данная личность тесно связана с клатхой.

— Да, я понимаю, — снова кивнул капитан.

— Нет, ты не все понимаешь, Посерт! Не до

конца. И я хочу быть с тобой совершенно откровенным. То, что Гот сейчас проявляет такой интерес к тебе, очень хорошо для нее. В этом мы уверены, хотя понятия не имеем, какую роль это сыграет в ее развитии и в какой степени повлияет на ее будущее. Однако это не значит, что подобное хорошо и для тебя! Твое будущее — даже на ближайшие несколько месяцев — представляется совершенно неясным из-за воздействия неизвестных факторов. Я вовсе не хочу сказать, что Гот принесет тебе беду или несчастье. Но может случиться и так.

— Ну что ж, я готов рискнуть! — с облегчением вздохнул капитан.

— И каковы же твои планы?

— Вчера мы распродали остатки груза, доставленного «Удачей» с Ульдуны, а ремонт внутренних помещений корабля будет завершен дня через четыре. Поскольку мое присутствие в Грин-Галене создает для вас проблемы, мне кажется, нам следовало бы совершить перелет к другой обитаемой планете, где можно получить выгодный коммерческий заказ. И пока я не перестану создавать для вас проблемы, мне, по-видимому, лучше держаться подальше от Карреса. И от любого другого места, где обитают

и действуют ведьмы.

Требус задумчиво потер щеку, поскреб подбородок и сказал:

— Есть обитаемая планета под названием Каррес, однако Каррес — это не название целого мира. И не только Каррес объединяет нас... Видимо, наиболее точным по сути было бы следующее определение: Каррес — это некий свод правил или, скорее, состояние ума и души... Дело тут вовсе не в магическом искусстве, это только инструмент. Есть и другие инструменты. И когда ты находишься далеко от планеты, это вовсе не означает, что ты отделился от самого Карреса, стал ему чужим. Оставаться ли членом этого сообщества или нет — зависит исключительно от твоего собственного решения.

Капитан задумался.

— Так чего же вы от меня хотите? — наконец спросил он.

— Как я уже говорил, основной вопрос в том, чего хочешь ты сам, — ответил Требус. — Однако я могу предложить тебе несколько вариантов. У тебя превосходный торговый корабль, пригодный для перевозки и грузов, и пассажиров. Его можно использовать для любых целей. Если бы вы с Гот для пробы начали работать во владениях

Регентства Хайли, то практически сразу получили бы выгодные предложения на перевозку обычных грузов. А затем стали бы поступать и просьбы по поводу доставки и других, несколько необычных или нестандартных грузов, которые не должны привлекать чужого внимания.

— Значит, «Удача» будет выполнять заказы Карреса? — осведомился капитан.

— Точнее, заказы императрицы Хайли. Впрочем, они будут являться и заказами Карреса. Ты станешь специальным курьером, хранителем Печати Хайли. Конечно, внутренние проблемы Империи — это чудовищный узел политических интриг, так что тебе придется держать ухо востро...

— Ну, это ясно. Кстати, я пока что не хотел бы связываться с Империей, — заметил капитан. — Слишком многие знают, что на «Удаче» есть некая особая тяга, за которой стоит поохотиться. То, что мы изменили название корабля и взяли себе другие имена, мало кого ввело в заблуждение.

— Ничего, вскоре эта проблема исчезнет. Мы сообщим, что обладаем некоей особой тягой, и расскажем, что она из себя представляет. Одновременно все узнают, что именно благодаря нам — то есть Карресу — можно забыть о Червивой По-

годе. Ну, внучатый племянничек, что скажешь?

— Я полагаю, что императрица уже получила нового курьера для особых поручений.

Будущее «Удачи» и ее экипажа наконец определилось, и был назначен срок отлета — как можно скорее, чтобы наконец освободить ведьм, сохранявших, правда, прежнее терпение и дружелюбие, от мучительного для многих из них воздействия клатхи, которой обладал капитан Посерт.

Однажды, проходя через холл в отеле главного космопорта Провинции, куда «Удача» была переведена после завершения ремонта, капитан вдруг увидел, что навстречу ему устремилась Гулик до Эдель, по прежнему стройная и элегантная. Они зашли в бар, выпили, вспоминая былые приключения, и Гулик сообщила Посерту, что никак не решит, что ей делать дальше. Затем она осведомилась о Веццарне, и капитан ответил, что с ним он полностью расплатился, прибавив премию за рискованный рейс, однако Веццарн, похоже, не хочет покидать «Удачу», что капитана несколько удивило после всех пережитых ими в прошлом полете опасностей.

— Да, рейс был весьма необычный, — согласилась с ним Гулик. — Но вы все же привели нас к

месту назначения! Как вам это удалось, я, видимо, никогда не пойму. — Она с минуту задумчиво смотрела на него. — Вы же утверждали, что не имеете к ведьмам прямого отношения!

— Я и в самом деле прямого отношения к ним не имею, — ответил капитан.

— Вполне возможно, но Веццарн тем не менее уверен, что на такого капитана-волшебника, как вы, в любых обстоятельствах можно полностью положиться! Знаете что, если вы соберетесь в какой-нибудь очередной интересный полет, пусть даже очень рискованный, обязательно дайте мне знать, хорошо?

Капитан поблагодарил ее за теплые слова, сказав, что пока не планирует никуда улетать отсюда, и они расстались.

«Удача» взлетела строго по графику. Первые шесть часов полета прошли без каких-либо происшествий. Но потом...

— Тут кое-кто желает с вами встретиться, капитан, — лаконично сообщила ему по интеркому Гот. — Сейчас они к вам придут!

— Хорошо... А что такое?

Но интерком уже отключился. Посерт вскочил и направился было к двери, но тут в рубку вошли Веццарн и Гулик до Эдель. Оба смущенно улыба-

лись. Капитан сердито подбоченился:

— Что это вы делаете у меня на корабле? — осведомился он сквозь зубы.

— Ну все, на части разорвет! — испуганно пробормотал Веццарн. — Вы лучше сами ему скажите, госпожа до Эдель.

— Можно я все объясню, капитан? — спросила Гулик.

— Говорите!

— Мы опытные агенты, капитан. И мы провели кое-какие расследования, которые привели нас к мысли о том, что в делах, которые заставляют вас лететь в Империю, было бы весьма полезно участие двух собственных — лично ваших — тайных агентов. Да и в полете мы могли бы оказаться вам полезны — в качестве членов экипажа.

Капитан обещал подумать, и они покинули рубку. Услышав, что дверь за ними закрылась, капитан вызвал Гот по интеркому, однако она возникла мгновенно — сидела на кушетке, видимо, подслушивая и заодно упражняясь в изменении собственной формы.

— А ведь они вполне могут нам пригодиться, как ты думаешь?

— Вполне, — ответила Гот. — Они теперь за тебя в огонь и в воду. — Она задумчиво почесала

кончик носа. — А кроме того...

— Что — кроме того?

— У меня был серьезный разговор с Малин... Она сейчас работает с одним предсказателем...

— И что?

— Ну и они не смогли определить твое будущее на длительный срок. Но сумели выяснить, что тебе предстоят крупные дела и, возможно, довольно рискованные.

— Так! — сказал капитан, разводя руками. — У меня такое впечатление, что нам суждены исключительно такие дела, которые оказываются «довольно рискованными».

— Пожалуй. Только не стоит по этому поводу особо расстраиваться. Кончается-то все хорошо! Так вот, по мнению предсказателей, ты сперва должен будешь обзавестись собственной бандой.

— Бандой?

— Ну да, верным людьми. И это случится очень скоро! Потрясенный капитан некоторое время молчал.

— Ты хочешь сказать, что благодаря моему влиянию Гулик и Веццарн спрятались на корабле?

— Вполне возможно.

Капитан просто не знал, что на это ответить. Впрочем, он уже сам начинал все понимать...

— А это еще что такое?!

Отдаленный странный гул приближался к ним с невероятной быстротой. Гот нервно облизнула губы.

— Это гудит Путь Эггера! — сказала она. — Интересно...

Гудение продолжало нарастать, потом совершенно оглушило их и вдруг смолкло.

На полу, свернувшись калачиком и закрыв глаза, лежала Ливит. Капитан быстро подхватил ее, оглядываясь по сторонам в поисках одеял, но Гот успела крикнуть:

— Поздно! Она уже приходит в себя! Впрочем, сейчас это будет не такой сильный приступ.

Капитан покрепче прижал девочку к себе. Действительно, по сравнению с прошлым разом, приступ был относительно легкий Секунд десять ему казалось, что он прижимает к себе небольшой паровоз, ни что бы то ни стало желавший вырваться. Шума тоже хватало... Потом все стихло, и Ливит повернула голову, чтобы посмотреть, кто это ее держит

— Опять ты! — сердито рявкнула она. — Ты зачем это сделал?

— Да нет, это вовсе не я! — с трудом переводя дыхание, ответил капитан и поставил Ливит на

ноги. — Мы вовсе...

Из-за переборки зазвучал вызов коммуникатора.

— Это, наверное, Толл! — Гот бросилась к передатчику. Это действительно была Толл.

Полчаса спустя капитан снова сидел в рубке, но уже в одиночестве и задумчиво подперев щеку кулаком.

Дело было в том, что Ливит решила лететь с ними. Никто ее на сей раз на борт «Удачи» специально не пересылал, и ведьмы полагали, что она сделала это сама. Видимо, происходящее имело какую-то определенную цель... Решено было не вмешиваться в развитие событий, пока ситуация не прояснится сама собой.

Что ж, коли связался с ведьмами, еще и не такое может случиться, лениво думал капитан... Вдруг он вздрогнул и моментально насторожился. Волосы на затылке зашевелились.

Ну что можно сказать, когда, например, «видишь» звон колокольчика или «осязаешь» запах духов? Да, ватчи действительно бывают разные... Этот отнюдь не выглядел гигантским. Теперь капитан отлично его релировал, чувствуя, как вьется над ним черная энергетическая клякса размером не больше пальца. Совсем маленький

ватч — но все-таки ватч!

Ватч завис над панелью приборов и принялся изучать капитана веселыми серебристыми глазками-щелочками.

— Не вздумай тут что-нибудь натворить! — предупредил его капитан.

— И не собираюсь даже! — хихикнул ватч. — И в мыслях не держу, о, мой великий и дивный сон! — Он взлетел вдоль стены рубки к потолку и исчез.

Интересно, куда это он отправился? — подумал капитан. Больше он ватча не релировал, а потому вылез из кресла и остановился в нерешительности... И вдруг из коридора, ведущего в пассажирский отсек, донеслась какофония самых различных воплей: испуганный голос Веццарна, яростные крики Ливит...

Включился интерком.

— Капитан, — донесся из него голос Гот, — идика скорей сюда! — Она прямо-таки давилась от смеха.

— В чем дело? — спросил капитан, чувствуя, как спадает чудовищное напряжение.

— Да тут всякие неприятности с маленьким ватчем... Ой! Скорей! Мы без тебя с ним не справимся! — И интерком отключился.

— Так, — пробормотал капитан, спеша на помощь, — значит, опять начинается!..

Перевод с английского Ирины Тогоевой

Мы не хотим проблем

Перевод с англ. Ю. Беловой

— Ну, это ведь будет не очень длинное интервью, правда? спросила профессора его жена. Вернувшись после беготни по магазинам, она нашла мужа вперившим неподвижный взгляд в окно гостиной. — Я думала, мы будем ужинать не раньше девяти, — сказала она, поставив пакеты на кушетку. — Но я сейчас пойду готовить.

— Не торопись с ужином, — ответил профессор, не поворачивая головы. — Я не думаю, что мы покончим с этим до восьми.

Профессор заложил руки за спину и стал медленно раскачиваться с пятки на носок, продолжая смотреть на улицу. Это была его любимая поза, и жена никогда не могла понять, то ли это означало глубокое раздумье, то ли просто сны наяву. Теперь она с тревогой понимала, что он полностью погрузился в свои мысли. Она сняла шляпку.

* Из св. "Assiqnment in Tomorrow" NY 1954 0,4 листа.

— Я думаю, ты и вправду мог назвать это "интервью", — с неловкостью проговорила она. — Я

хочу сказать, ты ведь действительно говорил с этим, верно?

— Да, мы говорили, — кивнул он. — Во всяком случае, некоторые.

— Представить себе беседу с чем-нибудь таким... Она действительно из другого мира, Клайв? — Она нервно засмеялась, глядя ему в затылок испуганными глазами. — Ты, конечно, не нарушал правила безопасности? Ты можешь что-нибудь рассказать об этом...

Профессор пожал плечами и повернулся.

— Все это будет в последних новостях в шесть часов. Через десять минут. Где бы ни был на земле радиоприемник или телевизор, все услышат о том, что мы обнаружили. Возможно, узнают не все, но почти все.

— О-о-о? — удивленно протянула она слабым голосом. Некоторое время она молча смотрела на него, и глаза ее стали еще испуганнее: — Зачем было это делать?

— Н-да, — произнес профессор, — пожалуй, это необходимо сделать. Это лучше всего. Само собой, возможна паника...

Он вновь повернулся к окну и пристально посмотрел на улицу, как будто там было что-то, заслуживающее его внимания. Он казался по-

груженным в свои мысли. Но потом ей пришло в голову более подходящее: "смиренный".

— Клайв, — спросила она уже совсем испуганно. — Что случилось?

Профессор уставился на нее отсутствующим взором, потом подошел к радиоприемнику, фоновой шум начал ослабевать, когда он неторопливо настраивал приемник. Но диапазон шумов не особенно менялся.

— Думаю, они чистят сеть, — отметил он.

Фраза повторилась в сознании его жены, сначала без всякого смысла.

Но потом смысл дошел до нее, стал расти, разбухать, пока она не почувствовала, что ее голова разрывается. Они очищают эфир. По всему миру в этот вечер очищают эфир. До той минуты, пока в шесть не начнутся последние известия.

— Что касается случившегося, — услышала она голос мужа, то это трудно понять и объяснить. Даже теперь. Это потрясает... — он перебил себя. — Ты помнишь Милта Колдвелла, дорогая?

— Милта Колдвелла? — Она порылась в памяти. — Не помню, призналась она, качая головой.

— Достаточно известный антрополог, — с легким, упреком сообщил ей профессор. — Милт погиб года два назад где-то в центре австралий-

ских пустынь. Только вот нам сказали, что он не погиб. Они забрали его...

— Они7 — переспросила его жена. — Ты хочешь сказать, их больше одного?

— Да, их должно быть больше, ведь верно? — рассудительно сказал он. — Во всяком случае, это объясняет, как они выучили английский. Это гораздо логичнее, — добавил он, — когда так говорится. Без семи шесть...

— Что? — переспросила она.

— Без семи шесть, — повторил профессор. — Сядь, родная. Я думаю, что смогу за семь минут в общих чертах рассказать, что случилось.

Пришелец из другого мира сидел в клетке, его большие серые руки слабо сжимали решетку. Эта поза и жест, который профессор отметил минуты через две после того, как вошел в комнату вместе с другими дюдьми, чем-то напоминал массивную обезьяну. На основании первого описания репортеры окрестили существо "Жабой с Марса" — отвислые формы и свисающая, покрытая наростами шкура подсказывала такую идентификацию, однако круглая ороговевшая голова вполне могла бы принадлежать ящерице.

С зоологической точки зрения это был совершенно новый вид, и профессор мысленно

отметил несоответствие его физических деталей. Правда, нечто подобное могло бы эволюционировать на Земле, будь Земля предназначена для дальнейшего развития крупных амфибий в каменноугольный период.

Существо владело человеческой речью, хотя это и казалось им немыслимым.

Оно заговорило, как только они вошли.

— Что вы хотите знать? — спросило оно.

Ороговевшие, зубастые челюсти задвигались, и сразу стал виден широкий желтый язык. Голос у существа был хриплым и каким-то ненастоящим.

Хотя люди знали, что существо умеет говорить, они несколько секунд пребывали в состоянии шока. Потом, после некоторого колебания, стали задавать вопросы.

Наблюдая за ними, профессор держался в глубине комнаты. Какое-то время вопросы и ответы, которые он выслушивал, казалось, не несли никакого смысла. Внезапно он понял, что его сознание было затуманено тяжелым и холодным физическим ужасом из-за присутствия этого гнусного существа. Он сказал себе, что страх в такой ситуации не был совсем уже иррациональным чувством, и осознание этого, казалось, несколько

проясняет ситуацию.

Но все же картина оставалась какой-то нереальной, как плохо освещенная сцена, на которой лишь чудовище в блестящей стальной клетке виделось ясно и четко, в то время как люди, без устали бегавшие на заднем плане, были поглощены тьмой.

— Не позволю! — сказал он себе, недовольный, что испытывает страх. — Я здесь для того, чтобы наблюдать и делать выводы. Меня избрали как человека, который может действовать разумно.

Профессор отвернулся от клетки и от того, что в ней находилось, и посмотрел на людей, которым его только что представили. Молодой настороженный майор разведки, участвовавший в расследовании, генерал с сонными глазами, хорошенькая женщина-капитан, занимающаяся стенографированием, — майор представил ее как свою невесту. Ученые по большей части напоминали энергичных деловых руководителей, а два представителя правительства казались маститыми профессорами.

Профессор заулыбался. Люди были реальны. Реальный нечеловеческий мир. Он вновь обратил внимание на чудовище.

— Почему же я должен возражать? — в стран-

ном голосе слышался оттенок насмешки. — Вы поймали меня, как дикое животное! Вы даже не сказали, какие средства использовали против меня. Возможно, вы злоупотребили ими, а?

Существо, поворачивая голову, смотрело на них блестящими черными глазами, и его рот, казалось, ухмылялся. Улыбка казалась бессмысленной. Собственно, это была не ухмылка, просто так складывались безгубые челюсти чудовища, когда рот был закрыт. Однако это создавало выражение удовлетворенной злобы, которую профессор чувствовал и в голосе, и в словах. Но голос абсолютно не подходил к этому грубому животному.

Профессора вновь охватил страх, его даже затрясло. Он вдруг понял, что, если это существо посмотрит на него, он закричит.

Мужчина у клетки что-то говорил тихим и ровным голосом. Женщина-капитан углубилась в стенографию, ее рука скользила по страницам, а белокурая головка склонилась на одну сторону. Она была бледной, но сосредоточенной на своей работе. Профессор почувствовал горькую зависть к их мужеству и самообладанию. "Да они же нечувствительны, — говорил он себе, они не знают природы и ее законов. Они не понимают, как

я это понимаю. До чего же все это неправильно".

Существо повернулось, и черные глаза посмотрели прямо на него.

В это мгновение сознание профессора переполнилось безотчетным ужасом. Он не двигался, но понимал, что не падает в обморок только из-за страха показаться смешным перед этими людьми и особенно перед молодой женщиной. Потом он услышал голос офицера разведки, чудовище неторопливо отвело взгляд от профессора, и наваждение кончилось.

— Вы утверждаете, — говорило существо майору, — что можете заставить меня рассуждать о тех проблемах, которые я не считаю нужным освещать. Но вы ошибаетесь. Наши тела не реагируют на ваши наркотики.

— Они будут реагировать на боль, — зло выкрикнул майор высоким голосом.

Потрясенный этими словами, профессор наконец понял, что не только в нем пробудились примитивные, иррациональные страхи. После угрозы майора люди тревожно зашевелились, но не протестовали.

Существо молча смотрело на майора.

— Это тело почувствует боль только тогда, — сказало оно наконец, — когда я сочту это нуж-

ным. Некоторые из вас знают об эффективности гипнотической блокады. Мой метод основан не на гипнозе, но он гораздо эффективнее. Поэтому я и говорю, что для меня не существует боли, пока я не захочу ее изведать.

— А можешь ты почувствовать, как будут разрушаться ткани твоего тела? — допытывался майор.

Оставаясь на своем месте, девушка быстро взглянула на майора, но профессор не видел выражения ее лица. Остальные не двигались. Существо, все еще изучавшее майора, лишь пожало плечами.

— А знаешь ли ты, что такое смерть? — возбужденно крикнул майор.

Профессора осенило, он понял, почему никто не вмешивается. Каждый по-своему, они чувствовали то же, что и он: здесь происходило нечто настолько странное и необычное, что никакие знания, никакой опыт не могли подсказать людям, как им надлежит действовать в подобной ситуации. Майор все же пытался как-то справиться с проблемой, но делал это крайне неуклюже. Впрочем, в отсутствие других предложений, присутствующие были не в состоянии остановить его.

Чудовище заговорило медленно и ровно:

— Я никогда не приму смерть от ваших рук. Это предупреждение. Больше я не стану отвечать на ваши угрозы и ваши вопросы. Вместо этого я вам скажу, что сейчас произойдет. Я передам моим товарищам, что вы — как я понял — глупы и ограниченны и не способны причинить вред самому ничтожному из нас. Интересы вашей цивилизации довольно примитивны. Но это новинка, на которую многим захочется взглянуть. Мы приедем сюда, и, если нам понравится, мы тут останемся. И попробуйте только надоедать нам — пожалеете!

— Так это будет?! — трясясь, крикнул майор. — Теперь?!

В руке майора появился пистолет, и профессор вздрогнул от грохота выстрела. Вокруг майора завязался клубок борющихся тел, и другой мужской голос хрипло крикнул:

— Ты! Осел! Чертов истерический дурак!

Женщина-капитан схватила блокнот, потом прижала ладони к щекам. Профессор услышал ее крик:

— Джек! Джек! Остановись!.. Не надо!..

Профессор смотрел на существо, которое повалилось на спину.

Его череп был снесен выстрелом, пол клетки был запачкан темно-коричневой жидкостью.

Действия майора бросили профессора в жар и возбудили чувство странного удовлетворения и гордости, как будто он сам убил чудовище.

Профессор был счастлив. Поскольку он стоял в глубине комнаты, он увидел происходящее раньше других.

Один из пентагонцев и два ученых мужа возбужденно бегали вокруг клетки, пялясь на существо. Остальные столпились около стула, на котором удерживали майора. За смущенным лепетом и сердитыми. голосами профессор угадал скрытое радостное облегчение, которое он и сам испытывал.

И тут женщина-капитан встала и стала раздеваться. Она делала это быстро и невозмутимо. В этот момент, в ужасе уставившись на нее, профессор думал о том сумасшествии, которое царило в комнате. Он горячо надеялся, что сможет сдержать это безумие, окутывающее его на веки вечные, как защитное покрывало. Это было слишком ужасно! Со странной, отрешенной любознательностью он удивлялся тому, что здесь случилось за несколько секунд, когда и остальные поняли то, что он уже знал.

Растерянное бормотание группы, удерживающей майора, смолкло. Трое перепуганных мужчин у клетки повернулись к наступившей тишине. Девушка выпрямилась и стояла, с улыбкой глядя на них.

Майор стал отчаянно выкрикивать ее имя. Вновь началась борьба вокруг стула, на котором его удерживали. Рвущийся крик заглох, как будто кто-то зажал майору рот.

— Вас предупреждали, — услыхал профессор чистый голос девушки, — что смерти нет. Для нас нет.

Кто-то в отчаянии выкрикнул вопрос. Профессор похолодел от страха, кровь стучала у него в ушах, и он не понял вопроса. Но понял ответ.

— Конечно, это мог быть любой из вас, — кивнула она. — Но мне понравилось это тело.

Раздался еще один выстрел.

Профессор выключил радио. Некоторое время он вглядывался в даль за окном.

— Ну вот, теперь они знают! — произнес он. — Теперь мир знает об этом. А верят они или нет... В любом случае... его голос прервался.

Гостиная погружалась во тьму, и он хотел было включить свет, но передумал. Вечерний сумрак создавал иллюзию безопасности.

Профессор взглянул на невыразительное в темноте лицо жены, казавшееся бледным овалом.

— Конечно, если их не очень много, — пояснил он, — это не так уж и страшно. Правда, мы не знаем, сколько их в действительности. Может быть, миллионы. Но если люди постараются не создавать для них неудобств... Пришельцы не хотят проблем.

На мгновение он умолк. О смерти молодого майора в передаче не упоминалось. Учитывая происходящее, это событие было не таким уж значительным и было официально зарегистрировано как самоубийство. Но на самом деле майору удалось вырвать пистолет у одного из держащих его мужчин, и тогда другой застрелил его, не дожидаясь того, как майор применит оружие.

Как ни крути, но разумные люди должны стараться предотвращать столкновения с пришельцами.

Неожиданно профессор почувствовал, что его лицо перекосилось от гримасы ужаса.

— Но мы не можем быть уверены, — услышал он собственный голос, говорящий в тихую ночь, — что им не понравятся только наши тела.